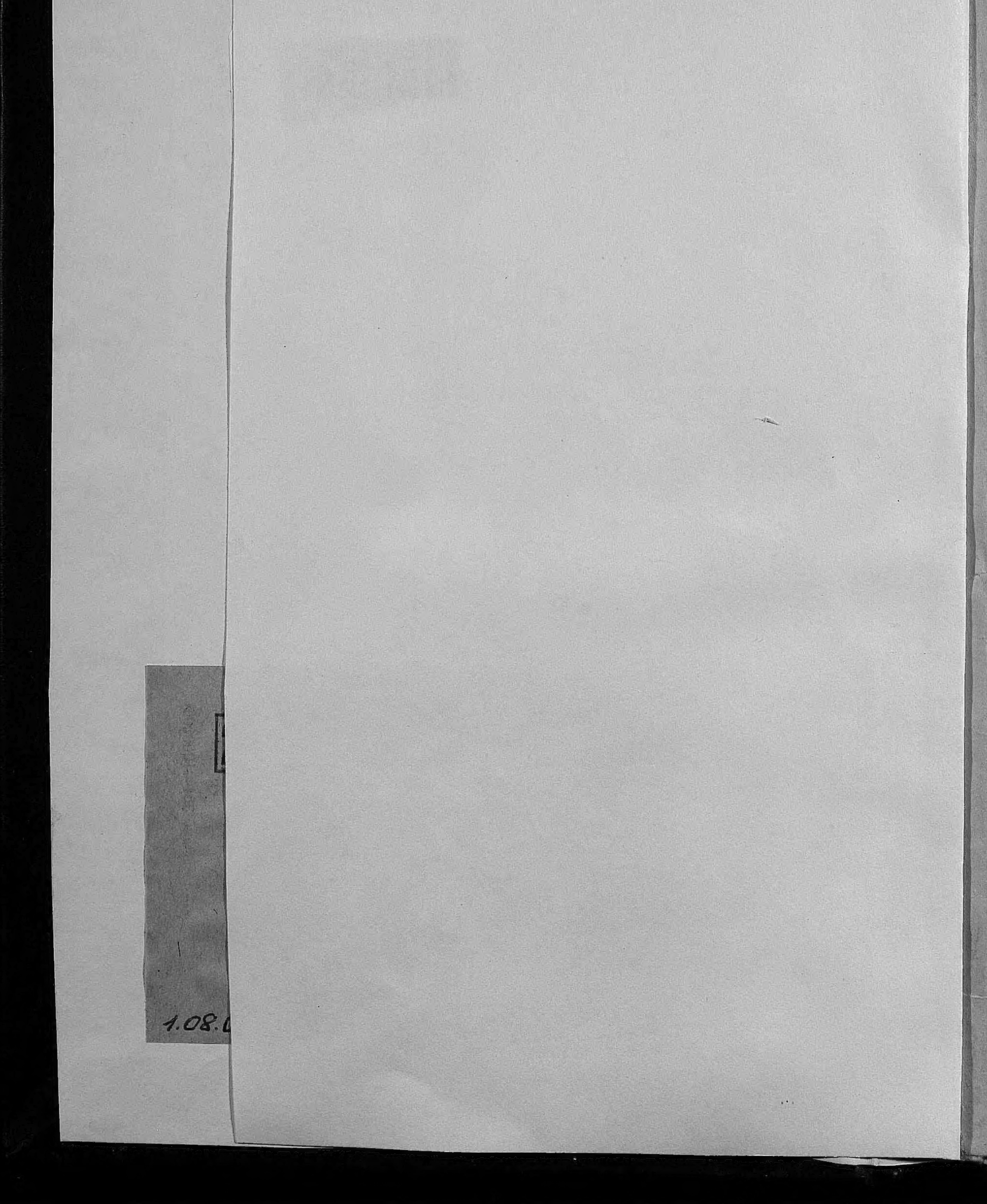
СКАЗКИ
КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

NLRK 00225435

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

СКАЗКИ КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

ТОМ
I

Под общей редакцией
проф. М. К. Азадовского, проф. Б. А. Ларина, акад. И. И. Мещанинова
А. А. Прокофьева, *А. П. Чапыгина*

КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК
1939

СКАЗКИ М.М.КОРГУЕВА

КНИГА ПЕРВАЯ

Записи, вступительная статья и комментарии
А. Н. Нечаева
Предисловие М. К. Азадовского

КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК
1939

Ответственный редактор
проф. *Б. А. Ларин*

Технический редактор и корректор
Б. Я. Бибер-Сендер

Художник-редактор *Н. Ф. Лапшин*

Переплет, форзац, титула, заставки, концовки и инициалы — работы художника *М. И. Разулевича*

Сдано в набор 11 октября 1938 г. — Подписано к печати 30 января 1939 г. — Формат бум. 62 X 94 1/16. — Вишерская писчебумажная фабрика—45,25 печ. л.—41.30 уч.-авт. л. — 36816 тип. зн. в печ. л. — Тираж 10.000. — Уполн. Карельского Главлита № В-16. — Заказ № 1592

Набрано и отпечатано в типо-литографии Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Великую Сталинскую эпоху народное творчество достигло необычайного развития. Все народы Советского Союза создают все новые и новые ценности в области материальной и духовной культуры. Исключительный подъем благосостояния и радостная, счастливая жизнь советского народа находят яркое отображение в произведениях народно-словесного искусства и объясняют развитие подлинного народно-поэтического творчества. Внимание Партии, Правительства и всей советской общественности к фольклору создало чрезвычайно благоприятные условия для собирания и издания этих замечательных памятников художественного слова.

Как известно, русской фольклористике принадлежит ведущее место в области издания фольклорных текстов. Разработанные русскими исследователями методы записи и издания фольклора оказали значительное влияние и на современную западно-европейскую науку. Эти новые принципы издания были впервые отчетливо формулированы в классическом сборнике „Онежских былин“ Гильфердинга и на основе их дальнейшего усовершенствования и углубления были применены впоследствии в сборниках былин и сказок Н. Е. Ончукова, А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Д. К. Зеленина, Б. М. и Ю. М. Соколовых, и других; некоторые из этих изданий вышли уже в советскую эпоху.

Одной из характернейших особенностей советских фольклорных исследований является углубленное внимание к личности певцов и сказителей, а также к социальной среде, в которой возникла и развивалась сказка или былина. Но несмотря на то, что русская наука, еще со времени Рыбникова и Гильфердинга, уделяет большое внимание вопросу о личности сказителя, мы еще до сих пор располагаем очень

малым количеством работ, посвященных выяснению и анализу целостных репертуаров певцов или сказочников.

Обычно собиратели заботились только о возможно большем охвате районов, но не стремились исчерпать целиком запас сказок какого-нибудь одного мастера. Этому мешал и сам метод экспедиционных работ, практиковавшихся фольклористами. Как правило, каждая экспедиция была кратковременная; собиратель имел возможность поэтому уделить каждому сказителю сравнительно небольшое время, — и в результате многие выдающиеся мастера нам известны только частично, в немногих образцах их творчества. Например, от замечательного белозерского сказочника Ильи Семенова записаны всего четыре сказки, от печорского Чупрова — 7 и т. д. Это обстоятельство мешало углубленному изучению сказочной традиции и общих путей развития сказки. Проблемы изучения отдельных сказочных репертуаров были выдвинуты фольклористикой только уже в советскую эпоху, но, как отмечено выше, материалов по этому вопросу крайне недостаточно. И поэтому, настоящий сборник, посвященный всецело одному сказочнику, восполняет чрезвычайно существенный пробел в нашей науке.

Сборник ценен прежде всего тем, что основан на новых принципах собирания и записи. Внешней широте охвата собиратель противопоставил углубленное изучение сказителей и их репертуаров.

„Сказки Карельского Беломорья" являются завершением работы, которую производил собиратель по предложению и поручению Карельского Научно-исследовательского Института. В течение ряда лет Институт совместно с Фольклорной Комиссией Академии Наук проводил обследование фольклора ловецких колхозов в Сорокском, Кемском, Лоухском и Кандалакшском районах. За время с 1932 по 1937 г. было организовано три экспедиции в эти районы. Во время первой же поездки собиратель обнаружил двух замечательных сказителей — колхозников: Матвея Михайловича Коргуева (из села Кереть, Лоухского района) и Федора Николаевича Свиньина (из Сумского посада, Сорокского района) и затем в течение ряда лет систематически работал с ними, главным образом с Коргуевым, тексты которого составляют первый том. Он совершил ряд повторных поездок, а затем, благодаря деятельной поддержке Института ему удалось организовать приезды сказителя в Петрозаводск и Ленинград, где им были произведены дополнительные и контрольные записи. В результате А. Н. Нечаев сумел действительно целиком исчерпать поразительный по своим размерам репертуар беломорского сказителя.

Таким образом советская фольклористика получает новое значительное издание сказок, организованное по глубоко продуманному плану и чрезвычайно тщательно выполненное.

Благодаря этому сборнику советская фольклористика получает впервые целостный репертуар одного сказочника в таком исключительном размере. Известные до сих пор репертуары Р. Ф. Чмыхало, Н. О. Винокуровой и А. М. Барышниковой (Куприянихи) значительно уступают по своим размерам коргуевским текстам. Это общее значение книги усугубляется еще и тем, что в лице Коргуева перед нами первоклассный мастер, который должен быть причислен к числу лучших русских сказочников, и в его разнообразном репертуаре нашли место не только многочисленные сюжеты старой волшебной и новеллистической сказки, но и сказки, созданные им после Октябрьской революции — замечательная сказка о Чапаеве. Этой сказкой и открывается сборник. Далее, на первом месте стоят, как наиболее характерные для сказочника, сказки волшебные и волшебно-героические, а на последнем месте — сказки детские, которые и по количеству и по исполнению отражены сравнительно слабо в репертуаре М. М. Коргуева.

Крупным достоинством сборника является точность записи народной речи сказителя. Вместе с тем в данном издании применен и новый метод публикации, выработанный редколлегией и разработанный, главным образом, проф. Б. А. Лариным вместе с собирателем. В данном издании отвергнут традиционный способ воспроизведения *всех* фонетических особенностей речи сказителя, передаются только главнейшие из них, наиболее характерные для данной местности и необходимые для сохранения местного колорита. Но с документальной точностью передано в издании все своеобразие синтаксиса и словообразования, а тем более лексики и фразеологии языка М. М. Коргуева. Поэтому не только фольклорист найдет здесь вполне достоверный материал для своих исследований, но и лингвист извлечет все, что ему интересно из этого издания, учтя только в отношении фонетики указания специальной статьи о языке сказок М. М. Коргуева во II книге. К первому тому приложен краткий словарь диалектизмов, составленный по указаниям проф. Б. А. Ларина.

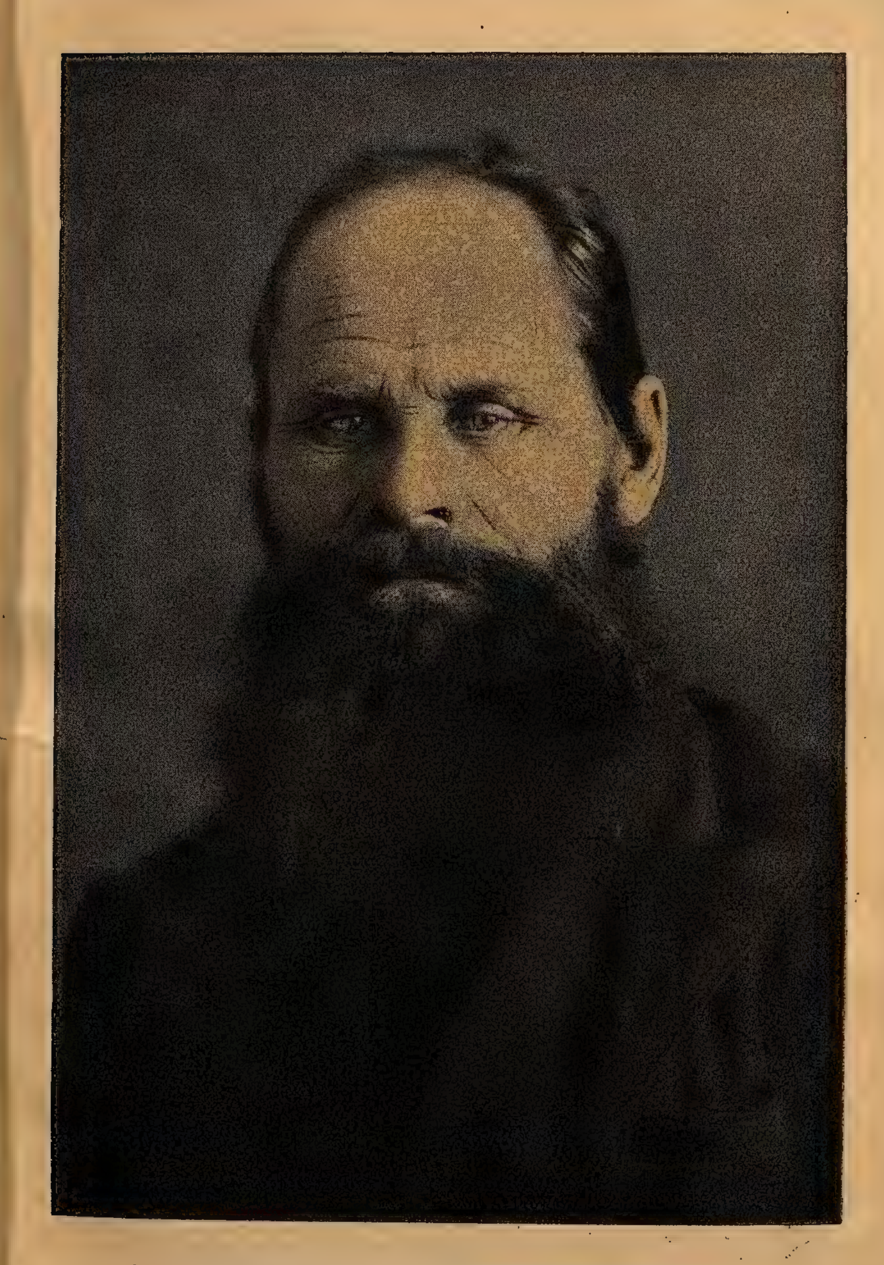
Сборник снабжен комментарием и вступительной статьей. При комментировании каждый раз возникает опасность повторения того, что уже было сделано предыдущими комментаторами при анализе сказок на аналогичные сюжеты. Поэтому автор не дает всей библиографии сюжета; отмечаются только работы, в которых эти данные уже имеются и приводятся

дополнительно только позднейшие материалы; основной же упор комментария сделан на анализе характерных индивидуальных особенностей сказочника, в особенности тех, где отчетливо проявляется влияние местной среды и обстановки (типично поморские черты быта, влияние карельских элементов и пр.). Таким образом, комментарий оказывается органически слитым со статьей, где дается подробный анализ творчества М. М. Коргуева. Автор устанавливает, в качестве основной черты его художественного стиля, монументальность, что является вообще, по его наблюдениям, характерным для современной беломорской сказки. Это стремление к монументальности позволило, несомненно, Коргуеву, так уверенно и свободно обратиться к советской тематике и создать упомянутую выше замечательную сказку о Чапаеве.

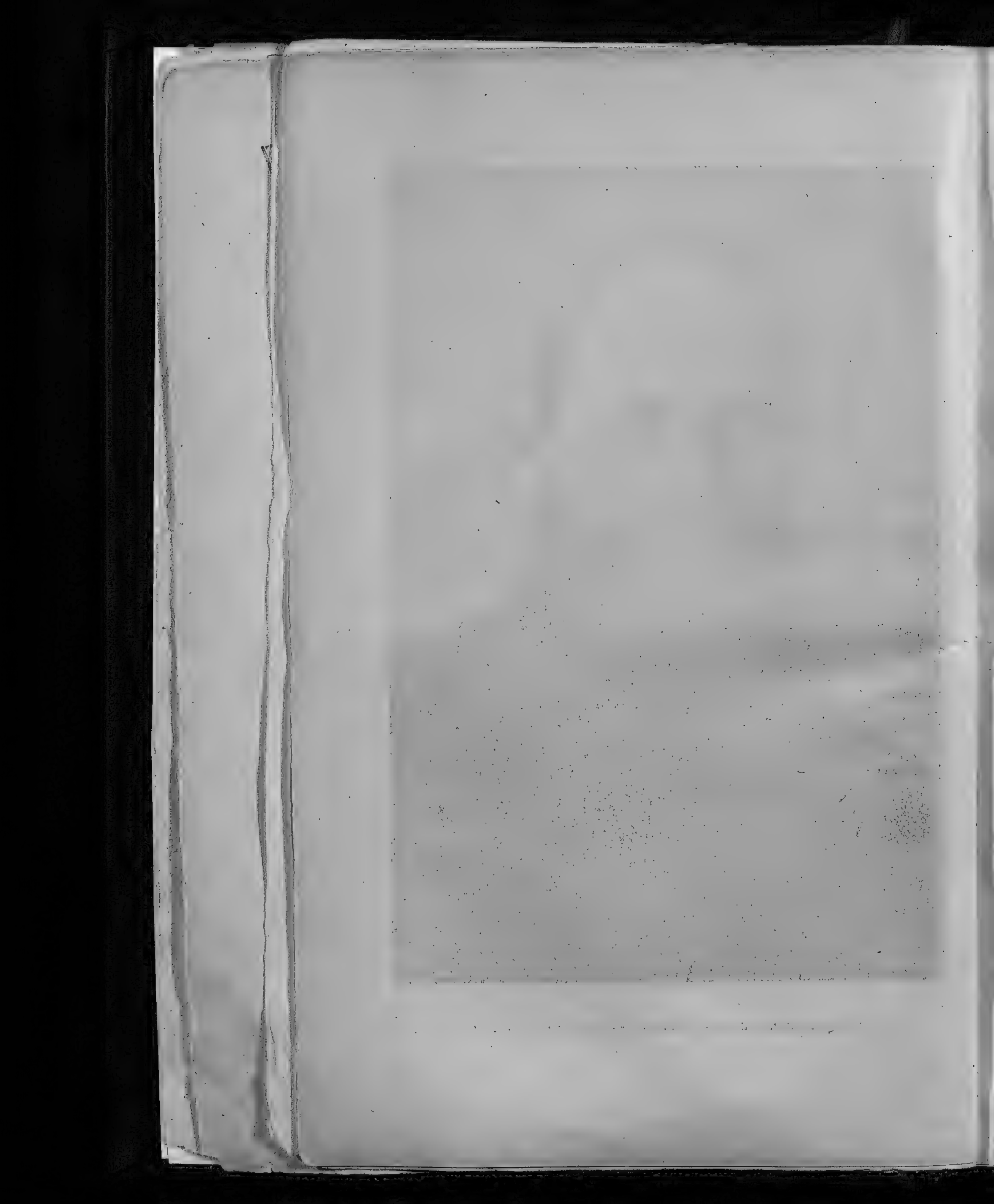
Во второй главе вступительной статьи автор снимает привычные, но неверные объяснения народно-поэтического богатства Севера культурной отсталостью последнего. Приводя ряд исторических и статистических материалов, он вскрывает высокую культурность в прошлом и настоящем русского Севера и утверждает, что именно наличие этой высокой культуры объясняет и количество и качество художественных памятников народного творчества Севера. Таким образом, сказки М. М. Коргуева не являются случайным и изолированным явлением, но и само индивидуальное мастерство этого выдающегося сказителя тем самым включается в общую цепь коллективного народного творчества.

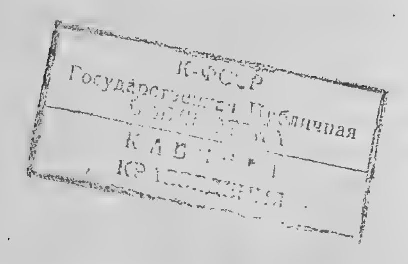
Статья А. Н. Нечаева была закончена в 1937 году. Сейчас к ней необходимо сделать одно добавление. Еще до выхода в свет этой книги выдающееся мастерство М. М. Коргуева нашло высокое и достойное признание. Постановлением Верховного Совета СССР от 1 февраля этого года М. М. Коргуев, вместе с рядом других деятелей советского искусства, награжден орденом „Знак почета".

По поручению Редколлегии —
Проф. М. Азадовский

Сказочник-орденоносец Матвей Михайлович Коргуев

М. М. КОРГУЕВ И ЕГО СКАЗКИ

I

Сказки, как один из наиболее распространенных многообразных и жизнеспособных видов народно-поэтического творчества представляют собою чрезвычайно богатый и ценный материал для изучения многих вопросов, связанных с историей культуры, и в первую очередь, для изучения художественного наследия и творческой деятельности того или иного народа. Правильное решение этих вопросов в плане больших принципиальных теоретических обобщений возможно только в том случае, когда и запись материала и издание текстов соответствуют основным принципам изучения искусства и литературы.

Первые книги сказок появляются у нас во 2-й половине XVIII в. И с тех пор издаются и переиздаются многочисленные сборники сказок самого разнообразного содержания и назначения. Сказки входят в русскую литературу и становятся достоянием читательских кругов. В разные периоды они по разному воспринимаются как читателями, так и издателями, но постоянно находят спрос, находят потребителя и составляют неотъемлемую часть литературы.

Сказки переводные и русские (в начале главным образом переводные или подражания им) в то время проникали в книгу не иначе, как в литературной обработке и переобработке издателей. А издатели и литераторы того времени не ставили перед собой задачи — дать подлинные народные тексты сказок. Ходившие в многочисленных списках и распространявшиеся лубком

сказки: „О Бове королевиче“, „О Еруслане Лазаревиче“, „О Петре златых ключах“ и многие другие находили богатый спрос со стороны широкого читателя. И от переписки перейти к многотиражным изданиям уже было легко; с другой стороны, значительное влияние оказывали имевшие на западе большую популярность сборники: Perrault, Cabinet des fées и т. п. Насколько такие книги пользовались у нас спросом, можно судить по тому, что „Бова королевич“, „Шемякин суд“, „Полкан“ и подобная им литература, по подсчету исследователей, составляла одну шестую часть всех книг, напечатанных в XVIII веке и около одной трети книг беллетристического содержания.

Переводы волшебно-рыцарского романа и близких к нему волшебных сказок, восточных и западных, породили многочисленные подражания. Эти книги на первых порах мало чем отличались от своих образцов, но вместе с тем вполне естественно, что они впитывали местные элементы. Происходил тот же самый процесс, который веком раньше начался на Западе. Волшебно-рыцарский роман и волшебные сказки о феях и волшебницах выростали из народной сказки и, потому элементы народного творчества, хоть и переработанные, составляли основу, на которой они развивались. То же самое наблюдается и в русской литературе. Как ни далеки от подлинных народных сказок первые русские книги подобного типа, все же в них чрезвычайно много мотивов, имеющих параллели с народными сказками и источник этих мотивов без сомнения — подлинное народное творчество. Сборники XVIII века никак нельзя назвать сборниками сказок в современном значении этого слова. Однако, они (эти сборники) сыграли большую роль в сближении книжной литературы с народной сказкой и положили начало тому периоду, когда памятники народного поэтического творчества получили доступ в книжную литературу[1]. Этот факт уже сам по себе чрезвычайно знаменателен, если принять во внимание общее направление и теоретические основы замкнутой дворянской литературы XVIII века.

[1] См. С. В. Савченко „Русская народная сказка“ (История собирания и изучения). Киев, 1914 г.

Недаром по поводу включенных В. Левшиным в сборник „Русские сказки“[1] трех подлинно народных сказок, критик негодующе заявляет: „Из прибавленных издателем новых сказок некоторые, как то: о воре Тимохе, цыгане и пр. с бо́льшею для сей книги выгодою могли бы быть оставлены для самых простых харчевен и питейных домов, ибо самый замысловатый мужик без труда подобных десяток выдумать может, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографических литер, не упоминая о труде господ писателей“[2]. И независимо от подобных оценок народные сказки продолжают входить в литературу. Происходит это не случайно и не по прихоти издателей. Интерес к народной сказке, как и ко всей народной поэзии, в конце XVIII и в начале XIX веков возникает под влиянием нового литературного направления: на смену классицизму выдвигается романтизм с его национально-историческими установками. И отсюда обращение к народному творчеству, как источнику познания своей народности в ее прошлом и настоящем.

Придворная литература аристократической верхушки уже не удовлетворяла читателей. Передовая интеллигенция, отходя от классицизма, искала новых тем и идеализировала старину. С другой стороны читательские кадры к этому времени значительно пополняются за счет других сословий. Новые кадры читателей оказывают давление на книжный рынок и предъявляют свои требования. Сборники сказок в XVIII и в начале XIX века находят богатый спрос со стороны именно этой последней группы читателей. По мере того, как сказки проникали в литературу и становились книжным материалом, возрастает и интерес к подлинно народной сказке. Она становится предметом коллекционирования. Материалов о том, как тогда велось собирание сказок, чрезвычайно мало. Записей почти не сохранилось. Нужно предполагать, что первые коллекционеры и собиратели придавали мало значения точному

---

[1] „Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения“. М. 1780—1783; ошибочно приписывались Чулкову.

[2] В. В. Сиповский „Очерки истории русского романа“, т. I, стр. 236.

фиксированию текста. Это относилось не только к сказкам, но даже и к песенным текстам. Отношение к памятникам народного поэтического творчества и, в частности, к сказке со стороны издателей и читателей заставляет думать, что собирание материала не ставило перед собой иной цели, как поиски новой тематики и свежего литературного сырья. И самый процесс записи включал в себя некоторый первоначальный элемент литературной обработки.

В XIX веке отношение к фольклору меняется. Политическая борьба, развернувшаяся в конце 20-х и в начале 30-х годов XIX века захватила все участки идеологического фронта. Вполне естественно, что борьба эта развернулась и в литературе, и там она нашла яркое выражение в одной из самых острых, животрепещущих проблем — в проблеме народности. Спор между представителями дворянской и буржуазной литературы за право выступать от имени нации, не мог быть разрешен вне связи с фольклором. И поэтому уже с 20-х годов народное творчество становится объектом углубленного литературного и научного интереса. В это время (в 20-е годы) пишет свои сказки Пушкин, выходят „Вечера на хуторе близ Диканьки“ Гоголя, сказки Даля и „Конек Горбунок“ Ершова. В это же время широко ведется работа по собиранию и систематизации русского песенного материила.[1] Деятельность Пушкина и Киреевских кладет начало научному отношению к собиранию и обработке произведений народного творчества. Виднейшие литераторы, в числе которых и Пушкин, и Жуковский, а позднее и Даль, не только занимаются литературной обработкой, но и активно собирают сказки. Даль, например, записал около 1000 номеров народных сказок. В XVIII веке романисты и составители сборников сказок, как уже указано выше, переделывали народные сказки по известным шаблонам популярных тогда волшебно-рыцарских романов и литератур-

[1] См. проф. М. К. Азадовский „Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову“. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. „Труды Института Антропологии, Этнографии и Археологии Академии Наук“, т. I, вып. 4, стр. 12. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л. 1935.

ных сказок, главным образом западного происхождения. Мотивы, взятые из подлинно-народных сказок, перемешивались с эпизодами фантастических рассказов и романов. К этому прибавлялся собственный вымысел составителя, и получался сборник сказок.

В 30-х годах XIX века отношение к народной сказке меняется. Стремление „облагородить“ сказку путем контаминации ее с книжным материалом и собственным вымыслом издателя заменяется литературной обработкой, как это делают: Пушкин, Гоголь, Жуковский и другие, создавая каждый по своему высокохудожественные, очень близкие к народной сказке произведения. Наряду с этим появляются опыты издания и подлинных сказок. Первым таким сборником выходят в 1838 г. „Русские народные сказки“ Богдана Броницына. В книгу вошло пять сказок, записанных, как это видно из предисловия, „со слов хожалого сказочника, крестьянина из под московской, которому рассказывал старик, отец его. В них замечателен склад рассказа, представляющего по большей части сбор разномерных русских стихов“. Из этого сборника Афанасьев впоследствии включил в свое собрание четыре номера (см. №№ 74, 122, 237, 235), а пятый ввел, как материал в примечаниях. К этому же периоду относится деятельность И. П. Сахарова, который в самом начале очень резко осуждает практику издателей, позволявших себе литературную обработку и переделку сказок. „Московские издатели печатают лубочные издания сказок со своевольными вставками и переделками. Это черное пятно для нашей народной словесности мы должны уничтожить из нашей современности, если не желаем подвергать себя суду потомства, если мы еще дорожим своим просвещением“ — говорит Сахаров в проспекте „Сказания русского народа“. А в предисловии к своим „Русским народным сказкам“ он заявляет: „Теперь мы от сказок требуем уже полной народности, желаем читать их на чистом, русском языке. Желание читать народные сказки на родном языке есть желание современное, сознаваемое в полном значении нашей народности“. Так Сахаров декларировал свое отношение к народной сказке. Однако,

в своей издательской практике он очень своеобразно достигал „подлинности“ народных сказок. Давно уже установлено, что материал для своего сборника он брал из тех самых печатных источников, которые сам же и подвергал критике за искажение подлинности. Взятые из лубочных сборников тексты он обрабатывал, стилизуя их в духе слащаво-фальшивого романтизма и официальной народности. Получалась грубая фальсификация, которую автор всячески скрывал от читателей, выдавая свои подделки за подлинные народные сказки.[1]

Таковы главнейшие моменты истории собирания и издания русских сказок со второй половины XVIII по 30-е годы XIX века. На ряду с собиранием и изданием, и, особенно, в конце 20-х и 30-х годов, возникает научный интерес к сказке. Впервые ставятся вопросы, связанные с определением народной поэзии и в частности народной сказки; делаются попытки установить взаимоотношение русских сказок со сказками других народов. Отмечается значение народной поэзии, как историко-культурного памятника. Несмотря на наивность многих положений и утверждений, даже в лучших работах, эти первые опыты научного подхода к материалу имеют большое значение. Народная сказка с тех пор уже не только литературный материал она становится объектом серьезного изучения и некоторые проблемы, поставленные тогда, не перестают быть актуальными для всех последующих периодов сказковедения. Уже тогда была брошена мысль, что всякий „кто хочет быть хорошим отечественным писателем и в особенности отечественным поэтом, — должен знать народную поэзию и быть внимательным к народным преданиям“. Уже тогда было высказано мнение, что сказки представляют собой ценный материал, помогающий изучению истории, иллюстрирующий историю. Однако, проснувшийся научный интерес к русской сказке встречен был такими препятствиями, которые

---

[1] См. Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. I, стр. 305—310. См. также Бессонов. И. А. „Песни, собранные И. В. Киреевским“, вып. V, стр. CXXIII—CXLIII.

надолго задержали исследовательскую работу. С одной стороны эпоха реакции и николаевская официальная „народность" сковывали научную мысль русских сказковедов, а, во-вторых, продолжение научной разработки теоретических вопросов и обобщений требовало дополнительных записей и научной публикации текстов. Из всех имеющихся тогда сборников сказок для научно-исследовательской работы могли быть привлечены два-три, т. е. с грехом-пополам, быть может несколько десятков текстов.[1]

Таким образом необходимость в научных изданиях материала появилась при первых же попытках изучения русской сказки. Запись довольно активно продолжалась в 30-е и в 40-е гг. Текстовой материал накапливался, и это дало возможность осуществить научное издание сказок. Первым таким сборником были „Народные русские сказки" А. Н. Афанасьева. Появились они в 8-ми отдельных выпусках в 1855—1864 гг. Если принять во внимание характер предшествующих изданий и сравнить их с „Народными русскими сказками", станет сразу же ясно, какое значение они имеют для русской науки и для русской литературы. Сборник А. Н. Афанасьева, включающий до 640 номеров подлинных народных сказок, явился таким событием, которое навсегда останется в истории не только русской, но и мировой фольклористики. По количеству текстов это самое крупное из всех наших изданий сказок. Для своего времени оно было оснащено богатыми научными комментариями в духе господствовавшей тогда мифологической теории. Второе, подготовленное и пересмотренное самим составителем, издание вышло уже после смерти Афанасьева, в 1878 г. Оно составило четыре тома, из которых в трех первых помещены сказки, а четвертый том включает примечания. Затем сборник выдержал третье и четвертое издания. И, наконец, уже в наши дни „Народные русские сказки" переиздаются еще раз (т. I, изд-во Academia, 1936. т. II, Гослитиздат, 1938).

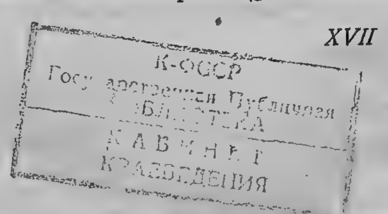
[1] См. С. В. Савченко „Народная русская сказка" ч. III, гл. I, Киев, 1914.

О том, как были приняты изданные Афанасьевым сказки свидетельствуют многочисленные отзывы и рецензии, появившиеся сразу же после выхода первых выпусков сборника. Литературная и научная общественность пятидесятых и шестидесятых годов встретила сказки единодушным одобрением. Критики в один голос отмечали общественное, литературное и научное значение исключительного по полноте и богатого по разнообразию сборника памятников народного творчества. В рецензиях много места уделялось принципам издания и с этой стороны были брошены составителю многие упреки. Шли эти упреки главным образом в отношении языка сказок и отбора самих текстов. Афанасьеву ставился в вину его принцип полной неприкосновенности текстов и при этом указывалось на непоследовательность в соблюдении этого принципа. Издатель оперировал текстами, которые записывались различными собирателями в разное время и потому, естественно, что соблюдение полной неприкосновенности приводило к бросающейся в глаза разноголосице норм записи. Осуждалось излишнее стремление издателя сохранять такие фонетические явления, которые присущи литературному языку. Это справедливое замечание, к сожалению, мало помогло последующим издателям сказок. Перегрузка публикуемых текстов стремлениями к абсолютной лингвистической фотографичности, особенно в конце XIX и в начале XX века сделалась признаком хорошего тона, признаком академичности издания и привела к тому, что многие наши сборники сказок превратились в собрания сомнительного диалектологического материала, за которым тускнеют перед читателем важнейшие компоненты художественного произведения.

Кроме этих, во многом правильных, указаний на недостатки издания Афанасьева, с внешней стороны отмечалось чрезмерное увлечение составителя сборника мифологической теорией („Современник“, № 12, 1856 г.). Но наряду с этим было много высказываний, которые не только не помогли составителю в его дальнейшей работе, а, наоборот, толкали его на неправильный путь. Так, например, некоторые рецензенты считали, что сохранение индивидуальной манеры сказочника,

сохранение его стиля придает сказке простонародный тон и является случайностью, которая портит произведения народного творчества. Происходила путаница: простонародное противопоставлялось народному. Начисто отрицалась творческая роль сказочника. Народ в представлении критики являлся безликой массой, способной только на то, чтобы воспроизводить готовое, когда-то в древности созданное произведение, передающееся по памяти из поколения в поколение. И отсюда многих не удовлетворяла композиция сказок в афанасьевских выпусках. Высказывались мнения, вытекающие из того взгляда на народное творчество, что бывший когда-то целостным народный эпос с течением времени разрушается, поэтому к издателю предъявлялись требования не особенно считаться с внешней формой имеющихся в его распоряжении текстов, а по мере сил стараться восстановить первоначальную целостность предания. Рецензенты рекомендовали составителю сборника составлять варианты и путем сличения восстанавливать разрозненный по их предположению памятник.

„При помощи нескольких списков издатель мог бы представить себе более удовлетворительные редакции этих произведений и повысил бы тем интерес самих сказок и достоинство издания, потому что, как мы сказали выше, в этом деле существенная забота состоит в том, чтобы собрать возможно полнее тексты преданий. Изложение народных памятников имеет большую аналогию с изданием рукописных памятников: эти последние печатаются в одном только списке, за неимением других вариантов; несколько списков одного памятника дают уже возможность представить чтение его, не зависящее от ошибок отдельных писцов, которые (ошибки) могут быть уничтожены сличением вариантов, и в этом чтении заключается главная цель издания. Нам нужно знать подлинный вид памятника, а не те неверные изложения его, какие обыкновенно встречаются в отдельных списках; варианты нужны только там, где они или дают другой смысл содержания памятника или иначе передают значительные части его. В изложении сказок столько же необходима редакция, кото-

рая бы из частных списков выбрала лучший пересказ мифа, вполне соответствующий его нормальному виду".[1]

В этом проводится аналогия между сказочником, творчески переосмысляющим и по своему перерабатывающим традиционный материал, и переписчиком, главной задачей которого является точность воспроизводимого им текста и стремление как можно меньше допустить ошибок. Так понимали романтики-мифологи современный им процесс бытования народно-поэтических произведений, почти начисто отрицая творческие возможности трудовых масс. От издателя требовали не публикации текстов в том виде, как они бытуют, а подтверждения своему предвзятому мнению о памятниках народного творчества. Это сбивало с толку издателя и нашло некоторое отражение в последующих выпусках. Есть основания считать, что, начиная с 4-го выпуска, Афанасьев применил на практике этот рецепт издания своих текстов. Очень досадно, что самое полное и наиболее раннее из всех наших научных изданий сказочных текстов дает в руки исследователю материал, уже подвергнутый известной обработке. Это обстоятельство снижает значение сборника, исключительного по объему и по разнообразию материала.

Еще более значительным, с точки зрения современной фольклористики, недостатком сборника А. Н. Афанасьева является отсутствие указаний о точном месте и времени записи, так же как нет указаний и на то, от кого сказка записана, словом того, что у нас носит название паспорта текста, не говоря уже о более подробных сведениях и о живом бытовании сказок и о сказочниках. Этот недостаток объясняется, с одной стороны, тем обстоятельством, что издатель пользовался текстами самых различных корреспондентов, записи которых в большинстве случаев и не были оснащены необходимыми сведениями. А с другой стороны, и сам Афанасьев в связи с только что указанным выше общим, господствовавшим тогда отношением и к текстам сказок и к сказочникам, не считал это большим упущением (а в последующих

[1] „Современник", № 12, 1856, стр. 35—36.

выпусках, прибегая к соединению текстов, и не мог паспортировать материал).

Кроме „Народных русских сказок“ А. Н. Афанасьев подготовил к изданию в 60-х годах книгу „Народные русские легенды“. Когда же книга была напечатана, цензура, под влиянием протеста и нападков на первое издание „Народных русских легенд“ со стороны церковных административных кругов, запретила выпуск книги, и этот запрет держался до 1914 года.[1]

Изданием „Народных русских сказок“ как бы завершается второй этап в русской фольклористике, вслед за которым наступает третий период, обусловливающий новое научное направление в собирании и изучении народного поэтического творчества.

Политическая борьба в шестидесятые годы развертывается на всех участках идеологического фронта. Переносится она и в область изучения народного творчества. Вождей и представителей революционной демократии не удовлетворяет славянофильская методология и славянофильские методы собирания и изучения фольклора. Славянофилы рассматривали фольклор вне органической связи с современностью. Они искали и видели в нем прежде всего памятник идеализированной седой старины. Славянофильская дворянская фольклористика старалась не замечать и замалчивать в фольклоре современность. Так, например, песни и сказки о крестьянских движениях и о вождях и героях этих движений значительно меньше пользовались их вниманием, точно также, как и сатирические сказки анти-барского и анти-клерикального направления. Славянофилы всячески подчеркивали и выдвигали религиозные мотивы народной поэзии. И отсюда их внимание к духовным стихам и к каличьим былинам.[2]

Шестидесятники во главе с Добролюбовым выступили против „исторических“ концепций славянофилов. Они поста-

---

[1] В 60-х годах книга нелегально была издана заграницей.

[2] См. проф. М. К. Азадовского „Добролюбов и русская фольклористика“ (в сб. „Литература и фольклор“. Л. 1938).

вили новые задачи перед русской фольклористикой, предъявили свои требования к ней и наметили новые пути осуществления этих задач и требований. Для революционно-демократической интеллигенции фольклор представляется одним из творческих источников литературы; одним из основных средств борьбы за народность в литературе, за всестороннее и полное изучение народной поэзии, а отсюда и стремление к максимальной полноте материала; стремление не ограничиваться в выборе материала, записывать не только тексты, но и давать подробную характеристику условиям их жизни.[1]

„Сборник господина Афанасьева превосходит другие по своей полноте и точности, с какою он старался придерживаться народной речи, даже самого выговора, но и сборник г. Афанасьева не восполняет того недостатка, который как-то неприятно поражает во всех наших сборниках. Недостаток этот — совершенное отсутствие жизненного начала... Вырвать факт из живой действительности и поставить его на полочку рядом с пышными фолиантами или классифицировать несколько отрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений — это значит уничтожить ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном в связь с окружающей действительностью. Г. Афанасьев не отклонился от обычной дороги наших собирателей и потому нам представляется и его сборник каким-то палимпсестом, в котором хоть и видны некоторые черты действительной народной жизни, но разработать их чрезвычайно трудно под новым написанием досужего книжника... Нам никто из собирателей и описывателей народного быта не объяснил, в каком отношении находится народ к рассказываемым им сказкам и преданиями... Поэтому нам кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы еще вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы всю обстановку как чисто внешнюю, так и более

---

[1] См. там же стр. 146.

внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку".[1]

В этих строках Добролюбов сформулировал новое направление, определяющее отношение со стороны революционно-демократической интеллигенции 60-х годов к народной поэзии. Определяется ее роль и значение в общественной жизни, как средство изучить и понять крестьянство.

Все это поднимало собирание и изучение фольклора на большую принципиальную высоту и создавало условия, при которых собирание и научная публикация текстов приняли широкий размах. В собирательскую работу втягиваются значительные кадры губернской, уездной и даже сельской интеллигенции. Деятельность провинциальных собирателей идет в общем плане стремительного широкого движения изучать жизнь крестьянства и придает этому движению краеведческий характер. Их материалы печатаются в большом количестве. Такой подъем в собирании памятников народного поэтического творчества дал большие результаты и в отношении русской народной сказки. Начиная с 60-го и по 1884 г. на протяжении двадцати с небольшим лет, один за другим вышли такие сборники, как например: Худяков И. В. „Великорусские сказки" — 3 выпуска — 122 номера (1860-62 гг.) Эрленвейн А. А. „Народные сказки", собранные сельскими учителями (1864 г.) Следует отметить, что все сказки в сборнике Эрленвейна — 41 номер — записаны в одном уезде Тульской губ.; Чудинский Е. А. „Русские народные сказки, прибаутки и побасенки" (1864 г.) — всего в сборнике 54 номера. А также ряд других сборников. Кроме того, в различных провинциальных и столичных изданиях печатаются в большом количестве тексты новой записи. Сказки Зырянова,[2] Колосова,[3] Ефименко,[4] Бел-

---

[1] „Современник" 1858 № 19, стр. 74—76.

[2] „Пермский сборник", кн. 1-я и 2-я, 1859—60 гг.

[3] „Сборник Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, т. XVII, № 3, СПб. 1877 г,

[4] Изв. О-ва Любит. ест., антр. и этногр.", т. XXX, вып. 2-й. М. 1877 г.

кина,[1] Дерунова[2] и многих других собирателей. Наиболее крупным отдельным изданием того периода является сборник Д. Н. Садовникова — „Сказки и предания Самарского края" (СПб. 1884). В книгу вошло 124 номера — 183 варианта. Все тексты записаны самим Садовниковым главным образом в Самарской и отчасти в Симбирской губерниях.

Значение последнего сборника помимо полноты и других его достоинств заключается еще и в том, что в нем впервые опубликован огромный целостный репертуар одного из известных нам первоклассных русских сказочников — сказки Абрама Новопольцева.

Сказки, опубликованные во второй половине XIX в. выгодно отличаются от предыдущих изданий. Многочисленные новые публикации являются большим шагом вперед как в отношении принципа собирания и записи материала, так и в отношении подготовки текстов к печати. Исследователю уже значительно лучше работать с этим материалом. Во-первых, большинство текстов печатается в записях уже близких к живой передаче, во-вторых, краеведческое направление собирательской работы определяет научно-этнографическую ценность записей и дает возможность изучать материал с учетом местных его особенностей. В третьих, в отличие от славянофильского стремления выдвигать на первый план официально-патриотические и религиозные мотивы народной поэзии, собиратели нового поколения записывают большое количество сказок, направленных против монахов, попов и бар. Так, например, И. Г. Прыжов собирает материал для исследования „Поп и монах, как первые враги культуры". Он собрал до тысячи сказок про попов и монахов, которые уничтожил перед арестом.[3] Такая же судьба постигла аналогичные материалы и другого крупного фольклориста И. А. Худякова. Коллекция погибла во время обыска и ареста собирателя.[4]

---

[1] „Труды Курск. Стат. К-та", вып. I, Курск. 1863.

[2] „Труды Ярославск. Губ. Стат К-та", вып. V. 1868.

[3] Н. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. „Academia", 1934, стр. 13.

[4] См. проф. М. К. Азадовский „Добролюбов и русская фольклористика" („Литература и фольклор", стр. 176).

Много подобных материалов погибло при таких же обстоятельствах, как и коллекция Прыжова, но несмотря на все запреты и цензурные рогатки, сказки этого типа проникали в литературу. В этом плане подготовлен и знаменитый сборник Афанасьева „Русские заветные сказки“. Книга, содержащая социально острые сатирические сказки с откровенной грубоватой трактовкой эротических мотивов по цензурным условиям того времени не могла быть издана в России. Не в полном объеме вышла она заграницей, в Женеве.

Таким образом русские народные сказки, собранные и изданные во второй половине XIX века, несмотря на цензурные затруднения представляют собою чрезвычайно ценный вклад в науку. Русское сказковедение с этого времени опирается на такой материал, который дает большие возможности для решения многих вопросов, связанных с изучением народной сказки.

Особый расцвет собирательской деятельности и изданий сказок приходится на третью четверть XIX века. Последовавшая вслед за этим полоса реакции, в течение всего конца столетия тормозила дальнейшую запись и публикацию текстов. Новый подъем и оживление наступают лишь в XX веке. С конца первого десятилетия собирание русской народной сказки опять оживает. Появляются один за другим крупные научные издания текстов новой записи и масса материалов печатается и в журналах. За какие-нибудь пять-шесть лет (с 1909 по 1915 г.) вышли сборники Ончукова,[1] бр. Соколовых,[2] Зеленина,[4] и др., давшие 700 с лишним номеров сказок. Для собирателей и составителей сборников этого периода является характерным стремление к полноте и максимальной точности записей.

---

[1] „Северные сказки“ — Н. Е. Ончуков. Записки Русского Геогр. Об-ва по отд. Этнографии. т. XXXIII, СПб., 1908.

[2] „Сказки и песни Белозерского края“ — Б. М. и Ю. М. Соколовы, издание Отд. русск. яз. и слов Акад. Наук, М. 1915.

[3] „Великорусские сказки Пермской губ.“ — Д. К. Зеленин. „Записки Русск. Географ. О-ва по отд. Этнографии, т. X. L. II. 1914 и „Великорусские сказки Вятской губернии“ — Д. К. Зеленин „Записки Русск. Географич. О-ва и отд. Этнографии“, XL. II. 1915.

Краеведческий принцип, выдвинутый в 3-й четверти XIX в., фольклористы начала XX века кладут в основу своей работы. Собирание материалов ведется в плане изучения условий бытования сказки в том или другом районе. Издание новых текстов сопровождается подробным вспомогательным аппаратом, облегчающим работу исследователя. Кроме того, есть еще один признак, выгодно отличающий сборники XX века от всех прежних изданий русских сказок — это расположение самого материала. Сказки печатаются теперь объединяясь не по сюжетам, а по сказочникам, по исполнителям, как это сделал в свое время А. Ф. Гильфердинг в „Онежских былинах“. В издании сказок этот принцип впервые был применен в сборнике Ончукова, и с тех пор ему неуклонно следуют все другие собиратели и составители собраний. Такое распределение материала уже было шагом вперед. Оно, хотя и не осуществляло полностью, но все же в некоторой степени намечало новый принцип издания сказок. Расположение текстов по исполнителям значительно облегчает работу исследователя: оно дает богатый материал для сравнений и выводов о творческой роли сказочника.[1] Все то, что сделано в смысле накопления и предварительной научной обработки материала в области изучения русской народной сказки падает главным образом на 2-ю половину XIX и особенно на начало XX века. Строгое соблюдение определенных принципов в собирательской работе и в издании текстов характеризуют русское сказковедение и обеспечивают высокую научную ценность сборников, вошедших крупным вкладом в международный фонд мировой фольклористики.

Заслуга собирателей и составителей сборников русской народной сказки увеличивается еще более, если принять во внимание, что и собирание и издание памятников народного творчества велось в условиях, когда всякое стремление к научной объективности не только возбуждало подозрение в неблаго-

---

[1] В этом отношении сборники Д. К. Зеленина „Великорусские сказки Пермской губ.“ и „Великорусские сказки Вятской губернии“, особенно его личные записи представляют собою наилучший образец записи и издания сказок того времени.

надежности, но в ряде случаев кончалось обысками, арестами и ссылкой, как это было с некоторыми собирателями. Я не говорю уже о материальных трудностях — собирание и издание народно-поэтического творчества в большинстве случаев в дореволюционный период велось и по собственной инициативе и за счет самого собирателя, — а это, конечно, не может не учитываться при подведении итогов работы наших предшественников. Все это дает основания еще раз подчеркнуть, что собирание и изучение русской народной сказки за короткий сравнительно период дало большие результаты, благодаря чему советские фольклористы располагают богатым материалом для решения многих вопросов, связанных с народно-поэтическим творчеством. Однако, несмотря на обширность собранного материала и многие бесспорные достоинства наших научных сборников XIX и особенно XX века необходимо отметить, что имеющиеся в распоряжении современного исследователя материалы не всегда обеспечивают возможность принципиальных теоретических обобщений. Дело в том, что все крупнейшие сборники сказок уже послеафанасьевского периода, включительно по XX век строятся на материале, собранном по этнографо-статистическому и биографическому принципу. В сборниках второй половины XIX в. материал паспортируется очень часто без упоминания от кого записана сказка. Отсутствие сведений об исполнителе, о репертуаре сказочника и т. п. характерно даже для лучших сборников того времени.

Материалы в XX веке уже, как правило, паспортируются с учетом необходимых сведений об исполнителе и даже самые тексты в сборниках располагаются обычно не по сюжетам, как это было в XIX веке, а по сказочникам. Это дает значительные преимущества новым записям, но, к сожалению, и эти сборники не могут во всех случаях вполне удовлетворять современного исследователя. Даже такие материалы, как например, записи бр. Соколовых, Д. К. Зеленина и А. А. Шахматова при всех своих исключительно высоких качествах документальности, не вполне обеспечивают решение некоторых важнейших вопросов, связанных с изучением народного творчества. Материал в этих сборниках в большинстве случаев

представляет собою результаты сплошной записи. И получается так, что на ряду с прекрасными, высокохудожественными образцами, записанными от первоклассных мастеров-сказочников, полноправно располагаются тексты самых посредственных исполнителей, кое-как выпомнивших и рассказавших одну-две сказки.

В исследовательской работе, естественно, каждый лишний вариант имеет большое значение и поэтому вполне понятно стремление собирателя зафиксировать с максимальной полнотой все, что ему удалось найти в районе обследования. С этой стороны наши лучшие академические сборники начала XX века как будто бы и выдерживаются в такой полноте, но вместе с тем сплошь и рядом приходится наталкиваться на заявления собирателей о том, что от того или иного сказочника записана только часть его (и часто незначительная часть) репертуара. И чем лучше материал, тем досаднее читать подобные заявления собирателей, составителей сборников. И, в самом деле, например, в книге „Сказки и песни Белозерского края" собиратели — братья проф. Б. М. и проф. Ю. М. Соколовы ни в одном почти случае не записали полностью всех текстов наилучших своих сказочников. И на ряду с этим в сборнике дано значительное количество текстов, записанных от исполнителей, которые знают только одну-две сказки и те, иногда, по собственному признанию собирателей, рассказывают плохо. Все это в такой же мере относится и к сборнику Ончукова „Северные сказки" и к другим записям и публикациям сказок в начале XX века.

Такое положение в известной степени объясняется и независящими от собирателя причинами. В экспедиционой обстановке не всегда представляется возможность надолго засесть за работу с одним сказочником (а крупные мастера обычно располагают большим репертуаром, требующим длительного процесса записи). Не всегда располагает свободным временем для такой работы сказочник, да и собиратель, чаще всего записывающий не только один вид фольклора — сказки, стремится в сравнительно короткий срок всесторонне изучить район обследования.

Дело, тут конечно, не столько во внешних причинах, сколько в общих методологических основах дворянской и буржуазной фольклористики. Как известно, изучение памятников народно-поэтического творчества, а в том числе и сказок, конечно, шло вначале под знаком славянофильски-слащавой идеализации произведений вне всякой органической связи фольклора с современностью. При этом начисто отрицались творческие возможности трудовых масс. Произведение рассматривалось, как создание далекого прекрасного прошлого, и все заботы ученых сводились к тому, чтобы „очистив" памятник от наносных „искажений" современности, получить древнее предание во всей его воображаемой первоначальной чистоте. При таком отношении к фольклору в его живом бытовании, естественно, и речи не могло быть о всестороннем изучении репертуара отдельных сказочников, как мастеров художественного словесного творчества.

Выступившие в конце XIX века буржуазные социологи с их утверждениями о нисходящей культуре, выдвинули теорию, согласно которой памятники народного поэтического творчества создавались в придворно-княжеской среде и уже только впоследствии перешли в народ. Понятно, что исходя из такой реакционной антинародной теории, представители буржуазной науки в период ее упадка, не учитывали, да и не хотели учитывать все значение и необходимость изучать фольклор, как проявление творческой одаренности трудового народа. И отсюда становится понятным стремление к сплошной записи, не делающей большой разницы между простым передатчиком запомнившейся сказки и творчески одаренным мастером художественного слова.

А между тем, изучение фольклора какого-бы то ни было народа только на материале, собранном в плане этнографо-статистического обследования, не может дать правильных представлений и правильных выводов ни о полной ценности художественного наследия, ни о творческих возможностях этого народа. Народно-поэтическое творчество, и в частности сказки, как один из наиболее распространенных, многообразных и крупнейших видов фольклора, есть, в конечном счете, один

из видов искусства того или иного народа, искусства, художественного слова.. И так же, как при изучении литературы и искусства, обобщения делаются на основании лучших произведений, созданных первоклассными художниками, так и при изучении фольклора подведение суммарных итогов и выводов о художественной творческой деятельности народа будут правильными только в том случае, если эти итоги и выводы будут сделаны на основании наиболее полноценных произведений народно-поэтического творчества — т. е. на основании подлинных текстов, записанных от крупнейших мастеров художественного слова. Так же, как русские поэты 20-х 30-х годов XIX века без Пушкина не дают полного представления о подлинных высотах русской поэзии этого периода, так и тексты сказок рядовых посредственных, а в иных случаях и просто плохих исполнителей, не могут дать правильного представления о художественной полноценности народно-словесного искусства.

Для ясности следует отметить, что во всем сказанном выше ни в коем случае нет попытки упрощать вопрос, сводить все изучение сказки к изучению только текстов крупнейших сказочников, придерживаясь выборочной системы и игнорируя материал рядовых исполнителей. Ряд вопросов, связанных с изучением народного творчества может разрешаться и должен быть разрешен на материале, собранном в плане сплошной записи, точно так же, как и в литературе многое становится ясным лишь в результате изучения не только великих мастеров, но и рядовых писателей и поэтов. Повторяю, что каждый лишний вариант той или иной сказки может иметь и имеет в исследовательской работе большое значение. Поэтому стремление собирателя записать как можно больше текстов от наибольшего количества исполнителей — вполне оправдано, если при этом до конца исчерпывается репертуар крупнейших исполнителей.

Еще наблюдения над жизнью былин во времена Гильфердинга показали, что утверждение романтиков-мифологов и славянофилов о безличности народно-поэтического творчества — неверны. А. Ф. Гильфердинг, а раньше его еще

В. В. Радлов, и многие последующие собиратели и исследователи и на основании личных наблюдений и на основании анализа текстов отмечали роль и значение исполнителя и отражение личности исполнителя в произведении.[1] В русской фольклористике это стало давно трюизмом, а в то же время запись материала и публикация сказочных текстов вплоть до Октябрьской революции велась, (как уже сказано выше) без достаточного учета всей важности этого положения для изучения художественного наследия и творческой одаренности нашего народа.

С большой остротой и настойчивостью вопрос о внимании к репертуару крупнейших сказочников, об изучении сказок по общим принципам изучения искусства и литературы поставлен в советской фольклористике. Проф. М. К. Азадовский издал отдельную книгу текстов одной сказочницы.[2] Затем, следуя своему принципу, он осуществил издание двухтомника „Русская сказка", куда вошли избранные мастера-сказочники.[3]

Первая из этих книг „Сказки Верхнеленского края". вып. I, является практическим приложением утверждений, выдвинутых проф. М. К. Азадовским. Это первый опыт издания до конца исчерпанного репертуара одного сказочника. Большое научное значение подобного издания бесспорно, хотя бы уж по тому, что оно прокладывает новый путь, по новому дает возможность ставить вопросы изучения народно-поэтического творчества.

В послеоктябрьский период и особенно в последние годы со времени Съезда советских писателей, когда Партия, Правительство и вся наша общественность уделяют так много

---

[1] Следует, однако, указать, что как Гильфердинг, так и многие последователи его биографического принципа все сводили лишь к узкому биографизму, т. е. все изменения того или иного варианта объясняли личной биографией исполнителя, забывая среду, время, место и местные поэтические традиции. См. об этом подробнее—проф. М. К. Азадовский „Русская сказка", т. I вступительная статья „Русские сказочники", стр. 15—18 Academia, 1932.

[2] Марк Азадовский, „Сказки верхнеленского края", Иркутск, Изд. Восточно-сибирского отдела Русского Географического О-ва. 1925.

[3] 1-е издание „Русская сказка". Избранные мастера, вступительная, статья, редакция и комментарии Марка Азадовского, 1931, изд. Academia.

внимания вопросам собирания и изучения народного творчества, собирательская работа ставится в исключительно благоприятные условия. Можно с уверенностью сказать, что материал, собранный в течение последних двадцати лет, нисколько не меньше всего того, что сделано тремя поколениями дореволюционных собирателей.

Вопрос тут, конечно, не только в количестве сделанных записей. Многое из того, что по ряду причин представители дворянско-буржуазной науки не записывали (иногда не хотели, а иногда и не могли записать) сейчас наверстывается советскими фольклористами (например, фольклор рабочих).

Произошли большие изменения и в масштабах и в методике собирательской работы. Многочисленные местные научные и литературные организации создают такую обстановку, при которой собирание и запись фольклора все больше и больше переводятся в план стационарной работы. И в этих условиях, естественно, репертуар крупнейших исполнителей, как бы он ни оказался велик, записывается полностью. Примером тому является запись 116 сказок крупнейшей современной сказочницы А. К. Барышниковой (Куприянихи). Запись произведена работниками Воронежского Пединститута.[1] Такие коллекции, большею частью еще не опубликованные, имеются во многих учреждениях.[2]

В этом же плане проводилась запись и подготовка к изданию „Сказок Карельского Беломорья".

II

Богатство русского фольклора на Севере, на территории Карелии и Северного края открыл П. Н. Рыбников. 75 лет тому назад он собрал там свыше 200 былин, не считая зна-

---

[1] 72 сказки опубликованы в отдельной книге „Сказки Куприянихи". Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и комментарий А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. Вступительная статья и общая редакция проф. И. П. Плотникова. Воронежское областное книгоиздательство, 1937 г.

[2] Например, в Карельском Научно-Исследовательском Институте Культуры хранятся сказки нескольких крупнейших карельских и русских сказочников и т. д.

чительного количества других видов народно-словесного творчества. Вслед за Рыбниковым выехал туда А. Ф. Гильфердинг, который в этих же местах в течение короткого времени, проверив подлинность записей Рыбникова, от 70 исполнителей записал 300 с лишним номеров былин.

Собрание Рыбникова и Гильфердинга вошли крупнейшим вкладом не только в русский, но и в международный фонд памятников народно-поэтического творчества. А несколькими десятилетиями раньше, там же, на Севере, в карельских районах Элиас Ленрот собрал богатейшую коллекцию рун и создал свою знаменитую „Калевалу“.

Успехи Ленрота, Рыбникова и Гильфердинга укрепили за Севером славу сокровищницы фольклора, и на Север устремляются группами и в одиночку собиратели памятников народно-поэтического творчества. За этот период — на протяжении 70 лет — русские районы Карелии и Северного края в этом отношении обследованы, пожалуй, значительно больше, чем другие места. Такое положение объясняется, с одной стороны, необычайными успехами первых собирателей, записавших исключительные по объему и качеству материалы. С другой стороны, богатством и разнообразием фольклора и, в-третьих, желанием систематически наблюдать процесс жизни или, как говорят фольклористы, процесс бытования и эволюционирования памятников. Ездить на Север стало для фольклористов традицией. В результате там собран огромный материал по всем видам народного словесного искусства и накоплены значительные наблюдения над жизнью различных жанров почти за три четверти века. Факт этот сам по себе безусловно весьма положителен и имеет важное значение для науки. Однако, и в этом случае проявилось характерное для дворянской и буржуазной науки отношение к фольклору. Увлечение севером объясняется не только успехом Рыбникова, открывшего в этих местах былинные богатства. Если проследить в общих чертах устремления фольклористов, собирающих русский фольклор, то окажется, что и в конце XIX и в XX веке очень сильна тенденция собирать материалы в местах, наиболее удаленных от центра, в „глухих углах“. И как это ни странно, но мест-

ности наиболее близкие к центральным научным учреждениям оказались наименее всего обследованными. Все это — не простая случайность. Такое положение тесно связано с общими принципами собирания и изучения народно-поэтического творчества дворянско-буржуазными учеными. Еще славянофильская фольклористика определяла фольклор, как пассивное отражение глубокой старины и расценивала его прежде всего и главным образом со стороны его архаики. Отсюда и стремление собирателей записывать материал там, где он меньше всего подвергался и подвергается влиянию современности, т. е. в местах, наиболее оторванных от культурных центров. Взгляд этот, претерпевая некоторые незначительные изменения, заметно держался на всем протяжении второй половины XIX века.

Оказывал этот взгляд свое влияние и в XX веке. И отсюда упорное стремление собирателей на Север, в „край непуганных птиц“.

Чрезмерное увлечение архаикой продолжалось даже и в послереволюционный период и приводило к политически вредной односторонности, мешающей изучать фольклор в его живом бытовании, в его живой связи с прошлым и настоящим. Еще каких-нибудь пять-шесть лет тому назад в отдельных случаях имели место такие факты, как, например, теория белорусских националистов, игнорирующая в фольклоре явления современности и утверждающая ценность материала, записанного только от глубоких стариков и старух.

Нет сомнения, что из этого же самого направления вытекало и то анти-историческое и анти-народное утверждение, которое объясняло богатство русского фольклора и, в частности, богатство фольклора на Севере — культурной отсталостью народа.

Такое утверждение было естественным для дворянской науки, рассматривающей народно-поэтические произведения вне связи их с окружающей действительностью. Оно вполне соответствовало тому мнению, что фольклор, являющийся пассивным отражением глубокой старины, сохранился в крестьянской среде, потому, что эта среда наименее культурна.

Нет ничего удивительного в том, что такое объяснение фольклорного богатства разделялось и буржуазными социоло-

ами конца XIX и начала XX века. Оно так прямо и вытекало из того утверждения, что созданные в господствующих классах памятники фольклора с течением времени „опускались“ в народ и в известной переработке продолжали здесь жить именно в силу культурной отсталости данной среды.

Утверждение это, сводившееся в конечном счете к тому, что чем менее народ культурен, тем богаче и разнообразнее его словесно-поэтические памятники, имело широкое распространение и устойчиво держалось почти до самого последнего времени, даже многие из наших современников весьма недвусмысленно высказывались в этом направлении. Вот что, например, говорит писатель этнограф Пришвин: „...Особенность охоты за сказками была в том, что чудесные образцы народной поэзии таились непременно в самых глухих местах и величайшим их врагом была земская школа. Случалось не раз переменять маршрут только потому, что в пределах района, по слухам находилась хорошая школа с энергичной учительницей. Чем лучше школа, тем меньше нам было добычи...“ [1]

Об этом же говорит и проф. М. Сперанский в своем курсе „Русская устная словесность“. Он утверждает, что „... на Севере, где грамотность сравнительно слабо развита, сказка вместе с былиной, как художественные произведения, играют известную роль в быте народа...“ Дальше он, отмечая снижение художественной ценности и подлинности сказок, говорит: „Причины этого лежат в общих веяниях современной культуры, в развращающем действии города, обмене населения, солдатчине и т. д.“.[2] Словом основные условия жизнеспособности народного словесного искусства, по мнению проф. Сперанского, кроются в наибольшей консервативности и оторванности народа от современности и от культурных центров. Не лишены подобной тенденции и многие другие высказывания фольклористов XX века.

---

[1] Михаил Пришвин „В краю непуганных птиц“, (2-е издание) Москва—Ленинград, ГИЗ, 1934, стр. 15.

[2] Проф. М. Сперанский „Русская устная словесность“, Москва 1917, стр. 410 и 411.

Примеры таких высказываний имеются в большом количестве. Увеличивать их здесь нет смысла. Повторяю, что такое объяснение богатства русского фольклора вообще и в частности богатства и разнообразия фольклора на Севере было широко распространенным и весьма устойчивым утверждением. Такое объяснение вполне соответствовало общим методологическим принципам дворянско-буржуазной науки, ее стремлению теоретически обосновать превосходство и господство одних классов над другими.

Однако, упорное и настойчивое кивание на культурную отсталость и подчеркивание этого в отношении к северному русскому крестьянству, не соответствуют истине.

Ни место, ни характер статьи не позволяют подробно остановиться на этом и дать исчерпывающий материал по этому вопросу. Я хочу привести лишь некоторые доказательства, подтверждающие то положение, что северное крестьянство ни в какой степени не выделялось культурной отсталостью, а скорее наоборот — стояло в этом отношении значительно выше многих других районов и областей России.

Уже в самом процессе продвижения русских на Север мы сталкиваемся с такими моментами, которые дают весьма положительные указания на этот счет. Во-первых, на северную приморскую сторону в течение долгого времени оказывал сильное влияние один из крупнейших хозяйственных и культурных центров в Европе — Новгород. Факт этот бесспорно имел большое культурное значение, и это, в первую очередь, необходимо учитывать.

Во-вторых, в стремлении русских на Север и в освоении новых мест большую роль играли монастыри. „...Некоторые монастыри явились особенно деятельными метрополиями... Обитель Сергия развила широкую колонизаторскую деятельность: в XIV в. из нее вышло 13 пустынных монастырей-колоний и 2 в. XV в. Потом ее ослабевшую деятельность продолжали ее колонии и колонии колоний... Движение шло полосами по рекам, не соблюдая географической последовательности, делая широкие скачки от Троицко-Сергиева монастыря к Белозерову (монастырь Кирилла Бело-

зерского), а с Белозера прямо на Соловецкий остров, сливаясь с боковым течением, шедшим туда же к Белому морю из Новгорода".[1] Густая сеть монастырей и монастырьков подвигалась в общем движении русских на Север. Факт этот имеет большое значение, так как прогрессивная роль монастырей, как рассадников письменности в раннем периоде их деятельности общеизвестна.[2]

В третьих, — Московское государство, начиная с половины XVI века вступает в торговые связи с Западом через Белое море. Например, известно, что еще в 1562 и 1564 гг. монахи Печенгского монастыря, расположенного на Кольском полуострове, ходили на своих лодьях в норвежскую крепость Вардегус торговать рыбой, рыбьим жиром и другими товарами. А несколькими годами позже появляются в Белом море английские и голландские корабли, и с этого времени начинается активная торговля Москвы с Западом через северные реки и Белое море.

Иностранцы, главным образом англичане, не только посылали свои торговые суда в Беломорские гавани, но и строили на Севере свои конторы и склады и проникали довольно далеко вглубь страны. Такое положение приводило к постоянному общению местного населения с иностранцами. С другой стороны, и сами русские промышленники ходили в норвежские гавани. Таким образом Север интенсивно общался с Западом и подвергался влияниям европейской культуры значительно больше чем центральная Россия.

В четвертых, необходимо всегда учитывать тот важный факт, что на Севере, если и было крепостничество, то оно носило иной характер, чем это было в остальной России. Поморы не знали крепостника - рабовладельца, не испытывали на себе многовекового гнета и произвола со стороны барина-помещика. Кроме того, удаленность от административных центров и отсутствие удобных путей сообщения с этими

[1] В. О. Ключевский. „Курс русской истории", Петроград, 1918 г., часть II-я, стр. 307—308.

[2] Как общеизвестно и то, что в дальнейшем монастыри являлись душителями культуры.

центрами создавали такую обстановку, при которой крестьяне чувствовали себя значительно свободнее, были более независимыми от произвола чиновников.

В-пятых, территория нынешней Карелии и Северного края долгое время была местом, куда русское самодержавие ссылало не мало революционных деятелей. Политические ссыльные входили в общение с местным населением и оказывали на него большое культурное влияние.

В-шестых, известно, что преследование скоморохов, этих артистов и поэтов русского средневековья, усилившееся особенно с XVII века, вынуждало их уходить на окраины. Имеются основания утверждать, что многие из них нашли приют на Севере. Здесь они оседали, и безусловно, оказали культурное влияние на окружающее местное население.

Суммируя все эти факты, следует еще раз подчеркнуть, что представление о русском Севере, как о глухой застойной окраине, нуждается, без сомнения, в значительных коррективах. А в связи с этим и причины богатства и разнообразия фольклора на Севере должны быть пересмотрены.

Так, например, в качестве одного из излюбленных и основных для старой науки аргументов, было утверждение об исключительно низкой грамотности северного крестьянства. Слов нет, грамотность северного крестьянства была низка, но это ведь в такой же степени, если не больше, относилось ко всему крестьянству дореволюционной России. А между тем известно, что основной фонд древнейших частных грамот и юридических актов составляют памятники письменности именно русского Севера. Примечательно, что в этих собраниях как раз очень много документов составлено в крестьянской среде.

Указания на грамотность северного крестьянства в более поздний период встречается нередко. „Грамотность давно известна кемским крестьянам. Уже в XVII веке выборные и старосты их умели писать“.[1]

---

[1] Архангельский сборник или материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенных в разное время в Архангельских губ. Ведомостях в 6 частях, часть I-я книга 2-я, стр. 240.

При сравнении же статистических данных выясняется, что например, средняя цифра грамотности по Архангельской губернии стоит на одном из первых мест в России. Так, по подсчету Центрального Статистического комитета за 1856 г. получилось, что „...по числу учащихся, приходящихся на 100 жителей, все губернии распределялись так: в Петербургской губернии учащиеся составляли 2.17% всего населения; *в Архангельской*, Бессарабской, Таврической, Московской, Саратовской и Самарской — от 1.07 до 1.63%; в двадцать одной губернии (Пермской, Астраханской, Екатеринославской, Херсонской, Смоленской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Калужской, Пензенской, Воронежской, Казанской, Тверской, Орловской, Черниговской, Рязанской, Тульской, Виленской, Ярославской, Киевской и Нижегородской) — от 0.95 до 0.50%; в восемнадцати губерниях (Тамбовской, Симбирской, Ковенской, Могилевской, Харьковской, Вятской, Владимирской, Полтавской, Оренбургской, Костромской, Псковской, Курской, Гродненской, Витебской, Минской, Подольской, Донской и Волынской) — от 0.49% до 0.23%".[1]

А сведения по начальному образованию за 1896 г. показывают, что количество школ, которое приходилось на каждые 10.000 населения в губерниях Олонецкой и Архангельской, является наибольшим, равно, как и процент учащихся по отношению к общему числу населения в этих губерниях занимал одно из первых мест по России.[2] (Если же принять во внимание, что в составе ряда уездов Архангельской и Олонецкой губерний было много нерусского населения (карел, ненцев, саамов), почти совсем неграмотного, то цифра грамотности среди русских поднимается здесь еще выше. Оговорка эта имеет большое значение, так как она служит весьма существенной поправкой к средним статистическим цифрам грамотности по уезду и губернии. Для большей наглядности приведу средний процент грамотности среди поморов,

---

[1] „Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.". Цитирую по книге Г. Фальборга и В. Чернолусского „Народное образование в России", стр. 33.

[2] Там же стр. 214 и 215.

саамов и карел по Кемскому уезду Архангельской губерни
за 1871 г.“[1]

1. Поморы 7.1
2. Карелы 1.3
3. Саамы 1.0

Конечно, не только грамотность является показателе
культуры народа (хотя она и один из основных и решающи
показателей), но есть не мало и других данных, подтверждаю
щих высокую степень хозяйственного и культурного развити
края.

Известно, например, что промышленность возникла и раз
вивалась на Севере значительно раньше, чем во многих други
районах России. Основное, что определяло экономику русског
севера и в особенности Беломорья — это развитие промысло
и местной промышленности. Это как раз такой неземледель
ческий район о котором В. И. Ленин пишет:

„К культурным особенностям мануфактуры относитс
во 1) очень продолжительное (иногда вековое) существовани
промысла, кладущее особый отпечаток на население; во 2) боле
высокий жизненный уровень населения“... „..Особенно
замечателен при этом факт более высокого культурного уровн
населения в таких неземледельческих центрах. Более высока
грамотность, значительно более высокий уровень потребносте
к жизни, резкое отделение себя от „серой деревни матушки“-
таковы обычные, отличительные черты жителей в подобны
центрах“.[2]

Это положение В. И. неоднократно повторяет в свое
работе, подтверждая многочисленными примерами относящ

---

[1] Записки РГО по отделению Статистики, т. V, СПб. 1878. Фран
Ульрих „Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу“, стр. 2

Не безинтересно отметить, что в отношении последней группы авто
утверждает: „В Кольско-лопарской волости на 1493 жителей считаетс
грамотных только 15 челов., но и эти лица все почти русские, приписавшиес
к лопарским обществам“.

[2] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, Сочинения Изд. 3, т. I
стр. 336-337.

мися к самым различным промысловым районам России. Наглядным и прекрасным подтверждением этому положению является общеизвестная опрятность северного крестьянства, чистота их жилых помещений. И, наконец, Север всегда славился и привлекал внимание многих искусствоведов своей замечательной архитектурой, живописью, резьбой по кости и дереву, тканями и вышивками.

Не случайно, конечно, край этот выдвинул ряд отважных, мужественных моряков, имена которых вошли в историю полярного мореходства. Русский Север родил и вскормил великого нашего ученого и поэта Ломоносова.[1]

Все эти общеизвестные факты лишний раз подтверждают то положение, что русское северное крестьянство в культурном отношении стояло на одном из первых мест.

Таким образом получается как раз обратное тому, что утверждали представители буржуазно-дворянской науки — развитие, богатство и разнообразие народно-поэтического творчества находится не в обратной, как они говорили, а в прямой зависимости от грамотности и культурности народа. Отсутствие крепостничества, более высокий, по сравнению с другими районами, экономический и культурный уровень местного населения объясняют богатство русского фольклора в Беломорье. Блестящим подтверждением этому положению является наша советская действительность. В период великой Сталинской эпохи, наряду с небывалым подъемом культуры и благосостояния, народы Советского Союза создают все новые и новые ценности во всех областях народного искусства. Необычайное развитие подлинного народного творчества, особенно в последние годы, является живым, убедительным примером тому, что чем обеспеченнее, культурнее и радостнее жизнь народа, тем богаче, полнее и разнообразнее его народно-поэтическое творчество.

---

[1] См. Н. К. Пиксанов „Областные культурные гнезда“ М. Л. 1928. Госиздат. Б. Н. Меншуткин „М. В. Ломоносов“. Л. 1911. Из-во Акад. Наук и повторное издание.

А также у М. К. Азадовского в его статье „Сказители и книга“ „Язык и литература“, VIII, Из-во Акад. Наук СССР, 1936 г.

III

В многообразном и богатом фольклоре поморов од из крупных мест принадлежит сказке. Она полнокровно живе и звучит сегодня в беломорских колхозах. Лучшим тому дока зательством является и общее количество сказок, записанны в четырех районах Карельского Беломорья, и наличие крупны сказочников, и, наконец, то обстоятельство, что сказка только живейшим образом отражает специфику местных усло вий труда и быта, но она и органически связывается с наш современностью. Все это обеспечивает ее интенсивную жизн и дальнейшее развитие.

В обследованных мною районах бытует сказка и детск и взрослая.

К первой группе относятся преимущественно сказки о ж вотных. Исполнителями этих сказок являются или сами дет или взрослые, главным образом женщины: няни, матери и б бушки. Репертуар подобных сказочников не велик. Обычн 2—3 сказки, редко больше. Взрослые исполнители таких ск зок большею частью не придают того значения рассказыв нию, которое так ярко иногда проявляется у другой груп сказочников, при передаче сказки среди взрослых слушат лей. Детская аудитория менее взыскательна и с жадность готова в сотый раз слушать одну и ту же сказку в любо исполнении, пополняя недостатки изложения собственно фантазией.

Сказки для взрослых, в отличие от первой группы, нося в себе все отпечатки проявления индивидуального мастерств Они отличаются широким тематическим диапазоном и раз рабатывают многообразную форму произведений, начиная больших полотен с чрезвычайно сложной и часто мастерск слаженной композицией, и кончая коротким, в две-три строк анекдотом. И соответственно этому в сказке, так же, как в литературе, талант одних с наибольшей силой проявляетс в романе, в повести, словом в объемном произведении, дру гие же, наоборот, стремятся овладеть и овладевают главны образом малыми формами.

Подобно тому, как в книжной литературе крупнейшие и наиболее талантливые ее представители, обладая широкими творческими возможностями, не ограничивают себя одним жанром, выдающиеся мастера народно-поэтического творчества располагают обычно многообразным по форме репертуаром. Однако, всегда или, во всяком случае чаще всего их дарование с наибольшей силой раскрывается в каком-нибудь одном виде сказок.

В этом отношении материал, записанный от сказочников Карельского Беломорья, является очень показательным. В числе 20 с небольшим исполнителей, репертуар которых составляет около 230 авторских листов в записи, встречаются мастера с ярко выраженным направлением в сторону волшебной и волшебно-героической сказки; сказки-новеллы, сказки сатирической или веселого анекдота. Почти каждый сказочник имеет в своем репертуаре все перечисленные виды сказок, однако, в передаче всегда проявляются его творческие устремления, его жанр. Яркий пример в этом отношении представляют собою сказки Матвея Михайловича Коргуева, который и по богатству репертуара и по своим исполнительским данным является замечательным мастером русской сказки, и смело может быть поставлен в один ряд с крупнейшими художниками народного словесного искусства.

Матвей Михайлович Коргуев родился в 1883 году в с. Кереть, Лоухского района (б. Кемский у. Архангельской губ.) в семье бедняка-помора. В семилетнем возрасте лишился отца и до 9 лет ходил по миру. С 9 лет начал трудовую жизнь; был подпаском, а по зимам пилил дрова и тем кормился. 13 лет нанялся поваром на судно местного купца Савина.

— Капитаны издевались уж очень — говорит М. М., вспоминая жизнь на судне. И его потянуло стать рыбаком. Но так как никаких орудий лова он не имел, то ловил от богачей-односельчан. И только много лет спустя, благодаря усердным стараниям и удачному промыслу в течение ряда лет, удалось Коргуеву обзавестись кое-какой рыболовной снастью. Женился он рано, еще в тот период, когда был батраком, и имел

большую семью — было 12 человек детей. Многие из ни умерли, а некоторые уже женаты или вышли замуж и живу отдельно.

Сейчас Коргуев — активный член колхоза. Он неграмоте но это ему не мешает быть одним из лучших бригадиро лова и пользоваться большим уважением молодежи; ловит в его бригаду рыбаки идут с большим удовольствием.

Коргуев всю свою жизнь провел в пределах своего ра она и до поездки в Петрозаводск летом 1936 г. был толь один раз в городе (ходил на судне в Архангельск), с людьми встречался часто и встречи были самые разнообра ные, так как работал он по прокладке телеграфной линии, лесозаводе и на постройке железной дороги.

Советская власть дала Коргуеву все, что она дала миллиона трудящихся. Бывший батрак Коргуев стал одним из первы людей в деревне. И он это чувствует, понимает и с честь носит звание строителя социализма. Поездки в Петрозаводск в Ленинград, встречи с различными представителями советско общественности дали Матвею Михайловичу еще больше почу ствовать всю огромную разницу между старым положени задавленного нуждой бедняка-помора „с которым и говорить-т даже не хотели, кто почище одет, а не то, что иное б там", и тем вниманием и уважением, которое он встрети в Петрозаводске и в Ленинграде летом и зимой 1936 Чувствуя все это, он в одной фразе передал свое отноше ние к такой перемене.

Приехав второй раз в Петрозаводск, Коргуев встретил со мной и на мой вопрос, был ли он уже в том учреждени которое его вызвало, и получил ли причитающиеся ему дорогу деньги, ответил: „не к чужим ведь приехал, беспо коиться об этом нечего, получу."

И в этом „не к чужим ведь приехал" он коротко и ясн определил свое отношение к советской действительност Такова в двух словах биография сказочника.

Мастерством своим он во многом обязан наследственно любви к художественному слову. Мать сказочника была карелк и она и ее брат, дядя М. М., знали много сказок и пели руны

и оба ценили искусство слова. От матери Коргуев унаследовал и карельский язык и любовь к песням и сказкам.

Обстановка для развития его художественных стремлений была самая благоприятная. Как сказано выше, сказка в Беломорье пользуется и, без сомнения, пользовалась большим распространением. С другой стороны — многочисленные встречи с людьми из самых различных мест на работах оказывали на него в этом отношении свое влияние. И, действительно, выясняя, когда, где и от кого он перенял ту или иную сказку, убеждаешься, что каждая встреча давала ему что-нибудь новое. В течение всей своей жизни, было ли то на охоте, на лесозаводе, на постройке железной дороги или на семужьей тоне, Коргуев очень охотно сам рассказывал и с увлечением слушал других сказочников, беспрестанно пополняя свой репертуар все новым и новым материалом.

Обладая исключительной памятью, он сразу запоминает буквально на всю жизнь не только сказку, но и все детали той обстановки, при которой ему довелось ее слышать. Так, записав однажды от него одну из лубочных сказок, я по обыкновению тут-же стал расспрашивать Коргуева, когда, где и от кого он впервые услышал ее, рассказывали ли ему эту сказку или читали.

„Услышал я эту сказку на работах по подвеске телеграфного провода. Читали один раз вслух. Было это в 1904 году в мае месяце. Помню, дождик шел с утра, не работали. Небольшая книжка с картинкой; кажется сто восемь листков всего. Потом и сам стал рассказывать. Первый раз рассказал на поимке оленей. В это время в темные осенние ночи около огня много сказок да песен было“.[1]

И так каждый раз он легко и со всеми подробностями восстанавливает обстановку, при которой ему довелось впервые услышать сказку. Благодаря своей изумительной памяти,

---

[1] Поморы северной части Карельского Беломорья имеют небольшие стада оленей. Летом, когда нет надобности в тягловой силе, олени пасутся вдали от деревень, и уходят так далеко, что осенью, когда в них приходит хозяйственная надобность ловить их, отправляются целыми артелями и поиски продолжаются иногда неделями.

он всегда имеет под рукой обширный материал и пользует
им с большим мастерством. Именно — материал, так как Ко
гуев не только воспроизводит слышанное или пересказыва
но искусно оперируя имеющимся в его распоряжении запас
разнообразных мотивов, очень часто совершенно по-ново
строит сказку. Такой прием кроме свежести и занимател
ности, вносимой в передачу знакомого сюжета, открыва
широкие творческие возможности. Он позволяет сказочни
самостоятельно обогащать свой репертуар: обновлять п
вычную композицию и создавать новые сказки. От Коргуе
записано 115 текстов, составляющих в общей сложности око
1.500 страниц машинописи, но репертуар его этим до ко
не исчерпан. М. М. продолжает обогащать его все новы
и новыми сказками. Достигает он этого, с одной стороны, за
минанием услышанных неизвестных ему сказок. Так, в те
ние последних трех лет у него прибавилось десять сказ
С другой стороны, творчески перерабатывая, обновляет у
известные ему сказки и, в третьих, создает новые произ
дения.

Сравнивая сказки Коргуева с аналогичными варианта
записанными от других русских исполнителей, необходи
отметить главное, что выделяет коргуевский стиль, его испо
нительскую манеру.

При самом беглом знакомстве с его текстами бросае
в глаза стремление сказочника к монументальным форм
В творчестве Коргуева имеют место почти все виды русск
сказок — от волшебных и волшебно-героических до коротк
анекдота включительно. Он не ограничивает себя каким-нибу
одним видом, но при всем том наиболее для него характе
ными являются сказки волшебные и волшебно-героическ
По количеству они составляют немного меньше полови
записанных от него текстов (52 из 115 номеров), а по объе
этот цикл равен $^{6}/_{7}$ всего репертуара. Такое соотноше
уже само по себе дает характеристику стремлений Коргуе
И именно эта группа сказок определяет творческий обл
сказочника. В них со всей силой раскрывается его тала
мастерство творца и обаяние исполнителя. Он много внос

личного, своего, главным образом в сказки этой группы, заставляя их с большой художественной силой звучать сегодня. Не случайно шесть лет тому назад Коргуев в течение целого сезона ежедневно после работы рассказывал сказки членам геолого-разведывательной экспедиции, и все участники этой экспедиции с большим удовольствием слушали рассказчика.

Я лично наблюдал впечатление, которое производит Коргуев на слушателей. Моя первая с ним встреча произошла в 30 километрах от деревни на острове Белого моря, где он с бригадой колхозников ловил рыбу, или, как там говорят, сидел на тоне. В день моего приезда лов был особенно удачен. Бригада рыбаков после тяжелой работы только на несколько часов завернула в избу. По моей просьбе Матвей Михайлович после ужина начал рассказывать одну из больших волшебных сказок. Рассказ продолжался около полутора часов. Но, следует отметить, что до самого конца, все слушали с огромным вниманием о чудесных подвигах героя. И уже после, когда укладывались спать, все еще продолжали возвращаться к отдельным, наиболее ярким эпизодам и удачным местам сказки. Так он умеет держать в напряжении слушателей. Достигается это благодаря тому, что сказочник с большим мастерством и тактом ведет свой рассказ, умело пользуясь многими средствами художественной передачи. Разнообразные чувства своих героев, их переживания, он передает голосом, мимикой, жестами, но никогда не переигривает, и от этого сказка в его исполнении приобретает особенную силу эмоционального воздействия.[1]

Нельзя при этом не отметить мастерскую разработку диалога. Сказка в исполнении Коргуева, благодаря этому, приобретает исключительную динамичность.

— Батюшка, знаете, что я вам скажу.

---

[1] Следует, однако, отметить, что Коргуев почти совсем не обладает возможностью выступать перед большой аудиторией, не имея для этого ни голоса, ни других данных эстрадника. Он, если можно так выразиться, исполнитель камерный, наилучшим образом рассказывающий в интимно-дружеской обстановке при небольшом числе слушателей 5-10 человек.

— Ну, говори, дочка.

— А вы знаете, с кем вы сидите сейчас?

— Да с рыцарем, как видно.

— Ах, с рыцарем?

— Да.

— Это рыцарь, знаете кто есть, батюшко?.. и т. д. (№

Но, кроме исполнительских данных Коргуев обладает знач тельными авторскими способностями и умело с большой зани мательностью строит произведение, наполняя привычную схе такими элементами, которые обусловливают жизнеспособнос сказки, обеспечивают интерес и внимание к ней со сторо слушателя.

Все сказки Коргуева или, во всяком случае, большинст их, отличаются своим объемом. Средний объем текста е волшебных и волшебно-героических сказок — лист. При эт очень часто сказки представляют собою сложную контами цию различных мотивов, а иногда и целых сюжетов, иску соединенных в новой композиции. Такое стремление к мон ментальности и сложное развертывание сюжета путем соед нения мотивов и целых произведений характерно вообще д сказок Карельского Беломорья.[1] Но с особой силой оно пр является в творчестве наиболее одаренных сказочников.

Сказки Коргуева перерастают обычные нормы не толь по объему, они выходят за пределы обычного представлен о сказке и в то же время продолжают оставаться сказка При сравнении коргуевских текстов с материалами, записа ными от других сказочников, выясняется, что сказкам Матв Михайловича свойственна большая устойчивость сказочн обрядности, т. е. всего того, что носит название общих ме и характерных для данного жанра определенных словесн формул. С этой стороны Коргуев, пожалуй, наиболее кан ничен из всех других сказочников. Он очень ревниво собл дает основы сказочной поэтики. За исключением двух, тр случаев все его сказки начинаются типичными для русск

---

[1] Например, некоторые сказки другого крупного сказочника Ф. Свиньина достигают размера 4 авторских листов.

сказок начином или зачином. „Не в котором чарстви, не в котором государстви жил был чарь“ (крестьянин, купец или старик со старухой). В иных случаях эта же самая формула обогащается некоторыми дополнениями: „Вот не в котором чарстви, не в котором государстви, а именно в том, в котором мы с тобой живем, жил-был крестьянин“ и т. д.. или: „Не в котором чарстви, не в котором государстви жил-был крестьянин, жил ни богато, ни бедно, а так средне“. В иных случаях зачин суживается: „Вот жил-был крестьянин на белом свете“, или: „Она (сказка) начинается, конешно, с купця“. Оправдывая эти вступления, не имеющие обычно прямого отношения к действию, сказочник свою первую сказку[1] начал так: „Ну конешно, как говорили у нас по-старинному, не в котором цярстви, не в нашем государстви жил-был купец“. Это предуведомление показывает отношение исполнителя к формуле, оно говорит за то, что пользуется он ею совершенно сознательно.

Формулы-заключения, или, как их принято называть, концовки, в сказках Коргуева используются часто, но они в большинстве своем не отличаются богатой формой. Наибольшее количество сказок кончается простыми заключениями: „И стали жить до глубокой старости“, или: „На этом она (сказка) и кончаетце“; в пяти, шести случаях встречается такой конец: „Стали жить да быть и до сих пор живут“. Хотя ему известны и более сложные концовки, как, например, такие: „Ну, и я там был, пиво, мед пил; по усам текло, а в рот не попало“, или: „И стали они жить до глубокой старости, и до сих пор живут да еще, пожалуй, и нас переживут“. Есть и еще более разработанные заключения, не раз встречающиеся в разных редакциях: „С тех пор живет, поживает, и беды никакой не знает. И я там у него был, пиво-вино пил; по усам текло, конешно, в рот не попало. Дали мне там синь кафтан, я иду и хвалюсь: „вот у меня синь кафтан, вот у меня синь кафтан“, а птицька на кусту сидит и говорит: „скинь кафтан“, скинул и так без кафтана и пришол. Тут и сказка вся, больше врать нельзя“. Особняком стоит концовка, заклю-

[1] См. кн. 2-ю, приложения, сказка „Шут“.

чающая сказку „Про Чапая“ — „Прославилсе Василий све
Иванович, по прозванию Чапаев. И почитают его по все
нашей земле. А семье его и матери дали пособие, не ост
вили в обидушку. И теперь о нем все славитце, ну наза
Василий не воротитце“. Формой своей она ближе всего нап
минает былинную концовку, а по содержанию теснейшим обр
зом связывается с нашей советской действительностью, т
как в нее вложено и личное восторженное отношение авто
к герою, погибшему за Советскую Власть, и полная увере
ность в том, что заслуга перед родиной создает неувядаему
славу и, что сиротство в нашей стране не является трагеди

Значительно устойчивее и богаче обрядность выдерж
вается Коргуевым в самом изложении сказки. Тут и канон
ная трехчленность, и троичность действия, и типичные ск
зочные формулы и традиционные повторы. Все это чрезв
чайно характерно для сказок Коргуева, особенно для сказ
волшебных и волшебно-героических. В таких сказках, к
например: „Елена Прекрасная“ (№ 7), „Три брата“ (№ 1
„Матюша Пепельно́й, Налиту́ровый Колпак“ (№ 22), „Незнайк
(№ 33), „Аленький цветочек“ (№ 42), „Как старик женил
на одной ягой бабе“ (№ 75). „Как купец сделал договор с одн
королем“ (№ 54) и т. д. Коргуев исключительно строго держит
традиционных правил сказочной поэтики, и по сравнен
с аналогичными вариантами, записанными от других русск
сказочников, коргуевские сказки выглядят наиболее канонич
Так, в некоторых случаях он даже самостоятельно ввод
вместо одной сестры, царевны, традиционных три („Матю
Пепельно́й, Налиту́ровый Колпак“ — № 22), хотя во всех друг
вариантах этого сюжета обычно она одна и т. д. Словесн
формулы у Коргуева часто достигают высокой художеств
ной формы: „Как россмеетце, то золото повьетце, а распл
четце — жемчуг покатитце“ (№ 7) или: „Эх, дать — бож
благодать, кабы конь — мне гулять, кабы лук — мне стреля
как бы меч — мне-ка сеч, кабы красная девица — мне с н
спать“ (№ 22), и там же „Будет лук, да не будет рук, буд
меч, да не тебе им сеч, будет добрый конь, да не т
на ём ездить, будет красная девица, да не тебе с ней спат

ли: „Не твоя слега, не тебе ей владеть“. Или в сказке № 10 стречаются целые диалоги:

— Молодець, молодець, пей, не напивайсе, еш, не наедайся, о мной спать собирайсе и до́ су́ха ложки не вытирай.

— Помрут не скачут, едят не потчуют и знают как утиать надо.

Даже в сказке „Про Чапая“ (№ 1) построенной на совреенном материале, сказочник остается верен традиционной оэтике. „И начал он бить, как траву косить, колчаковичей деникинцей“, или: „И мечом рубил, и копьем колол и носился, ак вихорь“. Я уже не говорю о таких обычных и часто встреающихся обращениях как например: „Што, Иван царевич, ы не весел, буйну голову повесил“, или: „Избушка, избушка, овернись к лесу глазами, а ко мне воротами, мне не век ековать, одну ноч ночевать“ и т. д. Они встречаются Коргуева в каждой сказке. Благодаря такому стремлению обрядности и использованию словесных формул сказки оргуева выглядят весьма традиционно и приобретают яркие оэтические краски. Они сохраняют всю поэзию сказки, о в то же самое время несут в себе много таких элеменов, которые выводят сказку за пределы привычных, установившихся представлений о ней. Добивается сказочник этого ногими разнообразными приемами.

Основное, что выделяет сказки Коргуева — это стремлеие к монументальности и наибольшему богатству фабулы. н достигает этих качеств, во-первых, путем введения в траиционную сказочную схему мотивов и мотивировок из других казок; во-вторых, введением в старую схему новых эпизодов; третьих, путем контаминации целых сюжетов; и, наконец, четвертых, созданием новых композиций путем соединения радиционных мотивов с новыми.

Примером первого вида, когда сказочник вводит в обычую схему мотивы из других сказок, является сказка „Шут“, № 32. Здесь в схему „Чудесное бегство“ с помощью лошади, казавшейся заколдованным юношей (по Указателю Н. П. ндреева № 314) вводится мотив из другой сказки (Андреев № 313). Мотив этот нужен сказочнику, чтобы показать, как

герой попал к волшебнику. Но так как традиционная схе
такого объяснения не имела, то Коргуев заимствует его
другой сказки. Подобные примеры соединения мотивов
разных сказок встречаются у сказочника довольно час
См. например сказки №№ 3, 7, 8, 11, 14, 24, 25, 27, 28,
44, 51 и другие.

Еще более применяется Коргуевым второй прием, при
введения в старую схему новых эпизодов. Так, в сказке „Еле
Прекрасная“ № 7, представляющей собой сложное соеди-
ние традиционных мотивов в известном сюжете — царе
лягушка — (Андреев № 402 + (400 А + 302) введен ряд ори
нальных эпизодов: желание Ивана царевича поступить к Кащ
в работники; превращение его в орех; бой героя с Кащ
и смерть Кащея. Точно также новыми эпизодами является и осв
бождение замученной Кащеем Елены Прекрасной, ее жи
у дедушки-орла и награждение героини богатырской си
Все эти, почти не встречающиеся в русском сказочном ре
туаре эпизоды, сказочник не механически вставляет в обыч
схему, а вводит, органически связывая их со всем ходом ра
вития сюжета. Примеры введения новых эпизодов см. та
в сказках №№ 10, 12, 14, 15, 16, 17, 19, 43, 31, 32,
и другие.

Третий случай — соединение целых сюжетов — характе
вообще для сказок Карельского Беломорья. У Коргуева та
соединение встречается много раз. Например, сказка „Бар
царевич“ № 43 (см. книга 2-я), представляет собою контами
цию сюжетов — „Царевич-волк“ (Андреев, № 428) и „Але
кий цветочек“ (Андреев, № 425 с). Оба сюжета в соедин
использованы не полно. Первая половина сказки — это пер
часть сюжета „Аленький цветочек“: младшая дочь про
своего отца привезти ей кровать с четырьмя голубками. О
их не кормит, и голубки уносят ее к Бархату царевичу — с
ведьмы. Вторая половина коргуевской сказки включает сюже
„Царевич волк“: жена Бархата царевича с помощью м
исполняет задачи ведьмы, опускается лишь бегство от ба
яги, так как она сама гибнет в своей избушке. В другом слу
Коргуев в сюжет волшебной сказки вставляет целую нове

о позабытом родителями сыне (см. сказку № 5) и кроме того, соединение сюжетов имеется в сказках №№ 9, 20, 33, 51 и др.

И, наконец, четвертый прием — это создание новой композиции из старых и новых мотивов и описаний. Примером такого построения нового произведения, в основу которого положены мотивы из различных сюжетов, является сказка „Остров золота“ № 19.

Жена велит мужу отправить нелюбимого сына на волшебный остров. Мальчик, оставленный отцом на острове, помогает чорту в борьбе с лешим из-за волшебного зеркала. Чорт в благодарность строит герою дворец, женит его на царевне и дает ему волшебное зеркало. Царевна, наученная женой убитого лешего, крадет у Ивана зеркало, вызывает на острове наводнение, а сама со старухой улетает в свое царство. Чорт под видом кошки и Иван попадают на проходящий мимо корабль. Иван работает поваром, чорт помогает ему заслужить похвальный лист и деньги. В царстве, куда улетела жена Ивана, чорт играет на гармошке. От его игры приостанавливается уличное движение и Ивана с чортом-кошкой бросают в яму. Кошка ловит крысу, которая собирает подчиненных ей мышей и крыс, они прогрызают ход к старухе, у которой хранится волшебное зеркало, загрызают ее, а зеркало передают чорту. Иван с чортом возвращаются на свой остров, достают царевну, затем отца и тетку Ивана. Чорт заселяет остров и строит город.

Таково краткое содержание сказки (у Андреева соответствующего номера в „Указателе“ нет). Коргуевская сказка отдаленно напоминает ряд сюжетов, и в то же время не соответствует ни одному из них. Началом своим она несколько сходна с сюжетом „Падчерица в лесу“ (Андреев 480*Д), но в оригинальной обработке. В тексте Коргуева не мачеха, а родная мать, не взлюбив своего сына, отправляет его на необитаемый волшебный остров. Дальнейший эпизод — первая ночь, проведенная героем на безлюдном пустынном острове, когда он ночует на дереве, ассоциируется с „Робинзоном“. Затем в сказку втягивается мотив из сюжета „Обманутые лешие“ (Андреев, 518), но опять-таки в измененном

виде. Дальше сказка напоминает несколько мотивы из цик
„Благодарный мертвец“ (Андреев, 505) и уж только в сво
последней части она приобретает наиболее традицион
в смысле общей сюжетной схемы линию развития, лин
заимствованную из цикла „Волшебное кольцо“ (Андреев, 5
В коргуевском варианте так же жена крадет у мужа чудес
предмет и улетает от него, а герой с помощником-чорт
обратившимся кошкой, отправляется добывать и возвращ
себе чудесный предмет и добивается благополучия. От
ствует только традиционный для данного сюжета любов
В этом варианте жена, соскучившись по родителям, возв
щается к ним по совету жены убитого лешего. В самый ко
сказки, в эпизод добывания волшебного зеркала, входят
два мотива: один из сюжета „Чудесная скрипка“ (Андр
592) и другой — помощь мышиного войска — как-то отдале
соприкасается с сюжетом „Война птиц и зверей“ (Андр
222*В). Таким образом, не использовав до конца ни од
традиционной схемы, а привлекая лишь в качестве матер
отдельные мотивы и вставляя совершенно самостоятель
описания, Коргуев строит новую композицию. Может б
в связи с этим сказка „Остров золота“ не так композицио
монолитна, как другие его сказки. Так, с общим развит
сюжета слабо связаны игра на гармошке и состязание в по
ском искусстве, но зато последний из них — яркий ш
из жизни поморов и вполне оправдан, как бытовая де
оформляющая сказочный сюжет. Прием этот широко исп
зован Коргуевым в сказках №№ 31 и 34.

Всеми этими средствами сказочник стремится к наиб
шему богатству в развитии сюжета и, не стесняя себя в смы
верности привычным схемам, достигает большой легк
в редактировании готовых и в создании новых компози
Все то, что отвечает его творческим стремлениям и худ
ственному вкусу, он свободно заимствует из различных ис
ников и дополняет это собственными вставками и описани
Широко привлекая самый разнообразный материал и вкл
его в ту или иную традиционную схему, Коргуев на
с этим часто выбрасывает из основной схемы все, что

или иначе не соответствует его замыслу. Он сокращает целые эпизоды, если они выпадают из доминирующей линии в развитии сюжета. Проявляя настойчивую целеустремленность в развитии основной сюжетной линии, Коргуев в одном случае отказывается от некоторых побочных мотивов для придания большей динамичности сказке (см. „Андрей стрелец“ № 2, где совершенно отсутствует традиционное описание команды, с которой герой уходит выполнять трудную задачу). В другом случае ему это необходимо потому, что центр тяжести в сказке перенесен с фабулы на раскрытие характеров героев, и потому все, что мало связано с таким заданием, опускается (см. „Матюша Пепельно́й, Налиту́ровый Колпак“, № 22). Наблюдается это в ряде сказок см. № 8, 12, 45 и др. Так Коргуев строит композицию своей сказки. Он с большой легкостью оперирует традиционным материалом, корректирует привычные схемы и даже строит сюжеты заново.

Сказки Коргуева выделяются реалистичностью, которая проходит через весь репертуар сказочника и вносит многое в смысле новой трактовки отдельных мотивов и целых сюжетов, оправданности поступков героев, бытовых подробностей и психиологических зарисовок. Окрашивая традиционные мотивы в реалистические бытовые и психиологические краски, Коргуев добивается значительной замены, где это возможно, волшебных и чудесных элементов реально объяснимыми, при этом сохраняет всю занимательность сюжета и достигает тем самым наибольшей художественной убедительности. Так, например, в сказке „Как купеческий сын прожил отцовский капитал“ (№ 23) — герой не случайно встречается с чортом, как это имеет место в других сказках подобного типа, а увлеченный страстью к картам, он постепенно опускается, делает растрату, пьянствует и, наконец, уже попадает в лапы к чорту. Но этот эпизод в коргуевском варианте передается реалистически; герой не продает душу, как в многих других записях сказки, а нанимается к чорту в казаки́, и после окончания службы принимает нормальный вид без всякого вмешательства волшебных сил: он просто моется, бреется в парикмахерской, достигая обыкновенного человеческого вида самыми общерас-

пространенными средствами. Не менее реалистически да
описание измученной голодом и пленом у Кащея Елены П
красной (см. „Елена Прекрасная“ № 7). Она настолько ис
щена и слаба, что когда Иван царевич хочет выру
полы и извлечь ее, предупреждает: „Нет, Иван царевиць
тресенья мне не вынести будет, я умру“. Или в сказке „Зор
молодец“, № 12, царевна не узнает на пиру своего изба
теля, потому что он очень изменился во время долгого стр
ствования. Узнав его по кольцу, спрашивает: „Тебя ли я ви
мой Зоренька, почему ты так изменилсе“. — „Да тут из
нишсе, когда остался на такой горы“. В других вариан
никаких объяснений на этот счет не имеется. Стремление с
зочника к реализму так велико, что везде, где только пр
ставляется возможность, он старается опустить чудес
мотивы, заменяя их реалистическими. В сказке „Сукин с
№ 13, герой, обычно, оставляет братьям кувшин или рукави
которые должны наполниться кровью, если ему будет пл
У Коргуева, старший брат, отправляясь, просто предупрежд
„Я скрыцю, пустите коня на помогу и сами бежите“ и вы
вает помощь действительно криком. В дальнейшем излож
этой же сказки, в других вариантах, герой, обычно, чтобы п
слушать разговор своих врагов, обращается мушкой, ко
и т. п. В Коргуевской сказке он, не меняя образа челов
просто подслушивает под окном. Подобные примеры вст
чаются у Коргуева, почти в каждой сказке. Без сомне
в этом же плане он дает реалистические зарисовки быто
подробностей, часто скрашенных в интимно-лирические т
Герои его сказок — живые люди; им свойственно все чел
ческое. Поступки их мотивируются и психиологически оп
даны. Очень часто герои и героини называются: Леноч
Елечкой, Танюшкой, Ондреюшком, Санечкой. Отправляя м
выполнять трудную задачу, героиня „поставиля самовар
нацяла будить Ондрея:

— Ставай, Ондреюшко, ставай друг дорогой, уж
робота — путь-дорога дальняя“.

Заботливо собранный в дорогу герой очень грустит. „
запоходил, ему оцень было ей жалко, она стала его утеш

Утерла платком и вместе вышли на улицю у крыльца". (см. № 2) Никогда не злоупотребляя такими подробностями, Коргуев пользуется ими с большим тактом и вносит яркие бытовые и лирические детали. Или, например, такая зарисовка: герой, отправленный выполнять трудную задачу идет вслед за однообразно разматывающимся клубком. Обычно переживания путешественника опускаются. Коргуев же, подчеркивая утомительное однообразие пути и напряженное внимание героя, передает это так: „... И дальше Ондрей проводил свою дорогу, ну, клубок катитце и все меньше и меньше стал, как идет Ондрей, клубок все меньше и меньше. И скуцьно Ондрею итти, все думал об Елены Прекрасной. Вот все шол и шол, продолжал свою дорогу, клубок стал маленькой, с куриную головоцьку. Стало Ондрею скуцьно, никакого жительства нет. Чем клубок меньше, тем Ондрею скучнее". (№ 2) Очеловечивая своих героев, сказочник уделяет большое внимание раскрытию их характеров. У него есть целые сказки, построенные в таком плане. В этом отношении яркий пример представляет сказка „Матюша Пепельнóй, Налитýровый Колпак" № 22 (по Указателю Н. П. Андреева 519). Она вся держится на столкновении двух характеров — царевича и его слуги. При этом Коргуев переводит сказку в сатирический план, придает ей социальную заостренность и достигает этого исключительно реалистической разработкой характеров. Царевич у Коргуева не только физически более слабый, как это обычно для других вариантов, он самовлюбленный, надутый и глупый, трус и паникер — таков образ царевича, которому противопоставлен смелый, сильный, настойчивый, преодолевающий все препятствия его слуга-Матюша. Такой законченности характеров не только по яркости, но, главное, и по направленности нигде в сказках подобного типа не встречается. Подробное раскрытие характеров героев у Коргуева имеется в ряде сказок. См., например, №№ 27 и 28. При этом необходимо отметить еще одну характерную черту коргуевского творчества. В его сказках центр внимания очень часто переносится с героя на героиню. Образ мудрой, инициативной, уверенной в себе и независимой женщины держится устойчиво во всем репертуаре сказочника.

Героиня коргуевской сказки — заботливая жена, мать, хо
шая хозяйка, а часто и кормилица семьи. Во многих случ
наблюдается даже некоторое превосходство женщины над му
чиной, например в сказке „Ондрей стрелец“, № 2 — Елена п
красная на всем протяжении рассказа в борьбе с тиран
царем играет главную роль, хотя по замыслу эта роль п
надлежит герою, именем которого названа сказка — му
Елены Прекрасной — Андрею стрельцу (формально в ска
это так и есть, но фактически, по существу он только вып
няет указания своей мудрой и талантливой жены, а во вто
части „того, не знай кто“). Или, например, в сказке „
Елена королевна вывела чарского сына от волшебного коро
(№ 6) даны замечательные зарисовки-характеристики геро
сказки. Герой, пообещав „незнаемо дома“, должен отд
своего сына. Когда он открывает это своей жене, она п
являет себя настоящим внимательным и мужественным д
гом в постигшем их горе, утешает мужа, хотя сама
этом, как мать, глубоко страдает. В этой же сказке Корг
дает другой, не менее яркий образ женщины, в котором по
зано с большой силой чувство собственного достоинс
героини. Иван царевич, обещанный волшебнику, спасается
него с помощью его дочери. По возращении к родителям,
не выполняет обещания и благодаря этому забывает свою
весту. Напомнив Ивану царевичу с помощью голубей о сво
существовании, она держит себя не как покорная, безответ
жена, а проявляет исключительное достоинство и гордос
добиваясь того, чтобы муж показал глубину и искренно
своего раскаяния.

Ни в одном из аналогичных вариантов подобной сцены н
И примечательно, что сказочник, наградивший свою геро
чувством собственного достоинства, прекрасно сознает
и еще сильнеее подчеркивает примечанием: „ничего, она
держит“. Примеры такой трактовки женского образа мож
увеличивать сколько угодно, так как они, в известной степ
варируясь, встречаются у Коргуева часто.

Необычный образ женщины и ее роль в коргуевском тв
честве может объясняться несколькими причинами.

Во-первых, в Беломорье отношения мужчины к женщине всегда носили характер большего равенства, чем это было в других местах. Происходило это потому, что поморская женщина, надолго остающаяся в качестве хозяйки дома, привыкла к большой самостоятельности. Во-вторых, здесь могло сказаться и безусловно сказалось влияние матери сказочника, которая судя по его рассказам о ней, была незаурядным человеком и отличалась смелым и независимым характером. В-третьих, запись сказок производилась в 1936 г. 19 лет Октябрьской революции не могли не отразиться на отношении мужчины к женщине, а следовательно и на трактовке женского образа. Чуткий художник Коргуев очень остро чувствует современность и переносит ее в свои сказки. В-четвертых, на его творчестве не могло не отразиться влияние хорошо известного ему карельского фольклора, в котором встречаются отзвуки матриархата. Так, в рунах новой записи Вейнемейнен принимает иногда образ женщины.

Сказки Коргуева носят яркий местный колорит. В них так много местных черт, отражающих условия труда и быта северных поморов, что читая сказки можно без труда определить место их записи. Море встречается почти в каждой сказке. Все путешествия героев совершаются главным образом по морю и на судах.

„Пришли оне к морю и увидали на море у бéрегу, замывши корабль в песок. Корабль был целой, паруса и все в исправности, наверно, выкинуло его бурей. Вот и говорит старшой брат млаччему:

— А што, брат, достанем этот корабль, пopловем по морю, уж нам этта ждать нецего.

— Да што, достанем, — заговорил Виноград Виноградовиць.

И оне кряду, один за корму, другой за нос, прижались и подняли его и спихнули в воду, ницего было у ребят силы... Вышли на корабль, посмотрели, все исправно. Кое-што исправили и пошли в море". (№ 34)

Очень часто даются описания шторма и гибели кораблей. В сказке № 3 герой, подготовляясь к далекому путешествию, тщательно продумывает и детально разрабатывает план по-

стройки судна, владеющего свойствами подводной лодки. сам внимательно следит за постройкой корабля и разъясн мастерам, почему та или другая деталь должна соответст вать в точности плану и какое это имеет практическое з чение. Коргуев дает богатые зарисовки местной северной п роды и показывает экономику поморов. Так, даже Чапа в представлении сказочника — сын бедного рыбака, у ко рого „своих ловушек не имелось и также не было своих судин, на которых нужно было выезжать на лов". (№ 1)

Свободно обращаясь с материалом, Коргуев вводит в т диционную сказку в большом количестве современные моти фразеологию и слова и тем самым органически связывает с современностью. В его передаче даже такая канонич сказка, как „Три брата", № 10, включает многие новые по тия. Уезжая от обманувшей его братьев девицы, герой вз вает пороховой погреб с помощью своеобразного самод ного бикфордова шнура. Или вставляет, что „... у царе сецяс мертвой цяс". В другом случае, деревянный орел, котором летает, обычно, царевич заменяется аэроплан или герой учится так хорошо, что переходит в „третью пень". Безусловно, современным моментом в традицион сказке является принципиальный отказ героя жениться на ц ской или королевской дочери. „Ну дядя, топерь я скажу, ком хочу женитьце. Тогда я постеснялсе сказать при деви потому што оне подумают, што я не хоцю их взять. И возьму, — даже добавил, а топерь я скажу вам про женит А почему я не хочу на королевских и чарьских доче женитьце, я вам скажу: потому, што моя мать вышла за ного крестьянина, значит она не щиталась с государьст или богатством своим. А я женюсь вот у такого-то крес нина на доцери, вот она этого же городу. А почему я не б богатого роду, потому што и моя мать вышла за крестьяни В традиционной сказке это очень редкий случай, когда ге достигнув исключительной славы и полного благополу отказывается жениться на царевне.

Еще более яркий пример введения современных моти в старую схему представляет собою коргуевская ска

„Цыган, поп и мужик“. № 58. Она является убедительным примером тому, как традиционный сюжет, претерпевая изменения, переосмысляется и приобретает острую социальную направленность. В названной сказке старый мотив из серии „Умные ответы“ (по Указателю Н. П. Андреева *921 I A) Коргуев повертывает совершенно по новому. Обычные ответы мужика на вопрос, как он распоряжается своими доходами такие: „Старый долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей рощу; в воду мечу́ — дочерей рощу.“ В коргуевском варианте — сказочник-колхозник уже предварительно подготовляет слушателей, предупреждает их, характеризуя „деятельность“ попа и цыгана.

— Батюшко, я как вижу из твоих речей, ты зарабатываешь горлом, а цыган языком — оба вы обманываете людей, а я, как человек простой, мужик, зарабатываю горбом, — где тяжелый труд, тут и работаю, тем и достаю на расходы, и эти деньги делю на три цясти: свиней кормлю; в воду мецю, и в долг даю и старый долг плачу“. И дальше дается с исключительной социальной заостренностью разъяснение загадочных ответов мужика: „Вот свиней кормлю — царю подать плацю; в воду мечу — таких как вы омманщиков кормлю, а третья цясь — старый долг плацю — отця-матерь кормлю, а в долг даю — детей рощу“. В этих, по новому зазвучавших, традиционных ответах умного мужика, помимо острой социальной направленности, чрезвычайно современно определяется отношение отца к детям. В старой сказке расходы на воспитание дочерей определялись общим характером отношения к женщине и в феодальном и капиталистическом обществе, и отсюда это подчеркнутое (в воду мечу — дочерей рощу). Крупный художник — Коргуев, активный строитель социалистического общества, корректирует старые понятия и заставляет традиционный сказочный материал полноценно звучать сегодня.

Большая художественная культура русского и карельского народа, которую унаследовал Коргуев; его личная одаренность; расцвет подлинного творчества в семье всех народов Великого Советского Союза, горячая любовь к родине и

законная гордость своей родиной, направляют творческ
мысль сказочника не только на переосмысление худож
венного наследия, но и на активное участие в создании
шего советского героического эпоса. Материал для своих
вых сказок Коргуев берет, главным образом, из героическ
периода борьбы за Власть Советов — наиболее ярким при
ром в этом отношении является сказка о народном ге
Чапаеве, созданная Коргуевым в начале 1937 г. Чтобы по
нить, как он создает новые сказки, расскажу в двух сло
ее историю.

В январе 1937 года Матвей Михайлович приехал в Пе
заводск и в первый же день ему пришлось присутствовать
вечере народного творчества, где сказитель Рябинин пел
новые былины. На другой день Коргуев говорит мне:

— Слышал ли ты, как Рябинин пел про Чапая?

— Слышал; а тебе понравилось.?

— Слушай, А. Н., а если я скажу сказку тебе про Ча
запишешь?

На мой вопрос, почему он раньше никогда ничего не
ворил об этой сказке, он ответил:

— Разве все сразу выпомнишь. Год уж не один, я ду
прошол, как читали книжку на тоне про все эти его по
ждения. Уж забывать стал, а вчера вспомнил. Только слу
что я тебе скажу: не будем сегодня писать, еще не
складно сегодня она выйдет, запишем потом.

Через несколько дней, продолжая запись, я завел разго
о Чапаеве и напомнил Коргуеву о его обещании.

— Да, что рассказывать, как уж все в книжке напечата
Ты это все проишествие, лучше моего, наверно, знае
Дело было в общем так *(этого ты не пиши)*.

И через минуту стал рассказывать. „Вот не в котор
царстви, не в котором государстви. . .“ И тут же без вся
затруднений, как всегда, рассказал сказку про Чапая (№
Рассказал первый раз. Месяца через два мне пришлось ска
эту слышать от него еще раз. В последующих передачах
ничем существенным не отличалась от первой редакции,
некоторые детали и мелкие изменения значительно улучш

сказку, придав ей большую завершенность и композиционную устойчивость. Так создалась новая сказка „Про Чапая“. Создалась она как закономерное продолжение и дальнейшее развитие всей народно-поэтической традиции творчески-деятельных трудовых масс.

Народ, воплотивший в монументальных художественных образах Ильи Муромца, Алеши Поповича, Добрыни Никитича и Микулы свое героическое прошлое, впоследствии открывал все новые и новые страницы истории борьбы за независимость своей родины, борьбы с иностранными посягателями и со своими внутренними врагами — самодержавием. И каждый новый этап борьбы — выдвигал народных героев, их подвиги давали новый материал для поэтической обработки. Польская интервенция, борьба со шведами, народная война 1812 года — породили большое количество героических песен и рассказов. На севере они имеют широкое распространение и, как естественное продолжение этой линии народной поэзии, является стремление запечатлеть в художественных образах мужество, храбрость и беспримерную любовь и преданность родине героев современности.

В новой сказке Коргуев использовал свой обычный способ — способ соединения различных элементов в новой композиции. Этот опыт создания новой сказки на современном материале любопытен не только внешними условиями, при которых она создавалась. Кроме указаний на широкий творческий диапазон автора и на его глубокое внутреннее стремление закрепить в художественных образах героику гражданской войны, сказка „Про Чапая“ дает богатый, интересный материал для изучения коргуевского мастерства. Разрабатывая новый сюжет, он использовал из традиционного сказочного материала только два мотива и при этом с чуткостью большого художника отобрал такие из них, которые наиболее соответствуют легендарно-героическому представлению о Чапаеве. Поразительные военные подвиги героя гражданской войны и его необычайную популярность Коргуев объединяет в традиционном сказочном образе богатыря — змееборца, неуязвимого в бою, благодаря имеющемуся у него кольцу-

талисману. Вот, пожалуй, и все, что он берет из сказочн мотивов при разработке материалов. Однако, произведен носит все черты сказочной традиции. Достигается это и строением сюжета и композицией, и всем стилем повествов ния. Тут и привычные сказочные формулы, как, наприм зачин „не в котором царстве, не в котором государст а именно в том, в котором мы с тобой живем, жил-был кр стьянин“, — или в описании боя: „и начал он бить, как тра косить колчаковичей и деникинцей“, или: „и мечом руб и копьем колол и носился как вихорь“, и др. Тут и сказочн троичность: герой — младший из трех братьев, бьется с во растающим напряжением в трех битвах. Некоторые эпизо целиком заимствованы из волшебно-героических сказок, в новой композиции они звучат по-новому. Так, наприм даже в сказочную формулу, в каноничное описание боя вв дятся новые понятия: „и мечом рубил, и копьем колол, пр ходилось и из нагана бить“. Новый вид оружия сразу созда органическую связь сказочного образа с современностью.

И это относится не только к данной сказке. Во всем сво многообразном и исключительном по объему материале, Ко гуев стремится насытить традиционный материал такими эл ментами, которые придают его сказкам исключительную жизн способность и обеспечивают им большой успех среди слуш телей. Этот успех объясняется тем, что сказочник, зано перестраивая схему, вводит в большом количестве новый м териал, переосмысляет многие старые понятия и тем сам органически связывает сказку с нашей современностью.

Сказки Матвея Михайловича Коргуева дают еще од яркое доказательство творческой одаренности трудового н рода, его творчество со всей убедительностью лишний р подчеркивает интенсивную жизнь сказки и намечает пути дальнейшего развития.

А. Н. Нечаев

Ленинград — 15 — IX — 1937 г.

СКАЗКИ
М.М.КОРГУЕВА

С
В
б
б

в
с
о
д
л
н
р
т
п
х
м

и

1. ПРО ЧАПАЯ

Вот не́ в котором чарстви, не́ в котором государстви, а именно в том, в котором мы с тобой живём, жил-был крестьянин, звали ёго Иваном. И у ёго было троё дитей. Старшего звали тоже Иваном, среднего Петром, а млаччего Василием. Василий Иванович по прозванию Чапаев. Жили оне бедно́ очень, так што своих ловушек не имелось и также не было своих посудин, на которых нужно было выезжать на лов.

И вот крестьянин этот по́жил немного и помер. Осталась вдовка одна с детьми. И вот когда выросли дети, в это времё случилась война. Этых старших сыновей забрали на войну, осталсе один только млаччий Василий; и этому тоже приходила очередь итти на войну, потому што всех брали поголовно, кто только был трудоспособен к военному действию, не щыталисъ не́ со старым, и не́ с малым. И вот когда очередь дошла до млаччего сына, конешно, ёму пришлось итти тоже на войну. Роспростилсе он с матерью и отправилсе на при́зыв. Вот идёт он себе по деревне, а надо было ёму проходить мимо тётки. Жила тут же недалёко евонная тетка, ма́терина сестра. Он и думает сам себе:

— Давай, — думает, — зайду к тётушки, прощусь, может и не вернусь с войны.

И зашол.

— Здраствуй, тёта!

— Здраствуй, здраствуй, племянник, куда пошол?

— Да вот, тётушка, на войну надо итти, старшие бра... уж воюют, ну и мне приходитце.

— Она ёму и говорит:

— Слушай, племянник, вот я даю тебе кольцё, и ... кольцё у меня еще от мужа, принёс с турецкой войны. И в э... кольци такая волшебная сила, што никакая тебя пуля не во... мёт, и никакой тебя меч не сечёт. Ну, кольцё будет дейст... вать только на суши, а уж на воды такой силы у нёго ... будет, так што остерегайсе воды.

И так он пошол дальше. Вот приходит он на призыв и ст... йих обучать военному действию. Когда он выучилсе к во... ному действию, то начал участвовать в боях. И так он ... училсе быстро и так был силен, што уж ёго произвели в о... церы. И никакая пуля ёго ни берёт. Так. Вот он прослу... на войны три года, и эта война уницьтожилась. Приехал... Василий Чапаев домой, и вот у нёго только была одна ма... братьев убили на войны. Пришлось ёму жонитьце. Мать, ... нешно, не препятствовала. И вот взял он из своей дере... тоже у одного кресьянина дочерь. Сыграли свадьбу и с... Василий Иванович жить со своей жоной. Вот прожили ... год или два, родилось у них двое дитей.

Так. Да, вот прошло немного времени и прослышал Ва... лий Иванович, што перешла власть Колчаку и Деники... настала власть белая. Стали притеснять вольную боль... вицькую власть и гнать её от силы орудия. Тут Васил... Ивановицю стало очень обидно, што погинет весь тру... вой народ, перейдёт власть белая. Подумал Василий и р... мыслил сам:

— Нет, лучче я еще раз пойду на войну, а уж не дам по... нуть своей родины. А пуля меня всё ровно не возьмёт.

Да, и говорит своей матери:

— Ну, маменька родимая, я еще пойду на войну спаса... трудовой народ, защищать власть совецькую.

Говорит ёму мать со слезами:

— Эх ты сын мой, была ты у меня последняя опора при гарости. Было́ у меня три сына, вернулсе токо один, да опеть очеш итти. Все поклали та́ма головы, и тебе покласть приётце, коль похо́диш второй раз.

— Ну, мать, всё ровно пойду, не оставь ты моих малых еточек, если я умру на войны.

Распростилсе он с матерью и с жоной, оседлал своёго́ орона́ коня и поехал в Красную Армию.

Приежжает он в войска̀ совецькие к красным командирам, оклонилсе и говорит:

— Здраствуйте, красные командиры совецькие, я хочу лужить в Красной Армии, хочу помоч своей родины, прооню Колчака и Деникина, штобы освободить трудовой народ.

Командиры и говорят:

— Здоро́во, молоде́ць, а хто ты есть такой? Много бывает сяких, натреплют языком, а там глядиш и поминай как звали.

— Нет командиры, я хочу доказать на де́ле, а языком треать я не охо́ч. А есть я вот из такой-то деревни, по имени асилий Ивановиць, по прозванью Чапаев.

— Молоде́ць, Василий Ивановиць, ну, возьмём тебя в Красну рмию, токо помоги нам.

Так. И вот наступил бой крова́вой. Тогда скочи́л Чапай на оня и пустилсе на неприятеля и нача́л он бить, как траву́ осить колчако́вичей и дени́кинцей. И так он сильнё йих бил мецём рубил и копьём колол, приходилось и из нагана бить. е переставал он бить йих ни минутоцьки. И не прошло даже есть часов, как всё полё было усеяно войскамы. И этот олчак не удержалсе и убежал с остальным своим войском.

Тогда вся Красная Армия поверила и командиры все на еле видели. Вот солдаты и говорят:

— Мы с Чапаем пойдем куды хош в бой и никогда с ним е поги́нем.

Да, и вот не прошла неделя, как этот Колчак собра́л опеть ойска́, даже в два раза больше и пошол опеть на Красну рмию. Вот пошол опеть Чапай на второй бой, скоци́л на воёго́ коня и в саму середину заехал вра́жеска войска, где тоял сам Колчак на передней линии. И нацял так жесто́ко

бить, как и в перьвой раз. И мечём рубил, и копьём ко
и носилсе как вихорь. И бил он йих чёлы сутки. И ёго вой
конешно, тоже помогали. Всё полё засеяли телами, но св
войскóв потери было мало. Больше половины колчакóв
убили, кого в плен взяли, сам Колчак еле-еле успел скры

Вот после боя отдохнули, конешно, поели, пóпили и по
Чапай к Фрунзе. Фрунзе ёму и говорит:

— Ну, Чапай, молодой ерой, вот даю тебе армию,
топерь командиром на другой фронт. Уж Колчак опеть во
набирает.

Да. Вот пошол Чапай со своим вóйском к реки Бе
И располóжил он свои войскá у одной деревни, ну, где бе
находятце — не знают. Ну, надо во што ни стало узнать,
штаб Колчака. Вот и говорит Чапай своим войскáм.

— А што, робята, кто пойдёт со мной на вылазку, уз
где енерал Колчак стоит, а потом и всё войско поведё
собой.

И вот много, конешно, вызвалось итти с ним, ну он от
там так цёловек пятьдесят или там сто, и поехали. А
дело к вецеру было. И стречает он по дороге одну
однем словом, женщину.

— Эй, тётка, куда идёш?

— Да вот иду, командир, проведать мужа своёгó в Кр
Армию; да сбилась с пути, голодна, иду уж вторы сутк
знаю, куда и попадаю.

— Ну, иди, тётка, мы тебя накормим.

И приказал Чапаев взять ей с собой и накормить.
и идёт она с нимá. А эта женщина, она была полячка, о
нула Чапая, она была пóслана от Колчака шпионкой. Н
этого ничего не знал.

Да. И вот доехали до одной деревни, как раз деревн
берегу реки Белой стояла. А уж там йим мужики и рос
зали, где колчакóвичи стоят, тут недалёко за лесом, так в
с десяток будет. Василий Ивановиць и говорит своим
скáм:

— Дак вот што, робята, ночуем здесь, уж ночь нас зас
а наутри пойдём за своимá войскáми.

Вот располо́жил Чапай свои войска́ и посты, а самы стали
а отдых, отдохнуть нать перед боем. Вот заснули, и Василий
Ивановиць спит, осталсе только один каравул стоять. А эта
олячка не спит, дожидает. Дождалась, как Чапай уснул и ско-
рей к Колчаку прибежала и обсказала, где войско Чапаево
стоит, а што главного войска с ним нету. Колчак, конешно,
обрадел и сецяс даёт приказ своим енералам поймать Чапая
живого или мёртвого. Собра́ли енералы свои войска́ и окру-
жили Чапая с трёх сторон. Сняли посты и напали на них
в ноцьную пору, когда спал Василий Ивановиць крепким сном.
Когда приступили белые к йихному штабу, скочи́л Чапай со
сна, видит себя окружо́нным и закрычал:

— Ставай, робята, измена!

Скочили чапа́евцы и за оружие. Ну што, их может сотня
была, а колчако́вичей нагнано — тьма! Ну, красные в избах,
так держатце, отстреливают, ну, к себе не подпускают. А уж
патронов совсем мало осталось. Вот и даёт Чапай такой
приказ:

— Бежите, робята, к реки, с суши не прорватьце нам будет,
а уж за рекой и войска́ наши близко, опеть на Колчака пойдём.

Кинулись чапаевцы плысть через реку́, штобы прорватьце
через белых. Увидал Колчак, што Василий Иванович с вой-
ском бросились в реку́. Кричит своим енералам.

— Стреляй по реки, а уж если перепловут реку Белую,
соберут свои силы, то нам всем живым не быть.

Вот колчако́вичи сецяс пулемет повернули и давай палить.
Долго плыл Василий Ивановиць, а потом ёго в руку ранило,
а воды уж кольцё не действовало, дак! Ну, он всё ровно
не переставал плысть. Кругом стреляют, много тогда красных
поло́жили, а Колчак всё крычит:

— Как мож добивай Чапая, штобы он не перебралсе
стреляй по нему по одному.

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода ёго голову.
Тут Василий Чапаев и преставилсе. А уж недалёко было от
берега. Да, а уж свои войска́ на помо́гу шли. Собра́ли под-
репленья и ударили на колчако́вичей и дени́кинцей, разбили
Колчака на́ голову и прогнали с совецькой земли.

Прославилсе Василий свет Иванович, по прозванию Ча
И почитают ёго по всей нашей земле. А семье ёго и ма
дали пособие, не оставили в обидушку.

И топерь о нём всё славитце, ну назад Василий не
ротитце.

На этом она и концилась.

2. ОНДРЕЙ СТРЕЛЕЦЬ

Нé в котором чарстве, не в котором государстве жил был чарь и он был холост. Значит, он имел стрельцей двенатцеть у себя, и один был стрелок Ондрей, то ж на летý сóкола стрéлил, тот уж чúслилсе как стáршой трелóк. Да. И вот ихна охота выходила как шесть дней оны абóтали для чаря, а седьмой день лично для себя.

Так он у нёго прожил пять лет и всё на одной работы. Іу ему показалось мáлой зáроботок, он хотел выйти прочь. Іотом подумал:

— Давай еще обживу этот месець, схожу еще раз для ебя охотитьце, а потом вы́йду.

Да. И вот он раз похóдит на охоту для себя, это как седьмой день. Вы́шел он, конешно, чéлой день ходил пó лесу никого он не видел. Потом идёт уже близко к городу; мотрит, сидит на лисúны соколúця.

— Ну, давай, стрéлим хоть эту. Вот он её стрéлил, брáнил, она упала. Он ей поднял и хотел повёрнуть ей олову, ну соколúця заговорила человечьим голосом, и оворит:

— Вот што, Ондрей стрелóк, вы не рвите моей головы, несúте домой. Когда принесёш домой, сядеш чай пить

и поло́жьте меня на окно. Потом бросьте за окно и увид
што будёт. Хо́чете берите себе, а нет, так отдайте людям
— Вот он когда стал чай пить, поло́жил ей на окно, по
броси́л за окно. И там образовалась девушка, што цве
И он на ней смотрит, слова промолвить не может.
и спросила:
— Ну, што же, Ондрей стрело́к, людя́м отдаш или
возьме́ш?
— Возьму́ себе.
— Ну себе, так ладно, только умей дёржать.
Вот когда она пришла, и стали с ним жить. По́жили
с ним неделю, она и говорит:
— Ондрей, вы, наверно, бедно́ живите́?
— Да, как видиш сама.
Да. Вот она и говорит:
— Вот што, Ондрей, а есть ли у тебя кого из знаком
штобы тебя выручили на сто рублей, сходи и попроси,
когда ты получиш эти деньги, то завороти в магази́н и
неси мне сто аршин шолку, а я из нёго буду шить ковёр
Да. Вот Ондрей пошол сецяс к одному знакомому куп
ёго, конешно, звали Иван тоже.
Вот, говорит, — дайте мне пожалоста дватцеть рублей да
— А на што́ тебе?
— Да сам знаеш, на нужду.
— На што тебе дватцеть, на́, я тебе дам сорок.
— Вот он ёго поблагодарил и пошол к другому знаком
купцю.
— Вот што, друг, дай мне рублей дватцеть денег, о
нужно.
— На што тебе, Ондрей; вот я уж тебе дам сорок.
Вот он взял, у нёго уже стало восемдесят, надо ещё
дватцеть. Вышел он проць, заходит к третьему купцю.
— Вот што, друг, выруци меня на́ десеть рублей.
Тот дал ёму дватцеть. Вот у нёго стало сто. Когда
полуцил эты деньги, заходит в магази́н, купил сто ар
шолку и приносит жоны:
Во́т тебе, Елена Прекрасная, шолк, я принёс.

Вот она ёму и говорит:

— У кого ты эти деньги брал, у одного купця или у трёх, поскольку оны тебе давали?

— Вот я у пе́рьвого купця Ивана попросил дватцеть, он не дал сорок, у второго попросил дватцеть, он мне дал орок, у третьёго десеть, а он мне дал двадцеть, вот у меня сто рублей.

— Вот, Ондрей, как ты получиш деньги и будёш давать, авай тоже двояко. У кого просил дватцеть, он дал сорок, ы давай восемьдесят и так у вся́кого.

Тогда Ондрей выходит на работу, на шесть дён и она ринялась за свою робо́ту, нача́ла шить ковёр. Вот пока)ндрей охотилсе шесть дней, приходит домой, а в это времё на сготовила ковёр. Ондрей приходит, конецьно, в суботу, утром в воскресеньё она подаёт ковёр и говорит:

— Вот, Ондрей, иди на рынок и продай ковёр, ну только ены не облага́й, хто што даёт, то и бери.

Вот берёт он ковёр и похо́дит, она и говорит:

— Слушай, Ондрей, когда получиш деньги, этим рощывайсе вдвойне, как оны тебе давали.

Да. Вот Ондрей стрело́к берёт ковёр и пошол на рынок. Іриходит на рынок, принёс ковёр, розверну́л ёго и собрало́сь ублики смотреть этого ковра, што проходу у́ж не было. 1 чены́ никто не облагает, только смотрят. И этот ковёр был ак росписан; на нём был лес, реки, озёра, морё, птици, рыбы всё на свете. Вот и все стоят. Потом слуцилось ехать чарькому денщыку:

— Ну, што тут собрали́сь, давайте доро́гу.

Конешно, он наси́лу пробралсе в этой пу́блике, и давай смотреть этот ковёр. Вот этот денщык обсмотрел ковёр, цяса ри, и оцень он ёму понравилсе, и стал спрашивать:

— Чёй это ковёр и сколько он сто́ит?

Тогда подхо́дит Ондре́й к денщыку и говорит:

— Этот ковёр мой.

— А сколько он сто́ит?

— А сколько даите́, столько и возьму.

Тогда говорит царьской денщык:

— Так вот, Ондре́й, я тебе тритцеть ты́шеч дам, довол
будёт?

— Довольнё.

Вынимает из кормана деньги, даёт ёму, и пошол.
Ондрей прихо́дит к пе́рьвому купцю́ и даёт ему восемд
рублей, купець и спрашивает:

— Почему же, Ондрей, восемдесят, я тебе сорок да

— Потому што я спрашивал у вас дватцеть, вы мне
вдвоё, так и я вдвойне́ платить буду.

Так и ко второ́му купцю, так и к третьёму. Эти к
поблагодарили Ондрея, и прино́сит он деньги оста́тьнии д
к жоны́.

— Вот, Ле́ноцька, я тебе принёс де́ньги.

— А сколько доста́л?

— Тритцеть тышеч.

— Уплати́л деньги?

— Уплати́л.

— Ну, вот, Ондрей, как ви́диш топерь мой за́робо

— Да́, ницёго.

— Ну, можеш топерь пожить и хорошо.

Вот когда этот чарьской денщык поло́жил на сте́ну ко
и слуци́лось в это время́ моло́дому чаревицю притти к д
щыку и посмотреть этот ковёр. Когда молодо́й чаревиць
смотрел этот ковёр, он ёму оцень понравилсе и стал сп
шивать:

— Где ты, денщык, достал этот ковёр? За ско́лько
ёго купил?

— Я купил ёго на рынке и плати́л тритцеть тышеч.
У кого́?

— У Ондрея стрельця́.

— Продай мне ёго, я тебе дам тритцеть пять.

Да. Он и говорит:

— Пожа́лоста, полуцяй, а я схожу к Ондрею, но́вой зак

Вот он полуцил деньги, и ве́цером, цясов в де́сеть по
дит к Ондрею, заказывать ковёр. Когда он приходит к Ондр
Ондрей уже ложилсе спать и двери были зало́жены. Вот
прихо́дит, постучал. Ондрей и говорит:

— Надо открыть, Леноцька. Навéрно, хто-нибудь, я пойду, оденусь, открою, хто-нибудь из чарских прислýг.

Она говорит:

— Ондрей, уж ты успокóилсе, розделсе, знацит спи, а я пойду сама открою.

Прихóдит к дверям и открывает. Вот когда она открыла двери, чарьской денщык посмотрел на ней, одну ногу церезь порог перенёс, а другую не переносит, так и замóлк, больше слова сказать не может. Вот она и нацинáет спрашивать:

— Зацем вы пришли, чарьской денщык, сам ли он вам нужен, Ондрéй, или для чаря́: Вы сами знаете, он лёг спать, а утром ёму нужно на роботу выходить для чаря́.

. Ну, он всё молцял. Долго она ждáла ёго ответа, наконець дождатьце не могла, повёрнула ёго за плéци и закрыла дверь. Он всё молцял, и пошол домой. Наконець, отошел сáжен зá сто и спомнил:

— Ах, я пошол ковёр заказывать и забыл, ну и Ондрея жона хорошая, ну и патрет!

Когда он приходит домой, то в то же времё приходит царевич.

— Ну, как, заказал ковёр?

— Да не!

— Поцему?

— Ну, не до коврá мне было, такая у Ондрея жона хорошая, я не вспомнил себя, вот так красавиця!

Тогда он ёму сказал:

— Ну, ланно, тогда я сам схожу и закажу ковёр и посмотрю, што у Ондрея за жонá.

Так молодой чаревиць пошол к Ондрею цясов в восемь. Когда он приходит, а Ондрей уже роздевши, тоже ложитце спать. Двери, конешно, были закры́ты. Когда застучали, он и говорит, Ондрей:

— Елена Прекрасная, надо сходить, я сецяс оденусь и схожу.

— Нет, нет, Ондрей, коли вы уже разделись, я самá схожу открою.

Когда Елена пришла к дверя́м, открыла дверь, то молодой чаревич занёс ногу церезь порог, то увидáл такой патрет

перед собой, так онемел и остоялсе. Вот долго она смотр
на нёго, потом стала спрашивать:

— Што, молодо́й чаревиць, какая просьба до Онд
скажите пожалоста, я жду. Сами зна́ете, Ондрею надо о
хать и итти утром на роботу.

Вот он сказать ницёго, молодо́й чаревиць, не может,
смотрел на ей. Она поворацивает ёго за плéци:

— Идите же, молодой чаревич, коли не можете ниц
сказать, Ондрею надо спать.

И он вышел. Когда он отошол немного мéста и спом

— Ай, ай, у Ондрея жона какая хорошая, во што,
ни стало надо у Ондрея ей отнять или может добром от
мне ей.

Когда он приходит домой и собирает своих бояр и н
нает с нима́ розговоры:

— Каким путём у Ондрея жону отнять: казнить ёго нел
насилу отнять жону нельзя, ну, однéм сло́вом, надо приду
каку́ службу.

И все бы́ли согласны, штобы дать ёму службу, штобы
от своей жоны отказалсе или о́тдал добровольнё черезъ
службу. Вот и нацинают думать. Долго они думали, но ниц
придумать не могли. Вот наконець взя́лся один ёму вельм
на́ трои сутки, придумать ёму службу за дéсеть тышеч
лей.

— Вот знаеш што, вот я тебе даю деньги, и даёт ему на
Вынимает деньги.

— Если вы не приду́маете, то на трéтьи сутки гол
долой.

И с тема́ словами вы́шел из комнаты. Этот вельможа ду
двои сутки, ничего он придумать не мог, и щытает себя о
ным. На третьи сутки пошол в лес:

— Приду́маю, так приду́маю, нет, так повéшусь, все ро
моя голова долой.

Вот идет он по́ лесу гру́сной, печа́льной и ничё не мо
придумать, а уже на-вечеру́ являтьце домой незацем. И вс
смотрит ёму настрéцю старушка, и говорит ёму:

— Што, мужицёк, задумалсе?

А он отвечает ей сгрубá:

— Што тебе от меня нужно?

Попрошол немного, обдумалсе:

— А вот што, надо, пожалуй, спросить старýшку, может на што знает. Прости, баушка, дерзкоё слово, может ты наеш, што я думаю.

Тогда она ёму и говорит:

— Вот што, мúлой, вперед бы ты тáк; старых людей не бегай. Поди, скажи чарю. Пусь сходит Ондрей в трúдеветь земéль, в трúдеветь горéй, в тридесúто чáрьство на óстров Буян, принесёт овечку-золоту головку. Дать ёму судно текуще каманду пьющу, он тудá уйдёт, — назад не придет. И стрóку дать ёму на четыре месяця, не бóле, откажетце он от своей коны.

Тогда этот вельмóжа поблагодарил бáушку и говорúт:

— Спасúбо, сицяс пойду.

Приходит к чарю и говорит:

— Ваше, величество я и придумал. Дать Ондрею службу акýю: пусь сходит Ондрей за трúдеветь земéль, за трú-деветь горéй, в тридесúто чарьство на остров Буян, принесёт овецьку-золоту головку. Дать ёму судно текýще, каманду пьющу, он туда уйдёт, назад не прúдет.

Вот это чаревич сказал ёму:

— Ну, спасибо.

Сецяс посылаёт слугу за Ондреем:

— Позвать ёго, што он мне-ка скажет?

Да. Когда приходит слуга, обьевил ёму, што вас чарь звал, он думает:

— Зачем меня чарь звал, — говорит Елене Прекрасной.

— Ну, не знаю.

Говорит Елена:

— Вот што, Ондрéй, иди к чарю, есть тебе служба, я знаю. Когда придёш к чарю, он тебе скажет: „Вот што, Ондрéй, отдаш свою жону, — не дам тебе службы и не скажу. Если не отдаш, вот тебе служба. Когда ты придёш, и скажи ёму: „Ланно, грузúте корабь вином и хлебом“. И рядúсь с ним и не соглашайсе меньше четырёх месецев итти.

Да. Вот наш Ондрей пошол к чарю. Приходит к ча
и поздоровалсе:

— Вот што, Ондрей, какоё дело. Отдай мне жону. Е
отдаш, я тебе и не скажу какая служба; если не отда
вот тебе служба.

Отвецяет Ондрей чарю так:

— Я женилсе, ваше велицесьтво, для себя, а не для ли
и не согласен. Грузи́те корабь вином и хлебом.

Обряди́лись с ним стро́ком на четыре месеця.

— Если не привезёш, то твоя голова с плець, — так
поставил.

Вот пото́м с тема́ слова́ми вышел домой.

— Ну, — думает, — не доноси́ть мне головы́, не дос
мне за четыре месеца ничего.

Вот Ондрей прихо́дит домой и зали́лсе горькими слез

— Ну, Елецька, больше мне тебя не видать.

Вот она ёму отвецяет:

— Слушай, Ондрей, это не служба, а слу́жбиця, а слу
будет вся впереди. Поеди́м, повали́сь спать, а утро ве
мудрене́е.

Вот оне поу́жинали, легла она с ним спать, поспа́ла,
отдохну́ла до полноци, потом встала, вытащила из кор
волшебной платок и махнула им. Да. Выскоцило оттуда
молодця:

— Што тебе послужить, Елена Прекрасная?

— Вот, робятки, какое дело будет: нужно сбегать в два
за три́деветь морей за три́деветь горей, в тридеся́то чарьс
на о́стров Буян принести оттуда овецьку - золоту голо

Вот робятки церезь два цяса принесли овецьку - зол
головку, она берёт её, забакуёт её в ящи́к, поло́жит
вго́ловы и ложитце спать. По́спали оне до шести ча
Елечка стала вперёд, самоварчик согрела и стала будит

— Ондрей, ставай, надо попи́ть, поесь и пойти в дор

Да, Ондрей, когда по́пил, отправлялся в дорогу, и запла

— Елецька, досвиданья, больше мне тебя не видать!

— Ондрей, не плаць, ты думаеш, чарь меня возьмёт,
не видать ёму, как своих уше́й.

Вот она ёму подает ящичек.
Вот Ондрей берёт этот ящичек.
— Когда придёш на корабь, пройдёт два месеця, будёт
хая погода. Во время тихой погоды, напой всю каманду
яной, штобы ни одного тверёзого не было и поворачивай
дно. Когда придёш обратно, ну, пойми, што в этом ящичке
ечка — золота головка, и передаш царю.
Вот стал прощатьце и заплакал. Она вынимает платок из
рмана, обтёрла ёго и говорит:
— Ну, Ондрей, иди, ницёго не бойсе, никуда я не дéнусь.
Так с темá словамы Ондрей пошол на пристань.
Когда тóко Ондрей ушол, то отправил царевиць отряд
Елены Прекрасной. Долго они ей искали, перерыли весь
м, половици поднимали, ну найти не могли, и решили, што
ндрей взял ей с собой.
Вот прихóдит Ондрей на пристань, корабь уже был совсем
гóвой. Садитце на корабь, и пошли по мóрю.
Вот он шол по мóрю целых два месеця, потом пал штиль,
и говорит:
— Да што, робята, по случáю хорошей погоды, выпьём
вместе.
И начáлась у их попойка.
Вот когда он их всех напоил, былó тихо нá судне, он
пол в руль и потихоньку поворотил судно. Бы́ла поветёрка,
и говорит:
— Вот што, робята, можете ли хто стать в руль?
— Слушай, Ондрей стрелок, встать то мы можем, только
лова болит.
— Ну, што же, надо опохмелить.
Выпили оне немного и опеть пошли вперед и продолжают
ть. Вот оне пловут, погода оцень хорошая, повитёрка.
ыли, плыли и вдруг приплывают в своё государьство. Когда
приплы́ли в своё государьство, его и спрашивает каманда:
— Ну, Ондрей стрелóк, где мы были, за чем мы ходили,
мы всё пили, зачем мы вёрнулись в своё государьство,
инесли ли мы тó или, вернее, достали ли тó, за чем
дили?

А он отвечает им:

— Дак как, робя́та, неужели вы не по́мните?

— Дак как помнить, когда все пьяные были.

— Достали.

— Ну, сла́ва богу.

С тема́ слова́мы выходят к при́стани. Когда то́ко на пристань, то стречаетце молодо́й чаревич, сабля́ идёт ёму настре́ту. Когда Ондрей стре́тил чаревиця и

— Ну, што, Ондрей, доста́л?

— А вот можете посмотреть.

И даёт ёму ящичек. Чаревич взял и пошол а Ондрей тоже пошол домой. Когда он подхо́дит то́ко то́ Елецька выбега́ет на крыльцё, о́бняла ёго, целовала водит в комнату, уже само́вар был готов. Вот оне ча́й пить. Елечка и спрашивает:

— Ну, ка́к, Ондрей, сходил?

— Ничего, хорошо.

— Еще тебе придетце итти второй раз.

Да. Вот не прошло два дни, когда молодой чаревич што у Ондрея жона есь.

— Во што бы то ни стало, надо у нёго жону отнять

При́звал этого вельможу, штобы приду́мать ёму службу. Вельможа говорит:

— Хорошо, ваше величество, я скоро придумаю.

И похо́дит опять эту старушку розы́скивать. Идёт дорогой. Как только увида́л эту старушку, сразу остоя

— Ну, как, друг, сходил Ондрей?

— Да, сходил.

— Ну, Ондрея оммануть не хи́тро, а вот ёго жону не омманёш.

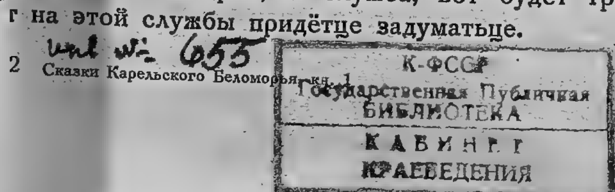
— Ну, вот придумай, баушка, ёму другую службу.

— Баушка отвецяет:

— Ладно, я скоро придумаю. Пущай Ондрей опять за три́деветь земе́ль, за три́деветь море́й в тридеся́то на остров Буян, принесёт свинку - золоту щетинку. Да каманду пьющу, судно текуще. Он туда уйдёт, на прйдёт.

С темá словамы пришол вельможа к чаревичу.
— Ну, ваше велицество, я опеть придумал, пущай Ондрей ходит в трúдеветь земéль, в трúдеветь горéй, в тридесято ірьство на óстров Буян, принесёт свинку-золоту щетинку. ать ёму каманду пьющу, судно текуще. И строк на четыре есеця, не больше.

Вот в скором времени призывает сецяс Ондрея к чарю. н и говорит Елечке:
— Опеть што-то, какая-то беда за меня заводитце, опеть чарю зовут.
Она и говорит:
— Скажи чарю, пусь грузят опеть корабь вином и хлебом. ам знаеш, взял ты меня для себя́, а не для людей, умей ранить.
Вот он выходит, приходит, кóнешно, к чарю, приходит говорит:
— Што вам нужно, ваше величество, от меня?
Да. Чарь и говорит ему:
— Слушай, Ондрей, куда ты жону кладёш, как уходиш?
— Она у меня дома.
— Отдай мне её, а то я опеть тебе дам службу.
— Нет, — отвечает, — не отдам. Я женúлсе для себя.
Да. — Вот коли ты мне не отдаш, то я тебе даю службу, одить в трúдеветь морéй, в трúдеветь земéль, в тридесято рство на óстров Буян, принеси свинку-золоту щетинку. ём тебе строку на четыре месеця. Не принесёш, то твоей ловы́ с плець.
То Ондрей отвецяет ёму так:
— Што же, ваше величество, грузúте вином и хлебом рабь, а я буду готов.
С темá словамы Ондрей вышел домой. Когда он приходит Елечке, Елечка спросила ёго:
— Ну, што, Ондрей?
— Да опеть служба, куда и раньше.
— Ну, ладно, Ондрей, не печáлуйсе, утро мудренéе вечера. о еще все, Ондрей, не служба, вот будёт третья служба, г на этой службы придётце задуматьце.

Тогда оне поужинали, повалились спать. Спáла она
до двенатцети часов. В двенатцеть часов встаёт, вытá
волшебной платок, махнула им, появились три молодця,
нились ей.

— Што, Елечка, прикáжеш сделать?

— Вот што, робя́тки, сбегать в два цяса в тридевято
ство, в тридеся́то государьство на óстров Буян, при
свинку - золоту щетинку.

Робятки поклонились, побежали. Не прошло даже дв
сов, робятки прибежали, притащили эту свинку. Она
свинку, забаковáла ей в ящык и повалилась спать.
встала в шесть часов, согрéла самоварчик, и стала О
будить:

— Ставай, Ондрей, надо попить, поись, да в путь-
отправлятце.

Вот Ондрей чаёк пóпил, конешно, стал одеватьце
плакал.

— Ну, Елечка, наверно, мне тебя не видáть.

— Не плачь, Ондрей, ничего не будёт.

Когда он оделсе, она подаёт ему ящык:

— Ну, вот, Ондрей, тебе тут ящык, а в нем сви
лота щетинка. Черезь два месецяя напой каманду, по
корабь и приходи́ обратно, а тебе ходить никуда не на
у тебя в ящычкé.

— А тебя уж чарь найдет?

— Нет, не найдёт, не видать ёму, как своих ушей.

Как Ондрей уехал, чаревич отправилсе к нёму домо
перерыл, полы́ пóднял, печи разворотил, перерыл всё на
ну нет ей.

— Наверно, — думат, — Ондрей с собой ей взял.

И так Ондрей отправилсе на корабь. Приходит, с
на корабь и так отправились они в путь. Плыли оне д
сеця, до тех пóр, пока не сделалсе штиль, то есть тих
года. Так. Вот когда стихла погода, он напоил всю к
так же пьяной и когда уж боло тихо нá судне, он з
в руль и поворачивает руль, и начáл будить каманду

— Ставайте, друзья, кто-нибудь поправить, если

Оны и отвецяют:
— Править-то хорошо, хозяин, да голова болит.
— Ну, што же, опохме́льтесь.
Топерь стали подвигатьце к своему государьству. Вот, вот
воё государство и стали опеть спрашивать:
— Ондрей-стреле́ц, так доста́ли ли мы то́, за чем ходили?
— Достали.
— Ну, ладно, вот и хорошо.
— Дак неужели вы не по́мните?
— Дак как помнить когда пьяны совсем были.
— Достали.
Вот когда они приплы́ли, вышли все на пристань, идёт уже
олодой чаревич с мечём и спрашивает:
— Ну, как, Ондрей, достал?
— Достал, мо́жете получить, ваше велицество, исполнил.
И пошол домой.
Только приходит к дому, Елечка выска́кивает на крыльчё,
очеловала ёго, ведёт в комнату. Уж самовар был готов, сели
стол. Вот пьют чай, она и спрашивает:
— Ну, ка́к, Ондрей, сходил?
— Да ничего, хорошо.
— Ну, ладно, и вперёд так будет.
Не прошло два дни, чаревич уже узнал, што у Ондрея
она есь. Розыскал этого вельможу, штобы придумать третью
лужбу и во што бы то ни стало отнять жону у Ондрея. Вот
озыскали этого вельможу и говорит ему чаревич:
— Вот што, друг, ты придумай-ко еще третью службу
ндрею.
Он отвецяет:
— Хорошо, придумать ёму не долго.
Он уже надеетце на эту старушку. Затем вельможа пошол
петь лесной дорогой. Долго он шол, стрецяет эту старушку:
— Здраствуй, баушка.
— Здраствуй, сынок.
Она спросила ёго:
— Ну, ка́к, Ондрей, исполнил?
— Исполнил.

— Хм, Ондрея омману́ть не долго, но ёго жону не о
неш. Ну, ничего, теперь я все-таки придумаю, розлучу
на семь лет с жоной.

Вот она и говорит ёму:

— Вот сходи к чарю и скажи так: „Пусь Ондрей с
туда, не знаю куда, принесёт то́, не знай што́. И строк
дай неопределённой, ну не меньше семи лет. Может он
возьметце. А в это время чарь может женитьце на Е
Прекрасной.

Ну, она-то не знает, што Елена скрываецця. Сичас
вельможа приходит к чарю и долага́ет:

— Вот, ваше велицество, пусь Ондрей сходит туда́, не
куда́ и принесёт то́, не знай што́. И дайте строк ему не
делённой. А в это време вы достанете жону *(все ли это б*

Когда чарь услыхал эти слова от вельможи и не
пеньи послал за Ондреем. Когда пришол посёл, то
Ондрею притти́ к чарю, неме́дленно ёго звал. Ондрей
тил:

— Хорошо.

Вот говорит опеть своей Елены Прекрасной:

— Што-то, Елечка, наверно, у чаря опеть есь дурно

— Да, наверно, опеть служба. Ну́, от службы не от
вайсе, берись, а там видно будет.

Так. Когда Ондрей приходит к чарю то чарь заво́ди
в особую комнату и начинает ёго угощать вином, думае
напоить пьяным, штобы он скорее согласилсе. Но жона
предупредила:

— Смотри́, Ондрей, во́дки не пей.

Ондрей, конешно, не отказалсе, пошол с ним за стол
вы́пил одну небольшую стопоцьку, нацинает ёму чарь гово

Да. — Вот, Ондрей, слу́шай, отдай мне жону, а тебя я
на енеральской хорошей дочке и будёш ты щасли́во
без лишних хло́пот, а то опеть тебе даю службу больш

Ондрей ни на што́ не соглашалсе, ни на какие ус
и сказал:

— Я лучче пойду, не́жели отдам жону.

И отказалсе от водки совершенно.

— Тогда, знаеш што, Ондрей, я тебе даю службу: сходить туда́, не знаю куда́, принести то́, не знаю што́. Даю срок неопределённой. Если ты не принесёш, вернёссе, то голова с плець.

Тогда Ондрей, с тема́ словами вышол и приходит он домой к Елены Прекрасной. Приходит он гру́стной, печа́льной со слеза́мы на глазах. Елечка спросила Ондрея:

— Што ты плачёш?

— Как, Елечка, не плакать, дали такую службу: сходить туда́, не знаю куда́, принести то́, не знай што́.

Она ответила ему:

— Слушай, Ондрей, не печа́луйсе, попей, поеш, ложись спать, а утро вечера мудренее́, к утру́ всё дело выеснитце.

Поу́жинали, повали́лись спать. Она по́спала немного, стаёт, берёт волшебну книгу в руки и нацинает искать, где — „то́, не зна́й што́“. Долго она искала, найти, конешно, не могла́, бросила она волшебну книгу, берёт волшебной плато́к, тряхну́ла, вы́скоцило три молодця.

— Што, Елена Прекрасная, прикажете?

— Вот, робя́тки, не знаете ли где — „то́ не знаю што́“?

Один говорит: — „я не знаю“. Другой — „не знаю“. Все, как в одно слово. Она спрятала платок в корма́н, берёт большой мото́к шерсти, нача́ла вить на клубо́к. Когда она свила большой клуб, чуть могла взять ёго, вынесла на улицю и поставила ёго на крыльчё. Это провёла она время до шести цясов утра́. Поставила самоварчик, нача́ла будить Ондрея:

— Ставай, Ондреюшко, друг дорого́й, уж тебе робота, путь-дорожка дальняя.

Вот оны сели, чай по́пили, она и говорит:

— Вот, Ондрей, на крыльче есть клубо́к. Этот клубо́к покатитце по дороги и ты с ним иди. Пока этот клубо́к пока́титце по дороги, ты иди, всё иди до ти́х пор, пока клубо́к кончитце, ни́тка ростя́нетце по дороги, там ты увидиш дворець. В этот дворець ты иди, там тебя стре́тят. Вот Ондрей собираетце. Со́брала она ёму сумоцьку с собой, торбоцьку, и он заплакал:

— Ну, Е́лецька, больше мне тебя не вида́ть, не знай
я пойду!

— Не думай, Ондрей, ни об чём, чарь меня не воз
я буду тебя ждать, конешно, до́лго, не увида́емсе.

Вдобавок она ему еще говори́т:

— Вот тебе сумочка. Когда ты придёш во дворець,
тебя встретят, нако́рмят, напоя́т, спать уло́жат. Когд
утро станёш, будёш умыватьце, тебе принесут полот
ну ты в их полотенцё не три́сь, достань из сумочки
и утри́сь.

Вот запоходи́л он, ёму оцень было ей жа́лко, запл
Она ёго стала утешать. Утёрла платком, и вместе выш
улицю у крыльча. Он спустилсе на дорогу и клубо́к впе
ёго покатилсе. И так Ондрей отправилсе в путь-дорогу.
как чарь узнал, што Ондрей ушол, сичас вы́ставил
ейного до́ма карау́л, стал обыскивать весь дом. Но
не мог, наконеч, осерча́л, сжог весь дом.

И дальше Ондрей продолжа́л свою доро́гу, ну, клубо
титсе и все меньше и меньше стал. Как идёт Ондрей, кл
все меньше и меньше. И скуцьно Ондрею итти, все д
об Елены Прекрасной. Вот всё шол и шол, продолжал
дорогу, клубо́к стал ма́ленькой, — с куриную головоцьку.
Ондрею скуцьно, никако́го жительства нет; чем клубок
меньше, тем Ондрею скучнее. Вот уже до чего́ клубок
маленькой, што ёго уж не заметно́ по дороге, нитка рос
лась вдоль дороги. Ондрей по́днял глаза́, смо́трит, стоит
ре́ць. Подходит ко крыльцю́, к пара́дному. Когда он подх
к крыльцю, по лесёнке к нёму сверьху сбегают две деву
тоцьно одна, как ёго Елецька, но он не осмелился сказ
Берёт ёго за́ руки и ведёт во второй ета́ж. Вот когда они
привели, сечас накрыли ска́терти бра́ные, напи́вки, нал
вина́ заморские, напои́ли, накорми́ли и уло́жили ёго спат
пери́ну пухо́вую. И сами ушли. Вот он про́спал эту н
Утром прибегают в восе́мь часов, бу́дят со сна́. Когда
стал, принесли ёму воду умыцьце, принесли полотенцё. Онд
конешно, умылсе. Да, подают ёму полоте́нцё.

— Нет, де́вушки, у меня есть полоте́нцё своё, дорожно

Достаёт полоте́нцё из торбоцьки; только што успел на-
ыть полоте́нцё на лицё, одна из девушек хвать это поло-
нцё и убежала́. И друга вслед. Ондрей осталсе стоять в ве-
кой печали, думает:

— Што мне теперь будёт, как же она мне велела обти-
атьце в своё полотенцё.

Вот эты де́вушки прино́сят полотенцё к матери и говорят:

— Знаете што, ма́ма, ведь наш зять Ондрей пришо́л.

— Ага, знаю, знаю, за чем он пришол.

Вот е́йно было́ полотенцё. Вот из-за чёго она велела ути-
ратьце в полотенцё, штобы оны знали, хто он есть и зацем
дёт, потому она и велела и́м утиратьце. Вот старуха скоци́ла
о стула, вместе с дочеря́ми и приходит к нему:

— Здраствуй, зять!

— Здраствуй, здраствуй, матушка!

— А я знаю, зачем ты пришол. Хочет чарь мою Елечку
взять. Ого, это не выйдет ёму, а я тебе помогу, за чем ты
пришол, поживи у меня несколько суток. Иш он зду́мал, мо-
лодо́й чаревич, мою Елечку взять, пусть он сдае́тце, пусть её
ищёт хоть сто лет, не найдёт.

Тогда Ондрей сел за стол, нача́л кушать, успокоилсе.
Дальши. Вот топерь она и говорит:

— Ладно, зять, побы́ть у меня трои сутки, а я поищу́.

И уходит. Вот она приходит, берёт волшебную книгу в руки
и стала смотреть, где это „то́, не знай што́“. Смотрела она
долго, броси́ла книгу и схватила себя за волоса́, не могла
найти. Ду́мала, ду́мала и говори́т:

— Наконець и наду́мала.

Берёт два голика́ и полете́ла по воздуху, летала сутки
и прилетела, найти не могла. Берёт волшебную книгу, опеть
нацинает смотреть. Смотре́ла, смотре́ла, найти не могла, бро-
си́ла книгу и наця́ла думать. Думала цясов восемь и сказала:

— Вот топерь я придумала, узнала, где оно есть. Скоку́шка-
баушка живёт в болоти триста лет, она, наверно, знает, по-
лечу-ко я к ней.

Берёт два голика́, и полетела. Когда прилетела она к Ско-
ку́шки-баушки в болото и спросила:

— Знаеш, Скоку́шка-баушка, где „то́, не знай што́“?
— Знаю, — говорит.
— Так скажи.
— Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня прон
до о́гненной реки в па́рёном молоки́, тогда я тебе скаж
а раньше не скажу.

Берёт она Скоку́шку на себя и прино́сит к себе. Буд
кувшин молока и нача́ла парить. Вот когда она напа́рила,
садила эту баушку-Скокушку, лягушку то есть, и прих
к своёму зя́тю.

— Ну, зять, одевайсе, поедеш; дам я тебе своёго кон

Вот оделсе наш Ондрей-стрелок, и выводит своёго ж
Баушка ёму и говорит:

— Вот лети на этом кони до о́гненной реки, а у о́гнен
реки коня уже не будёт и спрашивай у баушки, как поп
дальше.

Вот когда он доехал до о́гненной реки, коня у нёго
не стало. Осталсе один кувшин, и стал за нитоцьку вытя
эту скокушку. Когда он вы́тянул Скокушку, она ёму и гово

— Садись, Ондрей, на меня, пока не поздно.

А он ей и говорит:

— Што ты, ба́ушка, эка ма́ленька, я тебя роздавлю.

— Ну, садись.

Долго он ме́шкал, не садилсе, наконець:

— Ну, ланно, седу.

Сел, и эта лягушка стала подниматьце кверху, кверх
стала выше ле́су и всё ёго упивала в себя, только ви́дна о
голова́. Вот она и заговорила:

— Ну, дёржись кре́пче.

Как эта лягушка ско́цит, так и прыгнула церезь о́гнен
реку́. Вы́пустила его. Он нацинает ей спрашивать:

— Да где же, баушка, есь „то́, не знай што́“?

— То́-то, если б ты не спроси́л, так и не узна́л. Тог
я тебе скажу.

Вот нацинает баушка:

— Вот где „то́, не знай што́“ живет: иди по этой дорож
долго тебе, конешно, покажетце итти, ну, иди. Увидиш дом

е-дом, сарай — не-сара́й, помещеньё — не-помеще́ньё. Заходи него, дом совершенно пусто́й, розвали́вши: только одна печь. айдёш в этот дом и становись за́ печь. Зайдут два молодця скажут: „Сват-Наум, попить-поись“. Заиграёт му́зыка разная, акроютце ска́терти бра́ные, напи́вки, нали́вки, ви́на замо́рские. Вот и ты до ти́х пор стой, пока оны уйдут, и комната будёт совершенно пустая. Тогда выходи́ и говори: „Сват-Наум, опить-поись“. И тебе тоже самоё будет. Когда будёш пить есть, то угости свата-Наума рюмоцькой. Тогда он от тебя никуда. Это будет: „то́, не знай хто́“.

Это всё обсказала баушка-Скокушка. Он поблагодари́л её сам отправилсе в дорогу. Вот идёт он себе долго, наконець, видал: да, дом — не до́м, сарай — не сара́й. Заходит он нёго — совершенно пустой, развалившии, одна печь. Да, вдруг видит приходят два человека моло́дых, сицяс сказали:

— Сват-Наум, попить-поись.

Да. И откуль возьмись, накрылись ска́терти бра́ные, напи́вки, нали́вки, замо́рские ви́на разные, и комната промени́лась, совсем другая. Вот когда они поели, вышли проць, то комната стала опеть пустая. Тогда выхо́дит Ондрей опеть из-за пе́чи. Когда он вы́шел из-за пе́чи и заговорил:

— Сват-Наум, попить-поись.

Также и ёму сделалось, накрылись ска́терти бра́ные, напи́вки, нали́вки, ви́на замо́рские и также во́точка и рюмочка и все на свети. Вот он сел за стол и нацья́л ись и говорит:

— Сват-Наум, нельзя ли второй рюмоцьки.

Сват-Наум подает ёму вторую рюмоцьку.

— Сват-Наум, угостись-ко второй рюмоцькой, от меня, дорожного цёловека.

Когда сват-Наум выпил рюмоцьку и заговорил:

— Ну, Ондрей-стрело́к, ты меня угостил рюмоцькой, а уж я от тебя никуда. Я два дурака́ кормлю тритцеть лет, а от них еще горе́лой корки не вида́л.

— Сват-Наум, покажись!

— Нет, — говорит, я есть такой дух, што меня нихто не видит. Я есть „то́, не знай хто́“.

Вот Ондрей по́пил; поел и стал собиратьце.

— Ну, што, сват-Наум, ты пойдёш со мной?
— Конечно, я всегда за тобой.
— Куда?
— Ну, пойдём.
Долго Ондрей шол по дороги и всё спрашивал:
— Сват-Наум, ты есть?
— Есть. Я от тебя никуда.
Наконець, приходит Ондрей к морю. Когда он при к морю, и говорит:
— Сват-Наум, а куда́ мы сицяс пойдём?
— Погоди, Ондрей, сецяс, приплове́т корабь, и мы пловём на нём.
Вдруг ниоткуда возьмись корабь; приплыва́ет шлю и перево́зит ёго на корабь, он спросил:
— Сват-Наум; ты есть?
— Есть, есть, я от тебя никуда.
Ну, на корабле не было никакого человека, людей.
— Как же, сват-Наум, у нас нет людей, хто из нас бу править, нет ни штурмано́в, ни матро́сов.
То сват-Наум сказал:
— Ложи́сь спать, а я один управлюсь.
Вот Ондрей лёг, по́спал, встава́ет. Вот говорит ёму св Наум:
— Ну, Ондрей, приплове́м мы к одному́ о́строву, и этот о́стров мы вы́садимсе, поселимсе то-есть.
Вот они приплыва́ют к этому о́строву, сечас спускает с корабля лодка, перевозит их на о́стров, а уж корабь исче Вот они захо́дят на о́стров. Остров стоял на мори. Сват На и говорит:
— Вот што, Ондрей, на этом острову́ мы постро дворец и обнесём сада́ми. Вот мимо о́строва пойдут тр корабля, они зайду́т к нам в гости.
Вот сицяс же сват-Наум построил дворець, обне́с сад вокруг, и нача́ли жить, продолжал жизнь вперёд. И говорит ём сват-Наум:
— Церезь два дни приплове́т сюда три корабля. И он этакой редкости еще не вида́ли, хо́дят тритцеть лет мимо

того ме́ста и жилья́ здесь не вида́ли. И они как раз остоятце придут к нам. На этых кораблях у капита́нов есть три вещи дико́винки, которые нам нужно захватить с собой на оммен меня. Оны согласятце, а я от тебя никуда. Когда мы их напо́им, нако́рмим, подпойм пья́ненькима, они будут хвастать свойми диковинками и будут спрашивать тебя: „што у тебя за сват-Наум“?

Вот как раз несколько времени проходит и плову́т три корабля. Сошлись все вместе и стали дивитьце:

— Што тако́ё, тритцеть лет плавали, такой дико́винки не вида́ли. Како́й приехал сюда́, постро́ил дворец, надо посмотреть!

Вот оне остановились вместе все три корабля; все капитаны с матросами, с штурмана́ми, спустили лодки и поехали на го́ру. Когда оне приехали на го́ру и захо́дят в этот дворец, их Ондрей-стрело́к стре́тил и сказал:

— Сват-Наум, попить-поись, угостить моряков!

И накрылись ска́терти бра́ные, напи́вки, нали́вки, разные замо́рские ви́на.

И это всё бы́ло сделано. Сели гости за столом. Когда стали воточку выпивать, схмели́лись порядошно. Вот и начинают у ёго спрашивать:

— Што́ у тебя, Ондрей-стрело́к есть за сват-Наум. Какой он человек и давно ли ты поселилсе здесь на острову́?

Он тогда им и говорит:

— Это есть сват-Наум — мой друг, он исполняет все мои приказа́нья и куда лиш бы хотел поселитьце, туда бы с ним я и уехал.

— И што он за человек, как бы его посмотреть?

— Я не знаю. Я и сам не видал ёго, он есть такой дух, што ёго нихто не видит.

Когда напили́сь эты гости и стали хва́стать. Один капитан и говорит:

— Да, Ондрей, у меня тоже есть диковинка, как захочу, у меня есть топор, скажу к дереву, „топор, тяп-ляп и сделайсе корабь“ и в ту же минуту бу́дёт.

Тогда заговорил второй из капитанов:

— Да, у тебя ничего, ну, и у меня есть сабля́ такáя.
я приду́ вдоль берёгу и ударю вдоль воды́, то сделаетце
хрустальной. Ударю поперёк воды́, то ничего не б
И ежели заду́маю роботáть дворец, то иду на хоро
площадь, три рáз обёрнусь вокруг саблёй, и сделаю та
дворець, какой только прикажу. Тогда говорит третий кащ
второму:

— Есть у меня вещи́нка хорошая. Есть трубоцька та
вы́ду я на полё, свистну и сделаетце во́йска столько,
прикажу, то они и будут делать.

Так. Когда все капитаны обьеснили все истории, с
Наум и говорит Ондрею, зашептал нá ухо:

— Слушай, Ондрей-стрелець, меняйсе на меня; все
вещи нам нужно, а я от тебя никуда, оны согласятце.

Потом Ондрей-стрело́к и говорит капитанам:

— Вот што, товарыщи капитаны, давайти менять, я
отдам свата-Наума, а вы мне все эты вещи.

Капитаны подумали, поговорили между собой и, наконе
сказали:

Ладно.

И так решили:

Давайти, товарыщи, сделаем так: идёмте домой, приве
своих жон и будем жить на острову́, а сват-Наум нас буд
кормить, роботать нам ничего не надо.

Сецяс же собрались на корабли за вещамы. Когда пр
ехали на корабли, взяли вещи и приехали опять на гó
А в это время сват-Наум говорит Ондрею:

— Вот, когда они приедут, ты их стречай, напой их пьяны
а сам забирай вещи и иди на конець острова.

Вот когда оны приходят, капитаны эты; сели за стол
пошла у них попойка. Да. Эты капитаны отдают ему вещ
а он и говорит свату-Науму:

— Ну, сват-Наум, ты топерь оставайсе с капитанам
служи им, как и мне служил, а я топерь ухожу́.

Роспростился, получил вещи и пошол. Немного отшол
подумал:

— Сват-Наум, ты есть?

— Я давно за тобой. А вот ты подожди, они немного попьют, потом заснут. Проснутце на голых камня́х, больше ничего там не будёт.

Капитаны эты до тéх пор пóпили, што заснули. Проснулись, скоцили, остались на голых камня́х, нет ницёго, ни дворця, ни садов. Ондрея и след простыл.

Когда Ондрей пришол в конець острова и спрашивает свата-Наума:

— Ну, сват-Наум, чего будём делать?

— Кажетце, ты сам топерь знаеш, у тебя есть топор?

— Есть.

— Ну и строй корабь.

Ондрей скоро време отыскал дерево, ударил топором:

— Ну, тяп-ляп — сделайсе корабь!

В ту же минуту корабь был готов, уже стоял на воды́. Топерь он говорит:

— Ну, как же мы, сват-Наум, топерь попадём на корабь?

— Ну, у тебя же есть вещ?

Берёт саблю́, ударил вдоль воды́, сделалсе мóстик. Перешли они на корабь. Ударил поперёк, убрал мостик, и поплыли оны на корабле.

Вот оны плыли дóлго-ли, корóтко, низко-ли высóко, близко-ли далёко и все пловут и пловут. Приплывает Ондрей в то же государство, из которого он вы́шел и видит: самое оно. Когда они приплыли на рéйду, Ондрей берёт саблю́, ударил вдоль воды́, образовалсе мостик. Встали оны, пошли на гóру. Когда они вышли на берег, идут по городу, Ондрей идет к тем же жилищам, где ёго была комната. Когда увидáл, зглянул на это место, то это место было сожжóное всё, на этом месте трава уже выросла. То он зглянýл и сказал:

— Ну, видно погибла моя Елецька, сжог безумець.

Тогда Ондрею было делать нечего. Он стал спрашивать свата-Наума:

— А што же мы топерь, сват-Наум, будём делать?

Сват-Наум ответил ёму:

— Строй дом и найдетце твоя Елечка.

Тогда Ондрей-стрело́к берет саблю́, обёрнул вокруг себя и говорит:

— Ну, постройсе мне дворець, даже в три раза лучче чарьского.

И в ту же минуту дворець построилсе с надписью серебряной: „Ондрея Стрельця“.

Когда он увида́л, што построён был дворець такой великолепной, то он с радостью пошол во второй етаж и нача́л ходить по комнатам. Наконець, зашол в спальню. Когда он зашол в спальню, открыл занаве́су, то смотрит Елечка спит на кровати. Он побудил ей, она открыла глаза, вскинулась и давай целовать ёго, и сказала:

— Тебя ли я вижу, милой мой стрело́к Ондрей?

— Меня, — ответил. — Пойдемте сецяс в залу, привальной сделаем обед, и я обскажу свое путешествиё!

Когда они зашли в зало, садятце за стол, то она и спросила:

— Ну, достал ли, Ондрей стрелець, „то́, не знаю што́“?

Он говорит:

— Достал.

Тогда говорит Ондрей:

— Ну-ко, сват-Наум, попить, поись, поеселитце, накормить себя, меня и мою жону.

Вот она и начинает спрашивать:

— Сват-Наум, хто ты такой есть, покажись-ко мне.

— Нет, Елена Прекрасная, я сроду никому не показывалсе. Я есть такой дух, меня нихто не видит, я есть „то́, не знаю што́“.

Больше она спрашивать не стала. Топерь спрашивает Ондрей:

— Как, сват-Наум, што же мы топерь будем делать, к чарю ли ты пойдёш или у меня будеш жить?

Отвецяет сват-Наум:

— Нет, Ондрей, я к чарю не пойду, чарь меня не доста́л, а достал ты, Ондрей-стрело́к, и тебе я буду служить. А с чарём мы росправимсе ина́це.

Вот говорит ему сват-Наум:

— Вот, Ондрей, бери трубоцьку вроде табатыроцьки, и пойдём в полё. Когда придём в полё чистоё, свистни одинножды.

Так. Ондрей берёт трубоцьку и выходит в цистоё полё. Когда он пришол на полё, то кряду же в трубоцьку свиснул. И полилось столько войска, што он не знает; нет ни убыли, ни прибыли. Прискакивают к нему главные атаманы, поклонились в пояс.

— Што тебе надо, Ондрей стрелок?

Он не знает, што им сказать. Тогда говорит сват-Наум Ондрею:

— Прикажи им в город палить холостыми снарядами и вели вызвать чаря самого или пусть присылает войско.

Да. Когда чарь услыхал такую опасную тревогу, то уж он ростерялсе и сам не знает, што делать. Присылает дватцеть пять человек салдат в разведку, што, што им надо и какие пришли войска? Когда приехали эты солдаты, Ондрей спросил:

— Сват-Наум, што нам с этими солдатами делать?

— А вот што: привязать дватцеть человек волосами к траве, а пять отправить обратно: што столько нам не присылай, присылай или войско или приежжай сам.

Так и сделали: дватцеть привязали, а остальных отправили с ответом. Когда салдаты обратно вернулись к чарю, обсказали такую тревогу, чарь очень роздумалсе: што ёму делать? Наконець, решил ехать сам. Когда приехал чарь на полё, Ондрей стрелок увидал ёго и говорит свату-Науму:

— Сват-Наум, што же мы будем сечас принимать с чарём?

Отвечает сват-Наум:

— По-моему, с ним поступать просто: казнить ёго, а тебе поступать на чарьство.

Отвечает Ондрей:

— Нет, сват-Наум, казнить я не намерен, зла помнить, а с ним лучче што другоё сделать и што он будет говорить.

Когда чарь подошол к Ондрею-стрелку, то очень испугалсе и стал просить помилованья.

Ондрей стрелець, што хочеш делай со мной, но только моей головы не казни.

И увидал громадноё войско.

— Мне не надо от тебя ничего, што принёс или не принёс ничего, мне ничего не надо, только не казни ты меня.

— Ну, ладно.

— Отдам я тебе пристол, становись на пристол, а я сойду.

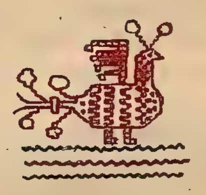
Ну, он тогда сказал чарю:

— Ну, ланно, оставлю я тебе жизнь, но будёш сорок лет в пастухах.

Потом свистнул два раза в трубоцьку, войско все унёсло.

Вот они зашли в чарские палаты. Чарь спокойно сдаёт ему все дела́ и сам поступил в пастухи. Тогда Ондрей стрелóк взошол на пристол и стал играть сватьбу.

Когда эта сватьба оконцилась, тогда, конешно, стал он этым чарьством править до глубокой старости.

3. ШКИП

Не́ в котором царстве, не́ в котором государстве был-жил царь. У нёго был сын да доць. Доцерь звали Марией, а сына уж, конецьно, Иван, (как всё больше Иваны, дак!) Вот конешно, стали оне на возрасте. Отець и говорит сыну своему:

— Вот што, сынок, — говорит, — я чуствую в себе, што я скоро умру, тебе надо будет жонитьце и взять престол.

— Ну, дак што же, батюшко, на ком я буду жонитьце, благослови меня.

И вот он говорит:

— Вот, сынок, я тебе даю перстень и ты бери себе в жоны не щытая, будь она кресьянска или купецеська доцерь или хоть какой вдовки доцерь, всё ровно.

И вот так недо́лго чарь поболел и умер. Остался царевиць нежонатой. Осталсе он со своей сестрой. Вот он, конешно, што же, надо жонитьце и на престол стать. Вот он снацяла там по чарским доцерям, по королеським — никакой этот перстень не ладитце: то мал, то велик, нет ёму невесты по родительскому благословенью. Потом он уже стал по купецеським доцерям и по крестьянским ходить. Однем словом пе́ребрал всех, ну никому не ладитце, хоть ты што хош!

Вот раз оне сидят со сестрой, пьют чай.

— Слушай, сестра, примери ты этот перстень себе.

— Ну, што, брат, хоть бы и поладилсе мне этот перстень, всё ровно я тебе не жона, раз ты мне брат.

— Ну, дак всё-таки, сестра, применись, оннако, я тебя не прошу, што ты будь моей жоной.

И вот так она говорит:

— Ну, што-же, дай, я тебя потешу, примерю кольцё это.

И вот она взяла это кольцё, одела на руку и точно по ейной руки оно и ли́то было. Вот он и говорит сестры:

— Ты, знаеш, мне отец дал благословенье, кому это кольцё поладитце на́ руку, того и брать. Оно никому не ладилось, кроме тебя, значит отцёво благословенье надо исполнять — и тебе за меня надо выходить замуж.

Она сечас ёму и говорит:

— Слушай, брат, как же я пойду за тебя замуж, закон-то ведь не позволит, што брат на сестры́ будет жонитьце.

— Ну, как хоти́ш, сестра, а топерь подумай, да реши. А уже отцёвско благословенье надо выполнить, как раз он благословил.

Вот она думала сутки. Так. Он спрашивает:

— Ну, как, сестра, надумала?

— Да нет, еще дай мне трое сутки.

И всяко она подумала, но ницёго не выходит.

— Надо мне убежать!

Пришла к брату, говорит:

— Ну, на́ это кольцё, а уж я трое сутки подумаю, тогда одену, когда выйду за тебя замуж.

— Ну, ладно, сестра, через три дня будем приступать к свадьбы.

— Ладно, хорошо.

Вот пошла она проч, собра́ла денег порядоцьно и тайным образом выехала из города. Поотьехала она город, два, третий, остоя́лась и купила домик. Купила домик и взяла одну вдовку в дом к себе в низ, а сама помещалась наверьху. А у вдовки был сын, Иваном звали, большого роста.

И вот она, конешно, купила товару, нача́ла торговать. Наняла́ прикащыков и этого мальчишка взяла у вдовки продавцём. Ну, хотя для начала, конешно, подбегалом, помощником.

И вот она начинает торговать, и пошло дело. Когда этот мальчик подрос, то она провела его старшим прикащыком и он так хорошо выучилсе в торговлю, што она его хвалила очень за ёго работу. Так. Когда этому Ванюшке спо́лнилось дватцеть лет, и вот она всегда ходила с ним розговаривать, приглашала ёго в гости в верьх, поила чаем и любила его лучше всех из прикащыков. И вот в онно прекрасное времё эта хозяйка так Ванюшке понравилась, што он и говорит матери. А он не знал, што она чярьская дочь.

— Ну, мама, я хочу на хозяйке жонитьце, может она пойдёт за меня?

Мать ёму и говорит:

— Што ты, дурак, делаеш топерь? Если ты скажеш, она изобидитце, прогонит тебя. Плохо тебе жить, што-ли, она нас прогонит и с квартеры совсем.

Нача́ла ёго ругать и бить даже, поднялсе у них вобщем шум. А она слышит всё там наверьху, весь ихной розговор. Она вдруг спускаетце к нему и говорит:

— Ну, што, баушка, у тебя со сынко́м?

— Да ну ёго к чорту, дурной, затеял такое, што и говорить то не́чего.

— Да ты скажи всё-таки.

— Да слушайте, хозяйка, и говорить-то нечего, затеял пустое, дурак, и говорить не стану.

И так она не сказала ни слова и ушла. И он ничего не говорит, конешно.

И вот он на другой день ушол в лавку, торгует. И так прошол с месяц. Он опеть приходит к матери и говорит:

— Слушай, мама, я всё ровно буду на хозяйке жонитьце.

Она ёго опять бить, ругать.

— Да што ты, дурной, худо ли тебе жить? Она тебя кормит, одевает, всё у тебя есть, а ты скажи токо, она прогне́витце и прогонит нас всех.

Она опять услыхала, спустилась к ним:

— Што он у тебя, хозяйка, всё просит, а ты не даёш? Уж не женитьце ли он просит?

— Да што ты, хозяюшка, женитьце! Он ещо молод, и говорить-то не́чего, ничего ёму не позволю.

Так она и ушла опеть. И вот опеть он ушол в магази́н. Прошол опеть месець. Нет уж, он задумал:

— Там будет што будет, а уж буду.

Приходит к матери:

— Так и так, уж как хоти́ш, а буду жонитьце.

Она опеть ёго бить. А он всё своё:

— Женюсь да женюсь.

Она и приходит опеть вниз.

— Ну, што, скажи, баушка, што вы с ним шумите́ какой раз?

— Да што ты, хозяюшка, дело-то ведь вот в чём. Он хочет жонитьце, да можно ли оскорблять людей? А почему нельзя? Стыдюсь даже сказать. Дело в том, што он хочет жонитьце на вас, только извиняюсь, што вы оскорбите́сь, прогоните нас совсем и вы́гоните его с роботы.

— Зачем так, баушка, говорить, што вы вы́гоните его с роботы, а если я пойду за нёго? Кому какоё дело, пойду за нёго, так это моё дело, а не пойду, зачем же гнать с роботы, тут и оскорбленья никакого нет, што он хочет за себя меня взять. И шуметь не надо, баушка, и сынка унимать, если пришло ему женитьце, кому какоё дело?

— Ну, дак вот, хозяюшка, мне-ка сынок предлагает штобы я пошла сватать тебя за своёго́ сына. Если жалаеш за нёго пойти, так вот, токо не оскорбись в том, што я тебя за него прошу.

— Молодець, Ванюша, угадал, где начать жонитьце. Я согласна, завтра же начнём сва́дебку небольшу́ю и будем жить. Токо и делов всего, кому какоё дело!

И вот на второй же день приступили к свадьбы. Сходили к венцю и сыграли сва́дебку; так день, два, пускай, и приступили к своей роботы по-старому.

И вот оне живут себе год, у них в это времё родилсе сын, которому имя дали Шкип. И он как родилсе, так сразу

заговорил, и был грамотной. Как быстро научилее, уже у матери в животе. И вот этот мальчик до чёго был толковой, когда захочет ись, то просит, когда спать, то тоже просит. А всё большинство водилась баушка с ним, а тем было недосуг.

Вот в одно прекрасно время баушка походит коров доить, а ёго оставляет в люльке одного. На эту пору приежжает старичок один на двор на лошади. Вот приходит старичок в избу, этот мальчик не спал и заговорил:

— Дедушко, ты откуль приехал?

— Да с дому, дитё, приехал.

— А хочеш ись, возьми тут в шкапу, да садись, покушай, так што баушки дома нет, возьми сам.

И вот дедушко поел, он опеть ёму и говорит:

— Дак вот, дедушко, у тебя есть ли кого сыновей и дочерей?

— Да нету, дитё.

— А корова есть?

— Есть корова, да баушка, больше у меня никого нету.

— Дак вот, дедушко, возьми меня к себе сыном, меня зовут Шкипом. Корова есть, так я буду молоко пить, мне больше ничёго не надо. Тулуп есть большой?

— Есть. Да што ты Шкип, дитё, ты еще малой, ты ведь еще замёрзнеш.

— Нет, не замёрзну, овверни меня в тулуп.

— Да ведь если меня застанут, старика, меня ведь нахлопают за это.

— Нет, тебя нихто не застанет.

— Ну, ланно, коли не застанут, я тебя уж возьму, свезу к баушке, живите с баушкой.

Приносит тулуп, завёртывает и поехал домой.

Когда баушка пришла из хлева, то Шкипа́ нет. Ёго искали, искали, куды он делсе, нет нигде, так и остались.

И вот привёз старик домой и говорит:

— Ну, вот, баушка, я сына привёз. Попросилсе сын ко мне-ка, я и привёз, бог дал.

— Ну, што-же, живите с богом, молоко есть, он еще малой, шестимесечной.

— А парень толковой, сам всё говорит, хочет чего, так попросит.

Топерь он живёт у баушки, этот Шкип. Когда он захочет поись, он скажет:

— Баушка, дай мне молочка.

И так он живёт челой месець. И раз он говорит дедушку:

— Дедушко, я гляжу, ты бедно́ живёш.

— Да сам видиш, хош ты еще ма́лой, а уж разумееш много.

— Дак вот, дедушко, я тебя научу, ты достанеш денег много. Вот иди сецяс, где у государя сделана площадь, а на площади́ есть столб, а на этом столбе есть тыща рублей денег, хто в этот столб вы́лезет, и при том же енеральская одежда. Хто в этот столб вы́лезет и достанет деньги, потом подарят енеральскую одежду сверьх того. Там много есть удальцёв, ездят на лошадях всяки рыцари, ну никто достать не может, не знают такой хитрости. А я тебя научу, ты достанеш очень лехко́. Вот как ты ей достанеш: сецяс иди на рынок, купи восьминную гирьку и катушку ниток. И потом верёвку не сильно тонку́ю и придёш на эту площадь. А когда твоя очередь придет, ты обсмотри, там вверху есть кольцё. И ты вот смотри, кольцё когда увидиш, то привязывай к восьминной гирьки нитоцьку и бросай в это кольцё. А когда достанеш кольцё, то привязывай верёвоцьку и продёргивай, и вот по этой верёвоцьке ты влезеш и достанеш деньги.

— Ну ланно, уж пойду, попробую.

— Сходи, сходи, достанеш!

Вот старик так и сделал. Пошол на рынок, всё купил, и пошол на площадь. И смотрит там удальцёв, хто на лошадях, хто так полезат, и все отступились.

Вот приходит старик, все и говорят:

— Вот, вот, этот старик достанет!

Вот дедушко ходил, ходил и увидал кольцё. Сечас берёт восьминную гирькў, привязывает ниточку и бросает. Как раз угадал, достал в то кольцё. Вот продя́ргивает верёвочку и лезет. Вылез, достал тышечу рублей и енеральскую одежду и лезет обратно.

— Вот так старик, никто не мог достать, а он достал!
Вот приходит енерал и говорит:
— Ну, молодец, дедушко, получай деньги и енеральскую одежду.
Взял старик деньги и одежду и пошол домой. А этот енерал приходит, конешно, к чарю и говорит:
— Вот ваше величество, у нас сколько было наездников, удальцёв, нихто не мог достать, а вот пришол старик и достал, понимаеш. Не знаю, хто ёму сказал, или он своим мнением дошол, ну токо достал.
Чарь и говорит:
— Позвать сюда старика!
А чарь всё не жонатой еще. И вот сецяс же пришли за стариком.
— Вас дедушко, сецяс же приказал привести, чарь.
Старик испугалсе.
— Ну, наверно, што неланно я сделал.
А потом заговорил Шкип:
— Поди, не бойсе, он будет тебя спрашивать, што „кто тебя научил или ты сам выдумал? Говори, не бойсе, а то сецяс предам тебя злой смерти или посажу в темницю". Ты говори ёму: „Нет, ваше величество, я сам выдумал". Потом он тебе всё равно не поверит и скажет: „Всё равно я тебя сказню". Тогда ты скажи: „Ну, раз ты меня так стращаеш, то есть у меня семимесечной мальчик, это он всё выдумал, а зовут ёго Шкип". И што он тебе скажет? А топерь поди.
И вот он приходит к чарю.
— Здравствуйте, ваше величество.
— Здраствуй, здраствуй, дедушко, боевой старик! Ну, скажи как ты мог достать деньги и енеральскую одежду, сам ты выдумал или хто тебе помог? Нет, ни за што не верю, если ты мне скажеш, что ты сам. Или хто тебе помог, а то буду тебя казнить, или посажу тебя в темницю.
Старик испугалсе. Тогда сказал ему старик:
— У меня есть семимесечной мальчик, и он грамотной и всё говорит. Зовут ёго Шкип, и он мне сказал, как это нужно всё достать.

Тогда он ёму и говорит:

— Ну, слушай, дедушко, он у тебя свой или откуда взятой?

— Нет, не свой, а он попросилсе со мной в одном городу ехать, и вот я ёго взял к себе.

— Ну, так принеси ёго сюда.

Старик, конешно, пошол домой и говорит:

— Ну, Шкип, тебя сам царь звал. Он не верит, думает, што я тебя наверно украл, скажи ёму сам.

— Ну, неси меня к чарю, завёртывай в тулуп и неси, я ему скажу.

Вот он ёго сечас берёт и приносит к чарю. Чарь выходит. Шкип и говорит:

— Ну, здраствуй, дядя, я буду племянник.

Чарь улыбнулсе:

— Ну, што за племянник? Правда, сестра у меня была, ушла не знай куда, может и племянник.

— Да, да, племянник, зовут меня Шкипом.

— Ну, скажи мне-ка, топерь, Шкип, што дедушко тебя украл из до́му, где он тебя взял, или ты сам пожелал? И где твоя мать и отец, мне охота знать.

— Моя мать замужем, торгует, да и живёт себе только. А дедушко меня не украл, я сам пожелал сюда и научил ёго как достать енеральскую одёжу и деньги. А дедушко не виноватой ни в чём, я бы и сам достал, ну я еще был ма́лой. И вот, коли ты меня сюда принёс, топерича, то я у тебя и жить буду, коли ты сам со мной будеш водитьце. И ты мою маму замуж хотел взять, ну, и хорошо, што она ушла. А я тебе найду невесту, если всё будеш исполнять.

Тогда он сказал:

— Ну, хорошо, Шкип, я тебя возьму. Я бы согласен и няньку наня́ть, но поскольку ты не соглашаиссе, я и сам буду с тобой водитьце.

— Хорошо, а дедушка ты отпусти и награди ёго, за то што он меня взял, так бы я к тебе и не попал.

Так он, конешно, старику дал денег. Старик пошол домой.

— Ну, старуха, хорошой мальчик был Шкип. И мне дали денег, теперь мы с тобой можем жить беспечально.

И так стали жить.

А Шкип топерь у чаря своёго́ дяди. И вот он у дяди прожил челой год и говорит дяде.

— Ну, дядя, мне топерь исполнилсе год. Принеси мне бумаги и карандаш, я тебе напишу план, по которому вы будете строить корабль, ехать жонитьце. Твоя невеста там, а ты вздумал свою сестру взять замуж, ну это тебе не удалось.

Дядя думает:

— Ничего, толко́ва голова твоя, племя́нничёк.

И вот, конешно, дядя ёму приносит большой лист бумаги и карандаш, и он садитце и начинает составлять план. И он составлял этот план три дня. На четвёртой день план даёт дяде:

— Ну, вот, дядя, на тебе план и нанимай мастеров, пусть роботают корабь. Ну если што неправильнё сделают, придётце снести ёго и начинать сначала. И пусь роботают год, а потом снеси меня туда и я посмотрю, правильнё ли роботают, или неправильнё.

И вот дядя на другой же день пошол наня́ть мастеров и сказал:

— Ну, вот, роботайте всё по плану, што тут указано, а через год я приду смотреть. Раньше трёх годов вам не сроботать.

И вот эты мастера взяли, конешно, этот план и взяли́сь за роботу.

Вот скоро уж год, как роботают. Он и говорит опять, Шкип, дяде:

— Дядя, ну-ко, завёртывай меня, посади на лошадь и вези меня. Я обойду весь корабь и посмотрю план, правильнё ли роботают. Я еще бежать не могу за тобой на своих ногах, мне токо два года.

И вот дядя, конешно, взял ёго, оввернул и привозит ёго к кораблю. Вот приехали и пошли кругом.

— Дядя, тут што-то неправильнё построено, по-моему, неправильнё носовой корк. Несите сюда план, мастер.

Мастер приходит с пла́ном, вот он и начинает ёму показывать:

— Вот видиш, тут неправильнё, криво построен, всё ведь по плану у тебя указано, а ты не так сделал, неправильнё. Розрушить весь корабь до подошвы.

И так розрушили и снова стали роботать за ту же плату.

И так прошол снова год. Вот он говорит дяде опеть.

— Ну, дядя, теперь я уже бежать могу маленько, поедем, пока не позно, много не нароботали. Если не годитце, то найми другого мастера, этот не умеет роботать.

Вот оне, конецьно, приехали, пришли оне до серёдней части. Он немного побежал.

— Дядя, не годитце корабь опеть. Не будет корабь зажимать, не годятце подводные крылья, мы можем все поги́нуть. Розрушить весь корабь до подошвы, а этых мастеров рощытать.

Вот, конешно, он рощытал мастеров, и нача́ли другие роботать. Уж ёму стало три года, четвертой.

Вот пророботали год.

— Ну, дядя, теперь я уж бегать могу. Поедем, пока не поздно, если не правильнё, то опеть придётце розорить.

Опять приехали.

— Ну, дядя, пойдём топерь смотреть.

Дядя думает:

— Што тут, какие убытки он мне теперь наводит, — ну ничёго не говорит.

И они посмотрели корабь.

— Ну, дядя, пока ничёго не заметил, пока правильнё, помешкам еще год.

И на второй год оне тоже ницёго не заметили. Вот прошло третьего больше как полгода, остаётця токо четыре месеця.

— Ну, дядя, поедем, мне уже шесть лет, седьмой, я топерь сам могу.

Вот приходят на корабь и смотрят.

— Ну, дядя, всё-то, всё хорошо, токо оснастка немного не годитце. Ну, да уж ланно, тебе уж долго жонитьце ждать, уж не будем больше задя́рживать. Ну вот, дядя, топерь

на корабь собирай сьестные припасы все и я пойду достану тебе невесту, хотя она далеко́, в тридесятом королестве, одного короля доць, волшебниця. Ну, токо ей это кольцё и подойдёт, больше никому не подойдёт. А ты топерь останьсе, а я пойду один, и тебе привезу прекрасну королевну. Ну, токо с таким условием, штобы мне с ней перьву ночь спать. Токо так и пойду, как хоти́ш, ина́че не пойду, или поди сам. А мне уж топерь семь лет, восьмой, я уж могу быть.

Ну, хотя ёму было семь лет, восьмой, ну он росту был очень большой, полной из себя, как порядошной мущына. Даже дядя дивилсе над ёго ростом.

— Нет, племянник, хотя я и без тебя не пойду́, на это предложенье я не согласен. Почему? Потому што я с сестрой не видалсе десеть лет и тритцеть лет как не женатой и самое дорогоё ты у меня отнимаеш, на это я согласитьце никак не могу.

— Так слушай, дядя, она с тобой жить не будет, если ты мне не даёш перьвую ноць спать, а ина́це будет, и тебе не женитьце никогда.

Тогда он сказал:

— Ну, ланно, племянник, поди, я не пойду. Я даю, уж ланно, так и быть.

— Топерь розреши мне-ка еще сказать: капитанов найми, штурмано́в найми, но власть штобы на судне моя была, и што прикажу им делать, штобы исполняли, хотя и щытаюсь еще мо́лод.

Потом чарь садитьце, пишет приказ: „Исполнять капитанам Шкипово приказанье, што он захочет, туда и плысть“.

Росспростилсе он с ним и пошол на корабь.

— Ну, дядя, дожидай черезь два года я приеду. Дожидалсе столько, до́жидай еще два году, и будь хозяин своёму́ слову.

Когда Шкип пришол на корабь, то стали сразу же якоря катать и спускать корабь в море. Спустили сразу на полный ход. А Шкип указывал куда итти и капитаны слушались ёго.

И вот оне пловут чуть не год, капитаны соскучились, што очень да́льнё плаванье, не знают куда Шкип пловет, самы не

знают. И даже на́чали... вынудило капитанов спрашивать у Шки́па:

— Што скоро-ли мы придём в чарьство?

— Слушайте, капитаны, скоро придём, скоро земля будет видатце.

Не прошло и месець, как приплыли в государьство. И вот когда он при́был в это чарьство, поставил свой корабь, и в этом городе еще не было такого корабля. И все дивились на такой корабь, все ходили смотре́ть. А он занималсе в каюте своима́ редкостямы, играл в гусли, которых еще нихто не слыхал. И вот узнала эта королевна, што пришол такой корабь. Сходила, посмотрела, услыхала пенье, а потом пригласила этого Шки́па к себе, но хитрости ёго не знала, хотя она и была волшебниця. Вот, конешно, вызвала она когда ёго к себе, там стала угощать и стала росспрашивать:

— Зачем вы пожаловали и што будете делать?

Он сказал:

— Я сдам свои товары, других наберу, а потом и пойду. Ну, есть такие товары, которых еще нихто не видал, я здесь и показывать не буду.

Когда чаревна узнала, што у нёго есть такие товары, она и говорит:

— Слушай, Шкип, нельзя-ли посмотреть у тебя эти товары, конешно, я пойду не одна.

Он сказал:

— Слушайте, прекрасная королевна. Если жалаете посмотреть, то приходите завтрошной день, а то мы скоро уйдём отсюда. Бери своих нянюшек, отця, мать бери, бери всех пусть посмотрят.

То сказали:

— Хорошо. Мы в десеть часов придём.

— Ланно, будем ждать.

И чаревна не узнала никакой подлости в этом Шки́пе.

Так. И вот он пришол на корабь, то и говорит:

— Вот придёт завтро чаревна на корабь со своёй свитой, то вы в ту же минуту рубите канаты, катайте якоря и спускайте корабь на полной ход в море. А я дам вам знак,

заиграю в гусли. Я сделаю небольшую перемéжку, второй раз заиграю, уж корабь далекó отойдёт от берега. Тогда выйдет чарьская свита вся на палубу, останетце токо одна королевна. Вы сецяс забирайте их в шлюпки, отправляйте в море, а корабь не останавливайте. А я буду играть, она не уйдёт до ти́х пор, покамест они не уедут. А потом третий раз заиграю я в гусли, она выйдет сама, а уж там дело моё.

И так все стояли на своих постах, ка́к капитаны, так и матросы.

Вот как раз на второй день смотрят — идут вся королеськая свита на корабь. Тут Шкип сецяс подходит к им, кланяетце, сецяс заводит их в каюту. И оне заходят, никакой не заметили в нём хитрости.

Уселись гости когда за стол, и он кряду берёт гусли в руки и заиграл. И слышит, как завижжали снасти, корабь уже был на ходу́. А он продолжает играть. И вот отошли немного, корабь уж стало покачивать, он второй раз заиграл. И в это времё выходит вся чарьская свита на па́лубы. Когда вышли, капитаны, матросы уж не зевали, спускают шлюпки, сажают их всех в шлюпки и начинают отпихивать от бо́рту. А он играет. Она нацинает спрашивать:

— Поцему же, Шкип, корабь нацинает покацивать?

— Ну, это так наверно.

— И где же все люди родные, почему их нет?

И сецяс становитце на́ ноги и походит на палубу. Видит, што уж никого нет, и земли не видно. Видит себя омма́нутой, сецяс обратилась лебедем и хочет полететь. Ну, Шкип её захватил, обратил девушкой и говорит:

— Нет, прекрасная королевна, многих ты омманывала, ну, меня уж не омманеш, не на такого нарва́лась парня. А я тебя везу за одного чаря замуж, будете с ним жить.

Как этот король токо доехал до́ дому, до берегу, так отправил погоню, один пароход, схватить доцерь и их вернуть обратно в королесьтво.

Вот сецяс этот пароход, конешно, пошол за нима́ и близко уж стал, увидал их. Тогда эта каманда вся перепугалась.

— Што топерь затопят или поймают, всех нас сказнят!

Тогда Шкип видит, што все переполо́хались, он сказал им:

— Вот отдайте эти подводные крылья, и мы скроемсе под водой.

Вот оне скрылись и пошли под водой. Этот пароход видит, што судно утонуло.

— Наверно, мы ёго прострели́ли.

Походили, походили и вернулись в королесьтво.

— Так и так ваше велицество, мы стали стрелять, прострелили, судно утонуло.

— Ну, нещастная моя доць погибла вместе с этим дураком Шки́пом.

Оне же отошли порядоцьно место, он приказал поджать подводные крылья, оне поднялись наверьх и близко уж были от своёго государства. И каманда и матросы дивились на устройство корабля, што могли итти под водой столько места, такого еще не видали.

Вот и приплывают оне уже в своё государьство. Увидел чарь, што приплыл ёго племянник, идёт топерь на пристань. Когда токо дошол до пристани́, то выходит племянник.

— Ну, вот, дядя, твоё жаланье исполнилось, можеш получить свою жону, котору я тебе обещал.

Выходит она из каюты, берёт он её за руку, пошли кряду под венець, а уж пир был готовой. И вот оне сходили подвенець, сыграли сва́дебку, надо было после этого ложитце спать. Тогда приходит к нёму Шкип и говорит:

— Ну, дядя, моё приказанье топерь исполняй: должо́н мне уступить перьву ночь, так што я тебе достал прекрасну королевну.

А королевна смотрела Шки́пу в глаза, ничёго не говорила, токо думала:

— Што всё равно, если я повалюсь спать с чаревичем, то уйду.

Тогда говорит ёму дядя:

— Слушай, племянник, я ни в коём случа́е, не могу этого тебе дать, штобы ты повалилсе спать с моей жоной. Ты сам знаеш, што ты топерь можеш жонитьце на любой королеськой или княжецькой доцери, я тебе помогу.

— Ну, ладно, дядя, коль не даш, то не обижайсе на меня, я тебе второй раз ей доставать не буду, мне своя жизь дороже твоей жоны, я еще мо́лод. Мне твоя жона не нужна. Коли не даш, так иди спи.

Сам пошол проць. И вот он токо повалилсе с ней рядом, она накидывает ёму руку, ёму так тяжело было, што он и заснул. Она перелезла черезь чаревиця, оввернулась лебедью и улетела. До свиданья!

Вот когда чаревич проснулсе, то нету ёго жоны, и он кряду же и спомнил:

— Дурак я был, што не́ дал проспать Шки́пу. Может она у меня бы и была, не знаю для какой чели он её просил.

И вот стал, умылсе, прошол в свой кабинет и вызывает Шки́па к себе. Он не даёт никакого ответа. Второй раз, третий. Наконець, пошол сам. Он приходит, Шкип и говорит:

— Ну, дядя, жонилсе?

— Да, женилсе, — говорит.

— Ну, где ж твоя невеста?

— Да не помню, она накинула руку, я заснул, она и ушла.

— Ну, вот, тебе раньше было известно, што она жить с тобой не будет, а топерь как хоти́ш. Я тебе второй раз доставать ей не буду, моя жизь дороже.

Потом заговорил опеть дядя:

— Слушай, Шкип, пойдём наедине поговорим.

Увёл в кабинет и заговорил:

— Слушай, племянник, достань мне её, может ты и можеш.

— Нет, дядя, я тебе сказал, што я доставать ей не буду, моя жизь дороже, значит дороже. Топерь уж на корабле к ней итти нельзя.

— Ну, а как же ей доставать?

— Да теперь надо по сухопутному итти и итти не голому, а с войском. И вот посылай, ково знаш, а я не пойду.

Дядя сильнё задумалсе. И он посмотрел на нёго и говорит:

— Ну, дядя, коли та́к, я пойду, еще послужу для тебя. Токо с таким условием опеть-же пойду, если ты даёш мне перьву ноць с ней поспать. Если не даш, то скажи лучче сразу, не пойду ни за што.

То он сказал:

— Ну, племянник, токо поди, даю.

— Ну, выстанеш в своем слове?

— Выстану.

— Пожалееш?

— Не пожалею.

— Ну, смотри. А пожалееш, то третий раз никто тебе не пойдёт, и я не пойду, а уж в этот раз пойду. Ну, ладно, коли так, топерь собирай мне-ка войска тритцеть тышеч, а я пойду. Дожидай меня не раньше, чем черезь год.

Тогда было войско, конешно, собрано и наш Шкип отправилсе в дорогу. Пошол он, год итти, конешно, не мало. Проходит около году, приходит он к этому государьству. Вот когда он приходит к этому государьству, то и говорит своёму войску.

— Вот, робята, вы топерь войско розбейте на три части — направо, налево, и в середину. Вот я уеду в город и там, конешно, я с королём буду бесёдовать. Это пройдёт одне сутки токо. Когда увидáт эта королевна меня, то будет ей лицё мое подозрительнё. Она возьмёт волшебну книгу и узнает меня. Тогда назначат меня на второй же день на виселицю кряду. Вот назначат меня на виселицю, я стану на перьву лисенку и мне чарь розрешит из трубочки выкурить, да свиснуть в свисток. И этот свисток будет слышно вёрст за петнатцеть и вы кряду поспешайте, а я буду трубочку курить не меньше, как полчаса, а то и больше. И выстану на вторую лисенку. Когда я выстану на вторую лисенку, да свисну, курить буду трубочку, вы уж будете около городу. Когда буду на третью лисенку ставать, вы уж заливайтесь в город, не дожидайте третьего свистка. Если дождётесь, то уж буду я повешен.

И вот так он всё им россказал и поехал. Приезжает он в это королесьтво рыцярем и заходит к королю. Король, конешно, ёго спустил как порядошного рыцяря, посадил за стол, начáл угощать и спрашиват, хто он есть, куда ездил и зачем. Он всё ему россказыват. И вдруг не через долго приходит доць его, сецяс ей подозрительнё его личё. „Не Шкип ли есть?“ Берёт волшебну книгу, навела:

— Да, он есть.

Снесла книгу, поло́жила на место, приходит обратно и говорит:

— Батюшко, знаете, што я вам скажу?

— Ну, говори, доцька.

— А вы знаете, с кем вы сидите́ сецяс?

— Да с рыцярем как видно.

— Ах, с рыцярем?

— Да.

— Это рыцярь, вы знаете хто есть, батюшко?

— Не знаю. Ну, рыцярь суседний, он сказал мне-ка, неподалёку, надо же с ним познакомитьце.

А он сидит, молцит, знат, што будет.

— Это знаеш какой, батюшко, рыцярь? Я сецяс тебе скажу, ёго сецяс надо убрать. Этот рыцярь, тот самой вор Шкип, которой меня украл первой раз. Ёму надо дать виселицю на завтрошной день, а сецяс посадить в за́мок.

Ёго сецяс забра́ли, посадили. Посадили, на второй день уж назначен был на виселичу. Повели ёго на виселичу и вот он выходит на перьву ступеньку, становитце. Когда он стал на ступеньку и говорит:

— Ваше королеськое велицество, дайте мне трубочку выкурить, да свиснуть, уж топерь жизнь в ваших руках.

— Ну, што же, давай, покури, да свистни, уж куда уйдёш топерь?

А эта дочь стоит и говорит:

— Слушай, батюшко, не давай, а то худо будет, не давай.

— Ну, што ты, надо же цёловеку покурить, куда он уйдёт, кругом стоят войска́, палачи. Ну, кури, розрешаю.

Вот он свиснул и закурил трубочку. И курит челой час. А уж войска́ надвигаютце ближе и ближе. Вот он тогда вы́стал на вторую ступеньку и говорит:

— Ну, ваше королеськое величество, дайте мне еще одну трубочку выкурить да свиснуть.

И вот он курит челой час и видит, што войска́ уже совсем близко с трёх сторон. Ну, публика этого ницёго не знает. Вот когда он стал на третью ступеньку и стал просить, што

„дай мне трубочку выкурить, да свиснуть“, то уж наскочило ёго войско. Кряду схватили чаря, связали ёму руки, и у палачей и у дочери, и освободили Шкипа с виселици. Этот Шкип выхватил у палача мець и сецяс пришол у чаря голову сказнил, а эту чаревну приказал держать пока сходит за конём. Сходил за конём и сказал войскáм:

— Ну, можете собирать свои войскá и отправлятьце обратно.

Собрáли оне войскá, повернулись обратно. Ей посадили связанную на лошадь и отвёл войскá слишком далекó от чарьства, штобы их не нагнали, потом сказал:

— Ну, робята, топерь вы попадайте обратно, а я поеду с королевной.

Розвязал ей и поехал. Она ничёго с ним не говорит, думает:

— Ну, опять я попала.

И вот скоро времё он приехал опеть к чарю, к своёму дяде и сказал:

— Ну, вот, дядя, я достáл тебе твою жону обратно, а топерь розреши мне ложитьце с ней спать, а инáче я не согласный, если ты топерь не розрешиш, то будеш веќя не жонатой, и не видать тебе жоны.

Тогда дядя сказал:

— Ну, ладно, племянник, коли тебе не совестно, ложись.

И сам пошол проць.

И вот он повалилсе с ней, она накидывает на нёго руку, он отбросил руку в стену, загремели все зало. Она накидывает ногу, он опеть ногу. Такого грому наделали, што чарь в эту пору не спал, всё слушал, што будет дальше, што у них там, у молодых.

И вот перекидываетце сама черезь него, выскоцила на пол, подвернула крылья и хоцет полететь, и он соскоцил с места, захватил ей за крылья и пополам перéрвал. Вдруг приходит дядя:

— Што у тебя, племянник, за гром, эдак ли спят?

И смотрит перéрванная пополам жона. Когда он ей пополам перéрвал, то из ней гадов валитце прямо сколько, ужас! Дядя и говорит:

— Ну, што ты опеть наделал, перéрвал жону пополам, останусь я опеть не жонатой.

— Дядя, это не твоё дело, иди проць и прикажи мне принести воды две кадки.

Вода, конешно, была нанóшена, он сечас берёт половину этой королевны и вымывает ей доцистá, выжимает эты гады и полóжил в кадку. Берёт другую половину и таким же путём вымыл. А потом сложи́л вместе, обдул и она срослась. А потом отнёс ей в спальну и прикрыл одеялом. Потом вышел и говорит дяде:

— Ну, дядя, топерь иди черезь час и ложись со своей жоной.

— Да што с мёртвой ложитьце, коли ты ей убил. Ни себе, ни мне сделал, оставил меня не жонатым.

— Ничёго, не оставил я тебя не жонатым, дядя, а устроил токо, што она от тебя не уйдёт. Поди посмотри, а потом ложись.

Приходит, смотрит, такая красавиця лежит! И повалилсе с ней рядом. Пéреспали оне ночь, утром ставают, понимаеш, веселёхоньки и всё у них пошло хорошо. Призывает он тогда племянника:

— Ну, спасибо тебе, племянник, топерь я спал спокойно со своей жоной.

— Так бы давно, дядя. Если бы послушал меня первой раз, так давно бы уже спал со своей жоной.

А она говорит ёму на ответ:

— Ну, хорошо, што ты, Шкип, в этот раз убедил дядю, повалилсе со мной спать. Если-бы не убедил, то не был бы чаревич живой, да и ты, как я обернулась бы лебедью и улетела. Ну, топерь уж у меня всё ушло, ничёго нет, воля ваша.

— Ну, так-то и нужно с тобой было сделать, — отвечает ей Шкип.

Топерь чарь начинает собирать пир настоящий, а Шкип и говорит ёму:

— Знаеш што, дядя, я пойду розыскивать отця-матерь, где они есть.

— Ну, што же, иди и вот попутно скажи сестры, штобы она извинила меня и пришла на пир тоже, а я не знаю, где она живёт.

А чарь в это времё собирает пир, всех князей, бояр и девушек хороших приглашает, штобы Шки́пу выбрать невесту, хотя Шкип ему еще и не предлагал, што я буду жонитьце.

Топерь вот этот Шкип приходит к отцю, к матери, но они ёго не знали совсем. Заходит в дом, поздоровалсе.

— Здраствуйте, хозяин, хозяюшка.

— Здраствуйте, молодо́й цёловек. Садитесь с нами хлеба-соли кушать.

Вот пошли у них розговоры. То да сё; он и говорит отцю своёму́:

— Вот што, папаша и мамаша, скажите, бывали ли у вас дети, как вы живёте вдвоём, да баушка с вами? А вы ище молодые.

Этот и говорит хозяин:

— Да, моло́дой цёловек, был у нас сын, и не знаю, каким путём, дома нас не было и не знаю, куда он делсе. Ну, звали его Шки́пом.

Когда он стал говорить, то мать оцень зорко ёму смотрела в глаза, ну, ницёго не говорила, а Шкип и говорит:

— Ну, хозяин, принеси воточки немного, а я вам росскажу про вашего Шки́па. Он сечас служит у чаря, у твоёго́ брата,— начинает россказывать. — И он ёго жонил на одной королеськой доцери. Да, и много он пострадал, миляшка, трудно, трудно ёму было, но всё-таки жив осталсе.

Тогда хозяин услыхал про своёго́ сына, приносит воточки и наливает две рюмочки.

— Пей, хозяин, налей и хозяюшке своей и баушке, хотя я водку не пью, но надо для чести, а я потом вам росскажу про сына вашего.

Вот хозяин налил им всем. Вот он и говорит баушке:

— Баушка, иди сюда, выпей тоже, я тебе росскажу, как у тебя утащили Шки́па.

Старуха обрадела очень, подошла к столу и говорит:

— Ну, давай, выпьем, хотя я уже и не пью, но для такой радости выпью рюмоцьку.

Вместе все выпили. Когда выпили, он и говорит:

— Ну, папа, ты мой отец, а ты есть моя мать, а ты мне баушка. Меня старик унёс шестимесечного по желанью своёму́.

И всё про это россказал, как он жил, как чаря жонил, она сперьва ушла, он ей доста́л и топерь живут. Тогда мать заплакала, броси́лась ёму на шею и стала ёго обнимать и ласкать, и отець тоже.

— Ну, ладно, мама, топерь не плачь, я от вас никуда не уеду, и буду жить с вами. А топерь дядя собирает пир и просил на пир, штобы вы приехали.

Да. И вот и говорит мать ёму:

— Слушай, сынок Шкип, я ехать, конешно, не откажусь, но за такое оскорбленье, што он мне предложил выйти замуж, не поеду к нему до ти́х пор, пока он сам не приедет, да не извинитце. Я живу, наверно, не за морями, недалеко́ ёму будет ехать.

— Ладно, мама, я не буду вас просить, штобы вы поехали, и это правильнё ты говориш, што это есть дядин долг, штобы повинитьце в своём преступленьи. Я топерь поеду и обскажу ёму.

И так он поехал. Отець, мать настолько обрадели, што забыли даже узнать про жизнь своего сына. А он приехал к дяде и говорит:

— Ну, дядя, коли ты сам виноват, то поди сам проси свою сестру ехать, а она со мной не поехала. Поди сам и извинись в своём преступленьи. Конешно, она не откажет.

Чарь сецяс же сел на лошадь и поехал к сестры. Зашол в дом и стал извинятьце.

— Ну, прости, сестра, коли я такое сделал преступленье, не серчай и поедем ко мне на пир, Шки́па жонить все вместя́х, хотя он и не просит жонитьце, но уж он сделал мне такое большое дело.

И сразу оне оделись.

— Ну, ладно, брат, коли ты сам покаялсе, я на это не серчаю.

И поехали все вместе. А баушку, конешно, пришлось оставить дома, потому што не было никого. Вот когда они приехали, собрались все гости, то Шкип сказал:

— Слушай, дядя, ну-ко примени кольцё к своей жоны, будет ли в пору, по отцёвскому ли благословенью ты жонилсе?

И он кряду подал кольцё жоны. Жона надела, — как тут и было.

— Ну вот, топерь живи!

И так пошол у них пир. Вот топерь говорит дядя племяннику:

— Ну, племянник, топерь выбирай из всех чарских, королеських доцерей, ты уж больнё хитрой, про тебя слава пошла по всем государьствам. Как родилсе, заговорил и был грамотной. И вот с этого стола можеш выбирать себе невесту, тут есть много с разных государств девиць. Не думай, што оне откажутце.

И он отвечает:

— Ну, дядя, пока я еще мо́лод, жонитьце не думаю.

Ёму неудобно было при девицях сказать, где он хочет жонитьце.

— А я вам после этого пира́ скажу, времё еще не уйдёт.

Когда розьехались все гости, остались токо отець да мать, да он с жоной, он и говорит:

— Ну, дядя, топерь я скажу, на ком хочу жонитьце. Тогда я постеснялсе сказать, при девицях, потому што оне подумают, што я не хочу их взять. И не возьму, — даже добавил, — а топерь я скажу вам про жонитьбу. А почему я не хочу на королеських и чарских дочерях жонитьце, я вам скажу. Потому што моя мать вышла и вышла за бедного крестьянина, значит она не щыталась с государьством или богатьством своим. А я женюсь вот у такого то крестьянина доцери, вот она этого же го́роду здесь. А почему я не беру богатого роду, потому што и моя мать вышла за крестьянина.

Ну, конешно, дяде было и конфузно, но делать было нечего, раз соглашаетце Шкип.

Вот сейчас же Шкип поехал к этому крестьянину, берёт доцерь, пошли под венець и устроили бал. После этого всёго дядя проводит его, Шкипа, наследником своим на престол. И сказал ёму дядя еще:

— Ну дак где ты жалаеш жить, у меня или поедеш к отцю?

—Нет, дядя, я у тебя жить не буду, поеду к отцю, матери Поживу с нимá, а потом увидим.

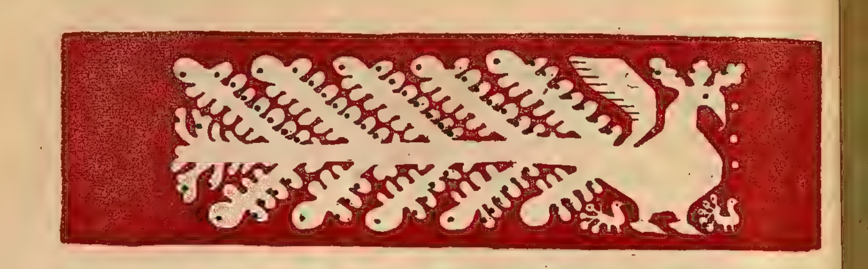
И вот так оне роспростились, конешно, поехали домой. Ёго отець-мать очень обрадовались, што сын поедет с нимà, с женой, и баушка тоже. Пожил он с нимá несколько времени, то уж ёго дядя стал сильнё наказывать, штобы он приехал. И вот он когда к нему приехал, он и говорит:

— Ну вот, племянник, бери престол, правь престол, а я уж стал стар, не могу больше править престол.

И Шкип стал править престол и жить да быть до глубокой старости.

Но отця с матерью не оделял, навещал их.

4. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЖАР ПТИЦЯ

Вот не́ в котором царстве, не́ в котором государстве неподалёко от чарьства стояла деревня. И в этой деревне жил был старичок. И этот старичок, конешно, он еще был в поры́. Только у их не было никого детей. Он всё занималсе охотой. Ставил там си́лья, ловил птиць и с этого кормилсе. Так. И вот у них в одно прекрасное времё родилсе сын. И он стал подростать и выуцилсе в грамоту, хотя немного. Да, потом, когды он подрос, так годов двенатцети, и говорит отцю:

— Папа, возьми-ко ты меня охотитьце или хоть я посмотрю лесо́в.

Он говорит:

— Ну, што-же, сын давай пойдём.

Вот оне пошли в лес. Он ёму дорогой и говорит:

— Вот што, сын, когда мы пойдём похожа́ть си́лья, тебе бы надо было тоже поставить сило́ на своё щасье, хотя онно, может попало бы што.

Вот когда оне пришли в лес, то отець показал ёму, как поставить сило́. И он поставил на своё щастье одно сило́. Вот оне опохожа́ли всё си́льё и пошли домой. Попало им птици много. Стариц̆ёк, когда пришли домой, эту птицю роспродал.

А оне, конецьно, с этого только и жили, с этого и кормились. Вот просидели оне день-два и снова похо́дят.

— Но, пойдём, узнам, што нам топерь попало.

Идут, похожа́ют, смотрят тамотки. Не дошли до ёгонного сила́ ище. Да, вот отець и говорит сыну:

— Смотри-ко, у твоего сила́ горит огонь.

Он смотрит. Да, горит огонь. Подошли ближе, огонь стал еснее и еснее. Когда пришли ближе, дедушко и говорит:

— Слушай, сынок, ведь попала в твоё сило́ жар-птиця.

И хоцет к ней поближе подойти. Вот старик подошол, хоти́т ей взять, но птиця ёму не сдаётце, жгёт ёго, огнём палит, в руки не сдаётце. Тогда он сказал сыну:

— Но, как ты поставил, дак доставай топерь ей, как хочеш.

И подтолкнул своёго сына ближе к силу́. Так. Когда он подтолкнул его ближе, то этот паренёк берёт ей. Она ему даласи. Роспутал он и поло́жил в кошéль. Оне пошли дальше остальни си́лья похожа́ть. Вот пока они похожа́ли, их затянуло долго, уже стало тёмно. Да, когда стало тёмно, то несмотря на то, што жар-птиця была в кошелé, она освещала им путь, как днём. И оне пришли домой. Когда оне пришли домой, старик кото́ро роспродал, кото́ро для себя оставил и говорит старухе:

— А куда мы эту жар-птицу кладём?

— Мы, конецьно, для себя ей не оставим, а кому-ни продаём. Может за ней побольше дают.

Тогда старуха согласилась.

— Да, старицёк, надо ей нести в город и там сдать купцю или прямо нести к царю. Пожалуй, неси прямо к цярю, может быть он купит.

Так. Вот этот старик поло́жил эту птицю в мешок, сын ёму помог, и пошол в город, прямо к царю понёс птицю. Вот он приходит к царьскому дворцю на двор. Тут же спросили его придворные:

— Дедушко, куды ты идёш?

Дедушко отвецяет:

— А я иду прямо лицьно к цярю и хочу предло́жить ему жар-птицю, может быть он её у меня купит.

Тогда придворные его провели к царю. Он пришол, поклонилсе:

— Здраствуйте, ваше величество.

Потом говорит царь:

— Ну, што скажеш, дедушко, зацем пришол?

Он ёму отвецяет:

— Может быть не жалаете ли ваше величество купить у меня птицю; она мне попалась в сило́.

— Ну, тогда покажи.

Нацинает старик трести из мешка. Когда вытрес, то так всё осве́тилось, што переменило всё в чарстве от этого свету.

Тогда сказал чарь:

— Ну, дедушко, дак сколько тебе надо за эту птицю, я столько тебе и даю.

— Я не знаю, ваше величество, а што даите́, как ваша милось будет, я то и возьму.

Он и говорит:

— Ну, дедушко, я вот тебе даю два анкирька́ золота, да каменной дом, довольнё будет?

Дедушка отвецяет:

— Большое спасибо, ваше величество, сколько даите́ я доволен буду.

Сразу же чарь приказал министру открыть подвал, дать дедушке золота и лошадь, перевезти золото и дом. Вот это всё было сделано. Министр повёл его, и когда он всё полуцил, приехал, выложил дом и побежал к своей старухе. Сначяла успокоим старика, а потом пойдем дальше. Приходит к старушке и говорит:

—Ну, топерь мы, старушка, розбогатели. Пойдёмте, бросайте этот дом, сынок, и пойдёмте в новой. На наш век и того хватит, и хлеба и всего, топерь без нужды жить станем.

Вот оне приходят, конечно, в каменной дворець. Оне заходят туда. Старицёк и старушка прожили до глубокой старости. Сын потом жонилсе. Топерь эта цясь концилась. Их оставим, перейдем к царьскому сыну.

Вот когды этот цярь полуцил эту птицю, он отвёл ей особую комнату и стал сам ей кормить, што только она жалала

и што сам ел. И не доверял клюцей от этой комнаты никому, штобы ей нихто не выпустил. Вот в онно прекрасное времё и говорит жоны:

— Но, жона, я топерь поеду во все государьства и соберу пир. На пиру́ покажу эту жар-птицю. Пусть обценят сколько она будет сто́ить. Ей нихто не видали,— и добавляет ище, — вот, жона, я клюци от этой комнаты доверяю тебе. И ты их никому не давай, штобы птиця была сохра́нна.

И сам уехал по всем государьствам повещать про эту птицю и собирать на бал. Пусть посмотрят, а он ей покажет. Вот он когда уехал, дак у ёго был сын. Звали ёго Ванюшей. Он всё бегал, играл на улочки. И случилось ему увидать в окно эту жар-птицю. Когда он увидал, то жар-птиця заговорила человецьим голосом:

— Ну, Иван чаревиць, выпусти меня отсюда, я тебе пригожусь. Я отплацю тебе за это, цем только ты пожалаеш.

Он и говорит:

— Вот што, жар-птиця, как же я тебя отпущу: у меня нет клюцей, и я не знаю, где они есть. Мне тебя, пожалуй, не отпустить будет.

— Дак слушай, Иван-цяревич, если ты жалаеш меня отпустить, то я тебя научю, как это сделать. Вот сицяс же иди к матери и попроси, штобы она у тебя поискала в головы́. И в это времё отвяжи клюць. Зайдёшь в комнату, открой окно и я улецю. А потом опеть попроси поискать в головы́, и привяжеш клюць на место.

Вот он сразу же приходит к матери. А как он был единственной сын, она ёго всегда потеша́ла. Подошол и говорит:

— Мама, у меня што-то сегодня в головы́ чешетце, поищи в головы́.

— Дак што, ложись на коленки, я поищу.

А в это времё, когда она искала, он отвязал клюци. Вот она концила, а он кря́ду же пошол в эту комнату. Вот приходит, открывает замо́к открывает дверь и открывает окно.

— Вот топерь лети, жар-птиця, не обижайсе на меня, што я тебя не отпустил.

Она села на окно, ростенула крыльё и говорит:
— Но, Иван-царевиць, оставь окно по́ло на шесь цясов: если я не могу высо́ко поднятьце, я снова прилецю сюда церезь шесть цясов, и ты тогда закрой окно. А если не прилецю, то тоже закрой.
И вот он церезь шесь цясов приходит, а она уж прилетела обратно.
— Но, Иван-царевиць, я только могла поднятьце третью цясть. Подержи меня ище трое сутки, а тогда выпустиш.
Он закрыл комнату и пришол к матке. Она опеть поискала у ёго в головы́, и он привезал клюци. И прошло трое сутки.
Опеть же он подходит к матери:
— Поищи, мама, опеть у меня што-то зацесалось в головы́.
А она не знала хитрости сына и говорит:
— Ну, ладно, сынок, ложись.
И она стала искать. А он в это времё опеть-же отвезал клюци. И она концила только, он и пошол. Приходит в эту комнату и открывает комнату и окно. Она ему и говорит.
— Ну, Иван-чаревиць, топерь продержи восемь цясов окно, буде я не прилецю церезь восемь цясов, то я могу поднятьце и улецю.
(На третий раз улетит!) Он, когда отпустил, ушол домой, оставил окно по́ло. Пришол черезь восемь цясов, она сидит уж в комнаты и говорит:
— Ну, Иван-чаревиць, я сегодне поднялась уж больше половины, а мне надо поднятьце, штобы скрыть всю землю, тогда только я могу улететь в своё чарьство. Топерь ты меня држи шесть суток и корми.
Прожила она ище шесть суток, а уж он матери клюци привязал. Прошло шесть суток, он опеть пришол к матери:
— Но, мама, поищи у меня ище в головы́, видно опеть што-то завёло́сь, а уж потом я больше не буду принева́ливать.
Вот она концила искать. Он взял клюци, пошол, открыл окно. Она ему и говорит:
— Но, Иван-царевиць, если я не прилецю церезь деветь цясов, то я улетела, знацит. А там, когда тебе будет нужда, то спомни меня.

Вот прошло деветь цясов и нет жар-птици. Он сичас закрыл окно и заложил эту комнату. Сам пришол к матери:

— Ну, мама, поищи ище раз.

Она поискала, и в это времё привязал клюци на место. Вот не церезь до́лго приежжает цярь. И нача́ли из разных государствов собиратьце цяри и также короли, князья и боя́ра. Когда токо собра́лись, то чарь пришол в эту комнату, где была жар-птиця. Уж ей и нет. Только осталось одно перо небольшое. Тогда приходит и говорит:

— Но, жона, сказывай, хто был в комнаты и отпустил птицю, а то сицяс казнить буду. У меня собра́лись со всех государствов цяри и короли и бояра, а показать нецёго, я как бытто их омманул.

Ну, жона отвецяет:

—Ну, муж, што хош надо мной делай, а я не знаю, куды она делась. Я ей навещала сама только раз в сутки и клюцей никому не давала.

Тогда пришол сын. Ви́дит заплаканную мать свою. Ёму стало жалко.

— Батюшко, это всё есть вина моя. Я отпустил жар-птицю, делай со мной што хош, но матери моей напрасно не тревожь.

Потом он ёму и говорит:

— Дак слушай, сынок, дак как ты смел отпустить, а ты, жона, как смела дать клюци?

— Нет, папа, она мне клюцей не давала, а я взял эти клюци сам, уж как там ухи́трилсе — это моё дело. А мама мне клюцей не давала. Он скажет ему на один раз, повторять не будет. Вот когда жар-птиця стала проситьце, она меня и науцила, как отвязать у мамы клюци, и я так и сделал. Попросилсе поискать в головы́ и в это времё отвязал клюци и выпустил птицю. И таким-же манером привязал обратно на место. Она про это и не знала. А топерь делай со мной што хош.

— Ну, коли так ты сделал, такое преступленье, я тебя буду казнить.

Мать еще пуще заплакала. Тогда чарь сказал:

— Ну, ладно, иди на обсужденье ко всем царям и королям, оне тебе скажут наказанье.

Пошли, и он захватил с собой это перо. Когда он привёл и говорит:

— Вот, товарыщи, мой сын, и он сделал такое преступленье: выпустил жар-птицю, только осталось от ней перо.

И он выложил это перо на стол.

— Я его хоцю казнить. Какое вы вынесете ему присужденье?

Вот оне ему и отвецяют:

— Ваше велицество, вы, как сами знаете, што чарьского роду не казнят, не ве́сят, а только можно выслать на все цетыре стороны, но не снимать у нёго цярьского званья — это только есть наше такое решенье.

Тогда он сказал сыну:

— Ну, сын, сицяс же уходи из цярьства, куда знаеш и никакого тебе не будет наде́лу, уходи в цём стоиш.

Мать сильнё, сильнё заплакала, так ей было жалко своёго сына. И заговорила она:

— Слушай, как ты отець своему сыну, дак куда он топерь пойдёт без лакея, да без лошади? Всё-таки по перьвости хоть он не один пошол.

Тогда цярь приказал отыскать самую худую лошадь в конюшне и дал лакея. Звали этого лакея тоже Иваном.

И так оне отправились на лошади́: Иван-цяревич и лакей — Иван. Так. Этот цярь осталсе со своима́ чарямы и королямы, и только так оне ему поверили, што у ёго было перо этой жар-птици. И вот когда у их отошол пир, оне все розъехались по своим стра́нам. Топерь уж пойдём за Иваном. Вот этот Иван-чаревиць попадат со своим лакеем. Далёко-ли бли́зко, всё едут и едут. Вот оне ехали, ехали, а потом утомилсе ихной конь, упал на дороге, и им пришлось бросить его и итти пешеходом. Долго оне шли по дороге. Ну, ведь, чаревич молодой, дак не может итти так быстро, как лакей, а всё-таки поддерживаетце. Вот оне шли, шли, потом подходят к колодцю. Иван-цяревич и говорит:

— Но, давай этта остановимсе, подзаку́сим и поотдохнём.

Колодець был очень глубокой, а Ивану-чяревицю хотелось пить. И он и говорит слуге:

— Ну-ко, слуга, спустись в колодець и достань мне воды.

А этот слуга и заговорил:

— Слушай, Иван-цяревиць, если я опущусь, дак тебе меня не выздынуть будет, а лучче ты спустись, нам легче будет.

Так. И вот он, конецьно, не переменил слова ёго. Слуга привязал пояс к нему и спустил в колодець. Когда он напилсе и говорит:

— Ну, дак, Ванюша, здымай топерь меня обратно, я напилсе.

А он ёму и говорит на ответ:

— Нет, Иван-цяревич, я тебя обратно здымать не буду, если отдаш мне цярьску одежду, да будеш служить у меня лакеем Иваном, а я буду Иваном-чаревицем, дак тогда вытяну, а инаце оставайсе в колодце.

Он тогда сказал:

— Ну, уж буду служить тебе лакеем и отдам царьску одёжу.

И кленётце ёму всем на свете. И вот так он вытенул его, Иван чаревиць не переменил слова своего, кряду же стал розьдеватьце и отдал ёму свою одёжу, а сам одел лакейско платьё. И так оне пошли дальше. И идут, и идут, и идут себе и ни церезь долго приходят в одно чарьство. Когда оне пришли только в чарьство, то сразу идут к чарю во дворець. Там видят, што идёт цей-то цяревиць, то стречают его с радостью. Росспросили чаревиця, как ёго звать, и он всё обсказал им, што он такого то государьства есть Иван цяревич. Тогда говорит цярь:

— Ну, Иван-чаревиць, куда прикажете своего лакея класть, на какую должнось или што с им будете делать?

Он отвецяет:

— Ваше величество, нет-ли какой-нибудь роботёнки ему, хоть бы куриць пасти, ли может каким-нибудь пастухом. Я на то согласен, штобы он не вожжалсе без дела тут.

Так. Отвецяет ему чарь:

— Вот што, Иван-цяревич, нет у нас такого дела, штобы куриць пасти, либо друго што, а вот у нас есть триста зайцей,

дак может ли он их пасти, штобы не ростерять? И пасти их нужно три года. И когда он будет пасти, в теценьё трёх лет хош одного потеряет, то он за это будет наказан.

— Ну, он может пасти.

И так отвели ему комнату. На второй день сдали на руки этых за́йцей. Он сощитал их конецьно, и выгнал пасти в перьвой раз. Кажной выгон — год, к году должен всех пригони́ть. Выгнал он их за̀ город и погнал в лес. И вот только што выгнал их в лес, зайци увидали кусты и розьбежались хто куда. Он целой день бегал, бегал за има́ и ни одного не мог и на глаза схватить. К вецёру он и думает:

— Вот я топерь попал на смерть.

Увидал большой камень, пал на ёго и заплакал. И до того заплакал, што лицё опухло у ёго от слёз. Потом и спомнил:

— Ох, хоть бы жар-птиця мне помогла!

А это было дело ноцью. И вдруг он вскинет глаза и смотрит: стаёт сонце. И это сонце стало ближе и ближе. И не сонце, а прилетела к нему жар-птиця. Прилетела и говорит:

— Што ты плачеш, Иван-царевиць? Садись на меня и полетим ко мне, все твои зайци будут спокойны, только садись на меня.

Она посадила его на себя и полетела. И поднялась настолько высоко, што он худо и земли́ видит. И вдруг прилетает к высокой горы́. Эта гора разошлась на две цясти и оне залетели в эту го́ру. Смотрит Иван-царевиць, а там большое царьство и такое богатое, што кругом токо золото да се́ребро. Оне зашли в дом. Жар-птиця посадила ёго за стол:

— Топерь я у тя ницёго не буду спрашивать, Иван-царевиць, пока ты не попьёш, не поеш.

И сама ушла. Ни церезь долго приходит царь.

— Ну, здраствуй, Иван-царевиць, што жалал, то и получил. Я не птиця-жар, а я есть чарь этого государьства. Ты знаеш, как судьба затянула меня в ваше государьство: я был на войны́ по соседству с вашим царьством и обессилел совсем и попал в сило́. И только у тебя поправилсе до прежнего положения и за то што ты меня выкормил и выпустил, я всё тебе откачу, што пожалаеш. Вот топерь поживи у меня дней

шесть, потом я тебя поведу к моей старшей сестры. И ты там пробудеш одинатцеть месецев и не думай, што тебе там будет скуцьно, ты эты одинатцеть месецев проведёш бытто один день и все пецяли и горести свои ты забудеш.

Вот он прожил шесть дён, ему показалось за шесть часов. Сполнилось шесь дней, тогда чарь повёл его к своей старшей сестры. Вот он привёл к сестры и говорит:

— Вот, сестра, угощай Ивана-царевиця, чем он токо жалает, и проси его, што он от тебя хочет. Держи его одинатцеть месецев, а потом представь ко мне.

Вот она ёго с радосью приняла, Иван-царевиця, и стала ёго поить, кормить, угощать и ублажать. И у ёго пошла такая щасливая жизнь, што эты одинатцеть месецев, показались за одинатцеть дён. И вот на одиннатцетой месець она у ёго стала спрашивать. Раньше и не спрашивала ницёго! Когда оделась в саму дорогу одежду и спрашиват его:

— Ну, Иван-чаревиць, скажи, чем мне отомстить за моего брата, скажи только, што пожалаеш, я тебе всего даю: бери, Иван-царевич, золота, сколько тебе надо, бери сéребра, бери, жемчугу, камéньев самоцветных, бери, только што тебе надо.

Но он от всего отказалсе.

— Ницёго мне не надо.

— Ну, уж коли ты ото всего отказываессе, то возьми от меня хоть скатерётку-хлебосолку, как ты живёш при чарстве бедно, дак не отказывайсе, она тебе пригодитце. Знает, небось, где он живёт!

Он берёт эту скатерётку-хлебосолку и она ище ему сказала:

— Когда ты придёш домой, налóж ей на стол и тебе всего будет колько надо. Не думай, што оно убудет, это будет навсегда.

И кряду же она представила ёго своему брату после этого. Когда она представила ёго к брату, то сказала:

— Ницёго, братець, Иван-чаревиць за тебя выкупа не берёт, только дала я ему одну скатерётку-хлебосолку, больше ничего не взял.

— Ну, ладно, и на том спасибо, сестра, — отвечал ей чарь.

После этого она роспростилась и ушла. Вот и говорит этот чарь:

— Ведь Иван-цяревич, ведь завтро уж год, как ты у нас живёш.

— Ну, а я думал только двенатцеть дён.

Вот провёл време скоро!

— Да, вот, Иван-цяревиць, я топерь даю гармошку и унёсу к городу. Ты заиграй в эту гармошку и твои зайци все, как один, найдутце, только пусть щытают, ты не об чём и не думай.

Так. Вот сицяс же он овернулсе жар-птицей, посадил ёго на́ спину и поднялсе. Поднялсе так высоко́, што всю землю скрыл. И скоро представил ёго в это чарьство, сам улетел, а Иван-чаревич пошол с этой гармошкой в город. Да, и вот подошол только к городу и заиграл в гармошку. Смотрит, а со всех сторон один за одним бежат эты зайци, только щытай. Вот открыли воро́та и начинают щытать. Когда сощытали, то все зайци были полностью и до цёго эты зайци все были хоро́ши, што доложили до цяря, што вышли таки гладки да хоро́ши. Когда царь пришол, посмотрел и говорит:

— Ну, этому пастуху надо дать саму хорошу пищу, таку, какую мы сами едим, — и потом ище добавил, — можеш топерь трое сутки гулять и отдыхать, а потом снова погониш.

И вдруг приходит этот Иван, Ивана-цяревиця лакей, как Иван-цяревиць, и говорит:

— Какую ему хоро́шу пищу? Дайте ему хлеба, да воды, больше ему ницёго не надо.

Вот как! Тогда Иван-цяревич, конецьно, ницёго не сказал, приходит в свою комнату. Принесли ему хлеб и воду. Он взял хлеб нищим о́тдал, воду вылил в рукомойку, а сам розвернул скатерётку-хлебосолку. Ну, тут ему, конецьно, было што пить-ись. Вот стал ись. Поел и розвернул свою гармошку и так стал играть, што собра́лись все придворные смотреть. Услыхала и цярьска доць и говорит своим нянющкам:

— Нянюшки, мамушки, хто это так хорошо играет, пойдёмте, мне надо посмотреть. Я такой игры еще не слыхала в нашем государстви.

Так. Те, конечно, не могли отказатьце, пошли с ней. Идут по двору на слух этой гармошки. И подошли к той хижинки, где сидел Иван-цяревич, играл. Вот она приказала служанкам открыть дверь и все оне зашли вместе в эту избушку. Иванушко сидел и играл на гармошке, а перед им стояла скатерётка-хлебосолка. Вот когда она пришла и поздоровалась:

— Здраствуй, пастушок, давно ли ты у нас пасёш зайцев?

Он говорит:

— Год, скоро придёт другой. Вот што, ваше высоцество, не угодно-ли со мной содитьце за стол со своимá нянюшкамы.

Но, и она не могла отказатьце, потому што у них и в цярстви не было того, што стояло у него на столе. Тогда оне сели за стол, а Иванушко стал играть на гармошке. И так она ёго слушала, што думала прошло всего два цяса, а меж тем уж прошло два дня. И она всё сидит за столом вмести со своимá нянюшками. Так. И вот эты нянюшки стали говорить:

— Слушай, прекрасная чаревна, не времё ли нам итти проць, потому што, времё, наверно, уж много.

Потом она встала на ноги.

— Да, пожалуй, пойдём.

Попрощались с Иванушком и пошли во дворець. Отцю про это ничего не сказала и не велела нянюшкам говорить, запретила. Сама про себя и думает:

— Ежели удаётце еще раз итти, я не возьму с собой нянюшек, наверно, он не скажет, хто он такой есть, уж он не простого звания, коли имеет такие вещи за собой. Стала догадыватьце.

Вот прошло три дня, надо Ивану опеть выгонять зайцев своих в лес. Он закрыл комнату, пришол к ворóтам, сощытал зайцей и погнал. Гармошку взял с собой. Вот он вы́гонил только дó лесу, смотрит, зайци все один по одному стали терятьце и все потерялись, никого он больше не видит. Пришол уж вечер. Он приходит к этому каменю и думает:

— Ну, ладно, топерь я сыграю в гармошку, наверно, мои зайци найдутце.

Так. Вот он нацял в гармошку играть. Но ёго все труды даром пропали. Сколько он не играл, ни одного зайця больше

не видел. Играл, играл, лёг потом на этот камень и горько заплакал:

— Што топерь мне делать?

Вот немного поплакал, скинул глаза, видит стаёт сонце, сам думает:

— Нет, это не сонце, ни што иное, как это жар-птиця.

И видит: всё ближе и ближе и, наконець, она к ёму прилетела.

— Ну, што, Иван-царевиць, плачеш, наверно, находиссе в худом положении? Садись на меня.

— Да што, как не плакать, ростерял всех зайцей. И играл, играл на гармошке, а ни одного не вижу.

— Да, тебе и не увидать будет, лучче садись на меня и полетим в мое цярьство.

И так он сел на жар-птицю и полетели. Снацяла понеслись так высóко, што скрылась земля. Потом прилетели в ейно чарьство. Опеть роздвоилась гора на две цясти и оне залетели туда. Завёл он ёго к себе в дом, напоил, накормил и говорит:

— Вот, Иван-чаревиць, живи ты у меня сутки, а потом я тебя поведу к моей средней сестры. И так же проживёш ты у ней одинатцеть месецев и она тебе даст, што ты пожалаш за то, што выпустил меня.

И вот также он и сделал. На второй день повёл его к средней сестры и всё обсказал, как и в перьвой раз. Да, когда он привёл и говорит:

— Здраствуй, сестриця, вот я тебе привёл Ивана-цяревиця. Пой его, корми, сама знаеш за што, и сделай всё, што он пожалает.

(Он третьей то больше наговорит, той!) И сам ушол. Да, вот он и живёт, и живёт так вéсело, што и сам не знал, как прошло одинатцеть месецев, как одинатцеть дён. Вот после одинатцети месецев эта сестра оделась тоже в саму дорогу одёжу, а она еще красиве была перьвой и спрашивает ёго:

— Ну, скажи топерь, Иван-цяревич, што тебе надо за спасенье брата? Скажи правду, ты еще сичас молодóй, мысель твоя может ходить на всё.

Больше дальше она говорить на стала. Он и говорит:

— Слушай, прекрасная, мне ницёго не надо.

— Ну, бери мешок золота, бери мешок се́ребра или жемцюгу.

— Нет, мне ницёго не надо. Мне перьва сестра и так подарила много.

— Ну, смотри, больше у мня дарить не́цёго.

Потом уходит в одну комнату и приносит плётоцьку.

— На, Иван-цяревич, это тебе пригодитце в перьвую очередь. Когда ты придёш ко дворцю и у тебя не будет зайцёв, ты, как только придёш, ты ударь по дороги три раза́ крест на-крест и увидиш, што будет: оне побежат один за однем, только крыци, штобы воро́та отворяли, да их щытали. Топерь пойдём к брату, ты уж прожил у меня одинатцеть месецев.

Берёт ёго за руку и повёла к брату. Привёла к брату и говорит:

— Ну, братець, Иван-чаревиц никакого подарка от меня не взял, я только подарила ёму плётоцьку, я знаю, што ёму пригодитце эта штука, когда будет собирать зайцёв.

— Ну, ланно, сестра, хоть ты и это догадалась ёму дать.

Тогда она попрощалась с Иваном-цяревичем и вышла домой. После этого он ёму сказал:

— Ну, Иван-цяревич, на завтрошной день я тебя снесу на старое место, а сегодне ночуй еще ноць и слушай, што я тебе скажу: вот, Иван-цяревиць, в этот раз я тебе ничего не скажу и не дам ничего. Если дать тебе силу богатырску, дак мне тяжело будет нести тебя и в этот раз также не укажу тебе, где конь богатырской и латы и мець-кладенець, это всё обскажу, когда ты будеш у меня третий раз. Всё ровно не миновать тебе третьего разу побывать у меня.

Когда ноць переспа́л, утром стали, он опеть обратилсе в жар-птицю и унёс ёго. Прилетел к чарьству, опустил ёго и сказал:

— Ну, вот, сестра дала тебе плётоцьку и сказала, как с ей обращатьце, так ты и делай.

И сам улетел. Так. Вот он пришол к самому городу и нача́л плётоцькой ударять. Раза́ три ударил крест на-крест и смотрит — зайци бежат, как вицю вьют. Он закрыцял:

— Отворяйте ворота, щытайте зайцёв. Пастухов, видно было не мало там!

И вот сицяс же открыли воро́та и зацяли щытать. Все были зайци налицё. И таки́ были те́льнии, как налитые и выросли почти в два раза́. И кря́ду же доложи́ли до чаря. Как чарь пришол, посмотрел зайцей и говорит:

— Ну, у меня таких пастухов не было. Надо этому пастуху дать такую пищу хорошую, какую едим сами. Топерь тебе, Иван-пастушок, дам четыре дни отдыху, гуляй.

День прибавил в этот раз. В это времё выходит Иван-царевиць и говорит:

— Моему пастуху Ивану ницёго не надо, только давать коврижку хлеба, да воды.

Вот опеть ёму принесли хлеба и воды. Но, хлеб он нищим о́тдал, а воду в умывальник вылил. Розвернул скатерётку-хлебосолку, позакусил и взял, роздёрнул гармошку. Так заиграл, што всё царьство розвеселил. Когда услыхала царевна Олександра, она ницёго не сказала своим нянюшкам, а прямо убежала к своему пастуху Ваню́шки. Прибегает, дверь отворяет, Он кряду и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, садись со мной кушать.

Она сецяс села с им за стол. Второй-то раз дак, брат, и посмелее, а вдосталь одна пришла дак.

— Скажи, дорогой мой Ваня, ты наверно, есть не простого роду? Скажи всю правду, откройсе, может быть будеш ты тогда щасливой.

Он и говорит:

— Да, прекрасная царевна, я бы хотел узнать, как вас звать по имени?

— Меня зовут, Ваня, Олександрой-царевной.

— Спасибо, што сказала.

Потом он наливает по кубку мёду и говорит:

— Вот, прекрасная царевна Олександра, выпей этот кубок, тогда я скажу, а раньше ницёго тебе говорить не буду.

Она с радостью взяла кубок в руки и говорит:

— Давай, Ваня, выпьем, хотя я и не пива́ла, ну, уж послушаю, выпью.

Оне ко́лнулись и выпили.

— Ну, скажу топерь тебе, Олександра царевна, только ты никому не говори до тех пор, пока это време́ всё не обойдётце. Да, и вот слушай: я, конецьно, правда, Иван-царевиць есть, а он мой слуга, лакей. Когда я спустилсе в колодець напитьце, он не хотел меня здыма́ть обратно, и я таким манером о́тдал ёму свою чарьску одёжу и стал на ёго место, а он на моё. И топерь я пасу уж второй го́д в вашем чарстве зайцей. И еще скажу, из-за чего я выслан из своего чарьства, я выслан из-за того, што выпустил у батюшка жар-птицю, и вот черезь это мне сецяс помогает жар-птиця и дари́т, што я захоцю. Но только ты про это ницёго никому не говори, штобы не знал об этом мой лакей, а ваш на́званной Иван-царевиць.

Топерь она и говорит ему:

— Ну, ладно, Иван царевиць, я всё ровно за нёго замуж не пойду, а пойду за тебя.

Снимает с руки перстень и дари́т ёму.

— Вот мой перстень, бери и щытай меня своей.

Вот уж проходит три дня, а она всё сидит с им, а он играет на гармошке, утешает ей.

— Ну, топерь, прекрасная Олександра-царевна, вам надо итти, а мне завтро надо гнать зайцей пасти.

И вот когды она ушла домой, она стала больше и больше думать об Иване-царевице, но, конечно, молцяла и таила это про себя. И вот на цетвёртой день он таким же манером выходит и начинает зайцёв щытать и когда сощытал их, погони́л. И вот только вы́гнал их к ле́су, как зайци все розбежались, и он их не видит. Худо зайцев пасти! Ну, он правда, сперьва гонялсе, гонялсе и потом говорит:

— А што мне гонятьце, у меня есть плётоцька.

Провёл време до вецера и стал плёткой этой по дороге крест-на-крест ударять. Но сколько он не билсе, не видит зайцей. Вот обиделсе, сел на камешо́к и заплакал:

— Ну, если мне жар-птиця не поможет в последний раз, топерь мне придёт крах.

И вот немного поплакал, смотрит, как бытто огонёк здалека́ горит.

— Ну, это, наверно, ни што ино, как жар-птиця летит мне помогать.

Огонёк все ближе и ближе. Так прилетела она к ёму и говорит:

— Полно, Ваня, плакать, садись на меня, полетим.

И вот он сел на ней и оне поднялись и полетели. Гора опеть розошлась и оне залетели в чарьство. Завёл ёго в дом, посадил за стол, напоил, накормил и говорит ёму:

— Ну, Ваня, живи у меня сутки. А я тебе всё подарю то, што я обещалсе, а потом поведу к млаччей сестры.

Вот так и было сделано. Про́жил он у ёго сутки, а на вторы повёл он ёго к млаччей сестры. Привёл когды и говорит:

— Вот, сестра, привёл я тебе Ивана-царевиця, угощай ёго. Дай ёму всё то, што он захочет. Ты сама знаеш, он мо́лод, и дари чем можеш.

Вот она сецяс уходит и оделась в такую дорогую одежду и приходит. Те две сестры были красивы, а эта еще кра́ше. Она сразу Ивану понравилась. Когда она пришла, села рядом с Иваном и на́чала говорить:

— Ну, скажи, Иван-чаревиць, скажи, што ты жалаеш за избавленье моёго брата? Надо ли тебе золота, се́ребра, однем словом чего только пожалаеш, я всё отдам тебе, ничего ни пожалею.

Он всё сидел, молцял и глядел на ней. Да, он, конецьно, отказался от золота и се́ребра и сказал:

— Мне ницёго не надо. Уж ты, наверно, сама знаеш, прекрасная, што мне надо, — наконець, сказал.

Она сразу смекнула.

— Слушай, Иван-царевиць, ты мо́лод, может быть хош жонитьце, я могу найти для тебя и невесту, как только пожалаеш.

Она спомнила тут слова брата. Топерь он зглянул на ней. У ёго серчё так и обрадело.

— Што если я возьму ей замуж?

Но ей ницёго этого не говорит, думает еще про себя только. А потом спомнил Олександру царевну, котора ему обещалась и от которой у ёго был перстень. Да, и он сказал ей:

— Нет, прекрасная цяревна, я еще молод и женитьце мне еще рано, а может быть ты в чём-нибудь в другом мне поможеш?

Тогда она немного подумала:

— Чем-же я тебя буду дарить такого дорогого гостя?

Ушла потом в другу комнату. Приносит одежду и сказала:

— Ну, на, Иван-чаревиць, скинь свою одежду и одень эту, а сверьху опеть одень свою и не показывай никому этой одежды. Такой одежды ни у кого нету. Я пасла ей для своёго мужа, но уж топерь возьми ты за спасение моёго брата, у меня всё ровно ницёго не вышло. Не открываетце ёму прямо, а намёки даёт.

Иван кряду же розделсе. Эту одежду одел, а свою наверьх. В это времё уже прошло одинатцеть месецев. Потом она ёму и говорит:

— Ну, Иван чаревич, пойдём к брату, он тебя там ище будет дарить.

Взяла его за руку, поцеловала и говорит:

— Ну, не удалось мне с тобою жить, уж коли сам отказалсе.

Тут она ёму уж покаелась.

Привела к брату и говорит:

— Вот я тебе привела Ивана-цяревиця, ну только подарков он никаких от меня не берёт. Только я ёму подарила ту одежду, какую ты сам знаешь.

— Ну, ладно, спасибо, сестра.

Она роспростилась и ушла. А тогда подошол царь.

— Ну, скажи, Иваи-цяревиць, скуцьно ли тебе было. Ты прилетал к нам три раза и жил у нас по три году, скажи правду.

Он говорит:

— Нет, ваше величество, мне было жить не скуцьно. Эты все три году мне, может быть, показались за три дня.

— Ну, хорошо. Я для тебя всё дорогоё хотел отдать, но ты отказалсе сам. Конецьно, без этого жить ты не станеш, но уж раз ницёго не вышло, дак не будем говорить. Сестра шла на все уступки, ну ты сам отказалсе. Ему хотелось жонить ёго на своей сестры, да не вышло. Ну, а топерь,

што обещано, я буду говорить: слушай Иван-цяревиць. Вот тебе, Иван-цяревич, как придёш домой, царь даёт пять суток отдыха. На шесты сутки цярю падёт нещасьё — выстанет из озера змей и будет просить цёловека кажной день на сьеденьё и потом присудят царьскую доцерь вести к ёму. Перьвой змей будет шестиглавой, а их всех три: шести, девети и последний двенатцетиглавой. Шесть и деветь, ты с има лехко справиссе, ну, а с двенатцетиглавым тебе будет трудно. Перьвы десеть голов ты лехко снесёш, а последни две головы придёт оцень трудно. Будете битьце вы двои сутки с ним. И вот на вторы сутки спомни меня. Как будет ставать сонце, ты ему скрыцн: „Смотри, проклято чудовищё, дом у тебя горит". Он огля-нетце и тогда только у ёго срубиш последни две головы. Смотри, не затягивай на третьи сутки, то он тебя убьёт. Топерь и говорит: вот тебе, Иван-цяревич, две бутылоцьки: из одной выпей рюмоцьку, из другой две. Только сецяс не пей. Выпей, когда это будет тебе надо. И вот ты, на котором ка-меню лежал, плакал, помниш этот камень?

— Помню.

— Дак вот, под этым каменем есть конь богатырской и латы, и мець-кладенець. Ты из бутылоцек как выпьеш, дак лехко этот камень отвернёш.

И вдруг он приносит ёму рожок. Это всё ище он обска-зывает.

— Вот, Иван-цяревиць, тебе этот рожок, как в ёго сыграеш, то все эты зайци соберутце. А топерь садись на меня и я тебя унесу. Мы роспростимсе, и ты не увидиш меня больше ни-когда. Только не забудь, што я тебе сказал.

Затем он посадил его себе на спину и полетели. Принёс он ёго в это царьство, еще раз подал ёму руку и сказал:

— Помни мои слова.

После этого сам скрылсе. Вот, конецьно, подходит к самому чарьству. — Сыграл раз, другой, в этот рожок, смотрит, а зайци бежат, што вода льётця.

— Открывайте ворота, щытайте зайцёв.

Кряду же открыли и стали щытать. Сощытали и говорят:

— Но, Иванушко, ты, значит, роботу свою кончил.

Потом доложи́ли чарю, што зайци все налицё и здоровы и тельни.

— Такого пастуха мы еще не видали, а живём давно в своём чарстви.

Вот когда посмотрел чарь своих зайцей и говорит:

— Но, молодець, Иванушко, кончил свою роботу хорошо, надо тебя кормить топерь самой луччей пищей и отдыху даю тебе пять дён.

Но опеть же выходит этот на́званной Иван-цяревич и говорит:

— Кроме хлеба и воды ёму не надо ницёго давать, он и дома это только ел.

Ну, а ёму и не надь, не нуждаетце он в ихной пище. Вот заходит он в свою комнату, а уж принесли воду и хлеб, хлеб он отдаёт опеть нищему и воду выливает в рукомойку. Потом умылсе, роздел сверьху свою одежду и сел за стол и взял в руки гармошку. Как услыхала цяревна эту игру, у ней серчё здрогнуло, и она кряду побежала к Ивану-цяревичу. Как она пришла в избу, так увидела Ивана-цяревича, уж совсем в другой форме. И до цего он стал красивой и румяной, и весь переменилсе. Известно, в хорошу одежду ступу снаряди и та будет хороша́, а не то цёловек, да ище вдосталь моло́дой. И одежда на ём, даже обценить невозможно. Она совсем такой не видала в своем государстве. Она не стерпела и броси́лась ёму на шею.

— Милой Иван-цяревиць, делай со мной што хош, а я на всё согласна. Вот тебе на!

И вот он, конецьно, обня́л ей, прижал к себе и сказал:

— Ну, так и быть, прекрасная цяревна, будем жить, пока живётце.

И оне легли спать. Недосуг в гармошку в этот раз играть. И прожила она у него целых два дня. Он ей и говорит:

— Слушай, прекрасная цяревна, топерь пора тебе итти, а то если хто узнает: чарь-ли, хто из прислужных, што ты здесь, то мне будет худо, хотя я и не боюсь, да и тебе нехорошо.

Ей было оцень жалко, но уж надо итти. Когда она пришла домой, то служанки спрашивают:

— Где вы хо́дите, ваше высочество, уж отець вас спрашивал. Знат она ответ сказать, не надо уцить. Кто на што пойдет, дак!

— Я была у онной княжной, у своёй подруги, приглашо́на была на банкет и там меня затянуло оцень долго.

Тем и концилось. Вот прошли сутки. Не терпитце ей, надо сбегать посмотреть Ивана-чаревиця опеть. И убежала. Приходит к дверям, колону́ла. Он открывает двери, уж знает. И кряду броси́лась ёму на шею, и давай его целовать. Вот она пожила с им опеть сутки, он ей и говорит:

— Топерь ты поди домой, прекрасная Олександра, нам скоро не увидетьце, потому што в городе будет нещасьё, но всё-таки ты будеш моя, как у нас сказано, так и будет.

И вот как только она пришла домой, то на пяты сутки приходит посёл из озера и требует кажной день по цёловеку на сьеденье шестиглавому змею, а то цярьску доцерь за ёго замуж. И пригрозил што если сам придёт, дак всё чарьство розорит. Так. Тогда чарь сильнё задумалсе.

— Што если по цёловеку он в день будет пожирать, то всё чарьство прижрёт и всё ровно и доцерь возьмёт.

И присудили лучче отдать доцерь сразу в замужество, Тогда чарь пишет такой доклад:

— Ежели кто найдётце, спасёт ёго доцерь, тому будет она о́тдана в замужество и полчарьства, а впоследствии он будет поставлен на чарьство.

Тогда подходит этот Иван-чаревиць, которой находилсе у них.

— Ваше величество, позвольте я вам слово скажу.

— Ну, говори, Иван-чаревиць.

— Вот, ваше велицество, я хоцю спасти вашу доцерь и на ей жонитьце, только дайте мне коня и припасы все.

Цярю это оцень понравилось и всё это было снаряжо́но в одне сутки. Ему был конь и доспехи, а чаревну посадили в цёрну корету и оне отправились кряду же к озеру. Но, а Иван-цяревиць всё это дело слышал и знал. Берёт эты две бутылоцьки и пошол к этому каменю. Приходит, роспецятал

эты бутылоцьки и выпил из одной рюмоцьку, из другой две. И поцюствовал в себе такую силу необыкновенную, што сам удивилсе. Как подошол, этот каменъ снял, как бытто шутя. Отвернýл и спускаетце туды. А там стоит конь вороной и повешена сбруя вся: латы висят и мець. Он сицяс выводит коня. Оседлал ёго, конецьно, обуздал. Одел латы богатырские, опоясал мець и скоцил на коня. Едет и видит, што Иван-цяревиць тоже едет. Но он ёму ницёго не сказал, проскоцил, словно молния мимо ёго и обогнал также и чаревну, Подьехал к озеру и поежживат. И токо подьехала эта чаревна, сразу заставáла вода до шести раз. На седьмой раз выскакивает змей и говорит:

— Фу-фу, какой чарь милосливой, я ждал одну царевну, а он мне даёт вместе с Иваном-чаревичем, вот я и пообедаю.

А Иван-чаревиць ёму на ответ:

— Не хвастай, погано цюдовищё, обедом, может подависсе, сперьва испытай, а потом и хвастай.

Да, а он и говорит:

— Но, цем спорить, дак давай, поедем воевать.

Только сьехались перьвой раз, Иван цяревиць отрубил ёму три головы. Другой раз сьехались, отрубил змею и остальные три головы, потом отрезал языки, склал в корман и прихал к цяревны. А цяревна не узнала ёго и стала спрашивать:

— Скажи, доброй витязь, кто ты есть, хоть я тебя потом где узнаю.

— Дак што, Олександра цяревна, скоро ты забывать стала, как не узнала Ивана-цяревиця.

Она прибежала кряду к нему, обняла и стала плакать.

— Ну, не плаць, прекрасная цяревна, мне надо ехать. А ты никому про меня не говори, всё ровно еще два разá мне надо тебя спасать.

Сам скоцил на лошадь и уехал в лес к тому нáзванному Ивану-цяревичу. А тот ухоронилсе в лес, штобы хоть ёго-то не сьел змей. Спаситель!

Как токо увидал, што едет этот богатырь, то кряду стал спрашивать и узнал, што он есть Иван-цяревиць. Вот он стал говорить:

— Слушай, Иван цяревиць, остойсе минутку, я с тобой заговорю. Отдай мне, Иван-цяревиць, языки, а бери с меня колько тебе надо денег или што ты пожалаеш.

Он говорит ему:

— Ты ведь сам знаеш, што оне не продажны, а оветны.

— А што за овет?

— А вот по пальцю с ноги и по пальцю с руки, даёш вырежу, тогда бери.

Тогда он согласилсе, даёт ёму руку, он обрезал ёму ножом палець с руки и палець с ноги, óтдал ёму языки и сам уехал. А нáзванной Иван-чаревиць приехал к цяревны и сказал:

— Слушай, если скажеш, што не я убил змея, то я топерь тебя убью саму.

Она ёму и говорит:

— Слушай, Иван-цяревиць, я согласна быть твоёй жоной и никому не скажу, што не ты убил змея.

Вот оне поехали в чарьство. А Иван-цяревич тем времёнем приехал в полё к тому каменю. Как подьехал, то соскакиват с коня, снимат уздецьку и седёлку, конь и заговорил:

— Слушай, Иван-чаревиць, не спускай меня под камень, не ложь, а я лучче пощиплю травы и когда надо — крыкни и я буду служить тебе верой и правдой. А сбрую и меч положь под камень.

Он тогда:

— Но, ладно, коли так, я тебя спущу, не изверишсе?

— Нет, Иван-цяревиць, тогда спущай.

А сбрую и все боевые припасы спустил под камень. Приходит потом домой и свалилсе спать. И вот он спал трои сутки без пробуду. А на четвёрты сутки пришла чарю опеть от деветиглавого змея. Этот угрожает ище пуще, чем перьвой. Потом чарь подходит опеть к нáзванному Ивану-чяревицю.

— Ну, Иван-чаревиць, кóли взялсе спасать чаревну, дак собирайсе.

Опеть таким же манером оне поехали и Иван-чаревиць тоже пошол за имá вслед к тому же каменю. Приходит к каменю, достал все доспехи и стал крычать своего коня. Только скрыкнул, конь несётце, точно молния, и стал перед ним, как

вкопаной. Так. Он ёго обуздал, обседлал, одел на себя латы богатырские и поскакал. Вот прискакал под го́ру, а уж там была чаревна. А этот самозванець скрывалсе в лесу. Начинает вода ставать. Вы́стала до девети раз, и на десятой выстал змей.

— Фу-фу, — говорит, — ты моёго́ брата убил, меня не убьёш, я посильнее ёго в два раза́. Возьму на долонь, другой прихлопну и останетце грезь да вода.

Он и говорит:

— Ну, не хвастай, поганое чудовище в поле едуцись. Цем спорить, дак давай лучче станем воевать.

Так. И вот кряду же обои розьехались. В перьвой раз сьехались, Иван-царевиць отрубил змею три головы. Второй раз сьехались — опеть три головы отрубил. И на третий — тоже три. Сицяс спускаетце, языки отрубил, в корман сунул, а сам проць поехал. Подьежжает к царевной. Тая с радостью бросаетце к нему обнимать, а он ей и говорит:

— Нать мне ехать, прекрасная царевна.

Сам сел на коня и уехал. А в это времё тот Иван-царевиць дожидат ёго на дороге и говорит:

— Ты, слушай, Иван-чаревиць, продай мне языки или бери што хош.

— Ты знаеш, што оне ответны. Вот дай ище вырежу по пальцю и вырежу из спины ремень.

И он на это согласилсе.

Кряду же Иван-царевиць отрезал у нёго по пальцю и вырезал ремень со спины. А этот царевиць поскакал к царевной.

— Будеш ли говорить, што не я убил змея, тогда сецяс убью.

— Но, Иван-чаревиць, уж перьвой раз не сказала, дак и второй не скажу, а буду твоёй жоной.

После этого они отправились в город. А Иван-чаревиць к своёму каменю. Убрал латы и сбрую, а коня спустил на волю и сам пошол, повалилсе спать. Спал он шесть дён.

Вот прошло шесть суток и приходит посёл и просит опеть-же царьску доцерь в замужество за двенатцети-голового

змея. Царь процитал письмо, испугалсе, кряду пришол к Ивану-цяревичу и говорит:

— Но, Иван-царевиць, спасёш еще раз и потом сватьбу будем играть.

И кряду стали собиратьце. Отець и мать вышли ей провожать и плацют. И она тоже плацет и говорит:

— Может быть, поди знай, и не вернусь, змей двенатцетиголовой и трудно будет с им Ивану-цяревицю.

Поди знай, про которого сказала она. Оне поехали. А Иван-царевиць идёт к этому каменю. Достáл сбрую и латы и закрыцял коня. Конь прибежал к ёму и стал как вкопанной. И вот одел он ёму седло, уздецьку, а на себя латы богатырски и поскакал к озеру. Прискакал к озеру, еще змея не было. Цяревна выходит из кореты и говорит:

— Слушай, Иван-цяревич, сядем, посидим, покуда не будет ставать змей.

Он спустилсе на землю с лóшади, его ударил крéпкой, богатырской сон. Она стала его будить. Обнимает, целует, а розбудить не может. И вот уж вода стала в озере ставать, а ёго она розбудить не может никак. Вот-вот уж и обоим смерть. Конь щипал траву и смотрит. Потом прибегает, как ударит его копытом по головы́, он и проснулсе. Только успел скоцить на лошадь, как на тринатцетой раз вода здынулась и вы́стал змей. Вы́стал и говорит:

— Ну, щасьё, што успел скочить на лошадь, а то сецяс бы обоих сглону́л.

А царевна в это время́ убежала в шатёр.

— Ну, ланно, уж коли ты́ убил одного моёго брата и другого, меня не убьёш, я посильней их.

— Ну, што же, пусть ты и сильней их, только не хвастай в поле и́дуци, а хвастай из поля éдуци.

Отвецяет ему змей:

— Ну, цем спорить, Иван-цяревиць, лучче, видно, померетьце силами, а там видно будет, цья возьмёт.

И оне розьехались. Иван-цяревич с перьвого разу отрубил у ёго три головы. Второй раз сьехались, тоже отрубил три головы. На третий раз отрубил тоже три головы. Осталось

еще три головы. Вот сутки пробились, он больше ни одной головы́ срубить не может. А отступатьце ни которой не хоцет, хоть уж и уставать стали сильнё. Вот на вторы сутки он отрубил ёму десятую голову, одну, и так провозились уж почти двое сутки. А сбить ёго с ло́шади змей не может никак. Вот нацинает ставать солнышко, а оне оба уж истомились до последней степени. Тогда Иван-чаревиць собрал последние силы, подьехал к нему и скрычал:

— Смотри, погано чудовищё, ведь дом-то твой горит.

И только тот отвернулсе, как он ссек ёму остатни две головы. И это чудовищо покатилось на нёго, но он успел отскоцить в сторону с лошадью. И вот как раз когда туловищо покатилось на землю, оно немного задело ёго и оцарапало у нёго руку правую, а у коня ногу правую. Тогда Иван-чаревиць слез с ло́шади, отрубил языки, собрал их в корман и подьезжает к цяревны, а она в это времё все видала, што было Ивану-царевицю очень трудно, но всётаки он ёго победил, и она обрадовалась. Вот когда он приехал и соскоцил с лошади, она бросилась в ёго обьятья. Обнимала ёго, конецьно, ласкала и потом он говорит ей:

— Слушай, дорогая, прежде всего оввяжи, оббинтуй мне руку, она ранена и также у коня нога.

Она сецяс срывает со себя платок, перéрвала пополам и одной половиной завязала ёму руку, а другой перевязала ногу коня, штобы не попал песок и не заразилась рана.

— А топерь я поеду спать. Наверно, просплю деветь суток, а вы совершайте. Ты ведь знаеш, што нужно делать.

И вот он распростился с ней, сел на лошадь и поехал. Только выехал до лесу, а уж тамотки стоит тот Иван-царевиць, дожидает ёго с поклоном опеть.

— Ну, Иван-цяревиць, уж сделай тако добро, дай ище мне эты языки, што хош с меня бери или продай.

— Ведь ты сам знаешь, што оне у меня не продажны. Но, ладно, дак што твой овет?

— Овет, да уж я и не знаю, што с тебя взять, и так ты весь изрезаной. Да уж так и быть, дай ище по пальцю с рук, с ног, да ище ремень из ж... вырежу.

Он согласилсе. Стал роздеватьце. Он у ёго обрезал с обоих рук по пальцю, а потом вырезал ремень со ж..., завернул в платок и поехал. А этот сецяс же сел на лошадь и поехал к царевной. Оставил лошадь и спрашивает:

— Ну, прекрасная царевна, буде скажеш, што я убил змея, дак то ладно, а буде здумаеш омmануть, то тебе жизни не будет.

Она и говорит ему, чуть не скрозь слёзы:

— Слушай, Иван-чаревиць, я не рощитываю врать, буде жалаш, дак хоть завтро станем нацинать играть свадьбу, я совсем готова.

Так. И вот он тут успокоилсе и поехали в царьство. А этот Иван-царевич приежжает к ка́меню, скатил ка́мень и всё туды убрал снаряженьё, а коню и говорит:

— А ты топерь гуляй, воро́нушко, пока на воле, покудова не понадобиссе.

Конь ёму поклонилсе и говорит:

— Спасибо, Иван-царевиць, буду отдыхать топерь, а когда надо, явлюсь по перьвому зову.

После этого Иван-царевич пошол пешком домой. И только добрёл до квартеры, как сразу повалилсе спать во всёй одёжи.

Как приехала царевна и царь узнал, што будущий зять убил и последнего змея, он оцень обрадовалсе. И когда прошло три дня, стали постепенно гости собиратьце на сва́дебной пир. Вот и это продлилось у их шесть суток, когда гости полностью собрали́сь. А Иван-царевиць всё это времё полностью спал. На седьмые сутки уже царевна вышла со своим Иваном-царевицем за свадебный стол. Вот и сидят все гости. А она стала на́ ноги и говорит:

— Батюшко, позволь мне слово вымолвить, можно ли будет?

Он ей говорит:

— Говори, доцька, поцёму же не можеш, тебе всё розрешаетце.

Вот она и заговорила:

— Вот што, батюшко, на нашей свадьбы я жалаю, штобы все были: конюха́, повара́, кухарки, казаки́, пастухи и еще

я жалаю, штобы был на свадьбы тот пастух, которой зайцей пас, как я слышала, што он пас лучче всех и ёго надо позвать.

А уж она знает, што за пастух. Так. Батюшко говорит ей:

— Ладно, дочка, это твоё жаланьё выполню. Здесь все уже есть и нет только одного пастуха. И ты правильнё говоришь, што ёго надо позвать, так как я им оцень доволен, што он мне из такого стада за три году не потерял ни одного и выкормил их очень хорошо. Ёго надо обязательнё позвать.

Отвецяет ёму зять:

— Слушай, батюшко, этого пастуха не нужно звать потому, што он мой лакей.

— Нет, Иван-чаревиць, мы ёго обязательнё позовём.

И кряду посылает за этым Иваном-заицьим пастухом. Приходит посёл к этой избушке. Отворил двери и видит, што этот пастух спит крепким, непробудным сном. Сколько он ёго ни будил, розбудить не мог, только заметил у ёго завязанную руку. Из руки высациваласъ кровь. И приходит обратно с ответом к царю.

— Я, ваше велицество, был у пастуха, но он спит. И спит так крепко, што сколько я ни будил, добудитьце ёго не мог, только заметил, што права рука ёго завязана и из руки выступает кровь. А уж она то знат!

Она вышла из-за стола, подошла к отцю и говорит тихонько ёму, лично одному:

— Папа, пойдём смотреть пастуха. Я покажу, што он за пастух. Больше пока ницёго тебе не скажу, сам увидишь.

Оне кряду пошли. А она уж знает, где пастухова избушка. Когда пошли, цярь и говорит публике:

— Вот што, товарыщы, вы немножко обождите, а я схожу за одной нуждой.

Приходят к избушке, открывают дверь, а Иван-чаревиць, конецьно, спит.

— Дак вот, папа, я тебе обьесьнюсь, хто есть этот пастух. Этот пастух и есть Иван-чаревиць, а которой у нас там Иван-чаревиць, тот есть ёго лакей. Я давно это знала, но никому

6*

не говорила. Это он выезжал все три раза́ и убивал змéёв. И вот посмотри, последний раз он был обра́нен и я перевязывала у ёго руку своим именным платком, там на месте и также у ёгонного коня ногу. И вот он в последний раз, когда уежжал, то мне сказал, што языки отдал тому на́званному Ивану-чаревицю, но он от нёго каки-то выкупы за их брал, но не знаю, какие.

— Дак вот што, доцька, поцему он зараньше себя не обьявлял?

— Он потому не обьявлял, што знал всё зараньше, што будет ездить спасать меня. И вот што, батюшко, у него есть такие редкости, што таких у нас и в чарстве нет. Но, когда он станет, дак он сам покажет, я больше ницёго не буду говорить.

— Ну, дак што же, дочка, постарайсе его будить, штобы он шол с на̀мы на пир.

Она ёму на грудь па́ла и говорит:

— Стань, Иван-царевич, стань, друг дорогой, — спаситель мой. Спас ты меня и наше чарьство от всех змéёв.

Наконець он ски́дывает глаза. Да, и сел в общем на стул и говорит:

— Слушайте, ваше величество, прекрасная царевна. Идите и совершайте всё, как было, и пусть Иван-царевиць тот сидит на своём месте, а когда я приду, дак там всё выясню. Когда я приду на пир и попрошу слова, дак розрешите сказать.

— Хорошо.

Оне и отправились на пир, и стали продолжать угощенье. А Иван-царевиць стал, умылсе, руку перевязал и оделсе. Ту одежду, што ёму дала царевна, сестра жар-птици, он одел под низ, а свою — наверх и пошол на пир.

И сел он уж на нижний конець стола. Но, конецьно, царь уж ёго видит и знат топерь, хто пришол. Стали обносить чарами. И также приносят Ивану-царевицю. Он выпил и стаёт на ноги.

— Ваше велицество, не велите казнить, а велите слово вымолвить.

— Говори, пастушок, говори, што ты жалаеш.

— Дак вот, я хочу у вас спросить: поцёму же у вас зять Иван-чаревиць сидит за столом и ест в перщатках?

Он дальше не стал спрашивать. Чарь кряду и говорит:

— Да, што, Иван-чаревиць, ты видиш, што все люди сидят без перща́ток, а у тебя оне на руках, но-ко, сними.

Когда он снял обеи перщатки, то не оказалось на той и другой руке шести пальцев. Чарь начинает спрашивать:

— Ну-ко, скажи, Иван-чаревиць, почему у тебя пальцев нету? У тебя, как будто бы, раньше были?

Он нацинает говорить:

— Вот, ваше величество, эты пальци все змей у меня в боях откусывал.

Тогда Иван-пастушок встал на ноги и розвернул платок:

— Ваше величество, а откуда же у меня эты пальцы взелись, слиците-ко, подойдут ли? Он мне эты пальцы отдавал лицьно сам за то, што брал у меня змеиные языки.

Тогда цярь сказал:

— Ну, дак што ты с им хош, то и делай топерь.

А Иван-чаревиць отвецяет:

— Ваше величество, да уёго не только па́льцей нет на руках. Он давал мне еще вырезывать ремни из спины и из ж . . . , штобы я только отдавал ёму языки. Сам он не убил ни одного змея.

(Правда-та̀, она всё-таки выходит наружу!) Потом вылагает он остальние вещи на стол и показывает цярю и всем гостям. А тот неподвижно сидел и ничего не говорил. И потом всё Иван-чаревиць обсказал, хто он есть.

— Я действительнё — цярьской сын Иван-цяревиць и за то, што выпустил у отця жар-птицю, за то и был выслан на вольнё поселеньё, а он мой лакей.

Тогда сказал цярь:

— Ну, зятюшко Иван-чаревиць, росправляйсе с им как хош, топерь твоя воля, и сам становись на ёго место и бери всё обещанное мною.

Потом он захватил ёго рукой и говорит:

— По́дьте, посмотрите, гости, што я с им сделаю.

И вытащил ёго на открытое место. По́днял потом и ударил так шибко на каменной пол, што от нёго осталось только

мокроё место, больше ницёго не осталось. Потом зашол в комнату и говорит:

— Вот што, гости, дайте мне переодетьце, строку только пять минут, и я приду.

Сам ушол в умывальню. Кряду же за им пошла чаревна тоже. Вот он умылсе, скинул верхне платьё проць, и сделалсе красавцем. После этого пришол, и сели с чаревной за стол. Сел за стол. А все гости и цярь, все издивились, што он такой красавець, и весь блестит, как в золоте. Угощенья было всего довольнё и гости все пили и ели, сколько хотели, а он и говорит:

— Батюшко, позвольте мне принести две вещи: скатерётку-хлебосолку и гармошку, и я угощу вас со своей стороны.

Сбегал за скатерёткой, накрыл стол и на столе стали таки редки кушанья, што в чарстве их и не видали никогда. Все гости пили, ели, радовались и хвалили Ивана-цяревича. Потом он взял гармошку в руки и нача́л играть. Когда Иван заиграл в гармошку, гости сидят и думают, што сидят один день, а просидели шесть дней. Им показалось за один. Когда он оконцил в гармошку играть, то гости стали благодарить и росходитьце.

— Наверно мы уж просидели долго!

Гости розошлись, а оне остались с цярём сидеть. Тогда Олександра прекрасная берёт ёго за руки и ведёт в свою спальню. Потом цярь наделил ёго всем и впоследствии поставил на чарьство.

И оне стали жить и прожили до глубокой старости.

5. КАК ЧАРЬСКОГО СЫНА УНЁС КОМНАТНЫЙ ЕРОПЛАН

Не в котором царстве, не в котором государстве был жил чарь. И в том же государстве был золотых дел мастер, которой золотые часы чинил, и поправлял подобные золотые изделия. И вот раз он идёт по городу, стречаетце ёму один монтёр и, конешно, монтёр шорконул ёго, столкнул и замарал, конечно, сам знаеш, монтёр уж не в такой одёжи, как золотых дел мастер. Когда он ёго немножко вымарал, он стал ругатьце:

— Зачем ты меня замарал? Ты знаеш, кто я, меня все знают, все чарьство знает.

— Может и меня все знают, хоть я и замаран.

Вот он с ним заспорил, заспорили, доходит дело чуть не до драки. Вот пришло в это времё выехать чарю. Встретилсе с нима. Когда увидал чарь, што стоит золотых дел мастер с каким-то будто незнакомым и спорит, тогда стал спрашивать:

— Почему вы спорите?

Обратилсы мастер золотых дел и говорит:

— Ваше величество, он меня запачкал все вещи и также меня, и зачали мы с ним спорить. Россудите пожалоста меня и спросите, хто он такой есть.

Тогда монтёр и говорит:

— Ваше величество я обскажу вам всё: вы знаете я здесь монтёр один токо по городу.

— Ну, в чём у вас дело происходит?

И обои мастерá настаивают свои порядки. Чарь сказал:

— Вы лучче не спорьте, а я вам даю такоё предложенье: хто друг друга выхитрит, того и заберёт. Вот вы черезь неделю ко мне придетé и принеситé мне хто какую вещь сумеет сделать. И тогда, хто кого выхитрит, то и сделает над тем, што хочет.

И вот так оне бросили спорить и розошлись домой. Золотых дел мастер пришол домой и думает:

— Какую бы мне вещь сделать, штобы выхитрить этого монтёра?

И вот он думал, думал и сделал ёму золотого гóлубя. Точно живой, а токо сделан из зóлота.

А этот монтёр страшно любил водку пить. И вот он пил водку петь дён. Вот он спомнил уже в пятой день вечером.

— Э, мне завтро надо явитьце, а я еще не придумал. Ну, ладно, я одну вещь сделаю.

И стал быстро делать ероплан кóмнатной.

И он в одне сутки устроил ёму ероплан. Он в комнаты стал летать и дальше, если нужно. Которой тряпкой ёго вытирáл, завёртывает ёго и понóсит к чарю. И вот собрались в указанное времё к чарю золотых дел мастер и также этот монтёр. Чарь спрашивает золотых дел мастера:

— Ну, што принёс, какую хитрость, показывай.

И вот он сечас розвёртывает, выпускает ёму голубя. Голубóк был точно живой, токо не летал. Чарь очень удивилсе, што он такую штуку óтлил, редкось, и говорит монтёру.

— Ну, монтёр, покажи, што ты принёс?

Вот, конешно, этот монтёр вытáскивает эту тряпочку, подаёт ёму комнатной ероплан, подаёт ёму:

— Хорошо, это вещь тоже хорошая, дело в том, покажи как на нём летать?

Он ему сказал:

— Вот так и так, бери за этот рычаг, куда тебе нужно: вправо, влево, содействуй этым рычагом, куда тебе нужно. Если и дальше нужно, полетит и дальше. Токо на нём летать может не больше, как два человека, потому што роботал я ёго на малом времени.

И вот этот чарь с радости сел, облетел все комнаты, сошёл и говорит:

— Ну, монтёр, ты этой утехой обхитрил золотых дел мастера, делай с ним што хош. Хош обсмей, хош, што хош!

Он сказал ёму:

— Ваше величество, я, пожалуй, с ним ничёго не хочу делать, пускай живёт, как жил, ну, дело в том, што я хочу у нёго эту фирму снеть, штобы он не стоял золотых дел мастером, больше мне ничёго не надо.

И вот так, конешно, чарь ёму исполнил. Сделал, што он не стоял золотых дел мастером, а этого монтёра наградил деньгами и сказал:

— Ну, ланно, монтёр, живи, как хочеш, может я тебе еще прикажу што сделать.

И ушёл.

А у этого чаря был сын, которого звали Сергеем. И он был двенадцатилетний. И он часто видал, как батько летал на этом ероплане и присматривалсе, как он им содействует. И вот однажды куда-то уехал ёго отець, чарь. И он видал куда отець ёго полагает, а он полагал ёго под кровать. Вот чаревич зашел в спальню, берёт етого ероплана; конецьно, в комнате не было никого, сидела токо мать. Сел на этого ероплана, полетел по комнаты, а окно было поло. И задумал вылететь в окно. Вылетел и полетел, и сам не знает, куда летит. Пролетел он город и пролетает он второй, ероплан летит. И не знает он, как ёго спустить книзу. Надлетает он уже над цярством. И вот он стал думать, как ёго спустить. Так и эдак пыталсы, наконець, стал спускацьце. И спустилсе как раз на цярьской двор этот ероплан. Спустилсы на цярьской двор против конюшни чарьской, а тут стоял дуб. Вот он сошел с этого ероплана, обвёрнул в тряпочку, в которой

он был, подошел к дубу и сунул ёго под самой дуб, под коренья и сам пошел к конюшни. Когда он подходит к конюшни, увидали его конюха́, такого красивого мальчика и стали спрашивать:

— Зачем ты пришел, мальчик, какого ты чарьства, и сколько тебе лет?

Он отвечает:

— Я и сам не знаю, какого я чарьства, меня случайно принёс какой-то ероплан. Принёс и сам улетел, я сам не знаю откуда.

Конюха́ посмотрели на нёго, на такого красивого мальчика и обьеснили чарю:

— Што так и так, вот прилетел красивой мальчик и не знаю, откуда он есть.

Потом чарь приказал:

— Ну-ко, приведите этого мальчика, я у нёго спрошу, откуда он есть.

Вот сечас же конюха́ привели ёго к чарю, он и говорит:

— Здраствуйте, ваше величество.

— Здраствуйте, здраствуйте, молодой молодець.

И видит, што он обря́дной из себя и красив. Вот он ёго и стал спрашивать:

— Ну-ко, скажи, молодець, какого ты есть города, чьих ты родителей, каким случа́ем попал сюда?

— Ваше величество, я даже и сам не знаю, худо помню какого города, так што случайно меня хватил какой-то ероплан и унёс, и я забыл про это про всё.

— Ну, так што, ты городу своего не знаеш и каких ты родителей, может быть захочеш у меня жить?

— Да, ваше величество, если будет возможно, я бы хотел у вас пожить.

— Ну, так што же, поживи пока с конюха́ми, а потом мы посмотрим, што с тебя будет.

И он пошел с конюха́ми обратно на конюшню. И вот он с э́тыма конюха́ми прожил че́лой год. Ему уж стало тринатцеть лет, четырнатцетый. И вот случайно бывает, што он

пашот двор тут на конюшне. А у этого царя была дочь, ей звали Татьяной. Так вот она увидала такого красивого мальчика, подошла к нему и сказала.

— Скажи, молодець, какого ты государьства, как ты у нас взялсе? Скажи, не та́и мне нисколько, будеш ща́слив. А я про тебя уж слыхала давно, и всё собиралась тебя увида́ть, ну се́дни увидала, как раз.

Он и говорит:

— Слушайте, прекрасная царевна, мне-ка неудобно говорить на дворе. Если бы где наединé, то я бы сказал, до си́х пор я не говорил откуль я есть.

Она и говорит:

— Теперь нам уже не́куда отходить, за мной нянюшки идут и преследуют, может ты што знаеш?

— Слушай, прекрасная царевна, если не будет возбра́нно, то открой мне ночью окно, а я к тебе прилечу и всё расскажу, какой я есь.

— Ну, хорошо, ну как тебя звать?

— Меня зовут Сергеем.

— Ладно, я открою окно, токо прилёта́й.

Вот он это проводит вечер, сте́мнилось, все успокоились: как конюха́, так и проччие. Подходит к дубу, сел на ероплан и полетел. И видит окно по́лоё, залетел прямо к ней, а она уж ожидала.

Вот когда он залетел в комнату, то она увидала, што прилетел Серёга, подходит к нему, подала ему руку, посадила за стол и стала спрашивать:

— Ну, топерь скажи.

Вот он начинает ей говорить:

— Слушай, прекрасная Татьяна, я есть царьской сын Сергей, и прилетел я на ероплане из такого-то царьства, токо никому ничего не говори, токо тебе лично говорю и не сказывай никому.

Топерь она ему и говорит:

— Ну, слушай, Сергей-царевич, ты знаеш, как я тебя люблю, а любиш ли ты меня?

Он отвечает:

— Слушай, прекрасная чаревна-Татьяна, как мне не любить тебя, как я еще не видал такой красавици, очень ты мне любáя, хотя я еще и молод.

— Ну, так вот што, Серёжа, ты летай ко мне хош черезь ночь, нам будет веселее, я ведь еще тоже молóдая, мне тринатцеть лет четырнатцетый. Очень я тебя полюбила, без тебя мне будёт скучно, токо летай во время ночи.

Вот оне тут обо всём с ней поговорили, и так прошло времё до пети часов утра. Он и сказал:

— Ну, досвиданья, Таничка, а то люди узнают.

Так оне роспростились, он улетел, полóжил ероплан под дуб, где и раньше, и сам спокойно зашол в конюшню.

Вот прошол опеть день-два, он снова же опеть к ней прилетел. Так он летал к ей чéлой год, никто не знал про это, што летат чаревич к ней и кто он есть такой, до тúх пор, покамест не сказала ёму прекрасная Татьяна-чаревна:

— Знаеш што?

— Ничёго я не знаю, прекрасная чаревна.

— А вот што, я чую себя беременной. Если узнает мой батюшко про это, то мне будет очень плохо, уж не знаю, с твоей стороны, чаревич, как надо делать.

Он сказал ей:

— Слушай, Таничка, ты ни про што не думай. У нас есть такие средствá, што я унесу тебя в своё государство. Этот наш ероплан унесёт двоих, я его попытаю.

Вот когда он от ней улетел, в этот же день пошёл из города, и захватил овцю, может ли нести ероплан двоих. Ероплан несёт.

— Ладно, значит унесёт двоих.

До сúх пор этого еще он не знал. Приходит на то же место, опеть полагáет ероплан и продолжает свою работу. Думат:

— Как мне топереча быть.

И вот дошли слухи до чаря, как будто бы сказали слуги и няньки, што ваша дочка находитце беременна. Он сильно задумалсе и говорит:

— Нужно полóжить стражу вокруг дворця и следить, какой хищник к ней летает, и схватить.

И в ту же минуту призывает свою дочь. Когда он призвал дочь свою и говорит:

— Скажи, Таня, добро́м, кто к тебе летает, если не скажеш, то тебе хорошей жизни всё ровно не будёт. Когда ты роди́шь, то я прикажу вас обоих казнить.

Она отвечает ёму:

— Слушай, папа, я до ти́х пор тебе не скажу, пока не рожу, а когда рожу, тогда и скажу, а до ти́х пор лучче и не спрашивай, делай што хош.

А уж стража эта стояла. А чаревич ночью опять этим путём прилетает. Стража, конешно, не слышала. Прилетает безо всякого звуку в окно. Тогда она и говорит ёму такую штуку:

— Слушай, Серёжа, нас топерь преследуют, всюду стоит стража, кроме моей спальни, лучче не попадайсе, а то тебя застре́лят. Лучче говори, как нам лететь с тобой, а то нам худо будёт. И нянюшки мои сказали про меня, што к ней какой-то летает и он меня вчера на пытки брал и пригрозил даже казнь.

Он сказал:

— Слушай, Таня, ты не думай ни о чем, будет време — полетим. Он нас понесёт двоих, токо троих не может.

Вот служанки стали строго за ней присматривать и доводили до чаря.

— Стража ваша не при чём, а уж у ей кто-то есть, летает к ей в спальню.

Тогда чарь приказал такую штуку устроить, штоб в ейно окно сделать с четырёх сторон кинжалы. Он ими обрежетце или обрежет платьё, а после этого мы и узнаем этого хищника. И вот так и сделали. Во време дня поло́жили к кажному окну по четыре кинжала. Она ложитце спать и думает:

— Ну, милой мой Серёжа поги́нет, больше мне ёго не вида́ть и мне придётце кончатьце.

Вот он как раз на эту ночь и полетел, ну он не знал, што там сделано. Окна все по́лы и так ёго спокойно ероплан пронёс, што он не задел никакой кинжал. И она очень обрадела, што он осталсе чел. Ему и стала гово́рить:

— Ну, слушай, Серёжа, долететь-то ты долетел, а как вылетиш, поди-ко посмотри, што тут сделано. Топерь мы попали с тобой обеив ловушку.

Да. Он и говорит.

— Слушай, Таня, хоть мы и попали, да не совсем. Топерь я тебя не могу взять, нам двоим не пролететь, а я попытаюсь скоро тебя взять. Знаю, што нам нужно лететь.

Вот он садитце на ероплан и вылетел обратно, и не знал на себе никаких признаков. Положил ероплан на старое место под дуб, а сам повалилсы спать. И он не знал, што там осталось. Когда эти слуги пришли, обсмотрели все кинжалы, то увидали, што у одного кинжала осталась материя от какой-то полы. И даже не знала чаревна этого. Когда эты пришли, образец взяли, показали чарю, то чарь приказал ходить по всему городу искать эту личнось и привести ёго или посадить ёго в темницю. Ну, куда? Сечас же оне отправились во дворець обсмотреть своих подданных, обсмотрели своих, а потом уже начали смотреть конюхов. Когда стали конюхов смотреть, всех обсмотрели, и дошли до этого конюха молодого. Он еще спал. Ноч нагулялсе, так надо и спать! Вот когда розбудили его со сна, начали обсматривать, верхнюю одёжу ничего не нашли, а потом у сертука нашли полу отрезанную. Сличили эту одёжду, приказали ёму одетьце, доставили к чарю. Когда ёго привели к чарю, чарь спрашивает:

— Ну, каким ты путём лётал, ты прилетел таким молодым мальчиком и эдакие проделки делаеш, сечас тебя буду казнить. Сказывай, каким путём летал?

А он отвечает:

— Ваше величество, ну, этого я не скажу, каким путём летал, а делайте со мной што хотите.

И приказал ёго посадить в темницю на три дня, а потом казнь. И так отвели ёго в темницю — вот молодая жизнь где пропадает! Так. Когда ёго привели в темницю, там сняли у чаревны все кинжалы, не стало никакой охраны.

Вот дёржат ёго в темнице сутки, на вторы сутки узнала чаревна, горько заплакала.

— Пропал мой Серёжа, ну, всё равно я жива́ в ру́ки не сдаюсь. Когда ёго будут казнить, того же дня я решу́ сама себя.

На вторы сутки идёт какой-то оборванной человек мимо этой темницы, где он сидел. А у него было небольшоё окошечко на волю. И вот он этого человека стал звать.

— Эй, доброй человек, иди сюда на несколько слов, я тебе скажу.

И вот он ёму начинает говорить:

— Слушай, доброй молодець, сходи на цярьской двор, там есть дуб, а под этим дубом в тряпке одна вещь, сунь руку и принеси ей сюда. А я за это тебе даю двадцеть пять рублей, нет, петьдесят не пожалею, токо принеси.

— Ну ладно, — сказал, — я схожу. А сам думает:

— Наверно, там у него большие деньги, я ёму тогда не принесу.

Вот заходит на царьской двор, идёт к конюшни, а там против дуб. Засунул руку, достаёт какую-то вещь, розвернул а там жолезо.

— Ну, думат, ладно, снесу ёму и получу за это деньги. Вот приносит, конешно, ему к окну и подаёт ёму в окно.

— Ну, молодець, спасибо тебе, — и подаёт ему деньги.

Сам посмотрел, всё-ли в порядке. Все исправно. И дожидает тёмени. Вот он когда дождался тёмени, народ весь успокоилсе, он сел на ероплан и полетел уже на третьи сутки. Еще бы сутки, и ёго казнить. Прилетел к ней, окно было закрыто. Он постучал, она догадалась, открыла, бросилась ёму на шею, и говорит:

— Ну, Серёжа, топерь остатьня минута, уноси, как можь скорее, а то поздно будет.

Потом он попросил:

— Слушай, Таня, принеси карандаш, бумажки и чернила. Я напишу твоему отцю и оставлю здесь, когда-нибудь они увидают.

Он сечас оставил, конешно, небольшое писе́мьцё, кто он есть, какого он государьства, чей он сын и летал на чём. Запечатал и оставил на столе, и сказал:

— Ну, Таня, собирайсе, топерь полетим. Собирай, што только тебе нужно, много не бери. Сама знаеш, ероплан у нас небольшой, токо на два места.

Она взя́ла токо, што ей нужно было.

И так собрались, сели на ероплан, вылетели в окно и полетели.

На второй же день схватились, уже чаревны не было, токо нашли лежаще письмо на столе. И это преставили они чарю. Когда чарь это письмо прочитал, што случилось с чаревичем, што он чарской сын, он сказал:

— Я бы не так с ним поступил. Топерь уж поздно, хош и написал кто он есть, ну я и не знаю, куда он ей унёс.

На этом и успокоилсе.

Дальше оне теперичу летят. Подлетают оне к городу, она и говорит:

— Я чуствую себе день рождения.

Он ей и говорит:

— Слушай, Таня, што я буду делать? Ты знаеш, наш ероплан троих не понесёт, я уж тебе прежде это говорил.

И он спокойно нацинает ероплан опускать к этому городу. Позакра́й городу стояла избушка на-одине́. Когда спустились, он и говорит:

— Ну, Таня, попадай, если можеш, в эту избушку, в крайнюю.

Подошли к избушке и колотятце. Из избы вышла старушка и спрашивает:

— Откуда, детоцьки, попада́ете?

— Ты не спрашивай, а снацяла дай зайти в избу.

И когда зашли, он говорит:

— Вот, бабушка, дай нам пожить сутки, а я потом тебе всё россказу, хто мы такие и откуда попада́ем.

Усадил он на стул свою чаревну Татьяну и стал бабушке обьесьнять, кто оне и как едут.

— Вот, бабушка, какой случа́й случилсе: мы летим из одного чарства, и Татьяна чаревна чуствует себе день рождения, што ей надо родить. И вот ты если можеш, помоги ей в цём можеш.

Сицяс она и говорит:

— Если не возбранно будёт, Сергей царевич, дак я уведу Татьяну-царевну в особу комнату, а вы побудьте здесь.

Потом там прошло немного времени, она прибегает и говорит:

— Вот, Сергей царевич, у тебя сицяс родилсе сын.

Он оцень обрадел этому. И она обратно пошла, этого ребёнка приняла, вы́мыла и потом приводит царевну Татьяну. И сели все вместе за стол советовать. И вот он и говорит:

— Ну, слушай, бабушка, и ты, прекрасная Таня, нам надо либо мне остатьце здесь, либо тебе, царевна-Татьяна, либо сына оставить у бабушки, потому што наш ероплан больше двух человек поднять не может.

Тогда Таня немного подумала и залила́сь слезами.

— Ну, придётце кому-нибудь нам из двоих оставатьце. Потом она еще говорит:

— Слушай, Сергей чаревич, моё последнее слово: я от тебя не останусь, согласна лучче оставить у бабушки на сохранение сына.

Потом он и говорит:

— Ну, ланно, коли такое дело случилось, надо миритьце. Теперь скажи, баушка, сколько ты за сохранение сына возьмёш, пока мы полетим домой? Потом я обратно за ним прилечу, она не умеет еще еропланом влада́ть.

Вот баушка и говорит:

— Слушайте, Сергей чаревич, я не знаю, вы уж лучче сами дайте сколько мо́жете, а об сыне не печалуйтесь. Нежоли уж я не знаю детей воспитывать, как лучче, конецьно, по старому обряду, вы уж не печалуйтесь об этом.

Так. Вот тогда он вынимает ей петь тышеч рублей.

— Ну, баушка, может тебе и хватит, пока мы слетаем домой.

— Што вы, детоцьки, конецьно, хватит, оннако же вы родители ёму и знаете свою зоботу.

Вот оне прожили три дня, роспростились со своим ребёнком. Конецьно, он был глуп, ницёго не понимал, роспростились с баушкой. Баушка та говорит со слезами:

— Вы, детоцьки, не печалуйтесь ни об чём, сохраню вам сына, как следует, если бог даст здоровья.

Попрощались со своей баушкой и подня́лись, полетели. И в недолгое время прилетают в своё государство. Когда оне прилетели в своё государство, то отець и мать очень обрадели, што сын их вёрнулсе, да с молодой жоной, Татьяной чаревной. И сделали богатой пир. И так оне повенчались и стали жить со своей Татьяной чаревной.

А топерь мы их оставим, нацьнём говорить про этого сынка.

Вот оне улетели, и прошол уже че́лой год, а их всё нет. Он уже заходил, а их всё нет. А когда оне улетели, имени ёму никакого не́ дали. Или оне ростерялись, или што. И вот проходит год, проходит два, этот мальчишко забегал. Баушка не знает, как ёго назвать. Ну, делать уже нечего, баушка дала ему имя Незнайко. Когда прошло этому мальчику петь лет, он уж стал таким большим, суровы́м мальчишкой стал. И говорит баушке. Он её называл маменькой:

— Маменька, знаеш што, я хоцю учитьце.

Вот баушка ёму и говорит:

Слушай, сынок, ты меня не зови маменькой, а зови просто баушкой, потому што я уже старая, маменькой тебе не подойду. А куда ты жалаеш учитьце, я тебя отдам.

И вот старушка отдала ёго в сельскую школу учитьце. И парень так скоро стал учитьце, што которые три года учились, он уж прошол в год, и перешол в третью ступень. И вот проуцилсе пять лет и все городские школы прошол, дальше ему учитьце было некуда, надо переежжать в другой город. И все учителя ёго хвалили, диви́лись такой наукой, што такого мальчика еще не видали. Што он читать, писать и на все штуки был ло́вкой. Да, топерь баушка и говорит:

— Ну, топерь тебе имё будет Незнайкой.

И все учителя звали Незнайкой.

— Слушай, сынок, у меня от отця твоего было петь тышеч рублей, теперь осталось только одна тышечя, да и то меньше, а ты сам знаэш, што нам надо жить. А тебе учитьце больше нельзя. А ты лучче поди к купцю в мага́зин.

И вот он, конецьно, был согласен.

— Ну, ладно, я согласен, што же делать, надо нам жить.

И вот он идёт к купцю в мага́зин. Вот он приходит, конецьно, к купцю и говорит. Тогда, конецьно, звали не товарищём, а называт господином:

— Господин купець, возьмите меня, конецьно, не старшим, а там каким-нибудь млаччим. Я могу рощёты вести, метить, щытать.

Конецьно, купець посмотрел на этого юношу и говорит:

— Чей ты есть и как тебя зовут?

— Я своего имени не знаю, знает токо баушка. Меня зовут Незнайко, но я как уцёный, вам послужу.

И вот, конецьно, купець на нёго посмотрел и взял ёго снацяла как в помошники продавцéй. Вот этот мальцик прослужил месяца три-цетыре и таким вышел сýровым прикащыком, што это на редкось. Хозяин его перевёл в прикащыки. А когда он год прослужил, то ёму уже отвели особой мага́зин, и он стал заведущым. Все рощёты вёл сам. И так этот купець ёго полюбил, што повышал и повышал жалованьё и довёл уж дó ста рублей. И вот он начáл в этом мага́зине служить. И к нему стал так народ ходить, што никак не стало хватать товаров. Купець ёму всё отправлял и отправлял самые дорогие товары и сам удивлялсе.

— У меня нихто из двенатцети мага́зинов, ни один прикащык не может так справлятьце с товаром и столько продавать, как этот Незнайко.

А у этого купця было три дóцери. И вот однажды меньшóй дóцери пришлось итти в город. А она и раньше еще слышала, что один прикащык очень красивой и лучче всех торгует. И она пошла ёго посмотреть. Пришла, посмотрела на этого прикащыка и спросила там разного товару. И так она ёго полюбила, што уж не может без ёго и жить, но ёму нищёго не сказала. Он так этот день проторговал, ушол к баушки, пóпил, поел. Баушка ёму и говорит:

— Ну, Нейзнайко, нам топерь стало много лехче, а уж денег отцёвых не стало у нас нисколько, но пока ты живёш на жалованьи, ладно.

Он и говорит:

— Баушка, какие же у меня были родители и почему они меня оставили?

— Знаю, што отець твой был Сергей чаревиць, — она ему и говорит, — а вот поцёму: оне летели на ёроплане и спустились сюда. И ты здесь родилсе. Сами оне опеть улетели и оставили мне денег петь тышеч на воспитание тебя.

— Ну, ладно, што же сделать? Может быть уж их нет в живых топерь?

Утром встал и открывает опеть магáзин. Только открыл магáзин, как в двенатцать часов приходит опеть эта купеческа доць и говорит:

— Слушай, молодой цёловек, как вас звать?

— Меня зовут Нейзнайко.

— Дак вот, приходи сёгодне вецером — указала номер ёму — мне здесь неудобно, а говорить нам много об чём.

И вот спросила еще:

— Когда ты закрываеш магáзин?

— В шесть часов.

— Ну, ладно, я тебя и ждать буду после шести.

После этого он провёл тот день. А покупатель всё ходит и ходит. Новóй не стоко покупать идёт, как посмотреть на прикащыка. Приходит полшестого, он нацинает подщытывать деньги и товар. В шесть цясов приходит хозяин. Он сдаёт ёму деньги и закрывает магáзин. И вот посмотрел на этот адрес и пошол. Пришол в большóй колидор. Она выбегает, берёт его за руку и уводит, ожидала уж! Вот приводит она ёго в гостиницю, приносит всяких закусок, начинает ёго угощать и сама росспрашивает:

— Ты скажи-ко, Незнайко, какого ты роду и давно ли живёш у нашего батюшки?

Он и говорит:

— Я роду сам не знаю. Живу я у баушки. Как она говорит, мой отець и мать летели на ероплане. Ероплан троих не повёз, и оне оставили меня на воспитаньё баушке. Топерь роботаю у вашего отця уже года два.

Она посмотрела ёму в глаза и говорит:

— Ну, скажи, сколько же тебе лет, Незнайко?

— Мне сецяс тринатцеть лет, четырнатцетой от ро́ду.

И вот она и говорит:

— Слушай, Незнайко, я тебя оцень полюбила, и ты ходи ко мне кажной день, как конциш службу, так сразу и приходи.

Вот он поел тут, конечно, немного, а пил он и совсем мало. Она берёт ёго за руку и ведет в тунель. Когда приводит она ёго в тунель, он смотрит там такой красивой зал и музыка везде. Оттуда выходят две молоденьких барышни настречу. Она сечас и говорит:

— Здраствуйте, сестрицы, вот познако́мьтесь с моим ковалером. Это будет мой.

Оне поздоровались, конецьно, и сказали:

— Ну, Маруся, топерь у нас у всех по ковалеру, и будет нам всем жить хорошо — меньшу-ту Марусей звали.

Вдруг вышло два мо́лодых ковалера. Поздоровались. И тут пошли у них танцы и весельё и всевозможное хорошесьво́. Потонцова́ли, розошлись все потом по комнатам. Пробыл там Незнайко до четырёх часов утра, и потом говорит:

— Слушай, Мария, мне надо отсюда сецяс выбиратьце, пока никто не видит.

Она ему и говорит:

— Слушай, Незнайко, ты здесь сиди спокойно. Про этот дом и подземельё еще никто не знает, даже и отець наш не знает. Я тебя скоро выведу сама и познакомлю со всей месностью. Про это знаем только мы, и ты никому не роскажывай, штобы пока никто не знал ницёго.

И вот она ёго берёт за руку и выводит закрай города. Неподалеку даже была уже ёго избушка, где жи́ла ёго баушка. Она вывела и говорит:

— Слушай, когда ты меня захочеш увида́ть или ко мне притти, ты приди к этой двери, нажми кнопку и откроеш ей.

Ну, дверь была так хитро́ уделана, што ей незаметно было́ снаружи. Вот он попрощалсе с ней. Она ёму и говорит:

— Но, Незнайко, ходи ко мне ка́жну ночь, пойдёт у нас времё веселей.

Когда пришол домой в пять цясов, баушка и спрашивает:

— Где ты, сыно́к, сёгодня был так до́позна?

— Да гуляли, баушка, ведь я молодой, погулять охота.

Больше ницёго не сказал, только прибавил:

— Ты, баушка, розбуди меня в деветь цясов.

Розбудила ёго. Сел он за стол, выпил стокан кофию. Баушка спрашивает:

— Што ты мало пил, ел?

— Ну, ладно, баушка, я там сёдни поем.

Потом пошол, открыл магáзин и начáл торговать. И вдруг приходит в одиннацеть часов ёго хозяин.

— Здравствуй, Незнайко, каки тебе сёгодня товары нужны?

А вот такú-то и такú-то товары у меня выхóдят, а покупателей много, сам видиш.

Сецяс хозяин приказал ёму доставить все товары и оцень радовался, што таких прикащыков он еще никогда не встречал.

И вот опеть же вецером, закрывает в шесть часов магáзин и походит. И так он проходил к ней чéлой год. Про это нихто не знает. Вот оннажды она ёму и говорит:

— Знаеш, Незнайко, я чую себя беременной.

— Ну, што же делать, я ницёго не знаю.

— А вот што, ты знаеш, што тебя ценит мой батюшко, как самого хорошого прикащыка, дак попытай-ко ты щастья, попроси меня взамуж, што он тебе скажет. А сам ты ёму ницего не говори, што ты ко мне ходиш или што ты меня знаеш и виду не показывай.

Опеть он провóдит эту ноць и уходит домой. Открывает магазин на следующий день. Когда открыл магазин, то, как в кажной день, к ёму в перьвой магáзин приходит ёго хозяин и нацинает спрашивать: какú ему надо товары. Только пришёл хозяин, Незнайко и говорит:

— Вот, хозяин, как посколько ты меня чéниш, и ущытай мою роботу, дак што я у тебя буду просить, ты мне не откажи.

Он и говорит ёму, хозяин:

— Ну, што, Незнайко, говори, какá у тебя есть мысль? Я хорошо тебя знаю и может быть не откажу тебе.

Он говорит:

— Знаеш што, хозяин, я хочу посвататьце на твоей дочери, будёт ли это возможно сделать? Ты видиш, я молод и живу сам у баушки.

Хозяин посмотрел на него и ударил его по щёки:

— Как ты смееш, я не знаю, цей ты есть сын, и разве я, как милионер, могу отдать свою доць за какого-то Незнайка!

Он ницёго ёму больше не сказал и продолжат свою роботу. Вот провёл опять до шести часов време, поччитал лавку, и понёс хозяину деньги. Сам закрыл лавку и ушол. Хозяин не осерцял, деньги принял и ницёго ёму больше не сказал.

Вот когда пришол к ней, она ёго и спрашивает:

Ну, што, спрашивал ли у батюшка?

— Спросил.

— А он што тебе сказал?

— Он ударил меня и сказал: „как ты смееш, как ты есть ницёй сын, какой-то Незнайко". Поэтому он не отдаёт тебя за меня.

Провёл он с ней времё цясов до двух, пришол домой и повалилсе спать.

И до сих пор отець и мать забыли про своего сына, как оне ёго оставили. Вот один раз у них прошол разговор с Сергеем цяревицем:

— Слушай, Сергей цяревиць, мы горячо друг друга любили, когда сошлись. И вот сечас прошло петнатцеть лет, и у нас до сих пор нет никого детей.

Как она сказала, што нет у них детей, он ухватил голову обеими руками, и говорит:

— А ты не помниш, в каком ты положении была, как мы полетели из твоего чарьства? Где мы оставили своего сына?

И она кряду же спомнила и залилась плакать.

— Што мы, Сережа, сделали, коли прошло петнадцеть лет, и мы, родители, не схватилисе о своём сыне и не знали посетить ёго.

— Ну, што же сделаеш, придётце уж топерь летать за ним, а тебе остатьце дома, я полечу.

И потом пришол кряду же отець и мать ихные. И вот видят невёстку уплаканную.

— Чего ты так сегодня уплаканная?

Она стала им обьяснять всё, где оне оставили своёго сына.

— Может быть он там у нас голоду́ет, сам жив, ну, а уж топерь иди, розыскивай, сыно́к.

И вот он со́брал себе хорошую одёжу чарьскую и также сыну и всяких хороших вещей два чемода́ну и денег, конецьно. Вот, конецьно, он знал, в каком городу́ он был оставлен. Налетел в этот город, опустил ероплан у той же избушки, в которой он был оставлён. Вот когда пришол к избушке, постучалсе, это было часов в одиннатцеть вечера. Постучалсе, выходит старушка.

— Баушка, можно у тебя перёноцевать?

— Можно.

Ну, старушка ёго не узнала, потому што это было петнатцеть лет назад. Вот, конецьно, баушка видит такого гостя, думает купець какой. Наставила самовар. Он открывает чемодан, достает вина, закуски и говорит:

— Ну, баушка, садись со мной кушать.

Баушка, конецьно, не отказалась, села с ним кушать. Он наливает вина и говорит:

— Ну, баушка, выпей, я хоть, конецьно, мало пью, но с дороги можно, выпей, а потом я буду говорить, зачем в этот город приехал.

Баушка выпила рюмочку, так, он ей и другу́, и потом нача́л говорить.

— Дак вот, баушка, ты как живёш одна, нет у тебя никого семьи?

— Нет, не одна, у меня есть мальчик.

— А он у тебя как, свой, или откуда? Откуда он у тебя этот мальчик? Берёт баушку на пытки топе̂рь уж.

— Нет, он не мой, а я тебе росскажу про этого мальчика, как это дело случилось.

И вот начинает ёму говорить.

— Вот это время тому уж прошло петнатцеть лет назад. Раз пришлось чаревичу пролететь через этот город, Сергей

царевич ёго звали, а его жона́, пришло ей как раз родить в это времё. А ихной ероплан не понёс трёх человек и он опустилсе ко мне.

А он слушает.

— И вот, конецьно, она родила здесь сына, и оне оставили ёго, дали мне петь тышеч, и я ёго воспитала на эты деньги. Хотя и скудно было́, но воспитала, выуцила в грамоту. И вот сичас он служит у одного купця в мага́зине. И этот купець им оцень хва́литьце.

— А он сечас где?

— Да он спит.

— Дак вот слушай, баушка, токо ты никому сечас не говори и даже ёму. А как ёго звать?

— Да я не знаю, не оставили оне ёму имя, а я на́звала Незнайко, и так и зовут. Ну, и мальчик до чего у́мной, краси́в: петнатцеть лет, как будто полный мущына.

— Так вот, баушка, я и есть самой Сергей царевич. И вот мы только спомнили через петнатцеть лет. И он есть мой сын. Но только ты сечас никому не говори, я всё узнаю ёго положение у купця. Я приехал сюда для ви́ду, как закупить товаров. Когда это я всё роспрове́даю, а топерь знаеш што, баушка, можно ёго розбудить? Я его хоть погляжу.

— Да можно, хош он только сечас лёг, но раз ты ёго отець, то можно побудить.

— Только ты сечас ничего ёму не говори, а как будто приехал купець, хочет закупить у вас товару, какие есть у вас товары и хочет с тобой познакомитьце.

И вот баушка пошла в особую половину́ и стала будить.

— Стань, Незнайко, сечас приехал какой-то купець и хочет закупить у вас товару и с тобой познакомитьце, потому што ты все товары знаеш.

Конечно, Незнайко встал, умылсе, оделсе и подходит к этому купцю. Когда подошол к нему, конечно, вежливо поздоровалсе. И он ёго попросил ся́сь на стул. Он сел с ним рядом, и тут же сидела баушка вместе. И вот он стал у нёго спрашивать:

— Ну, как ты живёш та́м, какие у вас в мага́зине есть товары, сколько тебе платит купець?

Он ёму всё подробно россказал. Он это всё роспроведал.

— Вот знаете што, я приехал к вам купить товаров на полтораста тышеч, самых луччих.

— Вот-вот, это хорошо для нашего хозяина, это будет иметь большое значение. Он меня похва́лит.

И так Незнайко обрадел.

— Я тебе сечас принесу книгу и покажу все товары, какие тебе больше понраветце и завтро у купця затребую.

И принёс книгу, показал товары и рощытал насколько оне будут стоить тышеч. И вот он посмотрел на него и сказал:

— Хорошая же у тебя, мальчик, грамота, сколько он тебе пло́тит? Как ты быстро всё подщтытал и какой булгахтер может так быстро подщытать.

— Я получаю у купця полтораста рублей.

— Очень же он тебе мало пло́тит за такую учёную работу. Ну, ладно, Незнайко, давайте выпьем по маленькой.

Наливает стопку как себе, так и ёму и баушке и все оне, конечно, выпили. И вот когда оне выпили так по-малости, так по нём стало немного заметно, так же и в Сергее чаревиче. Конечно, он того не выказывал виду, што он чаревич. Он и говорит ёму:

— Да, Незнайко, имя то твоё не так важно, ну, да што уж сделаеш, не́ дали родители лучче, а баушка назвала.

А топерь он ёго опеть начинает спрашивать:

— Скажи, Незнайко, как ты розвлекаессе, как есть ты моло́дой, гуляеш ли с како́ма девушками или нет?

И вот говорит он:

— Я до си́х пор никому ничего не говорил и даже люди не знают ницёго. Ну, если я буду говорить, попросил бы вас и баушку свою никому не говорить, где я находилсе, когда поступил к купцю. И вот я уже топерь живу с купецеськой дочерью с меньшо́й, скоро как два года. И она от меня в положении. И просил раз у купця ей замуж, он меня ударил по щёки и сказал: „Как ты, Незнайко, смееш говорить мне такое слово". С тех пор я с ним больше ничего не говорил.

— Ну, што жи сделаеш, ты вытерпел, ничёго не сказал, а я про это потом с купцём поговорю, может ты и получиш её в жоны.

Тогда Незнайко очень обрадел, когда услышал это слово от купця и говорит:

— Слушайте, дорогой купець, коли так, я сечас вам ей покажу, токо вы никому не говорите, и ты, баушка.

— Ну, што же делать, уж не скажем.

И вот он сечас оделсе, прибежал к этой к тунели, где он и раньше ходил. Нажал кнопку, открылась дверь и зашел по этой тунели к ней.

— Ну, Марусенька, одевайсе, сейчас я тебя поведу к баушке, не бойсе, ничего не будёт худого.

Она кряду же оделась, и пошли. И он через полчаса каких-нибудь приводит ей, такую прелесную дамочку, што купець посмотрел прямо с удивлением на ней. Она кряду поздоровалась. Он и сказал:

— Ну, садитесь за стол, я буду вас спрашивать, может вы што мне и скажете.

Они сели все вместе за стол. Вот они посидели малоё време, она пороссказала всё про себя, как она знаетце с Незнайкой. Прошло уже четыре часа, то она и говорит:

— Ну, Незнайко, мне надо итти, смотри, сам знаеш.

И вот она, конецьно, попрощалась, пожалала всего хорошого, и Незнайко ей проводил к этой тунели и сам пришёл обратно. Пришел когда обратно, то он и спросил:

— Когда же ты открываеш магазин?

— В десеть.

— Ну, ложись спать, сечас шесь часов, поспи хоть до десети, а если и опоздаеш, скажи купцю: „Я занялсе таким-то покупателем", то он тебе ничёго не скажет.

И он так ушол спать. А оне остались с баушкой.

— Слушай, баушка, ты сечас ничего не говори, а ёго ведь зовут Николаем, но сечас не говори, а потом это выяснитце.

И вот купець повалилсе тоже немного отдохнуть. И так прошло до полдесятого. Она начинает будить.

— Баушка, я не проспал?

— Нет, не про́спал, а если и про́спал немного, то поеснись.

Так. И вот он сецяс же обулсе, оделсе, прихо́дит в мага́зин.

Только успел открыть, приходит купець, хозяин. Вот когда пришол хозяин, он и говорит:

— Ох сёгодне чуть не про́спал, занялсе с однем купцём.

— А в чём дело?

— Да вот, приехал один купець, скупщык, хочет забрать товару на полтораста тышеч, таких скупщыков у нас ещо не было́.

— Ну, молодець, Незнайко, приготовляй товары.

— Да я уж знаю.

Купець обрадел прямо, бегат по мага́зину, радуетце. И вот не через до́лго приходит этот купець, а уж хозяин не отходит от лавки.

— Ну, на сколько вы будете брать?

— А вот, как вчера говорил.

— Ну, пойдёмте, посмотри́те. Вы как, сецяс будете брать или вам забакова́ть?

— Нет, я сечас не возьму, пускай день-два полежат, а прикащыки забакуют.

Вот эты все товары, конецьно, забакова́ли. Получил он деньги и этот купець, хозяин, позвал купця к себе в гости. И оне пошли. А в это времё Незнайко осталсе торговать. И вот когда он пришол ту́да к нему, то посадил ёго за стол и стали угощатьце, выпивать и тому подобное. Сидят розговаривают. И этот купець, Сергей царевич, спрашивает:

— Давно ли у тебя живёт этот Незнайко и сколько ты ёму пла́тиш за эту роботу поспешную, как я вижу?

— Я ему плацю полтораста рублей.

— Мало же ты ему пла́тиш. У нас такие прикащыки по крайной мере в мага́зинах получают триста рублей. И я, если он пожалает, возьму ёго и буду ёму платить триста рублей. Я щытаю, што он согласитце со мной поехать на триста рублей.

И вот тогда сказал этот купець:

— Да, хотя я и плачу ёму полтораста рублей, но ёго не отпущу и дам ёму триста рублей, потому што такого прикащыка не найду больше. Он оборот делает на все одинатцеть магази́нов. И я иду ёму на уступки и все приказанья ёго выполню, што он хочет.

Вот он ёму опеть же и говорит:

— Нет, ты ёго приказаньё не исполняеш, я слышал от нёго самого, от Незнайки, што он посваталсы на твоей дочери, и ты ёму изволил дать по шее. Поэтому он очень рассердилсе, и ты не все ёго приказанья исполняеш, то, што он хочет.

Вот тогда еще немного поговорили и он ушол. К нёму пришла его жона. Он ей и говорит:

— Вот што купець сказал мне какое слово: што я плачу Незнайки очень мало и он ёго забирает себе, я не исполняю ёго приказаний, не отдал за нёго свою дочерь. А рази я могу отдать за ёго свою дочь, што он неизвестно каких родителей, и это будет мне очень позор. И отпустить ёго не охота, што он очень че́нной роботник.

Тогда сказала ёму жона:

— Слушай, муж, ты судиш неправильнё, если он такой че́нной роботник, што он Незнайко, так это ничего, и надо отдать ёму дочь, если он хочет ей взять. Я слышала о ней слухи нехорошие носятце. Такой мой совет, а там, как ты знаеш.

— Ну, а какие? — спрашивает отець.

— А вот какие, мне передавала одна кухарка, это еще нихто не знает, што она в положении. И тем более дёржать ей нельзя.

— Топерь, коли это так, так позвать сюда Незнайка из лавки, я ему коё-што скажу.

Сичас же приказали Незнайку итти к купцю. И он похо́дит, закрыл лавку. Посадил купець ёго рядом и нація́л с ним говорить:

— Вот, слушай, Незнайко, [этот купець хочет тебя взять и платить тебе триста рублей. И я тебе буду платить триста рублей, только живи.

И он еще сказал:

Ты сказал ему, што я ударил тебя по щёки, што я не отдал свою дочь. И если бы ты был хоть какого роду, хоть какого крестьянского, хош какое имя, а то ты пойми ведь я тебя не знаю, ты пойми, ведь я купець, миллионер, мне будет стыдно, позор на всех!

Поглядел на него, осерчал и говорит:

— Ну, уходи, торгуй, иди в лавку!

Погоди, отдаш, сам не знаеш! Топерь он начáл опеть торговать. А купець сидел долго за столом и думал. После этого приказал позвать свою дочерь мéньшую. Она пришла, он поглядел на ней и стал говорить:

— Скажи мне топерь дочка правду, с кем ты гуляла, от кого ты беременна, не утай.

Она и говорит:

— Батюшко, я тогда токо скажу, когда ты отдаш меня за того замуж, с кем гуляла. А то не скажу, хоть убей, не скажу!

Тогда отец посмотрел на ней.

— Ну, уходи проць, уж коли не сказала, не буду говорить!

И вот этот Незнайко провёл опеть день, закрыл магáзин, пошол к ней, спустилсе в тунель. Когда пришол к ней, она такую речь говорит, што отець говорил ей, а он рассказывает про себя. Топерь она ище говорит:

— Вот ты сечас поди домой и пригласи этого купця сюда, пусь он посмотрит наши редкости, только штобы он никому не говорил, отець про это не знает. И приходите с ним вместе.

И вот он сечас же приходит и говорит:

— Ну, вот што, слушай, товарыщ купець, пойдём сечас в подземельё, где есть эти три доцьки, и покажу тебе все редкости, если жалаеш.

И вот оне оделись и пошли. Приходят оне к этой двери, нáжал кнопку, и прошли, так што никто про это не знал. Вот когда оне прошли в зал, то все три сёстры прибежали, поздоровались и стали угощать. Тут пошла музыка, весельё, и купець это всё смотрит, што тут проделываетце. Пришли два молодых ковалера и нацяли все вместе веселитьце. Вот после этых таньцев подошол он к купцю и говорит:

— Вот если ты жалаеш познакомитьце из этих трёх барашен то можеш.

— Хорошо.

А оне ушли, всяк по своим по комнатам. И вот он тоже после этого пошол познакомилсе с одной девушкой и провёл до четырёх часов утра. Потом выходит Незнайко, оделись и пошли кряду же домой. Пришли домой, легли спать. В деветь встали, попили чаёк. Один пошол на свою роботу в магáзин, а другой, просто, в город. Вот он открывает магáзин, приходит хозяин, и начáл торговать. Вот этот купець и приходит опеть к этому купцю. Пошла у них опеть беседа. Ведь у купцéй один розговор: про товары, да про богатство. Вот опеть он нацинает говорить:

— Ну, как ты говорил со своим прикащыком Незнайкой?

— Да, я ёго призывал, он соглашаетце, я ёму даю триста рублей.

— Ну, и всё ты ёму полностью даёш, што он от тебя требовал?

А он отвецяет ёму:

— Да, нет, вы поймите сами, вы же купець, рáзи можно за такого Незнайка отдать дочь? Ведь мне же позор будет.

— Напрасно так думаете, за такого чéнного работника я бы не пощыталсе. Всё ровно я увезу ёго к себе, я буду платить ёму даже больше. — Ну, ладно, топерь не будем говорить. Если жалаеш, то приходи ко мне в гости, и куда я тебя не поведу, всё вытерпеть. И если вы́терпиш, то я заплачу тебе два миллиона, вот пожалоста, сейчас же деньги на стол. Только молчать, што бы ни увидал, надо большоё терпеньё, только скажи мне сечас ответ.

Он посмотрел на него, покачал головой и говорит:

— Да, деньги большие, я пожалуй согласен.

Ну только с тем, штобы молчать, што бы ни увидел.

— Ну, надо молчать, я на одну ноць согласен.

Он дажи дал ёму клятву.

— А если не вытерпиш, то деньги твои пропадут. Ну, вот, тогда приходи ко мне часов в семь или в шесть, — даёт ёму адрес: — вот в дом такой-то старушки, и приходи ко мне

только под видом купця, штобы тебя не узнали, што ты этого города, а там мы уж сделаемсе.

Тогда он сказал:

— Ну, ладно, я приду.

И ушол гримироватьце, штобы его не знали и совсем приготовилсе под видом купця. Его больше всего интересует, штобы узнать што такоё он знает, што за редкость. Так, и вот он приготовилсе в шесть часов.

— Ну, надо итти!

И пошол. А в это време Незнайко закрыл лавку и приходит домой, где уж они сидели оба. Вот пришол Незнайко, то увидал сидящего незнакомого купця. То сказал ёму купець:

— Вот познакомьсе с таким-то купцём.

Сели оне за стол, Сергей царевич приносит чемодан и достаёт разных вин, которых еще нет в этом городе, и начинает угощать купця вместе с Незнайкой. Когда он ёго угостил и сказал:

— Ну, я тебя угостил, как и ты меня угощал.

Потом отошол с Незнайкой в сторону и говорит:

— Слушай, можно пригласить и этого купця с нами, уж я знаю, што ты пойдёш.

— Да, можно, только штобы он никому не говорил.

— Он не скажет, обещал молчать.

И вот так, часов в деветь или в десеть пошли. Подходят к этой двери, на́жал кнопку, спустились в тунели и пошли. Купець удивляетце, што это творитце и деетце в городу́, што он и не знает. Вот приводит он их в зал. Вдруг выбегают эти три дочки ёго, поздоровались. Заиграла музыка, нача́ли угощать. И видит, што Незнайко с этой ме́ньшой ёго дочерью. И думает, сам сидит молчит.

— Во́т так-та́к, ну, надо́ вытерпеть обещание как-нибудь.

Вот оне попили, конечно, поугоща́лись, пошли тонцовать. Говорит Незнайко:

— Ну, вот, гости, кто жалает, выбирайте себе барышень, идите тонцовать.

Ну, тому невтерпёж. Он и говорит:

— Я не хочу, пусть идёт товарищ, тот помоложе.

Вот когда потонцовали, кончили эту игру, подошли девушки к столу и говорят:

— Вот што, можéте выбирать себе барышень и провести время до утрá, а мы пойдём.

И всяк пошол со своим по комнатам. А купець всё дивитце и думает:

— Што здесь творитце и кем это сделано?

Вот когда оне ушли, этот купець и говорит этому купцю.

— Ну, што, друг, ты пойдёш? А я не пойду и желал бы, штобы ты со мной осталсе, кое́-што поговорить, пока оне выйдут.

— Ладно, я не пойду.

Так остались вместе сидеть. Когда оне остались двоё сидеть, то этот купець говорит этому купцю, хозяину:

— Ну, што, видиш, што здесь творитце, видиш своего прикащыка Незнайку со своей дочерью? Неужели ты и топерь не отдашь дочь?

— Нет, отдам, только меня позорит, што ёго зовут Незнайкой.

— Ну, што жи сделаш и вдобавок ты получиш два миллиона.

И вот оне так провели до четырёх часов. Выходит Незнайко и говорит:

— Ну, топерь, гости, пойдёмте, мне надо к десети часам на роботу.

И кря́ду же собрали́сь и вышли к этой старушки. Пришли когда опеть, сели за стол, поугощались, а он и говорит:

— Вот што, товарыщы, вы знаете, какое я лицё, мне надо к десети часам на роботу, так я повалю́сь немного поспать, потому што я еще всегда во́-време приходил и хочу сегодне, а то за это мне будет неприятно от купця.

Тогда говорит этот купець ему:

— Слушай, Незнайко, ты уж очень волнуиссе за эты товары. Я тоже приехал покупать товары. Он тебе ничего не скажет, если и в двенатцеть откроёш, а посиди с нами хошá ещё часик.

Вот ище он и говорит:

— Ну, как, будеш ли ты у этого купця, Незнайко, жить, или поедеш с этим купцём, которой предлагал?

Не знаю, если токо он исполнит мои предложенья, то останусь, а если нет, то уеду, потому што мне здесь делать нечёго, а уж своей Марии, жоны, не оставлю, всё ровно уведу, ей за собой.

— Ну, так ладно, не волнуйсе, можёт купець и отдаст за тебя. Может этому купцю и не нравитце, што имя твоё Незнайко, а так наверно, отдаст. И сёгодни же он даст тебе ответ.

И он пожалал им всего хорошего, всё-таки сам пошол на отдо́х. Оне остались вдвоём. Ну, потом когда он ушол, спросил этот купець:

— Ну, што увидел, што у тебя там творитце и вытерпел, ну, молодець, получай свои два мёльёна, а я к тебе после приду.

Поугощались. Тот пошол, а этот лег спать. Этот Незнайко, старуха ёму дала спать до полодинатцетого часа.

— Ну, ставай, Незнайко, уж долго спал сёгодне.

— Эх, баушка, как я поздно сёгодне, наверно, купець меня не похвалит.

Умылсе скорей и пошол. Пришол, конецьно, открыл мага́зин уже в двенаццетом цясу. Приходит хозяин, он и говорит:

— Ну, хозяин, простите, никогда ище не было, я пропустил сегодне свой строк.

— Ну, ничего, ничего, Незнайко, я слышал, што ты был с однем купцём эту ночь, за это я тебя прощаю.

И вот он после этого ушол к себе домой и стал советоватьця с жоной:

— Слушай, жона, ты не знаеш, какие у нас редкости есть в нашей тунели, а я узнал и получил за это два миллиона. Как наши дочеря гуляют и этот Незнайко гуляет с меньшо́й, потому она и беременна, топерь ей надо отдать, уж всё ровно.

— Мой совет, тебе бы уж надо давно отдать.

И вот сечас же он приказал позвать Незнайка.

— Ну, што изволите, хозяин?

— Ну, коли́ так, Незнайко, ты сумел это всё сделать, то молоде́ць, я отдаю тебе свою дочь замуж. А сечас иди в мага́зин.

Он пошол в магазин, а купець призывает свою дочь и говорит:

— Ну, прекрасная Мария, я тебя отдам за Незнайка замуж, жалаеш ли ты это?

— Конецьно, жалаю, я уже тебе давно говорила.

— Ну, можеш ёму это сказать.

Она кряду же побежала в магáзин. А в это времё приходит же в магазин его отець. Она из дверей, а он из других Когда приходит ёго отець и говорит:

— Ну, слушай, Незнайко, я тебе скажу, но только ты ничего не говори. Ты есть не Незнайко, а Николай, а отчество Сергеич, а я есть твой отець. Ну, ты никому токо не говори.

А в это времё прибегает она и говорит:

— Ну, Незнайко, отець меня отдаёт за тебя.

— Я есть не Незнайко, а Николай Сергеич, чарской сын.

Она испугалась и кряду же упала в омморок.

— Как мог так отець отказать чарскому сыну и ударить по щёки, што он просил.

И вот она сечас и говорит:

— Как будет отцю совестно, как отець всё узнает. Слушай, Коля, а мне еще боле совестно, што-то топерь со мной будет!

— Ты ничего не беспокойсе, — говорит ей батюшко, — ты ни об чём не думай, сечас закроем магáзин и будем играть свадьбу. Я пойду к твоему отцю. Я по себе знаю. Я такой же петнатцетилетний жонился на одной чаревне. Раз ты ёго полюбила, так и будет.

Топерь он пошол к этому купцю, а она побежала домой. Купець сечас приказал позвать Незнайка и прикрыть магáзин. Вот когда прикрыл магáзин Незнайко, он кряду же пошол к баушке домой. Когда он пришол, а там сидел ёго отець.

— Слушай, сынóк, сечас мы будем играть свадьбу. А сечас возьмём чемодан с чарской одёжой, у меня припасёно для тебя.

А также попросил баушку одетьце и итти с нимá. И для баушки у нёго было тоже привéзёно. И вот оне кряду же собрались всемá трóи и пошли к этому купцю на бал. И вот,

конечно, пришли, их пригласили за стол. Сидят угощаютце. Начáли играть свадьбу. Вот немного посидели, потом Сергей чаревич стал нá ноги и говорит:

— Слушайте, товарищы, и вам немного поесню об себе и также об сыне своём.

Так. Вот он стал говорить.

— Вы знаете, што я есть за купець? Я есть Сергей чаревиць, вот такого-то чарства, а этот Незнайко есть Николай Сергеич, мой сын.

Купець сразу óммер. Што это случилось, он так обращался с чарским сыном. Кряду же стал нá ноги и стал у нёго просит прощенья. Вот он говорит:

— Ну, уж топерь прощатьця поздно, я всё прощаю, а топерь дайте мне особую комнату, штобы я сходил с сыном своим, переоделсе и вместе с невёской.

Вот оне вышли во вторую комнату. Он достал всем по платью как невёске, так и сыну, наследнику чарского дóму, и себе, и вышли обратно за стол. Тогда оне пришли все за стол. Садятце, то все гости стали на ноги, стали его почитáть Сергея чаревича, как купець, так и все прочие стали просить прощенья, што оне не знали дó сих пор. Топерь стали продолжать пир. Пир проходит у них дня три. После этого розъехались гости. Говорит сыну своёму Николаю Сергеичу:

— Ну, Коля, собирайсе, а жону пока оставим, потому што я тебе говорил, што ероплан понесёт только двоих. А потом прилетиш за ней, если она до тех пор не рóдит, а если рóдит, то придётьце оставить робёнка, а сперьвá ей принести.

Вот, конечно, уже не хотелось остатьце жоны ёго, но было делать нецёго и сказала отцю, што эту баушку, воспитаницу Николая чаревича взять к себе, если она пожалает, хош пока я здесь. Тогда Николай чаревич говорит баушке:

— Ты, баушка, успокой ей, останьсе с ней, пока я летаю, а потом — воля твоя: хоцёш к нам полетиш, хоцёш здесь останиссе.

— Ну, ладно, Николай Сергеиць, я с ней останусь.

И вот оне попрощались и улетели. Вдруг оне прилетают в своё государство, и он приносит своего сына. Мать даже

ни за што не могла признать своего сына. Когда он сказал, па́ла в омморок. Когда пришла в чувство, тогда бросилась к ёму на шею и стала просить прощенья, што оне ёго оставили. Ну, он сказал:

— Ладно, мама, ты уж не плаць, топерь ты получила радость, будем жить все вместе.

Пришли баушка и дедушко, очень обраде́ли, што увидали своёго внучка Николая Сергеича.

Сели за стол, стали, конецьно, спрашивать ёго: как он проводил это времё петнатцеть лет. Он обсказал всё, што он жонат. Все очень радовались: и мать, и баушка, и дедушко. И стали спрашивать, когда он полетит за ней. Тогда он нача́л спрашивать у отця:

— Скажи, батюшко, есть ли у нас ероплан побольше, штобы он мог вынести не токо меня и жону, а и там хто ро́дитьце, но также тестя с жоною и баушку.

Он и говорит:

— Слушай, Коля, у нас того монтёра уж нет. Он умер давно. Поэтому мы не заказали другого ероплана. Придётьце на этом носи́ть, только по одиночке, уж ты сам знаеш.

Топерь отець ему показал, как этым еропланом влада́ть и што нужно делать, то он кряду же собралсе, полетел в этот город. Прилетел в город, пришол в дом, то она сразу же выбежала к нёму и говорит:

— Ну, Коля, у меня родилсе сын, топерь нам опеть троим не улететь.

— Ну, ладно, Маруся, собирайсе одна. Я тебя снесу, а потом прилецю за сыном. И баушка пускай смотрит за сыном и побудет, пока я не прилецю за им. (Пропустил я тут очень). Когда купець узнал, што у него творитце, што есь три ковалера, то он кряду же выдал и этых доцерей за молодцёв, и пускай они живут, как знают, с богом.

Потом пришли оне к баушке, обсказали всё.

— Ну, ладно, детоцьки, летите, а я постараюсь. Только не забудь то́, как забыл отець тебя, уж я стара, может умру.

— Ладно, баушка, не заботьсе, уж я не забуду.

И вот в скором времени оне прилетели в чарство. Как увидала [мать и баушка и дедушко свою невёску, то очень

обраде́ли и принели ей хорошо. И вот он пожил несколько дней и говорит:

— Ну, Маруся, знаеш, мне надо лететь за сыном, а то баушка соскучитце.

И вот он собралсе второй раз лететь.

Когда он прилетел опеть же в город, спустилсе к баушке и говорит:

— Ну, баушка, я прилетел за своим сынком.

— Спасибо, ди́тятко, вот твой сын чел, здоров, можёш взять.

Он и говорит баушке:

— Баушка, а ты хочеш повидать наше государство и у нас жить, то я тебя тоже возьму, только второй раз прилечу за тобой.

Она ёму сказала:

— Слушай, Николай Сергеич, я уже стала ста́ра, мне уж могила, мне охота лучче у себя умирать.

Тогда он вынимает деньги и даёт ей мешочик порядошной, даже без щёта.

— Вот тебе, баушка, живи, пока хватит, а всё ровно, пока ты жи́ва, мы тебя будем навещать, коли́ ты не жалаеш к нам лететь.

Так он роспростилсе, конецьно, взял своёго сына. Полетели. В скором времени прилетели в своё государство. Ище больше была́ радость у дедушки с баушкой, когда оне увидали своего внучка. После этого всёго сказал Сергей чаревич своёму сыну:

— Вот што, Коля, мы соберём бал, и надо нам пригласить твоих тестя и тёщу, как нибудь достать надо, хоть я полечу раз, а ты второй, всё-ровно доставать надо. А в это времё будем собирать гостей.

И вот кряду же полетел Николай Сергеич за тестём. И вот, конецьно, он прилетел в дом их, оне очень обраделись, посадили за стол, нача́ли угощать.

— Слушайте, батюшко, матушка, топерь я прилетел за вами. Прошу не отказать, ну только буду возить вас по одиночке. Которой наперёд жалаете, тот и полетим.

Тогда, конецьно, оне уже отказыватьце никак не могли.
— Ну, любо́й, которой наперёд токо жалает.
Тогда уж понёс он тёщу, а ёму сказал:
— Ну, отець, ты не обижайсе, прилечу и за тобой, знай, што нам троим лететь нельзя.
И вот прилетели в скором времени. Опустились и заходят оне во дворець. Зашли во дворець, при́нели ей как сватьюшку, стали угощать, а Сергей чаревич и говорит сыну:
— Слушай, Коля, ты топерь оставайсе, а я полечу, заменю тебя хош раз. Потому што, как мы отци, так я полечу и привезу обратно, а ты уж с тёщей делайсе как знаешь, потому што она для тебя добре́й была, наверно; ты и взял ей наперёд.
И так он собралсе лететь. Прилетел к нему и говорит:
— Ну, сват, топерь полети́м к нам в гости, у нас угостить есть чем. Только схожу я к баушке, посмотрю ей.
Пришол к ей поздороватьце.
— Здраствуй, баушка.
— Здраствуй, здраствуй, Сергей цяревич, пришол меня посмотреть?
— Дак как же баушка, надо посмотреть. Ну, как, баушка, хватит ли тебе денег, пока протяга́етце твоя старость?
— Да как же, довольнё, очень довольнё. Я очень довольня от вас. Мне больше ничего не надо.
— Я скажу этому свату, купцю, штобы он присматривал за тобой.
— Спасибо, Сергей чаревич, я очень довольня от вас.
Так оне попрощались, он пошол к купцю.
— Ну, сват, садись, полетим.
И вот только оне прилетели, как нача́лсе у них почёстной пир. И пировали оны три дня. После этого и говорит купець своему зятю, так и сватовьям:
— Слушайте, у меня мага́зины, торговля, больше мне здесь жить нельзя, если бы вы отвезли меня проць, было бы хорошо. И у меня топерь нет такого роботника, как зять Николай Сергеич, на нёго бы можно надеетьце. Ну, я этого ницёго не знал, топерь извиняюсь.
Топерь он и говорит:

— Ну, сват, я тебя и снесу, как принёс.

Опеть же садятце на ероплан, и полетели. Топерь когда он ёго унёс, прилетел обратно и говорит:

— Ну, вот, я своё исполнил, а топерь, сын, ты исполняй своё со своей тёщей.

Он говорит:

— Тёще моей жить и здесь не плохо; когда она захочет, тогда мы ей отнесём, а пока она еще ничего не говорит, пускай здесь живет.

Вот она про́жила у них че́лых два месеця, и говорит:

— Ну, зять мой Коля, надо меня отнести домой, так што старик мой может скучать, не погибла ли.

— Ну, ладно, я тебя отнесу.

Вот она в это времё попрощалась со сватовья́ми и так сели на ероплан, полетели. Вот он прине́с опять же ей домой, прожил одне сутки, отець и говорит:

— Слушай, зять, если тебе угодно взять от меня капиталу или мага́зины, то можеш получить от меня, если жалательно, потому што у меня больше нет никого, как вас три зятя. Если я поделюсь, а уж сам стал немоло́дый.

Вот он ёму и говорит:

— Я про это пока ницёго не знаю. Наверно, ты никуда не дева́ш, што мне обещаеш, а я пока ницёго не знаю.

Роспростилсе он с нима́ и полетел домой. И та́к он прилетел домой, и стали быть да жить до глубокой старости. И потом он поступил на чарство, когда умерли его дедушко и отець.

6. КАК ЕЛЕНА КОРОЛЕВНА ВЫВЕЛА ЧАРЬСКОГО СЫНА ОТ ВОЛШЕБНОГО КОРОЛЯ

Не́ в котором чарстве, не́ в котором государстве был жил знаменитой купець. Но он не имел никакой торговли, но имел громадные зе́мли для посева и много имел робочих. И этот сбыток хлеба происходил, конешно, в разные государства и из-за это он оборот большой получал денёг. Когда о̂н насеёт хлеб весной, то обирает на́ осень, скажем в августе месеце, и говорит робочим своим:

— Вот когда будете хлеб обирать, то смотрите, не оставляйте одной зерни́ны на пожне, смотрите чи́сто обирайте, штобы не было покушения от зверью или от птиць.

И эти слуги, роботники, конешно, это всё исполняли.

И вот раз оне обирают хлеб и так до чиста́ обирали, што думали, ничего не осталось. На это времё всё-таки оставили они в главной полосы́, может быть несколько десятков зерни́н и самы даже не знали. Но эты птици пользовались тема́ случа́ём и стали следить. Во-перьвых, прибежала мышка и прилетела воробушко, ма́лая голо́вка. И вот оне поели три зерни́ны, на четвертой подра́лись и так сильно подра́лись, и заспорили. Потом мышка и говорит:

— Ну, коли так, хто заберёт сильнее, тот и будет правее.

Заговорила мышка:

— Колько будет бегучего зверью, то идите мне на помогу.

А воробушка сказала:

— А сколько есть летучей птици на свети и пусь мне летит на помóгу.

Ну это полё было около петисот десетин земли, и полноё полё налетело зверья и птиць, и пошла у них промеж собой битва, можно сказать война. И вот церезь сутки, колько оне бились, не осталось ни одной животной живой, только осталсе один орёл сидящий на лесúны, раненой.

И вот случилось пойти на охоту молодому чаревичу в этом же городи. Но он был недавно токо жонат. Когда он приходит на такоё широкоё полё и видит всё полё посеяно зверья, и всё было мёртвоё. Когда он прошол это полё, на краю видúт сидит орёл на сосны́ на самых низких сукáх, и он прицелилсе, хотел ёго стрéлить. Орёл ёму и заговорил:

— Слушай, Иван чаревиць, не стреляй меня, возьми меня к себе.

Он опустил ружьё. Вот он роздумалсе:

— Ну што я ёго понесу такого громадного зверя, мне и не унести будет.

И хочет второй раз стрéлить. Уже пóднял ружьё, опеть он заговорил:

— Слушай, Иван чаревиць, не стреляй меня.

Так сильнё испугалсе, што чуть не упал со сýка. Он опустил ружьё. И вот он опеть, чаревич, роздумалсе:

— Што же он не велит стрелять, куда я ёго унесу?

Орёл и опеть заговорил, ну так испугалсе, што уж закрыл глаза.

— Слушай, Иван чаревич, не стреляй, я тебе пригожусь, отомщу, если ты меня возьмёш к себе.

Потом чаревич ёму говорит:

— Слушай, орёл, если я тебя возьму, то мне тебя не унести будёт.

— Я как-нибудь около тебя хоть на кры́льях, токо возьми к себе, откорми, а я тебе пригожусь.

Тогда чаревиць согласилсе и сказал:

— Ну, если можеш, тогда шагай или лети вслед, ну мне тебя не унести будет, ты слишком большой.

Тогда орёл опустилсы со сýка, котóро бежал, а котóро летел. Ну, с большим трудом и с большой силой дошол до государьства ёго, это ёму было слишком тяжелó. Когда он пришол к ёму в государьство, то сказал:

— Ну, Иван чаревич, не пожалей меня кормить и прокорми меня деветь месецев, а я тебе всё уплачу. Давай мне шесть коров или шесть волов кажные сутки на пропитаньё, хотя тебе и трудно будет, но я тебе всё уплачу.

И вот Иван чаревиць начáл ёго кормить. И прокормил ёго три месеця, тогда орёл и говорит:

— Ну, Иван чаревиць, спусти меня теперь полететь, сколько я могу поднятьце, не бойсе, не оммâну тебя за твоё добро, прилечу обратно.

И он ёго отпустил. Он пролетал чéлые сутки и обратно прилетел. И сказал:

— Ну, Иван чаревич, токо чуть-чуть третью часть мог поднятьце. Корми меня еще три месяця.

Когда он прокормил шесть месяцев, то у нёго уж не хватило своёго скота, стал покупать на сторонŷ и отпустил ёго опеть второй раз. Когда отпустил второй раз, он пролетал чéлых шесть суток. Прилетел обратно и говорит:

— Ну, Иван чаревич, еще корми меня три месеця, я только поднялсе вокурат на половину.

Когда он прокормил ёго еще три месеця, то он ёму такой громадной убыток сделал, што уже ёму было чуствительнё. И сказал ёму:

— Ну, топерь еще отпусти меня на четверо сутки, а потом я к тебе вёрнусь и скажу тебе окончательно.

И он спустил ёго, он пролетал четверо сутки, спустилсе и говорит:

— Ну, Иван чаревич, топерь полетим ко мне, я тебе отомщу все убытки, какие ты сделал и награжу за всё, только полетим. Не бойсе ницёго, обратно ты лехко попадёш, а я тебе таких рéдкостей дам, каких токо ты пожалаеш.

Потом Иван чаревич роспростилсе, конешно, с молодой жоной со своей и сказал:

— Ну, жона, не печалуйсе, я полечу с орлом за своима убытками, которы он мне обещал.

Уселсе на нёго и стали подыматьце. Когда оне поднялись так сильно высокó, што орёл стал спрашивать:

— Ну, Иван чаревич, высóко-ли небо, низко-ли земля, скажи мне топерича.

И вот он ёму отвецяет:

— Земля наша так маленькая, што чуть не с овчину, а до неба я не знаю сколько места.

И вдруг орёл сбрасываёт ёго с крыльёв, Иван чаревич полетел книзу. Иван чаревич полетел книзу и так сильнё испугалсе:

— Ну, — думает, — смерть.

А орёл спустилсе книзу, ухватил ёго на крылья, стал подниматьце кверху. Поднялись оне так опеть высóко, што он нацинает опеть спрашивать Ивана чаревича:

— Ну, што, Иван чаревич, далёко-ли земля, близко ли небо?

— Земля с лист, а до нéба я не знаю.

Он опеть ёго спустил с крыльёв, Иван чаревич полетел книзу и вот этот Иван чаревич полетел и так сильнё испугалсе, што уж не помнит себя. Орёл опеть захватил ёго, стал подниматьце кверху, и дальше полетел. И вот поднялсе еще выше и спрашивает:

— Ну, Иван чаревич, высóко-ли небо, низко-ли земля, тебе виднее.

Он отвецяет:

— Небо не знай, а земля с грош или чуть-чуть с копеечку.

Он ёго опеть сбрасывает с крыльёв и пропустил ёго далекó. А сам полетел книзу. Когда он под низ подлетел, подхватил ёго и стал подниматьце кверху; ну, Иван чаревич не чуствовал совершенно себя. Когда поднялсе кверху, тогда пришол в паметь:

— Ну, скажи топерь, Иван чаревич, как ты испугалсе в перьвой раз?

— А я так сильнё испугалсе, думал, што смерть.

— А как на второй раз испугалсе, скажи?

— А на второй раз до чёго я испугалсе, думал, што уж не быть мне живому.

— Так, топерь росскажи как на третий раз испугалсе?

— А я уж на третий раз до того испугалсе, летел без памети, за́пёр глаза и даже не было у меня сознанья.

— Дак так, Иван чаревиць, ты испугалсе, а думаеш я не испугалсе, когда на пе́рьвой раз хотел меня стре́лить в поле? А ты опустил ружьё, это мне еще не так было страшно. А второй раз, когда я у тебя стал проситьце, а ты сказал: „Куда я с тобой буду таскатьце“, я так сильно испугалсе, глаза закрыл, што едва не упал со су́ка. А когда ты меня третий раз хотел стреля́ть, то я так испугалсе, потерял сознаньё, токо сказал: „Выручи, возьми меня с собой“. Думал, што вот-вот смерть. Ну, а топерь полети́м, я тебе отомстил, што ты меня напугал, ну это было дело у нас по́любя, не думай плохого, Иван чаревиць, а топерь полетим, я тебе сделаю всё лучшее, поскольку ты розорилсе, прокормил меня. А топерь посмотри высо́ко-ли небо, низко-ли земля, наверно, ты сечас земли не увидиш, мы подня́ли́сь так высоко́.

И он ответил ёму:

— Ну, орёл, я уже земли не замечаю, а до неба не знаю сколько места.

— Ну, ладно, хорошо, топерь мы скоро прилетим в моё государьство.

И вот видит издалека́ золотоё чарьство и залетел когда туда, стречают этого орла чарём, и он приказал чаревича угощать и чени́ть его как спасителя этого государьства. Вот он прожил у него три дня, он его кормил, поил, угощал, и говорит ёму на четвёртой день:

— Вот сёгодне знаеш што, я тебя свезу к старшой сёстры́, и вот она чего тебе будет давать, за то што ты меня спас, ну ты ничёго не бери. Много тебе она будет разных че́нностей давать, злата и се́ребра, всего. Она тебе будет давать и кошелёк-самотряс, сапоги-скороходы, шапку-невидимку, ты ничёго не бери, а проси у ней разночветной ящщычок,

хотя ей и жалко будет, но всё ровно отдаст ёго тебе. А потом придёш ко мне и тебе придётьце ходить к всем трём сёстрам.

И вот когда он пришол к ней, она до чего обрáдовалась, стретила, и стала его угощать таким угощеньям, што он еще и не видал в своём государстве. Она ёму и говорит на четвертые сутки:

— Ну, Иван царевич, чего тебе надо за спасеньё моего брата, я тебе всё даю, чего ни пожалаеш. Возьми сапоги-скороходы.

— Нет, не надо мне, прекрасная девúця, сапоги-скороходы.

— Ну, возьми шапку-невидимку.

— Нет, не надо мне, прекрасная девúця, и шапки-невидимки.

— Дак што тебе надо, возьми злата и сéребра сколько хочеш, ты не бойсе, мы тебя представим на родину. Чем же я тебе больше буду платить за спасеньё моёго брата?

— Слушай, прекрасная девúця, дай мне разночветной ящычок.

Она немного подумала и говорит:

— Слушай, Иван царевиць, жалко мне отдать тебе разночветной ящычок, но уж много ты капитала погубил, отдам тебе ящычок, токо он у меня без клюця...

Вот она приносит ёму разночветной ящычок, роспростилсе он с ней и приходит к этому орлу царевичу.

— Ну, што, Иван царевич, достал ты разночветной ящычок?

— Достал.

— Ну, ладно, полóжь сюда, на завтра иди к средней сёстры́, я тебя провожу.

Вот он пéреспал ноць, и на утро ёму говорит орёл.

— Ну, пойдём к средней сёстры́, и ты возьми у ней кошелёк-самотряс, а я в это время узнаю у ней, где хранитце ключ от этого ящыка.

Вот он приходит к ней, она ёго приняла, посадила за стол, начáла угощать.

Брат немного посидел и ушол, а Иван царевич осталсе у ней. Она ёму и говорит:

— Ну, што тебе, Иван чаревич, надо за моёго брата, што ты его спас, кормил и убил своего капитала много, я тебе всё дам, уплачу за брата.

Она ёму приносит сапоги-скороходы:

— Нет, мне не надо, прекрасная деви́ця, сапоги-скороходы.

— Ну, так што тебе надо, скажи мне?

Потом она приносит ему ковёр-самолёт:

— Вот тебе штука хоро́ша домой лететь.

— Нет, не надо мне, прекрасная деви́ця, это.

— Да чем-же я тебя буду дарить, коли ты ничего не берёш?

— Слушай, прекрасная деви́ця, дай мне кошелёк-самотряс.

Она ёму и говорит:

— Ну, коли так, отдам тебе кошелёк-самотряс. У нас токо есть два в чарстве; один у ста́ршой сёстры́, другой у меня. Ну, не пожалею, отдам тебе ёго за брата.

Получил он кошелёк-самотряс, распростилсе с прекрасной девицей приходит к орлу-чарю.

— Ну што, Иван чаревиць, достал, што я тебе велел?

— Достал.

— Ну, ладно, ночуй у меня еще ночь, а потом сходим к млаччей сёстры́, я тебе скажу.

Вот он ночевал ночь, утром става́ёт, попили они чай, орёл и говорит:

— Ну, пойдём топерь к млаччей сёстры́. Смотри ни на што не соглашайсе, проси у ней клюцик от разночветного ящыка, он у ней. А я тебе всё приготовлю.

И вот он сецяс повёл ёго к млаччей сестры́, такая кра-савиця, токо и думает:

— Вот бы быть ей моей жоною. Ну уж у меня жона есьт, на што мне?

Она так им обрадела и говорит:

— Ну, Иван чаревич, бери, што пожалаеш, я тебе уж отомщу за брата своёго, оплачу все убытки.

И вот орёл ушол, конечно, проць. Она осталась с ним, и угощала его три дня. Ничего у него не спрашивала, дала ему полную слободу, водила по своим комнатам, показывала

богатьство и всё такоё. Да, вот прошлы эти три дня, она и стала говорить:

— Ну, Иван царевич, што тебе надо, я тебе всё даю, зо́лота, се́ребра, што хош.

— Нет, слушай, прекрасная деви́ца, мне ни чо не надо, а дай мне ключик от разночветного ящычка, я как слышал, што он у тебя есть.

Она и говорит ёму:

— Слушай, Иван царевиць, на што тебе ключик от разноцьветного ящычка, когда у тебя нет ящычка, тебе он ни к чому.

— Дак уж слушай, прекрасная деви́ця, ты токо мне отдай, а больше мне не надо ничого.

— Ну ладно, я тебе ёго отдам.

И приносит золотой клюцик. Принёсла, отдала. Он роспростилсе с ней и приходит к орлу царевичу.

— Ну, орёл царевич, што ты мне велел достать, я всё достал, дали сёстры.

— Ну молодець, а топерь поживи у меня три дня, а там я тебя отправлю в путь-дорогу.

И вот он говорит:

— Ну, где твой красноцьветной ящычок, дай мне сюда и клюцик, а церезь три дня я всё приготовлю, и росскажу про путь твою, как тебе нужно итти.

И вот он даёт ему этот ящычок и ключик, и церезь три дня он навёл ему в этот ящычок громадную силу. На четвёртой день приносит ёму, отдаёт в руки и говорит:

— Вот, Иван царевич, топерь ты сёгодне от меня пойдёш. Вот бери этот ящычок с собой и этот ключик, а кошелёк, самотряс у тебя в кормане. Захочетце тебе ись, понюхай клюця́, захочетце спать, тоже понюхай клюця́, ну ящыцька не отпирай. И скуцьно тебе будет доро́гой об жоны или об своём чарстве, тоже понюхай клюця́ и скука пройдёт, и весело тебе будет итти, токо не открывай ящычек. До ти́х пор не открывай, пока не при́дёш в твое чарьство и там зайди на громадноё полё и открой ящычёк и увидиш, што будет. И ты скоро доберёссе до своёго государства.

И так роспростилсе Иван чаревич с орлом чаревичем и отправилсе в дорогу.

И так идёт без всякой думы; ёму итти до чёго весело, што прямо не чует ног под собой. И перед ним стоит широкая дорога. И вот ему захотелось ись. Он спомнил, клюця́ понюхал, ему прошол голод. Идёт дальше, и захотелось ёму пить и спать, он опеть-же клюця́ понюхал, прошол сон и жажда. Идёт дальше и вдруг его ударила такая грусть, мысль, печаль, што он не видит даже свету. Он опеть понюхал ключа́ и это всё прошло. Вот идёт он так долго, что задумал об своей жоны.

— Как у меня осталась топерь жо́ноцька, што она осталась моло́дая.

Опеть стал думать. И потом опеть же он понюхал клюця́, всё прошло, и думает:

— Топерь уж, наверно, я близко завожусь от своёго государьства.

И потом роздумалсе:

— Почему же он не велел мне открыть ящычка, хотя бы посмотреть, што в нём хранитце. Я открою, ништо будёт.

А это волшебной король всё боле ёго смущал.

— Открой, открой.

Конецьно, он ёго не вида́л.

— Давай открою немножко, хоть краичо́к.

И он взял клюцик, токо хотел повернуть, сецяс крышка открылась, зафурчало, всё кверху полетело, и он осталсе пустой. И вот он закрыл этот ящычок, пошол дальше. И напал на нёго голод. Он спомнил про клюць, стал нюхать, ну пользы никакой не было.

Потом ёго ударил сон и жажда, и дорога стала хуже, хуже, угрюмей пошла. Он стал опеть ключ нюхать, но пользы никакой, а всё стало хуже и хуже, утомилсе Иван чаревич. Настолько он утомилсе, зашол в такую глуш, в чащу, што больше и податьце не́куда. Сидит и плачет.

— Што не послушал я орла чаревича, топерь мне смерьть, больше итти не́куда.

И вдруг обратилсе перед ним каково-то высокого росту мущына и говорит:

— Што, Иван чаревич, так уплакалсе и о чём задумалсе?

Он говорит:

— Да как же мне не думать, коль я шол путём-дорогою домой, а топерь я не знаю, куда мне итти; холодной, голодный, истомилсе совсем. Раньше я шол, у меня был ящычок, когда я ключа́ нюхал, всё было хорошо, а потом, когда я открыл ёго, он не стал дествовать. И дошол до того, што стал холо́дной, голо́дной и со́нной.

— Дак вот, Иван чаревич, жалаеш, я тебе вёрну обратно, токо отдай мне, што у тебя дома незна́ёмо есть. И всё ты вернёш обратно, што у тебя в яшыцьке было́, токо не открывай, пока не дойдёш до́ дому, как тебе говорил орёл-чаревич, так и не открывай. Ну дак вот, как думаеш, отдаш или нет?

Он подумал:

— Семьи у меня нет никого, жона одна осталась, скот известен, как я спору́шил ёго много и даже покупал, чарьство известно, а больше нет ничего такого. И если мне здесь помирать, то не лучче ли так сделать.

Ну он тогда сказал:

— Ну, што же, если ты токо можеш вёрнуть всё — согласён.

— Ну хорошо, давай делать с тобой запись, до́говор, штобы ты мне отдал черезь три года, а даёш раньше и то возьму.

А это был сам волшебной король. И вот уж он совсем приготовил запись и принёс ёму:

— Ну, вот, топерь роспишись. И дай мне ящык и ключик, я тебе приготовлю, а ты сиди на этом мести.

Вот, конешно, он отдаёт ему ящычёк и ключик и сел. И он ушол. Немножко погодя, вдруг приходит. Вот и говорит ёму:

— Ну, на́, Иван чаревич, ящычок, и топерь понюхай ключя, коли ты уста́лой, голодной, печальной и сонно́й. Вот понюхай ключа́ и тогда узнаеш, што будёт.

И он берёт ящычок в руки, и понюхал ключа́, и сделалсе сыто́й, весёлой, без устали. И перед ним стоит широкая дорога. Он распростилсе с ним и пошол вперёд.

— Ну смотри не открывай ёго, пока не придёш на большое полё, которое ты хотел розделывать.

И так чаревич пошол вперёд. И вот он немного подошол, пошли знакомые луга, лес. И подумал:

— Ну наверно чарьство моё близко.

И как раз издалёка увидел своё государьство. И приходит на это место, где он хотел розделывать новую пожню. Взял, скрыл этот ящычок и смотрит из этого ящычка столько вылезло силы, што это полё всё было заставлёно людьми. И начáли корчевать, боронить, сеять и всё на свете. А чаревич пошол в своё чарьство.

Когда он приходит в своё чарьство, то выходит жона встречать его и несёт мальчика, уже был годовóй. Он так и ахнул, ну ничего не сказал. Она обрадела, што он вернулсе, уж не видала около двух лет. И зашли оне в чарские палаты. Он и думает:

— Уж, наверно, никого больше посулил, как своéго сына.

Но жоны своей он, конешно, ничего не сказал. Вот он с той поры стал дома жить и всё стал грустить, што у него единственной был сын, еще из детей никого не было. И вот жона его и стала спрашивать:

— Што ты, Иван чаревич, ходил, ходил топерича и пришол грустной, рази орёл не уплатил тебе убытков?

— Нет, прекрасная моя жона, орёл дал мне денёг и силу, у меня топерь есть кошелёк-самотряс, так што богатьство это никогда не уничтожитце.

— Ну, дак в чем ты недоволён, Иван чаревич, муж мой, скажи мне правду?

— Да, жона, делать нéчего, хотя и жаль, а приходитце сказать. Когда пошол я от орла-чаревича, он мне дал ящычок; набито было силой, и я шол до чего весёлой, сытóй; дорóга, понимаеш, стояла широкая, но я вздумал ёго открыть. Когда я ёго открыл, тогда я оказалсе соннóй, голодной, холодной, и путь моя стала такая тёмная, зашол в такую глуш, што уж дальше было нéкуда. И стал я плакать, думал: „ну пришла моя смерть“. Тогда пришол вобщем какой-то цёловек и сказал: „Ну вот, Иван чаревиць, отдаш незнаёмо дома, я тебе

9*

вёрну“, — и мне пришлось это отдать, штобы добратьце до своёго государства. Когда я пришол, смотрю ты несёш мне сына, вот с того я и задумалсе.

— Ну, што же делать, когда ты был при гибели, то уж не при разуми, мы еще молóдые, может у нас и будут дети.

Конешно, она заплакала сильно, но уж делать было нечего. Ну, этот мальчик у них стал рости не по дням, а по часам. Уже стал играть с робятами и сделал стрéлоцьку, стал стрелять из лýка или самострела. Когда он сделал эту стрéлоцьку, то раз вы́стрелил и попал в окно одной баушки. Она вышла и говорит:

— Иш ты какой, Иван чаревич, у меня окна стал биты! Но погоди, отець тебя посулил одному волшебному королю, недолго тебе здесь бить стёкла, осталсе один год. Он прилетит сюда сам и возьмёт тебя.

Парень, конешно, задумалсе и пошол к отцю-матери со слезамы. Мать ёго и спрашивает:

— Ну, што, ты, сынóк, обиделсе, хто тебя обидел?

— Как же мне не плакать, мама, баушка сказала, што недолго тебе здесь окна бить, отець посулил тебя одному волшебному королю, скоро придёт за тобой и возьмёт. Как же мне не плакать?

Вдруг приходит отець, спрашивает:

— Ну што ж ты, Иван чаревиц, сёгодне уплакавши, печальной?

— Да как же, папа, не печалитьце, коли ты посулил меня какому-то волшебному королю. Говори правду, посулил ты меня или нет?

— А што ты баушке рази сделал плохое, што она так высказалась на тебя?

— Да што, я ничего не зделал, выстрелил стрелоцьку и розбил окно.

— Не надо, Ванюша, так делать, она это со злá и пригрозила тебе, а так што она знает!

Он, конешно, убедилсе и всё забыл, потому што был малый, только начиналсе третий год. И он это всё забыл, церезь неделю опеть же выстрелил баушке второй раз в окно. Баушка выходит на крыльцё и говорит:

— Ну, Иван чаревиць, ты последние полгода здесь живёш, уж коли ты так цясто нацял у меня окна бить, скоро прилетит волшебной король и возьмёт тебя.

Парень сильнё задумалсе:

— Уж наверно баушка не врёт, знацит есть какое-то дело.

И вот приходит к отцю и говорит:

— Ну, отець, топерь уж я верно знаю, што ты меня посулил. Скажи правду, и я пойду к баушке, повинюсь, заплачу деньги, за то што я окно у ней розбил.

Отець и говорит:

— Ну, сынок, коли так, уж я тебе скажу, я тебя посулил.

— Ну, отець, коли так, што делать, придётце итти. Дай мне денёг, я схожу к баушке, уплачу; верно судьба моя такая.

Отець, конешно, даёт ёму денёг.

— На, поди уплати баушке, и спроси у ней, как тебе будет итти удобней.

— Ну ладно.

Так он пошол к этой баушке. Приходит к баушке и говорит:

— Ну, баушка, прости меня, што может я провинился, розбил у тебя окно. И скажи мне правду, што батюшка посулил меня или нет, — спрашивает он у ней.

То баушка и говорит:

— Да, Иван чаревич, малый ты, а тебе надо раньше итти, как король придёт за тобой. А уж я тебя научу, как тебе попадать. И трудно тебе будет, да уж всё ровно, токо иди раньше, пока он сам не придёт.

И баушка приносит ёму воды в чашке и говорит:

— Ну, сынок, выпей эту чашецьку, а потом почувствуёш сам себя, какой ты будёш.

Когда он выпил эту воду то сделалсе в полтора раза больше, как он был. И таким сделалсе красавцём, бравым парнём, как будто взрослой человек.

— Мне жалко, Иванушко, тебя, да уж делать нецёго, тут ницёго не измениш, придёцце итти. Я за то тебе и дала, штобы навести красоту, и ты бы понравилсе прекрасной девици,

королевны Елены. Да, и вот топерь когда ты пойдёш из своёго чарьства отсюда и поведёт тебя дорожка. Иди до ти́х пор, пока не приведёт тебя к озёрку. Когда ты придёш к озёрку, заройсе в песочек и лёжи. Прилетит двенадцеть лебедей, обёрнутце прекрасныма девушками, скинут пла́тья и начнут купатьце. Когда станут купатьце, смотри, котора меньше всех, та будет краси́ве всех. И вот старайсе у ней платьицё убрать. И прислонись так, штобы она тебя не заметила. Вот сестрици улетят она одна останетьце. И будет у тебя просить платьицё. И вот ты до ти́х пор не открывайсе, пока она не скажет, што „быть ты моим сужоным". Она всех хитрее и знает всё волшебство, так што перехи́трит своёго батюшка и ты будеш щастлив, если достанеш, это платьё. И вот топерича, сыно́к, иди домой, вели матери напекчи́ подорожничков, пока у тебя есть еще слободных три месеця. Как придёш перьвой, то он тебя не сразу сьест, а как прилетит за тобой, то кряду сгло́нет.

Он приходит домой и говорит матери, отцю:

— Ну, мама, пеките мне подорожничков, а я уж всё ровно пойду, может дорогой могу найти себе щастьё.

Мать насилу роспозна́ла ёго, што он такой был высо́кой, стройной, красив. Токо уж роспознали ёго по го́лосу, и сильно заплакали, но уж делать было нецёго. И мать в эту же ноць приказала служанкам напець суха́риков, приготовила ёму всё с собой, штобы к утру́ всё было́ готово. Ну, утром всё было сделано. И вот утром он со сна ставает и говорит отцю-матери:

— Ну, топерича, если всё готово, то я иду.

Отець с матерью заплакали, стали его снаряжать в путь-дорогу.

Вот он справилсе, роспростилсе с отцём-матерью, и ушол наш Иванушко. Вот он вышел из города и пошол по широкой дороги. Идёт себе, никакой нужды, печали не видит, и дорога ему шла весёлая. И вот он скоро времё приходит к озёрку. Озёрко красиво, пески кругом. Он взял, вырыл себе ямоцьку, и притаилсе, немного по́дождал и смотрит, летит двенадцеть лебеде́й. И он стал очень зорко смотреть, што бу́дут делать. Оне ударились в пески́, обернулись девушками, поснял платьицё своё и давай купатьце. А Иван очень зорко смотрел

за самой красивой девушкой. Когда он высмотрел эту девушку, сицяс пополз к этому платью, унёс его к себе, зарыл в ямку и лёжит; смотрит, што будет дальше. Вот сестрици все покупались, покупались, выскоцили на гору, и она выскоцила. Сёстры оделись, обернулись лебедями и улетели. А у неё платья нет. Она зашла обратно в воду, стоит и плачет. Потом, наконець, заговорила:

— Слушайте, хто взял у меня платьё, то пусь отдаст мне его. Если старой старицёк, то пусть мне дедушкой будет, если стара старушка, то пусть мне бабушкой, а если в средних летах, то пусть мне братцём, токо отдайте платьицё. Ну уж если молодой молодець, да по ндраву будёт, то замуж пойду, пусть моим сужоным будет.

Тогда выходит Иван черевич и говорит:

— Ну, прекрасная королевна, я твоё платьицё украл, пойдёш за меня замуж, то отдам.

— Ну, Иван царевич, коли угадал, то щасьлив будеш. Оставь платьицё на песку, а сам отойди, я к тебе прилечу, не бойсе, не оммант, я знаю, куда ты идёш.

Он на песочек платьицё положил, сам притаилсе, она выстала, оделась и пришла к нёму. И говорит:

— Ну, Иван царевич, ты обещанной отцём моёму батюшку, знаю, што ты к нёму попадаеш. Ну уж я тебе буду помогать за всё и ты придёш к нему топерича до той поры, как он полетит и он обрадуетце за это, што ты раньше пришол. Да, а топерь я полечу домой, а ты придёш за трои сутки до строку, за три году. И он даёт тебе три дня без роботы, поживёшь так, а уж там видно будет, какая работа, и я прилечу к тебе тогда.

И вот оне тогда стали прощатьце, конешно, друг друга поцёловали, она улетела, а он пошол себе путём-дорогой вперёд. И вот он шол опеть близко ли далёко, низко ли высоко, уж у него не стало хлеба, идёт он сутки голодной, а дорога всё продолжаетце вперёд. Ну дорога, конешно, стоит хороша. И вдруг он увидал чёлое чарьство, стоит такой дворець золотой, дак прямо украшеньё, и подходит он к нему. Когда он токо подходит к дворцю, то выходит сам король.

— Вот молодець чарь, што раньше прислал тебя, сынок, за трои сутки, спасибо большоё отцю твоёму. Ну ладно, Ванюша, топерь иди трои сутки отдыхай, вот я тебе квартеру дам особую, а церезь трои сутки я тебе роботу даю небольшую.

И вот он отдыхает; пьёт, ест трои сутки и споминает.

— Нет у меня прекрасной Елены королевны, не летит ко мне!

И так прошло три дня, на четвёртые сутки на ўтро походит к королю. Когда он пришол к нему:

— Здраствуйте, королесьское велицество.

— Ну, молодець, Ванюша, што пришол рано. Вот я тебе даю роботку, штобы она была исполнена к завтрему ўтру.

— Ну, што же, батюшко, какая робота будет?

— Да вот, Иван чаревич, небольшая роботка, маленькая. Вот отстроить такой же дворець, как у меня. Если не построиш завтро к девети цясам утра, то твоя голова с плець.

Он и говорит:

— Што вы, ваше велицество, где же мне построить, я еще молóдой, ничёго у меня в руках не былó.

— Ну, не розговаривать, ты знаеш королеськоё повеленьё, а то голова с плець!

Иван чаревиць сильнё заплакал, пошол к себе в избу, идёт и пути-дороги не видит. И вот пришол и чéлой день плачет до вечера, стало уже тёмно. Вдруг прилетает пчела в окно, и обернулась Еленой Прекрасной.

— Што, Иван чаревич, плачеш?

— Да как же мне не плакать, прекрасная чаревна, вот батюшко дал роботу, построить дворець такой, как у нёго, вот беда! Да у меня и топор ни разу в руках нé был!

— Эх, Иван чаревиць! Это не служба, Иван чаревиць, а службиця, а служба вся впереди. Не печалуйсе, вот топерь поеш, да повались со мной спать, а утро мудренее вечера.

Иван чаревич, конешно, обрадел, попил, поел и заснул так крепко, што и не слышит, што творитце. Она в пóлноць выходит на крыльцё и говорит:

— Ну-ко, дядьки, няньки, старые служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите — Елены

королевны. Копорульники, байники, подбайники, лопатники, все выходите ко мне на роботу. И сроботайте такой же дворець, как у батюшка и даже лучче, и штобы был к утру, к шести часам готовой!

И их налетело, што чорного ворона. Поклонились и побежали по своим местам. А она пошла и повалилась спать с Иваном чаревичем. Поспала до трёх цясов и говорит:

— Ну, Иван чаревич, ставай, не спать пришол, а батюшкину роботу роботать. Ставай, умывайсе.

Иван чаревич, конешно, соскоцил со сна. Она и говорит:

— Ну, выходи топерь, посмотри, што творитце, и проводи времё до девети цясов, а там сдавай роботу.

Вышла она с ним на крыльцё и скрылась, а он смотрит: стоит дворець почти готовой и столько людей, как чорного ворона. И вот токо стало россветатьце, к шести цясам, никого людей не осталось, стоял дворець совершенно готовой, токо Иван один осталсе, поколацивал молотоцьком, што попало, но делать было нецёго. И вот он так провёл времё до девети цясов утра и приходит к королю.

— Ну, ваше королеськое велицество, дворець готовой, можеш принять.

Он посмотрел в окно.

— Молодець, Ванюша, топерь иди, сутки отдыхай, церезь сутки придёш ко мне.

И вот он пришол домой, поел, повалилсе спать. Переспал он до вецера, стал, уж было серо. Спать ёму не охота, итти некуда и думает:

— Што ж это Елецька не летит, хоть бы я с ней поговорил до завтрешнего утра до девети цясов.

Вдруг не в долгом времени прилетает пчела на окно, пролезла в дыроцьку и обратилась Еленой королевной и говорит:

— Ну што, Иван чаревич, сроботал дворець?

— Да, сроботал, Елена королевна, хто-то, ну только не я.

— Да, у нашего батюшка хватит роботы, не сроботать будет инаце, как бежать токо. Ну еще скоро не побежу.

— Не знай завтро батюшко какую роботу даёт.

— Завтро известная робота. Даёт тебе сроботать корабь из головёшки, што у нёго под окном лежит уже тридцеть лет.

— Што ты, Елена королевна, люди из дерёва роботают, как тут из головёшки сроботаеш?

— Из дерёва! Вот тут-то и надо сроботать! Ну, ладно, Иван чаревич, сецяс поужинаем, повалимсе спать, а утро вечера мудренее.

И так она переспала с ним часов до четырёх и улетела.

— А я завтро вечером прилечу опеть, — токо сказала.

Вот она улетела, а он пошол к девети цясам к королю.

— Ну, ваше королеськое велицество, кака же топерь будет робота?

— Небольшая, Иван чаревич, роботка-то.

— Да всегда у вас небольшая, смотрите какую роботу задали!

— Ну как ту быстро сроботал, так и эту сроботаеш. Вот, Иван чаревиць, роботка какая. Вот у меня тут под окошком лежит головёшка, вот сроботай мне завтро корабь, штобы паруса были шолковы, мацьты серебряны, корабь золотой. И штоб летал по воздуху и ходил по воды. Если не сроботаеш, голова с плець долой.

— Да как же, ваше велицество, из головни корабь роботать?

— Ну, не розговаривай, а приказано, дак делай!

И так Иванушко пошол домой. Приходит домой и так сильнё задумалсе, што уж прямо до слёз, сам думает:

— Ну уж если поможет мне Елена Прекрасная, то хорошо будет, а уж не поможет, то мне смерть.

И вдруг токо вечерятьце стало, подтемнилось, прилетает пчела к окну.

— Ну што, Иван чаревич, какую службу батюшко дал?

— Да, уж служба у твоёго батюшка!

— Што, не нравитце? Это еще не служба, а службиця, а служба вся впереди будет. Ладно, не печалуйсе, поеш, попей, да ложись спать, всё будет сделано.

И потом оне, конешно, попили чаёк, повалились спать. Когда она проспала до трёх часов, будит ёго:

— Ну, Иван царевиць, ставай, не спать пришол, отцю-батюшку роботу робо́тать, ставай.

Вот она розбудила ёго, он стал со сна, она ёму даёт плётоцьку:

— Вот, Иван царевиць, бери плётоцьку, иди к батюшки под окно, ударь этой плётоцькой головню три раза́ крест-на́-крест. Эта головня закатаетце и улетит на воздух. А ты дожидай до шести цясов утра. А к шести цясам прилетит корабь золотой и выставай на нёго, поколацивай молотоцьком и проводи време до девети цясов утра. А в деветь цясов приходи к батюшку, сдавай роботу.

И вот она тут же кря́ду скрылась, улетела, а он пошол к батюшкиным окнам. Приходит. Эту головёшку ударил три раза́ крест-на́-крест, она заката́лась, поднялась на воздух, а он стал ждать. Как токо шесть часов сполнилось, смотрит летит золотой корабь. Прилетает, стал против нёго, он заходит на нёго, стал молоточком поколачивать, а уж он был совсем гото́вой. И вот провёл време до деветь часов и идёт к королю:

— Ну, ваше королеськоё величество, не знаю годитьце или нет, а корабь готов, принимайте роботу.

— Ну, молодець, Иванушко, иди топерь сутки отдыхай, а потом я даю тебе третью роботку. Если тре́тью роботку справиш, то я тебя женю на своей дочери.

Он уж стал догадыватьце, што помогает дочь, токо не знает какая.

И вот он пришол, конешно, домой; день проводил до вецера, вецером нет Елены королевны.

— Што за беда, если не прилетит на вторую ноць, то не знаю, што и будёт.

Вот он на второй день вечером запечалилсе, што не летит. Вдруг летит пчела.

— Што ты, Елена королевна, совсем меня забыла?

— Нет, Иван царевиць, нельзя мне вчера было. Нужно узнать до́полна, какая у батюшка робота будёт. Вот сёгодне утром он даёт тебе роботу. Ну, эта робота ёму небольшая будет, а тебе покажетьце большая. Это последняя робота — он тогда узнает, хто из нас из се́стёр помогает.

Вот на утро он пошол к королю.

— Ну, батюшко, я пришол, какая робота будет?

— Да, Иван царевиць, еще сроботай эту роботу, а уж потом я женю тебя на своей дочери. Вот в эту ноць к девети цясам утра, к завтрошнёму дню выруби лес, выкорчуй, вы́жги и вы́паши хлеб, и штобы этот хлеб вырос и сними ёго и штобы успел к утру напекчи́ мне блины.

Тогда Иван царевич ничего ему больше не сказал. Вот он пришол и думает:

— Как же тут можно будёт, в одне сутки вырубить лес, выкорчовать, вы́жгать, посеять, убрать и штобы ёму к у́тру блины были. Не знай! Уж вот придёт Елена королевна, што скажет.

И вот так цясов в семь-восемь летит пчела.

— Ну, пришла, моя прекрасна Елена королевна?

— Да, пришла. Ну, што, какую роботу батюшко дал?

— Да уж известно, у твоего батюшка робота лёхкая, токо трудно сделать!

— Ну, это не служба, а службиця, служба вся впереди будет.

— Вот, думат, беда-то!

— Ланно, попей, поеш, ложись спать, утро мудренее вечера.

И вот оне так легли спать. Она в по́лноць встала, выскоцила на крыльцё:

— Ну, дядьки, няньки, верные служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите, Елены королевны. Копорульники, байники, подбайники, лопатники, выходите все.

И вот прилетело как чорного во́рона, стали все и спрашивают:

— Ну, што, Елена королевна, прикажеш делать?

— И в эту ночь штобы к девети часам утра непросветимой лес вы́рубить, вы́корчовать, вы́жгать, вы́пахать, посеять хлеб и обмолотить, и к девети часам штобы были блины готовы батюшку к завтроку.

Те поклонились, побежали.

— Трудно, Елена королевна, но сделаем.

Она прилёгла́, часик полежала и говорит:

— Ну, Иван чаревич, не спать пришол, не лежать пришол, отцю-батюшку роботу роботáть, ставай скорее.

И сказала куда ёму итти.

— Ну, иди скорее, тебе токо с торелкой стоять, да блины подбирать, да батюшку нести к девети цясам.

И вот она сама скрылась, он пошол к лесáм. Токо пришол к лесам, смотрит бежит девушка, точно Елечка, ну он не мог узнать, она ему ничего не сказала и пошол дальше. Приходит к лесáм, уж всё почти што готово, всё посеяно и колос вырос. И только стало чуть россветатьце, то уж стали снимать, молотить, росклали костёр и стали блины печь. Он стоит, токо подбирает. К шести часам всё было готово, блины напечёны, и никого не стало. И вот он провёл до деветь часов, идёт с торелкой.

— Вот, ваше королесьскоё величество, я тебе блинки несу свéженьки.

— Молодець, Иван чаревич, вот так молодець, эту службу сделал, топерь иди домой, завтро приходи, выбери меньшýю всех дочь Елену королевну, я отдам тебе замуж ей и женю тебя.

Он пошол, обрадел, думат:

— Вот топерь хорóшо дело!

Уж топерь он достоверно узнал, што она помогает.

Да, вот так провожает этот день весь, весёлой такой и вдруг на вецерý прилетает Елена королевна пцёлкой, обернулась и говорит:

— Ну, што, Иван чаревич, што тебе батюшко посули́л?

Он ласкает, челует и говорит:

— Ну, батюшко посулил, штобы завтро мне выбрать тебя, Елену королевну, вот и заживём.

— Да, Иван чаревич, у него мысль вторая. И так думаш выбрать лехко? Батюшко топерь достоверно знает, вот он и сказал: выбери топерь Елену королевну. Вот и живите. А вот выбереш ли ты её?

— Ну, как, Елена королевна, я тебя разве не узнаю между сёстрами?

— Вот именно, што ты меня не узнаеш. Мы будем не девицями стоять, а кобылицями, и вот выбери; — все будем одинаковы. Одна будет сбруя, один рост, один волос, можно сказать, один голос, и все будем одинаковы. И он тебе даёт пять минут. „Скорей, скорей, а то отсеку голову“,

И он говорит ей:

— Ну, уж у твоего батюшка затея есть!

— Вот то-то, што есть! А я тебе сецяс до утра ницёго не скажу, а то он передумает.

И вот оне, конешно, чаёк попили, повалились спать. Часа в три она вставает, будит Ивана чаревича:

— Ставай, Иван чаревич, послушай, што я скажу, мне надо итти, а ты придёшь в девяеть цясов. И вот слушай. Топерича он, когда ты придёш, он выведет двенадцеть кобылиць вороных. И пройди не боле, как два раза и смотри всем в глаза, я буду скорее всего в пятом ряду стоять или в шестом, седьмом. У меня будет одна волосинка на лице чуть-чуть подлиннее. Смотри зорчée, а так тебе не узнать. И топерь мне некогда, а ты утром не проспи, он начнёт нас с пети часов штурмовать.

Вот он провёл часов до восьми, в девятом часу пошол. Пришол.

— Ну вот, Иван чаревич, топерь иди выбирай Елену королевну, тогда я отдам замуж, а уж не выберёш — твоя голова с плеч.

Вывёл он двенадцеть кобыл и выставил всех в ряд и даёт пять минут строку.

— Угадаш — твоя будёт, не угадаш — сечас же отрублю голову.

Вот раз он прошол, ничёго не заметил; скорей, скорей, идёт второй раз: пятой, шестой, у седьмой кобылы на щеках чуть волос подлиннее. Он говорит:

— Ну ваше кореleськоё велицество, вот эта пусть будет Елена Прекрасная.

— Ну, молодець, Иван царевиць, угадал, вот приходи назавтро, я тебе покажу их снова в другом порядке.

Так Иван чаревич пошол домой. Приходит он домой, провожает времё до вечера, вечером она опеть прилетаёт к нёму.

— Ну, Иван царевич, ище тебе сёгодне нужно будет угадать. Топерь попьём чай, повалимсе спать, а я тебе скажу утром.

Сичас она сидит, выдумыват, как бы ёму удобнее сделать, и вот так оне легли спать. Утром вставает и будит ёго:

— Ну, Иван царевич, ставай скорей, батюшко сецяс нас будет приготовлять и выведёт нас двенадцеть свиней, и все будем стоять, как одна голова. А всё это выдумыват у нёго Кривой-Глаз, — Зла-Голова-Омелька. Я буду стоять четвёртой с краю, я тебе сделаю отметку, штобы ты точно узнал. Все будем белые, но смотри; у одной свиньи будёт чуть-чуть красненько пятнышко в ухе, это я буду. Ну, с перьвого разу не берись, а то он сразу поймёт, а берись токо на второй раз.

Тогда она улетела, конешно. Иван царевич до восьми пролежал, в деветь походит.

— Ну, што, Иван царевич, пришол? Пойдём, выбери себе Елену Прекрасную, а уж потом можеш взять ей замуж.

И вот привёл двенадцеть свиней, — все белые.

— Ну, скорей, скорей, топерь выбирай!

Он раз прошол, заметил, но плоховато, а тот:

— Скорей, скорей, — торопит.

Второй раз прошол, она уж в седьмом ряду, иш, быстро как перевернул! Второй раз пошол, заметил пятнышко и говорит:

— Ну, вот, ваше королеськоё величество, пускай уж эта седьмая будет Елена королевна.

— Ну, молодець, Иван царевич, вот завтро приходи, выбери, а потом и к венцю. Мойтесь в баины, а я в это времё сделаю черьковь, пива наварю, вина накурю и пир приготовлю, повенчаю, и живите.

Он обрадел, конешно, и приходит домой.

Вечером прилетает опеть Елена королевна. Прилетела и спрашивает:

— Ну, што, Иван царевич, батюшко тебе посулил?

— Да, Елена королевна, топерь-то уж посулил повенчать.

— Да, мяхко стелёт, да жёстко спать! Баина-то будет нам со слезами пополам обоим.

Вот она поспала опеть до трёх часов и говорит:

— Ну, Иван чаревич, ставай, я тебе обскажу. Уж топерь все мы будем девицями, одинаковы будем стоять, платьё будет одно, и не узнаеш ты нас по личу. Выдумал это Кривой-Глаз, — Зла-Голова-Омелька. Это самой хитрой у него есть волшебник. Я знаю, в каком месте буду стоять, а смотри в личо кажной. У меня будет летать чуть-чуть мушинка под правым глазом. И смотри зорчее в глаза, а то и не узнаеш.

Сама улетела, а он осталсе. И вот он в девятом часу походит опеть.

— Ну, вот, Иван чаревиць, идём топерь, я тебе покажу в настоящем подвенечном платье. Выберёш и иди, мойсе в баины.

Вот привёл двенадцеть девиць: — один рост, одна одёжа, все как одна, ну не подкопаиссе, а он тут с мечом ходит.

— Скорей, скорей.

Вот раз прошол, ничего не заметил, не мог определить, на каком месте она стоит. Потом второй раз пошол и высмотрел, што какая-то мушечка чуть-чуть летает, и говорит:

— Ну, ваше королеськоё величество, вот эга Елена королевна.

— Ну, молодець, иди с ней мойся в баину, а после на бал приходи, всё будет готово.

И он взял ей за руку, пошли оне домой. Вот оне пришли, он и говорит:

— Ну, што, Елена королевна, в байну пойдём?

— Нет, Иван чаревич, нам надо бежать, пока батюшко не пришол.

Сецяс же берёт лошадь со двора, открывает дверь, три слинки плюнула и говорит слинкам:

— Отвечайте за меня, а я топерь поеду.

И вот она села с Иван чаревичем и поехала. Не прошло полчаса, прилетает сам.

— Ну, скоро ли?

— Только в байну походим, — отвецяет слинка.

Потом он ушол. Ушол, не прошло опеть минут десеть, опеть-же бежит снова:

— Ну, скоро ли, уж черьков готова, вино накурено.

— Роздеваемся, мытьце заводим, — отвечает вторая слинка. Ушол опеть. Опеть бежит:

— Ну, скоро-ли, совсем бал наготове, гости ждут, идите скорее.

— Одеваемся, идём сецяс, — отвецяет слинка.

Он пошол. Приходит последний раз, рванул двери-то, так и вылетели стойки, — никого нет. Слинки засмеялись, и исчезли.

— А, дура, убежала, ну ладно, не уйдёт она от меня!

Вот сицяс снаряжает погоню. Отправил в погоню, а они уже далёко проехали. Она и говорит ёму:

— Ну, Иван чаревич, глянь-ко вперёд, погляди назад, што над нами, што под нами, што впереди, што позади.

— Елена королевна, под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, а позади туча высока.

— Это от батюшка послы за нами летят.

Она сейчас обернулась часовней, а его старым-престарым старцём. Вдруг оне и налетели. Налетели, наверно, думают, в эту часовню заехали. И спрашивают:

— Ну-ко, скажи, дедушко, хто сечас этта проежжал?

Он отвечает им:

— Тридцеть лет, как проежжих нет, а сорок лет, как в стороны живу, никогда не видал.

И вот слуги посмотрели, посмотрели и назад обернулись к королю, и говорят:

— Ну, мы никого не видали, видали только часовню и старого старця.

— Да это оне и были, подьте, захватите скорее и везите сюда.

А оне уж в ту пору далеко были. Вот слуги опеть погнались за ними вслед. Вот она и говорит:

— Ну, Иван чаревиць, погляди опеть, што над нами, што под нами, што впереди, што позади?

— Елена королевна, под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, позади туча высока.

— Ну, это от батюшка послы летят опеть.

— Ну, куда мы топерь?

— Погоди, сечас.

Она сечас обернула коня навозной кучей, себя голубицей, а ёго голубём, и стали на навозной кучи. Послы приехали, посмотрели, посмотрели, никого не видят, токо навозна куця, да голубь с голубицей, посмотрели, посмотрели и назад поехали. И вот когда приехали, он спрашивает:

— Ну, кого видели?

— Никого не видали, видáли токо навозну куцю, да голубя с голубицей.

— Да это они же и были! Ну, вам их не поимáть, сам полечу.

Вот оне подьехали недалёко, и говорит Ивану чаревичу:

— Ну, Иван чаревич, посмотри, што над нами, што под нами, што позади, што впереди?

— Под нами земля, над нами небо, впереди дорога широкá, позади такая туча высóка, да тёмна, што искры скачут.

— Это батюшко сам летит.

— Ну топерь, Елена королевна, куда?

— Погоди.

Приежжают к озёрку, сичас обернула его кольцем, а себя ёршом и проглотила, а сама ёршом в óзёро нырнýла. И он прилетел к этому озёру, кряду же щукой в озеро мотнул тоже. Вот розыскал и начáл гонять ей:

— Ну, ёрш щетиник-ябедник, повернись головой!

— Нет, щука харчиста, еш ёрша с хвоста!

Ну, как шщука не гоняла, не могла поймать ёрша. Выскоцила на бéрёг, обернулась королём, нацяла воду пить.

— Всё ровно пролетиш у меня с водой, никуда не денисьсе!

Вот пил, пил, до чего выпил, што óзёро сухоё стало, токо осталась одна ляшка и ёрш все еще там карабкаетцё. И пошол туда, штобы ей схватить. В это времё она обернулась уткой и полетела. Он не выпустил воду, полетел за ней, задел за скалу, да и лопнул.

— Ну, Иван чаревич, топерь мы свободны, король лопнул.

Вот обернула ёго опеть Иваном чаревичем, а себя Еленой Прекрасной, сели на лошадь и поехали домой. Когда приехали

оне к этому полю, которо у батюшка было сделано, из этого ящичка выпущено, стоит со пшоницей, она ёму и говорит:

— Ну, слушай, Иван чаревич, топерь я останусь у этого поля белым камешкóм лежать, а ты пойди в чарьство своё. Когда придёш в чарьство, обрадуетце отець-мать и ты начнёш здороватьце с отцём-матерью, потом здоровайсе со сёстрами, после тебя родилось три сестры и здоровайсе со всеми, не забыть старшой сестры: если с ней не поздороваиссе, то забудеш меня на-вéки и жениссе на другой. Потом благословись у отця-матери, што хто у меня оставлен в чистом поли, потом приежжай за мной.

И вот он пошол домой. Дома все обрадели, радости, звóну, пальбы! Пришол и стал здороватьце с отцём, с матерью, с сёстрами и в радостя́х как раз забыл поздороватьце со старшой сестрой. Он и забыл ей совсем. Отець-мать говорят:

— Ну, Иванушко, топерь тебе надо жонитьце, мы соберём пир, выбирай себе невесту и так далее.

— Ну, што-же, батюшко, надо будет.

А про Елену королевну и не вспоминает.

Конешно, отець собирает пир и начáли ёму невесту выбирать. Выбрали, конешно, невесту, какого-то короля дочку, и пошла у них свадьба.

А уж после свадьбы батюшко говорит:

— Бери престол, становись на престол, а я стал стар.

Вот уж оне пошли к венцю, стали венцятьце, вдруг прилетел голубь на окно, сначяла запел, потом заговорил:

— Иван чаревиць, кого ты забыл в чистóм полú, хто тебя вывел от волшебного короля?

Но он этого ницёго не слышит, забыл совсем. Так голубь проговорил три раза и улетел. Вот оне приходят от венця, а там постряпухи стряпуют, приготовляют для пúру. А она тоже пришла им помогать и приготовила пирог. Когда пришли молодыe, то этот пирог принесли на стол и поставили против молодых. Молодой, конецьно, открывает этот пирог. Открыл этот пирог, из пирога выбежал голубь с голубúцей, бежит сзади по столу. Голубь бежит впереди, голубиця сзади и кричит:

— Стой, стой, Иван чаревич, ты не помниш, кого ты оставил в чистом пóли, как я тебя вывела от волшебного короля, а топерь стал забывать.

И он как токо это услыхал, кряду залилсе слезами и говорит отцю-матери:

— Ну, это мне не невеста, котóра рядом сидит, а невеста моя осталась в чистом пóли, токо я ей забыл, наверно, не поздоровалсе со старшой сестрой.

И так он отказалсе совершенно от этой невесты, хотя был повенченой. И кряду же вышел из-за стола и говорит:

— Ну, батюшко, благослови меня, я поеду за невестой.

Невесты этой, конешно, было конфузно и гостям, но делать было нечего.

Вот приходит он в чисто полё, где она лежала. Он говорит:

— Стань, Елена королевна.

Она ничёго ему не говорит. Он второй раз припал к ней.

— Стань, Елена королевна.

Она ничёго не говорит. Он и третий раз:

— Стань, Елена королевна, ведь я сходил к батюшку, благословилсе, батюшко велел привести, и так далее, согласились все.

Она ёму и говорит:

— Да, Иван чаревич, рано ты меня забыл, кабы не я, не попасть бы тебе сюда. А топерь ты благословилсе, да поздно. Жонилсе и живи топерь, как знаеш.

И он коли это услыхал, што она сказала, залилсе слезами, упал на этот камешóк и говорит:

— Стань, Елена королевна, не попомни зла.

— Ну, навеки меня забыл, — отвечает, — всё ровно мне не жить и тебе не жить будет.

Потом он ей опеть говорит:

— Слушай, Елена королевна, на то ли мы бежали, штобы нам умирать. И ты дала согласьё, выручáла меня, штобы нам не жить.

Ничего, она ёго держит!

— Ну, уж коли так, Иван чаревич, стал просить, то иди обратно к отцю-матери, привези их сюда, пусть оне благо-

словят при мне, а я здесь подожду. И захвати се́стёр своих всех.

Он с радостью скоцйл, побежал в чарьство своё. Вот он приходит в чарьство, пал в ноги отцю-матери и говорит:

— Ну, батюшко, матушка, поедём за невестой моей, ина́це она не хоцёт ехать и сёстры все, поедем за ней. А если не поедете, то меня здесь в чарстве не увида́ете.

Отець-мать, конешно, обрадовались, да и испугались, как он такое слово сказал, што меня не увидите в чарстве. Сечас приказал средитьце матери и дочерям. Сели на лошадей и поехали. Как только приехали, отець спросил:

— Ну, где твоя невеста?

— А вот лежит белый камешо́к.

Он кряду соскоцил с лошади и говорит:

— Ну, стань, Елена королевна, топерь приехали батюшко с матушкой, со сёстрами.

И вдруг этот камешо́к закаталсе, выскоцила такая красавиця, еще в два раза краше стала, подошла к нему, и стали просить у отця с матерью прощенья. Отец-мать обрадели, и сёстры. Благословили их и поехали во дворець. Приехали во дворець, и сделали такой пир, што еще никто такого пиру не видал с начала ми́ра. После этого чаревич россказал всё: как он путешествовал двадцеть лет и как уежжали оне от волшебного короля, и все гости и матерь слушали и плакали над егонной жизнью.

А потом Иван чаревич получил престол и стал жить со своей Еленой королевной, век проводить до глубокой старости.

Вот и сказка вся, больше врать нельзя.

7. ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Вот не́ в котором чарстве, не́ в котором государстве был жил чарь. У царя было три сына. Старшой Василий, средний Фёдор, а уж меньшо́й, как всегда россказываетце, был Иван. (Без Ивана сказка редко уж живёт). Вот когда эти сыновья уже стали на возрасте, так сецяс царь собирает всех трёх и обьевляет такую вещь:

— Вот, сынки, мои любимые, вы сецяс знаете, што? Я сецяс пока ище не стар, мне охота бы вас жонить и посмотреть на ваших детоцек, как на своих внуцят.

Сыновья отвецяют:

— Дак што же, батюшко, благослови, на ком жонитьце мы ста́нем?

Отець отвецяет им так:

— Вот што, сынки, выбирайте невесту вы се́бе сами: вам надоть жить с ней, а не мне. Мой совет такой.

— Да нет, батюшко, нам бы хотелось узнать, што на ком тебе бы жалательно нас жонить?

— Дак вот я вам, пожалуй, скажу и это. Возьмите вы сделайте себе по самострелу и стре́лите: куды ваши стрелоцьки паду́т, там вам и судьба жонитьце. Вот пусть на крестьянской двор падёт или на попозськой, или там

на княжеской — куда стрелоцька падёт, там вам и судьба жонитьце.

Так. Робята поблагодарили отця. Пошли, сделали себе по самострелу. Выстрелили и пошли за этымá стрéлками следить где ихны невесты. Вот у старшого, Василья, пáла на королеськой двор; у среднего Фёдора пáла на княжеськой двор, те пошли за стрéлками и тут же поженились. А у млаччего, Ивана, поднялась и улетела и сам не знает куда. Пришлось тоже итти по направлению, розыскивать свою стрелý. Вот он и идёт и идёт. Вышел из города и пошол по направлению в лес. И видит в лесу лежит большое бóлото. И на болоте небольшой хуторок и на этом хуторке видит свою стрелку. Да, подходит к этому хуторку и ставáет на крышу, снимает ей с крыши и хочет итти домой. Только што хотел итти домой, вдруг выходит из хуторка старая-престарая старушка и заговорила:

— Ну, Иван-царевич, как ты пришол сюда за стрелоцькой, то значит твоя судьба притянула тебя ко мне. Ты должóн меня взять взамуж по отцёвому благословенью.

Он посмотрел на ней и говорит:

— Неужели я дóжил до такой старой старухи, ведь у тебя и ни одного зуба-то нет во рте, и итти-то ты не мож. Не надо мне тебя, не возьму.

— Ну, не возьмёш, как хотúш. Раз отець благословил, надо меня тебе взять. А не возьмёш, всё ровно от меня не уйдёш.

И он сказал:

— Нет, не возьму, пойду проць.

И пошол. Но уйти никуда не может, вязнет в болоте. Вот она к ёму и подходит ближе и говорит:

— Ну, возьмёш, дак не утонеш, а не возьмёш, всё ровно утонеш, не уйти тебе никуда от меня.

А он немножко подумал:

— Што мне погúнуть этта, дак пожить еще охота, ну, всё ровно, цёрт с ней, возьму, всё едино жить с ней не стану.

Потом сказал:

— Ну, ладно, иди же, цёрт с тобой, возьму тебя замуж.

И сразу оцютилсе уже на крепкой почве. Вот идут и говорит она ёму дорогой:

— Вот, Иван-царевич, хоть ты и взял меня, но держать не умееш.

(К чему это сказала, это впоследствии выеснитце).

Он идёт вперёд и даже не оглядываетце, думает про себя:

— Всё ровно я с тобой жить не стану.

И в скором времени пришли они в царьство. Завёл ей в одну комнату, оставил, а сам пошол к отцю обсказывать своё нещастное положение, што с им слуцилось. Вот когда он пришол к отцю, отець и спрашиват:

— Ну, где ты, сын, так долго ходил и где невесту себе нашол? Уж братья твои жонились: один на княжеской доцери, другой на королеськой.

Он ёму отвецяет:

— Ой, батюшко, не спрашивай про мою жонитьбу. Какой я у тебя родилсе нещастной меньшо́й сын.

— Ну, дак што с тобой, сынок, росскажи, а я послушаю, на ком ты жонилсе, кого привёл?

Вот он стал рассказывать, как он выстрелил и пошол розыскивать свою стре́лочку. И как улетела стре́лка в болото и пошол по направлению свою стре́лу розыскивать.

— Когда я пришол в болото и вижу небольшой хуторо́к и на нём свою стре́лу на крыше, я доставаю ей, хочу уйти прочь. Только я пошол, выходит старая-престарая старушка из этой избушки и говорит: „Ну, Иван царевич, знацит судьба нам, раз отець благословил тебе взять меня взамуж". Я, конецьно, отказалсе от ней и хотел итти проць, но стал тонуть в болоте и выйти никак не могу. Тогда она подходит и сказала ище: „Буде возьмёш — не утонеш, а не возьмёш — утонеш и не уйдёшь никуда". И вот я, батюшко, взял и привёл ей. Не охота мне-ка было потонуть в болоте, делай што знаш со мной.

Топерь говорит отець Ивана:

— Ну, што делать, Ваня, видно твоя судьба. Пусь живёт она. Если делать ницё не может, это ницёго, пусь всё ровно

живёт, может скоро умрёт, раз она ста́ра. Ты жениссе потом на другой.

И вдруг приходят те братья к отцю. Да, вот отець и говорит:

— Ну, вот што, сынки любимые, на завтрошной день ко мне приходите, а я устрою для вас пир. И принесите по рубашке, пусь жо́ны сошьют по рубашке, и я узнаю, котора из трёх сама рукодельня, и тому отдам чарьство сыну.

Вот братья сказали:

— Ладно, батюшко, мы пойдём и прикажем им.

Потом отець сказал Ивану:

— Пусть и твоя старушка сошьёт, если умеет, а уж если не умеет, то со старой взять не́цёго.

Вот Иван повесил голову, пошол. Вот он пришол в эту комнату, где она сидела, и очень печальной сел на лавку, даже и не смотрит на ей. Она подходит.

— Ну, што, Иван цяревиць, ты не ве́сел, буйну голову свою пове́сил? Што же тебе отець велел сделать, какой дал заказ?

(А сама знает — волшебниця!)

Вот он ей и говорит:

— Што ты мож сделать? Батюшко велел всем невёскам шить по рубашецьки, а што ты мож сошить, как у тебя руки трясутце, цють ходиш. И лучче отстань, не росстраивай напрасно.

И ище пуще голову свесил.

Она и говорит:

— Слушай, Иван чаревич, не весь своёй головы, а сходи, принеси мне десеть аршин шолку, хош я может быть и худую, а сделаю, не пожалей шолку.

Так. Топерь он думает:

— А, цёрт с ней, пусть.

Пошол, принёс десеть аршин шолку.

— Пусь делат.

И сам пошол, штобы не гледели ёго глаза. Вот эты невёски, когда братовья́ принесли им шолк, пришли посмотреть, как старая старуха будет шить, пришли посмотреть. Вот когда она полуцила этот шолк, взяла, вырезала ёго на мелки куски и выкинула эти куски за окно.

— Ветры буйны, сделайте батюшке рубаху, без единого шва, штобы не стыдно ёму было одеть ей при гостях.

И вдруг, не прошло несколько минут, и рубашецька была готова: скáтана, натрахмáлена. Она взяла ей, завернула и села на своё место. Невёски эты побежали от ней домой.

(Эта же сказка сказываетце в двух цястях. Она в другой была лягушкой в болоте и тоже пришлось взять).

Ну, и тоже всё сделали также: розрезали шолк на мелки цясти и выбросили за окно, сами стали ожидать, когда будет готово. Тоже все эты слова сказали:

— Ветры буйные, сошейте батюшке рубашецьку.

Колько оне не ждали, ницёго у их не вышло. Вот оне и говорят своим мужьям:

— Ну, мужья, у нас ницёго не вышло. Бежите скорей на рынок, купите каки ни на есть самы луччи рубахи, штобы нести отцю.

Те, конешно, собрáлись и отправились на рынок. И из самых луччих магазúнов купили самые луччи шолковые рубахи. Принесли домой. Тут же кряду собрáлись, надо было итти к отцю, к девети цясам. И Иван тоже это знал, што надо итти. И вдруг Иван приходит к своей старушке и говорит:

— Ну, што у тебя есть сделано?

А сам поворациват голову на другу сторону, даже и на ей не глядит. Она отвецят:

— Вот у меня, Иванушко, тут есть полотенцё, завёрнута батюшку рубаха, буде понравитце, дак подари, пусть не осудит, уж кака есть.

И так все три брата приходят к отцю.

Вот сразу когда оне только евились, отец спросил старшого сына:

— Ну-ко, Василий, покажи-ка што у тебя жона за рукодельниця есть?

Сецяс Василий вынимает рубаху и полагает на стол. Когда он посмотрел рубашецьку, потряс ей и говорит:

— Ого, таких рубашецек на рынке можно сколько угодно купить. Плохая твоя жона рукодельниця. Такие рубашки,

бывает, што в праздники лакеи наши носят и даже конюха́. Но-ко ты, Фёдор, покажи своей жоны ремесло, што она за рукодельниця?

Когда он посмотрел тоже рубаху и розвернул.

— А, просто, как бытто, из одной фабрики всё шло. Наверно, обы рубахи из одного магази́на.

Потом подошол чарь к млаччему сыну и говорит:

— Ну, Ванюша, покажи топерь ты своей старушки рукодельё, я с ей спрашивать много не буду, какую уж она сделала, на то и буду мирицьце.

Иван подаёт ёму свёрток и говорит:

— Посмотри, батюшко, я сам не смотрел, а она сказала што пусть батюшка не осудит, какая есть.

Топерь батюшко розвернул рубашку и говорит:

— Ну, посмотрите, какая эта рубашка, нет ни одного шва, она как будто живая. За эту рубашку, Иванушко, надо бы тебе и твоей жоны-рукодельници отдать чарьство, но уж не знаю, токо што она старая, дак! Вот так рубашка, вот уж не стыдно такую и при гостях одеть.

— Топерь батюшко и говорит своим сыновьям:

— Вот што, сынки, принесите мне завтро кажной по хлебу, и по этой стрепни я узнаю, как ваши жо́ны будут вас кормить.

И с тема́ словами братья розошлись. Старши братья пришли и говорят:

— Ну, жо́ны, батюшко не похвалил вашего рукоделья, а похвалил только рубашку, которую шила Иванова старушка Оцень хорошая у ей сошита рубашка. А топерь батюшко приказал испечь по хлебу, для гостей ёму надо. Ну, старайтесь, мы принесём вам муки.

Тогда Иван тоже приходит к своей старушки, сел на стул и повесил голову, молчит.

Вот она подошла к нёму и говорит:

— Што, Иван-цяревиць, не ве́сел, што буйну голову пове́сил, али батюшку не понравилась рубашка, али он дал какой новой заказ? Я постараюсь и может быть как-нибудь сделаю.

Он говорит ей:

— За рубашецьку-то он не хулил, даже спасибо сказал и похвалил тебя, но топерь он велел испечи по хлебу. А где тебе это сделать, как у тебя руки трясутце и на саму-то глядеть страшно.

— Ну, дак слушай, Иванушко, уж не пожалей ты фунтов десеть муки, принеси мне, я какой-нибудь хлеб сделаю. Уж какой будет, таков и ладно.

Ну, он принёс ей муки, а сам ушол, штобы не глядели глаза. И вот она сецяс, конешно, муку росстворила. Тесто выходило. Она стопила пець. А в это времё прибегают невёски смотреть, как она будет пець. Когда пець истопе́лась, она угли розгра́била все по пеци, выливает это тесто на угли, закрывает пець, и держит ёго в пеци два цяса. Раньше, видно, тоже по цясам пекли-то!. Вот прошло два цяса́, она открыла пець и пошел сразу аромат по всей избы, так што духом кормит. Потом вытянула. И такой вышел хлеб румяной да пышной, што как картина. Ну, невёски убежали домой. Сечас же стопили в ту же минуту пе́чи. Уголья по пе́чи розграбили, вылили это тесто на у́голья и закрыли пе́ци заслоном. (Только немножко не угадали, не с той сходили!) Вот прошло два цяса́, как скрыли пеци, а там одне угли: ни хлеба, ни теста, оказались одне угли. И вдруг приходят ихны мужья. Когда пришли и спросили:

— Ну, как, жо́ны, готовы ли хле́бы?

— Нет, у нас ницёго не вышло, всё сгорело. Надо купить на рынке, так што уж времё вышло, нам топерь не справить.

Вот братья и пошли на рынок, а Иван без зоботы, никуды не ходит. Вот оне сбегали на рынок и купили самых дорогих изюмных хле́бов, принесли домой, а жоны завернули эты хле́бы в скатерётки и братья понесли отцю. Иван видит, што времё итти, приходит к старушке:

— Ну, што, если изготовила, давай, я понесу, уж времё итти.

Она приносит скатерть и завёрнутой хлеб и говорит:

— Ну, Иванушко, неси. Понравитце-ли нет ба́тюшку, а я лучче пець не умею.

Иван пошол вслед за братьями. Вот когда оне пришли, царь спросил старшого сына:

— Ну-ко, покажи изделье твоей жоны, цем она будет тебя кормить?

Он сецяс подаёт хлеб. Он развернул ёго, посмотрел, и сам говорит:

— Дак у нас эдаки хлебы в празники лакеи и конюха́ едят. Ну-ко ты, Фёдор, покажи.

Тот розвернул скатерётку.

— На, батюшко, смотри!

— Дак всё ровно, с одной фабрики или вы с одного рынку взяли. Ну-ко ты, Иванушко, покажи, у тебя жона ста́ра, дак уж взыскивать не буду.

Иван развернул скатерётку:

— На, батюшко, смотри, я не смотрел сам. А она просила строго не взыскивать.

Когда батюшко развернул скатерётку, то понёсьсе аромат по всем комнатам. То сказал батюшко:

— Вот дак хлеб, любо гостям подать: кусоцек сьеш, другой с ума не пойдёт, а уж другой сьеш, третий боле захочетце.

Потом ещё сказал:

— Ну, сынок, была бы твоя жона помоложе, тебе бы престол отда́л за ейно рукоделье, ну только уж стара она оцень, дак пока я ницёго не скажу. А вот приходите завтро все трое с жонкамы и пусть оне принесут мне по ковру своей роботы, какой умеют, такой пусть и сделают.

Братья все пошли домой. А в это времё у чаря стали гости собиратьце на бал. Братья пришли и сказали своим жонам:

— Но, жонки, сшейте по ковру и завтро с нами пойдём к батюшку на бал.

Иван, значит, тоже идёт к своей старушке, голову пове́сил и думает:

— Што топерь я буду делать, как батюшко такой дал наказ. Ну, куда ей поведу, такую на бал, мне будет совестно и перед братьями и перед гостями, и все будут гледеть на ней и смеятьце.

Подходит старушка к нёму:

— Што, Иван-чаревиць, не весел, буйну голову повесил, цем тебя батюшко угрубил, или я ёму што плохо сделала, или дал наказ какой?

— Батюшко за твою роботу оцень благодарил тебя, но топерь дал такой наказ: к завтрошному дню сошить вам всем по ковру своима рукамы и ищо притти нам с жонами к ёму на бал. Ну, куды я тебя поведу такую, ведь братья станут смеятьце все, и гости.

— Ну, ладно, Иван, што же сделать? Поди, ложись спать, к утру я тебе ковёр сделаю, а ты на бал поди один. Куды я пойду на смех людям.

Иван пошол, спать повалилсе. А в это времё эты невёски в ноць сошили по ковру и утром одеваютце в цярски наряды и справляютце на бал, а Иван пошол к своей старушке. Тот не торопитце. Когда он пришол, она подаёт ковёр и говорит:

— На, снеси ковёр батюшку.

Он посмотрел на ней и спрашивает:

— А ты как, пойдёш, старушка?

— Да нет, я не пойду, куды мне на смех людям итти?

Он берёт этот ковёр, а она ёму и говорит:

— Когда принесёш этот ковёр, положь ёго на стол, а там уж видно будет.

Он берёт этот ковёр и поворачиваетце итти, а она ёму говорит:

— Слушай, Ваня, я еще тебе несколько слов добавлю: вот когда ты придёш на бал, то братья тебе сразу скажут: „Што ты не привёл свою старушку, хоть бы люди посмотрели, какая она красавиця". А ты им скажи: „Бросьте вы, братья, смеятьце, зацем над старой смеятьце". И вот смотри и сиди. Дождик пойдёт, ты и скажи: „Вот моя жоноцька дожжевой водой умываетце". Братья пуще будут над тобой смеятце. Потом гром загремит, а ты скажи: „Моя жоноцька в дорогое одеяньё нацинает одеватьце". Оне над тобой еще боле будут смеятьце и говорить: „Брат начинает глупить". Да, вот как молния блеснёт, и скажи: „Вот моя жоноцька едет" и сразу выходи на крыльцё меня стрецять.

И с этыма́ слова́мы Иван вышел и просто ног под собой не слышит, как идёт во дворець. Вот проходит, кладёт ковёр на стол, ковёр кряду соскакивает со стола и нацинает плясать, тонцовать и на музыке играть, а когда те братья принесли ковры, то их только по́д ноги бро́сить, да ходить. Вот отець и говорит:

— Ну, Ваня, за такоё рукодельё твоей старушки почему ты ей не привёл, хотя бы она здесь с нами посидела.

Он ответил отцю:

— Но, она не пошла, а может быть и придёт, я не знаю.

И сели после этого все за стол. И Ваня сел рядом с братьями. Потом нацинает старшой брат Василий говорить:

— Дак што же ты, Ваня, не привёл своей старушки, хоть бы посмотрели на такую красавицю люди?

И подтверждает кряду Фёдор. Он и говорит:

— А, бросьте, вы, братья, смеятьце, ведь не всем быть красивыми.

И вдруг походит дождь. Ваня смотрит и заговорил:

— Вот моя жоноцька дожжевою водой умываетце.

А Василий и говорит Фёдору:

— Смотри-ка, смотри, Иван-то со своей старухой уж глупить нацинает, замолол што-то, што дожжевой водой умываетце.

Вот и гром грянул:

— Вот моя жоноцька в снарядноё платьё снаряжаетце.

Фёдор ёму и говорит:

— Брось ты, Ваня, ведь при гостях-то шутить неудобно.

А он то́ подтверждает, што она ёму сказала, а сам-то пока ницёго не знает.

Вот и молния блеснула, он говорит:

— Вот моя жоноцька едет сюда, — и выскоцил, побежал стрецять.

Выбежал, смотрит, мчитце тройка белых лошадей и на ней сидит такая красавиця-дамоцька, што даже глазом оввести невозможно, только зглянуть, так и обрадуессе. Подьехала к крыльцю и хватила Ивана за руки и пошли кверьху. А Иван так обрадел, што думает:

— Хоть жона ли она есть, хоть не во сне ли это всё мне снитце?

Заходят, конешно, за стол, и братья, отець и гости глаза вылупили, смотрят на ней неотрывно, до цёго у Ивана жона хороша. Тогда он поднялсе и сказал:

— Дак што, братья, ище ли будете смеятьце над моей жоной, што она старуха?

И братья замолцяли, точно умерли. Все сидят за столом. Потом подошол отець к сыну своему и к невёске и сказал:

— Дай мне руку, большое тебе спасибо за твою рукодельнюю роботу и вот, Ваня, я говорю и все гости это подтвердят, я даю сецяс полчарьства, а после моей смерти заступаеш чарём надо всем моим чарьством.

Потом и спрашивает у сына:

— Ну, Ваня, скажи, как твою жону звать?

А Иван отвецяет:

— Батюшко, я и сам не знаю, потому што она была старушкой, спросите у ней самы.

Он подошол к ней.

— Ну, невёска, скажи, как тебя звать, так мы и будем тебя почитать.

Она отвецяет:

— Моё имё просто и лёхко, меня зовут Елена Прекрасная.

Топерь дальше. Гости стали ись и на Елену Прекрасную все глядят, также и невёски. Вот она ест кусоцек в рот, а другой — себе в рукав. И невёски делают также — да у вас не выйдет то, што у ней выйдет из этых кусоцьков. И гости всё смотрели, дивились и даже некоторы ись не могли, настолько она была красива, а уж про Ивана и говорить нéцёго, тот без памети от такой жоны сидит. И как она росмеётце, то золото повьётце, а росплачетце — жемчуг покатитце. Топерь, после этого пошли танцовать. Иван вышел со своей Еленой Прекрасной танцовать. И вот оне немного потанцовали, она возьмёт и махнёт рукавом. Открылось окно и за окном протекла река Нева, по реке заплавали разные утоцьки, селезни, гáги и все запели на разные голоса.

Потом вышли братья, пошли тонцовать со своимá жонами. Те тоже немного потонцовали и невёски махнули рукавом и из рукавов посыпались крошки и кости и полетели в гостей и в отця. Чарь закрицял:

— Што вы, што вы? Ведь глаза можети так выбить всем гостям.

Им стало стыдно. Когда это всё успокоилось, Иван спомнил:

— Куда моя жона полóжила эту свою старость, дай-ко, пойду, посмотрю.

И похóдит. Она ёго и спрашивает:

— Куда ты, Ваня, похóдиш?

Она догадалась, куды он походит, токо не думала, што он эдак сделает-то.

— Да я этта недалёко.

И убежал. Приходит в комнату, где она жила. Искал, искал, нет ницёго. Потом пошол в умывальню, и видит, висит ейной кустюм. Он ницёго не говоря, затопил пецьку и—раз—кинул ёго туды.

— Пусть он сгорит, штобы она больше никогда ёго не одевала.

Думал для луччего!.

Когда он пришол обратно, то она спросила ёго:

— Ты где, Ваня, был?

— Да я был этта недалёко — не сказывает.

— Наверно, ты был дома и сожог мой кустюм. Если сожог, скажи мне правду, и поедем домой сецяс же.

Он потом и говорит:

— Да, Елена Прекрасная, сожóг.

— А ты знаеш, што сделал, ты теперь открыл меня Кощею Бесьмёртному. Отець сдул весь капитал на этот кустюм, штоб на семь лет закрыть меня от Кощея Бесьмёртного и оставалось ище ждать три дня, тогда бы он забыл меня, а топерь он приметит и возьмёт меня. Давай, пойдём скорей, буде успеем.

Только оне вышли на крыльцё, как спустилсе чорной ви́хорь, захватил ей, а он осталсе один.

Вот он пришол домой, ни пьёт, ни ест, свалилсе и давай плакать. И думает:

— Што я топерь наделал, не мог подождать три дня.

Отець ждал, ждал с каким обьяснением придёт сын, не дождалсе и на третий день сам пошол навестить их. Когда приходит, то смотрит, сын лежит в постели один.

— Што ж ты, Ванюша, ко мне не являессе и лежиш в постели один, а где твоя жона?

— Моя жона, — отвецяет Иван-цяревич, — вот я што, батюшко, наделал. Когда с пиру́ убежал и нача́л искать, куды она эту старость поло́жила, — и нача́л ёму говорить, — искал, искал, нашол этот кустюм старой старухи, взял затопил пець и сожог его. Когда я сожог и прибежал обратно, Елена Прекрасная меня и спрашивает: „Ваня, где ты был, всяко мой кустюм ты не сожог?“ „Я дома был и сожог твою старость“. „Ну, давай скорей поедем домой, а то Кощей Бесьмёртной меня схватит“. Еще сказала: „Ты не мог три дня помешкать, тогда бы Кощей Бесьмёртной меня забыл совсем“. И вот когда мы вышли на крыльцё, спустилась цернеть и подхватила Елену Прекрасную невидима сила и унесла. Вот топерь и осталсе я один и лежу и плацю.

Улетело у ёго всё дорогоё!

Тогда сказал отець:

— Дурак же ты, Ваня, поэтому ты не мог помешкать три дня, а она была бы потом всю жизнь твоя, а вот топерь што будеш делать, и я тебе тоже помоць ницем не могу. И пропало топерь чарьство для тебя, потому што ты не жонатой.

Топерь Иван и говорит:

— Но, ладно, папа, пусть мама испекёт мне подорожницьков, я хоть умру, а всё равно пойду ей розыскивать, мне без ей не житьё.

И вот так, кряду же ёму приготовили сумоцьку. Он простилсе с отцём, с матерью и отправилсе в путь-дорогу. Вот он идёт, идёт, далёко ли бли́зко, и всё он идёт дорогой. И до того он дошол, што итти не замог и пищи у нёго ницёго не стало. И думает:

— Ну, топеричу всё ровно доро́гой голодной умру.

А в это времё видит стоит избушка. Стоит и вертитце. Он подошол и сказал:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазáми, а ко мне воротáми: мне не век вековать, а одна ноць ноцевать, запусти прохожего.

Избушка остоялась. Он заходит и видит: стоит старуха у пецьки.

— Фу-фу, на Руси не бывала и руського духу не слыхала, а топерь слышу. Сьем я тебя, молодець, я тридцеть годóв цёловецьёго мяса не едала.

Он заговорил:

— Што ты, баушка, холонного, голодного будеш ись, ты бы меня напоила, накормила, баню истопила, да в бани вы́парила, а тогда бы тебе было мягце есть меня.

Потом старуха посмотрела на нёго. Напоила, накормила и в то же времё байну истопила и в байны его выпарила, улóжила в кровать и дала ёму поспать, а потом подошла к кровати и говорит:

— Ну-ко, скажи, молодець, чьего ты роду-племени и как тебя звать? Скажи, куды ты идёш, куды путь дéржиш?

— А звать, баушка, меня Иван-чаревиць. А иду я — половина волей, а друга неволей, а третья своей охотой. И женилсе я слуцяйно на одной старушке, а она оказалась Елена Прекрасная. Я взял и сожог ейной кустюм старушечий. И ей унёс Кощей Бесьмёртной. И вот топерь иду розыскивать.

— Дурак же ты, Иван-чаревиць, ты мой зять, а она мне родная племянниця. И не умел ты ей держать, ведь церезь три дня она была бы твоя навсегда, а уж топерь и не знаю. И тебе помоць ницем не могу. Ты знаеш, как отець скрывал ей от Кощея Бесьмёртного, он весь свой капитал вложи́л, штобы на семь лет закрыть ей.

Знают тётки-те, волшебницы, может быть и сами помогали отцю.

А топерь ты иди к отцю. Если он тебя помилует, дак то ладно, а не помилует, дак пожалуй и живóму не бывать. Он отсюда живёт недалéко. Вот и иди, а тогда увидиш большой дом, и стретит тебя старушка, напоит, накормить. Это будет твоя теща, а уж если будет сам дома, я не знаю, што тебе будет.

И вот он роспростилсе с этой тётушкой и пошол. Идёт-но, идёт, и идёт, и идёт, далекó-ли блúзко-ль и сам не знает. И вдруг видит стоит дом, большой пребольшой. Подходит к этому дóму. Только подошол к крыльцю, и видит выходит ёму старушка настрету. Открыла дверь и сказала:

— Заходи, молодець, в избу.

Да, когда он зашол в избу, она сецяс накрыла стол, напоила ёго, накормила и уложúла спать. А сама села рядом и стала спрашивать:

— Ну-ко, скажи, молодець, чей ты будеш и куда попадаеш, хоть не из родни ли приводиссе? А уж сама знает: тётка известила. Если ты был бы не из родни, то я знаю, тётушка бы тебя не пропустила. К нам сюда птиця не пролетáет и зверь не прорыскиват и молодець не проходит.

Вот он и начинает:

— Вот хто я есть: я есть Иван-царевиць. А иду я половина волей, а друга — своей охотой из-за большой нужды.

Вот он обсказал всё своё положеньё. Она только охнула.

— Ну, щáслив ты, зятюшко, што нет сецяс отця дома. Пропала моя нещасная Елечка у Кощея Бесьмёртного. А топерь отдыхай, как придёт отець, я тебя побужý. Будеш к ёму подходить, пáдай на колена и проси прощенья. Што он тебе скажет, я не знаю.

Иван, конешно, спит. Вдруг приходит отець в дом и говорит:

— Ну хто у нас есть в избы, сказывай, а то и тебе будет худо, кого ты запустила?

Она и говорит ёму:

— Слушай, муж, у нас не цюжой цёловек. Запустила я нашего зятя. Ты знаеш, в каком он положении? Идёт и горько плацёт.

Он и сказал:

— Ну, веди ёго сюда, я с им поговорю, коли он пришол сюда. От меня ёму пощады не будет никакой, коли так он сделал.

Вдруг она приходит:

— Ну, Иванушко, иди, пришол отець.

Вот Иван подходит и, не доходя до него, пáл на колена и говорит:

— Батюшко, прости меня, я сделал большое преступленьё!
Он сказал ёму:
— Ну, зять, встань, садись со мной за стол, я тебе обскажу всё.
Вот Иван сел за стол, а отець и говорит ёму:
— Знаеш ты што сделал, што сожог этот кустюм? Я всю жизнь летал по свету и собирал богатьство и всё вхлопал в этот кустюм, а ты сожог его, как тряпку какую. Больше я ницем помоч тебе не могу, потому што она живет у Кощея Бесьмёртного, и я с ним ницего поделать не могу. Ну, только могу тебе дать коня, шлем и меч, и ты топерь сам поежжай к Кощею, коли ты это преступленьё сделал сам. Конечно, ты подьедеш на Кощееву територию, он тебя будет огнём жегчи́ и не допустит. Ты тогда снимай шлем и начинай им махать. Он тогда тебя допустит до себя, и уж ты тут розговаривай сам. Может быть можеш поступить к ёму каким-ни роботником, ли халуем, и всё может статьце, што каким-ни слуця́ем ты ей там и увидиш. Когда если увидиш или достанеш ей, тогда приежжай ко мне, но уж если ты не достанеш Елены Прекрасной, тогда ко мне не вора́чивайсе, а то жив не будеш.
Вот затем он выводит ёму коня, даёт ему меч и шлем. Он роспростилсе со своим тестем и тёщей и отправилсе в путь-дорогу. Вот он ехал, ехал, ехал и приежжает на Кощееву територию, а Кощей в это времё сидел на том месте, где лежал ёго меч. Тогда уж начинает ёго Кощей огнём жеч. Он скидыва́ет с себя шлем и начинает им махать. Тогда Кощей допустил до себя, видит, што едет какой то с просьбой. Когда подьехал Иван к нёму, он и спрашивает:
— Ну, скажи, молодець, зачем ты приехал, за какой нуждой?
Он ёму и отвецяет:
— Я к тебе приехал, хоцю поступить каким-нибудь роботником или халуём, послужить верой и правдой.
Тогда он ёму сказал:
— Да у меня только те могут служить моима́ раба́мы, которые силой со мной ровны́.

Он и говорит, Кощей Бесьмёртной.

— Я не знаю твоей силы, ты наперёд покажи, што у тебя за сила? Тот со мной силой ра́вной, кто может выкинуть мой меч кверьху, и штобы он пролетал шесть часов вверху, вот тот будет со мной силой ра́вной.

Тогда он сказал:

— Слушайте, вы покажите сначала сами, а уж потом я вам сделаю.

Тогда Кощей сошол с этого места, взял свой меч и бро- си́л кверьху.

Передал ему часы:

— На, смотри.

Вот прошло ровно шесть часов, и упал меч на то же самое место и ушел в землю, только видна одна руцька. Берёт у ёго цясы.

— Ну, иди и дай мой мець.

Иван-чаревиць подходит к мецю и даже и пошевелить с места ёго не может, и сам стоит. Кощей спрашивает:

— Ну, што ты стоиш, не кидаеш? Времё не ждет.

— А вот погоди, сецяс плывёт небольшое облацько, я за- кину твой мець за это облако.

Кощей посмотрел на нёго, взял, дунул, обратил орехом и выкинул Ивана-цяревиця в цисто полё. Вот и лежит Иван- чаревиць там. Ёму пошевелитьце там в орехе было не́как. И вот лежит и день, и два. На ёго щастьё прилетел в это времё орёл. Прилетел орёл, увидал этот орех и клюнул. Иван-чаревиць выскоцил и говорит:

— Ну, слава богу, я топерь жив, спасибо тебе, орёл ба- тюшко.

Отвецяет орёл ёму:

— Дак скажи-ко, Иван-цяревиць, как ты попал в этот орех, обьеснись мне?

— А вот, орёл батюшко, у меня Кощей Бесьмёртной утащил жону, и я пришол к ёму, но не мог поднять ёго ме- ча́ и он на меня озлилсе, дунул на меня, обратил в этот орех и броси́л в ци́сто полё, вот каким манером очутилсе я здесь.

Он всё это кратко ёму говорит.

Отвецяет ёму орёл:

— Да, это я знаю давно, Иван-чаревиць, но если ты хош быть равной силы с Кощеем, то поди ко мне роботником на три года, и я наведу тебе таку силу, што ты будеш равен Кощею.

(Хотя знат, а всё-таки спросить надо!)

Иван-чаревиць немного подумал и говорит:

— Дак што же, орёл батюшко, я пойду с тобой.

Тогда орёл посадил ёго на себя и полетел в свой дом (вот, бедняжка, десять лет надо мучитьце). Когда прилетел орёл домой, то обернулсе стариком, привёл Ивана чаревиця в кухню и говорит:

— Вот, пеки и стряпай на меня да на себя, только тебе и роботы, а я церезь год тебе заплацю за это.

Вот Иван-чаревиць нацинает свою продолжать роботу, и в скором времени он про́жил год у дедушка. Вот когда он прожил год, сели оне обедать. Старик спустилсе в погреб и приносит бутылку вина. Вылил это вино в цяшку и го́ворит:

— Вот, Иван-чаревиць, выпей, это тебе за челой год, за твою роботу.

Иван-чаревиць посмотрел на эту чашку и говорит:

— Дедушко, мне ведь не выпить будет, я от роду́ ведь ёго мало пива́л совсем.

А дедушко отвецяет ёму:

— Это ведь не для того, што будет тебе плохо. Ты пей, будет тебе для здоровья лучче.

Тогда Иван-чаревич берёт эту чашку и выпивает ей единым духом. Когда оне пообедали, он ёму и сказал:

— Пойдём, Иван-чаревиць, в полё, я тебе покажу свой мець. Он такой же как у Кощея.

Пришли к этому мецю́, старик берёт мець, подаёт Ивану цясы и кидает этот мець кверьху. Пролетал мець шесть цясов и упал на то же место. И сказал дедушко:

— Виш, Иван-чаревич, всё ище у старика сила по-старому. Дай ко мне цясы, мож ли ты мой мець поднять или выкинуть?

Тогда Иван-чаревич по́дал цясы и взял мець и выкинул ёго только на два цяса́. Мець пролетал два цяса и упал на то же место.

— Топерь, ну ладно, Иван, пойдём домой, и продолжай у меня ту же роботу.

Пришли домой, и стал Иван делать то же, што и раньше делал. И вот провёл он опеть же и второй год. И вот сели опеть с дедушком обедать. Когда токо сели обедать, дедушко ёму приносит две бутылки вина и говорит:

— Ну, пей, это тебе за этот год роботы.

Он даже не стал отказыватьце, как узнал в перьвой раз, што за вино, взял, выпил всё зараз. Когда пообедал, то дедушко ёму и говорит:

— Нутко, пойдём в полё, посмотрим и узнаем, така ли у мня сила, как раньше была?

Дедушко подходит к своёму́ мецю, отдаёт Ивану цясы и выкидывает меч. Меч шесть цясов пролетал и упал на то же место. Тогда берёт цясы дедушко и говорит Ивану:

— Ну-ко, топерь кидай ты.

Иван кинул, и мець пролетал уже шесть цясов и пал на то же место. Вот он сказал:

— Пойдём, поживи еще у меня год.

Идут. Дорогой дедушко и говорит:

— Вот, поживи ты у меня еще год, тогда у тебя силы будет в полтора раза больше чем у Кощея, топерь уж у тебя силы с им ро́вные, потому што мой мець такой же тяжести как и Кощеев.

Теперь опеть пришли домой, и Иван поступил на старое место и про́жил третий год. Когда про́жил третий год и сели опеть обедать, дедушко приносит челу четверить и говорит:

— Вот, Иван, пей твоё жалованьё за третий год.

(Вместо вина-то он ёму даёт силу).

Вот он выпил. После обеда дедушко и говорит:

— Пойдём, Иван, в полё, я ище спробую, по-старому ли у меня есть сила?

Вот подходят опеть же на то место. Дедушко берёт мець, а ёму передает цясы. Выкинул мець. Мець шесть цясов пролетал и упал на старое место. Дедушко берёт цясы в руки и говорит:

— Ну-ко, ты топерь, Иван, брось мець, увидим, што будет,

Иван бросил. Прошло шесть цясов, меця нет. Прошло семь и восемь — меця нет. Дедушко и заговорил:

— Ну, Иван-чаревиць, беда близко. Если не падёт мець к девети цясам, то меня живого не будет, и ты также вместе со мной погибнеш.

Вдруг прошло пол девятого и деветь, мець в это времё пал. Дедушко и говорит:

— Ну, Иван-чаревиць, я тебе больше своёго́ меця кидать не дам: ты знаеш, я не могу без нёго жить больше трёх цясов, штобы ёго не ви́деть, што у меня душа в мецю, так же и у Кощея, вот поцему я не могу жить без меця. Мой мець ни секёт Кощеев мець, и также Кощеев мець не секёт мой. А топерь пойдём домой. А я тебе обскажу, как ехать к Кощею за своёй Еленой Прекрасной. Топерь у тебя силы есть в полтора раза больше Кощея.

Вот оне пришли домой, сели за стол, дедушко ёму и стал говорить.

— Слушай, Иван-чаревиць, я тебе даю своёго́ коня такого, што которому пуля не ймёт и которого огонь не жгёт. Этот конь на воды не тонет и в огне не горит. И он тебя представит к самому Кощею Бесьмёртному. И вдобавок дам тебе свой мець. И вот когда ты прискацеш к Кощею Бесьмёртному, то он на тебя оцень озлитце и скажет: „Хто ты такой, молодець, есть?“ А ты отвецяй ёму так: „Помниш, как бывало ты замнул меня в орех, да бросил в ци́сто полё?“ Он обвернётце посмотреть, а ты в это времё соскакивай с лошади́ и бей ёго мецём своим, только не моим, а своим мецём. Когда ты ёго удариш, тогда скрычат там со стороны слуги: „Бей ёго, собаку, дру́гожды“. А ты скажи: „Нет, у нас на Руси однёжда бьют“. Если бы ты ударил второй раз, он оцелеет и ты ёго во ве́ки не убьёш, а он тебя убьёт. После этого ударя́й мець в землю со всего маху и мець провалитце сквозь землю и туды же ёго куски полетят. Потом скоци на лошадь и бери мець мой в руки, тогда наедет на тебя двенадцеть богатырей, но ты с има́ лехко справисьсе, только бей моим мецём. Да, когда ты убьёш этых богатырей, тогда подойди к ёго за́мкам и там ты найдёш всё закрытым на

замки́. Бей ты по этым замка́м моим мецём и иди розыскивай свою Елену Прекрасну. А когда ты достанеш Елену Прекрасну, то привези ей сюда. Я знаю, што она оцень худая сецяс и я ей направлю. И тебе придётце здесь ище три го́да прожить и не спать с ей, потому што она очень худая. А ты оцень топерь сильнёй, и надо, штобы она сделалась тоже сильня.

(Вот беда то Ивану). Кряду вывел ёго после этого на крыльцё, а там уже стоял мець и рядом был конь.

— Но, садись, и поежжай, но помни, што я тебе сказал.

И вот он, как только сел на этого коня, так и поне́ссе. И видит, сидит Кощей Бесьмёртной и огнём жгёт, а конь бежит, хоть бы што. И нача́л Кощей Бесьмёртной подвёртывать озёра, водой топить. Конь ище сильней бежать. Нача́л Кощей палить, рубить, стрелять. Но коню ништо не льнёт. Прискакал к самому Кощею Бесьмёртному и стал против нёго. Тогда он закрыцял:

— Што же ты такой едеш, нахал, и стал против меня, говори, хто ты такой есть?

Он соскоцил с ло́шади и указал рукой в полё.

— Помниш, как ты меня замну́л в орех? — (Указывает рукой в сторону), — и броси́л туды в ци́сто полё?

Кощей обернулсе, смотрит в цисто полё. А в это време́ Иван чаревиць соскочил с ло́шади и ударил ёго своим мецём и перерубил пополам. Закрыцяли слуги:

— Бей ёго, собаку, другой раз.

Он отвецяет:

— Нет, у нас на Руси одне́жда бьют.

Розмахнул и бросил мець в землю. Мець провалилсе сквозь землю и туды же полетели куски Кощея Бесьмёртного. Вот он скоцил на свою лошадь и берёт дедушкин мець в руки. Смотрит, вдруг выехало двенатцеть богатырей. Не прошло ця́са времени, как Иван-чаревиць уницьто́жил этых двенатцеть богатырей, подскакал к за́мку Кощея Бесьмёртного, соскоцил с ло́шади, привезал ей и подходит к перьвой двери. Смотрит, замо́к на ней висит тяжолой. Ударил мецём, открыл перьвую, вторую и так третью дверь. Приходит в столовую Кощея

Бесьмёртного, где тот всегда пил и ел. Смотрит, на столе скатерётка-хлебосолка и на ней пищи, на што только зглянеш. Вот ёму захотелось ись. Сел за стол и думает:

— Где у меня прекрасная Елецька топерь находитце?

И как то слуцяйно зглянул под стóл и видит под столом в полу человечью голову, видно только одна голова. Вот он и спросил:

— Кто тут есть за цёловек, скажи мне-ка, если жив?

Голова немножко подумала и сказала:

— Я есть, Елена Прекрасная, но хто ты за цёловек и зацем ты приехал, уходи, пока не пришол Кощей Бесьмёртной.

— Я есть, Елена Прекрасная, Иван-чаревиць, пришол за тобой и топерь тебя возьму, а уж про Кощея Бесьмёртного помину нет: я ёго убил, так, што об этом думать нéцёго.

— Коли тáк, Иван цяревиць, и пришол ты за мной, то я тебе скажу: семь лет, как я просидела у Кощея Бесьмёртного, и он кажной день звал меня замуж, но я всё отбивалась от ёго своим талисманом, што он подойти ко мне близко не мог. И вот семь лет я прожила и он в семь полóв меня закрыл, и как хош меня доставай. А сёгоду прикрыл меня восьмым, и я бы умерла. Кормил он меня только однимá костя́мы.

Он говорит:

— Всё ровно, Елена Прекрасна, вырублю я все полы́, но достану тебя живý.

Она и говорит:

— Нет, Иван-чаревиць, от тресенья мне не вынести будет, я умру. А ты вот иди вдоль этой стены и там наткнёссе на кнопку, как бытто булавоцька. Нажми её и откроетце дверь. Когда ты откроеш дверь, то там увидиш столько клюцей, што тебе и не сощытать будет. И вот когда ты возьмеш эты клюци, ты подбирай их и отпирай постепенно все двери и снимай полы́. Тогда только я спокойно выйду.

Он сецяс же стал нá ноги и повёл по этой стены́ рукой, нашол кнопку и при́жал её. Открылась дверь. Он смотрит, там клюцей и правда не сощытаеш. Берёт эты ключи и начинает подбирать к замкáм. Подобрáл и открыл так все семь

поло́в. Да, откроет, подынет, и так открыл все семь поло́в. Открыл, и когда вышла оттуда Елена Прекрасна, то до чего она была худая, што на ногах стоять не могла. Он и говорит, Иван-чаревиць:

— Но, пойдём, Елена Прекрасна, я посажу тебя на коня и поедем к дедушку, а там ты поправиссе.

Вот они сели на коня и отправились к дедушку. Приехали. Когда дедушко увидал, што Иван-чаревиць привёз Елену Прекрасную, вышел на крыльцё и говорит:

— Ой, кака ты, Елена Прекрасна, худа́. Но ладно, поживи-ко у меня три года, дак поправиссе.

Тогда и говорит Ивану-чаревицю.

— Дак вот, Иван чаревич, когда ты сошелсе с Еленой Прекрасной, ты ей не знал, а когда ты увидал ейну такую красоту и сожог ейной кустюм, тебе с ей спать не удалось, и топерь тебе три́ году́ спать с ей нельзя, пока я ей не наведу силу такую же, какую ей нужно.

А потом берёт ей за руку и ведёт в ту же комнату.

— Вот, Елена Прекрасная, можеш ли пекци́ и варить нам с Иваном чаревицем, а также и себе, только тебе и роботы. Я в кажной год буду тебе платить за это жалованьё.

Она не отказалась, конешно. Вот она провела год. Приходит тот день, што кончилсе перьвой срок. Вот оне сели обедать, дедушко таким же манером приносит бутылку и говорит:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, жалованьё за год, пей.

Она говорит:

— Што ты, дедушко, я от роду не пива́ла, где мне выпить челу бутылку?

А он и говорит:

— Пей, Елена Прекрасная, это на пользу.

Ну, она и выпила. После обеда, дедушко и говорит:

— Дак што же, детоцьки, пойдёмте посмотрим мой мець: ище ли старик может выкинуть ёго, ище ли сила у меня по старому?

Потом приходят оне к мецю́. Вот берёт дедушко мець и даёт Ивану-чаревицю цясы. Сам выкинул мець. Простояли шесть цясов, мець пал на старо место.

— Но, видно, ище, у старика сила по-старому, а но-ко, Елена Прекрасная, можеш ли ёго выкинуть колько-ни?

Она ухватилась за мець и подняла ёго только до груди. А уж выкинуть не могла, всё-таки подняла.

— Ладно, пойдёмте, а уж тебе, Иван-цяревич, я меча́ не даю, потому што пролетает он деветь цясов, нам ждать долго, а может и больше, тогда мне и смерть.

(Он уж знат, был раз в натруске, дак). Потом пришли оне домой. А дедушко и говорит:

— Ну, как, Елена Прекрасна, себя цюствуеш? Справилась немного?

— Да, дедушко, посправилась топерь.

— Ну, вот поживи еще два го́дика, и совсем справиссе.

Ну, она провела и второй год. Когда сели обедать, дедушко приносит ей уж две бутылки и сказал:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, твоё за год жалованьё, пей.

Она и говорит:

— Дедушко, ведь не выпить мне.

— Пей, доцька, пей.

Ну, она и выпила. Потом дедушко и говорит:

— Дак што, пойдёмте в полё посмотреть моёго мецй.

Приходят оне, конецьно, в полё, дедушко берёт мець, даёт Ивану-чаревицю цясы. Вы́кинул. Пролетал мець шесть цясов, пал опеть же на старо место.

— Всё у старика еще сила по-старому.

Вот и говорит дедушко:

— Дак што-ж, Елена Прекрасная, выкинь-ко мой мець.

Она берёт мець, подняла и кинула кверьху. Мець пролетал три цяса́. Дедушко и говорит:

— Вот, хорошо, поживи-ко у меня еще год, совсем справиссе.

И кряду пошли домой. Она поступила на стару должность и быстро прошол этот третий год. Вот опеть сели обедать и дедушко приносит топерь уж три бутылки:

— Вот, Елена Прекрасная, пей.

А уж Ивану-чаревичу не даёт, тому хватит и того, што есть. Вот она даже и не стала отказыватьце. Выпила это вино. Дедушко после обеда и говорит:

— Дак што-же, сходимте еще раз посмотрим мой мець, а уж больше не пойдём.

Так оне и отправились в полё. Подошол дедушко к своёму мецю выбросил ёго вверьх. Мець пролетал шесть цясов и пал на прежно место. Потом берёт Елена Прекрасна этот мець и выкидыват ёго. Мець пролетал шесть цясов. Дедушко и говорит:

— Вот, Елена Прекрасная, у тебя топерь сила такая же, как и у меня, а у Ивана-чаревиця на полтора раза больше. Топерь ты можеш с им жить и спать, и живите, как жалаете.

Так вместе все пошли оттуда. Иван-цяревич захватил Елену Прекрасную за руку и пошли они к дедушку в дом. Дедушко еще говорит:

— Вот, если у вас будут и дети, то будут такие же, как и ты, Иван-чаревиць, сильни.

Вот оне пожили у дедушка неделю. Ивану-чаревицю стало скучно. Стал он об отце и матери и также о братьях скучать, ведь десеть лет не бывал там, а ёму интересно еще узнать, што кому достанетце чарьство или кому досталось. Тогда Иван-чаревиць подошол к дедушку и говорит:

— Как бы мне, дедушко, сьездить на родину, повидатьце с родныма, а я уж десеть лет не бывал, как ты знаеш сам.

Дедушко и говорит:

— Ну, што-же сделаш, поежжай, дам тебе коня. И дам с таким рощётом, што ежли жалаеш сюда приехать, то корми коня, а если не приедеш, то не корми, а сразу отправь сюда.

(Может быть дедушка сам конём будет, поди знай, может и к Кощею-то он на дедушке ездил, потому што после этого ни об цём ни спрашивал).

Потом Иван-чаревиць спомнил тестев наказ, што приежжать просил вместе с доцерью. Опять у дедушки будет разрешенья просить.

— Дак вот, дедушко, скажи правду еще, я у тебя спрошу; когда я был у тестя, то он мне сказал: „Ежели достанеш

Елену Прекрасную, то приежжай повидатьце“. Вот можно ли будет к ёму завернуть?

Тогда дедушко и сказал:

— Ну, што же сделать, как велел, дак пущай Елена Прекрасная повидаетце с отцём, с матерью, но только не больше живи, как цетыре цяса́.

(Сколько строку даёт!) Так. Тогда Иван цяревиць стал благодарить дедушка, а также Елена Прекрасная. И вышли на двор, где стоял конь. Посадил Елену Прекрасну на лошадь, сам скоцил и поехал. Только сели, как были у тестя своёго. Когда увидала мать зятя и дочерь, то выбежала на крыльцё и стала плакать и целовать их обоих. Потом повела в дом. Да, привела в дом, тут же стретил отець, тоже стал со слезами обнимать и ласкать зятя и доцерь. Тут же сели оне за стол. Тогда он говорит своей старухи:

— Ну, старуха, неси на стол чего у нас только есть, всё неси.

И вот она нанесла — еш, на што только зглянеш. Когда поели, тесть и говорит:

— Ну, топерь росскажи, Иван-чаревич, как ты доста́л Елену Прекрасну?

Он ёму и отвецяет:

— Слушай, батюшко, если мне всё это вам россказывать, как я достал Елену Прекрасну, нас затянет оцень долго, а мне дедушко-орёл не велел долго оставатьце, с таким рощётом и лошадь дал.

— Знаю Иван-ча́ревич, я орла. Дак это он тебе помог?

— Да, он.

Тогда он коё-как, коё́-што россказал ёму коротенько, как это всё было дело. Тесть и говорит:

— Ну, ладно, молодець, Иван-чаревиць, живите щасливо с моей доцерью и поежжайте. Я-то думал, што ты у меня проведёш год, а уж коли так дедушко сказал, поежжайте.

Роспростилисе оне с отцём, с матерью, сели на лошадь и поехали. И как только поехали, то уж были в своём чарстви, ище не прошло и суток. Когда Елену Прекрасную унёс Кощей Бесьмёртной, то этот ковёр, которой пел и плясал,

а также и река Нева, и утки, и селезни, всё это уницьтожилось, и ковёр лежал недвижимо, а как Иван-чаревиць и Елена Прекрасная только приехали в своё чарьство, ковёр опеть же стал плясать и играть и тоже образовалась опеть река Нева, всё, как было. Вот народ-от и повеселел. Да, пока не было Елены Прекрасной в этом государстве, это всё чарьство было́ как-то уныло. И уже вышел строк. И отеч-чарь находилсе при́ смерти и всё дожидал, што Иван-чаревиць приедет. И как раз в этот день уже хотел передавать престол старшому сыну. Вот только приехала Елена Прекрасная, чарь сразу повеселел и по всёму государству понеслись духи́ и арома́ты, и народ стал весёлой, хотя ище нихто не знал, што оне приехали. Вот оне, как вошли в чарьство с Еленой Прекрасной, то все комнаты качались и полы тряслись, и все люди смотрели на их и дивились: таки два богатыря не лёхки были. Только зашол в эту залу Иван-чаревиць, где сидели гости и братья, то отець и мать бросились им на шею и оцень обрадели. Тогда отець и говорит старшому сыну Василью:

— Ну, Вася, уж как хоти́ш, а топерь тебе придетце отступитьце, раз пришол Иван-чаревиць, дак ёму и владеть престолом.

Тот не стал поперецить и вышел с чарьского места, а на ёго место сел Иван-царевич. Тут Ваня сецяс вспомнил про коня. Только Иван-чаревиць сел за стол со своей Еленой Прекрасной, как вспомнил и говорит:

— Слушай, Елена Прекрасная, мы с тобой совсем забыли дедушкину заповедь. Раз мы решили остатьце, надо бежать скорее отпустить коня.

Тогда оне прибегают на двор, отвязали коня и говорят:

— Ну, милой наш ко́ницёк, большое тебе спасибо, што привёз ты нас в чарьство, и скажи ты дедушку от нас тоже большое-большое спасибо, што он нам во всём помогал.

И так конь скрылсе из виду. Пришли, на своё место сели и стали его отець и братья спрашивать:

— Ты што, Иван-чаревиць, отпустил коня, видь у нас было цем его накормить, напоить, хош тем, што ты сам пьёш-еш, напоили-бы, накормили.

А он ответил:

— Мне держать ёго было больше нельзя, надо было исполнить дедушкину заповедь.

Тогда говорит отець:

— Я всё-таки осмелюсь спросить, сынок, как ты достал Елену Прекрасную?

Он начáл россказывать. И всё он россказал, как што с им случилось, как он в орех был зáмнут, как ёму дедушко помогал и как с Кощеем билсе — всё обсказал, што с им былó. Все слушали, и многие даже плакали над ёго приключениями.

(Повторять не будем, я никогда не говорю этого што раньше уже сказано). Тогда, значит, Иван-царевиць получил престол, все обрадовались, што Иван-царевиць стал цярём.

И стали оне жить и быть до глубокой старости.

Тут и конець.

8. КОЩЕЙ БЕСЬМЁРТНОЙ

Не́ в котором чарстве, не́ в котором государстве, может быть в том, в котором мы живём, жил был чарь. У нёго был один сын и три дочери. Вот эти дочеря́ стали все на возрасте и также чаревич подрос, стал тоже уро́слой. Топерь после этого, заболел у них отець, немного поболел и умер, потом заболела мать, тоже немного полежала, скончалась.

Когда оне похоронили отця и матерь, то им стало всех, как сёстрам, жалко родителей, так и брату, што оне остались одни. Вот он говорит старшей сестры́:

— Милая моя сестриця, пойдёмте со мной в сад погулять.

То она не отказалась, пошла с ним вместе.

Вот идут оне по саду, прошли в ту сторону, не видали оне никого, только шли двое. Когда оне идут обратно, то видят, летит ворон, садитце против них в сад и обернулсе прекрасным мужиком, то есть цёловеком. Подошол к чаревичу и сказал:

— Здраствуйте, Иван чаревич и прекрасная чаревна.

Он ответил, чаревич:

— Здраствуй.

— Вот отдай, чаревич, за меня сестру замуж. Отдаш — возьму и не отдаш — возьму, всё ровно возьму.

Ивану чаревичу жалко было сестры́ отдать, и он сказал:
— Нет, я, пожалуй, тебе сестры́ не отдам.
То этот мущина обра́тилсе вороном, схватил ей и понёс на воздух и только сказал:
— Ну, Иван чаревиць, приходи к нам в гости.
Так. Немного постоял чаревиць, не успел ницёго сказать, пошол домой. Приходит домой, на второй же день приходит к второй сестры́:
— Здраствуйте, милая сестриця, не скучно вам?
— Да не знаю как, милой брат, сказать.
— А если скучно, то пойдёмте со мной в сад погулять, а мне стало што-то больно скучно.
То она сецяс же среди́лась и отправились гулять по са́ду. Таким же путём, как и с перьвой, шол с сестрой, не видали оне никого, шли. Когда вернулись обратно, то откуль ни возьмись, прилетает голубь, обратилсе прекрасным цёловеком и говорит:
— Здраствуйте, Иван чаревич и прекрасная чаревна.
Он заговорил:
— Здраствуйте, добрый цёловек.
— Вот, Иван чаревиць, зацем я пришол: отдайте мне свою сестру замуж. Отдаш — возьму, и не отдаш — возьму, всё ровно возьму.
Он немного подумал и сказал:
— Ну не знаю, што будет, уж дать-то бы и не охота.
Сецяс же в это времё обернулсе этот цёловек голубем, подхватил ей и понёс с собой.
— Ну, Иван чаревиць, приходи в гости к нам.
Иван чаревиць пошол с великой пецялью домой.
Когда он пришол домой, больше стал печалитьце, как о́тдал двух своих се́стер не́видом и не знает куда. Да. Тогда на третий же день, приходит к самой млаччей сестры́ и говорит:
— Ну, сестриця родимая, пойдёмте со мной в сад гулять, не откажись.
Та не отказалась, пошла. Когда вышли оне в сад гулять, вышли оне в ту сторону — никого не видят, только идут

12*

вдвоём вместе, беседуют. Он обсказывает сестры́ то, што происходило с ейными сёстрами, как их уносили и хто. Когда он это всё обсказал, вернулись обратно. Идут недалёко. Вдруг прилетает орёл, садитце возле их и выскоцил бравым детиной. И сказал:

— Здраствуйте, Иван чаревиць, здраствуй, прекрасная моя чаревна.

Иван чаревиць посмотрел на нёго, поздоровалсе, а он нацинает ёму говорить и говорит ёму такую вещ:

— Вот, Иван чаревич, отдай мне добром свою сестру замуж, уж всё ровно тебе не удержать ей. Я за ней прилетел.

Он отвецяет ёму:

— Што же, ну, бери, токо дело в том, што я то́перь осталсе как сирота, нету у меня ни отця, ни матери, ни сёстер, нету ни роду, ни племени.

Тогда он говорит ёму:

— Ну, ладно, Иван чаревич, не горюй.

Роспростились оне с ним, обернулсе орлом и плавно полетел.

А Иван чаревич пришол домой с великой печалью. Когда он пришол домой, про́жил он дома месеця два, и всё ёму было скуцьно, нет у нёго никого и сам он был хо́лост. Што было ёму делать? Наконець он задумал што:

— Где мои сёстры, дай пойду их розыскивать, может я их найду.

Приказал напечь сухариков, это всё ёму было сделано. И своё чарьство оставил на одного старика и сам средилсе в путь-дорогу.

Долго он шол большой дорогой, наконець приходит к такому болоту, што оно было непроходимое, совсем топкое, но надо было ёго проходить, и вот пошол Иван попадать через это болото, потому што нигде больше нельзя было пройти. И весь он измучилсе, выбилсе из сил, думает:

— Ну, наверно погибну я в этом болоте, не попасть мне больше на сухое место.

Ну, хотя трудно ёму оцень было, наконець, он всё-таки с большим трудом попал на сухое место.

Когда он вышел на сухую гóру, вышел на большую дорогу и пошол в путь-дорогу спокойно. Вот у ёго не заводитце нискóлько сьéстных припасов, и стал роздумывать:

— Вот скоро ли я попаду куда-нибудь, в жилó место?

Недалёко подошол, то видит, стоит дворець. Очень был хорошой. Подошол к дворцю, то смотрит, сидит у окна ёго сестра. Вот зашол он в комнаты и приходит он к сестры́. Поздоровалсе он со своей сестрой. Сестра поздоровалась и заплакала, и сказала ёму:

— Брат ты мой родимой, вот как ты меня не отдавáл, ну жить мне очень худо, ну уж делать нéцёго, уйти я от нёго никуды не могу. Вот, братець, ты знаеш, мой есть какой муж. Он ведь не любит руського духу совсем, а ты топерь ко мне пришол, куды я тебя топерь полóжу и как я тебя скрою.

Тогда он ответил сестры́:

— Ну, сестра, дело твоё, куды хош меня девай, может быть мне придётце здесь погúнуть.

Вот она ёго накормила, напоила и потом повела в особу комнату, и замкнула она ёго в большой ящык и сказала:

— Топерь подожди, — и сама ушла.

Немного погодя вдруг прилетает ейной муж, прилетел, зашол в дом и сказал:

— Жона, руськой дух в избе, хто у тебя есть, то я сьем, сказывай.

Та стала ёму говорить:

— Што ты, муженёк, — и сама заплакала, — у меня хто здесь ходит? Ты сам должóн знать. Я вóлосы чесала и вот жгáла, бросúла волóски в жарáтку, может быть то тебе на нюх бросúлось. Или вернее всего ты по Руси налеталсе, да руського духу нахваталсе, может быть у тебя еще в нóси.

Тогда он ей сказал:

— Ну, давай, корми скорее, ись хочу.

Когда она ёму подала пищу, он поел, она села рядом, стала ёго спрашивать и говорит ёму:

— Слушай, муженёк мой. А если бы у меня в это времё пришол мой брат, што бы ты с ним сделал?

— Да, ничего, угостил и только бы.

Тогда она ёму и говорит:

— Дак ведь у меня брат пришол, муженёк.

То он сецяс сказал ей:

— Ну, веди ёго сецяс сюда.

С радости она побежала к сундуку, открыла ёго и сказала:

— Ну, братец, иди, мой муж тебя просит.

Вот она приводит брата своёго́, он и заговорил:

— Здраствуй, зять.

— Здраствуй, ну садись со мной обедать, и будеш у меня жить три дня, а потом буду тебя спрашивать.

Вот пили, гуляли три дня. Когда эти три дня прошли, то сели опеть-же они за стол.

Топерь и скажи мне, шурин, куда ты идёш, зачем.

Он отвецяет ёму:

— Я иду куда? — себя показать, да людей посмотреть, да Елену Прекрасную замуж взять.

Он говорит ёму на ответ:

— Не знаю, быть может, но только чище тебя я был молоде́цъ и то сутки у ней под арестом сидел, ну, тебя не знаю. Туда есть много хотце́й, да мало вы́хотцей. Ну и с богом иди. Ну, сестра, сказывай, чем своёго́ будеш брата дарить?

Она отвецяет:

— Слушай, муженёк, да у меня нет ницёго, только есть у меня заповедно кольцё, které ты мне велел никому не отдавать.

То он сказал ей:

— Отдай ёму. Я на Русь полечу, не таких принесу, а брату оно годитце при нужды.

Сняла она с руки кольцё подаёт брату и говорит:

— Ну, брат, когда тебе будет перьвая нужда, то перело́жь с руки на́ руку, увидиш, што будет.

Брат взял кольцё, одел на руку, то приходит к нёму зять:

— Ну, вот што, шурин, я тебе подарю от себя.

Приносит зять ему еицько, подаёт в руки.

Вот тебе подорожно еицько, от меня подарок. Вот, шурин, когда захочетце тебе исть, перекинь еицько с руки-на́-руку, откроетце перед тобой комната, еды будет достатоцьно, поеш, отдохнёш и домой пойдёш.

Взял это еицько, сунул в корман, попрощалсе с зятем и сестрой, вышел на большую дорогу, и пустилсе в путь.

Вот идёт наш Иван путём-дорогою, итти ёму было вéсело и так проводит путь. Да, и вот ёму захотелось ись. Сецяс он достáл еицько подорóжное, перекúнул ёго с руки-нá-руку и перед ним образовалась небольшая комната. Сецяс забегал лакей Миша, накормил ёго, напоил, успокоил спать. Дал ёму выспатьце, он стал со сна, помылсе, перекинул еицько с руки-нá-руку, сунул ёго в корман и пошол в дорогу. Долго он шол и наконець увидал большое, большое болото. И вот подходит к нёму. Когда пришол к этому болоту, это болото еще было нá два раза хуже того, што перьво переходил. Ну ёму делать было нечего, надо было итти и начáл брести опеть по топлому болоту. Долго он попадал и весь измучилсе, измаялсе, до тех пор, што ёму уже захотелось ись. И он спомнил про еицько в кормане, взял, перекинул с руки-нá-руку, не стало в одну минуту болота, образовалась комнатка и он, этот Миша, стал ёго кормить. Накормил, напоил, улóжил ёго спать, дал ему выспатьце, розбудил ёго. Умылсе и спомнил:

— Да, я опеть же наверно в болоте.

Перекинул еицько, сунул ёго в корман, образовалось опеть же болото. И он опеть нацинает брести по этому болоту. Долго, долго он брёл, измучилсе, наконець, перешол это болото и сказал:

— Ну, топерь слава богу.

Пошол он опеть же дорогой широкой, пошла у нёго дорога впереди, и спомнил:

— Где у меня сестра топерича, как я переходил перьвой раз черезь болото, у меня была перьвая сестра, а топерь я не знаю, где находитце вторая.

Потом ёму захотелось опеть ись. Вытаскивает еицько, перекинул с руки-нá-руку, перед ним образовалась небольшая комнатка, забегал Миша, накормил и улóжил спать, побудил ёго и он взял еицько, перекинул с руки-нá-руку, сунул в корман и сам опеть пошол вперёд. Немного подошол, смотрит:

— Как будто што-то светает!

И видит стоит дворець серебряной, и он подходит к нёму. Когда он подошол к дворцю, то видит сидящую сестру у окна и заворотил в этот дворець. Входит к ней, поздоровалсе.

— Здраствуй, сестриця.

— Здраствуй, братець.

— Ну, каково тебе, сестру́ха, жить?

Она ёму ничего не сказала, накрыла стол, накормила, а потом села с ним рядом, стала россказывать. И всё она россказала, как она живёт и сказала:

— Слушай, брат, всем он хоро́ш, ну только не любит руського духу, куда я тебя сецяс кладу?

А он отвецяет ей:

— Я не знаю, сестриця, куда ты меня положиш.

То она сказала:

— Ладно, уж так и быть, давай я тебя замкну в особу комнату, в ящык, пока не прилетит, а то прилетит, сьест обоих.

И затем повела. Увела в особу комнату, открыла ящык, замкнула, и сама ушла домой. Токо пришла домой, загремел гром, она сразу подумала, што летит её муж. Прилетел в дом и заговорил:

— Фу, фу, на Руси не бывал, руського духу не слыхал, а топерь у тебя есть. Сказывай, хто у тебя есть, сьем и тебя вместе.

Так. Она отвецяет ёму:

— Што ты, муженёк, уж ты сам на Руси́ налеталсе, руського духу наслыхалсе, ну, наверно у тебя в но́се. Токо и было моей провинности, што я волоски́ чесала, броси́ла их в жа́ратку, ну они воняли, может это и есть.

— Ну, ладно, ну давай ись, — ись хоцю.

Сецяс она накрыла стол, он стал ись. Так. Вот он поел немного, она села с ним рядом и говорит ёму:

— Слушай, муженёк, а если бы мой топерь брат пришол, то што бы ты с ним сделал?

— Да ничего, угостил и столько бы.

— Дак ведь он у меня есть, пришол.

— Ну, веди ёго сюда.

Вот она скоцила во втору комнату, отомкнула ящык, взяла брата своёго́, привела ёго. Вот он подходит к столу и говорит:

— Здраствуй, брат.

— Здраствуй, шурин, не́чего мне с тебя взять, садись обедать. Поживи у меня пять суток, а потом тебя буду спрашивать, зачем ты пошол и куда.

Вот прогуляли они пять дён, и сели снова за стол, и он стал спрашивать:

— Куда ты идёш, шурин, скажи мне топерича?

Тогда Иван чаревич отвечает ёму:

— Я иду себя показать, да людей посмотреть, да Елену Прекрасную замуж взять.

— Да, может быть и дойдёш, ну я был почище тебя и то сутки под арестом сидел, а тебе уж не знаю, может удассе как. Туда есть много хотце́й, да мало вы́хотцей. Ну, — сказал, — ладно, пошол и иди. Ну, сестра, чем своёго́ будеш брата дарить? — сказал жоне.

Она говорит ёму:

— Слушай, муж, мне дарить не́чем. У меня токо есть одно заповедно кольцё, которо ты дал и сказал, штобы никому не отдавать. А больше мне дать нечего.

— Ну, отдай и то, я на Русь полечу, принесу и не такое, а ёму оно пригодитце, а тебе ни к чему́.

Подходит сестра к брату, снимает кольцё с руки, одел он на руку, а она ёму и говорит.

— Вот, брат, при большой нужды только одень это кольцё, а раньше не надевай, и храни ёго у себя.

— Ну, шурин, мне больше топерь дарить тебе не́чего, можь итти с этыма́ вещами.

Затем он попрощалсе с зятем и с сестрой и отправилсе в путь дорогу.

Долго, долго он шол путём-дорогою и дорога ёму казалась как-то очень ско́ра. Потом, наконець, ёму захотелось ись. Он спомнил про это еицько, доста́л ёго из кормана, перекинул с руки-на́-руку, перед ним образовалась комната. Забегал Миша и нача́л кормить ёго, уло́жил спать, и чаревич заснул. Дал ёму выспатьце и потом розбудил, он умылсе, сунул

еицько в корман и пошол. Шол, шол и смотрит, как бытто открываетце морё или большо озеро. Подходит ближе и смотрит, опеть топлое непроходимое болото, топлое, што хуже на три разá чем перьвое. И нужно ёму было черезь это болото попасть. Ну, пришлось ёму опеть зайти в это болото и брести. Долго он мучилсе, позóрилсе, избилсе весь из сил и захотел ись. Спомнил про еицько, поел, попúл, поспал. Выспалсе, умылсе, еицько убрал в корман, очутилсе опеть же в болоте и начáл итти дальше. Наконець, выбралсе он из этого болота и сам уж себя не помнит, куда он топерь попал. И даже забыл куда идёт, так ёго это болото измýчило. Потом захотелось ёму опеть ись, перекинул еицько с руки-нá-руку, конечно, поел, попúл, поспал, выстал, умылсе и пошол опеть вперёд.

Вот шол он близко-ли далёко, и смотрит горит огонёк, или вставает сонце. То немного ближе подошол, ярчéй и ярчéй стало и подыматьце стало выше. Хорошенько россмотрел, то увидел не сонце, не огонёк, а блестит золотой дворець. Подошол к этому он дворцю и увидал млаччую сестру у окна, мéньшую. Когда сестра тоже взглянула в окно, и увидала, што идёт брат, сразу выбежала к нёму настречу. Прибегает настречу, поздоровалась, взяла ёго за руки и повела ёго домой. Завела в дом, накормила ёго, напоила, полóжила ёго в кровать отдыхать, сама села рядом росспрашивать.

— Скажи мне топерь, братец, куда ты идёш, путь-дорогу дёржиш, снацяла мне, а потом обскажеш моёмý мужу.

А он отвецяет ей:

— Слушай, сестриця, я тебе тогда только скажу, снацяла ты мне росскажи, как ты живёш, как тебе жить. А я про себя обоим вам скажу вместе.

Она начáла говорить про себя:

— Да, брáтелко, мне очень хорошо жить, муж у меня очень хорошой, очень ласковой. Я знаю, когда он на Русь полетит, когда вернётце, все знаки знаю, он не скрывает от меня ницёго.

— А поцему же, сестриця, — спросил он ей, — я был у тех сéстер, у твоих, оны меня закрывали от своих мужевéй, а ты меня не закрываеш никуды?

— Я не закрываю и закрывать не буду, потому што он очень хорошой до меня. А те сёстры закрывают потому, што ты óтдал их не с радости, а меня по жаланию, и я ёго не боюсь. А топерь слушай: когда он полетит, я тебе скажу, токо не бойсе.

И вот сразу загремел гром, она и пришла к нёму:

— Вот смотри, топерь мой муж полетел, загремел гром, засверкает молния и затресётце вся комната и как у́хнетце, он взойдёт в дом, токо не бойсе.

Как только он прилетел в дом:

— Ух, шурин пришол! Топерь будем гулять, жона, челых деветь дней. Накрывай, жона на стол, носи чего знаеш, пойдёт сецяс гулянка.

Вот они пили, гуляли челых деветь дней, потом сели вместе с зятем.

— Ты скажи куда идёш, я буду тебя спрашивать.

— Знаеш, зять, куда я иду? Иду себя показать, да людей посмотреть, Елену Прекрасну замуж взять.

То сказал ему зять:

— Ну, пошол, так иди, токо скажу тебе, парень: я, конешно, почище всех братьев, и то у ней три цяса́ в темнице посидел, ну ускользнул.

Потом он ёму и говорит:

— Ну, слушай, шурин, топерь я сецяс в эту же минуту оберну́сь орлом. Когда я оберну́сь орлом, ростяну свои длинные крылья, то смотри, подходи ко мне ближе, бери моё правоё крыло и отщытывай девятое перо, и вытащы ёго.

Да, когда он обернулсе орлом, ростенул свои длинные крылья, то он подошол к нёму кряду, отщытал девятое перо и вытащыл. Вытащыл и стоит. Он обернулсе опеть зятем и сказал:

— Ну, ты, топерь роздевайсе, а ты, сестра, уходи минут на пять, а потом придёш.

Вот сецяс он розделсе и этот зять сунул ёму перо под кожу и сказал:

— Ну, одевайсе, а я тебе поясню.

И вдруг приходит сестра. Вот топерь снова они стали бесёдовать.

— Ну, слушай, шурин. Вот когда тебя убьют, — я узнаю, утопят тебя — я узнаю, сожгут тебя — я узнаю. И все мои братья узнают.

— А почему?

— А вот почему. Если тебя сожгут, то понесёт гарь. Оны щытают, што погиб наш брат, надо ехать, итти спасать. Если утопит тебя, то у нас у всех будет линять перо, также у братьев. Братья подумают, што наш брат погиб. А если убьют тебя, то окровавитце у нас одно перо у всех, и также у братьев. Вот почему мы все узнаем. А когда слетимсе, там видно будет. До этого долго.

Топерь он говорит своей жоны:

— Ну, жона, чем будеш своёго́ брата дарить? А я ёму дал подарок, которой ёму очень ну́жной.

Ну, она сказала:

— Ну, муженёк, а што же я ёму дам? Ты знаеш, у меня есть токо твоё заповедно кольцё, которо ты не велел никому давать.

Ну, он сказал:

— Отдай, для брата ницёго не будет жалко, а я на Русь полечу, тебе подарок опеть принесу.

Тогда подошла она к брату своёму́, сняла кольцё своё, подаёт и сказала:

— Ну, брат, эго кольцё, когда тебе самая последняя нужда будет, тогда только надень на́ руку.

— Ну, топерь, шурин, я тебя понесу, ну только смотри, штобы ты там никому не говорил, не только никому, ну боле всего ей, хто тебя принёс. Скажи, што сам пришол. Принесу тебя я черезь ейны заста́вы и сильно войско.

Вот он сецяс же простилсе с сестрой своей, а зять обернулсе орлом, посадил ёго на спину и полетели.

Вот долго-ли ко́ротко летели, он и говорит ёму, зять:

— Слушай, шурин, посмотри-ко, уж виднеютце ейны терема́.

Подлетает к те́рему, кругом те́рема стоит жолезной тын по подне́бесью, и кругом этого тына́ стоит стража, так што не было один аршин цёловека от цёловека. И все были вооружо́ны. Ну, орёл не смотрел ни на што, поднялсе со своима́

большима крыльями кверьху и занёс ёго в сад, где она часто ходила, и сам роспростилсе с ним и сказал:

— Ну, слушай, Ваня, смотри, не зевай.

Роспрощалсе с ним и с тем поднялсе кверьху, токо ёго и видел.

Вот он походил, походил по саду. Ёму што-то бытто думаетце, захотелось ись. Потом подумал:

— Да нет, не времё сецяс мне-ка ись, еще помéшкаю.

Вдруг токо взглянул вперёд, што-то просвéтило, смотрит выходит прекрасная чаревна, да была такая красавиця, што без слёз на ней смотреть нельзя. Вот она подошла к нёму и он сказал:

— Здраствуйте, прекрасная чаревна, давно мне хотелось тебя видать, топерь я тебя увидел.

— Здраствуйте, молодой цёловек.

Она стала ёго спрашивать:

— Как ты сюда попал, хто тебя принёс. Так ты попасть сюда никак не мог, скажи мне сечас.

— Как попал, — попал я очень слободно. Шол я мимо вашей стражи и она в то времё заснула, никто меня не видал, и зашол я в ваш сад.

— Ну, зачем ко мне пожаловал, то сецяс же мне скажи.

Он отвечает:

— Елена Прекрасная, всё време мечтал я о том, а топерь буду говорить. Я хочу на тебе жонитьце, если токо ты жалаеш.

Она на нёго взглянула, улыбнулась и сказала:

— Слуги, берите ёго, посадите в темницю, женишкá!

Сецяс прискакали слуги, захватили ёго, привели в темницю. Открыли темницю, посадили Ивана в темницю, а там в темнице столько было людей, што не было щёту. И всё это были женихи.

Сидит Иван царевич сутки, другие и третьи, и даже месець. И стало ёму очень скучно. Потом Иван спомнил:

— Ну, давай, повеселить рази робят!

Перекинул с руки-нá-руку еицько, открылась комната, и начáл потюрéмщиков угощать, и все пили, ели, радовались и спрашивали ёго, хто он такой есть. Он ответил им:

— Робятушки, меня зовут Иван чаревич.

И больше ничего. И все стали ёго благодарить.

Тогда спомнил он старшей сестры́ кольцё.

— Дай, — думат, — што будет.

Передел ёго с руки-на́-руку. Когда он передел с руки-на́-руку, то загремело четыре музыки и стали угощать всех потюре́мщиков. И такой музыки еще не было во всём государстве. И пришли двенатцеть девиць и стали тонцовать. И пошло такое веселье, што затреслась вся темниця, а слышало всё государьство.

Когда услыхала чаревна, што такие му́зыки какой не бывало в ейном государстве, то стала прислушиватьце, где это так. То сецяс же приказала служанке сходить посмотреть и вернутьце обратно. Служанка прибегает там к темнице, это там всё што-то чу́дилось и нача́ла смотреть и забыла зачем она пришла́. Не стерпела прекрасная чаревна, не могла дождатьце служанки, побежала сама. Ище простояла сама челой час, потом закричала громким голосом и сказала:

— Караульной начальник, сечас же отпереть темницю, сию минуту!

Когда стал открывать темницю, то Иван перело́жил с руки на́ руку кольцё и ницёго́ не стало, все стало мирно и спокойно. Вот когда открыл темницю, то вместе с караульным начальником зашли оны в темницю и она стала спрашивать потюре́мщиков, поочерёдно кажного.

— У кого есть такие вещи, продажны или нет, или ове́тны?

Все потюремщики были пья́ны и только ругали ей. Наконець, вышол Иван и говорит:

— Прекрасна чаревна, эта вещ есть у меня, ну не продажна, а ове́тна.

А што овет? — она спросила, чаревича.

Ове́т тебе по колен платьё залупить, а мне три часа́ вокруг тебя проходить.

Она и говорит:

— Нет, чаревич, этого нельзя, вот как лучче, давай другое што хош, а этого нельзя.

Долго она думала и наконец сказала:
— Ну, ладно, приходи ко мне около шести часов вечера.
Вот когда она ушла, потюремщики все закручинились:
— Напрасно ты, Иван царевиць, отдаёш ей вещ, а чем мы будем веселитьце и тебя благодарить?
Он сказал:
— Ну, ладно, робята, повеселимсе еще, хватит.
Провёл времё до шести часов и пошол во дворець. Когда приходит во дворець, то уж слуги знали про это и представили ёго чаревны. Она сечас начинает скидова́ть одёжу и велит становитьце ёму смотреть. Пороздéла лишное, подняла платьё до колен и он стал ходить вокруг ней три часа́. Вот проходил он полные три часа. Она закрычала:
— Слуги, оберайте ёго и ведите в тюрьму.
А Иван снял с руки кольцё старшой сестры и по́дал ей. В эту минуту был Иван представлен в темницю, где ёго сидели потюремщики. Когда увидали потюремщики, што пришол Иван, то все собра́лись к нёму и спросили:
— О́тдал, Иван, вещ?
— Да, о́тдал.
— Но чем-то-мы топерь будем веселитьце?
— Ладно, робята, повеселимсе.
Провели этот день, он спомнил средней сестры кольцё:
— Дай, — думат, — испытаю, што будет?
Взял ёго, передел с руки-на́-руку. Вдруг загремело восемь му́зык и вышло двенатцеть девиць в коротеньких одеждах и стали тонцовать и угощать потюремщиков. Пошло у их опеть тут весельё.
Когда робята увидали такое весельё, то опеть пошли петь, плясать, веселитьце и всё такоё.
Когда услыхала чаревна, што пошло у потюремщиков весельё еще на три раза́ больше и всё чарьство стало ходить и всё слушать, то не поверила своей служанке, кряду же побежала к темници сама. Прибежала к темници, посмотрела наверно часа́ два, опомнилась, наверно она зачем-то шла. Всё казалось очень вéсело. Вот и закрычала:
— Караульной начальник, отпереть темницю сечас.

Прибегает начальник, начинает отпирать темницю. Да. Когда открыл начальник темницю, то зашли оба они в темницю. А в это же времё Иван снимает кольцё, передевает на втору руку и всё стало спокойно, ничего не стало. И она тут же кряду сказала:

— Ну, Иван чаревич, у тебя эта вещ хранитце, ни у кого, продай мне её.

А он сказал:

— Нет, прекрасная чаревна, нельзя продать она не продажна, а ове́тна.

— А што ове́т?

— Ове́т мой такой. Тебе по грудям платьё поднять, а мне кругом шесть часов ходить.

— Нет, чаревич, того нельзя, што хош другое.

А он ответил:

— У меня ове́т такой, мне ина́че нельзя.

Тогда немного подумала:

— Ну, ладно, шесть, так шесть, приходи ко мне в семь часов во дворець.

Вот он приходит в семь часов во дворець, а уж из слуг ейных знали, зачем он пришол, сразу повели к ней. Приходит он к чаревны, то чаревна скидовает лишную одёжу, поднимает платьё по груди, Иван чаревиць стал обхаживать вкруг ей. Прошли шесть часов, до ча́су ночи. Сечас она закрычала, приказала увести обратно чаревича в темницю. Когда он пришол в темницю, то все потюремщики пришли к нёму:

— Што, Иван чаревиць, о́тдал ты наверно вещ?

— Да, о́тдал.

— Плохо дело, — все закручинились.

— Ну, што ж сделать, робята, еще повеселимсе когда-нибудь.

Когда прошло сутки или двои, он спомнил последнее, млаччей сестры это кольцё.

— Дай, — думат, — испытаю и то.

Вот только перекинул с руки-на́-руку, то кряду образовалась комната другая, загремело двенатцеть му́зык, пришли шеснатцеть девиць полунагие и кряду пошли танци. Робятки начали

пить и веселитьце. Робята все пили, гуляли, веселились, благодарили царевиця, што он их веселит, хотя сидели другие уже по дватцеть лет. Это кольцё такую силу имело, што всё цярьское, королесьское войско отгонило от темници и поставило своё, стража была кругом целиком своя.

Когда услыхала царевна такое весельё, пеньё, што ихно всё царьство колыблетце, то побежала, не стерпела, в темницю. Вот посмотрела она, цяса́ два постояла и закрычала:

— Караульной начальник, отпереть темницю!

Ей стража отвецяла:

— Мы тебе не подчиняемсе, наш хозяин сидит в темнице, мы его знаем, вашей стражи здесь нет.

Она сецяс же побежала отыскивать караульного начальника своего. В недалёком времени отыскала, привела, нача́ли отпирать темницю. Когда о́тперли темницю, а в это времё Иван уже снял кольцё и бы́ло всё спокойно, то она сразу заговорила:

— Ну, Иван царевиць, наверно у тебя есть такая вещ, продажна или ове́тна.

А пьяные потюремщики ходили и бранили ей почём зря, што ходиш, омманываеш Ивана царевиця. А он отвечает:

— Прекрасная Елена, у меня вещ не продажна, а ове́тна.

— Што у тебя за ове́т?

Он и говорит ей:

— Вот, Прекрасна Елена, если ты жалаеш раздетьце нага́, и я нагой, и я повисну над тобой и пролежу от девети часов вецера до шести часов утра, а тогда я тебе отдаю эту вещ.

Тогда она сказала:

— Нет, Иван царевиць, так нельзя. Этак у нас не делают.

— Ну, коль нельзя, то этой вещи я ина́це не отдам.

Она немно подумала и говорит:

— Ну, ладно, приходи же, всё ровно сделаем и так.

И она ушла. Топерь она ушла, а он и говорит своим потюре́мщикам:

— Вот, робята, когда я уйду к Елены Прекрасной, ну будет, как гово́рено у нас в по́лноць, а я вам оставлю еицько, и вы можете пить и гулять. Оно будет вас снабжать и будет

по́лноць времё, вы спомните и как раз в по́лноць закрыците во всё горло, штобы она задрожала. И уж там я знаю, што мне надо делать.

Так провёл он времё до половины девятого и пошол во дворець. Когда он приходит во дворець, то слуги знали, што зацем он пришел, берут ёго за руки и приводят к царевны. Вот она увидала Ивана чаревиця и стала роздеватьце. И приказала ёму, и оба стали роздеватьце вместе. Когда розделись, то легла, конецьно, на кровать, и он повиснул над ей на ремнях. . . . . Вот уже вёсли до полуночи. Царевна уже начинала засыпать, но Иван чаревиць не спал. Как сполнилось двенатцеть часов, то эты потюрёмщики скрычали так сильнё, што всё кругом затряслось, чаревна скоцила со сна, перепугалась, а в это времё. . . . .

Ну, она ёму после этого так сказала:

— Ну, — говорит, — Иван чаревиць, коли ты умел так сделать, дак доделывай до конця.

А он ей на ответ:

— Прекрасная Елена, это было не ря́жено.

А она:

— Нет, Иван цяревич, доделывай уж до конця, отдам назад все твои вещи, если ты не вериш ина́це, то пусть ты будеш моим мужем навсегда и все твои вещи сецяс верну обратно.

Вот проспала она с им ноць, стаёт утром и говорит:

— Но, Иван чаревиць, быть ты моим мужем топерь навсегда.

Вот когда Иван чаревиць проспал перьву ночь с чаревной, то она утром встаёт, умылись, по́пили чай и говорит она ёму:

— Вот, милой мой Иван чаревиць, вот я тебе даю двенатцеть ключей, в одинатцеть ходи, а в двенатцетой не ходи, тебе туда итти совсем нельзя. Я бы не дала двенатцетого ключа́ тебе, но он крепко прикован, розбивать не сто́ит, а ты помни, што я тебе сказала, а я полечю к своей тётушке прощусь, будем играть сватьбу за это времё.

Вот она кряду же, когда отда́ла, так и полетела.

Он на второй же день пришол к надзирателю, о́тпер темницю, и всех товарыщей своих выпустил из темници. Дал ов

им всем по коню и запасы сьесные, и все благодарили Ивана чаревиця и поехали. А сам пошол во дворець.

Иван чаревиць пошол открывать в её за́мке, што у ней, какие интересы хранятце.

Вот он ходил все эти три дня. На четвёртой день подходит к этым дверям, в которую она не велела зайти. Остоялсе, немного подумал:

— Ну, поцёму же она мне-ка не велела зайти, ну што там есть, всё ровно мне надо зайти, я посмотрю, всё ровно надо мне сходить. И давай, — думат, — открою.

Нацинает отпирать эту дверь. Заходит он в эту дверь, то смотрит в середине темници этой стоит котёл, под котлом огонь, а котёл был закрыт. Топерь он стоит, смотрит, интересуетце и вдруг цёловек заговорил под крышкой:

— Иван чаревиць. уж выпустил всех, выпусти и меня.

— Как же я тебя выпущу, хто ты есть, скажись мне, я тогда может и тебя выпущу.

Он и говорит:

— Иван чаревиць, я тогды скажу, когда ты меня выпустиш или даш мне немного напитьце воды.

— Где же я возьму воду, у меня воды нет, я пришол без воды.

— Да мне немного, хоть с пальця на огонь, я тебе перьвую вину прощу.

Подумал Иван чаревич:

— Што я ему виноватой?

Немного погодя намоцил руку, приносит и брызнул на огонь. Под котлом огонь погас. Топерь вдруг потух под котлом огонь, открылась крышка и заговорил цёловек:

— Иван чаревич, дай мне напитьце я тебе вторую вину прощу. А потом скажу, хто я есть.

Иван чаревиць думает:

— Што я ёму сделал?

Сходил, принёс кружку воды и напоил, он стал уже на ноги. Стал на ноги и заговорил:

— Ну, Иван чаревиць, топерь сделай мне-ка еще просьбу, я тебе третью вину прощу. Возьми из печки кирпиць и ударь им по котлу, тогда я всё тебе росскажу.

13*

Тогда Иван царевиць подошол к печке, взял кирпиць, ударил по котлу, вышел совершенно на волю цёловек. Когда вышел из котла и заговорил:

— Ну, Иван царевиць, ты знаеш, хто я есть?

— Не знаю.

— Я есть сам Кощей Бесьмёртной. И спасибо, што ты меня выпустил. Вот, Иван царевиць, топерь царевна моя, а не твоя, потому што я перьвой жених был у ней, и перьву ноць нацинал спать, ну мне не вышло удаци. Она сумела меня с перьвой ноци стяпать в котёл и закрыть крышкой. С тех пор я всё был под крышкой. А топерь я полечу домой, захвачу ей дорогой, она уж едет сюда, отнесу ей домой, а ты ко мне не приходи. Если ты перьвой раз ко мне придёш, вот я перьву вину тебе прощу, не убью, втору вину тоже прощу, третий раз придёш — тоже прощу. Тебе не терпеть, штобы не ходить за Еленой Прекрасной. Вот уж когда ты на четвёртой раз придёш, я тебя убью, так и думай.

Тогда Кощей Бесьмёртной попрощалсе с царевицем, Иван царевиць закрыл погреб и пошол домой печальной.

— Што я топерь наделал!

Ждал, однако-то месець ей, прекрасную Елену, ну дождатьце не мог.

— Ну, верно взял ей Кощей Бесьмёртной. Ну, во што бы ни стало пойду розыскивать, где Елена Прекрасная.

Приказал напекчи подорожничков и сухариков с собой. Дальше царевиць мигом же собралсе и отправилсе в путь.

Идёт он близко-ли далёко, низко-ли, высóко, всё попадает вперёд. Приходит он к одному глубокому ручью и нацинает переходить ёго церезь. И упал в этот ручей, и долго он в этом ручье тонул, и упала у нёго торбочка, и кóльця и все вещи, только, только он вышел на сушу. Топерь идёт дальше и близко приходит к Кощея жилищам. Подошол близко, то смотрит Елена Прекрасна пошла с ведёркамы к речке за водой. Как он только увидел ей и заговорил:

— А вы ли есть Елена Прекрасная?

— Ты ли, мой милой Иван царевиць, што ты сделал, отпустил Кощея из котла?

Тогда она бросúла котлы, прибегает к нёму, нацинает ёго обнимать, ласкать и целовать.
— Ну, росскажи, Елена Прекрасная, где у тебя Кощей Бесьмёртной?
— Сецяс ёго дома нет, да наверно скоро приедет.
— Так вот, Елена Прекрасная, давайте убежим от Кощея куда-нибудь скроемсе, он нас не нáйдёт.
Елена Прекрасная согласилась с царевицем бежать. Вот убежали по лесной дорожке и скрылись в лесу.
Вдруг приходит Кощей домой. А у нёго стоял волшебной конь прикованой на цепи у своёгó окна. Вот он подходит к своёмý коню и говорит:
— Ну, здраствуй, дорогой мой кóньчик, дома ли моя Елена Прекрасная?
Тот отвечает:
— Нету дóма.
— А где она?
— Унёс Иван царевиць.
— А скоро ли мы ёго догóним?
— В три минуты, — отвецяет конь.
Сел Кощей на коня своёгó и в три минуты розыскал Ивана царевиця, взял он Елену Прекрасную. Иван царевиць осталсе в лесу один. Иван царевиць немного подумал и думает:
— Да, однако-то, пойду я еще второй раз. Всё ровно он меня не убьёт до трёх раз, буду ходить.
Да, вот не в долгом времени опеть приходит к Кощею жилищу. Только подошол, то стречает Елену Прекрасную:
— Ну, здраствуй, Елена Прекрасная, дома ли он?
— Нету дома.
— Давайте побежим.
Она бросúла вёдра, схватила ёго за руку и побéгли в лес. Долго они бежали, наконець скрылись в лесу и стали советовать под одной ёлкой, как им бежать.
Вот только приходит Кощей к дому, так сразу же приворачиват к своёму коню и спрашиват:
— Ну, любимой мой кóньчик, говори, дома ли моя Елена Прекрасная?

— Да нету.
— А хто ей унес?
— Иван чаревиць.
То он садитце на нёго.
— А долго ли мы ей достанем?
— В четыре минуты.
Вот подьехал, отыскал, посадил Елену Прекрасну на коня, а Иван чаревиць осталсе в лесу. И сказал:
— Вот, Иван чаревиць, я тебе уж вторую вину простил.
Привёз он ей домой, а Иван чаревиць стал думать, што ёму топерь делать, наконець порешил:
— Дай еще пойду, всё ровно пойду, пока жив.
Он сечас же опеть пошол в жилище Кощея. Приходит к Кощееву жилищу, то сразу же увидал ей, што она идёт на берег, сговорились и сразу же побежали в лес. Так. Вот уселись оне под одну ёлку, окопались и стали сидеть.
— Ну, не найдёт нас топерь Кощей Бесьмёртной, — говорит Иван.
Вдруг приходит Кощей Бесьмёртной домой, подходит к коню и спрашивает:
— Ну, любимой мой конь, дома ли моя Елена Прекрасная?
Тот отвецяет.
— Нету дома.
— Скоро ли мы ю догóним?
— Догóним в пять секунд, Елена Прекрасная будет наша.
Садитце на нёго и поехали. Приехал Кощей к Ивану чаревицю, берёт ей и говорит:
— Ну, Иван чаревиць, я тебе третью вину простил, топерь ты ко мне не ходи, я тебя убью.
Посадил Елену Прекрасную на лошадь и увёз домой.
А Иван чаревиць долго думал, наконець, решил:
— Пойду ище раз, што будет, убьёт — убьёт.
Вот он подхóдит к Кощееву жилищу, Елена Прекрасная выходит из ворот, и он стрéтил ей.
— Я видел дорогою большой костёр дров, ухоронимсе в нёго, он нас не найдёт.

И так побежали. Вот прибежали к этому костру и ухоронились в дрова.

В это времё приходит Кощей домой к своему коню любимому и спрашивает:

— Ну, любимой мой коньчик, дома моя Елена Прекрасная?

— Нету дома.

— А где она?

— Унёс Иван царевич.

— Ну, скоро мы ей поимаём?

— В шесть секунд.

Подьежжают к этому костру, Кощей Бесьмёртной берёт Елену Прекрасную и зажигает этот костёр с четырёх сторон. Вот когда роспылалсе большой костёр, то он бросил Ивана царевиця в этот костёр и сказал:

— Ну, Елена Прекрасная, смотри, где твой Иван царевиць, не скучай больше по нём.

Так. Когда этот костёр сгорел, то он посадил ей на коня и увёз домой, и сам уехал на год.

Вот узнал во перьвых млаччий брат орёл, што сгорел ёго шурин и также узнали все братья, што сгорел наш млаччий брат орёл, тоже полетели на помогу спасать брата. Во-перьвых, прилетел орёл и стал своима длинными крыльями пахать пепел в куцю и вдруг прилетают голубь и ворон.

— Ну, здраствуй, меньшой брат, мы думали, што ты сгорел, а ты тут.

— Это сгорел не я, а наш шурин, давайте спасать скорее, пока нет Кощея Бесьмёртного дома.

Вот и заговорил млаччий брат орёл:

— Ты, старшой брат ворон, лети за живой водой, а ты, голубь, за мёртвой. И я в это времё соберу весь пепел в куцю и как можете скорее вернитесь обратно.

Ворон улетел за живой водой, голубь за мёртвой, а он гребёт пепел в куцю.

Не в долгом времени прилетели обои вместе. Вот когда оны прилетели, то сечас орёл берёт флякончик с мёртвой водой, спрыснул пепел, образовалось тело, спрыснул живой водой, Иван царевиць встал.

— Фу-фу, — говорит, — долго спал, а в пору встал.

Тогда заговорил ёму орёл, ме́ньшой брат:

— Да, шурин, еще бы ты поспал, как не мы, это тебя спасло, как я тебе дал подарок. Вот ты топерича к Кощею не ходи. Если он тебя убьёт второй раз, то мы не узнаем, и ты поги́неш. А вот тебе мы даём совет какой: тебе надо итти к волшебнице, ёго тётке. Ну, она живёт хоть не близко, но дойдёш. И у ней есть триста кобыл и есть один жеребец, которого она не любит, он лежит под яслямы. И вот у ней нет пастуха. Подавайсе к ней в пастухи, будеш ты у ней пасти три го́да, она тебя возьмёт на три го́да. Она возьмёт тебя с таким условием. Если ты в три го́да, хош в последний день, потеряеш одну кобылу, то голова с плець. Вот когда ты пойдёш от нас и долго тебе придётце итти, у тебя уж мало будет хлеба, и ты будеш голодной, ты увидаеш у одного куста стоит сви́той пузырёк, это называемые осы, которые клюют людей. А будет в это времё холодная погода. Вот, а там в пузырьке будут ма́лые дети, они будут холодные, ты их прикрой и стой у этого пузырька, пока не прилетит ихна мать. Когда она прилетит, озлитце, то хочет тебя клевать, то ма́лые дети заговорят: „Нет, мама, не клюй, если бы он не спас, не прикрыл от холоду, то мы бы все погибли". Да. Она тогда скажет тебе: „Спасибо, молоде́ць, коли ты мне сделал тако добро́, когда я буду тебе нужна, я тебе помогу".

Тогда заговорил второй брат голубь:

— Вот, Иван царевич, я тебе от себя тоже наказ дам. Когда ты пойдёш к этой волшебнице, Кощея тётушке, то ты увидаш дорогой, волчёнок будет щенитьце, хотя ты уж будеш голодной, ты осмельсе сказать: „Ну, волчонок, сьем я тебя, очень уж я голодной". А он тебе: „Нет, доброй молоде́ць, не еш, я тебе пригожусь". Если есть у тебя хоть немного крошек в кормане, ты высыпь ёму, но не еш, и сам иди дальше.

Тогда заговорил уже последний зять.

— Ну, шурин, и я тебе от себя даю совет. Когда ты дойдёш к этой бабушке, волшебнице, недалёко от ёйного жилища

будет озеро, увидаш щуку на берегу, котора обсохла водой. Вот ты и скажеш: „Ну, сьем я тебя, щука“, а щука и скажет: „Нет, Иван чаревиць, не еш, отпусти меня в озеро, а я тебе очень буду нужна́, только вспомни меня“. Так. Когда ты ей спустиш в озеро и дальше ты уж придёш к баушке и наймёссе ей в пастухи, пропасёш ты три года, всё тебе пройдёт благополучно, она и скажет: „Ну, сынок, выбирай любого коня из трёхсот“. Она в эту последню ноць будет омывать ко́ней в бане, выжимать у них силу. Когда она это всё выжмет, поставит их в ряд, а силу всю вгонит в жере́бятка, которой лежит под яслями, вся у нёго будет сила трёхсот ко́ней, а этых поставит рядом кобыл. Вот позовёт тебя, ты придёш, посмотриш, скажеш: „Нет, баушка, не надо мне всех этых кобыл, отдай только мне лучче жере́бятка, которой лежит под яслямы“. Ей жалко будет отдать, ну придётце, как было у вас соглашенье. А топерь ты иди, придёш к Кощееву жилищу, может ты Елену увидаш, немного с ней поговори, ну с собой смотри ей не бери.

Да. Тогда попрощались зятья со своим шурином, розлетелись в разны стороны, а Иван цяревиць пошол к Кощеевой жилищу. Когда он приходит к Кощееву жилищу, увидал Елену Прекрасну, она подходит к нёму и смотрит ёму в лицё, даже худо может узнать. И сказала:

— Ты ли есть, Иван чаревиць?

— Да, я.

— А как же ты мог ожить?

— Меня оживили мои зятья.

— А хто тебе будут зятья?

— У меня орёл, во́рон и голубь, вот мои зятья, у меня все сёстры за нима́, и их три брата.

— Да, — она сказала, — знаю, знаю, молодцёв, они все у меня побывали под арестом, хоть недолго, ло́вки робята, не даром ты воскрес. Так што тебе сказали зятья?

— Мне сказали зятья: увидаш Елену Прекрасную можеш с ней поговорить, только ёй с собой не бери. Я пошол топерь к морю, к евонной тётушке.

— Да, вот и поди.

Иван чаревиць роспростилсе с ней, она заплакала, и Иван чаревиць ударилсе в путь-дорогу.

Да. Вот идёт он долго ли, далёко, дорога всё немного подаваетце. Наконець, увидал он пузырёк, осиное гнездо, в этом пузырьке детишки плачут от холоду. Он подошол поближе, взял прикрыл их полой, и стоит рядом. Вот вдруг прилетает ихна мать и кричит:

— Сьем, расклюю я тебя, молодець.

А дети кричат:

— Нет, мама, если бы этот цёловек нас не прикрыл, то мы бы погибли.

— Ну, ладно, — сказала она наконець, — погоди, ты спас моих детей и я пригожусь на перьвой случай.

Иван чаревич пошол дальше. Вот опеть идёт, идёт и идёт, уж ёму очень захотелось ись. И видит под ёлкой стоит волк нацинает щенитьце. Он подходит ближе.

— Ну, сьем я тебя, волчонко.

А волчонко на ответ:

— Нет, Иван чаревиць, если есть кусочек хлеба, то дай еще мне-ка, а я, смотри, тебе пригожусь.

Тогда Иван чаревич вывернул корманы, последни крошки вывернул волчонку, сам пошол дальше. Вот идёт, идёт, еще ёму хуже, голодней стало. Наконець, подходит к озеру и увидал лежащую щуку на берегу.

— Ну, щука, топерь я пообедаю, а то еще не едал уж много дней.

То заговорила щука ёму:

— Нет, Иван чаревиць, ты меня не еш, а лучче спусти меня в озеро, я тебе при большой нужды помогу.

Тогда Иван чаревиць спустил щуку к озеру, сам пошол и видит стоит небольшой домик, кругом домика стоит ограда, кругом ограды по колышку, а на каждом колышке по головушке, только нет одной, одна стоит пустая. Он пощытал сто колов, а девеносто деветь голов, и думает:

— Не моя ли сотенна?

Сам зашол в избушку. Так. Зашол в избушку, смотрит, сидит старуха и спросила ёго:

— Зачем пожаловал ко мне, доброй молодець?

А он отвецяет:

— Да, баушка, я слышал, ты нуждаессе пастушком, и я хочу у тебя послужить.

— Вот, вот, давно уж пастушка у меня нету, я очень рада, можеш поступить.

И стала Ивана чаревича кормить и поить. Накормила ёго, напоила, улóжила ёго в кровать и стала говорить, как он должон ей служить пастушком, за какие чены.

— Дак вот, Иванушко, у меня пастушки служат не за деньги, а за коня́. Пропасёш ты у меня три гóда, выбирай любого из стада, я должна дать какого токо ты пожалаеш. Только дело в том, если потеряеш в трёх годов, хоть в последний день одну кобылу у меня, то твоя голова с плець. Вот она будет, как други висят.

— Ну, ладно, баушка, как-нибудь может я постараюсь.

— Вот, вот, сынок, с завтрошнего дни можеш нацинать.

Так. Вот переспáл Иван ноць, на утро она выгоняет своих кобыл и говорит:

— Ну, смотрите, дуры, если вы конáетесь ёму, и даитéсь, то я у вас шкуру спущу.

Вот Иван выходит, берёт этых все триста кобыл и выгоняет в полё.

Когда он вы́гонил только в полё, то эти кобылы бросились по кустам, церезь цяс уж он больше не видал. Иван чаревиць бегал, бегал челой день, розыскивал их, найти не мог, наконець повалилсе на камень и заплакал.

— Ну, погиб я топерь!

Плачет и приговаривает.

— Тут не одна потерялась, а все триста, с чем я топерь приду к старухе?

Топерь он спомнил:

— Да я ведь шол мимо осиного гнёзда, мне оса хотела помоч, кабы она топерь мне помогла.

А всё лежит и плачет.

Вдруг скинул глаза, смотрит, летит стадо ос, што бытто облако и пролетели мимо нёго. А он всё смотрит, лежит.

Немного погодя, то видит, што его кобылы летят всем стадом, поднявши хвосты, и он соскоцил с ка́мени. Побежал за этыми кобылами вслед, а эты кобылы неслись прямо к двору, а осы неслись за ними, клевали и погоняли сзади. Когда прибежал к воротам, то закрычал:

— Баушка, отворяй ворота, щытый своих кобыл.

Так. Старушка наця́ла кобыл щытать, сощытала и говорит:

— Ну, молодець, Иванушко, хорошо пасёш.

Сама заперла кобыл и говорит:

— Вы што делаете, поддались Ивану, у всех я шкуру сгоню.

А кобылы отвецяют:

— Тётушка, не могли мы никуды скрытьце, навалились на нас осы, и не дали спокою, выжили совершенно из ле́су.

— Ну, ладно, если вы на завтрошной день ему сдаите́сь, то помните, будет вам хорошая баня.

Кобылы сказали:

— Ладно, тётушка, на завтрошной день видно будет.

Вот прибежала баушка в избу, кормит Ивана и хвалит:

— Ну, молодець, Ванюша, у меня. У меня так тоже хорошо пас мой кре́сьничёк, Кощёй Бесьмёртной, и вы́пас он у меня коня.

Это как день щытаетце год. Переспа́л Иван ноць, на второй день старуха берёт своих кобыл и гонит их в лес. Только вы́гонил Иван до́ лесу, то кряду все кобылы скрылись, долго бегал, искал, искал, пал на камень, заплакал:

— Што топерь буду делать?

Топерь опеть же спомнил он про эту волчиху, котору кормил:

— Вот хотя бы эта волчиха мне помогла!

Скинул глаза, вдруг видит бежит стадо порядошно волков, пробежали мимо его. Немного погодя, то смотрит его кобылы с за́драными хвостами бежат, а волки сзади им рвут задници. То он скоцил, побежал за има́. И вот эти волки всё времё до двора провожали. Когда он приходит к ворота́м, то закрычал:

— Баушка, открывай двери, щытай своих кобыл.

Баушка нача́ла щытать, щытала, пощытала и сказала:

— Иванушко, молодець!

Стала закрывать и стала их бить и ругать. Вот оны плацют и говорят:

— Тётушка, рази там был спокой. Навалились волки на нас, все задници у нас перéрвали, посмотри, все мы в крови.

Вот она и говорит им:

— Ну, смотрите, на завтрошной день увидаете озеро, бросайтесь в озеро, из воды он вас не достанет и достáть нихто не может.

Так. Приходит старушка домой, кормит Ивана и хвалит:

— Ну, молодець, Ванюша, еще пропаси год у меня, тогда получиш любого коня из стада.

Переспáл Иван ноць, на утри ставает, берёт своих кобыл и погонúл как раз мимо этого озера. Вот только сгонял к озеру, то эты кобылы все обернулись щуками и бросúлись в озеро. А он еще хуже заплакал:

— Ну, вот, топерь мне уж конець, в озере их никому достать нельзя.

И сказал:

— Погиб я топерича из-за Елены Прекрасной. Топерь ей не видáть и я погиб.

И потом немного подумал и спомнил:

— Да, я шол мимо этого озера, я спустил ей в озеро, она мне обещалась помочь. Ну, щука, помоги мне-ка!

Вдруг озеро всколыхалосе и выскакиват щука, подаёт ему дубинку:

— На, Иванушко, держи дубинку, а я сецяс пойду выгонять щук, а ты только щытай.

Да, сечас щука вернулась в озеро, начинает вымахивать щук, а он токо стоит и щытает, держит дубинку в руках. Щытал, щытал, двести девеносто деветь нащытал и заговорил:

— Нет еще одной.

Тогда щука бросúлась искать по всем глубоким местам, по всем камням и по всем пропастям. Искала, искала, наконець нашла, вытащила ей и говорит:

— Ну, Иван, топерь иди, помахивай дубинкой вдоль дороги, а кобылы твои побежат вслед за тобой.

Так. Вот Иван пригонил ко двору и крычит:

— Баушка, отворяй ворота, щытай своих кобыл.

Баушка щытала, щытала, всех нащытала и сказала:

— Ну, молодець Иван, только ты отличилсе, да мой кресник Кощей Бесьмёртной.

Сама пошла загонять кобыл и начала их стегáть. А оне говорят, стоят и плачут:

— Маменька, любимая наша тётушка, уж я как не применялась, хитрее всех, ну всё-таки розыскала нас щука, вытащила нá гору, вдобавок дала ёму дубину такую, што укрытьце мы никак не могли.

Так. Топерь она прибежала домой и сказала.

— Ну, Ваня, поеш, попей, отдыхай, а я пойду топить баню, вымою, выглажу их на завтрошной день, выбирай любую из них, дам я тебе.

Вот Иван поел, лёг спать, а старуха топила баню и поочерёдно вымывала и выжимала из них силу и загáнивала в этого жерéбятка, которой лежал под яслямы. Это всё она приготовила, на второй день согрела чай и сказала:

— Ну, пойдём, Иван, я тебе покажу своих кóней, выбирай любую.

Вот оне приходят вместе со старухой, а он начáл смотреть кобыл. Немного посмотрел и спомнил:

— Нет, баушка, не надо мне этих твоих кобыл, а дай мне того жерéбятка которой у тебя лежит под яслямы, потому што мы на это рядились, што любой взять из стада.

Старуха сама себя подерёт зá волосы, пощыплет себе хóлки, жалко ей было отдать этого жерéбятка, ну уж делать было нечего. Вот, потом она пошла в конюшню, выводит этого жерéбятка и даёт:

— Ну, на, Иван, коли уж у нас с тобой были ря́ды, делать нечего, приходитце отдать.

Когда Иван получил ей в руки, вскочил на него, простилсе с баушкой, спросил своего жерéбятка.

— Милой мой жерéбяток, скоро ли мы приедем к Кощею Бесьмёртному?

— Мы доедем до него в полцясá.

И он не успел опомнитьце, как у него па́ла с головы шапка. Он сказал ёму:

— Ох, шапка спала с головы.

— Ну, уж топерь поздно.

И вдруг приеxжает он в жилище Кощея Бесьмёртного. Увидал свою Елену Прекрасную, идёт же она опеть с ведёрками за водой и говорит:

— Ну, Прекрасная моя Елена, садись на мою лошадь, топерь поедем.

Она от радости уронила ведро с руки, броси́лась к нему, а он соскочил с лошади, усадил ей на лошадь, а сам сел рядом.

Вот вдруг приходит Кощей к своему доброму коню и спрашивает ёго:

— Ну, любимой мой конь, скажи, дома ли моя Елена Прекрасная?

— Нет, не до́ма.

— А где она?

— А Иван чаревич унёс.

— А скоро ли мы ёго догоним?

Отвечает конь ёму:

— А не знаю.

— А почему ты не знаеш, как раньше знал?

— А вот почему. Сечас Иван чаревиць сходил к твоей тётушки и выпас жере́бятка у твоей тётушки, и у этого жере́бятка триста сил, а у меня тринатцеть. Так знацит дале́ко мне за ним гнатьце.

— А как же он о́жил, как был сожжо́ной?

— Его оживили зятья, орёл, ворон, голубь и научили куда ёму итти.

Сецяс он говорит:

— Ну, ладно, всё ровно может ёго поимаю. Тебя загоню, тётку убью, всё ровно от Прекрасной Елены не откажусь.

А Иван чаревиць двигалсе потихоньку, ожидал Кощея Бесьмёртного.

Вот Кощей сел на коня и не в до́лгом будущем увидал Ивана чаревиця, закрычал:

— Отдай, Иван царевиць, добром мне Елену Прекрасную.

Иван царевиць скрычал ему:

— Вот если догони́ш меня, то получиш, не догони́ш — не получиш.

Прижал своего́ жерёбятка и скрылсе Кощею Бесьмёртному из глаз. Иван царевиць остановил свою лошадь, пустил шагом, и стал ожидать Кощея Бесьмёртного, пускай подьедет ближе. Вот видит едет Кощей Бесьмёртной, у него лошадь до того со́гнана, што стала запи́нываться. Увидал и закричал:

— Отдай, Иван царевиць добро́м, всё ровно я тебя поимаю.

— Вот поймаеш, потом похвасташ.

Опеть при́жал свою лошадь и скрылсе из виду. Иван царевиць удержал свою лошадь опеть, пустил ей шагом, стал дожидать Кощея. Подьежжает Кощей поближе, измученная его лошадь споткнулась и упала, тут и сдохла. А он опеть прижал свою лошадь и осталсе Кощей один, сам скрылсе из виду.

И гонялсе он за ним полгода времени. Опеть он остановил лошадь, подбежал Кощей к нёму и закрычал:

— Отдай мне Елену Прекрасную, — а у самого уж язык волочитце на аршин из глотки.

Иван царевиць опеть свою лошадь по́джал и осталсе Кощей один. Вот уж он долго, долго ждал Кощея, почти отьежжал домой на несколько минут и приежжал обратно, ждал его челых три месеця, больше не видно, где-то подох, до того догонялсе.

Эта вся опасность их успокоилась радостью, и оны приехали домой, в свой дворець. И завёл своего́ коня в дорогую конюшню и велел его кормить, што только он жалает и ухаживать за ним как можно лучче. А Елена Прекрасная в это времё со́брала пир и просла́вила Ивана царевича, подала на своё чарьство, а сама с ним стала жить.

Пожил Иван царевиць один год и говорит Елены Прекрасной:

— Ну, милая моя, Елена Прекрасная, я топерь еду посмотрю своих зятевéй и чарьство своё и обратно вернусь к тебе.

Так. Она говорит ёму:

— Милой мой Иван царевиць, возьми меня в собой, вместе мы поедем, царьство наше никуда не деваетце.

Вот они с радости сели на лошадь и поехали в своё царьство. Когда в царстве узнали, што приехал Иван царевиць, то пошло такоё весельё, торжество, што вернулсе Иван царевиць обратно. А он коли скоро отдал это царьство, то не согласилсе жить в своём царстве и поехал обратно. И приехал к своёму зятю ворону, завернул. Когда он приехал к зятю, то сразу сестра увидала, што едет брат, ну, зятя не было дома, выбегает сестра ёго на крыльцё. Встретила, завела в покои и начала их угощать и сказала:

— Подождите, пока приедет мой муж.

Так. Вот не в долгих приехал и сказал:

— Ну, шурин, молодець, всё ты исправил, и топерь можеш жить спокойно. Поживи у меня сутки и потом поежжай домой.

Вот он прожил сутки, попрощалсе с зятем и с сестрой и отправилсе ко второму зятю, голубю. И так же в скоро время он к нёму приехал. Когда увидала сестра ёго, што приехал брат, то выбегает, стретила ёго и завела в комнаты.

— Ну, братець, мужа моёго нет, подожди, верно он скоро прилетит.

Вдруг прилетает голубь и заговорил:

— Ну, молодець, шурин, всё ты исправил, топерь будеш жить со своей Еленой Прекрасной спокойно. Поживи хоть двои сутки у меня, долго мы с тобой не видались.

Так. Вот он обжил двои сутки, попрощался с зятем и сестрой и полетел к своему зятю орлу. Только прилетел к нему, уж сёстра увидала, побежала настрету. Радуетце, обнимает и невестку и брата и завела в дом. Только привела, кряду же загремел гром.

— Вот, вот, мой зять летит.

Накрыли стол, так кряду прилетел орёл.

— Ого, кого я вижу, шурин прилетел со своей Еленой Прекрасной. Ну, молодець. Топерь, хозяйка, будем гулять трои сутки, больше ёго держать нельзя.

За эти трои сутки он всё россказал, што происходило, как он ходил к баушке волшебнице и как он достáл коня, как погиб Кощей и как он за ним гонялсе.

— Ну, молодéць, шурин, хотя у тебя были хорошие вещи, ты их дорóгой потерял, ну всё-таки достал Елену Прекрасную и живи с богом.

Тогда поблагодарил он зятя своёгó и сестру и велел приежжать к ним в гости, а сам роспростилсе с ними и поехал обратно с Еленой Прекрасной.

Приехал он обратно в Елены Прекрасной чарьство, стал править чарьством и жить они стали до глубокой старости.

На том она и кончитце.

9. СЕВЕР (САПОГИ СКОРОХОДЫ)

Вот не́ в котором царстве, не́ в котором государстве было два брата. Один был богатой, а другой бедной. У бедного брата было много детей, а у богатого не было никого, и он жил очень исправно и богато. Как бы бедной брат ни роботал, а ему всё не хватало, потому што у него было большоё семейство. Он даже наставля́л, — роботал в праздники. Брат богатой ему ницёго не помогал, когда бы тот цёго ни попросил, во всём ёму был отказ. И вот однажды выехал он в праздник пахать и смотрит и евонной брат пашёт тоже, а полосы у их были ря́дом. Подошёл он к брату:

— Здраствуй, брат. Уж тебе-то не прощаетце в праздник роботать, ты и так богатой. Меня ведь нужда заставлят.

Вот этот брат ёму и отвецяет:

— Нет, я тебе не брат.

— Как не брат?

— Я не брат тебе, а братнёво щастье. Твой брат сам никогда не роботал, а я роботаю всегда за него, потому он и живёт богато.

— Дак как же это быть, у брата щастье есть, а где же моё щастьё?

— Да, есть и твоё щастьё, если хочеш, то можёш найти и будеш таким же богатым, как брат.

— Ну, дак я бы попросил тебя, как мне найти моё щастьё?

— Ну, слушай, я тебе буду говорить. Вот ты сицяс поди домой. Если есть у тебя хлéба, какой запас, штобы взять на три дня с собой, тогда забирай это с собой и выйди из города в лес. Тебя поведёт дорога. Ты иди по этой дороге. Иди по этой дороге цéлой день, потом тебе дорога будет казатьце хуже и хуже и заведёт в такой тёмной лес, што тебе покажетце и совсем будто нет дороги. И потом ты увидаш деветь стоит осин в одном кусту́, и одна одной толще и вот которой са́мой толсто́й оси́новой дуб, полезай туда и когда вылезёш, увидаш отверстие. Ты сунь туда руку и вытащиш оттуль ящычок. В этом ящычке и есть твоё щастьё. Не открывай до тех пор, пока не принесёш домой.

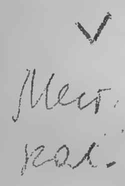
Тогда он поблагодарил за это братнево щастьё и пошол домой, не стал больше роботать. Пришол домой и говорит своей жоны́:

— Скажи мне, жона, есть ли у нас хлéба на трои сутки, я пойду искать своё щастьё, как мне про него ротсказывало братнево щастьё. Ты скажи, можеш ли это времé прожить?

И вот она говорит:

— Может быть тебе я соберу, но не знаю, как сама проживу это времё.

И так со́брала. Он отправилсе тем путём, как ёму обсказывало братнево щастьё. Вот он идёт день и даже сутки, дорога всё хорошая. Потом на вторые сутки дорога хуже и хуже, и едва заметна стала тропинка. И вот стала такая темнота, што один только глухой лес. И он как раз розошолсе и увидал эты деветь оси́н стоят все вместе на одном кусту́. Так. И вот он увидал са́мой то́лстой дуб, которой был толще всего. Когда влез, видит отверстие, и сунул руку в нёго. Вытащил оттуда ящычок и спустилсе и пошол обратно домой. Когда он пришол домой, то сецяс же открывает этот ящычок, а там сидит утоцька в этом ящыке. Конешно, она была живая. Да, и утоцька эта открывала рот, и оне, конешно,

не знали, как были неграмотные, а в ро́те у ней было написано, у этой утоцьки:

„Кто от этой утоцьки сьест головушку — тот поступит на чарьство, а кто сьест по́трохи — тому кошелёк-самотряс, и всё будёт на свете знать.“

Та-ак. И вот он говорит своей жоны́:

— Она ведь маленькая, если сварить на се́мью, што с ней будет, а лучче нести купцю в магазин, может он што-нибудь и даёт.

И так оне и сделали. Она говорит:

— Правда, неси, может он што нибудь и даст.

Он сечас берёт эту утоцьку, конешно, с ящычком и несёт в магазин к купцю. Когда он принёс в магазин к купцю, купець, как раз, был в магазине и он сказал:

— Вот што, купець, купите у меня эту утоцьку, может она вам понравитце?

— Ну-ко, покажи, што у тебя тут есть?

Вот сецяс же он вы́ложил уточку, и уточка открывает рот. Купець сецяс процитал надпись и ницёго не сказал, токо спросил:

— Сколько ты за ей хочеш, — он думал, што тот знает, што в этой уточки находитце. Тогда он ёму сказал:

— А я не знаю, купець, наверно, вы знаете, што она сто́ит, она небольшая животная, што вы́ даите́, то я и возьму.

Тогды купець говорит:

— Ну, слушай, мужи́чок, я те́бе дам дом двухъетажной, и даю тебе золота сколько ты можёш унести, довольнё тебе будет?

— Ну, и ладно, сколько даёш, то и ладно.

Значит, приводит он к деньгам, даёт ёму мешок.

— Ну, насыпай, сколько ты можеш унести, и вот тебе дом, в котором ты можеш жить.

Этот старичок так обрадел, на́брал золота пуда четыре, пришол к жоны́ и говорит:

— Ну, хозяйка, вот тебе деньги, топерь будём хорошо жить. И вот дом, в котором будем жить.

И так оне всё и сделали. Так перешли в этот дом и стали жить, забыли всю нужду.

Дальше топерь их оставим, займемся этим купцём.

Вот этот купець берёт эту уточку, приносит ей домой, полóжил ей в сáдик, а ёму надо было итти за товаром. Товару у него не стало, а он имел двенатцеть кораблей. Да, и вот он своей говорит жоны:

— Слушай, жона, пока я хожу, ты похраний эту уточку, дёржи в моей спальни и никуда ей не давай, хотя она и сдохнет, пусь будет там, никому не давай ей ись.

И вот он собралсе, кряду же ушёл. Жона сказала:

— Ладно, муж, уж как ты ей купил, я ей никуда ни дéну.

— Я прохожу четыре месеця.

А она кажной день также, как муж, стала ходить по магазинам, проверять прикащыков, получать деньги. И вот прошло тому месець как ушол муж. Она в один прекрасной вечер тоже приходит в магазин. Вот приходит в магазин, и как раз приходит офицер што-то купить и смотрит на эту купциху, и она смотрит на нёго. И так этой купцихи понравилсе офицер, што она его оцень полюбила, ну, не сказала ему ницёго. И вот он нáбрал на сто рублей, подошол к ней и говорит:

— Слушай, купциха, как вас звать?

— Меня зовут Мария.

— Так вот, Мария, я накупил товаров, а у меня сецяс нет денег заплóтить, я даю тебе сецяс доверенность, вобщем бумагу, на сто рублей, а завтро занесу деньги в магазин или к тебе лично.

Вот она ёму и говорит:

— Ты в магазин не носи, а приноси мне лично нá дом.

А сама думает:

— Вот я где с ним увидаюсь.

Так они роспрощались, и она ушла домой. Вот на второй же день вечером он приносит ей деньги нá дом. Она получила деньги и говорит:

— Ну, садитесь со мной за стол.

Принесла чаёк, водочки, и стали угощатьце. Вот она поугощала, конешно, и предлóжила ему:

— Может жалаете со мной погулять, то можно.

Он, конешно, обрадел и стал ходить к ней чуть не кажну ночь. У этой купцихи только было два сына, которы учились в школы: Василий и Федор. Топерь вот он проходил к ней че́лой месець, а она и этот месець только один раз была́ в магазине, всё провела с этым офицером времё. Вот однажды он говорит ей:

— Слушай, дорогая, почему ты мне не покажеш мужней спальни, уж как я хожу к тебе че́лой месець.

Она отвечает ёму:

— Слушай, а тебе ни к чему, по-моему, смотреть. Спальня, как спальня.

— Ну, коли́ так, не покажеш, я ходить к тебе больше не буду.

Потом ей, конешно, было отпустить этого офицера жалко, она сказала:

— Ну, ладно, давайте я покажу.

И берёт ключ и повела к мужу в спальню. И он кряду увидал эту уточку, она открыла рот, он прочитал и сказал ей:

— Вот, дорогая, ты эту уточку мне-ка завтро свари или жжарь. Если сделаеш это, то я к тебе буду ходить, а если не сделаеш, то я ходить не буду.

Топерь она говорит ёму:

— Слушай, прежде всёго, мне эту утоцьку не то што сварить или жжарить, муж не велел даже показывать никому, я на это никогда не соглашусь.

— Ну, ладно.

Тогда он ушол. И вот уж не ходит он день, два и три. Ей стало скучно без офицера, она отправила служанку свою к нему, написала:

„Приходи, а уж это будет готово сёгодне".

Он прочитал, пишет ей ответ:

„Я приду, как раз обедать, приготовь мне-ка".

Служанка понесла ответ. Вот она это письмо прочитала и говорит служанке:

— Вот бери эту уточку, приготовь ей к обеду.

Служанка взяла, но уточка бьётце, никак не даёт голову отрезать. Служанка приходит и говорит:

— Я не могу, она очень бьётце, иди сама.

Тут приходит эта купчиха, берёт эту уточку, отрезает ей голову, и ушла. Служанка стала приготовлять. Сварила, конешно, положила в шкап, а сама пошла за водой. Вокурат эты прибегают ребята купцёвы, Федька да Васька. Кухарки нет, ись охота. Сунулись в шкап, увидали мясо. Берут эту уточку, кладут на стол, начинают ись. И вот оне это мясо, конецьно, поели. Федька сьел потрохи, а Вася головушку, и ушли в школу. И вдруг не через долго приходит этот офицер и просит подать обед. Она приказала служанке принести мясо. Вот когда эта кухарка пошла за мясом, схватилась, ничего не было, одне кости. Она прибегает к хозяйке и говорит:

— Я ницёго не знаю, мясо хто-то сьел, осталось одно косьё, пока я ходила за водой, не знай хто сьел.

И вот эта хозяйка нацяла ей ругать. Та плацёт, говорит:

— Я не знаю.

И вдруг приходят робяты из школы, не в долгих и говорят:

— Што ты, кухарочка, плачёш?

— Да как же не плакать, вот не знаю, куда мясо делось, — и она топерь меня ругает, ваша мамка.

— Погоди, мы сечас обьесним, куда оно делось, — и ушли в комнату. Вот оне приходят:

— Мама, слушай, не ругай служанки, это мы сьели мясо, ей не было дома, што же делать, назад не воротиш.

И оне ушли проч. Вот когда оне ушли проч, то он и говорит, этот офицер:

— Слушай, вот мне не удалось сьесь мяса, то я к тебе ходить больше не буду. Если сделаеш, што я тебе скажу, то буду ходить.

— Ну, што, говори?

— А вот што: если согласиссе твоих сыновей убить и их серця мне ижжарить, то я к тебе ходить буду, а инаце не буду ходить.

И вот она говорит:

— Ну, уж я этого не сделаю.

Он оцень осерчал и ушол. И не ходит он уж к ней неделю. Време прошло три месеця, как ушол купець, еще челой месець остаетце. И вот он не ходит челу неделю. Она очень соскуцилась по нёму и пишет опеть и посылает служанку:

„Приходи, я это сделаю".

Служанка, конешно, сбегала, обьевила. Он прочитал письмо, очень обрадел и сказал служанке:

— Я приду завтро днём, а это пусть она в ночи всё сделает.

Вот когда она пришла, россказала всё, то она служанке и говорит:

— Слушай, ты знаеш, што нужно сделать сёгодне в ноць?

— Ну, што, говори, хозяюшка?

Вот она и говорит:

— Ты сёгодни в полноць, хоть и раньше, когда робята уснут, поди к их спальны и зарежь их и серця ижжарь, а утром это всё мы сделаем и штобы хозяин не узнал, а за это я тебя награжу.

Она это всё выслушала.

— Ладно, хозяюшка, я всё это сделаю, раз приказали, всё сделаю.

Так провёла вечер, робята пришли, поужинали, легли Когда легли, то Вася начинает засыпать, а Федя и говорит:

— Нет, Вася, ты, брат, не спи, знаеш, што нам сёдне предстоит? Мать хотит нас убивать и придёт кухарка, мы с ей поговорим и откупимсе деньгами, у меня имеетце кошелёк-самотряс в кормане. Я про это всё знаю, а ты не знаеш.

Топерь вот и Вася тоже не стал спать, што-то ёму стало боязко. И стали обои не спать и ждать. Вдруг слышат идёт хто-то в их спальню, человек. И шепнул Федька:

— Вот идёт кухарочка.

Только пришла кухарочка, открывает дверь, видит, робята сидят, не спят. Ей стало страшно.

— Што я топерв буду делать?

Вот когда Федька увидал, што идёт кухарочка с ножом, то она сразу росполохалась, и у ней нож выпал.

— Ну, дети, я думала вы спите́, а вы не спите́, што велела с вами мать сделать, уж топерь я не знаю.

И вот и говорит Федька ей:

— Слушай, кухарочка, ты не пугайсе, я тебе обскажу, как надо сделать, и ты будеш не виновата от матери нашей.

Вот топерь он встал, Федька и говорит:

— Вот што, кухарочка, я тебе всё обскажу: ты сечас поди зареж два поросёнка, возьми два сердця́ и их жжарь или свари, как хош, поло́ж на тарелку, а когда завтре понесёш к ёму эты серча́, то запини́сь нарочно ногой за порог и пади. А у нёго есть любимой кобе́ль, которой всегда ходит с ним. И вот этот кобель выскоцит из под стола и это мясо пожрёт. Она, конешно, заругаетце, а он скажёт: „Ничёго, этот кобель, я его всегда достану". И этим коньчитце. А нас... ты сецяс поди принеси мяса и одёжи и еще какой-нибудь пищи, на́м надо в дорогу, и нас выпусти. И я тебе сечас заплачу деньгами.

И вот кухарочка сразу же побежала собирать им пищи, котора полехче. Собрала им торбочку, принесла и сказала:

— Ну, топерь робяты, идите, токо бы мне это сделать всё, што вы сказали.

— Топерь знаеш, кухарочка, ростегай свой передник или снимай платок, я тебе насыплю денег, штобы тебе хватило на весь век. Может мы и не увидаемсе с вами.

Тогда у ней, конешно, платка не было, а как у хозяйки бывает такой передник или фартук, она роспустила ёго, на-ча́ла держать, а он стал сыпать, трести кошелёк-самотряс. Когда он насыпал, она говорит:

— Топерь довольно, токо бы мне это унести.

Он сказал:

— Топерь сделай это всё и будеш ты права́.

Роспростилась она с нима́, конешно, заплакала, открыла дверь, проводила их и побежала своё дело делать. Топерь окончим эту купциху и пойдём за робятами.

И вот она сецяс побежала в свинни́к, где были у них поросята. Зарезала обоих, вынела у них серця и приготовила. Вот она это всё приготовила, токо дожида́ла этого офицера.

И вдруг он приходит. Она приказала собрать на стол. Она всё помнит, што ей сказал Федька. Да, и вот когда она понесла мясо церез порог и упала. Это мясо всё по полу розлетелось. Тогда выскакивает из под стола ёго любимой кобе́ль и это мясо всё, конецьно, поел. Когда это мясо кобе́ль поел, она на ней опеть заругалась:

Ты второй раз прока́зила.

Топерь говорит офицер:

— Слушай, не ругайсе, это мясо всё ровно мне хоть кобелю, у кобеля́ я всё ровно достану, когда мне нужно будет.

И эта кухарка ушла.

(Сицяс про купця концяетце и нацинаетце про робят, и про купце мы опеть же будем говорить уж в са́мом концу̀, сегодни не дойти до этого места).

И вот когда она выпустила этых робят, оне идут: Федька да Васька. Идут и идут, до́лго-ли, ко́ротко ли и сами не знают, куды идут. Поедя́т, отдохну́т немного и опеть дальше. И так идут. И вот у их стали кончатьце продукты дорогой. Сели отдыхать, и видят идёт к ним цёловек. Это шол к ним людоед. И вот подошол к этым робятам, захватил обоих и понёс к себе. Когда принёс, то сказал своей жоны:

— Вот ты завтро ижжарь мне их, я давно уж не едал такого молодого мяса.

Вот она пришла, на этых робя́т посмотрела и обдумалась. Потом мужу своему и говорит:

— Слушай, муж, я вижу робята очень тощи́е, наверно оне долго блудили. Надо покорьмить их месець и когда оне пополнеют немного, тогда мы оба с тобой их поедим.

Он сказал:

— Ну, хорошо, мы так и сделаем.

Вот она приходит, взя́ла этых робя́т, закрыла в отдельню комнату и стала кормить хорошой пищёй. А людоед кажной день бегал за своей добыцей. Топерь кормит этых робят уже целой месець, и эты робята сделались таки́ма здоро́выма, што в два раза лучче, чем дома были. Тогда людоед посмотрел церезь месець на этых мальциков, и сказал жоны:

— Вот я завтро уйду, а ты мне их ижжарь к вецеру.

Так, вот оне поужинали, повалились спать и как раз на эту ноць забыли закрыть дверей у этых робят. Когда оне улеглись, тогда и говорит Федька:

— Но, Вася, давай топерь бежать, как раз двери не заперты.

А людоед с жоной уж спали. И вот оне бежали. И в эту ноць оне убежали оцень далеко. Когда настало утро, оне видят, што за има́ может скоро быть погоня, когда людоед станет со сна. Федьке всё было известно, потому што он знал всё на свети. Оне прибежали к одному ка́меню и видят, што там есть такая дыра́, куда можно залесть. Оне взяли под этот камень и ухи́тились, когда россвело. И вот когда людоед стал со сна и видит с жоной, што робят нет, он сецяс одевает сапоги-скороходы и нацинает бежать за э́тыма робятами, розыскивать, где оне есть. Побежал. Бегал, бегал, це́лой день, до того добегал, што смертельнё устал. Прибежал к этому ка́меню, под которым робята ухи́тились и свалилсе на этот камень спать и заснул крепко оцень. А Федька и говорит Васе:

— Вот што, Вася, пойдём сецяс к людоеду, он спит на камню.

— Да как он встанет?

— Ницего, не бойсе, пойдём.

Вот стали оне, пришли. Федька и говорит:

— Вася, дёржи ёго за пле́ци, я сдерну у ёго сапоги-скороходы.

— Што ты, Федя, ведь он проснетце?

— Ницего не бойсе, дёржи.

Захватил ёго Васька за плеця́, а Федька сдёрнул сапоги у сонно́го людоеда. Топерь говорит:

— Слушай, Вася, нам надо стащить у его кольцё с руки. Кольцё нам погодитце, и уж потом пойдём.

Вот подошли к головы, Васька держит руку, а Федька стащил это кольцё, взял, одел себе на руку и говорит:

Ну, топерь, Вася, я одену сапоги-скороходы, а ты садись мне на плеци и мы убежим от нёго, больше он нас не найдёт.

Сечас же Федька одел сапоги, а Васька сел ему на плеци и пошагали. Как шаг — так семь вёрст. Да, когда этот людоед скоцил со сна и видит, што у него нет сапогов-скороходов и кольця с руки. Он сразу и пошол домой, и не стал больше робят искать. Спасибо, што робят откормили.

Вот братья шли, и шли, и шли, це́лы сутки мотались. Федька и говорит:

— Нам надо отдохнуть, Вася, мы уж далёко отошли. Нас топерь никому не найти.

И вот оне поели, позакусили, Федька и говорит:

— Топерь, Вася, пойдём тихим шагом, скоро, наверно, придёт ро́сстань и нам придётце росставатьце с тобой. Федька уж всё наперёд чуствует.

Вот оне шли, шли, шли, вышли, на широку дорогу. А на дороге столб стоит и на столбу́ написано на росстаня́х: „В правую дорогу итти — царём на царстве быть, а в левую итти — убитому быть“.

— Но, Вася, давай топерь поговорим, а уж я знаю куда мне придётце итти. Наверно тебе, Вася итти в ту дорогу, где чарём на чарстве быть, а мне уж придётце итти по той дороги, где убитому быть.

Вот Федька снимает с руки кольцё и даёт Ваське:

— Вот, брат, когда ты станеш на чарьство, смотри на это кольцё, как потемнеет оно совсем, то значит меня уж живого нет, а если будут светлы места на нём и только местами потемнеет, то значит я живой, но в опасности нахожусь — выручай меня.

Тогда оне роспростились и пошли кажной своей доро́гой. (Топерь с Васькой концим, а пото́м пойдём за Федькой).

Вот Вася идёт, идёт и идёт, вдруг приходит он в царьство. Когда он приходит в царьство, он идёт к собору. А там выше собору сидит царьская доцерь на балкони и публики столько, што проворо́ту нет. Вот он спрашивает у одного прохожего:

— Слушай, скажи, што у вас публики так много и што у вас в городу́ нового.

Вот этот прохожий и говорит:

— У нас в царстви все благополуцьно, только царь умёр, дак вот царьская доцерь сидит над этыма дверями и выбират себе жониха. Хто пройдёт в эты двери и загоритце в это времё незажжона свеця, тот жонитце на чаревной и станет чарём на чарьство.

Ну, и он стал в очередь и стал ждать своей очереди. Пришла очередь и ёму итти. Токо он ступил церезь дверь и вдруг загорелась сама собой свеця. Все закрицяли:

Царя бог дал!

Потом публика заволновалась.

— Как так, такой молокососишко и прошол всего перьвой раз и уж чарём, а мы по месецям ходим. Пусть-ко еще раз пройдёт свою очередь.

Вот он стоит и ждёт своей очереди. Как только во второй раз пошол, опеть сразу свеча загорелась и народ закричал:

Опять же публика волнуетце:

— Если третий раз свеця загоритце, тогда уж пускай он будет чарём.

Он опеть отошёл и встал в очередь. Вот когда пришла егонна очередь, он опеть жи пошол. Токо ступил церезь порог, как опеть закрицяли:

— Свеця загорелась в третий раз.

Чаревна сразу спустилась с балкона, берёт ёго за руку и кряду пошли венчатьце. После этого сделали пир. Когда пир концилсе ёму надо стать на престол. Хотя он и был грамотной, но всё-таки ище надо было привыкать к чарским законам. Ну, потом всё-таки он попривык, и ёму чаревна помогала, стал управлять этым чарьством.

Топерь мы ёго оставим, а перейдем к бедному страдальцю —Федьки, (тому много придётце испытать).

Вот когда Федька идёт, и идёт, и идёт в сапогах-скороходах своих и вдруг подходит к избушки. Избушка на курьих ножках, на петушьей головки стоит и вертитце. Вот он и говорит:

— Избушка, избушка на курьей ножки, на петушьей головки, поверьнись к лесу глазами, ко мне воротами.

Когда остоялась избушка, он туда зашол, видит, сидит старуха. Вдруг она и заговорила:

— Фу-фу-фу, на Руси не бывáла и руського духу не слыхáла, тритцеть лет я цёловецьёго мяса не едáла, а вот топерь и поем, сьем тебя, молодець.

А он и отвецяет:

— Што ты, баушка, холодного да голодного будёш ись, ты спéрьва напой, накорми, да баину стопи, кости роспарь мои, вот тебé будет лучче меня ись, мяхкой буду тогда.

Стала нá ноги, себя по щёки ударила, по другой прибавила:

— Вот дура я, стала у голодного, да у холодного выспрáшивать.

Напоила, накормила, в баину сводила. Потом на постели ёго уложила и села у зголовья, стала выспрашивать:

— Скажи, молодець, чей ты есть, какого роду племени, как тебя звать и куда ты идёш, куда путь дёржиш?

— Звать меня, баушка, Фёдором, а иду я, как увидал надпись на столбе, туда, где живому не быть, уж испытаю што мне будет.

— Вижу я тебя, молодець, куда ты идёш, ну, больше выспрашивать не буду, не прошол бы ты сюда, кабы не было у тебя тех вещей, которы несёш. Ты сам знаешь всё наперёд, — сказала ёму старушка и стала говорить об себе.

— Да ты знаеш, молодець, какая я старуха. Я живу здесь триста лет и мимо меня только в тритцеть лет проходил один цёловек. Кто прохóдит здесь, мимо меня не пройдёт, и кто ежели может меня уговорить, тот проходит дальше, ну уж мимо царевны никто не может пройти. Твоя голова, щытай, сóтенная идёт, она девяносто деветь убила. Вот поживи́ у меня одне сутки, а потом пойдёш к второй моей сестры, она тебе росскажот всё об ней, а я в то време напишу сёстры письмо. Спеши это письмо подать ей в руки, пока она на тебя не набрóсилась. Когда она прочитает, она узнает, кто ты такой есть. И так она, наверно, узнает. Топерь ты спи, а затро вы́йдёш.

Вот он переспал эту ноцъ, утром стал. Она ёго накормила на дорогу. Он одел сапоги-схороходы, роспростилсё с баушкой и пошол. И вот ёму эта дорога оцень показалась близко. Смотрит, опеть стоит избушка на курьих ножках. Он подошёл когда поближе, и говорит:

— Ну, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, мне не век вековать, одну ноцъ ноцевать.

Конецьно избушка остоялась. Он только зашол, выскоцила кряду старуха. Открыла старуха рот и закричала:

— Съем я тебя, молодець.

Он, не теряя минуты, взял это письмо и сунул ей прямо в рот. Старуха посмотрела на письмо, села на стул и стала читать. И вот сидит, читает. Прочитала письмо и сразу поняла, што идёт этот молодець не спроста, а несёт за собой вещи, которы могут всё содействовать. Это всё было написано сёстрой в письме. Вот сицяс же накрыла стол, напоила, накормила и спать уложила. Сама села в голова.

— Но-ко, молодець, скажи своё мнение, куда ты идёш? Я уж и так знаю.

— Я иду, баушка, себя показать и людей посмотреть да прекрасную чаревну замуж взять, как узнал, што она здесь.

— Да, молодець, туда есть много хотцей, но мало выхотцей: она сгубила девяносто деветь голов. Сынок, я боюсь как бы и с тобой того же не было. Она моя родная племенниця. Она губит всех загадками. Как загонёт загадку и хто не отгонет, то тому кряду рубит голову и полагает эту голову на колышок. Вот топерь ты спи до утра, а утром я вызову сюда и ты ей посмотриш. И я ей обскажу всё об тебе.

И вот он, конецьно, заснул и проспал до утра. Утром стал, умылсе, попили с баушкой цяёк. Потом она и говорит:

— Слушай, Федя, я тебя оввёрну котом, ты ей увидиш, а она тебя не узнает. Сецяс же я ей сюда вызову и ты посмотриш, што она за птиця.

И вот она сецяс ёго оввернула котом. Сама принесла цёрной порошок, зажгала ёго и пустила по ветру. Церезь несколько цясов вдруг прилетела эта чаревна и зашла в избу и говорит:

— Ну, што же ты, тётушка, так меня требовала, што мне нужно было вылететь?

Она и говорит ей:

— Ну, садись на стул и пей цяй, а я тебе потом всё скажу.

Вот она села с ней рядом и стала говорить:

— Ну, вот, слушай, родная племянница, я тебе всё скажу. Вот шол вчера молодець один, на сапогах-схороходах, которых я в триста лет еще не видала и смотри: он такой хи́трой, што тебе не овладеть ёго своей хитросью, а если овладееш, то не губи́ ёго, не руби ёго головы. Если уж он тебе не понравитце, то лучче уж ты поло́ж ёго в како-нибудь затоценьё, штобы он сам собой помер, только ты на нёго руки́ не подымай. Если ты ёго предаш злой смерти, то всё ровно я ёго оживлю и тогда добра от ёго себе не жди. Я не буду с тем щытатьце, што служу у тебя триста лет. А он приде́т к тебе завтро.

Она и говорит:

— Слушай, тётушка, уж коли ты так говориш, я не подыму на него руки́, но будё не могу с им други́м каким-нибудь способом управитьце, пусть он мной влада́т.

(Перьвой-то раз она всё-таки обдури́т).

Старуха ей и говорит:

— Слушай, племянниця, я бы тебе ёго и показала, да всё ровно тебе будет то́лку здесь мало. А хош — покажу?

— Ну, што же, тётушка, я высмотрю ёго и тамотки, каков он есть, а топерь мне и некогад. Я полецю.

И вот она вызвала этого коти́шка и говорит:

— Ну, што, молоде́ць, видял нашу чаревну?

— Видял.

— Ну, какова?

— Ницёго, шту́ка хороша.

— А топерь, пойдёш к ней, не зевай. Она влюблена́ в онного богатыря, которой живёт в цистом поли.

И потом он роспростилсе, одел сапоги-скороходы и пошол. И вот он приходит в это чарьство, где встретила прекрасная чаревна ёго. Когда спустилась, спросила:

— Ну-ко, скажи, молоде́ць, как тебя звать и зацем ты идёш? Об тебе мне уж было известно у тётушки, но всё-таки ты должо́н сказать.

— А я иду себя показать, людей посмотреть, да тебя, прекрасная царевна замуж взять.

— Вижу, молодець, ты уда́лой, ну прежде всего выполни мою задачу, тогда я пойду за тебя замуж.

И он отвечает:

— Какую?

— А вот какую: вот если ты можеш моё войско и царьство и всех нас прокормить три́ года, штобы нихто не обижалсе, ни старой, ни малой, штобы всем было довольнё. А если не можеш, то, видиш, какой у меня закон: видиш — там торчит девяносто деветь голов, твоя будет со́тельняя. А если можёш, тогда я пойду за тебя замуж.

Он сказал:

— Ну, хорошо, буду выполнять, спробую, што будёт.

Пошол по городу, зашол в войска́ и спрашивает:

— Ну, што, робята, што вам надо, хлеба или денег или што?

Оне отвечают:

— На деньги всё купить можно.

— Ну, хорошо.

Вытаскивает кошелёк-самотряс, обеспечил их деньга́ми, што у них всего довольнё. И так же весь город говорит:

— Денег и денег.

Обеспечил всех, так што никто никакой нужды не видит. Вот прошло полгода, никакого препятствия нет, никто нейдёт к царевны с обидой. Сама поехала спрашивать:

— Ну, што, робята, все ли довольни новым корми́льцём, всего хватает, а то сечас ему голову с плеч долой.

Все отвецяют:

— Нет, сударыня, такого кормильця мы еще не видали, всем довольни: пищёй, одёжёй, гулянкой.

Так она ездила по всему государству и спрашивала: все довольны, обиды никакой. Вот прошол год, проходит и второй. Он и говорит:

— Ну, прекрасная царевна, приготовляйсе к браку, ведь два года прошло.

Она ёму отвечает:

— Знаю, знаю.

Вот и проходит уже к третьему. Он и говорит:

— Слушай, прекрасная, приготовляйсе к браку, остаётце только три дня.

Топерь эты три дня остаетце, она и уехала на прощаньё с возлюбленным в цисто полё. Вот она сьездила туда, вёрнулась обратно, и вдруг встретила одну старушку на дороге. Когда стретила старушку на дороге, старушка ей и говорит:

— Позволь, сударыня, я тебе скажу одно слово: жалаеш ли ты выйти за того молодця, што исполнял твою службу, скажи правду. Если жалаеш, то поди, а если не жалаеш, то я тебе скажу.

Она и говорит.

— Да, не знаю, пожалуй, мне и не охота.

— Ну, коль не охота, то слушай. Вот я тебе даю порошок. Из этого порошка, когда придёш, будеш приготовлятце к браку, то перьву рюмку, как полагаетце жониху от невесты, то насыпь туда порошку и штобы он выпил. Он пить не будет, он знает всё. Всё-таки как ни будет отлыниватьце, принуждайте всем чарьством и всем столóм, и он выпьет. Ему сразу опротúвет и он сблюёт. Когда он сблюёт, то сечас эту его блевотину положь в еицько и сама сьеш и ты будеш все его мысли знать и у тебя будет кошелёк-самотряс. А он уже ничего знать не будет. И куда хош ёго полагай. Хош сразу, а хош дай ёму напитьце, и забирай соннóго.

Она, конешно, старушку поблагодарила и поехала. Еще были сутки до трёх годов. А он в это времё пошел в сапогах-скороходах в цистó поле и зашол в шатёр, где спал этот её возлюбленной. И вот он отсек у него соннóго голову, вынял у нёго платок, которой был подáрен ей, вымарал в ёго кровь, сунул в корман и сам пошёл обратно, то уж царевна совсем приготовилась к сватьбы. Сперьвá сходили к венцю, а уж потом зашли за стол. Вот токо он сел за стол, сечас стали обносить, и она в рюмку ёго нáлила этого зелья, как старушка сделать велела. И потом поднóсит ёму.

15*

— Ну, пей, топереча будеш нашим чаревичем. Перьвую от жоны рюмку, а потом будём обносить гостей.

Он говорит:

— Нет.

А он это всё знал вперёд.

— Нет, я от роду вина не пивал, пить не намерен и не буду.

Потом заволновались все гости:

— Почему ж ты не выпьеш, ты не хочеш быть нашим чаревичем? Ты выпить должон, если любиш ей. И поэтому нам пить нельзя, если ты отказываессе.

Он и говорит:

— Я этой рюмки не выпью, а вот налейте другую, то выпью.

Гости и говорят:

— Перьву рюмку надо выпить, полюбить свою жону, перьво щастье, хто перьвую рюмку будет пить.

Когда он выпил эту рюмку, то достаёт из кормана платок.

— На, полуцяй из циста поля свой подарок.

Она увидела, што он убил ейного возлюбленного. И кряду же нача́л блевать. Она сецяс же приказала принести еицько, собра́ла эту блево́тину и выпила. Уже пощупала, у неё кошелёк-самотряс в кормани, и уже знает, што с ним нужно делать.

— А-а, дак коли́ ты так сделал, так я тебе не прощу. Пей вина сколько хочеш.

Гости сидели, тоже ничего не говорили, только продолжали есть и пить. И так свадьба продолжаетце вперёд. И вот он напился до такой степени, што повалилсе спать тут же за столом. И вот она спомнила свою тётушку, што ёго нельзя злой смерти предавать, то приказала вылететь волшебному орлу. Когда волшебной орёл вылетел, она и говорит:

— Вот, неси ёго в такие топлые болота, штобы было кругом одна вода, оставь ёго на кусту́ и лети проць.

Этот орёл подхватил ёго пьяненького и потащыл. И вот тащыл, тащыл, тащыл, прилетает к болоту, што токо один куст, а кругом вода, как морё. Посадил ёго на этот куст, а сам

улетел. Вот когда улетел; он спал, спал, проснулсе. Над ним небо, а под ним вода, и сказал:

— Ну, я погиб, я не птиця, улететь никуда не могу, придётце голодной смертью умереть.

И вот в это времё, когда это времё прошло, у Васи стало кольцё темнеть. И так потемнéло, што стала только одна царапинка светлая. И он сразу спомнил про брата своёго, што браг находитце при смерти. И вот он пришол к своей жоны́ и говорит:

— Ну, моя жона, помогай брату моему чем можеш, а я ничем не могу, токо узнал, што он находитце при смерти.

Она и говорит:

— Слушай, муженёк, у меня пособить тоже нéчем, токо имеетце один орёл, которой может розыскать ёго и принести сюда, больше ничего не знаю. Я могу тебе ёго дать и он отыщет ёго.

Вот сечас вы́звала этого орла, дала ёму наказ:

— Вот сечас лети́, розыскивай, где есть сидящый человек в болоте или где в гибели, спаси ёго, вынеси на су́шу, а потом прилетиш обратно.

И вот этот орёл ззи́лсе, полетел. Сначала по морям, по озёрам, а потом вылетел на большие мхи. А Федя сидит уж третьи сутки голодной и часто споминает: што забыл, наверно, меня брат. Этот орёл увида́л, што сидит человек на кусту́, и кругом нёго вода: ни больше, ни меньше, как он и есть. Федя думает:

— Вот еще беда, куда этот орёл меня понесёт?

И так всё книзу и книзу. Спустилсе к нему и сказал:

— Ну, садись на меня топерь, я вынесу тебя на су́шу.

И так он сел. Едва мог усидеть, потому што был голодной. И так он перенёс ёго на су́шу. Перенёс на су́шу, перенёс на землю и сказал:

— Ну, топерь иди куды мож, попада́й на землю.

И сам улетел. Он выпрямилсе и пошол тихонько. Ну, ись до чего охота, што итти даже не может. И вот дошол он до лéсу и сел на один кустик, а тут стоял недалёчко один пень сгнивший. И из этого пня вылетаэт птичка. Он подумал:

— Хотя нет ли у неё каких яичков, я бы скушал.

И пошёл к нему. Пришёл к этому пню, посмотрел, а там три еицька.

— Вот и хорошо, топерь я покушаю немного, уж очень мне хочетця.

Берёт еичко и сьел, стало получче немного, хотя уж небольшие еички птичьи. Сьел и думает:

— Куда же я топерь пойду, доброй молóдець, не знаю сам.

И вдруг сделалсе такой шум, што всё лесúньё клонит: поднялся ветер. И вот он и слышит такой гром и сидит. Вдруг сровнялсе с ним гром и уницьтожилось, заговорил человечьим голосом:

— Здраствуй, доброй молодéць. Я есть Север. Попросили меня проводить двенатцеть кораблей, и я лечу. Ну, не хватило пищи, не долететь дó дому. Помоги мне, и я тебе отплачу, што токо пожалаеш.

— А што я тебе, Север, доброй молóдець, дам, я уж сам не ем шесть дней. Нашол токо три еиця. Одно сьел, а два остались.

— Ну, отдай и те мне, а тогда я тебе скажу.

Вот он подаёт ему два еиця. Тот сьел и говорит:

— Я сечас захватить с собой не могу, полечу скорей домой, а ты иди ко мне прямо по той дорожке и упрёш прямо головой в гору. Хотя тебе будет трýдно, ну иди. Когда ты упрёш, то откроетце дверь, тебя встретит мать моя на дороги, и про это я всё уже знаю и обскажу ей. А если меня не будёт дома, то дожидай меня у ей. И я тебе за то, што ты дал мне еицько, всё обскажу.

И вот, значит, Север роспростилсе с ним и сказал:

— Ну, попадай, Федя, уж я там тебе всё рощытаюсь сам.

Да. И вот посидел немножко и пошол по этой дорожке. Идёт и идёт, изголодал, што уж итти не может, на коленках ползёт и видит крутую гору. И подошол к этоі горы, упёр головой в гору, открылась дверь, и на пороге стоит старушка.

— О, Феденька, бедной, как ты голодной, попадай в избу.

Вот она, старушка взяла ёго за ру́ки, ввёла в избу, роздела, дала ему стокан молока и кусоцик маленькой хлеба и рюмку вина.

Ну, топерь, Федя, ты полежи часика два, а потом тебе даю, потому што тебе сразу давать много ись нельзя.

Потом опеть через три часа́ даёт стакан молока и кусоцик побольше хлеба и рюмочку вина.

— А топерь поспи немного.

Он поел и заснул. И про́спал он че́лые сутки. Она утром ёго разбудила. Он умылсе. Дала уж побольше ему ись. Потом, когда уж он поел побольше, пришол в чувство и говорит:

— А где этот Север, наверно, баушка, он твой сын, он велел мне сюда притти.

Она и говорит:

— Да, сын он мой, и велел мне тебя принять, покуда он не вернётце. А ёго вы́звали опеть двенатцеть кораблей. Поел он чуть и горя́чий полетел, наверно, погубит всех. Подожди, он скоро прилетит.

Вот не прошло как полдня́, как сделалсе шум. Она и говорит:

— Вот мой сын.

Он прилетел и говорит:

— Ну, есть ли тут человек, што дал мне два еичка?

Она отвецяет:

— Есть, Федька здесь.

Она сецяс и говорит:

Ну, поди, тебя теперь зовет Север.

Он пошол, поздоровалсе, сели за стол. Север и говорит:

— Ну, топерь я тебя буду отгащивать. Как ты попал ко мне, каким случа́ем? Ко мне сюда только летают одне орлы волшебные и заповедные птицы, но человечья нога еще не бывала. Топерь ты росскажи каким путём попал?

— А вот каким я к тебе попал, Север, случа́ем. Были у меня вещи́шка не плохие: был кошелёк-самотряс, были сапоги-скороходы, и я знал всё на свете. Ну, как тебе, наверно известно, есть тут чаревна, прекрасная волшебниця. Я ейну задачу исполнил, как она мне да́ла на три года. Когда исполнил задачу, то у нас была назначена свадьба. Она такую штуку

придумала,—конешно, не она,—а одна старушка, велела мне выпить в рюмки зельё, и я всё потерял. А она напоила меня пьяным и велела одному волшебному орлу утащить меня в болото и оставить на однем кусту́. И вот я тут и осталсе. Сижу сутки и другие. А мы, как шли с братом, то я дал ёму заповедно кольцё, и это, наверно, брат меня спомнил, послал волшебного орла и тот меня вынес спокойно, и я пошол голодной. Нашол три еицька, одно сьел, а два тебе отдал, наверно ты помниш.

— Ну, молодець, Федя. Топерь ты не поги́неш, а всё назад получиш, што о́тдал. А топерь поживи у меня, деньков пять погуляем с тобой, а потом я тебе помогу и росскажу всё, как надо делать.

Вот он и говорит, еще:

— Когда вызвали меня эты корабельщики двенатцеть кораблей повести́, а не дали как следует поесть, то я им такой шторм нагна́л, што все оне погибли.

Вот они пили, гуляли, веселились дней пять.

— Ну, слушай, Федя, я тебе даю плато́к, которой много будет тебе помогать во всех твоих делах. Когда ты возьмёш этот у меня платок, то што тебе нужно, вытаскивай платок, махни им, сечас выскочат три молодця. Два побольше, а третий поменьше. Ну маленькой будет всех хитрей, он знает, што нужно делать тебе. И даю тебе бочку и палку. Это тебе тоже понадобитце. А топерь, когда ты пойдёш от меня, можёш махнуть платком, выскочат три молодця. Млаччего зовут Ванюшкой. Он тебе скажет: „Што тебе надь Федя?“ „Мне надь представить меня в то государство, где живёт эта волшебная царевна“. И скоро будеш там. Когда ты будеш там, на большой ровнины, ты опеть спроси этого Ванюшку, што тебе делать, он можёт-быть вином, он может быть графином и рюмкой и в человека зайдёт и из человека выйдет, всё можёт. Он тебе всё обскажёт, што тебе надь, токо слушай ёго. И вот теперь мож итти. Получиш ты своё и жалаеш ей отомстить, то мсти.

Тогда он с ним пороспрощалсе, поблагодарил ёго, и он сказал:

— Это тобе за то, што ты дал мне два еичка долететь до дому, а топерь с богом.

Когда он пошол от нёго, то вытащил из кормана платок и несёт эту бочку и палку. Махнул платком, выскочили три молодця.

— Ну, што, Феденька, прикажёш делать? Долго кормиш, а роботы не даёш.

Вот он и говорит:

— Вот што, робятки, сослужите мне службу, вынесите меня в это государьство, где живёт прекрасная чарёвна.

Робятки подхватили ёго и понесли. И не успел он обдуматьце, как был на большой площади, перед этым чарьством. Прилетели на эту площадь, то оне тут остоялись. И он спросил молодця меньшо́го:

— Ну, што, молоде́ць, я топерь тут буду делать?

Вот этот самый Ванюшка и говорит:

— Вот што, Федя, ударя́й по этой бочке палкой и выльетце тебе войско. И командуй им, штобы они палили холосты́ма снарядами по этому чарьству. А она уж знает, што ты прилетел, потому што она знает всё на свете.

Вот как токо открыли пальбу, то она сразу узнала, што прилетел ейной муж и стала думать, как ёго сгубить. И придумала. Послала дватцеть петь салдат в разведку, снацяла.

— По́дьте, сходите, узнайте, што ёму надо.

И вот она сецяс послала дватцеть петь салдат, то оне приходят и говорят:

— Што вам, доброй витязь, надо?

— Ваня, што мне делать?

— Привязать дватцеть человек к травы волосами, не убить их, а пять челозек послать к ней с известием, што мало. Эстолько человек не присылай, присылай больши или приежжай сама.

И так всё было сделано. Эты пять человек вернулись к ней, обсказали, и она стала думать, што ей делать. А уж этот Ванюша наперёд знает и говорит:

— Слушай, Федя, вылетит орёл волшебной над нашим войском и станет витьце, а ты не стой на одном мести, как можно больше пихайсе между на́шима салдатами. Вот когда

она увидит тебя, но точно-то не угадает она, то в этом момент обернетце лошадью, штобы тебя стоптать, но мы тебя скроём. Вот когда она станет на́ землю лошадью, ты сечас бери бочку, ударяй по ней палкой и скажи: „Была прекрасной девицей, стань мне кобылицей". И она станет кобылой. А потом мы сделаемсе с ей. И вот теперь смотри, вылетит скоро.

Вот сечас же вылетел орёл, и летает над ёго войска́мы, смотрит, где стоит ейной муж. А уж он, как сказано, не стоит на одном мести. И тут же эты молодци. Вот и смотрит, уж она оввернулась конём и спускаетце к ним. Упала на землю и остоя́лась. Сечас, не теряя ни минуты, берёт бочку, ударя́ет палкой.

— Была деви́цей, стань кобыли́цей.

И войско сечас в эту минуту унецьтожилось. И вот говорит Ванька:

— Садись на ней, езди трои сутки, а потом мы сделаемсе.

Он садитце на ёй, берёт бочку, а платок сунул в корман. Поездил трои сутки, вынул платок из кормана, выскочило три молодця.

— Ну, што, Ваня, будем делать?

— А вот што: я обернусь сечас же рюмкой, а ты стой у ней у головы.

И вот он ёму и говорит:

— Когда я рюмкой зайду ей в рот и выберу всё, што она у тебя о́тняла, зайду на язык, тогда ты бери эту рюмку и выпивай, и тебе всё вернётце.

А она стоит неподвижно. Тогда этот Ванюшка обвёрнулся рюмкой, он подошол к головы́, выскрёб у ней всё. Он берёт эту рюмку и всё вы́пил. Пощупал в кормане у него уже кошелёк-самотряс. И стал думать.

— Куда я топерь поеду, не знаю.

ТогдаВаню́ша опеть и говорит:

— Хочеш ты сечас ей посмотреть, какая она есть, то смотри, а нет, так поежжай куда жалаеш. Хочеш ей отомстить, то можёш.

— Ну, как я ей буду смотреть?

Ударяй по бочке палкой и скажи: „Была кобыли́цей, стань прекрасной деви́цей".

Он сечас берёт и ударяет по бочке палкой.
— Была кобылицей, стань прекрасной девицей.
И как ударил токо, так она образовалась девицей, залилась слезами, упала к ногам и стала просить прощенья. И он думает:
— Куда ехать?
И сразу подумал:
— Поеду я к брату, посмотрю, как он живёт.
И сказал он ей:
— Нет, я тебя не прощу покамест. Поежжу, потом можёт прощу.
И ударил по бочке палкой:
— Была красной девицей, стань кобылицей.
Сел на ней, взял бочку, сунул платок в корман и поехал. И вот он ехал, ехал, ехал, челых шесть дней и приежжает он в чарьство, где жил ёго брат. Как только приехал в чарьство, так сразу узнал ёго брат, приказал убрать ёго лошадь, дать пшоници, накормить, напоить и сам ведёт ёго в свои полаты. Вот когда он завёл, конешно, начали выпивать и стал брат спрашивать:
— Ну, росскажи мне, братанушко, как ты путешествовал и в каком ты был нещастьи, как мне было известно по кольцю, которое ты мне-ка дал. Он ёму и говорит:
— Эх, брат, брат, много я перенёс; если мне всё россказывать, долго тебе будет слушать, а я тебе немного росскажу. Тебе жить полдела, как ты недвижим, в одном чарстве.
И вот он ему всё россказывал, што с ним было: как поступила с ним чаревна, как он был у Севера — всё россказывал, но только не сказал, на ком он приехал, где евонная жона.
— Вот тебе, брат, за это спасибо, што ты меня в последний раз выручил.
Больше не обижайсе, помоч тебе было нечем.
А топерь повидатьця к тебе приехал.
— Ну, и поживи, брат, и то хорошо, што же!
И вот живёт он у нёго сутки. И эты конюха приходят жаловатьце. Вот и говорят:
— Слушайте, ваше величество, вашего брата конь ничего не ест, мы боимсе, штобы не здох, и воды не пьёт и пшоници не ест, только слёзы бежат у нёго из глаз.

Он и заговорил:

— Мой конь в дорогах мало привык ись, но дело в том, што воду пьёт токо грязную, чистой воды не пьёт, и ест, што только я кладу, то и ест. Может он того хочет?

И ушли конюхи. Приходят они сечас, приносят мутной воды ей, и не пьёт, голову воротит. Приносят ей назозу и не токо не ест, голову воротит и слёзы бежат из глаз. Приходят снова конюха́. Вот приходят снова и говорят:

— Скажи же, Федя, чем твою лошадь кормить? Ничего не ест и не пьёт, голову проч воро́тит и стоит кручинная.

— Тогда подьте прочь, ко́нюхи, я приду́ и покормлю ей, пускай она стоит.

Вот тогда пристал к нёму брат:

— Слушай, родной братец Фёдор, скажи, што у тебя за конь? У нас ко́ни стоят и все едят и пьют, а у тя не ест и не пьёт, стоит кручинная. Не утай, скажи, што у тя за конь?

Он отвечает:

— Так, конь, как конь, стоит на четырёх ногах, ты сам видиш.

— Нет, брат, это у тебя не конь, а кто-нибудь другой, скажи.

И стали принуждать оба с невёской. Он потом и говорит:

— Ну, брат, я скажу вам, што за конь, пойдёмте, оденьтесь, доро́гой скажу. Но за это прегрешенье я ей не прощу.

Вот он приводит к коню своему. Конь стоит, голова в сторону, плачёт.

— Брат, скажи, это не конь, уж кто-нибудь из человеков?

То он сказал:

— Да, брат, скажу: это есть моя жона. Я сначала за ней пострадал, топерь пусть она послужит у меня конём.

Тогда стала невёска умолять брата и мужа, штобы он превратил ей обратно женщиной или хоть показал, што она есть. Тогда он сказал брату:

— Ладно, я покажу вам; всё ровно я с ней жить не буду.

Берёт бочку, ударяет палкой.

— Ну, была кобыли́цей, стань прекрасной деви́цей!

И сразу же образовалась такая девушка красивая, прекраснее еще жоны царевича Василия. Сечас же упала к его

ногам и стала просить прощенья. И тут же невёска вместе заплакала.

— Слушай, братец, прости ей, ведь всякому греху есть прощеньё.

И стал просить брат:

— Што, слущай, брат, прости ей, если она над тобой поиграла, то и ты ей хорошо тéшиш.

Она плачет и приговаривает:

— Слушай, Федя, не губи меня, красную дéвицю. Чем губить и морить, лучче отсеки мою голову, коли я этого достойна.

Тогда Вася очень сжаловался над своей невёской, и говорит:

— Ну, братец, никово не слушай, только меня послушай, уж прости ей, возьми ей в жоны, а то неудобно.

— Ну, ладно, уж если не будеш никакй насмешки строить надо мной, то возьму.

Она и говорит:

— Слушай, Федя, я раньше не желала над тобой насмешков делать, только ты исполнил мою задачу, а меня эта старушка смутила, про которую ты сам знаеш, а топерь уж што сделать, прости, воля твоя надо мной, а мне детьце нéкуда.

И вот невёски ухватились за руку и пошли во дворець и братья пошли за нимá. Вот когды братья пришли и устроили такой пир, што такого пирý в этом чарстве не бывало. Да. И все гости смотрят на эту молóдку, што она была очень красивая, федина жона. Потом он говорит брату своему, Фёдор:

— Мы-то, Вася, жизём, хорошо: ты на чарстве давно, да и у меня топерь чарьство своё есть, но дело в том, как бы узнать как наши родители живут, да как эта кухарочка, што нас отпустила. И я бы жалал их на этот пир преставить, штобы оне россказали што с нимá и как оне живут, да спросили бы у этого купця про сыновей.

И говорит Вася:

— Д , правда, брат, жалательно бы было посмотреть родителей, но нет у меня таких средствóв, штобы их сюда представить. Есть у меня один волшебной орел, но и тот их троих не принесёт. Только может носить по одиночке, и так слишком будет медленно.

Тогда говорит Федька Васе:

— О, Вася, пойдём со мной, я спрошу своих молодцёв, может они и представят.

И вот оне отправились. Вышли оне на двор, он вытаскиваёт платок, (в виду этого, вышли, што он не показал платка жоны своей). Махнул платком, выскакивают три молодця, и Ванюшка спрашивает:

— Ну, Федя, скажи, што тебе нужно, мы устроим.

— Вот, робята, вы можете мне такую службу сослужить, принести моего отця и матерь и кухарочку?

— Сделаем, хозяин. Ну, сколько даёш строку?

— Два часа. Успете?

— Успеем.

И побежали. И оне зашли в комнату. Не прошло даже два часа, как были этот старик и старуха принесёны и эта кухарочка. Посадили их за стол, и оны сидят. И вот посмотрел Федька и Васька на своего отча и матерь и, заплакали. Утёрли глаза и стали их спрашивать:

— Вот што, дедушко, скажи мне, откуда ты есть сам, и быль́ ли у тебя кого из семейства или ты живёшь только со старушкой, скажи всю правду, не бойсе, хотя ты попал сюда на пир, тебе не во сне снитце.

Старичок спе́рьва подумал, потом нача́л говорить.

— Дак вот што, де́тушки, я скажу. Я, робя́тушки, де́тушки, был раньше порядочной милионер, купець; имел двенатцеть кораблей, двенатцеть магазинов. Да. А потом, после этого не прошло десятка лет, то у меня погибло все двенатцеть кораблей с товарамы и пал я в банкрот. У меня всё описали, и стал я бедной и живу просто не знаю как, двоё со старухой.

— Ну, так скажи, дедушко, быль́ ли у тебя семьи кого, из сыновей или дочерей?

— Да, быль́.

— А топерь где оне?

— И сыновья от меня остались так годов двенатцети. И вот я когда пошол заграницю, а когда пришол, то сказали мне, што сыновья твои умерли. Долго я печаловалсе, а потом стал забывать и после этого я розорилсе, по нещастью.

Вот потом Федька начинает спрашивать матерь:

— Ну, скажи, баушка, ведь ты, как дома была, то должна знать, как твои сыновья по́мерли? Болели ли оне или не болели, или оне куда делись?

Она отвечает:

— А я не помню топерь, уже дело да́вное.

— Да как же ты не помниш, как мать, чего ты скрываеш от нас, мы и так уж знаём.

Тогда спросил Федька у этой служаночки:

— Ну, дак вот, служаночка, жи́ла ты у этого купця?

— Жи́ла.

Дак куда робята делись, говори всю правду, што бы́ло?

— Можно будет говорить?

— Можно, всю правду говори, што бы́ло.

— И вот, когда купець пошол заграницю, то осталась у него жона, она тогда еще была́ моло́дая. И вот она загуляла с одним офицером. А у этого купця была утоцька, и она была очень дорогая. Хто сьест головушку, тому на чарстве быть, а хто потроха́ — тому кошелёк-самотряс и всё на свете будет знать.

Тогда купець опа́мниватьце стал.

— Што такоё?

— И этот офицер стал просить ей, штобы она показала мужневу спальню. Увидал утоцьку и просил ей ижжарить. И она так и сделала, конешно. Я ее ижжарила, приготовила, а сама ушла за водой. А робята, Федька и Васька пришли и эту уточку сьели. Осерчал он на ней и ушол, че́лу неделю не ходил.

Тогда не стерпела старуха, сказала:

— Врёш ты, наверно, кухарочка.

— Потом не ходит неделю, потом и говорит: „Если ты убьёш своих сыновей, ижжариш серча́ и даш мне, то буду ходить“.

Старуха опеть не стерпела:

— Врёш ты, кухарка!

Тогда подходит к ней сын и говорит:

— Ты, баушка, молчи, не хотела сама говорить, то молчи.

А этот старичок слушает.

— А этой кухарке што было делать? Надо исполнять хозяйско приказаньё, надо было их убить. Когда я пришла,

оне не спали и стали просить: „вот што, кухарочка, ты нас не убивай“, и вот он этот Федька россказал мне всё, как это дело будёт. Он велел мне зарезать две свиньи и жжарить их серча́ и подать ёму. Я зарезала две свиньи, так и сделала. А за это Федька насыпал мне че́лой подол денег. И вот я живу топерь дома и деньги все еще есть. А эты робята ушли, Федька да Васька, и не знаю, где топерь ходят.

— Дак вот, баушка, почему же ты не знаеш, а кухарка доказывает правду?

— Да давно дело было, не помню, может она и врёт?

— Ну, и ладно, коли врёт, пусть и врёт.

Тогда подошёл Васька к отцю своему и говорит:

— Ну дедушко, ты наш отець, а ты наша мать, а ты наша кухарочка, а мы есть Федька и Васька. А тебе, кухарочка, спасибо, што нас выпустила. Если жалаеш, мы тебя домой снесём, а отця и мать мы отсюда не выпустим, потому што им жить не у цёго.

Кухарочка говорит им:

— Вот што, Федя и Вася, отпустите лучче меня домой. Мне этых денег хватит, што вы мне дали.

Федька и говорит:

— Ну, ладно, и еще вынимает кошелёк и натряс еще денег. Приказал молодчам отнести ей домой. И отнесли, а топерь говорит Федька:

— Ну, Вася, тебе я оставляю матерь, а себе возьму отця.

И роспростились. По сторонам розошлись. И вот так оне роспростились, конешно, с братом своим. Вынимает платок из кормана, махну́л, выскакивают три молодця.

— Ну, молодци, стащите меня в чарьство, откуда эта чаревна, вместе с нима́.

Вот оне прилетели в это государьство. Он поступил на чарьство и стал этым чарьством править до глубокой старости.

На том это и кончаетце.

10. ТРИ БРАТА

Не в котором чарстве, не в котором государстве, ну может быть и в том, в котором мы живём, жил был чарь. У чаря было три сына: Василий, Фёдор и Иван. Вот этот отець и говорит сыновьям своим:

— Вот што сынки, мои любимые, я стал стар, кто мне сослужит службу такую из вас из трёх: кто из вас пойдёт-сходит в тридеветь земель, в тридеветь горей, в тридесято чарьство, принесёт мне живой воды и мёртвой, манежных ягод и молодильных яблок, я хочу помолодитьце.

Да. Вот он и говорит старшему сыну Василью:

— Ну, Вася, поежжай, если ты мне принесёш, я тебе дам полчарьства и потом поставлю чарём за это.

Сын, конешно, не отказалсе.

— Ну, батющко, достань мне хорошего с конюшни коня, я поеду, благослови меня.

Отыскал отець спокойну лошадь, сын собрал сьестные припасы и кряду отправилсе в путь. Выехал он на широкую дорогу и едет. Когда он поехал к росстаням к трём,— розделяютце все дороги на разны стороны, а на этой дороге стоит столб. На столбе есть надпись каждой дороги: „В перьвую дорогу ехать, в правую, убитому быть; в среднюю дорогу

ехать — жонатому быть; в левую дорогу ехать — богатому быть".

Так, топерь он немного подумал:

— На што мне богатому быть, я и так не бе́дной, на што мне убитому быть, я еще молодо́й. Давай, поеду средней.

Вот он выехал в цистоё полё немного, видит стоит три шатра. Когда он приежжает к шатра́м, то выбегает девиця и молодиця, из шатра, конецьно.

— Молоде́ць, молоде́ць, не обирай ты коня, заходи в комнату, мы уберём. Еш не наедайсе, пей не напивайсе и со мной спать собирайсе и до́ суха ложки не вытирай.

Он заходит, конецьно, в комнату, накрыли ёму стол, нацяли кормить и поить. Когда он попи́л и поел, то приходит эта самая барышня, берёт ёго за́ руки и ведёт во вторую комнату. Так. Приводит ёго к кровати и говорит:

— Ну, ложись к стенке, а я повалюсь на край.

Ну, он, конешно, не стал противоречить, повалилсе к стенке, а она повалилась на край. Только он успел ю обнять, то она повернёт рыцяг, роскрылась кроват и он полетел в подземельё, в погреб в общем.

Вот чарь ждёт сына своёго́, месець, два, полгода, и никакой нет от сына вести. Пропал. И нацинает чарь оцень скуцять. И так про нёго след простыл. Топерь возвратилсе к второму сыну, к Фёдору.

— Ну, Федя, может ты поедеш, коли Васи нет скоро год.

Федя не отказалсе ехать, поехал. Вот отыскали ёму спокойну лошадь, собра́ли ёму сьесны припасы и так отправилсе в путь дорогу. Потом приежжает также к росстаня́м, к трём дорогам, как и перьвой брат. Росстани отделялись на три цясти: права, средняя и левая. „В праву ехать — убитому быть, в средню ехать — жонатому быть, в леву ехать — богатому быть".

Он подумал:

— На што мне богатому быть, я и так не бе́дной, на што мне убитому быть — мне жить охота. Давай поеду, где жонатому быть.

И так поехал. Вот выежжает он в чистое полё и видит три шатра стоит. Когда подьежжает он к шатрам и видит, выбегает из шатра молодиця и девиця.

— Молодéць, молодéць, не убирай лошадь, мы уберём, напóим и накормим, будь спокоен, заходи в комнату.

Вот сецяс он зашол в комнату, девиця посадила ёго за стол.

— Молодéць, молодéць, еш не наедайсе, пей не напивайсе, со мной с красоткой спать собирайсе и дó суха ложки не вытирай.

Берёт она ёго за руку, увёла в другу комнату, подводит к кровати и говорит:

— Молодéць, ложись к стенке, а я лягу на крáй.

Вот он, конешно, повалилсе, только успел рукой ю обнять, она возьмёт рычаг и повернёт, кровать роздвинулась, и он улетел в погреб. Когда он улетел в погреб и немного очумел, то стал нá ноги и видит: перед ним стоит ёго брат.

— А, брат Вася, ты здесь?

— Да, здесь, а ты што, тоже жонитьце приехал?

И очутились обóи вместе.

Отець очень заскучал и говорит:

— Ну их к чорту и с омоложденьем, как никоторого сына назад больше гóду нет.

И мéньшого сына не стал посылать. Но сын узнал, пришол:

— Папа, благослови меня, я поеду твою службу исполнять и заодно розыщу братьев.

Отець говорит ёму:

— Нет, Ванюша, я тебя не спущу, ты у меня ище один осталсе и ты знаеш, хто после меня будет стоять в начальстве, как те братья не вернулись.

Отець ёму не благословлят, а мать даже и сговорить не давала:

— У нас остаётце только один сын, и мы стали обои старые никуда не отпущу мéньшого сына.

Ну, сын боле всего стал говорить:

— Благословúте, батюшко и матушка, благословитé — поеду, и не благословитé — поеду. Привезу молодильных ягод и розыщу своих братьев.

16*

Мать заплакала, отець уже не мог перетерпеть, начинает ёго благословлять. Также благословила под конець и мать. (Путешествие длинное у ёго будет). Потом он сам пошол на конюшню, отыскал лошадь самую хорошую, лучче которой и не было. Когда он отыскал лошадь, привёл ей к крыльцю, то пришол обратно домой. Заходит он в комнату к отцю, к матери. И благословилсе, простилсе и отправилсе в путь-дорогу.

Выехал он так же на широкую дорогу и доехал до росстане́й, где стоял столб, на столбе была надпись; слез он с лошади, прочитал надпись: „Право ехать — убитому быть, в средне ехать — жонатому быть, в левую ехать — богатому быть“.

— На што мне богатство, я и так не бе́дной, на што мне ехать туда, где убитому быть. Поеду, где жонатому быть. Нигде́ больше, как там мои братья, выручить их надь.

Вот и приехал туда, где жонатому быть. Приежжает он в чистоё полё. Издалека́ видит три шатра стоит. Да, подьежжает он к шатрам, обьехал кругом одного шатра с правой стороны и увидал ко́ней, сам говорит:

— Наши чарские ко́ни, ну и братья нигде́ больше, как здесь, — и сам подьехал к крыльцю. Сецяс выбегают девиця и молодиця и говорят:

— Молоде́ць, молоде́ць, не убирай лошадь, мы уберём, идите в комнату.

Он ответил им так:

— Я хозяин ло́шади, я и уберу, напою, накормлю и потом в шатёр зайду.

Приводит лошадь к тем же лошадя́м, где братьневы ко́ни стояли, и насыпал им всем пшоници, сам заходит в шатёр. Прибегает молодиця.

— Молоде́ць, молоде́ць, пей не напивайсе, еш не наедайсе, со мной спать собирайсе и до́ суха ложки не вытирай!

А он ответил:

— Помрут не ска́чут, едят не по́тчуют и знают, как утирать надо.

Топерь так. Приходит она, берёт ёго за́ руки и пово́дит спать. Когда она приводит ёго к кровати и говорит:

— Но, ложись, молодець, к стенке!

А он:

— Нет, у нас на Руси на краю спят, а не у стенки.

И долго стояли, спорили. Наконець он взял и бросил ей к стенке, а сам лёг с краю и россмотрел, што тут в кровати творитце. И она согласилась на это и думала:

— Он не узнал моей хитрости.

Он и она лежали недолго молча. Иван ухватилсе за рычаг — Ивану не до женитьбы было, ёму нужно братьев достать! — Когда ухватилсе Иван за рыцяг, роскрылась кровать, и летит уже молодиця в погреб, там крычат:

— Вот, вот и сама попала!

Там уже сидят тыща цёловек, всё женихи. Там сидели некоторы боле десятка лет, были оцень озлоблённые и сердитые на ейно предложение и всю поняли ейну проделку. Тогда бросились на ней, как тигры, и розорвали ей на клочки, а Иван это всё слушал. Тогда Иван соскочил с кровати, подбегает к второй девушке с револьвером и говорит:

— Вот твоя жизнь кончаетце, если не отдаш мне от погреба клюцей.

Когда он подошол к ней, сказал, то она испугалась, кряду же отдала ёму клюци, только сказала:

— Пощади, доброй цёловек, моей жизни!

Вот сецяс он взял клюци, побёг в темницю и открыл темницю.

— Ну, братья, выходите, колько вас там есть, все до одного.

Так. Вот оттуда и полилось их, как будто и щёту не знает сколько. Наконець, вылезают братья.

— О, братець, да это ты?

— Да, я. Ну, как ваша жонитьба?

— Да хорошо.

— Ну, ладно. А я приехал вас розыскивать и спас всех вас.

Когда вылезли все и очень стали Ивана-чаревича благодарить, што спас ихну жизнь. И кряду пошли в конюшню за конями все вместе. Когда пришли братья, взяли своих коней:

— Погодите, братья, я еще зайду в шатёр.

Братья стали дожидать. Заходит он в шатёр, увидал эту молодицю и говорит:

— Ну, скажи, где у тебя пороховой погреб, а то застрелю.

Она говорит:

— Токо не стреляй, сецяс отдам.

Приносит от порохового погреба клюци, даёт ёму. Он приходит к бра́тьям:

— Бра́тья, давайте со мной, берите ко́ни, поедем к пороховому погребу.

Так. Кряду же братья с ним приехали к пороховому погребу. Открыл Иван погреб и велел братьям набрать полные корманы пороху и сам на́брал. Вот когда они набрали все корманы, то сказал братьям:

— Вот я оставлю погреб по́лым, а вы вытрясайте из корманов порох дорогою, и я буду трясти.

Когда оне отъехали кило́метр места, вытрясли все корманы, то Иван спустилсе с ло́шади (тогда ведь вёрстами щитали, кило̀метров не было, ну, давай уж километр, привыкли дак!). Когда Иван спустилсе с ло́шади, то зажог порох. Порох стал перебиратьце, не прошло пять минут, как дошол до погреба, и рухнул весь ихной шатёр.

Так оны поехали дальше. Как приеждают оны к тем же опять трём дорогам с братьями, конешно, то Иван спустилсе с ло́шади, стёр эту надпись и сказал:

— Это всё пустое.

Топерь говорит братьям.

— Так хто, братья, топерь жалает ехать туда, где богатому быть, из вас?

То братья отказались:

— На што нам богатому быть, мы и так не бе́дны.

Отказалсе Василий и Фёдор. Топерь говорит он опеть же братьям:

— Так нет, братья, надо всё-же дорогу исследовать, я топерь сьеду, токо меня дожидайте.

Вот он сел на ло́шадь и поехал. Приеждает он на открытое место, увидел стоит три мага́зина. Привяза̀л свою лошадь, насыпал ей пшоници и сам пошол по мага́зину ходить, што

у них есть хорошего, узнать. Да, зашол он в перьвой магáзин. Стоит пустой совершенно. Вышел, плюнул. Зашол он во второй, смотрит, стоит весь полнéщий грязью. Зашол он в третий магáзин, то смотрит, полный был весь набит навозом — вот и богатьство где-ка!. Потом приходит он к своёмý коню, обседлал ёго, сел и поехал, и в скоро времё приехал к братьям. Братья спросили ёго:

— Ну, што там, Иван, за богатьства?

— А там всё пустоё, братья. Сечас сотрём надпись.

Сечас соскакивает Иван с лóшади, стирает надпись и говорит братьям такую вещ:

— Так вот, братья, скажите мне, кто поедет туда, где убитому быть? Исполнить надь родительское слово и потешить старика, вы, кажетце, помните ёго заказ.

Так, тогда братья обои, как один ответили:

— Нет, Ванюша, брат мéньшой, мы не жалаем нá-смерть ехать, а ты как хотúш, и мы жить хóчем.

Ну, он потом им говорит:

— Нет, братья, вы не так смóтрите, надо кому-нибудь нам из трёх ехать исполнить отцёвску задачу.

Братья второй раз категорически отказались, што мы не поедем.

Тогда он сказал:

— Ну, братья, тогда я поеду, дожидайте меня на этом месте до тúх пор, как не вернусь. Может и год и два проеду, ну, дожидайте меня, домой не уежжайте, всё-ровно исполню я отцёвску задачу, если буду жив. Дожидайте до трёх лет.

Так с темá словами роспростилсе с братьями и пустилсе в ту дорогу, где живому не быть.

Вот едет он путём-дорогою, и едет, едет, едет, едет, близко-ли далёко, низко-ли высóко, едет и поджимает своёго дорожного коня. Вот уж он проехал порядошно место, истощали у нёго сьесные припасы и также лошадиной фураж. Боле всего он стал заботитьце то, што не стало лошадиных запасов.

— Не будет подо мною скоро дóброго коня.

И сам уж сутки голоден. Так. Потом видит на возвышенном месте стоит избушка.

— Ну, ладно, слава богу, скоро доеду.

Подьежжает к избушки, избушка вертитце на курьих ножках, на петушиной головке. Когда слез с лошади, и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, мне не век вековать, одну ночь ночевать.

Избушка остоялась. Заходит он в избушку и видит сидящу старую старуху на стуле. Старуха скоцила со стула, носом нацяла в жаратке вирать, языком пець пахать. И титки через грядку веснут — вот кака была старуха большая! (Это в сказке есть, так приходитце сказать). — Наконець, заговорила:

— Фу, фу, — говорит, — на Руси не бывала, руського духу не слыхала, а топерь вижу и слышу. Сьем, сьем, молодець, давно человечьего мяса не едала.

А он стоит, в губах крови нет.

— Што ты, баушка, смилуйсе, холодного, голодного и сразу начинаеш ись. Ты бы накормила, напоила, баню истопила, кости попарила. Тебе мяхче бы стало, старой ведьме, есть.

Старушка приобдумалась, стол накрыла, напоила, накормила, в ту же минуту баню истопила, в бане выпарила. В бане попарила, в кровать уложила, села на табуретку и стала вести выспрашивать:

— Скажи-ко ты, молодець, какого роду, какой племени, как те зовут и куда ты идёш?

Он долго думал и сказал:

— Я есть, баушка, не чарьской сын, не королеськой сын, а Самсона Самсоновича Самсонова сын.

Уж надо было ему придумать. Старушка сразу ёму и сказала:

— А Самсон-то ведь мне был брат родной, второй, топерьто он помер, так ты есть мой племяничок. Скажи куда ты идёш, и для тебя я всё сделаю.

— Вот, тётушка, куда я иду. Иду я в тридевято государство к прекрасной царевны за живой водой и за мёртвой, за молодильными яблоками и за манежныма ягодами.

— Ох ты, племянник мой, туда хоть есть много хотце́й, да мало вы́ходцей. Ну, уж ладно, побудь у меня сутки, я подумаю.

Вот он по́был у тётушки сутки, тётушка и говорит ёму:

— Вот, Ванюша, сецяс ма́ло я тебе помогу. Мы уж от царевны приставлены сторожа, штобы во́рон не пролятывал и молодець не проска́кивал. Да, а мне уж тебя приходитце пропустить, потому што ты есть мой племя́нничек, скрыть от царевны.

Топерь она ёму еще и говорит:

— Ну, Ванюша, топерь ты свою лошадь здесь оставь, а я тебе свою дам, потому што на ней ты не проедеш. А потому даю, штобы узнала моя сестра, а та в два раза́ хуже меня. А я в то времё твою лошадь откормлю. А моя лошадь дорогу знает.

Тогда он сел на лошадь, простилсе с баушкой и поехал. Ну, скоро ёму дорога показалась. Вот уже и видит, стоит избушка, подьежжает к избушки. Выбегает старуха, оцень злая и говорит:

— Эй, слуги, берите эту лошадь, ведите к нашим. Если понюхаетце, то родня, если полягаетце, то не наша.

Сецяс слез он с ло́шади, повели лошадь к ейным лошадям. Слуги приходят.

— Баушка, понюхались.

— Ну, ладно, заходи в избу, верно племя́нничек.

Сецяс Ванюша заходит в избу. Старушка накрыла стол, накормила, напоила, водочкой угостила, баню истопила, выпарила, уложила ёго в кровать. Так. Сама взяла табуретку, села с ним рядом и стала выспрашивать ве́сти:

— Куда, племя́нничек, идёш и путь-дорогу дё́ржишь?

Ванюша отвецяет:

— Тётушка, знаеш што? Иду к прекрасной царевны за живой водой и за мёртвой, за молодильными яблоками и за манежными ягодами, потому што они мне очень ну́жны.

Она и говорит ёму:

— Ну, ладно, сынок, обживи сутки, я подумаю, а потом тебе и скажу.

Вот он о́бжил сутки, она ёму и говорит:

Ну, сынок, я тебе ничё больше помоч не могу, поежжай к третьей сестры, даю тебе коня́, она там тебе и скажет.

Вот он оставил этого коня, баушкина у ей, а на баушкином поехал вперёд, простилсе с баушкой.

И в скоро времё он приежжает к третьей тётушки. Как токо (уж этого мы не будем третий раз переписывать, што избушка там стояла, это всё не нужно), подьехал к избы, выскакивает старуха из избы и говорит:

— Ну, слуги, ведите эту лошадь к нашей. Как токо полягаетце — не родня́, понюхаетце — родня́.

А он стоит на одном месте. Вот слуги прибегают:

— Баушка, лошадь понюхалась.

— Заводите ей в конюшню, дайте ей пшоници, а ты, племянничек, заходи в избу.

Так же тётушка забегала: накрыла стол, напоила, накормила, в то же время баню истопила, выпарила и в кровать уложила. Сама села на стул.

Ну, скажи, племянничек, куда путь дёржиш?

— Так вот, тётушка, куда я иду. Может ты, конешно, и знаеш, такоё государьство. Иду я к прекрасной чаревны, достать мне нужно живой и мёртвой воды, молодильных яблок, манежных ягод.

— То знаеш, племянничек, много туда есть хотце́й, но мало оттуль вы́ходцей. Ты знаеш, я из се́стер есть старшая, то много на меня ответственности, я не должна никого пропускать. То мимо ме́ня во́рон не пролятывал, молодець не проска́кивал, ну уж не знай, как ты, племянничек, случайно ко мне попал.

— Ну, уж што-же сделать, тётушка, при беды — не свой разум. Мож — помоги.

— Ну, уж ладно, племянник, для тебя все меры приму, мож помогу.

Сецяс старуха садитце за стол и пишет письмо брату — еще там брат на дороге живёт, де́ла у них есть тут!. — Когда она составила это письмо:

— Ну, вот, сынок, топерь поди, он живёт от меня неда́лёко.

Он берёт в руки письмо, она и говорит:

— Погоди, сынок, я еще тебе скажу, а потом и пойдёш.

Вот она и говорит:

— Вот што, сынок, вот немного подойдёш и смотри, увидиш двуетажной дом, и будет лежать старик у стены, два разá загнулсе, большой он был. Становись на колены. Когда станеш на колены, положи письмо на гóлову и ползи к нему рядом, а из рук не подавай, а то он тебя сглóнет.

Вот немного подошол и увидал двуетажной дом. Да. Посмотрел по-настоящему и увидал лежáщего старика, которой был три раза кругом избы загнувшись. Старик посмотрел на нёго, когда он полз на коленках и пóднял голову кверьху. Когда он пóднял голову кверьху, то увидал лежаще письмо на головы и взял ёго в руки, Потом он стал нá ноги и говорит:

— Ну, племянник, смотри, сукин сын, провожу я тебя к чаревны, только не сказывай, на чём я тебя провожу.

И приказал итти в дом.

Завёл он ёго в дом, приводит к столу, накрыл скатёрку-хлебосолку, на столе столько еды образовалось, што нужно ёму, што было на свете. Накормил, напоил и говорит ёму:

— Ну, племяш, знаеш што, вот только у нас есть две скатёрки, одна у меня, друга у чаревны, и больше нет ни у кого.

Топерь говорит:

— Ну, ладно, племянник.

Сецяс приносит ёму петуха.

— Садись на этого петуха, он тебя снесёт и обратно принесёт, я знаю, зачем ты идёш. Топерь как раз у ней есть мёртвой цяс, она спит, — приехала с гулянки, со своимá слугами. То смотри, проказник, если там што плохое сделаш, то оттуль чёлой не прилетиш, она тебя схватит. Ты знаеш, у ней терем стоит по поднéбесью, у ней через засаду птиця не пролятыват, богатырь не проскáкиват, так што трудно туды попасть, и у ней кругом проведёны струны, и туда ты пролетиш спокойно. Ну если там што напроказиш, то оттуда не прилетиш, петух тебя не перенесёт, заденеш каблучком ó стену. А уж тогда берегись.

Потом он сел на петуха и сказал:

— Ну, дедушко, благодарю, топерь поеду.

И скрылсе. Вот он летит на петухе. Издалёка увидал он высокой терем. И кругом стоит каменная ограда по поднебесью. Подлетает он к огра́ды, петух ёму и заговорил:

— Ну, держись, Ванюша.

Петух перелетел черезь стенку и опустил ёго в сад. Он спустилсе с петуха. Когда спустилсе с петуха, сечас же на́брал манежных ягод и молодильных яблок. Петух ему сказал:

— Переходи.

Он пошол. Приходит к колодцям, петух говорит ёму:

— Вот тут жива́ вода и мёртва. Бери сколько хочеш и попей сначала сам, только не черезь меру.

Выпил он немного. На́брал пузырьки, вот петух и говорит ёму:

— Ну, хочеш смотреть цяревну, то иди, а я тебя здесь подожду. Вот он пошол ставать в светлицю. Когда вы́стал в светлицю, то увидал лежит их штук дзенатцеть, и все были нагíе. Сама цяревна была в среди́ны, она была такая красавиця, што даже и чорт не касаетце. Потому што она не любила муського духу, вот это почему чорт не касаетце. А такая была мастериця, што на целоѐ место заплатку наставит, а дыру так оставит. Ну конецьно, когда Ванюша увидал перед собою такую редкость, весь с лиця переменилсе.

— Ну, хоть уж што ни будет, хоть живой не буду, а использую.

Она была сонна́, конешно. Ну, наконець, решил залезти и использовать сонну́ю. Вот собралсе оттуда скоре́нько проч и угадал как раз в ихну столовую. Когда он зашол в столовую, то увидал там скатерётку-хлебосолку. Он скорей ей завернул и сам к петуху приходит. Петух и говорит ёму:

— Но, Ванюша, много ты там наверно спроказил, если спроказил, то не пролететь нам будет.

Вот петух полетел. Раз петух поднялсе, не мог переле́зти черезь, и второй поднялсе — не мог перелезти черезь, и говорит петух Ванюше:

— Ну, Ванюша, если и в третий раз мы не перелезем, то жизнь наша ско́ро кончитце. Скоро пробуди́тце цяревна.

Потом петух последние силы прило́жил, што у ёго было, и в конце концёв перелетел черезь стенку, только Ваню́шкин каблук задел за стенку. Вот в это времё там сецяс струны запели, колокола загремели, царевна пробудилась и сразу почувствовала, хто-то был у ней.

Какой-то был невежа и немыта рожа — коня поил и колодця не закрыл.

А потому не закрыл, было-не́чем закрыть-то, раз нага́ лежала, дак!

— Э! Слуги, ведите мне скорей кобылу семино́гу семивёрстну, што бы на семь вёрст бежала, на восьму подпихивала; всё ровно я его поимаю.

Только она стро́нулась с места, а Ванюша был уже у дедушка. Дедушко посмотрел на ёго и говорит:

— Ну, проказник, не утерпел, напроказил. Топерь лети скорее на петухе до сестры, а там возьмёш у ей коня, а петуха оставиш, я буду царевну задёрживать.

И сам поднялсе на ноги посмотреть, как царевна поедет. Вот старик смотрит: летит царевна на кобыле и закрычала:

— Иш ты, старой бес, как ты пропустил ко мне такого сокола, какой-то был у меня невежа, коня поил, а колодця не закрыл.

— Да, племянниця, сорок лет на́ ноги не ставал, а сегодне стал. Летела птиця-жар по подне́бесью и хвалилась, што царь-девиця брюхо нажила, а у меня не хватило до нёго рука каких-ни одного аршина: пролетел, што молния.

В это времё Иванушко был уж у баушки. Оставляет петуха и сам потёк дальше. Только баушка спросила:

— Што ты, сынок, напроказил?

А он ей:

— Не́когда, баушка, говорить.

Топерь уже царевна прилетает к тётки и заорала:

— Иш ты, ста́ра ведьма, кого пропустила. Сожгу тебя. Она и отвечает:

— Милая моя племянниця. Ты не вериш, как я за ним гнала́сь, пойдем, посмотри моего коня, стоит весь в пе́ны. Так за ним гонялась, но где же было догнать, как тот летел по подне́бесью.

Она на этом успокоилась, когда увидала коня, и говорит:

— Ну, давайте пить, потом полечу, и всё ровно поймаю прохвоста.

Старуха выхватила чашу у слуг и говорит:

— Никому не поверю — сама цярице поднесу.

И медленно несёт, знат, што пускай племянник тем временем уедет дальше. Цяревна напилась и полетела, а в это времё Иван поехал от второй тётушки к третьей, так скоро, што она и не поспела у ёго ничего спросить. Конешно, он взял сменну у ей лошадь. Вот и цярь-девиця прилетает топерь ко второй тётке и закрычала:

— Эх, стáра ведьма, хто проехал, сказывай, а то живá не будеш?!

И всяко разно говорит, стращает.

— Милая моя племянниця, ты не видала и не знаеш, как я гналáсь за ним. Давай пройдём ко мне на конюшню, посмотриш моего коня, как ёго нагналá.

(Конь-то уж нáгнан порядком!). Побежала в конюшню, смотрит, конь весь в мыле стоит.

— Ну, уж ладно, баушка, вижу, как он летел.

— Да уж то вижу по поднéбесью жар-птицю, куда же мне за ним, а виш старалась.

— Вижу, вижу, ладно, бабка, погоди, всё ровно поймаю, а уж постараюсь. Ну, тёта, дай скорей напитьце, не могу терпеть, лететь надо.

Зачерпнула старуха воды и тихонечко подает, штобы пролетел племянник дальше.

А в это времё Ванюша уж поехал от третьей тётушки, взял своёгó коня, а она тронулась от второй. Вот и скоро времё, она уж прилетает к третьей тётке, и закрычала:

— Эх ты, стáра плутовка, наверно ты уж знаеш, кто сечас проехал, сказывай, а то добрá не будет.

— Милая моя племянниця, ты не видиш, как я за ним гналáсь, сходим, посмотрим моёгó коня на конюшне и взглянь мне в глаза.

Пришла, посмотрела:

— Ну, баушка, вижу.

— Топерь взгляни мне в глаза. Видиш я уж на дватцеть лет поседела, как за ним гнáлась. Ну, виш топерь, как я за ним гнáлась.

— Вижу, вижу, тётушка.

(Всякой по-своему надо омманывать!)

— Ну, тёта, топерь напой меня скорее, всё ровно догоню ёго топерь, никому не поверю.

Старуха берёт чашку с водой и медленно, медленно попадает к чариче, штоб Ванюша успел дальше проехать. И тронýлась с места за Ванюшей в погоню. Так не очень далекó гнáлась, как уж издали стала видáть, што едет какой-то наездник впереди ей. А Ванюша своёгó коня уж так сильно напирает, што уж сколько есть мочи у коня, во весь опор летит. И закричала издалёка:

— Эх, сукин сын, хотел от меня удрать, топерь я тебя поймаю, не уйдёш от меня жив!

Не успела чаревна схватить на своей граници, как Ванюша успел перескочить на свою граничю, как она закрычала:

— Стой, Иванушко, погоди, не оставляй меня здесь, ты знаеш, — скрычала она, — Ванюша, с чем меня оставил. Ну, всё ровно розыщу хоть черезь пять лет, где бы ты нé был.

С темá словáми вернулась обратно.

Скоро Ванюша прискакал на то место, где остались ёго братья, ну уж на том месте братьев ёго не было. Ванюша ждал, ждал и роскинул скатерётку-хлебосолку и стал обедать. Пообедал, ударил ёго сон, даже не убрáл скатерётки-хлебосолки и заснул с такой большой дороги.

Так. Вот не в дóлгом времени, видят братья Ванюша приехал, стоит ёго конь. Когда пришли братья к Ванюше, то видят Ванюша спит, перед ним стоит скатерётка-хлебосолка. Братья с радостью уселись и поели и говорят:

— Такого обеда мы еще и у батюшка не видали. Вот так Ванюша, што он нашол на белом свете.

И тут же в узелке лежит завязана живá вода и мёртва, молодильны яблоки и манежны ягоды. Братья всё это высмотрели и стали промежду собой говорить:

— Вот што, Вася, — говорит средний брат Федька. — Вот слушай, топерь што получил Иван. Ёму чарьство и к тому же скатерётку-хлебосолку, а нам ничего топерь. Што же! Он встанет и всё росскажет отцю, когда поедет, а мы ничего топерь.

Топерь и говорит старшой брат Василий:

— А вот што, брат, разбудим-ко мы ёго топерь. А ты видел там пропасть большая и скажем ёму, будто провалилась у отця казна в ту пропасть и поведём ёго. Топерь он нам поверит. Когда ёго приведём к этой пропасти, он нагнётце, будет смотреть, а в это времё мы ёго туда подтолнем, он у нас и улетит. И потом это всё нам останетце, одному будет скатерётка-хлебосолка, а другому чарьство, так мы и поделим.

На том оны и порешили. Так. Потом в ту же минуту стали будить брата:

— Э, брат, Ванюша, ставай. Долго спать будеш? Уж ты давно, наверно, спиш!

Когда брат скинул глаза, то видит своих братьев и говорит:

— Здраствуйте, братья.

— Здраствуй, здраствуй Ванюша. Ну, росскажи-ко как ты ездил?

Он им отвечает:

— Ну, я росскажу немного, а остально буду россказывать дома. Хоть я много беды принял, ну жив осталсе.

Больше им ничего не сказал.

— И весь заказ батюшков я выполнил.

— Да, брат, верно. Вот у нас, у батюшка случилось топерь нещасьё, провалилась вся казна в землю. Осталось только дыра одна. Хочеш посмотреть, то мы тебе покажем.

Он говорит:

— Ну, так што-же, пойдём, посмотрим.

И вместе все трое отправились смотреть эту пропасть. Когда они пришли к этой пропасти, то и сказали:

— Вот, брат, смотри, вот где дыра-то!

Брат нагнулсе во всю спину, хотел было посмотреть, братья подбежали, пустили ёго во всю спину, и он полетел в пропасть вниз головой.

Когда он полетел вниз головой и сам себя уже не помнит, куда он летит и каким путём. Ну, всё-таки для ёго щастья случилось такоё дело: подхватил ёго голубь и голубица, штобы он не упал на землю и не ушибсе. Вот спокойно спустилсе на землю и пошол уж он топерь по тому свету, котороё было подземноё государьство. Приходит он в государьство на край города и проситце к одной старушке обжи́ть, и старушка ёго спустила. Виш, он когда пришол к баушке, стал проситце на квартиру, она ёго спустила и говорит:

— Кто ты есть и откуда?

— Баушка, я есть выходець с того свету — это он ей так ответил.

То он когда пришол в государьство и смотрит, што ихно государство очень печально, и стоит под чёрным трауром. И стал спрашивать баушку:

— Што-же, баушка, у вас, в чём же ваше государьство ту́жит, как стоит под чёрным трауром, обьесни мне пожалоста, в чём тут дело?

Баушка говорит ёму на ответ:

— Ой ты, ди́тятко, как бы ты знал, што у нас только в городе творитьце, так это я не знаю!

— А што-же, баушка?

— Да ведь как, ди́тятко, у нас топерича такое дело, што уж три года, как выстават змей из озёра и пожирает всех, и уж топерича пришла очередь чарьской дочери выехать. И вот этот чарь просит уже какого-нибудь, ну кто-бы ей только спас, а за это даёт ёму полчарьства, и потом женит на ней, и впоследствии поставит ёго на чарьство.

— Што же, баушка, да уж однако, если бы удалось, так я бы поехал, всё ровно.

Баушка ничего не говорит ёму, и побежала скорее к чарю Приходит.

— Здраствуйте, ваше велицество, я к вам прибежала за таким делом, может вы этым делом нужда́етесь.

— Ну, в чём же дело, баушка, может и нуждаюсь, скажи, только не ври.

Баушка из лица переменилась.

— Ваше величество, да ведь нельзя врать, я сюда с то́лку прибежала, ваше величество, и обьесню што вам надо.

— Ну, росскажи, баушка, в чём-же дело?

— Вот, ваше величество, ко мне пришол цёловек, вы́ходець с того свету, он у меня на квартéры живёт, и сказал: „Ну, уж пришлось бы мне поехать, я бы убил этого змéя".

Обрадованной чарь ей сказал:

— Ну, спасибо, баушка.

Сецяс же приказал звать этого цёловека к себе.

Старушка пошла домой. Вдруг приежжает цярьской посол к дому и заходит в дом. Пришол он в дом и спрашивает:

— Вы будете вы́ходець с того свету?

— Я.

— Ну, вас чарь спрашивает. Пожалоста, пойдёмте со мной.

И он оделсе, пошол вместе. Приехали оне к чарю. Когда он заявилсе к чарю, увидал чаря, то сразу же поздоровалсе и спросил:

— Здраствуйте, ваше величество. Ну, в цём дело и зацем я вам нужóн?

Он ответил:

— Здраствуйте, вы́ходець с того свету. Ну, што-же можеш ты справить тó, в чём я тебя требовал?

И говорит Иванушко ёму на ответ:

— Да, ваше величество, если был бы конь такой, на котором поехать можно, то я бы, пожалуй, поехал, спас вашу дочку. А вот што, ваше величество я у вас спрошу. А за спасеньё вашей дочки што мне за это будет, если я ей спасу?

— Вот што, слушай, вы́ходець с того свету, я твоего имени-очеству не знаю, ну спрашиваю. Если только ты убьёш противника, этого змéя, которой пожирает людей три гóда, то я тебе дам дочку замуж и полчарьства и впоследствии поставлю чарём на чарьство, ничего не пожалею, только сделай такую милость.

Тогда Иван сказал так:

— Ну, ладно, ваше величество, отведите в ту конюшню, в которой есть конь, на котором можно будет ехать.

Чарь немного подумал:

— Слушай, выходець с того свету, у нас есть конь, которой уже дватцеть лет не видал свéту; ёго стерегёт конюх, конь никого не пропускает и на нём никто не ездит. Когда придёш в конюшны этого коня, то написаны есть буквы не понашему, может быть вы, выходець с того свету, прочитаете и узнаете, што это есть конь.

То Иван с темá словáмы вышел из дворця. Повели ёго к этой конюшни. Когда он пришол к этой конюшни, перьвую дверь открыл, на вторую посмотрел, прочитал надпись:

„што этот конь стоит дватцеть лет, на нём нихто не ездит, нет на нём такого хозяина, кто может на нем ездить. Преже всего, как на этом конй надо поехать, то зайти в третью дверь, подойти к ясля́м и там, под ясля́ми, оторвать одну полови́цину. Под этой полови́чиной пропустить руку, там есть две бутылоцьки, одна с красным, другá с белым. Из одной бутылоцьки выпить рюмоцьку, а из другой выпить две. Тогда почувствуеш в себе силу такую, што можеш на этом коне ехать“.

Вот это всё Иван узнал и сецяс заходит во вторую конюшню, вынимает полови́чину и достаёт две бутылоцьки, и тут же под этой половичинёй есть мець кладенець, вóстро-копиё и палиця боёва, и латы богатырские. Вот он это всё и сделал. Выпил из одной бутылочки рюмочку, из другой две и достал меч кладенець, вóстро-копиё, палицю боёву и латы богатырские, и оделсе. Когда он оделсе, почувствовал в себе силу уже необыкновенную, то сказал конюху.

— Ну, выводи топерь коня, отмыкай все замкй топерь двенатцеть.

Конюх не успел открыть шесть замкóв, ну конь уже почуствовал своёгó хозяина, порвáл чепи, пробил все двери, шесть, и выскоцил на волю. Так. И стал перед ним, как вкóпаной. Он ударил ёго по круты́м бедрáм: конь стоит, как вкóпаной. Обседлал ёго, обуздал, скоцил и поехал к морю, где выставал змей.

Когда уж он приехал к морю, то уж чаревна была привезёна к морю, для того, што мало ли какой случáй может быть, што бы чудовищё не пришло в город требовать людей.

17*

Приехал и сидит на лошади́, а чаревна в кореты, и не выходит из ей, токо плацёт.

— Вот, — думает, — топерь я приехала на смерть.

Он смотрит. Раз вода поднялась, второй поднялась и третий поднялась, на четвёртой раз вылезает из моря змей. Вылез и заговорил:

— Вот уж какой чарь милостливой, мне уж послал обед с закуской, какого-то еще послал выходця с того свету, таки́ма я еще редко обедал: спасибо ёму.

— Напрасно, друг, рано хвалишсе: не зага́чивай, а успей выволачивать. Ну, хотя хорош пирог едучи, да смотри подавишсе; и видиш конфетку сладку перед собой, но скушать не умееш.

Говорит Иван змею это на ответ дальше.

— Ну, так што же спорить с тобой, давай выедем?

— Давайте!

И вот выехали оне на ровную площадь. Чаревна смотрела и всё плакала. Да. Вот розьехались оне и сьехались, то Иван-чаревич отрубил у нёго две головы, поехали второй. Когда сьехались второй, то он ударил ёму, последнюю голову копьецём и розрубил ёго на мелкие цясти, штобы у нёго не осталось ницёго. И сам прискакал к чаревны и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, вы топерь спасёны́.

Она посмотрела на нёго и броси́лась ёму на шею.

— Милой мой вы́ходець, я твоя, куды хош, туды со мной и девайсе.

Он ей сказал:

— Успокойсе, дорогая, поежжай топерь домой, а я еще подожду сутки, не вылезет ли второй, и я с ним росправлюсь, а ты больше не приежжай.

Да, когда он убил змея́, прискакал к чаревны, то спросил у ей:

— Што у батюшка есть на свете милее, скажи мне, прекрасная чаревна? Как мне попасть на Русь?

Она ёму и говорит:

— Слушай, вы́ходець с того свету, попасть на Русь тебе лехко́. Есть у батюшка трубоцька, свистнеш в ей, выскоцят

три молодця: они тебя пронесут — куда надо — и сделают, што только ты захочеш.

Вот Иван осталсе ждать, а чаревна поехала домой. Да. Когда она приехала домой, увидал ей отець, выбежал к ней в обьятья.

— Ну, как, дочка, спасёна́?

— Спасёна́. Ну, вы́ходець осталсе там, ждать еще сутки, а мне велел ехать домой, сказал больше приежжать тебе сюда уже не надо.

Обрадованной чарь сказал дочке:

— Ну, дочка, ты топерь спасёна́, и тебе на щастьё бог послал вы́ходца с того свéту, значит тебе не судьба. Будем топерь его ждать, пока он вернётце.

Иван обождал сутки, — нет никого, — всё смирно, спокойно и тихо. Верну́л лошадь и поехал в чарьство. Приежжает в чарьство, спустил лошадь в ту конюшню, в которой она была, и сказал:

— Ну, спасибо, товарыщ, стой в моей конюшни, как была, пока не понадобиссе мне.

Лошадь верну́ла хвостом, покривила голову и спокойно отправилась в конюшню. И увёл ей конюх, которой ей токо хранил. А сам снял латы богатырские, поло́жил на староё место и пошол во дворець.

Когда он пришол во дворець, то чарь очень был обрадован, посадил его на своё место, где всегда сам он сидел. Вот и говорит:

— Наречéнной мой зять, ну выбирай любоё: бери мою дочку, хош полчарьства, еще што хочеш, всё тебе отдам.

— Вашё величество, мне не надо твоего полчарьства, и не надо твоей дочери, отдай мне трубоцьку, што у тебе хоронитце, мне она оцень нужна, штобы мне попасть на Русь.

Чарь заговорил:

— Ладно, уж пусть и так, отдам тебе трубоцьку, но только я тебе и так могу представить на Русь. Я тебе дам петуха, которой тебя вынесёт на Русь.

Получил от него он эту трубоцьку и говорит:

— Ну, топерь я успокоилсе, знацит попаду на Русь. Знаеш, ваше величество, я взял для чего трубоцьку? Штобы мне скорее попасть на Русь, а может там уж нет моих родных или чарьство наше сда́но, тогда я обратно вернусь сюда, можно будет?

Чарь отвецяет:

— Почему не мо́жно, мо́жно всегда, приежжай. И вот ты этой трубоцьки не используй, а я тебе дам петуха, на котором ты вылетиш.

Сечас чарь приказал прилететь петуху. Петух прилетел. Иван прощалсе с чарём, а также с чаревной.

— Ну, может быть увидимсе, жди меня невдо́лгих.

И с тема́ слова́мы сел на петуха и поехал. Ну, долго петух ёго тащил, наконець, вы́здынул ёго на кро́моцьку, с которой он упал. Петух-то тоже был волшебной, и этот волшебной петух, когда он слез, ёму и говорит:

— Слушай, Иван чаревич, если я тебе ну́жен, то возьми меня с собой, я тебе может еще пригожу́сь.

Топерь отвечает Иван ёму:

— Слушай, Петя, сецяс ты мне не нужен, ну может быть когда ты мне и понадобиссе.

Тогда сказал петух:

— Ну, ладно, Ваня, когда я тебе буду нужен, то спомяни меня, и я прилечу.

Он ответил:

— Ну, ладно.

И сам пошол дорогой. Но платьё у нёго, как у выходця из того све́ту, было уже другоё, и было написано: „вы́ходець с того свету", на спине, конешно.

Невдо́лгих он приходит в чарьство. А уж ёму чарьство было знако́мое, так што он добралсе до своего чарьства. Приходит он в чарьство и увидел одного прохожего.

— Скажи, милой цёловек, што в чарстве хорошего есть, обьесни мне.

Отвечает прохожий, когда он прочитал ёго надпись:

— Да, вы́ходець с того свету, в чарьстве начинаетце сечас весельё, чарь сдаёт престол старшему сыну Василью, наципнаетце пир, уже ведётце.

— Так вот мне скажи, доброй це́ловек, спускают всех на пир или нет?

— Спускают, всех спускают, хто бы лиш не́ был.

— Так, ну, ладно.

Он пошол дальше. Вот он заходит в чарские палаты и заходит на пир. Садитце, конешно, на нижную скамью и сидит себе спокойно. Там обносят вином всех гостей, никого не обделяют. Да. И вот обнесли всех, доходит до нёго уже очередь, подносят ёму. Когда он выпил чару и опеть сидит спокойно. Тогда выходит цярь со своёго́ места и говорит своим осподам (тогда уж оспода были, конешно).

— Вот што, оспода-товарыщы, я бы попросил кого из публики, штобы кто-нибудь россказал какой россказ, потешили меня, старика, я уж больно заинтересован россказом.

Да. Тогда Иван немного подумал и говорит:

— Ну, ладно, ваше величество, если вам будет нужно, то я вам росскажу интересной россказ, которой до вас касаетце.

Тогда чарь стал со своёго́ места, подошол.

— Ага, ты вы́ходець с того свету! Ну, говори.

Он не узнал своёго́ сына, конешно.

— Да, ваше величество, я вам буду говорить, ну только слушайте внимательнё. Ну, если токо кто поперечит из публики, то за перьвой раз я беру сто рублей штрафу.

То чарь ёму сказал:

— Ну, вы́ходець с того свету, хош двести, только говори, уж я не пожалею, токо говори, уж больнё я интересуюсь.

— За перьвой раз сто рублей, за второй двести, и так дальше пойдёт — сотню надбавлять, а то говорить не буду. Ну, для вас, ваше величество, очень будет интересно.

Вот он начинает:

— Ну, ваше величество, слушайте, я буду говорить: «Не́ в котором чарстве, не в котором государстве, ну может быть в том, в котором мы живём, был жил чарь. У чаря было́ три сына. Перьвому имя было́ Василий, второму Фёдор, а третьему Иван. И вот этому чарю захотелось помолодитьце. Нужно было достать живой воды и мёртвой, молодильных яблок

и манежных ягод. И вот он сказал старшему сыну Василию: „Вот, сынок, исполни эту мою заповедь. Если съездиш в тридевято чарьство, в тридесято государьство, привезёш мне живу-воду и мёртвую, молодильных яблок и манежных ягод, я тебя наделю: — отдам полчарства и поставлю потом чарём.“ Топерь этот старший сын Василий согласилсе ехать. Отыскали ёму лошадь, и он уехал. Уехал, нет ёго полгода уже, отець спечаловалсе, — нет сына. Он говорит второму сыну: „Ну, дак што же ты? может, Фёдор, вы пожалаете?“ „Не отказалсе, поехал второй. Когда поехал второй, то уж прошол год, никого нет, неизвестно куда оны уехали.“

А чарь это всё слушает. Тогда заговорил старшой брат Василий.

— Брось, батюшко, пустые разговоры слушать, это всё говорит выходець с того свету, может он и врёт.

Это Василий не стерпел, заговорил, конешно, может он и не узнал ёго, но всё-таки не стерпел.

— Ну, коли я вру́, то значит, ваше величество, я сказывать больше не буду, платите мне-ка штрафу.

Тогда чарь говорит старшему сыну Василию:

— Ну, вот што, сынок, плати ёму деньги, а ты, дружок, говори, што дальше будет, я уж больно стал интересоватьце твоим россказом.

И он получил деньги, продолжать стал дальше:

— Ну, тода так, буду дальше говорить.

«Тогда у ёго осталсе третий сын, Иван, и говорит: „Ну, батюшко, и вы, маменька, благословите, и я поеду, исполню все твои задачи, што ты велел братьям.“ Отець говорит: „Нет, сынок, я тебя не отпущу: два у меня сына уехали, один ты у меня осталсе, то не́кому впоследствии чарьством пра́вить будет.“

А мать заговорить не дала. Ну, он не смотрел ни на што и боле стал просить: „Батюшко, благослови, и вы, маменька, хоть не благословите́, всё ровно поеду.“ Мать залилась слезами, стала плакать, а он стал просить отця. Наконець, обои вместе, благословили ёго, и он стал собиратьце.»

Тогда не стерпел Фёдор, второй брат:

— Бросьте, батюшко, кажного вранья слушать, ведь всё это пустоё он говорит.

— Ну, коли я пустоё говорю, то я сказывать, ваше величество, не буду, уплатите мне двести рублей. Я даром языком болтать не стану.

Чарь приказал платить деньги, и он начал говорить дальше.

— Ну, ладно, тогда слушайте, ваше величество, я еще вам скажу.

«Тогда меньшой брат Иван пошол на конюшню, сам отыскал себе коня, роспростилсе с отцём-матерью и поехал в путь. Долго он ехал, приежжает к росстаням и на росстанях стоит столб и отделяетце три дороги — в одну ехать — богатому быть, ко втору ехать — жонатому быть, в третью ехать — убитому быть. Он стал думать, в каку из них ехать. „Интересно, куды братья уехали? Довай поеду где жонатому быть."

И поехал.

Не стерпел старшой брат.

— Брось, батюшко, слушать, ведь это всё враки, какой-то к тебе пришол выходець с того свету, а ты слушаеш ёго.

— Вот што, сынки, вы не хотите слушать, то платите штрафы, а ты, выходець, говори дальше, меня очень интересует этот россказ, чем он кончитце.

Да, уплотили ёму деньги, и он нацинает говорить вперёд:

«— Иван уехал в ту дорогу, где жонатому быть, подьежжает на площадь, два шатра стоит, смотрит: „Ну-ко, братнёвы кони, наши чарские." Приежжает ко крыльцю. Вдруг выбегает девиця и молодиця.

„Молодець, молодець, не убирай лошадь, мы уберём, иди в комнату."

„Дело не ваше, я хозяин лошади, я уберу."

Взял лошадь, отвёл на то место, где братнёвы, насыпал им пшоницы и пошол в шатёр. Заходит в шатёр, прибегает молодиця и говорит: „Молодець, молодець, садись за стол ись, еш не наедайсе, пей не напивайсе, с молодкой спать собирайсе и до суха ложки не вытирай." Он отвецяет ей: „У нас так — помрут не плацют, пьют — не потцюют, колько хоцю, только и поем. А дело моё — утру или нет ложку."

Попи́л, поел, приходит молодиця, берёт ёго за руку и уводит к кровати. Вот она и говорит: „Ну, ложись топерь к стенке, а я повалюсь на край.“

„Нет, у нас на Руси спят мущыны всегда на краю, а женщыны у стенки.“ И заспорили. Берёт он ей на руки и, закинул в кроват к стенке, сам лёг на край. И оба лежат мо́лця. Иван всё смотрел, когда лежал, што такое есть эта кроват и россмотрел, што тут есть рыцяг, которой роздвигает кроват. Немного подумал Иван, схватил этот рыцяг, как роздёрнет, кроват роздвойлась, и она полетела в погреб. Когда она упала в погреб, то увидали озло́бленные, ну вобщем женихи, то кряду ей взяли и ростерзали на мелкие цясти. Иван соскоцил с кровати, пришол к девици и говорит: „Сказывай сецяс же где клюци от погреба, а то застрелю.»

Не стерпел опеть-же Василий:

— Брось ты, батюшко, слушать. Ведь это он тебе проскажет несколько суток, и ты всё будеш слушать, а у нас гости заняты другим весельем, и ты всё будеш слушать какого-то вранья́.

— Ну, коли я, ваше величество, вру, то я россказывать больше не буду, плати́те четыреста рублей.

Чарь приказал сыну платить деньги и говорит:

— Ну, вы́ходець с того свету, россказывай дальше, уж больно твой россказ стал затрагивать, россказывай дальше, и хочу всё до конця услыха́ть.

Иван получил деньги начинает вперёд россказывать. «Да, когда Иван подходит к этой девице, она говорит: „Ну, ладно, уж только не стреляй, а я тебе отдам.“

Он берёт ключи, подходит к темници и стал всех выпускать, а он стоял у дверей. И нача́ли женихи выходить по́ два, по́ три и по деся́тку и как бы скорее, только выйти. Наконець, он смотрит вышли евонны два брата. „О-о, братья, и вы здесь женитесь?“

„Да, да, брат, и ты сюда попал?“

„Да, попал.“ Побладарили его товарыщы и все пошли к шатрам и он с братьями тоже пошол к ко́ням, где стояли ихны ко́ни. Взя́ли ко́ней, обседлали, обуздали и приежжают

опеть-же к шатру, где сидела эта девиця. Вот он сказал братьям:

„Братья, я сбегаю сечас к шатру, а вы дожидайте меня здесь.“

Скоцил, пошол в комнату. Выходит, наставил ей пистолет и говорит: „Отдай ключи от погреба порохового, а то сечас застрелю.“

Она подаёт ёму ключи. Получил ключи, пошол к братьям. „Давайте, робята, поедем“.

Приежжают где стояли погреба́ с порохом, соскоцил Иван с ло́шади, открыл погреб. „Слезайте, набирайте пороху полные корманы.“ И он тоже стал с нима́ набирать. Заскоцили на ко́ней и он сказал: „Ну, братья, нацинайте порох высыпать.“ И он оставил погреб по́лой. И вот стали, пока у них хватило пороху, наконець, Иван сказал: „Подождите немного я слезу.“ Слез и зажог спицьку, порох вспыхул. Добралсе порох до этого погреба, и всё кряду это спали́ло, ру́хнулось и полетело на воздух, а братья поехали вперёд.

Приехали они на ту же дорогу, где эты ро́сстани розделялись на три части, он и говорит братьям: „Ну, вот, братья, кто жалает ехать туда́, где богатому быть?“

Братья отказались. „Мы не поедем, хош — поеждай“. Вот Иван кряду сел на лошадь и поехал. Приежжает, видит три мага́зина стоит. Слез с ло́шади и пошол смотреть, што за мага́зины. Посмотрел, перьвой пустой, другой стоит с грязью, а третий совершенно был с назозом. И сел на лошадь, отправилсе к братьям. Приехал к братьям, стёр обои надписи, — што это всё пустое. Дальше говорит братьям: „Ну, кто желает, братья, в ту дорогу ехать, где быть убитому?“

Братья категорически отказались. „Хош — поеждай на явну смерть, ну, мы не жалаем, еще жить хочем, лучче ехать домой.“ Потом сказал Иван:

„Нет, братья, уж я не сделаю того, штобы не исполнить отцёвской заповеди. Смерть так смерть, и всё привезу, што он заказывал“.»

Потом заговорил старший брат, опеть, Василий.

— Брось ты, батюшко, слушать, вот уж топерь-то он начáл врáть, так врáть, а ты всё слушаеш.

Заговорил отець:

— Плати деньги шестьсот рублей, а ты, проходи́меyь, говори дальше.

Более стало отця затрагивать. Получил он деньги и видит: ёго мать уплакавши. Пришла, села рядкóм и говорит:

— Ну, проходи́меyь, говори, говори, я буду слушать.

Посмотрел он на свою матерь, одва мог удержатьyе без слёз, дальше стал россказывать.

«Так, тогда попрощалсе он с братьями и сказал: „Ну, дожидайте меня на этом месте до трёх лет, а уж там поежжайте домой, значит нет меня живого.“ И поехал. Конешно, он уехал. Трудно, трудно, было Ивану чаревичу, был при ги́бели несколько раз, но щастьё всё-таки не оставило и сьездил он в тридесято государьство и достал живу воду и мёртвую, молоди́льны яблоки и манежны ягоды и обратно оттуда вернулсе.

Приехал на то же место, где братья обещались ёго ждать. Но братьев не было. Ну, он с такой с дальней дороги измучилсе, конешно, ёму захотелось спать. У нёго была с собой кряду скатерётка-хлебосолка, открыл ей, поел и оставил так открытую в том месте, где зачáл спать.

Вдруг приходят эти братья и смотрят этого брата спящего и перед ним открыта скатерётка-хлебосолка. С радости оне сели, поели и сказали: „Мы таких обедов еще не видели в своём чарстве. Вот так Ванюша, всё он сделал, достал живý воду и мёртвую, молоди́льных яблок и манежных ягод.»

Тогда не стерпел опеть старшой брат:

— Брось, батюшко, топерь уж он совсем завралсе, всё врёт на зло. И мама, ты видиш, как он врёт.

То мать и отець обои стали просить ёго:

— Ты, проходимеyь, давай говорить дальше, а вы, братья, давайте деньги восемьсот рублей, которы, хош откуль берёш, — платите.

А он получил деньги и дальше стал россказывать. Мать всё сидела слушала, утирала слёзы, а он всё вперёд россказывал.

«Братья поели, попили и говорят: „Вот он всё получит, всё достал, и получит полчарьства, а по оконцянии нашего отця и всё, а нам ничего не будет, мы как проездили три гóда, нам ничего не будет. Ты как думаеш, брат?“

„А вот я што думаю, брат. А ведь мы с тобой шли недавно, там была пропасть, так розбудим ёго, скажем, што у отця случилось нещастьё, провалилась ёго казна с деньгáми. Когда он с нами пойдет, наклонитце во всю спину, то мы ёго стóлкнем туда, он полетит, то мы с тобой поделим это богатьство и поедем домой.“

„Вставай, брат, уж ты довольнё спал“. Брат скинул глаза и говорит: „Здравствуйте, братья.“ „Здравствуй, здравствуй, братець. Ну-ко росскажи, как ты вернулсе обратно?“

„Топерь мне россказывать оцень будет долго, а мы с вами дома поговорим. Топерь лучче ехать. Мы и так запоздали, уж три года в дорóге. Я всё достал, всё, што было нужно для батюшка, исполнил ёго приказанье. Топерь поедем. Тогда заговорил старшой брат Василий: „А вот што, Ванюша, случилось у нашёго отця нещастьё, провалилась вся казна с деньгáми, только сделалась одна дыра. Давай, Ваня, идёмте посмотрим, поинтересуемсе над убытком отцёвым“. Ванюша согласилсе, пошли. Когда они приходят к этой пропасти, то старшой брат в это времё ёго подтóлкнул и он улетел в подземельё, в государьство.»

Топерь говорит старшой брат, сидящий на пирý за столом:

— Ну, отець, уж топерь ты видиш, как он врёт, топерь он на зло врёт, запрети ёму, штобы он больше не говорил.

Тогда мать, сидящая возле ёго, горько-горько заплакала, што случилось с ейным сыном, но еще не знает. Отець протёр глаза свои платком и говорит:

— Ну, проходимець, говори дальше, а ты, сынок, плати деньги, тыщу рублей, откуль хош. А ты, проходимець, говори дальше, меня очень затрагивает, и говори до конця.

Получил он деньги.

— Ну, ладно, давай еще скажу.

«Да. Топерь он, бедняжка, полетел. Летел, летел, на щастье ёго, конешно, подхватили голубь и голубиця, не допустили ёго пасть на землю. Опустили ёго легонько на землю и он пошол в подземельно государьство и заходит в чарьство. Приходит в чарьство и видит всё чарьство под чорным трауром. Заходит к одной старушке обночевать и стал спрашивать ей: „Што же, баушка, у вас творитце в чарстве, очень оно печально?“ То баушка ёму и говорит: „Ой, ты, дитятко, кабы знал, три года как у нас змей пожирает людей. И вот пришла очередь чарьской дочери ехать, он ей сьест. И вот чарь вызывает, хто бы ей спас, за это он полчарьтва отдаст и дочку замуж.“ Потом Иван сказал баушке. „Ну, да уж если бы был хорошой конь, да позвал чарь меня, то я бы убил этого змея и спас чаревну.“

И старушка сечас же смылась и убежала к чарю и обьяснила. Приходит к чарю и говорит: „Ваше величество, я пришла обьяснить. У меня, пришол какой-то выходець с того свету и он хвалитце, што спасёт вашу дочку, только был бы хороший конь.“ Когда чарь выслушал баушкин розговор, то сецяс же приказал призвать этого выхотця к себе. Сецяс же послал чарь одного из слуг, и тот приходит к Ивану и говорит: „Вот што, выходець с того свету. Коль ты хвáлисьсе, чарь тебя просит притти.“ Сецяс же Иван оделсе, пошли. „Здравствуйте, ваше величество.“

„Здравствуйте, выходець с того свету. Ну, вот, коли ты обещаеш мою доцьку спасти, то скажи, можеш или нет?“ Ваше велицество, ну, если, даёте хорошего коня, на котором могу ехать, то я спасу вашу доцьку.“ „Да, дам, у меня есть такой конь, на котором никто не может ехать, ёго хранит один конюх, больше никого он не допускает, а я за это тебе дам полчарьства и доцьку замуж.“

Топерь кряду ёго повели к конюшням, взял он этого коня, прочитал подпись, кряду всё он сделал, што было написано, оделсе и поехал к морю. Когда он приехал к морю, там уже была чаревна, а он, не слезая с лóшади, дожидал когда вылезет змей. Вот когда первой раз вода стала, второй и третий,

вылез змей, пошла у них битва, Иван убил этого змея, и вернулись обратно в чарьство.

Когда приехал обратно Иван в чарьство, тогда садит чарь ёго на своё место и говорит: „Ну, зять, што жалаеш, хош чарьство, хошь доцьку мою взять, што жалаеш?“ „Нет, — он сказал, — я не жалаю жонитьце.“ Дальше он стал говорить: „Вот што ваше велицество, я бы жалал вылететь на Русь, откуль я есть, мне больше ницёго не надо от тебя.“

Чарь на это согласилсе. Да. Тогда ёму сказал чарь: „Ну, об этим не беспокойсе, коли ты мне сделал такое добро́, то как хочеш, когда вернёссе, то я тебя поставлю на чарьство А на Русь я тебя доставлю.“ И дал ёму петуха. Иван кряду сел верьхом на петуха и полетел на Русь. И вылетел он на Русь и пошол в свое государьство.»

Тогда сказал старшой брат:

— Опеть ты, батюшко, докýль будеш слушать этот росказ, да он никогда не концит, пусть уж он лучче замолцит.

— Ну, ладно, концá не буду говорить, уж коли не хóчете слушать, а гони́те деньги две тыщи рублей.

Чарь приказал дать деньги и говорит:

— Ну, проходимець, говори до концá, што с этим Иваном было́.

А мать всё сидела, слушала, утирала глаза платком.

«Потом он пришол в это государьство и зашол к вам на почéстен пир и сидит тут рядом этот с вами проходимець. Это я и есть ваш сын младший — Иван чаревич.»

Тогда мать стала со стýла, начáла плакать, обнимать сына своёго вместе с отцём.

И сказал чарь:

— Гости, вы сидите, а я уйду со сыном своим несколько времени и сецяс же вернусь.

И вместе пошол со сыном своим в особую комнату, и мать с нимá-же. Завели ёго в особу комнату, одели, как по-чарски и обратно зашли на пир. Вот отець и говорит:

— Ну, милой мой сын. Долго ты путáлсе в дороге. Вот даю тебе престол, садись, и тебе, старшему своёмý сыну Василию велю уступить престол, если только жалает Иван.

Иван заговорил:

— Нет, батюшко, я не жалаю. Если Василий сел, пусть сидит, а мне будет чарьство, какое полагаетце, а это я не жалаю, пусть продолжаетце вперёд.

Братья оба протянули руки, поблагодарили ёго за прошлое, што он не попо́мнил никакого зла, и стали продолжать пир вперёд.

Вот кончилсе этот пир, поступил старшой брат на престол, а Иван стал жить при чарстве. Так.

Вот прошол год, всё Иван холости́т, всё живёт и гуляет, што ёму нужно. Говорит ёму отець:

— Слушай, Ваня, времё тебе жонитьце.

— Мне еще, батя, невеста не поспела, справитце, и потом и женюсь.

Ну, стыдно стало среднему брату Фёдору, подошол к Ивану и говорит:

— Ну, Ваня, мне охота жонитьце, не знаеш ли как мне жонитьце?

— Ну, я тебя жоню.

Вспомнил про петуха. Прилетел, сели и полетели в подзёмно чарьство. Прилетели они в подземельно государьство, то сразу чарь обрадел, што вернулсе у нёго зять, хочет жонитьце и устроили кряду же пир. Устроили пир, вместе же вылетели все трое на-показ к отцю, показать невесту брата. Да. Когда отець увидал такую редкость, обрадел, опеть же устроили пир, нача́ли веселитьце. Потом обои братья подали ёму руку и говорят:

— Ну, слушай, Ванюша, много ты пострадал, тебе топерь уж надо жонитьце.

— Нет, братья, погодите немного, наготово женят.

Да. Вдруг смотрят, идёт три корабля, становятце к пристани и ростелили ковры вплоть до цярьского дворця. И сецяс даёт с кораблей тревогу.

— Чарь, отдай виноватого, если не отдаш, то сама приду, все до́мы пожгу, а тебя в поло̀н возьму.

Так, сечас он й говорит ста́ршому сыну Василию:

— Ну, сынок, уж ты ездил, наверно, напроказил, поди, сходи.

Сечас собралсе старшой сын, Василий чаревич, и отправилсе на корабь. Да, приходит он на корабь, то выбегают два суровы́х мальчика, станови́тых и выходит сама королевна, то-есть чаревна. Эты мальчики подбегают к матери и спрашивают:

— Маменька, маменька, не это ли наш папенька?

— Нет, — отвечает, — это ваш дяденька.

— Што, маменька, прикажеш с ним делать?

Она отвечает:

— А вот што, сынки, угостите.

Сецяс берут два куска ро́па (это как называетце трос, ну, это всё равно одно и то же) и давай ёго хлыстать. Ну и начесали, еле ушол с корабля.

Вот пришол дядя домой, а она еще бо́льшу тревогу даёт чарю. Чарь и говорит второму сыну Фёдору:

— Ну, сынок, может ты што сделал, сходи.

Тот оделсе и отправилсе на корабь. Вот когда он подходит к пристани, к кораблю, то выбегают два суровы́х мальчика и она сама. Они и говорят:

— Маменька, маменька, не этот ли наш папенька?

Она отвецяет:

— Нет, робятки, не этот. Этот дяденька. Угостите так, как перьвого.

Оне взяли также два куска ро́па и нача́ли дядю чесать. Так начесали, што даже не помнил, как пошол домой.

Приходит домой, а она более еще стала бить тревогу, просит:

— Отдай добром, чарь, виноватого, не посылай тех, которых не надо.

То чарь приходит к младшему сыну своёму́ Ивану и заплакал:

— Ну, сынок, наверно ты всё сделал там, твои проделки, уж делать нецего, приходитце тебе итти. Уж жалко мне тебя и отправить, ну, иди, делать нецего, надо итти.

Тогда стал Иван на́ ноги, попрощалсе с отцём, с матерью и пошол, и сказал:

— Папа, это всё моё, я походи́л там, и она меня зовёт.

С тема́ словами вышол он на корабь. Дорогой зашол в трахтир, напилсе пьян и вы́валилсе в грязь, а после того вымаралсе в смолу и потом вымаралсе в перо́ и потом таким чудаком пошол на корабь. Подходит к борту корабля, выбегают два суровы́х мальчика и спрашивают:

— Маменька, маменька, неужели такой чудак — наш папенька?

Она и говорит им:

— Ваш, ваш папенька, забирайте ёго под руки, ведите ёго спокойно на корабь, уложите ёго спать в каюту.

Когда завели Ивана на корабь, то в то же времё сдёрнули су́кна, повернули корабли, направились в путь. То она приходит к нёму сама, ёго в это времё переодела и умыла, и он проснулсе уже тогда, когда был близко у ейного чарьства.

Когда она приходит к нёму и говорит:

— Иш ты, Ванюша, думал убежать от меня, нет, не уйдёшь. Што ты наделал, смотри, какие у тебя два сына, когда ты был у меня.

Да. Она села вместе со сыновьями и с ним рядом, нача́ли обедать и стала спрашивать вперёд ёго продолжение, где он в это времё находилсе. Он стал обсказывать, всё обсказал, всё, што с ним случилось, пока он не пришол к ней на корабь. Она потом говорит ёму на ответ:

— Ну, Иван чаревич, значит нам была судьба, сумел ты ко мне подьехать и можеш мной владеть.

В это времё корабли поплыли к городу, стали к пристани. Чаревич со своей чаревной и со сыновьями своима́ отправились во дворець и зашли. Когда они зашли туда, она ёму даёт престол:

— Ну, Иван-чаревич, можеш получить мой престол и стать на чарьство.

Иван-чаревич получил престол, стал на чарьство и живёт у ней год. Ну, это всё для него кажет чужое, как всё будто не своё, не родноё, и незнакомоё. И стал часто споминать

отця и матерь и как бы ёму было их увидать. Так. И не раз говорил:

— Елена Прекрасная, пойдёмте в наше государьство, будем там жить в нашем государстве.

То она ёму говорит на ответ:

— Нет, я не поеду. Потому што нет у вас того, в вашем государстве, што у меня хранитце. Во-перьвых, нет таких садов, што у меня, живой воды и мёртвой, молодильных яблок и манежных ягод.

Тогда ище она ёму добавила:

— А если можеш меня увезти в своё государьство, штобы я не знала, тогда я только соглашусь, поеду.

Он ницёго ей не говоря, провёл второй год, и в одну прекрасну ночь повалились спать.

Когда он был в подземельи, дал ему эту трубоцьку чарь за то, што он спас доць, то он спомнил, што есть у меня такая-то вещ, надо будет попытать. То заснула чаревна, он соскакиват в двенатцеть цясов ноци, вытаскиват эту трубоцьку и свистнул. Когда свистнул, то выскоцили три молодця.

— Што тебе надо, Иван цяревич. Долго кормиш, а роботу не даёш.

То он отвецяет этым робятам:

— Вот што, робята, я вам дам службу, сделайте мне эту службу, сумеете, то будете молодци.

—Ну, какую?

— А вот в эту же ноць всё штобы чарьство было унесёно в наше государьство вместе с нами и што только есть в государстве, штобы всё было́ там.

Робята посмотрели друг на друга:

— Ну, Иван-чаревич, хотя и трудно, ну, сделаем.

Сам лёг спать. Когда стали на у́три, проснулась ёго жона, обсмотрела окрестность, то и видит, што уж она очутилась в другом государстве. Хотя всё ейно с собой, ну всё ина́че. Пришла к нему и говорит:

— Ну, молодець, Ванюша, всё-таки умел меня достать, умееш мной владеть, сумел привезти себе на родину.

Так. Тогда он позвал своёго́ отця и матерь, и братьев своих. И пошол у них пир. Нача́ли играть свадьбу тогды. И все радовались этой свадьбы, мать и отець боле всего радовались над своима́ внуча́тами.

После этого всего стали жить Иван-царевич со своей жоной до глубокой старости, и скоро ихны родители скон- цялись.

На этом и поконцим.

11. ИВАН СОСНОВИЦЬ

Не в котором чарстве, не́ в котором государстве жил был крестьянин, конешно, жил он ни богато, ни бедно, а так средне. И жил он — двое со старухой. И вот всё им было жить хорошо, токо не было никого детей у них. В одно прекрасно времё старуха и говорит:

— Слушай, старичок, у нас нет дитей и не будет, а я вот слыха́ла в одном мести, как можно достать детей.

— Ну-ко, говори, бабушка, ка́к можно достать детей, как мы уж стали ста́ры?

— А во́т как: сходи в лес, да вы́руби кусок со́сны и сделай из со́сны па́рня, не живого, конешно, а из со́сны, и вот принеси ёго мне, а я поло́жу в зыбку и буду качать три году́, и вот роди́тце у нас парень. Вот поверь меня, а я слыхала; испытаем.

Вот старик так послушал ей, пошол в лес и сделал, знаеш, из со́сны па́рня. Принёс ей.

— Ну, старуха, на, не лень, дак качай три го́ду.

— Уж я постараюсь, буду.

Так. Старик, конешно, роботат в поле, а она качает. Зготовит обед и опеть качает. Так качает, качает и вот прохо́дит три го́да. Дело сделалось к весне, старику надо сеять да пахать, —

делать свое дело. Так. Раз старик уехал в полё пахать, а уж сполнилось три года. Вот она качала, вдруг выходит сын и говорит:

— Здраствуйте, маменька, вот я родилсе.

Та́ и обраде́ла, прямо стал на ноги, вышол из зыбки и заговорил.

— Родилсе-то ты хорошо и заговорил, ну не знаю, как тебя звать стать.

— Ну, зови меня Иваном Сосновицём.

А она приготовила обед. Вот обед-то дедушку и гото́вой, да ты еще не можеш снести, как ты еще малый. А надо мне самой понести дедушку обед.

— Ну, мама, собирай, я понесу, найду, где он в поле роботает, пойду по полям, найду.

Она со́брала ёму всё в корзинку.

— Ну, неси, если можеш.

Указала ёму полосу, куда нести. Иван Сосновиць и пошол. И вот идёт, идёт, идёт и увидал старичка, которой роботает. Он ёго узнал, конечно.

— Здраствуй, дедушко, мой отець ты будеш.

— Я тебя не знаю, сынок, ты еще ма́лой, ты скажи, хто ты есть, тогда я тебя узнаю.

И вот он и говорит:

— Вот што, дедушко, ведь я есть Иван Сосновиць, мать моя качала меня три го́да, вот я и вырос. И принёс тебе обед.

— Ну, и хорошо, коли ты такой ма́лый и принес мне обед. Ну, садись вместе со мною обедать.

— Нет, я не хочу, а ты дай мне кобылу, я попашу́.

— Што ты, што ты, сынок, ты еще малый, не можеш.

— Нет, я попашу́.

— Ну, попробуй.

И вот старик думает:

— Ну, раз просиш, так што же делать, попробуй.

Вот берет со́ху и запрягает кобылу, а старик ест. Вот взял со́ху и так у́пёр ей в землю, што кобыла тянуть не может.

— Нет, слушай, Иван Сосновиць, тебе не паха́ть на моей кобылы, то оцень упираеш ей в землю, она не может снести твою силу, ты очень сильний. Отпусти ей, пусть она немножко травы пощыплёт, и садись со мной обедать. А я после обеда немного отдохну́, потом ты сходиш и приведёш ей.

Вот, конешно, он отпустил кобылу траву щыпать, а сам сел с ним. Дедушко пообедал и повалилсе спать. Вот дедушко встал со сна и говорит:

— Ну-ко, Иван Сосновиць, сходи, приведи кобылу, а после ты пойдёш к своей матери, а я после приду́.

Вот, значит, он пошол за кобы́лой. Приходит к кобы́лы, а уж волк-медной лоб сьел кобы́лу у них. И бросилсе на нёго.

— Сьем, мол, тебя.

И допустил ёго близко, схватил ёго за ноги и бросил на́ зень, да так, што осталось токо мо́кро от нёго, токо земля задрожала вся. И пошол к старику. И пришол к дедушку и говорит:

— Ну, отець, волк-медной лоб нашу кобылу сьел.

— Ой, Иван Сосновиць, как же он тебя не сьел?

— Нет, он меня не сьел, а я ёго убил, больше уж он ни у кого кобыл йись не будет.

— Ну, пойдём тогда домой.

И пошли. Старик думат:

— Нет, это мне тоже не кормилець будет, уж раз во́лка убил, так порядошной богатырь.

Приходит к своей стару́хи. Старуха и спрашивает:

— Ну, так што прочь, старичок, пришли со сы́ном?

Старик нача́л россказывать про сына и про волка.

— Вот принёс мне сын обед, и я сел ись. Сел ись, он и говорит: „Дай мне-ка, я буду пахать“. И я не мог отказать. Взял он со́ху, запрёг кобылу и так со́ху запустил в землю, што еле видно, и кобыла не может итти. Я и сказал: „Отпусти ей, пусть тра́ву щыплет“. И вот мы её отпустили, потом я немножко отдохнул и сказал: „Ну-ко, Иван Сосновиць, поди сходи, приведи кобылу“. А в это време он пришол за кобылой, а уж волк-медной лоб у нас кобылу сьел. И вот он схватил этого волка за ноги, как ударит этого волка о́ землю, так

вся земля задрожала. Убил этого волка, вот мы и пришли поэтому домой. И слушай, баушка,—потом он ей и говорит,— опеть же он нам не кормилець, думали кормилець, а нет; наверно, он у нас жить не будёт.

Иван Сосновиць это всё слышит, што оне говорят, хотя стоит не близко.

И вот оне переспали ночь. На другой день Иван Сосновиць и говорит:

— Вот, отець, поди-ко в кузницю, да скуй мне топор, а я пойду вам дров порубить, у вас дров мало.

— Какой тебе, Иван Сосновиць, надо топор?

— Да в петьдесят пудов.

Старик пошол, конецьно, в кузницю и заказал кузнецям топор в петьдесят пудов. Кузнеци сказали:

— Мы, конецьно, скуём, токо пусть сам за ним придёт, мы не можем ёго принести для твоёго сына.

Вот, конецьно, оне начали ковать. Он приходит к сыну:

— Вот, сынок, сходи сам за топором, оне уж куют, но нихто принести ёго не может.

Иван Сосновиць сам пошол в кузницю. Приходит в кузницю. Кузнеци и говорят:

— Ну, бери топор, вот он лежит, мы ёго нести не можем.

Иван Соснович берёт топор одной рукой и пошол домой. Пришол он домой, конечно, к матери, к отцю и говорит:

— Ну, топерь пообедаем, а потом я пойду дров рубить.

Пообедали. Иван Сосновиць пошол дров рубить. Рубил он челый день. Приходит вечером домой и говорит:

— Ну, отець, мало же сёгодне я нарубил, токо петьдесят сажон, топор лёхкой. Поди завтро, закажи в кузници топор в сто пудов, а я пойду еще завтро дров рубить

(Это уж не рубил, а ломал).

И старик пошол кряду же в кузницю и заказал топор в сто пудов. И вот кузнеци, конешно, нацяли ковать. Приходит на другой день, берёт топор, пообедал и пошол в лес. Вот он пошол в лес, порубил до вечеру; пришол домой и говорит:

— Ну, отець, нарубил-то я мало, токо сто сажон, топор лёхкой. Поди, закажи завтро в кузници топор в полтораста пудов.

Старик кряду же пошол, заказал в кузници топор в полтораста пудов, штобы к утру был готов. Кузнецы́ не смеют отказатьце, и к у́тру опеть сковали. Утром стает со сна́, пообедал, пошол в ку́зницю, а из ку́зници прямо в лес. Приходит в лес, конецьно, и рубит он челый день. Вечером приходит и говорит:

— Ну, отець, сёгодне я порядошно порубил, полтора́ста саженей, да топор лёхкой, ну, уж вот топерь вам хватит на че́лый век. Больше я тебя да кузнеце́й затруднять не буду.

И взял эты три топора и стащыл в кузницю. Ну, делайте теперь што хоти́те с топорам.

И сам пришол опеть обратно домой и говорит на следующый день отцю:

— Ну, отець, сходи ище в ку́зницю, пусть скуют кузнецы́ мне-ка па́лицю в триста пудов таку́ю, штобы эта палиця не гнулась и об камень не ломалась и штобы черезь сутки была́ готова.

И вот старик пошол заказывать. Сам боитце.

— Хош бы ты, оннако, ушол, уж мне не кормилець.

И вот кузнецы́, значит, и куют эту палицю. Куют, и куют, и куют; сутками зготовили, как-попа́ло, тоже боятце, кака́ будёт. Вот приходит он в ку́зницю на второй день. Приходит в ку́зницю и говорят:

— Ну, вот, Иван Сосновиць, вот тебе па́лиця, бери, а уж мы ей поднять не можем.

Вот когда он взял эту в руки па́лицю, нагну́л токо, она вся в дугу согнулась, и сказал:

— Если вы мне хорошо не сделаете, то вам плохо будёт, я приду завтро к вам.

Так им пригро́зил, што кузнецы́ сразу взелись за роботу. Вот он пе́режил опеть сутки. Приходит в кузницю, взял па́лицю в руки, не гнетце, бросил о камень — сломалась.

— Ну, робята, сделайте так, штобы она и от ка́мени не сломилась, а тогда я вам заплачу.

Вот уж он на третий день приходит, берёт эту па́лицю — не гнетце. По́днял кверьху, бросил — чуть погнулась.

— Ну, ладно, робята, уж больше я вас тревожить не буду.

Заплóтил кузнеця́м, уж какой уплаты оне от роду не видали, и пришол домой. И вот он, значит, когда пришол домой, и говорит:

— Ну, отець, мать, пеки́те мне топерь подорожнички, а я пойду, куда меня голова несёт, так што вы меня больше не увида́ете.

— Ну, што же делать, поди́, сынóк.

На второй же день это всё было готово. Роспростилсе с отцём, с матерью, насыпал им денег.

— Вот, говорит, вам на старость, а дров у вас есть, живи́те на здоровьё.

И так в путь-дорогу.

И вот пошол. Идёт и идёт со своей па́лицей. Вдруг пришол он к двум дуба́м, и стоит ме́жду дубам старик. Стоит и в руки тот и другой берёт и поколачиват ду́б о ду́б. Он увидал и заговорил:

— Здраствуй, богатырь Дуби́ня!

— Здраствуй, здраствуй, доброй человек. Нет, не есть я богатырь Дубиня. Вот Иван Сосновиць волка убил, вся земля дрожала, вот это богатырь!

— Ну, дак вот я и есть Иван Сосновиць.

— Возьми меня, брат, с собой.

— А куда?

— Куда голова несёт.

— Ну, пойдём.

И вот их стало двоё. И вот идут себе. Пришли они к двум гора́м. Стоит человек между гора́мы и изредка поколачивает, гору ó гору поднимает. Вот он и заговорил:

— Здраствуй, богатырь Горыня!

— Здраствуй, здраствуй. Не есть я богатырь Горыня, вот есть богатырь Иван Сосновиць, вóлка-медного лóба убил, так вся земля дрожала, вот богаты́рь!

— Дак я и есть Иван Сосновиць.

— Куда пошол? Возьми меня с собой.

— Пойдем.

Вот пошли дальше. Вот шли-шли, приходят они к реки. Стоит богатырь, на усах людей перевозит. Иван Сосновиць и заговорил:

— Здраствуй, богатырь Усыня!
— Здраствуйте. Нет, не есть я богатырь Усыня. Вот есть Иван Сосновиць, во́лка-медного ло́ба убил, вот богатырь!
— Дак я и есть Иван Сосновиць.
— Возьмите меня с собой.
— Ну, пойдем. А нам нужно попа́сть через реку́.
— Ну, становитесь на у́с по одному цёловеку, я вас перевезу.
И так всех перетащыл через реку. А потом ростянул свой ус.
— Вы меня перетащыте и больше здесь перево́зу не будёт.
Так и сделали. Вот и пошли оне по дороге все вчетвёро́м. И шли, шли, шли оне, конешно, так не близко ме́сто. Вдруг увидали, стоит дом, кругом ограда, дом большой. Зашли оне в этот дом. Зашли в этот дом, в доми никово нет. Смотрят столо́ва, кухня, где приготовляют кушанья. Иван Сосновиць и говорит:
— Вот што, робята. Во дворе есть волы́, надо зарезать петь волов и жжарить. Ну, кто сёдни будет за по́вара? Останьсе ты, Дубиня, приготовь нам обед, а мы потом придём.
Вот Дубиня сходил на двор, зарезал воло́в и вари́т. Сварил, покушал немного, а сам всё в окно поглядыват, што как долго товарыщев не видать. Всё как будто чего-то боитце. Однажды взглянул в окно, смотрит, бежит старик, сам с ноготь, борода с локоть, и сам сорок возо́в за собой сена тащыт. Сецяс притащыл, открывает двор, нача́л воды качать, воло́в выпускать и щытать. Щытал, щытал, пяти́ волов по щёту не хватат.
— Э, говорит, кто тут у меня есть? Ни ко́рмит, ни пойт, а моим интересом пользуетце.
И побежал в избушку. Прибежал в кухню, смотрит, сидит Дубиня. Взял ёго за́ волосы, бил, бил, вози́л, вози́л, до того вози́л, што Дубиня ни с места. Выбежал на улицю, су́нул под угол.
— Ну, пускай этот угол не гниет.
И убежал.
Этот Дубиня лежал, лежал, опомнилсе. Опомнилсе и начинает под у́глом шевелитьце. Вертелсе, вертелсе, да и вышел.

Пошол в кухню, смотрит, огонь погас под котлом. Зажо́г огонь, сам повалилсе на кровать. Вот приходят бра́тья:

— Ну, што, Дубиня, обед готов?

— Готов.

— Дак вставай ись.

— Не хочу, угорел.

— Ну, не хочу, так не надо.

Вот сели они йись, суп выхлебали, мясо сьели. Им показалось мало. Вот Иван Сосновиць и говорит:

— Ну, вот, Горыня, ты топерь оставайсе, а Дубиня пойдёт с нами. Готовь обед и зарежь сёдни голов семь, штобы нам хватило пообедать.

И ушли. Вот, конешно, это Горыня приходит на двор, берёт семь голов, зарезал. Вымыл, поставил мясо и вари́т также. Вари́т, уже покипело часа три-четыре, мясо стало поспевать. Вы́нял кусок, поел в ожиданьи, а сам все смотрит в окно.

— Скоро ли придут товарыщи, уже совсем всё готово.

Однажды зглянул в окно, смотрит, бежит старик, сам с нокоть, голова с локоть, сорок возов за собой сена тащыт. Прибежал во двор, нача́л опеть воды качать и быков щытать. Щытал, щытал, семи́ не хватат. Не хватат семи, он и побежал.

— Кто такой у меня здесь поселилсе, не пойт, не кормит, чужим интересом пользуетце.

Прибежал в избу, и давай возить Горыню. Бил, бил, смял, выбежал на улицю, сунул под угол:

— Ну, пускай и другой не гниёт.

А сам под тем не смотрит. Этот Горыня опеть таким же путем вертелсе там под углом, вертелсе и вышел. Побежал, скорее огня подло́жил, и свалилсе на кровать. Вот идут товарыщы.

— Ставай, Горыня, давай обедать!

— Не хочу, голова болит, угорел.

А этот Дубиня отвечает:

— Уга́рна же здесь изба есть.

Ну, сам не говорит, што то́же с ним было, молцит. Топерь оне поели это мясо, им показалось мало. Иван Соснович и говорит:

— Ну, вот што, Усыня, ты сёдни останьсе, зарежь десеть волóв, штобы нам поесть честь-честью, а мы пойдём.

И вот собралúсь все трое, ушли. Вот Усыня сецяс идет на двор, зарезал десеть быков, поставил варить. Вынял кусок, поел, — хороша.

— А долго брáтьёв нет, — все поглядыват в окно.

И смотрит из окна, бежит старик, сам с нокоть, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащыт.

— Што такое?

Забежал во двор, начал быков щытать, опять не хватает, топерь десети уже.

— Што такое у меня творитце, кажной день завёлось, што быки теряютце. Не пойт, не кóрмит, а чужим интересом пользуетце.

Забежал в избу, хватил Усыню за усы и давай ёго таскáть. Усыня ничего не может с ним сделать. Бил, бил, таскал, выбежал на улицю, сунул под ýгол.

— Ну, пускай и третий угол не гниёт.

Усыня подумал:

— Ну, наверно такая же честь и братьям былá; оттого, наверно, им и угар был.

И начал также под углом шевелитьце. Вышел, пришол в избу, видит, всё потухло. Он зажог огня, ростопил и свалилсе на кровать, не может больше. Вдруг слышит, што идут брáтья. Вот спрашиват опеть Иван Сосновиць:

— Ну, суп готов?

— Готов.

— Так ставай ись.

— Не могу, угорел оцень, голова болит.

Ну, сели они ись, поели, мясо все сьели. Иван Сосновиць и говорит:

— Ну, так вы все пóдьте, а я останусь, што у вас за угар?

Вот оне все собралúсь, пошли и говорят:

— Ну, да ладно, будет же и тебе такая честь, Иван Сосновичь, какая нам была.

А Иван Сосновичь пошол на двор. Пошол на двор и зарезал двенатцеть волов. Притащил, намыл, застáвил и ходит по

комнатам, песни поёт. Посмотрел, мясо готово. Вытащыл кусок, поел и опеть поёт:

— Што-то долго братьёв нету. Што у них был за угар? Никакого угару нету.

И видит в окно, бежит старик, сам с нокоть, борода, с локоть, сорок возов сена за собой тащыт. Забежал во двор, нача́л воды́ качать, быков поить. А он выходит, попеват песню. Старик щытал, щытал, не хватат двенатцети.

— Што такое? Кто у меня поселилсе? Ни ко́рмит, ни пойт, а моим интересом пользуетце.

Побежал в избу и давай возитьце с Иваном Сосновицём. Возились, возились, ничево с Иваном Сосновицём сделать не может. Иван Сосновиць ёму всю бороду обо́рвал, осталась тако што одна голова. Захватил в обеи руки голову эту, взял молоток, гвозди, и прибил к стенки, токо голова вертитце. Вдруг слышит, идут бра́тья. А голову он затащыл, прибил в другу избу, токо дверь немного по́лая. Прихо́дят:

— Ну, сади́тесь, робята, обед готов.

Они думают:

— Што такое?

Сам садитце с нима́ ись, а дверь-то по́лая. Вот оне в щёлку и видят, голова верти́тце.

— Смотрите, братья, угар-то наш.

Иван Соснович услыхал.

— Ну, што, робята?

— Да мы говорим, вон старик, угар-то наш.

— Да вы што мне раньше не сказали?

— А мы потому не сказали, што кто из нас сильней будет. Топерь видим, што ты всех сильнее.

А этот старик вертелсе, вертелсе, да со стены и сорвалсе, и покатилсе по полу. Они за ним вслед. Иван Соснович за па́лицу, да за ним, а он катилсе, катилсе, да в яму. Они и не застали, он и уката́лсе в подземельё, им делать уж нечего. Вот Иван Соснович топерь и говорит:

— Знаете што, бра́тьё, этот старик он справитце да на нас пойдёт войной. Топерь нам нужно кому-нибудь спуститце, да убить ёго там.

Ну, а яма была́ прямо непомерной глубины. А Иван Соснович говорит:

— Ну, топерь пойдём на дво́р, наделаем ремней, надь нам ёго убить, а то он на нас пойдёт войной, не сделатьце тогда нам будет.

Оне пошли во двор, зарезали всех волов, которы оставши были. Ремней нарезали и пришли в яму.

— Ну, кто пойдет?

Все отказались. Иван Соснович:

— Ну, пойду я. Токо когда приду́ сбратно, вы меня дожидайте.

— Ладно.

Вот ёго и спустили в яму. Когда спустили ёго, то окурат хватило этих ремней до земли до самой. Он и пошол со своей палицей.

Вот шол, шол, шол, стоит домик. Он и заходит в этот домик. Смотрит, сидит девушка красивая и шьёт. Как стегнёт, так салдат выскоцит, как другой раз стегнёт, так другой выскоцит. Он нача́л у ней спрашивать:

— Што, девушка, шьёш кропаёш, на кого силу сгоняёш?

— А я сгоняю силу на Ивана Сосновиця, так што Иван Сосновиць всю бороду у моего батюшка вытащил, еле́ прибежал. Так што нужно силу сгонять, а потом на ёго воевать пойдёт.

— А брось-ка, девушка, швейку в печку, я ведь тебя замуж возьму, как обратно пойду.

Она и бро́сила. Рада, што он сказал. Он поотдохну́л, поел, конешно, у ей и пошол дальше. Идёт, идёт и идёт, также приходит в домик. Заходит в домик, также сидит девушка, шьёт, ище красивее той. Как стёг стегнёт, два салдата выскоцит, еще стёг стегнёт — два выскоцят.

— Што, девушка, шьёш, на кого силу сгоняеш?

— А сгоняю силу на Ивана Сосновиця, так што он у моего батюшка всю бороду вытащыл, еле домой прибежал. Так што надо силу сгонять, а потом пойдёт воевать на нёго.

— А он сичас где?

— А он еще далёко. Там есть третья девушка, он у ей.

— Брось, девушка, швейку в печку. Я тебя замуж возьму, как домой пойду.

Вот она и бросила швейку. Он у ней отдохнул и дальше пошол. Вот он дальше пошол, приходит он уж к третей девушке, так те в избы сидит и шьет. Как стёг стегнёт, так три салдата выскоцит, как другой стегнёт, так опеть три.

— Што, девушка, шьёш, кропаёш, на кого силу сгоняёш?

— А сгоняю силу на Ивана Сосновиця.

Он и говорит:

— Слушай, дивиця, брось-ко швейку в печку, а я тебя замуж возьму.

Она ёго послушала, сама накрыла стол и стала ёго кормить. Ну, эта была́ всех краси́вее. Он и стал говорить:

— Ведь я иду ёго убивать, этого вашего дедушка.

— Ой, Иван Сосновиць, тебе ёго не убить. Хотя он и кругом утиреблёной, ты у него всю бороду выдрал, он лежит сецяс в баины ранёной, а мы в это времё силу приготовляем, он нас заставил. Но сецяс тебе ёго не убить.

— А как?

— Ина́че тебе ёго не убить, как если я тебя не научу.

— Ну, так говори, прекрасная деви́ця, научи. Если я не убью ёго, то и мне не выйти отсюда и не вывести вас.

И вот как он сечас лежит в баины, тут на берёгу баина. Правда, ты сечас к нёму не ходи. А сечас иди прямо к нёму в сад. И в саду есть небольшая комнатка, а в этой комнатки есть шкапик. Открой дверь и там стоит две бутылочки, на правой руки, и две на левой. На правой руки стоит две бутылочки с живой водой, а на левой руки две бутылочки с мёртвой. И вот возьми мёртвую воду переста́вь, где жива́ стояла, а живую где мёртвая стояла. И живой воды попей немного, много не пей. Когда попьёш, тогда вы́йди к баины, он лежит на полку́. Он не такой топерь, как ты ви́дел, он такой большой старик лежит на полку́, што ты устрашиссе. И чем ты ёго будеш бить? Есть ли у тебя што за собой?

— У меня есть па́лиця в триста пудов.

— Ну, вот и бей ёго, хотя с перьвого разу ты его и ни розбудиш. И вот когда со второго, третьёго, он встанет

и скажет: „А, Иван Соснович, ты здесь, пришол? Я здесь с тобой розделаюсь". Засвищёт на подмогу себе двуглавого змея. И этот змей выскоцит и побежит к этой избушке. Ёму нужно будет попить живой воды для укрепленья силы, а попьёт мёртвой и околеет. Вот к чему я велела тебе их переменить. А тогда уж делайсе с им што хочеш, он будет свистать войска, а у нас уж войсков не будёт, и тогда ты можеш ёго лехко убить. А топерь ты поди.

Вот Иван Сосновиць, конечно, это все выслушал и пошол. Пошол кряду в сад. И зашол в комнату. Видит шкапик, открывает, смотрит на той и на другой стороне по две бутылочки. Вот он живую воду переложил, где мёртвая была, а мертвую переложил, где живая были. Напилсе живой воды и пошол прочь, спустилсе к баины. Спустилсе в баину; открыл дверь, смотрит, старик лежит и такой большенськой, што прямо страшно, и подошол к нему. Подошол к нему и сицяс ударил ёго палицей. Старик с боку на бок повернулсе, ничего ему не сказал. Он ударил ёго второй раз еще покрепче. Старик еще повернулсе и ничего не сказал. Вот уж он так ударил третий раз сильнё, што с розмаху выскочил потолок. Старик скочил.

— А, Иван Сосновиц, ты ко мне пришол? Ну, топерь ты мой! Выйдем-ко на волю, и начал свистать. Засвистал, змей поднялсе, бросилсе в эту комнату, попил мёртвой воды вместо живой, и околел. Нет никого, ни войсков, ни змея. Старик и заговорил:

— Ну, курвы, омманули. Ну, да ладно, я еще тебе живой в руки не сдамсе, сначала повожусь, а потом ты меня убьеш. Вот он, конешно, хотел старик возитьце, но Иван Сосновиць ударил палицей по головы, старик и упал на землю. Иван Сосновиць ударил второй раз и разможжил ёго всёго, осталось от него токо мокро. Ну, потом пошол к девици:

— Ну, вот, дивиця, я топерь убил этого старика.

— Ну, убил, Иван Сосновиц, топерь пойдем, я согласна с тобой итти.

— И вот оне собрались. Она ёму даёт перстенёк и говорит:

— Ну, вот, Иван Соснович, этот перстене́к храни, пока мы не приде́м в чарьство.

Она была чарьская дочь. И она и говорит:

— Ну, а других, как же, возьмёш, што ли?

— Как же, надо взять. Нас есть еще там три брата, они дожидают нас всех.

Вот он приходит, конешно, к другой и говорит:

— Ну, прекрасная королевна, пойдем.

Та оделась, и пошли. И та́я ёму ничего не даёт. И так к третьей пришли. Приходят к третьей, он тоже сказал:

— Ну, одевайсе, де́виця, я всех вас выведу, коли вы сослужили мне службу, преставлю всех я вас на Русь.

Когда оне пошли, оне и говорят:

— Я — чарьская дочь, я — королеськая, я — княжеська.

Он и говорит:

— Ну, я отдаю вас за братьёв, а эту за себя возьму, а одному не достанетце.

И вот оне приходят к этой ямы, где был реме́нь. Вот и начинает ёго трести и говорит:

— Ну, давайте, поочередно ставайте, а в последних я. Вас оне вы́здынут.

— И вот оне нача́ли здыма́ть. Перьву княжеську. Они и говорят:

— Ах, какая девушка, хорошо!

Вторую выздынули!

— Хорошо, коли бы третью достать.

Он и говорит:

— Ну, чаревна, давай топерь ты подымайсе.

Она и говорит:

— Слушай, Иван Сосновиць, ты сначала выстань сам, а потом подымёш меня, а то они тебя оставят в ямы.

— Ну, што ты, ра́зи они меня оставят?

— Ну, смотри, споменёш меня. Их трои и нас трои, а то смотри, сам останессе. Слушай, ты меня выстанеш, а пропадут все твои труды. Ты́ убил зме́я, и я тебе не достанусь, останессе ты в ямы на-ве́ки.

— Нет, оне меня выздынут.

— Ну, смотри.
И так он все-таки положил ей.
— Ну, ставай, прекрасная чяревна, подымайсе.
И вот когды они вытащыли третью и говорят:
— Ну, вот, нам топерь всем по одной, если у него еще какая? Если нет, то мы, пожалуй, ёго и не потянем.
Спрашивают у девиць. Те говорят:
— Мы не знаем.
А Усыня и говорит:
— Нет, тянуть ёго все-таки надо.
Спустили ремéнь и стали тянуть. А Дубиня и говорит:
— Нет, я буду не жонат.
Взял ремéнь, срезал, он и полетел обратно туды. Когда он полетел в яму, то чаревна, конешно, им ничего не сказала, а сама подумала:
— Говорила я ёму, а топерь все ёго труды пропали.
И так взяли оны эты три красавицы и пошли в город. А про эты красавици знал Кощей Бесьсмертной. И как узнал, што оны пришли до чарьства, налетел на чарьство, отóбрал этых красавиць, молоццёв двоих убил, а третьёго ранил. И сам с красавицями улетсл. А это чярьство все окаменéло. (Пока этых оставим, топерь за Ивана Сосновиця возьмемсе).
Ну, вот, когда этот Иван Сосновиць пал на зéмлю, пролёжал полсуток без памети. Потом очнулсе.
— Ну, где я, чорт возьми! Не послушал прекрасной чяревны, вот опеть в ямы. Вот оне што со мною сделали, братья. Ну, ладно.
И пошол обратно в подземельё. Потом приходит он к этой избушки. Ну, што, нет никово. Посидел, поел, и дальше идёт. Пришол уже в третью, ёму захотелось спать. Пóспал, поел, пошол на эту площадь, где убил старика. Потом пошол в сад. Глядит, около этого домика свалилсе змéй лежит. Ну, што, нет никого. Дальше пошол в чистó полё. Приходит в полё, смотрит стоит большáя сóсна, и видит стадо волóв ходит само собой, без пастуха; большоё стадо. Вот он пришол к этой большой сóсны, и сел, и слышит на сосны кричат орловы дети:

— Ох, спаси нас, молодéць.
— Как я вас спасу, чего вам нужно?
— Да мы голодные, мать улетела на Русь, долго нет, а мы голодные, поднятьце не можем.
— Дак вы што, йись хочете?
— Да, йись.
Он схватил волá, притащил, розóрвал на мелкие части и дал им.
— Ну, спасибо, Иван Сосновиць, а мать прилетит, она уж тебе отомстúт, сделает, што тебе нужно. Только ухоронúсь, когда прилетит, штобы она тебя самого не сглонýла, она ведь большая.
Вот он стоит. Стоял, стоял, стоял, видит летит какая-то сильняя горá. Это птиця. Дети и закрычали:
— Смотри, Иван Сосновиць, это мать летит. Ухоронúсь за дерево, штобы она тебя не видала.
И вот он ухитúлся за дуб, она и прилетает. Вот оне начáли плакать, говорить:
— Вот ты бросила нас, мы чуть не умерли. Вот кабы не добрый человек, мы бы и умерли.
Да, как он спас?
Накормил нас, мы и живые.
— Ну, а где этот цёловек, кто он есть?
— А этот цёловек Иван Сосновиць, осталсе здесь в подземелье.
Вот она и начинает ёму говорить:
— Здорово, Иван Сосновиць. Ну, так што тебе нать за то, што ты моих детей покормил?
— Да мне ничего такого не нать, сослужи мне-ка службу, если можеш.
— Ну, какý тебе, Иван Соснович, надо службу сослужить?
— Вот вынеси меня на Русь отсюда, больше мне ничего и не надо.
— Да на Русь, Иван Сосновиць, лететь далёко, надо большие запасы иметь. А ведь ты, Иван Сосновиць, не лехкой, тебя тащить, так надо большой запас иметь.

— Ну, я уж не знаю, какой нать запас, скажи.

— Прежде всего нужно убить сорок волóв мне-ка в дорогу. И как полетим, ты мне кидай по полу́ волу́ в рот. И потом нужно сорок ведёр воды. Как пол волá бросиш, сьем, и так ведро воды́. А топерь ты убил нашего старика здесь?

— Убил.

— Вот, сходи в евонный домик, и принеси живой воды, мне даёш немного и себе возьми с собой. Вот это все собери, притащы, а уж я буду готóва, сослужу тебе службу, как ты спас моих детей.

И вот он пошол в это стадо, зарезал сóрок голов, притащыл это мясо и пошол в сад. Взял живой воды пузырёк с собой, и приходит к ней обратно. Она спустилась с этой лесины с большой, и он все привязал ей к крыльям. Сел он, они и полетели. Вот летят, летят, она оглянетце, он ей пол волá, да ведро воды́. Летят, летят, а ну́жно бы́ло перелететь через три моря. И вот он так летел, все кидал. Второе перелетели, вот уж на третье вылетели. У éго уж волóв стало мало, всего десяток, а лететь надь чéлое море. Он стал ей поменьше кидать куски. Когда он стал поменьше кидать куски, она стала чаще оборачиватьце и садитьце стала книзу. Вот стал берег виднетьце, а у него уж осталось только пол волá. Она и говорит:

— Ну, я ись хочу, а то я тебя брошу.

Он дал ей последнего пол-волá и немножко живой воды. Она и приобóдрилась. Ну, подлетел он немного и говорит:

— Ись хочу.

А ёму бросить больше нецёго. Она и говорит:

— Ну, Иван Сосновиць, вырезай хоть икры из ног, да бросай мне, а то нам не долететь.

Он ничё не говоря, икру вырезал, да потом и другую, бросил ей. Так оне добрали́сь до берега. Когда перебрались чéрезь, стала она на землю, а он стать на ноги не может, и говорит:

— Ну, куда я топерь пойду, как стать на ноги не могу, слушай, орлиця.

Тогда она и говорит:

— Ну, ладно, Иван Сосновиць, коли ты не пожалел уже икр своих, я тебе их обратно вытошню.

Вот она и выкашлёнула.

— Ну, а топерь ты их ставь обратно, да смажь живой водой, будеш здоров.

Он вставил, смазал и встал.

— Ну, а топерь остальную воду дай мне напитьце, а то я не долечу. Ведь мне надо было тебя тащить, да твою палицю триста пудов. Тебе она больше не понадобитце, хотя ты еще много горя примеш дорогой.

И так роспростилсе Иван Сосновиць с птицей, она выпила и полетела вперед.

И вот он идёт, идёт и идёт, смотрит, лежит рать убита. Идёт он по этой рэти и увидал Горыню убитого. Посмотрел он на него и пошол дальше. Дальше пошол, идёт смотрит, вторая рать лежит убитая. И вот подошол, и видит лежит Дубиня и тоже убитой. И он идет дальше. И видит не-в-далеке виднеетце палище какоё-то и тоже лежит рать убитая, ну всё оно было спалёно. Вот, когда пришол к третьей рати, видит сидит Усыня на кусту, ноги и руки отрублены и весь израненой, но токо живой. Вот он к нёму и подошол. Вот он когда увидал ёго и стал спрашивать:

— Ну, здраствуй, богатырь Усыня.

— Здраствуй, здраствуй, Иван Сосновиць, как ты сюда попал?

— Да как попал. А где же твои братья?

— Братья мои все убитые, и я в таком же положении.

— Ну, дак где эты красные девицы, которых я достал из подземелья. Скажи, почему вы меня оставили в подземельи бросили, обратно не вытянули.

Да слушай, Иван Сосновиць, я-то тут не виноват, я-то просил братьёв, што давай вытянем, а Дубиня как раз резал ремни, потому што ёму не достанетце невесты. И конешно, нам никому-то не досталось.

А где оне топерь есть?

— А их унёс Кощей Бесьмёртной, а чарьство всё окаменело. Он убил наши все три рати, прижгал, забрал этых девушек и улетел, и не знаю, где он есть.

— Ну, Усыня, я бы тебе уж не помнил бы зла, ну, а как у меня нет средствóв, штобы тебя поправить, уж извини, я тебя убью, штобы тебе не мучитьце.

Топерь Иван Сосновиць пошол опеть вперёд. Вдруг видит, идёт два человека с копорýлями. Он подошол к ним и спрашивает:

— Куды отправились, молодцй.

— Пошли узнавать к высоким горам, где Кощея Бесьсмёртного смерть, инáчи нам не убить ёго, пошли розыскивать, так што он погубил наше все чарьство.

— Ну, так возьмите меня в товарыщы. Я вам помогу, он мне нужóн.

То оне пошли дальше. Вот стречяютце им, идёт два человека с лопáтами, тоже по этому делу. Собираетце компания чéла.

— Вы куды, он спрашивает.

— Мы идем к высоким горам узнать, где Кощея Бесьсмёртного смерть. Надо стать доставать.

— Возьмите нас.

— Пойдемте.

Идут дальше. Топерь идут, смотрят, идут два бурщыка и третий человек несёт сумочку, взрывчето вещество́. И он спрашиват их:

— Куда отправились, молодцй?

— К таким-то таким горам, надо во што бы ни стало убить Кощея Бесьсмёртного.

— Ну, давайте вместе.

И пошли. Вот оны приходят к такой высокой горы, што прямо гóлову заломить. Этот последний, которой был с сумочкой, и говорит:

— Вот, робята, эту всю гору надо розобрáть, а там ящичок, в нём смерть Кощея Бесьсмёртного. И этот я́щичок надо еще розбить, а там яицё, ёго надо роздави́ть. Ну, у нас силы наверно ни у кого не хватит.

— Так вот, вы молодци, рвите, розрывайте гóру, а уж этот ящичок я розобью́, и вам буду тоже и сицяс помогать.

Вот все принелись дружно за роботу. Вот эты бурщики принелись за свою роботу — бури́ть; срывáльщик отрывал;

копору́льщики своими копору́лями роботали; лопатники лопатами сгребали, а Иван Соснович большие камни руками отрывал. И в три дня они эту всю гору розо́брали. И вот добрали́сь до той подошвы, где лежал этот ящичок. Ну, этот ящичок не мог стоять на одном месте, так и вертелсе с боку на́ бок, когда освободилсе из под горы́. Тогда и говорит бурщик:

— Ну, робята, кто из нас может топерь этот ящичок роздави́ть, не теряйте времени. Если налети́т Кощей Бесьсмёртной, (узнал ведь), то, как схватит этот я́щичок, нам ёго и не убить будёт, он ведь, си́лен.

Потом Иван Сосновиць вытаскиват свою па́лицю и так розмахнул, што ящичок лопнул, и гром пошол по всем лесам и осталось на этом месте одно мо́кро. Топерь говорит взрывщик.

— Ну, топерь пойдём к Кощею Бесьсмёртному, хотя ёго нету, он где-то летал. А мы пойдём к нёму и возьмём эты девиць, кото́рых он за́брал. Хотя это твое дело, Иван Сосновиць, ты всё это сделал, ты будеш у нас за ста́ршего, хотя и мы помогали отчасти.

Так они пошли. Он шол наперёд. Вот и приходят оны к Кощею Бесьсмёртному в жилищё. Иван Соснович пошол розыскивать этых деви́ць, а оне остались смотреть помещенье. И чёго́-чёго́ оны токо там и не вида́ли, и долго Иван Сосновиць ходил по тёмному за́мку, ничего он не видит. Наконець, видит дверь, зашол туда, а там еще хрустальня дверь, а там сидят эты три девушки. А у них играют гусли-самогу́дки. Когда он пришол токо, сразу они ёго узнали:

— Ох, Иван Сосновиць, как ты пришол, ведь Кощей Бесьсмёртной тебя убьёт.

— Нет, не печа́луйтесь, красные де́вици. Ёго нет, и я вас пришол, спас последний раз. И пришол я оттуда, где меня оставили бра́тья и видел я их убитых всех.

— Ну, а топерь, Иван Сосновиць забирай гусли-самогу́дки, потому што весь наш город окамене́лой. И когда придём туда, заиграй в гусли-самогу́дки, и весь народ оживёт. У нас будёт житьё, и я выйду за тебя. А с остальними кра-

савицями, воля твоя, хош за кого хош отдавай, хош отпускай.

И вот он берёт гусли-самогýдки и пошол оттуда. И видит брáтья роютце в золоте и нагребают себе денёг. Он и говорит:

— Ну, берите себе, только сколько вам надо, а мне не надо, я и так буду не бедной.

Вышли оне все вместе оттуда из Кощеева жилища и подходят к городу, которой был окаменéлой. Заиграл Иван Сосновиць в гусли и весь народ очнулсе. Все быиó по-старому, и они сразу зашли в чарьской дворець с этыма девицями, где сидел чарь на своём троне.

Когда она пришла в чарьство своё и подошла к отцю, и говорит:

— Ну, отець, смотри на моего спасúтеля, он меня перьвой раз достал из подземелья, ну, ёго брáтья там оставили, а уж топерь он достал от Кощея Бесьсмёртного.

— Тогда сказал этот чарь:

— Ну ладно, доч, коли так, достал он тебя второй раз, то он порядочно истерпел.

Сецяс пошол у них пир, играцьце сватьба. Тогда Иван Сосновиць всё это обсказал, што с ним случилось, как он родúлсе, с концял и до конця. После этого чарь поставил ёго наследником, а после смерти своей оставил ёму престол.

И стали жить да быть до глубокой старости со своей царевной.

На том она и кончитце.

12. ЗОРЬКА-МОЛОДЕ́ЦЬ

В не́ в котором чарстве, в не́ в котором государстве жил был купець и вот у него родилсе сын вечером и дали имя Вечер-Молоде́ць, это был старшой. Потом у ёго родилсе второй в полно́чи, дали ёму имя Полно́ч-Молоде́ць. Третий родилсе на зоре как раз, дали ёму имя Зорька-Молоде́ць. И вот эты робята стали рости так быстро, што, как говоритце, не по дням, а по часам. Выучились они в грамоту, и таки были сильные, што не знали, кака́ у них сила есть. Зорька-Молоде́ць заказал себе палицю в триста пудов. Когда эту палицю ёму сделали, то он сказал братьям:

— Ну, братья, пойдём по белому свету искать себе поединщиков.

Роспростились с отцём, с матерью и отправились.

Вот они шли далёко ли бли́зко, высоко́ ли ни́зко и приходят к крутой горы́. Такая крутая гора, што вылезти на ней никак нельзя. Подошли к этой горы́, Зорька-Молоде́ць и говорит:

— А што, робята, как бы нам вылезти на эту гору, узнать, кто в этой горы́ живёт, а уж там кто-то есть, живёт, наверно кто из волшебников. Вот нам бы узнать.

Ну, не знают, как вылезти, а тут под горой лежал якорь с чепью. И вот он и говорит, Зорька-Молоде́ць:

— А што, братья, кто из нас вытянет этот якорь с чепью в гору и тогда мы вылезем.

А там стоял очень сильнёй толстой дуб. И вот, значит, старшой брат и берётце, Вечер-Молодець. Берёт этот якорь, бросил, ну, он поднялсе токо до полгоры и упал. Тогда берётце средний брат, также якорь хватит, бросил, поднялсе якорь, но токо не мог зачепитьце никуда. Потом берёт Зорька-Молодець этот якорь и говорит:

— Ну-ко, братья, попробую я.

И так бросил якорь высоко, што зачепилсе за деревья этот якорь и крепко.

— Ну, братья, топерь будем ставать в гору.

И братья по этой чепи выстали.

— А топерь якорь оставьте, штобы нам обратно спуститьце с этой горы.

Так оне и сделали, сами пошли по этой горы. И вот оне идут, идут и идут по этой горы, идёт какая-то широкая дорога, но жилого места не видно пока нигде еще, и вот оне увидали домичек, хорошой домичек стоит. И заходят в этот дом. Сидит девушка, красивая сидит девушка.

— Зачем вы, добры молотци на эту гору зашли?. На этой горы живёт токо три змея, три брата. Отсюда назад еще никто дороги обратно не прокладывал, а я здесь вот унесёна второй год, одного купця дочь.

— Ну, ладно, унесёна, дак пускай унесёна, а мы ёго посмотрим трёглавого змея, какой он есть.

— Вот он прилетит скоро, да и мне-то беда топерь будет.

Вот сказал Зорька-Молодець:

— Ты нас двух братьев скрой, а третий останетце с ним розговаривать.

Вот она взяла Полночь-Молотця, да Зорьку-Молотця и скрыла, а Вечер-Богатырь осталсе сидеть за столом.

— А если случай какой, то скрыкни, мы и выйдем.

И вот вдруг не черезь долго прилетает змей.

— Фу-фу, руськой дух у меня в избе. Вечер-Молодець у меня в избе. Вот сегодне выпьем, давно я знаю вас трёх братьев, но не видал ище ни разу.

Приносит три сороковки вина. И вот начинает по ведру и больше пить. Наливает ёму также, и он пьёт. Вот это вино, конешно, они всё выпили, он и говорит:

— Ну, топерь пойдём со мной в мой сад погулять, я тебе покажу свой сад.

Вечер-Молодéць берёт свою палицю и как бытто с клюшкой, отправилсе с ним. Идёт, да и подпираетце. И вдруг змей заговорил ёму:

— Да што, Вечер-Молодéць, надо и силами померятьце.

И заорал по змейному так сильнё, што с дрéвов лйстья посыпались. И заговорил ёму Вечер-Молодéць:

— Да не пугай, поганое чудовище, я не боюсь.

И ударил ёго палицей. У нёго две головы и отлетело. Вот и второй раз ёго ударил, третья отлетела. Конешно, убил этого змея.

Ну, и вот, и пришол когда обратно, эта купецькая дочь обрадела и говорит:

— Ну, Вечер-Молодéць, ты моим мужем будеш, токо есть здесь еще два змея.

— Ну, есть, так и ладно. Нас есть три брата, кажной будет доставать себе по невёсты.

Потом выпустила она всех братьев, сели они водочку попивать, переспáли они ноч, Зорька-Молодéць и говорит:

— Ну, Вечер-Молодéць, ты топерь оставайсе со своей жоной, а мы пойдём вперёд, черезь двое сутки не приходи и черезь четверо сутки не приходи, а в пятые приходи. Увидаш брата своёгó, забирай и иди вперёд, а уж невест своих будем сбирать обратным путём.

Так оне его оставили, самы пошли вперёд. Вот оне шли, шли не малое место, видят еще красиве домик стоит, лучче. И вот увидали этот домик и заходят в этот домик и увидали еще красивее девушка сидит. Эта девушка была дочь одного короля. А вот они сели за стол, она стала их кормить и говорит:

— Ну, куда вы, дóбрые мóлотцы, идитé. Вот прилетит шестиглавой змей, вас-то убьёт, да и мне беда. А я уж здесь живу два года.

— Вот и говорит ей Зорька-Молодець.

— Ну, слушай, красавиця-королевна. Не печалуйсе, наверно ты спасёшсе от этого змея. Уж мы пришли, так справимсе с этым змеем. Вот меня ты схорони здесь, а брат останетце.

Вот она спрятала ёго в особую комнату, а Полнóч-Молодéць сидит за столом. Вдруг прилетает змей.

— Фу-фу, руським духом пахнет. А, пришол ко мне Полнóч-Молодéць, надо с ним сгулять хорошенько, выпить да познакомитьце. Ну, ладно. Ну-ко, давай, хозяйка, неси нам на стол хорошей закуски, а я схожу за вином.

Прикатывает шесть сороковок вина.

— Ну-ка, давай, Полнóч-Молодéць, сядем с тобой, выпьем.

Сели они к столу, это винцё всё выпили, поели.

— Ну, а топерь, Полнóч-Молодéць, выйдем-ко мы с тобой в сад погулять.

И вот оне отправились. Шли, шли по саду, Полнóч-Молодéць идёт с своей палицей, опираетце. Потом заговорил змей:

— Так вот што, Полнóч-Молодéць, надо нам силами померятьце, — и заорал своими голосами так си́льнё, што земля задрожала.

— Не пугай, поганое чудовище, ведь я не боюсь.

Ударил ёго палицей, у нёго три головы отлетело. Второй раз он ёго ударил, и остальные отшиб, сам вернулсе обратно во дворець, пришол:

— Ну вот, твой змей уби́той, так што ты ослобождёна.

— Ну, коли ты ослободил меня, тогда тебе мной владеть, веди меня куда знаеш.

Тогда она выпустила брата, сели они за стол выпивать. Вот оне подвыпили, он и говорит брату:

— Ну, брат, ты топерь останьсе, живи со своей жоной, а сутки через трое, через четверо, брат к тебе придёт и ты ко мне придёш вместе с братом.

И так Зорька-Молодéць простилсе со своим братом, с невесткой и отправилсе вперед. Идёт он, идёт и смотрит стоит дóмичек, што-то очень блестит. Не знает, огонь горит, не знает дворець стоит. Подходит он ближе и глядит серебреный дворець стоит, до чего хорошой, как слитóй. Незаметно,

где у нёго и двери. Подошол когды он к дворцю, пыталсе он найти, но не заметил ни дверей, ни окóн, ничего нет, понащупал одну кнопку, как нáжал, так открылась дверь и пошол попадать кверьху во дворець. И вот он заходит, конешно, в одну столóву, где уж очень была убрана столóва и стояло в этой столóвой полностью на столе чего хочеш, чего только не было. Только он уселсе на стул и вдруг приходит такая красивая девушка, што уж лучче не было на свете, и так она ему понравилась, што уж он не может перед ней слово говорить. И Зорька-Молодéць был парень не плохой, щёчки у нёго были áленьки, и сам был весёлой, молодúстой, как бытто ягода. Она посмóтрела на этого молотця и сказала:

— Скажи, молодéць, откуль ты пришол и к чему сюды шол?

А он ей отвечает:

— Слушай, прекрасная, какого ты есть роду и как тебя звать, тогды я обскажу о себе, а уж дальше ты меня не спрашивай, зачем я шол сюда.

Она и отвецяет:

— Ну, дóброй мóлодець, я обскажу о себе, што я есть прекрасная чаревна из одного государству, такого-то чаря дочь, ну, только укрáдена змеем, живу уже здесь третий год. Ну, только я скажу о тебе, себя я не щитаю, всё ровно погибла, а скоро прилетит сюда змей и он тебя пожрёт. Вот мне тебя и жалко. А топерь обскажи о себе, хто ты такой есть?

Еще она добавляет:

— Ище я скажу тебе, дóброй мóлодець, што на наших горах и человечьего следа не бывало, я никого не видáла.

Вот он начинает говорить:

— Слушай, прекрасная чаревна, я есть, конешно, не простого звания, я есть одного купця сын, знаменитого, и нас есть три брата. Мы пошли обследовать эту гору, узнать, хто здесь живёт и мои братья, остались уже у своих жон, а я пошол дальше. Я есть Зорька-Молодéць.

— Да, жалко мне тебя, Зóренька, но уж делать нечего, ведь скоро прилетит змей и я уж больше с тобой говорить не смею и не умею, боюсь, што будет. Может не будет нам с тобой, однако, жизнь, убьёт он, очень он сúлен.

— Ну, ладно, слушай, прекрасная царевна, это всё не страшно, пока я ёго не вижу. Ну, а уж увижу, всё ровно сразу не испугаюсь, а там уж видно будет. И отсюда я никуда не пойду, пока ёго не увижу.

Вдруг прилетает змей. Когда только прилетел и говорит ёму:

— У, Зорька-Молоде́ць здесь, я давно тебя жалал видеть, а топерь мы побратаемсе и выпьем по сличанью колько нам следует.

И прикатил он деветь сороковок вина и сказал:

— Ну, топерь, хозяйка, неси нам угощенья, а мы будем с ним выпивать.

И вот, конешно, она всевозможно наносила чего им нужно было и вот оне нача́ли пить. Ну, выпили всё, а Зорька-Моло-де́ць пил и остерегалсе, всё ждал, што дальше будет. Ну, а в змее больше было выпито, потому што он пил без осторожности. И вот когда напились, змей и говорит:

— Ну, Зорька-Молоде́ць, давайте пойдём ко мне в сад гулять.

— Пойдём.

Ну, Зорька чувствует—в себе порядошно выпил,—ну идёт, о палицю опираетце. Вот оне подходят к саду и он заорал на все на шесть голосов и так сильно, што с древ ли́стья иссыпались, а маленькие леси́ны до земли склонилисе. Тогда он ёму и сказал:

— Не пугай, поганое чудовище, ведь я тебя не боюсь. Тогда он заорал во все деветь голосов так сильно, што земля под ним тряслась, ну Зорька-Молоде́ць стоял, опиралсе на свою палицю. И сказал змей ёму:

— Ну, молоде́ць, Зорька. Нужно нам силами померятьце. И кряду же они броси́лись с ним в возню. И Зорька-Молоде́ць ударил ёго палицей перьвой раз так сильно, што отсадил у нёго сразу пять голов. На второй раз розмахнул, ударил и только осталась одна голова, девятая, уж было восемь отрублено. Тогда заговорил ему змей:

— Слушай, Зорька-Молоде́ць, зачем ты пришол сюда на наши го́ры? У меня до сих пор человечьего следа не было.

Бери у меня што хочеш, токо не убивай меня, оставь в живых, и я думаю с тобой побратанитьце. И отвечает Зорька-Молодéць:

— Я ехал узнать, што хто живёт на этых горах. Топерь я узнал. Пока мы окончим битву, а там мы с тобой побратанимсе.

И так смахнул ёму последнюю голову. И сам вернулсе к прекрасной чаревны. Когда он пришол к ней, она увидала, што Зорька-Молодéць вернулсе, а змея нет. Она бросúлась ёму на шею:

— Ну, милой мой Зоря, уж топерь делай со мной што хош, а в этых горах меня не оставляй, уж раз спас, так и бери с собой, а я завсегда твоя.

— Ну, прекрасная чаревна, я за этым сюда и шол, штобы узнать, хто живёт на этих горах и есть ли здесь девушки укрáдены. Нас топерь здесь три брата и оне черезь два дня ко мне сюда прúдут.

Ну, он ей сказал:

— Слушай, милая моя прекрасная чаревна, я тебя здесь не оставлю, токо придётце мне еще испытать эту гору, хто здесь живёт, а уж когда обратно приду, то ясно тебя никуда не оставлю от себя.

То она ёму и говорит:

— Слушай, прекрасной мой Зóренька, не ходи вперёд, там ты увидиш таких чудовищей, што вам даже с братьями с нимá не совладать, а уж если совладаете с двумя, то уж с третьим не совладать. Лучче увези ты меня отсюда, пока они не узнали и уедем все вместе в какое-либо чарьство или в ваше купечество.

Тогда сказал:

— Ну, ладно, я до утра никуда не пойду, пережду ночь, дожду братьев, а потом тебе скажу.

И так оне стали ночевать, конешно. И вот конешно оне токо переноцевали ноць, утром стают со сна, она ёму и говорит:

— Слушай, милой мой Зóря, ворóтиссе обратно, откуда ты шол и я тебе даю все редкости, которы достáты были змеем и привезёны сюда не знаю с каких государьств. Всё он меня тешил, штобы токо я не пожелала.

Ище ей много хотелось поговорить, вдруг пришли братья. Когда пришли братья, конешно, он прикатил три сороковки вина для опохмёлки, для радости. Ну, оне сделали тут небольшую гулянку. Когда оне это всё вино выпили, он и говорит братьям:

— Ну, братья, не быть мы такие трусы, што не дойдём вперед, не узнаем, што творитце там впереди.

Ну, чаревна ничего не сказала, токо стояла в слезах, думала, што не овладать будет им этыми волшебниками. Да. И вот, конечно, оне всё-таки решили итти вперед. Осталась чаревна дожидать, было ей делать нéцёго, как она ёго не унимала. И вот Зорька-Молодéць роспростилсе с ней и сказал:

— Ну, прощай, прекрасная чаревна, я приеду и не оставлю тебя здесь.

И пошол вместе с братьями. Вот оне идут, идут, идут и выходят на большую поляну и ни откуль возьмúсь, налетает на них трёхглавой змей и говорит:

— Ну, молотци, коли вы убили наших хозяв, то отсюда живы́ма не уйдитé.

Тогда сказал этот мододець братьям:

— Ну, братья, давайте!

И ударил ёго палицей по плечам, голóва у ёго пала. Потом повторил второй, Полнóць-Молодéць, обои зараз.

Потом он говорит братьям:

— А топерь вы, братья, оставайтесь, а я еще пойду один вперёд, но наверно вернусь скоро, вы меня дожидайте. Ну, если што увидите, ну не отступайте.

И так он пошол вперёд. Пойдем за ним сначала, а потом уж к этым вернёмсе.

И вот он приходит к такому роскошному саду, што и не видал никогда такого. И такие от этого саду были ароматы, што насы́тивали ёго, ёму даже ись ницёгó не охота. И вдруг он увидал девушку оцень красивую. И подходит она к нёму и говорит:

— Здраствуй, Зóря-Молодéць.

— Здраствуй, здраствуй. Как вас звать и как ты меня знаеш?

— Как же мне не знать? Я всех знаю богатырей на свете а тебя тем более, как ты у нас на горы́ прославилсе со своима́ братьями, но токо пришол поздно.

Потом она и говорит:

— Ну, пойдём топерь в гости, я там тебе россскажу коё-чего, но только немного, потому што ты топерь занят онной прекрасной чаревной.

И потом оне вместе пошли. Она сначала повела ёго в тунель и в подземельё, привела в свой дворець, дворець был золотой. Стала ёго поить, угощать, а потом говорит:

— Ну, Зоря, я думала, што ты не за́нятой, но топерь уже вижу, што ты занят чаревной. Я это потому вижу, што знаю всё, што делаетце на свете. Я здесь живу у одного Черномора уже дватцеть лет, унесёна была совсем маленькой и мне о́тсюда, повидимому, не выбратьце будет.

— Да, жалко, прекрасная тебя, но делать не́цёго. Ты ведь сама знаеш, што раз я влюблён в чаревну, дак топерь мне отказатьце от своёго́ слова со́вестно и неудобно.

— Верю, верю, — отвечает она ёму. — Ну, ладно, Зо́ря, переноцюй у меня ноць и потом иди, с братьями у тебя плохо. Можете ли нет с ним справитьце хи́тростью, а силой вам ёго не одолеть, и я думаю, што́ вам с этой горы́ без меня не выбратьце будет.

Больше она ёму ницёго́ не сказала. И вот о́н согласилсе с ей спать. Переспа́ли оне ноць, на утро стают, она ёму и говорит.

— Но, Зоря, я тебя покормлю сецяс и иди скоре к своим братьям:

Вот он поел и стал отправлятьце. Она и говорит ёму:

— Вот когда ты придёш туда, братья твои бьютце с Черномором. У этого Черномора такая борода, што никак ей не прорубить. И ты тоже этой бороды не прорубиш, потому што никакой мець ей брать не может. Он живёт в отдельном чарстве и у нёго ище есть три такие красавици, што таких нихто и не видал, и я их тоже не видала, но знаю, што есть. Топерь, когда ты придёш, то сворацивай дуб и вали ёго на землю. Потом коли́ ёго клиньями, но не совсем, оставь росколи́ну на клиньи и скажи Черномору:

— Ну, Черномор, пойди к дубу и буде можеш поднять этот дуб зубами, то мы больше дратьце с тобой не будем. А не поднимеш, то будем дратьце до тех пор, пока мы живы. И потом ты следи, когда он будет поднимать зубами дуб, у нёго борода упадёт в эту росколи́ну, тогда ты вытягáй эты клинья и у ёго борода ульнёт в этот дуб. Когда у ёго борода ульнёт, он тогда ослабнет совсем, но вам ёго не убить всё ровно и вы идите проць.

И так он роспростилсе с ней.

— Ну, досвиданья, дорогая, я пойду.

— Иди, иди Зо́ренька, но только всё ровно ты ко мне придёш. Братья на горы оставят, дак как не придеш.

И вот он пошол. Приходит на эту площадь, где братья дрáлись с Церномором. Тот подошол, он и говорит:

— Ну, Черномор, давай, перестанем дратьце, а померяемсе силой на другой способ.

Черномор сказал:

— Ну, дак што, давай, я и на то соглáсен.

Зорька берётце за дуб и вáлит ёго, а дуб был толщиной в три охвата. Вáлит он ёго на землю. Тéшет потом два клúна и когда вытесал эты два клúна, ударил по ним палицей и роскалол ёго, прирошши́рил. Потом говорит Черномору:

— Ну, Черномор, коли хош силами ровнятьце с намы, иди сюда, вот подыми этот дуб зубами.

Черномор подходит к этому ду́бу, и он указал ёму место:

— Здесь, за это место подымай.

Тот только взялсе за этот дуб, Зорька видит, што борода у Черномора вся ушла в росколи́ну, он сецяс берёт и вытягает клинья. Черномор стал подымать дуб, а он уж на бороды и так подымаетце.

— Ну, топерь будь ты всегда с этым дубом, но́сись, коли ты нас сильней, — говорит Зорька.

Ну, топерь говорит ёму Черномор:

— Ну, Зорька, коли ты так лехко отделалсе от меня, топерь ты свободной. А уж вы убить меня не убьитé, идúте, куда знаете.

Тогда сказал он братьям:

20*

— Ну, братья, пойдём.

И этот Черномор поднимаетце, пошол он с ду́бом по́ лугу, и так оне розошлись. И вот он приходит к тому ж дворцю, где была евонна чаревна и сказал братьям:

— Ну, братья, вы топерь тоже идите к своим жонам и побудем мы здесь два дня, а потом пойдём под го́ру, где зачёплен якорь.

Вот когда увидала чаревна своёго́ Зорьку, очень обрадела, кормила, поила ёго́ и братьев, и братья в скором времени отправилисе по домам. Осталсе Зорька с ней вместе. Вот эты братья ушли, он переспа́л ноць, на утро она и говори́т:

— Ну, Зоря, я не думала, што вы перехи́трите этого волшебного Черномора. И што вы там с ним сделали?

— Да, хотя трудно было, но, конечно, мы одоли́ли ёго, а убить-то уж мы ёго не убили.

— Топерь ты скажи: наверно, ты был там у одной волшебной красивой девушки, уж я знаю, што ты не утерпел, сходил туда.

— Да, прекрасная чаревна, был, когда шол по прекрасному саду, то видел, но́ говорить-то с ней не говорил, то́ко спросил што у нее и она велела мне выйти на помогу Черно́мору и я вышел, и она знала меня. Тогда ухи́трил Черномора этого, когда вернулсе и пришол сюда. А топерь будем собиратьце домой.

— Хорошо, переживём еще сутки, а потом пойдём.

Потом она снимает с руки кольцё своё и го́ворит:

— Ну, на́, Зо́ренька, это кольцё, храни его́ так, как сам знаеш.

Вот ко́гда оне засобирались, она приносит ящык и отмыкает платья.

— Вот посмотри, Зо́ря, какоё у меня есть платьё, когда мы с тобой пойдём под венець, и посмотри, как оно сшито.

Он, конешно, стал смотреть, но шва нигде не нашол, всё тоцьно слито.

Закрыла обратно и сказала:

— Ну, топерь нам надь с собой взять дворець.

— Как же мы ёго возьмём?

Я сецяс устрою.

Приносит ейцё, дунула в нёго, дворця не стало. Даёт ёму ейцё и говорит:

— Сунь в корман, когда придём домой, построим себе дворець и всё будет, как было.

И пошли вперёд. Приходят они к Ве́черу-Моло́тцю и говорят:

— Ну, брат, собирайсе, как же ты не готов, у меня уже всё с собой.

Тот таким же путём собралсе и пошли к третьему брату.

Пришли к третьему брату, уж тот совсем был наготове и вместе отправились и на дороге попадались им трупы змеиные и птици их частично уже розносили. И вот оне, конешно, пришли на эту круту гору. Зорька-Молоде́ць и говорит:

— Ну, братья, спускайтесь вы вперёд, а я вам буду подавать жон и свою тоже, а вы их принимайте там окуратнее.

И вот, конешно, братья спускались, спускались; спустились, и он нача́л перьву девицю эту спускать. Спустил и втору тоже. Потом и начинает спускать свою прекрасную царевну. Она и говорит:

— Слушай, Зорька-Молоде́ць, спустись сначала ты, а я в задних.

— Нет, зачем.

— Ну, смотри, штобы тебе не остатьце на горы́.

— Ну, што ты, дорогая? Неуже́ли братья меня на горы́ оставят?

— Ну, как знаеш, после будет поздно, — сама стала спускатьце.

Когда она спустилась книзу, то братья посмотрели на такую красавицю, што она такая красавиця, им стало завидно, и оне што сделали: ухватились за цепь и сдёрнули этот якорь с горы́. Так Зорька-Молоде́ць осталсе на горы́. Ну, уж ёму было делать нецёго.

— Ну, братья, хорошо же вы мне сделали! — и сам пошол дальше.

А эты братья пришли со жонами домой, там повенчались, стали жить, а эта царевна ушла в своё царьство.

И вот долго он шол по этой горы́, пришол к избушке перьвой, поел, переночевал.

— Ну, куды я топерь пойду? Давай пойду в этот роскошной сад к красавице, поросспрошу, не знает ли она чего, как меня отправить с этой горы́.

И кряду надумал итти. Когда он прихо́дит к это́му садику, то зашол в этот роскошной сад, где понёс по всему саду аромат, то кряду же увидал эту девушку и она когда увидала ёго, берёт ёго за́ руки:

— Ну, пойдём, топерь, Зорька, ко мне. Я ведь сказала, што придёш. Вот и пришол.

И повела ёго в подземельё, где стоял такой же прелестной дворець. Когда привела, стала ёго угощать и говорит:

— Ну, вот, Зорька, што я тебе скажу, может ты даш согласье, штобы жить со мной здесь вечно. Уж раз ты отстал от чаревны, а она скоро будет дома. И тебе про ней надо будет забыть, хотя я знаю, што она краси́вее меня.

Он немного подумал и сказал ей:

— Ты знаеш, прекрасная, што я сецяс думаю?

— Да, знаю, но скажи всё-таки.

— А я ведь ушол когда с дому, то дома давно не бывал и мне родителей охота посмотреть и попасть туда во што бы ни стало, не знай токо как.

— Да, я верю, што тебе охота родителей посмотреть, но́ больше охота узнать, как эта чаревна и жить с ней вместе. Ну, не хош, насилу я тебя не держу.

Тогда сказала:

— Ну, переноцюй у меня ноць, а потом уж я тебя уведу.

И он согласилсе ноцевать у ней ноць. Вот переноцевал ноць, она ёго накормила и сказала:

— Ну, Зо̀ря, топерь пойдём, я тебя поведу по этой тунели, ну не скучай токо, здесь тё́мно очень, а тёмно потому, што ты не согласилсе здесь со мной жить. Тебе нельзя узнать всего, поэтому тебе будет тёмно.

Вот она пошла вперёд, он шол сзади, спустились оне в тунель и шли оне с ней не ме́не, как дней десять. И вот оне подошли к одной каменной стены́, остоя́лись, она ёму и говорит:

— Ну, вот слушай, Зорька-Молодéць, ты парень сѝлен и скажи топерича: возьмёш меня с собой или нет? Если возьмеш, так и скажи, а если не возьмёш, то я уж не буду перешáгивать черезь порог, а уж назад мне не вернутьце, коли я перешагну.

— Слушай, прекрасная, как же я возьму тебя замуж, или возьму с собой, раз я еще не попал и родителей своих не спросилсе и бласловенья не получил. Как же я тебя возьму?

— Ну, хорошо, уж я вижу, што тебе не охота. Топни ногой об эту стéну, увидиш, што будет.

И он ударил в стéну ногой и смотрит уже свет и там ездят люди на кòнях. Она сказала:

— Ну, Зòря, досвиданья, ты попал топерь с этой горы.

И так закрылась дверь, што и незаметно было, где была, а наверьху стояла крутая гора. И вот он вышел и пошол по широкой дороге. Идёт, идёт и идёт, и сам не знает, куда идёт. Когда шол он по этой тунели тёмной десеть дён, то оцень скуцял, всё думал, „не знаю, попаду ли куда?“ — и когда вышел оттуда, то сильно похудал и с лиця изменилсе, так што ёго кто и видел, признать не могут.

И вот он вокурат приходит в то государьство, где эта царевна была и она сецяс живёт у отця. И вот он заходит, конешно, в номер, откупил себе номер гостиници и устроилсе в этом городỳ жить. И вот на этой, конешно, царевны многие женихи сватаютце и она по гóроду даёт такой зов:

— Я за того пойду замуж, хто достанет мне етот домик, [в] котором я жила и моё подвенечно платьё.

И вот посваталсе на ней один прынць и она, конешно, так не обещала, а пригласила ёго в гости и устроила пир и собрáла на пир всех жалающих, кто токо жалает. Тогда все гости собрáлись, также и этот жоних собралсе, она даёт такой заказ:

— Вот все гóсти, слушайте. Я тогда пойду замуж токо, пусть жоних достанет домик, в котором я жила тамотки и моё подвенечно платьё.

А сама думает:

— Уж если дóмик достанет, то и кольцё найдётце.

Ну, вот она это обьевляет, все присутствующие и жоних спрашивают:

— Ну, какой же у тебя был дворець и какоё платьё я могу тобе купить, како ты жалаеш?

— Да нет, не какое я жалаю, а какое у меня было. А платьё было шито так, как слито, а дворець был такой, што у вас и в чарстве нет.

Тогда Зорька это всё слышит. Потом она, конецьно, стала угощать своих гостей водочкой. Когда она стала угощать, не щыталась, и ёму предложила, приносит и ёму рюмоцьку, но в лицо она ёго ни за што узнать не может. Вот он когда выпил эту чарочку, конешно, и положил это кольцё на поднос. И заговорила:

— Тебя ли я вижу, мой Зоренька, почему ты так изменилсе?

— Да тут уж измениссе, когда осталсе на такой горы.

Тогда она выходит из-за стола, берёт ёго за руку, поцеловала и говорит отцю:

— Ну, папенька, вот это мой суженой, который спустил меня с горы и убил змея и перехитрил Черномора, а сам на горы осталсе. И не знаю, как он оттуда спустилсе, это уж он сам росскажет. Зовут ёго Зорька-Молодець.

Тогда сказал чарь:

— Ну, Зорька-Молодець, когда ты сумел достать мою доць и победил змеев, то получай полчарьства и живи с нами.

И началсе у них пир по настоящему. Она и говорит:

— Ну, Зорька, строй дворець, у тебя это ейцё есть, мне нужно достать подвенечноё платьё.

И вот конешно оне вышли с этого пира, отвела она ёго на хорошую площадь, он еичко розбил, и образовалсе дворець, и всё в этом дворце было по-старому, как на той горы.

Топерь он ей и говорит:

— Слушай, прекрасная чаревна, топерь я повалюсь спать, уж я так сладко не сыпал, как с тобой спал две ночи, потом я тебе ничего не росскажу, уж ты у меня не спрашивай, а пусть батюшко готовит свадьбу.

Потом она его увела в свою спальню, уложила на свою кровать и сама легла с ним. Когда он выспалсе и говорит:

— Ну, топерь можем итти к батюшку на бал и к венцю. Одевай своё платьё.

Она оделась и пошли под венець.

Вот скоро времё, конешно, оне повенчались и пришли на бал и все гости дивились на это платьё. Ни шва, ни рубця и дивились, хто это платьё достáл. Он, конешно, всего росказывать тут не стал, сказал токо, как осталсе он на горы́ и как попадал оттуда в тунели, и стал слабым сецяс на личо́. Тогда чарь сказал:

— Ну, ладно, дело мо́лодо, живи сецяс, а потом получиш ты чарьство всё, когдя я остаре́ю совсем и ты будеш моим наследником.

И вот тогда гости стали росходитьце, он роспростилсе со всема́ гостями и пошол в свой дворець.

И стали жить до глубокой старости, а уж впоследствии получил, ясно, престол и стал чарьствовать.

13. СУКИН СЫН

Не в котором чарстви, не в котором государстви жил был чарь. У ёго не было дитей. И он сильнё задумалсе.

— Кому мне топерича отдать наследство как уже я стал пожило́й, а дитей у меня нету.

И вот он дал такой приказ:

Если найдётце такой старицёк или старушка, которы бы сделали, што у меня родитце сын или дочерь или в общем какое-нибудь отродьё, то я того награжу.

И не нашлось в этом городе никого, кто бы откликнулсе на эту повестку. Он ищё боле задумалсе. Тогда он сел на лошадь и поехал в како-ни село или в город, думает:

— Может быть там найдётце, хто бы помог мне в этом деле.

И вот он так, конецьно, сел и выехал из города. И вдруг из лесу выходит какой-то старицёк. Он остановилсе. Остановилсе и говорит:

— Здраствуй, дедушко, может я буду што спрашивать, так мне-ка скажеш.

Дедушко посмотрел на нёго и видит, што он чарь. И говорит:

— Да, ваше величество, может я и знаю, говорите, в чём вы нуждаетесь?

— Да вот, дедушко, в чём, у меня сецяс какая печаль:— нету наследника. Как бы мне достать сына или доцерь, потому што мне некому сдать чарьство.

Вот и говорит дедушко ёму:

— Да, ваше величество, в этом горе я вам помогу, хотя ни че́м, ну словами, и это сбудитце у тебя. Ваше величество, вот вы сецясь поедете домой и возьми двух рыбаков и вылови собственныма руками каку-нибудь рыбу. Какая токо попадёт: хош щука, хош кака другая.

Дедушко ёму еще сказал:

— Перьвой раз закинеш невод, придёт тебе много рыбы, всю выброси, второй раз закинеш — выброси, а третий раз закинеш, придёт те одна токо щука, вот ту возьми. Когда ты это выло́виш, то привези ей домой и вели сварить. Покушай сам и дай жоны и кому ище, если нуждаетце, вот тогда получитце отродьё.

И потом царь говорит:

— Ну, спасибо, дедушко, на твоём пожаланье.

Вынимает, конецьно, деньги, там не знаю, сколько он дал ёму, поблагодарил. Роспростились, и чарь поехал домой. Как приехал домой, так и говорит своей жоны:

— Вот што, жона, я завтро поеду рыбачить, как велел дедушко, то будет у нас наследство.

Вот на другой же день он кряду розыскал двух рыбаков с неводом и поехали рыбачить, сам с нима́ вместе. Вот оне приежжают к о̆зеру, конецьно. Закинули невод, и пришло рыбы много. Рыбаки обрадели. Он и говорит рыбакам:

— Сецяс эту рыбу надо выпустить всю.

Второй раз закинули, рыбы пришло ище больше разной. И ту выпустили. Закинули третий, им пришла щука.

— Вот эту рыбу надо взять.

Собра́лись домой, пошли, взяли щуку. Вот, конецьно, он рыбакам заплатил деньги. Рыбаки пошли домой и говорят:

— Почему же чарь не взял всю рыбу?

Ну, этой хитрости не знают, только промеж собой говорили. Как пришол домой, то кряду же говорит повару:

— Вот, вари суп, приготовляй нам с хозяйкой.

Это всё приготовлено было, конецьно. Принесли им на стол. Оне сели с жоной обедать, поели рыбы, конецьно, и так же супу. Когда это оне поели, осталось што, поел лакей и жоны своей дал, остатки-кости дали: у лакея была собака, сука-матка, и так же дали и суки кости поесь. Вот когда это все поели, так кряду понесла чариця и лакея жона и также сука понеслась. Вот когда прошло деветь месецёв, то рожаетце три сына: у чарицы, у лакея и у суки, не собака а тоже родился сын. Лакей увидел, што у суки сын, то он отбирает у суки этого мальчика и так же кормит, как своего сына вместе. И вот эты робята начали так быстро рости, што не по дням, а по часам: што ни час, так и бо́ле. Когда чарь узнал, што у лакея два сына, то он пришол к нему.

— Скажи мне, лакей, каким путём у тебя два сына, как у меня один?

А он говорит ёму:

— Ваше величество, вот каким путём: когда я поел, то о́тдал кости своей собаки, вот у ней тоже сын родилсе, а не собака. Вот я ёго и взял. Таким путём у меня два сына.

И всем им дали имена Иваны. Только ёму дали имя Сукин сын, как он собачий. И вот эты робяты стали рости и ходить играть на чарьской двор. И не обега́ли сукина сына, тоже брали, потому што он был цёловек такой же. Вот эты робята выросли быстро и научились грамоты очень скоро, И раз пришол чаревиць и говорит отцю своему:

— Папенька, дай нам, братьям, как мы есть, конецьно, братья, по лошади—покататьце.

Отець не отказал. Дал им всем конецьно, по лошади. Оне пришли к конюшни, и сказал им конюх:

— Ну, выбирайте, чаревич, лошадь себе и всяк себе.

И стали все выбирать. Чаревич выбрал себе лошадь и так же Иван лакеич, но Сукин сын никак лошади выбрать себе не может. Как он на лошадь наложит руку, так лошадь

садилась на колени, потому што он был очень сильной. Потом сказал ёму конюх:

— Подожди, Сукин сын, я тебе выберу лошадь.

И вот он пошол выбирать. Приводит ёму лошадь, а братья ёго дожидали. Только вывел ей со двора, надел уздецьку и хотел скоцить, лошадь упала. Он с этой горячки взял и на несколько цястей перервал:

— На́ те, ворона, от Сукина сына подарок.

И потом братья уехали, а он остался. Пришол он домой и говорит отцю:

— Вот што, батюшко, неужели у нас в чарстве нет такой лошади, што можно на ней ездить?

— Погоди, Сукин сын, до завтра, бывать найдётце.

Когда узнал царь, што Сукин сын очень си́лен, ёму обсказал всё ёго отець, то чарь сказал:

— Завтра найдём ёму лошадь.

И братья ввецеру́ приехали. Вот на второй день Иван-цяревич поежжает, так же и Иван-Лакеич. И оне Сукина сына просят. Он собралсе. Вот приходят оне к конюшне. А у чаря был дан приказ:

— Отыскать для Сукина сына саму луччу лошадь.

Сецяс же приводят Ивану-чаревицю лошадь, также и Ивану Лакеичу. Потом выводят красного, здорового коня.

— Ну, — думает конюх, — на этом Сукин сын уж уедет.

Как только он взял лошадь, надел уздецьку и ударил ей по груди́, лошадь от этого удару свалилась. Он розгорецился, взял и ро́зорвал ей.

— На́ те, ворона, от Сукина сына подарок!

А братья опеть уехали. И он приходит домой невесёлой, туманной такой. Отець и спрашивает:

— Ну, што, Сукин сын, видно не уехал опеть?

— Да, уедеш, нет, видно, в вашем государстви лошади для меня.

Тогда сказал ёму отець:

— Ну, ладно, Сукин сын, погоди, я ище схожу поговорю с чарём, может быть не найдут ли тебе лошади.

Пришол, конецьно, отець к цярю, россказал, што случилось с Иваном Сукиным сыном, тот сказал:

— Ну, ладно, уж подбирали из двух табунов, не вышло, дак из третьего-то выйдет, наверно.

Вот так братья собрáлись вечером домой. На второй день оне опеть похóдят гулять, (уж по третий день всегó-то). Вот конюх, конецьно, уж выводит ёму саму хорошую лошадь, лучче которой не было. Это была сивая. Да, вот выводит эту лошадь и говорит:

— Вот, Сукин сын, тебе лошадь, поежжай.

А он, не надевая ей уздецьки, ударил ей по плецю́, лошадь свалилась. Потом Сукин сын настолько розгорецилсе, взял, перéрвал ей на мелкие цясти:

— Нате, вам, ворона, от Сукина сына подарок!

Братья уж поехали. И он вышел из города. Вышел он из города, прошол на самой край города, а там стоит избушка. В этой избушки живёт одна колдунья. Он знал это. Вот он зашол к ней. Пришол в избу, поздоровалсе:

— Здраствуй, баушка.

— Ой, здраствуй, Сукин сын, ты што долго не шол, я уж давно бы тебя принялá. Проходи, да скажи, зацем ты пришол?

Вот он отвецает:

— Слушай, баушка, не могу найти себе коня по уму́, штобы которой мог меня нести. Братья уж по третий день уехали в полё гулять, а мне такой лошади в чарстви не оказалось.

— Ну, уж ладно, Сукин сын, коли ты нуждаессе конём, покажу ёго тебе, буде можеш с йим справитьце. Я наущю, как ёго сдержать. Да, вот, когды выйдеш из избы и скрыци: „Сивко-бурко — вёшной воронкó, стань передо мной, как лист перед травой; как батюшку служил, как матушки служил, так и мне, Сукину сыну, послужи". Ну, и вот он на тебя налетит с такой силой, как вихорь. Но ты не бойсе. Ударь ёго по плецю и если уж он тебя не стопцет, то станет тебе служить.

И вот тогда Сукин сын вышел из избы и скрыцял:

— „Сивко-бурко — вёшной воронкó, стань передо мной, как лист перед травой, как батюшку служил, как матушки служил, так и мне, Сукину сыну, послужи.

Только как скрыкнул, как видит несётце лошадь к нёму, как вихорь. Прискакала. Он ударил ей по плецю, она стала, как вкопана. И лошадь заговорила цёловецьим языком:

— Но, Сукин сын, уж буду я тебе служить верой и правдой, коли умел меня ты взять.

И вдруг выходит баушка к нему, приносит седёлко, уздецьку, латы богатырски и даёт пáлицю ёму.

Когда оделсе Сукин сын, заскоцил на лошадь, конецьно, роспростилсе с баушкой и кряду же догнáл своих братьев. Да, вот догнáл своих братьев и говорит:

— Ну, братья, держитесь за мной, а я поеду вперёд.

Конецьно, он так сильнё лошадь не спускал свою, штобы оне не отставали. Приехали оне к большой дороги, смотрят, стоит черезь дорогу мост и розделяет две дороги. Мост заповедной; по нёму нихто не ездит. Вот он говорит своим братьям:

— Ну, братья, поéдем, какой бы он не был заповéдной, а мы всё ровно переедем на ту сторону.

Братья, конецьно, не смели ёму перецить, знали, што он был оцень сúльнёй. Вот переехали оне мост, выехали на полянку. Он роскинул шатёр. Когда он роскинул шатер и говорит:

— Ну, братья, кто сегодне поедет каравулить, надо знать, хто ездит по этому мóсту. Или мы кинем жéребий кому ехать на первую ноць?

Ну, оне сделали жéребьи, кинули. Выпала перьва ноць ехать Ивану Лакеицю, втора — Ивану царевицю, а уж третья ноць — ёму, Сукину сыну. Да. Ну, конешно, когда надо было выежжат, оне говорят:

— Слушай, Сукин сын, поежжай ты, а мы не смеем.

Отказываютце братья обои. Он тогды йим сказал:

— Ну, ладно, братья, уж как вы боитéсь, дак остáньтесь, только не спúте. Если слуцяй какой будет, выбегайте мне помогать, а я один, без коня пойду.

Вот забрáл палицю с собой и пошол. Пришол к мосту, уселсе и сидит. Вдруг палнóчь наступает, и едет змей трёхглавой и говорит на свои языки:

— Хто здесь поселилсе из молодцёв? Мы здесь тридцеть лет поселились, никого не видали.

Сукин сын кряду же выскакивает, берёт пáлицю в руки, кряду же отрубил ёму три головы, бросúл под мост и сам отправилсе в шатёр к своим братьям. Приходит к братьям, а оне спят, хотя йим было и не приказано спать. Он розбудил йих. Оне стали у нёго просить прощенья:

— Што, брат, прости нас, мы не будем в другой раз так делать, а уж этот раз прости, мы заснули.

Вот братья стали спрашивать:

— Слушай, Сукин сын, скажи, кто на этом мостý ездил, хотя нам бы и не нужно спрашивать, но всё-таки скажи.

Он сказал:

— Да, проежжал трёхглавой змей, и я ёго убил, а завтро поедет шестиглавой. Вот жалаеш, чаревич, поежжай, твоя очередь.

Чаревич очень испугалсе.

— Куда ж я поеду, Сукин сын, с трёглавым-то нам не справитьтце, уж куда ж шестиглавой? Ты как хочеш, Сукин сын, поежжай, замени меня.

Он сказал:

— Ну, ладно, братья, я поеду, в случáе скрыкну, так бежите на помогу, только не спите. А я пойду без коня.

Ну, оне обещались.

— Ну, брат, уж иди, мы не заснём, прости нас.

Сукин сын пошол к мосту без коня, уселсе с пáлицей. Сидит. Вот топерь как раз с полнóци едет.

— Хто же у меня здесь поселилсе, брата моёгó прихлопнул, никто, как Сукин сын. Сецяс я возьму ёго, на долонь положу, прихлопну, только будет грезь и вода.

Сукин сын кряду же выскакивает, ударяет ёго пáлицей три разá. Срубил гóловы, срыл под мост и сам отправилсе в шатёр. Вот приходит в шатёр, а братья спят. Он и говорит:

— Зачем же вы опеть спали, как вам не приказано.

Оне стали ёму кланятьце в ноги, просить прощенья. Он говорит:

— Ну, ладно, на этот раз я еще вас прощу, ну, в третий раз не прощу.

Вот приходит вечер, он и говорит братьям:

— Ну, братья, я сего́дне пойду. И вот пойду я без коня, останетце мой конь у шатра. Я скрыцю, пустите моёго́ коня на помогу и сами бежите. Если это будет не сделано, да я вернусь, то вас живых не будет.

И вот он пришол, сел к мосту. Братья обещались.

— Ладно, сделаем.

А братья посидели, йим што-то стало скуцьно, а боле всего страшно, и заснули. Заснули, и вдруг около полно́чи едет змей.

— Фу-фу-фу, говорит, Сукин сын, ты у меня убил двух братьев, а от меня живо́й не вы́йдеш.

И кряду же Сукин сын выскоцил. Вот он как в первой раз, ударил палицей, отрубил три головы́. И застуцял евонной конь, а братья спали, поцём зря. Рвётце конь, а братья не слышат. Когда он ударил второй раз па́лицей, то отрубил еще три головы́ и закрыцял:

— Ну, братья, бежите, спешите на подмогу.

То конь еще сильнее стал рватьце, а братья спят, не слышат. Когда он третий раз ударил палицей, оторвал ёму еще две головы. Уж конь оторвалсе и побежал, а братья спят. Змей и говорит:

— Ну, Сукин сын, топерь ты мой, как не угадал у меня еще одну го́лову срубить.

А уж в это време подскакал конь. Когда змей броси́лсе на Сукина сына, а Сукин сын токо, токо успел на лошадь скоцить, но в это време обранил руку. Хотя лошадь ёму такого толцька дала копытами, што он успел всё-таки скоцить. И он взял па́лицу в руки и отрубил ёму последнюю го́лову. Розрубил ёго на мелкие цясти, выкинул под мост, сам прискакал к шатру. Привязал своёго́ коня, дал ёму пшоници, сам зашол в шатёр:

— Ну, братья, я топерь вас убью.

Братья скоцили, па́ли ёму в ноги.

— Ну, братець, делай што хочеш, конецьно, заснули, воля твоя!

Стали прощатьце, плакать. Ну, тогда сказал:

— Ну, ладно, братья уж мне с вами не́чего делать.

Переспа́ли оне сутки, двое, и поехали дальше: хто еще впереди живёт. Ну, братья, конецьно, уж ницёго́ ёму не смели сказать, напротив; надо делать так, как он велит и только думали:

— Как бы нам попасть домой!

И вот оне ехали, ехали, ехали, приежжают к большому дому. Братьев он вместе с конями прикрыл и оставил, а сам пошол под окно слушать, што будут говорить. Вот он сел к окну и слушает. А этот дом был где жи́ли змéи и йих жоны и отець и мать. Дожидали йих. Вот когда он сел к окну, то и слушает. Говорит отець:

— Слушайте, мои сыновья убиты Сукиным сыном, но он мимо нас не проедет, а коли и проедет, што-то надо сделать.

Вот он и спрашивает у старшей невёски:

— Што ты можеш сделать над Сукиным сыном?

— А я, батюшко, вот што хоцю сделать: когда оне выедут отсюда, мимо нас, на поле, а я обвернусь кроватью, такой напущу на йих сон, а оне на эту кровать лягут и кончатце, умрут.

— Ну, ладно, невёска, ты хорошо выдумала. Ну, што средняя знаеш, росскажи.

— А я думаю, батюшко, так: вот когда оне поедут, я обвернусь яблоней. Оне йись захо́чут, покушают яблок сочных и кряду же умрут.

— Ну, а ты, ме́ньшая, што выдумала, скажи мне? У тебя тоже ничего, тебе надо боле хитре́й как выдумать.

Та и говорит:

— Батюшко, я вот што выдумала: когда оне поедут я обвернусь колодцем, водой, а йим напущу такую жажду, што оне не выдержат, попьют и умрут.

— Ну, ладно, невёска, ты догадалась, вот это само хоро́ше дело.

Тогда говорит мать:

— Это всё ваше — бестолко́во, это он всё проедет, а вот уж как я полечу вслед, так никуда от меня не скроесся, догоню и сгло́ну.

И так, знацит, оне решили и розошлись. Сукин сын спустилсе к своим братьям. Пришол к братьям и говорит:

— Ну, берите ко́ней и поедем.

И так поехали. Вот оне ехали, ехали, выежжают в чисто полё, и йим такой сон напал, што уж и ехать не могут, а Сукин сын всё поддя́рживаетце. И вдруг увидали кровать. Вот братья и заговорили:

— Сукин сын, давайте, повалимсе и отдохнём, наверно, и ты спать хош.

— Погодите братья, я сойду и посмотрю, што за кровать, а потом повалимсе.

Он слез с ло́шади, только ударил па́лицей по кровати, осталась токо одна кровь, у братьев кряду сон прошол. Поехали дальше. Вот оне опеть едут, едут, едут. Йим до чего жажда, не могут слюну проглотить. И подьежжают к колодцю. Подьежжают к колодцю и говорят:

— Сукин сын, до чего жажда, пить очень хочетце.

Он и говорит:

— Погоди, робята, я спущусь наперёд, а потом вам подам.

Он спустилсе токо с ло́шади, ударил по колодцю па́лицей, образозалась кровь, а не вода. У братьев пропала жажда, не стали пить просить. Поехали дальше. Вот опеть едут. Ехали, ехали, подьежжают к яблоне. Йим до чего охота йись, не могут терпеть:

— Братец, давай, по яблоку возьмём.

Говорит Сукин сын йим:

— Погоди, робята, я пойду сорву сам и вам дам.

Как спустилсе с ло́шади, ударяет па́лицей, образовалась кровь, а не яблоки. Йим йись уже не охота. И поехали дальше. Вот оне и начинают спрашивать:

— Слушай, Сукин сын, почему же это получаетце, нам хочетце йись, и спать и яблок — и как раз ты ударяеш мецём и полуцяетце кровь, и нам не захочетце?

— А вот почему, братья: мне это всё было раньше известно, а топерь выедем на большую дорогу, вы поежжайте дальше, а мне еще придетце ехать вперёд.

21*

Вот он как раз выехал на большую дорогу и говорит братьям:

— Ну, топерь до свиданья, поежжайте домой, а вам меня больше не видáть.

И братья попрощались с ним, обрадовались, што он йих отпустил домой. Приехали домой, всё это обсказали, што с йимá было и куда уехал Сукин сын — не знали. Так Сукин сын повернул лошадь и поехал вперед. Долго он ехал, ехал, ехал, ничего ёму навстречу не попадат. Потом остоялсе конь ёго и говорит:

— Ну, Сукин сын, я топерь от тебя ухожу, я тебе больше не нужен, ты иди один. Я тебе послужил што мог, а топерь ты меня отпусти.

Вот, конецьно, он ёго отпустил. Только с одной пáлицей и пошол. А в это времё старуха обвернулась ведьмой и погнáлась за Сукиным сыном. Вот Сукин сын подходит, смотрит, стоит на дороге кузниця жолезная. Заходит в эту кузницю и говорит кузнецям:

— Вы закрывайте эту кузницю жолезную, сюда прилетит ведьма и будет меня просить, а я вам скажу, што делать, а ей сюда не спускайте.

И кряду же оне закрыли, а ведьма была у стен и кричала.

— Отдавайте мне Сукина сына?

Он сказал кузнецам:

— Давайте прут жолезной, и штобы этот прут был с винтóм и скорее накаливайте, я вам помогу. И вот когда накалúте и скажите: „Вот погоди, мы тебе ёго поджарим и подадим на конце прýта, токо еш“. А уж она будет ждать. И вот когда совсем сготовите, выпустите ёго концём наперёд, а тут приготовьте такое колесо, штобы когды она ела это колесо, ей завёртывало. Она со жадности сглòнет. Когды начнём крутить, и её удержим, а потом выйдем все из кузници, и я знаю што делать. А за это я вам заплацю.

Кузнеци, конецьно, принялись за эту роботу. Накалили прут, прикрутили колесо и подают ей в окно.

— Нá, бери, мы тебе ёго совсем приготовили и поджарили с концця.

Когда оне по́дали, она хвать это накалённое жолезо, а оне нацинают крутить. Накрутили ей, она остоялась. Тогда оне выходят из кузници все втроем. Вот вышли из кузници. Он берёт палицю, ударяет ей и говорит:

— Вот ты была ведьмой, а топерь стань моим верным конём.

И она кряду же стала конём ёго. Вот он кузнецей, конецьно, поблагодарил, зоплатил йим што следовало. Оне дали ёму уздецьку, седёлко. Он оседлал ей и поехали. И вот он думает:

— Топерь я поеду в своё государьство.

Но этот конь, старуха, штобы он не думал, а образовалсе у ее старика, у колдуна. Приехал он на старухе, где были убиты невёски и змеи. Вот когды он приехал, старик сразу узнал, што он приехал на ёго старухе. Выходит на улицю. Пришол и говорит:

— Ну, Сукин сын, ты убил у меня трёх сыновей, трёх невёсток, убил мою старуху, приехал на ней. Топерь от меня живой не уйдёш, уж сам приехал. Вот если сослужиш мне-ка службу, то я тебя отпущу живого; если не сослужиш, то не отпущу живого, потому што у меня не стало старухи, мне-ка надо жонитьце.

Ну, Сукину сыну было делать нечего.

— Ну, ладно, што же делать? говори, какая у тебя служба?

— Ну, токо я тебе старухи конём не даю, а службу скажу. Когда исполниш эту службу, тогда я токо тебе отдаю ей конём. Вот сходи топерича в тридевять морей, в тридесятое чарьство, принеси мне прекрасную черевну. Вот я на ней женюсь, а тебе отдаю старуху конём, как ты ей сделал. А не принесёш — голова с плеч долой.

Ну, он пошол от нёго. Вдруг идёт, идёт, идёт, сам не знает, куда топерь идёт. Дорога всё вперёд и вперёд. И видит табун лошадей на дороге, старик йих обуцяет. Он подошол к нему.

— Здраствуй, дедушко.

— Здраствуй, Сукин сын, — и спрашивает ёго — куда пошол, Сукин сын?

— А пошол я в тридевять морей, в тридесято государьство, достать прекрасную чаревну.

— Возьми меня с собой.

— Ну, пойдём, дедушко.

— Ну, ладно, спомяни меня, так я там буду, когда понадоблюсь.

Так он пошол дальше. Вот шол, шол, шол, видит магазйн. Подходит, смотрит, стоит два целовека, а магазин с хлебом. И старику роют хлебы в рот, а он всё кричит:

— Йись хочу, йись хочу.

Он подошол к нёму:

— Здраствуй, дедушко.

— Здраствуй, Сукин сын, куда идёш?

— А вот иду в тридеветь морей, в тридесято государьство, достать прекрасную чаревну.

— Возьми меня с собой.

— Ладно, пойдём.

— Ну, спомяни меня, я там буду.

И он пошол дальше. Потом он идёт, идёт, идёт, лежит старик под семи шубами и всё крицит:

— Холодно!

Он подошол к нёму и говорит:

— Здраствуй, дедушко.

— Здраствуй, Сукин сын, куда идёш?

— Иду в тридеветь морей, в тридесято государьство, достать прекрасную чаревну.

— Возьми меня с собой.

— Ну, идём.

— Ну, ладно, вспомяни меня, я там буду.

Вот он пошол опеть дальше. Идёт, идёт, идёт и сам не знает, сколько места прошол. Вдруг видит, лежит старик у речки, и река ёму и рот течёт, а сам всё кричит:

— Пить хочу.

— Здраствуй, дедушко!

— Здраствуй, Сукин сын. Возьмеш меня с собой!

— Пойдём.

— Ну, ладно, вспомяни меня, я там буду.

Сам пошол дальше. Шол, шол, шол, смотрит — стоит садик, и в саду цветов, каких токо на свете нет. Все стоят, цветы и яблони и стоит старик.

— Здравствуй, дедушко.

— Здраствуй, Сукин сын, куда идёш?

— Иду в тридеветь морей, в тридесято чарьство, достать Елену Прекрасную.

— Возьми меня с собой.

— Пойдём.

— Ну, вспомяни меня, я там буду.

Сам пошол дальше. Смотрит, сидит старик на дороге и глядит в небо.

— Здраствуй, дедушко!

— Здраствуй, Сукин сын, куда идёш?

— А што ты, дедушко, делаеш, смотриш в небо?

— А я смотрю, щытаю звёзды и знаю, сколько йих есть, эты все мне известны. Ну а ты куда идёш?

— Я иду в тридеветь морей, в тридесято государьство, достать Елену Прекрасную.

— Ну, возьми меня с собой.

— Ну, пойдём.

— Ну, ладно, вспоминай, я там буду.

Вот он, значич, идёт, идёт, идёт и приходит в это царьство, где жила прекрасная чаревна. И доходит, конецьно, до чаря. Когда он дошол до чаря, поздоровалсе с йим чарь:

— Ну, какой ты есть молоде́ць, зачем идёш, росскажи, как тебя звать?

— Я иду по такому-то делу, звать меня, конецьно, Сукин сын, а зачем иду, тебе росскажу: хоцю на вашей дочке посвататьце, если будет возможно отдать вам.

— Почему не можно, пусть будеш моим зятем, но дело в том, што сперьва нужно исполнить мою задачу, а потом ты будеш моим зятем. Сколько в нашем городе есть хлеба, в нашем чарстви, излишки какие, все прийись за одне сутки. Если сможеш, то твоя доць, а если не можеш, то твоя голова с плеч.

Он сказал:

— Ну, только не сегодне, завтро — я согласен, пусть и так.

Сецяс, на второй же день он пошол. Привели ёго к магáзину. Там на версту хлеба. Он, конецьно, завернул одну буханоцьку и вспоминает:

— Где то у меня старицёк, што хлеба не наестсе.

Он сразу же являетце.

— Ну, што, Сукин сын?

— Да вот хлéба поись надо, помоги.

Рыли оне, рыли, не прошло и трех часов, как магáзин осталсе пуст, а старицёк не наелсе и вполовину, крыцит:

— Ись хоцю.

Открывают второй. Вот таким же путём приступили ко второму магáзину. Не прошло и двух цясов, как он опустел, а старицёк крыцит:

— Не наелсе и в половину, ись хоцю, давайте ись.

Приступают оне к третьему магáзину. И вот старицёк подошол и нацинают два цёловека рыть ёму в рот, а он глотал. И так церезь три цяса магазин уже был порóзной. Он сказал:

— Ись хоцю, ись хоцю, я только немного позакусил, еще в полвы́ти.

Тогда слуги отвецяют:

— У нас больше кормить тебя нéцем, все запасы вышли.

И старицёк скрылсе. А Сукин сын пошол к чарю и говорит:

— Ну, ваше величество, я перьвую задацю исполнил, так што всё приел, што было приказано. Топерь прошу, штобы óтдали доцерь.

— Ну, хорошо, Сукин сын, нать выполнить еще вторую задацю: вот сколько в нашей рецьки воды, тебе нать ей всю выпить. Если можеш всю выпить, ну, тогда мы отдаём тебе нашу доць.

Он сказал:

— Ну, ладно, тогда только не сёдни, это буду исполнять завтро.

Вот на другой же день указали ёму ре́ку и стали присутствовать, смотреть, как он будет ей пить. Вот он подошол к рецки и выпил ко́вшицёк и сам думает:

— Где, то у меня есть такой дедушко, которой хотел пить.

— Ну Сукин сын, я этот и есть.

— Ну, дак вот, дедушко, помоги мне выпить всю воду из рецьки.

Дедушко свалилсе под поро́г и открыл рот и эта вода полилась ёму вся в рот. И сколько он не́ пил всё крыцял:

— Пить хоцю.

Эта рецька, наконец, уж вся высохла, а он всё крыцит:

— Пить хоцю, пить хоцю.

Потом спросил:

— Ище ли где есть воды?

Тогда ёму чаредворци отвецяют:

— Вы, пожалуй, выпьете всю воду из наших запасных колодцев, и наше цярьство всё высохнет.

С эты́ма слова́мы дедушко скрылсе, а Сукин сын пошол к чарю. Когда приходит к чарю, то говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я топерь исполнил вторую задачу, можете за меня вашу доч отдать.

— Хорошо, как исполнил, Сукин сын, топерь тебе еще надо исполнить задачу, тогда только я отдам тебе доцерь.

Он отвецяет:

— Ну, какую?

— И вот как раз ты сецяс с дальней дороги идёш, тебе надо в нашей байны вымытьце. Она стоит за три версты от города и за сто сажен подойти к ней нельзя, накалёна она красно. Если в нашей байны вымоессе, тогда отдаю тебе доцерь.

Он сказал:

— Хорошо, завтро с утра могу вытти.

На утро отправляетце, а оне идут за ним смотреть, как он будет мытьце. Когда он подходит к этой байны, уж дальше итти нельзя так и пышет. Слуги остоялись, а он вспомнил про дедушка:

— О, Сукин сын, ну, што тебе?

— Дак вот, дедушко, как в этой байны вымытьце?

— Погоди, сецясь сделаем, иди за мной вслед.

Дедушко идёт наперёд, а он сзади, остальные смотрят. Подошол старичок, дунул, плюнул, всё замёрзло. Он пошол в байну, а дедушко постоял на каменке и говорит:

— Да эдакого морозу я еще сроду не видал.

А слуги стояли, смотрели на нёго. Тогда он пришол к слугам и говорит:

— Пусть цярь надо мной не смеетце, истопили такую байну, што мы замёрзли.

Слуги пошли во дворець, дедушко скрылсе, а он пошол тоже к чарю. Пришли слуги во дворець, всё обсказали, што проделал Сукин сын. Он удивилсе.

— Што такое, как я ни придумывал, всякие хитрости он всё сделал. Тогда не отдам я дочерь свою, придумаю ище.

Вот не черезь долго приходит Сукин сын и говорит:

— Ну, ваше величество, топерь я исполнил третью службу.

Топерь надо одуматьце, как отдать доць замуж. Вот он ёму и говорит:

— Ну, Сукин сын, надо исполнить еще одну службу. Вот выуци у меня неежженного коня на завтро. Выучиш — отдам тебе доцерь, а не выучиш — всё ровно он тебя убьёт.

— Ну, хорошо, завтро поеду.

Вот переспал он ночь, на завтро встаёт, а дедушко уж здесь который учил ко́ней.

— Ну, Сукин сын, идём, пора.

— Вот хорошо, дедушко, пойдём, а мне уж наверно на нём не ехать.

Вот оне пошли, дедушко и говорит:

— Ну, Сукин сын, этот конь, топерь он со́брал всю силу, это сам чарь обвернулсе конём, штобы тебя оммануть. Ты не садись, я сам сяду и уж выучу ёго, отобью всю охоту, и ты получиш чаревну, но помни, што тебе ище будет два случа́я дорогой, когда с ней поедеш. Ну ты, Сукин сын, топерь оставайсе, а я под видом тебя пойду и вернусь обратно.

Так Сукин сын осталсе, а дедушко под видом Сукина сына пошол к чарьскому дворцю. Когда он подошол к коню, конь заорал, што бешеной. Дедушко, несмотря на это залез на него, взял жолезный прут и начал ёго стегать между ушей. И он поднялсе на воздух. Этот прут он весь выломал. Вынимает медной, и давай тем стегать. Конь стал всё тише и тише и спустилсе на землю, сбавил ходу. И этот медной прут он весь избил. Конь пошол совсем тихо. Он тогда вытягивает оловянной прут и тем пошол. Этот прут не гнётце, не ломитце. Вокруг кажного сустава оввиаветце и кажной костоцьке доставаетце. Вот когда он этым прутом избил, то конь змолилсе:

— Ну, Сукин сын, отпусти меня живого, поедем обратно во дворець.

Вот старик приходит к Сукину сыну и говорит:

— Ну, Сукин сын, иди теперь во дворець, я у него всё отбил, што он знал волшебства. Топерь он отдаст тебе доч.

И вот Сукин сын пошол к чарю. Приходит к нёму, а он лежит на диване, весь избитой и в повязке. Начинает ёму объяснятьце.

— Ну, дак вот, ваше величество, топерь отдаш ты мне дочерь замуж?

— Отдам. Приходи завтро, устрою бал, жоню тебя и поежжай домой.

Вот он сецяс же пришол, конецьно, домой и на второй день приходит во дворець. У чаря уже было всё собрано к свадьбы. Он жонилсе. Прошло два дня дали ёму хорошую лошадь, дорогую, он поехал с Еленой Прекрасной, чаревной. А эта чаревна очень была волшебниця и стала спрашивать:

— Ну, Сукин сын, скажи мне топерь всю правду, не утай от меня нисколько.

— Ну, в чём, прекрасная чаревна, буду говорить.

— Вот, в чём: для себя ли ты лично меня везёш или для этого волшебного старика.

— Для себя.

— Вреш, Сукин сын, наверно, ты меня омманываеш!

Как раз подьежжают к этому саду, где яблони, цветы стояли. И она сецяс у этого саду обвернулась цветком. Осталсе Сукин сын один. Он кряду же спомнил про этого старичка, подьехал с нёму, и он спрашивает:

— Ну, што, Сукин сын, достал Елену Прекрасную?

— Достал, да вот она улетела к тебе в сад, наверно, обвернулась цветком или росцвела яблоней.

— Сецяс, Сукин сын, узнаем.

Пошол в сад, и видит, што одна росцвела яблоня свежима цветами.

— Наверно она!

Потому што он все цветы знал. Сецяс старичок приходит к этой яблони, вырвал ей с корнем, обратил в Елену Прекрасную и говорит:

— Ну, на́, Сукин сын, больше она в этот сад не зайдёт.

И он поехал дальше, поблагодарил этого дедушка. Вот опеть они едут дорогой. Она и спрашивает:

— Скажи мне, Сукин сын, токо не ври, ты, наверно, везёш меня к этому старику волшебному, ведь он очень старой, я всё ровно с ним жить не буду.

— Нет, я везу для себя.

Вот она сделала еще один попыток, може што-нибудь и выйдет. Сецяс оввернулась звездой и улетела в небо. Он и думает:

— Ну, што мне делать? Я опеть остался ни с чем.

Потом спомнил этого старика. Дедушко лежал на дороги и смотрел в небо.

— Ну, што, Сукин сын, как дело, достал прекрасную чаревну?

— Достал, но она у меня улетела звездой в небо.

— Погоди до вечера, достану я её, потому што я все звёзды знаю.

Вот дожда́лись оне до вечера. Как звёзды только засветились, дедушко и говорит:

— А-а, вот она где сидит!

Сецяс взвилсе каким-то чорным духом и полетел в небо. Дедушко спускаетце и привёл ёму прекрасную чаревну.

— Ну, Сукин сын, нá тебе прекрасную чаревну, больше она от тебя никуда не улетит.

Так попрощались и поехали дальше. И вот опеть едут дорогой, она и говорит:

— Ну, топерь ты откройсе, скажи мне чистую правду, всё ровно, хош ты и скрываеш, ну я знаю.

Вот он тогда уже стал говорить:

— Ну, слушай, прекрасная чаревна, я тебя веду, конецьно, не для себя, а для волшебного старика, он меня освободит.

— Вот то-то и дело, што он тебя не освободит, а убьёт. Ну, я тебе помогу и будем жить вместе. Ты достал меня, тебе мной и владать. Дак слушай, Сукин сын, когда ты поехал оттуда, осталсе ли у тебя конь?

— Осталсе, только он мне нé дал.

— Ну, слушай: он тебе приготовил яму, и в этой ямы гады и вские страсти. А яма прикрыта полотном и на ней вал. И вот он велит тебе черезь этот вал пройти. А уж он знает, што ты меня достал. И вот этот вал, когда ты пойдёш, он спросит: „Гулял ли ты с моей жоной доро́гой? Если не гулял, то пройдёш, а если гулял, то не пройдёш“. А у этого валý есть такое колесо, он повернёт и ты полетиш. А ты ёму скажи на ответ так: „Слушай, дедушко, вот я не верю, што ты не ездил на моей ло́шади. Если не езьдил, то, конецьно, пройдёш, а если ездил, то не пройдёш“. И пусть он наперёд идёт. Когда он пойдёт черезь этот вал, ты остановись. И когда он на середину придёт, ты поверни это колесо, он там слетит, а потом уже дело будет наше.

И вот он скоро времё приежжает к этому волшебнику, старику. Он и заговорил:

— Ну, Сукин сын, ты исполнил мою задачу, нужно тебя испытать.

И сразу же с дороги повёл он к этой ямы ёго, где было приготовлено. Когда приходит к ямы, он и говорит:

— Ну, слушай, Сукин сын, во времё дороги ты, наверно, гулял с моей жоной?

— Нет, не гулял.

— Ну, вот, надо тебя испытать. Если только гулял, то не пройдёш по этому валу, а если не гулял, то пройдёш.

Он и говорит:

— Слушай, дедушко, я тоже не верю, когда оставил своёго коня. Ты должо́н был ёго хранить и кормить, ни за што не поверю, наверно ты ездил на нём.

— Нет, не ездил.

— Ну, если не ездил, так пройдёш по этому валу. Кто же может поверить, што ты не ездил, вот ты выпытываеш, и я не верю, пройди сначала ты.

Старик тогда смекнул.

— Конецьно, он не знает моей хитрости, конецьно, я-то пройду.

И пошол. А Сукин сын побежал к другому концю и смотрит, стоит. И вот токо этот старик дошол до середины, Сукин сын повернул колесо, тот полетел в яму и сгорел. Тогда берёт ёго прекрасная чаревна за́ руки и ведёт ёго в полаты этого старика. Вот оне пережили одне сутки, он и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, я пойду розыскивать евонну старуху, которая была конём, ее тоже надо уницьтожить вместе со стариком.

И вот он пошол искать по конюшням эту старуху. Нашол у одних яслей. Спокойно выводит ей оттуда, повёл к ямы и толкнул туда. И она тоже сгорела вместе со стариком. Так он уничтозыл всё ихно семейство: сыновей, отцей, матерей и жон. Тогда он спросил прекрасную чаревну:

— Слушай, жалаеш ли ты жить в этом мести или хочеш поехать куда-нибудь со мной в другое место?

— Да не плохо бы уехать! Почему? Потому што здесь такое заколдованое место, што может што-нибудь случитце. А мы возьмём ченности с собой и уедем, если у тебя есть какое-нибудь место.

— Ну, прекрасная чаревна, тогда поедем со мной в моё чарьство, где я родилсе.

Вот оне забра́ли ченности, какие йим были только нужно, сели на лошадь и поехали. Вот в скором времени оне приеж-

жают в то чарьство, где он родилсе. Увидали ёго братья и отець. Стретили ёго и узнали, што едет Сукин сын уже жонатой. Как узнал чарь, очень обрадел, што вернулсе Сукин сын обратно, устроил богатой пир. Этот пир продолжалсе три дня, и все братья участвовали. Он всё обсказал на пиру́, где он был, как братья уехали. Чарь подарил ёму каменной дворець, штобы ёму жить с жоной. И так стали жизь проводить до глубокой старости.

14. ИВАН МЕДВЕДЁВИЦЬ

Вот не́ в котором чарстви, не́ в котором государстви жил был поп с жоной (уж попы мало хо́лосты бывают только когда жона умирает, дак тогда). Вот он имел огородницество так не особенно близко от дому. Там садил картошку и други там овощи.

И вот матушка пошла в одно прекрасно времё обирать овощи. Было дело ввецеру́ осенью, батюшку было как-то не слободно. И вдруг пробегает медведь мимо да схватил эту матушку и утащил ей к себе в домик, знаеш, где жил, в пещёру. Вот он там ей дёржит, не спускает. Дёржит вместо своей жоны, кормит там ей, што она жалает, токо не спускает никуды. И вот он, знаеш, продержал ей два года и она уж сделалась от него беременна.

А батюшко уж поздно пришол домой — поискал, поискал тогда матушку и не мог найти, так и отступилсе, только всего тут и есть.

Вот она, знаеш, попадья, приносит сына. Дали ёму имя Иван Медведёвиць, уж раз от медведя родилсе, дак! И вот этот парень церезь три года вырос уж большой и сделалсе оцень си́льнёй. Но мать этого не знала, што он такой си́льнёй. И вот оннажды спрашивает у матери:

— Мама, а поцему же мы всё живём этта в земли и людей никого не видим, а ведь люди-то есть тут недалёко.

Он слышит, как собаки лают и люди иногда переговариваютце. А медьведя в это времё не́ было дома.

— Ой ты, дитятко, ведь я уж здесь живу пять лет, уж ты родилсе, дак тому времени прошло три года, как он меня притащил. А я ведь попа жона раньше была.

— А што, мама, пойдём проць, што мы этта будем жить. Там люди есть, дак с людьми-то ведь веселее жить.

— Нет, дитё, я не смею итти, ведь он как с нами стретитце, заест нас, тебе с йим не справитьце, ведь ты ище мо́лод.

Но он хоть был мо́лод, росту он был порядоцьного.

— Пойдём, мама, я не боюсь его.

Только оне вышли, вдруг медведь летит йим настрецю. И вот подбегает и крыцит:

— Я вас, таки́-сяки́, разве вам можно выходить из дому?

Вот сровнялсе с йима́, хоцет только броситьце на йих, а сын как возьмёт ёго за за́дни ноги, дак как об леси́ну ударит и кряду всё мясо розлетелось, осталась у ёго в руках одна шкура. Кряду медведь этот погиб.

— Топерь, мама, куда? Я думаю, пойдём в город, всё ровно не зацем итти нам в наше село.

И вот оне пошли в город. А он захватил шкуру с собой.

— Мы её продаём на перьвой слуця́й.

И вот оне идут. Приходят в город и остановились на краю города у одной вдовки. Она йих спустила пожить. На второй же день он и говорит матери:

— Ну, мама, я пойду продам эту шкуру, хотя бы нам цёго-нибудь дают за ней.

И вот он приходит в город на базар.

— Где там продают шкуры?

Ёму указали. Ну, он стано́витце в оцередь, как полагаетце и когда подошла оцередь, он нацинает скупщикам ей продавать. Ну и спрашивают:

— Ну, што, молоде́ц, продаш шкуру?

— Продаю.

— А поцему она у тебя круглая, а не снята как надо?

Он и говорит:

— Да у меня не было ни ножа, ни топора, снимать мне было некогда. Я шол с матерью с дому и напал на нас медведь. И вот он нас хотел поись, а я схватил ёго за ноги и ударил об лесину и у ёго вывалилось всё мясо. Если хотите берите за каку хош цену.

Скупщик и говорит один:

— Сколько тебе за эту шкуру?

— Сколько даёш, столько и ладно.

— Ну што, я тебе сто рублей даю, довольнё будет?

— Ну, ладно, — говорит, — довольнё.

Потом купець отдаёт деньги и говорит:

— Ну, — ты здоровой парень, коли ты убил медведя руками, ты можеш хорошие деньги заработать у чаря. А чарю таких людей надо.

И он полуцил деньги и пошол к матери домой. Он отдал матери деньги и говорит:

— Поди, купи себе цёго нибудь для еды, а я пойду в город, посмотрю.

Взял там себе несколько рублей и пошол. Мать сходила, конешно, накупила всёго. А он пошол ницёго не купил, да и денег у ёго было, признатьце, мало. Пришол домой. И вот после этого пошла по городу великая молва. Этот купець россказал, как этот парень убил медведя без всякого ножа и топора. И дошла эта весть до чаря. Чарь даёт такой приказ: „Отыскать этого молодого цёловека, не пожалат ли он притти ко мне и я ёго спрошу хто от такой есть“. И вот дали по городу розыски, бегали цярские слуги, розыскивали этого молодця. Обошли все дома и, наконец, пришли уже в самой последний дом, где стоял на краю. Да, когда оне пришли в последний дом, то видят старушку и женщину и молодого цёловека. Когда оне зашли, то и стали спрашивать у молодого цёловека:

— Скажите, какую вы имеете у себя силу и как вас звать?

— Меня зовут? Простое имё: Иван Медведёвиць.

— Да, дак вот скажи какую ты имееш силу?

— Да не знаю, какая у меня сила. Вот только раз шли мы с матерью из дому в город и попал нам стрету медведь, дак я взял ёго за зáдни ноги, да ударил ёго об лесúну и из шкуры вылезло всё мясо, а шкуру я продал на базари за сто рублей.

Тогда слуги ёму сказали:

— Дак вот, Иван Медведёвиць, чарь просил, штобы ты к ёму зашол, он хочет тебя повидать. И мы ходим тебя ищем.

— Ну, ладно, идите, а я приду: раз просит, надо сходить к нёму.

И так слуги ушли, а он осталсе дома с матерью и с этой баушкой. Вот оне ушли, а мать ёму и говорит:

— Вот, сынок, ты убил медведя, дак наделал топерь дела, ище чарь может тебя арестовать, как пойдёш к нему.

А он ей ответил:

— Да брось ты, мать, ни об цём думать. За што он меня арестует, ведь я убил медведя, дак сам себя сохранил да тебя. Зацем он пошол на нас.

И так с этимá словами пошол к чарю.

Вот, конешно, когда он приходит к цярьскому дворцю, то ёго наперёд стретили слуги.

— Скажи, молодéць, хто ты есть такой?

— Я есть Иван Медведёвич, как меня требовал чарь, так я и иду.

То оне взяли ёго за руки и представили к чарю. Когда он токо пришол к чарю, то и говорит чарю.

— Здраствуйте, ваше величество.

— Здраствуй, Иван Медьведёвич. Ну, и садись со мной.

Усадил ёго за стол, принёс водочки, закусочки и стал ёго угощать. И вот угостил, конешно, ёго и стал спрашивать:

— Ну, скажи, Иван Медведёвич, какую ты в себе силу имееш, я слышал, што ты большую в себе силу имееш и может не пожалаеш ли быть у нас в чарстви нашей охраной, у нас нет никого.

Он и говорит:

22*

— Ваше величество, я не знаю в себе, какая у меня сила, потому што мне не случалось еще ей пользовать, токо случаем построцялсе с медведем, ну, я ёго и убил, а шкура была продана на базари, можот вы и слыхали про этот случай.

— Слушай, Иван Медведёвиць, ты имееш огромную силу, как ты медведя убил, ударил о лесину и даже вылезло мясо. И я бы тебя попросил остатьце в нашем чарстви. Я тебя произведу на большое дело.

— Хорошо, ваше величество, я жалаю, но дело в том, я цёловек неграмотен, вырос в лесу, а послужить, правда, можно.

— Об этом ты, Иван Медведёвиць, не печалуйсе, об грамоты, мы тебя произведём в грамоту, токо ты изьяви своё жаланье, што будеш.

— Ну, я сказал, што буду, знацит буду.

Сецяс же отдали ёго в грамоту, он уж через месець быстро понял как писать, так и читать. Топерь говорит:

— Ну, кого у тебя есть из родных сецяс, — спрашивает опеть чарь.

— У меня есь токо одна мать.

Пока он училсе, то всё времё у матери не бывал, а когда отучилсе, то чарь ёго спросил.

— Ну, приведи свою матерь, я тебе отведу особую комнату, будете жить.

Тогда он пошол, конешно, к матери, обсказал, как он был у чаря, как обучалсе и сказал:

— Ну, пойдём, мама, топерь к чарю, тамотка будем жить.

Поблагодарил эту баушку, дал ей денег и так ушли. Приходят, конешно, к чарю, там уж отвели йим комнату наготово И так оне стали жить, а он продолжает своё ученье вперёд. А уж о пищи говорить, конешно, не будем, всё готово. Вот когда вызывает опеть ёго чярь:

— Вот Иван Медведёвич, знаеш што, у нас есть великое дело. Приступает на меня одинадцеть богатырей и я отбиваюсь от них всё как попало. Есть высокая гора и на этой горы есть палиця, которую эту палицю достают богатыри,

штобы победить всё наше чарьство. Вот ты сходи к этим богатырям, поинтересуйсе, ты еще мо́лод, оны тебя как за юношу примут. Вот было бы хорошо, если бы ты эту па́лицю сорва́л, да и убил всех богатырей. А я тебя прославлю на всё чарьство и сделаю своим наследником. Вот токо дочери нет у меня, а то бы я тебя жонил на ней и жили бы у нас в чарстви.

Он сказал:

— Хорошо, испытаю, если сумею, то может быть сделаю ваше величество, схожу.

И на второй же день кряду, ничего не говоря с матерью, пошол. И приходит к этой он горы. Когда он приходит в этую гору, вылезает кверьху и смотрит, одинадцеть богатырей стоит и он подходит к ним, поздоровалсе.

— Здраствуйте, молодци́, што вы тут роботаете? — спросил у них.

А оне ёму отвецяют:

— Здорово, молоде́ць, ты ище мо́лод, а зачем ты пришол?

— Да вот узнать, што вы здесь делаете, да помоч вам.

— Это хорошо. А вот ты еще молод, если бы узнал, што мы делаем, да помог нам, это бы хорошо.

— А я не знаю, што вы тут достаите́, может я вам бы и помог.

— Да вот, а ты откуль идёш, какого ты города и как тебя звать? Пойдёш ли ты с намы вместе покорить это чарьство? — спросили ёго.

Он и говорит:

— Я недавно сюда прибывши, так што и не знаю, хто здесь чари́т, я всё ровно для всех одинаково могу с вамы итти.

И вот оне сказали:

— Ну, ладно, коли так, то пойдём с намы вместе, мы тебе покажем, што доставать. А когда ты достанеш, то передай нам.

— Ладно.

Вот они приводят ёго к этому месту, где прикована была эта па́лиця и нацинают по одиночке ей рвать, все эти бога-

тыри. И все оне перепробовали, достать ей не могут. Токо качаетце она, а достать не могут. Он и говорит йим:

— Вы достаёте поодиночке; вы так, возьмите цёловек пять, может и вырьвите.

Они взя́лись пять цёловек, покачали, всё ровно не идёт, схватились шестеро — всё ровно не идет.

— Ну, а уж топерь тебе Иван Медведёвиць, попробуй-ко ты, может што и выйдет.

— Ну, давайте и я спробую.

Вот он берёт эту, конешно, па́лицю, как раз вернёт, то она затрещала, как другой вернёт, то и выхватил. Они в до-ло́шки заплескали:

— Ну власть наша будет, молоде́ць, Иван Медведёвиць!

Вот и говорит старшой из богатырей:

— Ну, Иван Медведёвиць, дай мне эту па́лицю и пойдём в город, мы топерь покорим этот город, больше с нами нихто воевать не будет. И ты будеш хоть не самым старшим, а возле меня богатырем.

И он ничего не говоря как вернёт в одну сторону эту па́лицю, так сразу четырёх поло́жил. Как вернёт в другу раз в горячке, и еще четырёх поло́жил, смотрит, осталось только два. Он и этых уложил, а одинаддцетой богатырь скрылсе, он и не узнал в этой горячке, пока махал, самой старшой скрылсе. Он и не знал куда. Хорошо. Ну, топерь он стал спускатьце с горы́, к этому чарю попадает и думает:

— Ну, топерь у меня охрана хорошая эта па́лиця.

Ёму она еще показалась лёхкая. Вот он приходит, конешно, к чарю, заходит прямо во дворець и заходит к нёму с этой па́лицей. Действительно она была такая не лёхкая и сам не лёгок, што все комнаты задрожали. Когда пришол он к чарю, чарь оцень обрадел, и он сказал:

— Вот, ваше велицество, я принёс эту палицю, которую ты жалал достать и уничтожыл этых богатырей.

Тогда он ёму и говорит:

— Ну молоде́ць, Иван Медведёвиць. Ты сделал нам такую службу, для нащего чарьства, топерь мы сидим крепкие, и я предло́жу тебя наследником иметь, если тебе это будет

угодно и наделю тебя полчарьством. Ты мне сослужил великое дело, хотя за малое времё, но сделал очень хорошо.

Топерь этот богатырь, которой скрылсе и стал подхаживать к ёго матери, и этого всёго не знал Иван Медведёвиць. И оне с ним стали жить. Вот, конешно, он это ходил к матери и ничего не знает, а богатырь этот ей советует:

— Слушай, сделайсе больнёй, когда придёт сын твой, а я потом ёму придумаю и ёго уницьтожу, а уж потом дело будет наше с тобой. Да, когда ты будеш больна, он придёт к тебе и спросит: „Чего ты, мать, болееш?" А ты ёму скажи: „Вот, сынок, как я заболела, видела во сни, што есть озеро и кабы ты привёз мне с этого озера воды и я попила бы воды и поправилась". Ну, отцюда оно не близко, так может быть вёрст двести. И вот в этом озери живёт водяной чарь и он на петьдесят вёрст волоцит в это озеро людей, так што нихто мимо граници проехать не может, так што ёго затянет и потопит. А он поедет, послужит тебе.

Топерь так. А Иван Медведёвиць в это времё был у чаря и говорит:

— Ваше величество, вот всё бы хорошо мне было жить в ващем чарстви, но одно есть неладно.

— А што такое, Иван Медведёвич, скажи, может можно будет поправить это дело. Если возможно, скажи, я всё для тебя сделаю.

Он отвецяет ёму:

— Я жалаю себе такого коня, которой бы мог меня нести, у вас наверно в чарстви ёго еще не найдётце.

— Слушай, Иван Медведёвич, дак ведь может и есть, у нас в чарстви ведь кóней много, я тебе сецяс дам приказ, поди по конюшням, кóней много, может и выбереш.

И сецяс пишет конюхáм приказ, „што вывести всех кóней на показ Ивану Медведёвицю". И вот он идёт к конюшни, подаёт конюхáм приказ, оне вывели полной двор лошадей.

— Ну, Иван Медведёвиць выбирай любого, у нас оприч этых в чарстви больше нет никаких.

И вот Иван Медведёвич начáл ходить. На какую токо не накинет руку, она садилась на колени. И сказал:

— Ну нет, в этом чарстви мне нет лошади, я пойду искать себе лошадь.

И так вышел из чарьства и пошол искать. И вот он идёт, идёт, идёт дорогою, видит стоит избушка.

— Заворочу в эту избушку, посоветуюсь, хто там живёт.

А тут жила одна волшебниця в этой избушки. Вот он пришол в избушку, видит сидит старушка.

— Здраствуй, баушка, быть ты хоть моей тётушкой, потому што у меня роду никакого нет, только одна мать.

— Здраствуй, Иван Медведѐвиць, хорошо что ты ко мне пришол, я тебя уж давно жду и знаю зачем ты ко мне пришол.

Баушке это слово очень понравилось, как он обозвал ей тётушкой.

— Дак вот садись, сынок, я тебе буду говорить.

Вот он сел, конешно, за стол, баушка начинает ёго спрашивать и кормить ёго.

— Дак вот, баушка, я пришол по какому делу: выручи меня или помоги или росскажи, што я буду у тебя спрашивать.

— Ну, говори, говори, сынок, я знаю зачем ты пришол.

— Дак вот я пришол, тётушка, чего,— как нет у меня коня́, где бы мне достать. Есть доста́та у меня палиця, она боле или мене хоро́ша, ну, а коня не достал, нету в чарстви коня.

— Да, Иван Медведѐвиць, из-за этой па́лици ты сецяс много потерпиш страданья, да и жив не будеш. А я тебе даю коня. Ну, слушай меня, я тебе росскажу всё. Коня ты скоро достанеш, поди на улицю и скричи: „Сивко бурко — вѐшной Воронко́, стань передо мной, как лист перед травой“. Он тебе покажетце, ну ты ёго сецяс не бери, а как он тебе понадобитце, ты токо спомяни, он тебе и будет. А потом приди ко мне в избу.

И вот он вышел из избы и закричал:

— Ну-ко, Сивко Бурко — вѐшной Воронко́, евись передо мной, как лист перед травой.

Вдруг бежит конь, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламё пашет. Прибежал, стал перед ним, как вкопаной.

— Ну, Иван Медведёвиць, говори, какая тебе служба, я всегда готов, токо спомяни и всем тебе помогу; токо сам не ошибайсе.

— Ну, ладно, пойди, Бу́рушко, пока не нужно.

И конь скрылсе. И он приходит опеть к тётушке в избушку. Приходит он к тётушке в избушку, она и говорит:

— Ну, увидал коня?

— Увидал.

— Ну, вот, топерь он будет служить верой и правдой. А топерь садись, я тебе еще росскажу, так всё ровно тебе живому не быть. Когда ты достал эту па́лицю и убил десеть богатырей, то одинадцетой скрылсе и спознался с твоей матерью, и живёт топерь. И этот богатырь придумал тебе службу, исполнять топерь и пойдёш. Есть отсюда за двести вёрст озеро и там живёт водяной и он таскает людей в озеро, всё ровно, хто бы ни поехал, богатырь или хто. И ты пойдеш и токо смотри, што тебе будет конь говорить, всё исполняй, хотя тебе будет и трудно. Токо бери па́лицю с собой. И вот когда ты приедеш обратно, — это простоё дело воды взять, — ты привезеш воды, конешно, и оне тебя будут поить вином. Подпоят порядошно и будут спрашивать — „Скажи, сынок, где у тебя душа? Как тебя нельзя убить, то у тебя и души нет. А ты ей ответь: „А у меня душа в голике́“. И поди проць. Конешно, оне этот голи́к сожгут, тут ничего не найдут. А я тебе скажу, где твоя душа, не токо душа, а смерть твоя где-ка. И вот потом дальше, ты второй раз поедеш, где есть трёглавой змей. И в этом саду есть безрогой цёрт и так орёт, што на лошади́ не усидетьце. А про это тебе конь скажет, што там надо делать и тебе придётце всех молодцёв привезти в чарьство. Когда ты исполниш вторую заповедь, она опеть тебя будет вином поить и спросит: „Скажи, сынок, где твоя душа“. Ты ей скажи: „у меня душа у коня в хвосте“. Он пойдёт, кликнет твоёго́ коня, он придёт, ну не достанет хвоста, сорвёт может одну волосинку, сожгёт ее, но ты останессе жив. И так, когда ты третий раз поедеш, ты наткнёссе на одну избушку, там есть три змея и там есть чарьская дочь увезёна, токо не из этого чарьства. Вот ты с ней

познакомиссе, когда убьёш змея этого и возьмеш за себя замуж. Уж она третий раз будет тебя поить. Оцень напоит и ты уж ей наверно скажеш. А душа у тебя вот где: на груди есть пуговка, и в этой пуговки твоя душа. Если ты ей скажеш, она отрежет пуговку и убьёт тебя. Помни всё это, сынок, больше ты ко мне не приедеш, рази прибежит конь твой.

И с этымá словами он пошол в чарьство, роспростилсе с баушкой и оцень поблагодарил ей за всё сказанное. И пришол к матери.

Когда он пришол к своей матери, то она лежит больная. Вот она и говорит ёму:

— Што же ты, сынок, долго меня не посещаш, а я уж совсем больная.

— Што с тобой, мама, скажи мне, ведь докторов много, может и пособя́т. А уж я так замедлилсе, ходил искать себе коня, да не нашол.

Вот она и говорит:

— Да уж лецилась, сынок, все ходили доктора, да никак болезни не могут признать. А я как раз сёдне видела во сне. И вот есть отцюда за двести вёрст озеро, и с этого озера как бы ты принёс мне воды, да я попила да умылась бы, так и поправилась.

— Ну ладно, мать, коли так, то я сьежжу, может и поправиссе.

И так пошол, заворачивает к чарю. Он принял ёго и спрашивает:

— Ну, как, Иван Медведёвиць, нашол себе лошадь в нашем чарстви?

— Нет, ваше величество, не нашол я в вашем чарстви, ну хотя не в вашем, а нашол себе лошадь, котора может меня нести. Затем меня долго и не было, а топерь поеду кататьце на лошади́, узнаю местность, а потом приеду. Сецяс беру пáлицю и поеду.

— Поеждай, Иван Медведёвиць, куда хош, токо не езди заграничу, за ту, где есть озеро, штобы тебя не утопил водяной чарь, я́ про это слыхал.

— Нет, ваше величество, я туда не поеду.

Роспростилсе с ним, взял пáлицю и пошол из города. Когда вышел из города, скрыкнул своёгó коня. Конь бежит, земля дрожит, из ушей пыль столбом, из ноздрей пламё пышет. Сровнялсе с ним, стал, конешно. Он берёт пáлицю и одел латы богатырския, садитце на нёго и поехали. И вот оне очень скоро проехали эту границю, и их потянул этот чарь водяной в озеро. Вот ёму и говорит конь.

— Ну, Иван Медведёвиць, хватайсе за лесúну, я больше держатьце не могу, ты еще лёгок.

Да, он захватал лесúну под пáзухи, та с корнем и поволоклась.

— Ухватись за вторую!

Он и вторую, а водяной всё тащит. Уж и озеро близко. Конь ёму и говорит:

— Ну, Иван Медведёвич, если можеш ухватитьце за последний дуб, што у воды стоит, то останемсе, если нет, то утопит нас обоих.

И вот подьежжат он к этому дубу, зачепилсе, водяной уж больше тащить не может, ушол в воду. А он стоит у этого озера дожидает, што будет дальше. И приходит водяной в своё чарьство и говорит:

— Ну, сын, поди спроси, какой такой приехал, я до озера дотащил, весть перепотел, а стащить не могу. Поди, спроси, какой такой приехал и што ёму нужно. Я уж заплачу ёму дань, коли ко мне приехал. Такой тяжолый был тащить. Нá, неси ёму мешок золота, может он так уедет.

Вот сын приходит, несёт мешок с золотом. Пришол и говорит:

— Хто ты есть такой, молодéць, чего тебе нужно. Вот тебе отець послал мешок золота, уж так сам устал, не пришол.

А он отвецяет ёму:

— Оставь тут мешок и поди скажи отцю, што если он не придёт сам, то я всё ваше озеро перемучý и всех вас чертей переколочу и всё ваше чарьство розорю.

Пришол сын, россказал отцю. Отець очень испугалсе.

— Порядошной же он был тяжолой, наверно нам будет худо. Пойти к нему.

Взял еще два мешка, думал откупитьце. Когда он не пришол еще, а ёму конь заране сказал:

— Вот слушай, Иван Медведёвич, как только увидаш ёго и он тебе даст золото, ты скажи: „Оставь тут золото“, сам ударь ёго пáлицей, скоци на нёго и поеждай в чарьство, а я за тобой. А там мы ёго закуём, он от нас никуда не уйдёт. А я захвачу это золото с собой и привезу. Когда выходит водяной с двумя мешкамы и говорит:

— Ну, што тебе надо, молодéць, я тебе еще золота принёс, довольно ли тебе будет этого? И поеждай домой.

Вот он ёму и говорит:

— Слушай, водяной чарь, ты меня должон отвести сецяс в чарьство и с золотом, а оттуда я отпущу тебя обратно. А если токо ты не сделаеш, што я сказал, то с тобой тó будет, што я розорю вас всех.

Тогда сказал:

— Ну ладно, коли так, то я тебя отвезу.

И скоцил на нёго и поехали, а конь подобрал золото и за ними. И как бежит по лéсу, так весь лес клóнит, а он ёго ударяет изредка пáлицей слехка. Когда прибегает в чарьство само, тогда ударил так водяного пáлицей крепко, што тот упал, заковал сецяс в чепи и сказал:

— Ну, слушай, если ты заорёш или людей будеш пугать, то я всё ровно тебя убью, а пока побуть этта.

Потом отпустил своёго коня.

— Ну пойди, доброй кóньчик, гуляй, пока не понадобиссе.

Сам захватил золото и пошол к чарю. Приносит золото и говорит:

— Вот, ваше величество, водяной чарь дал мне три мешка золота выкупа, штобы я ёго не убил.

Чарь удивилсе:

— Неужели ты, Иван Медведёвич, был у водяного?

— А вот пойдём, я ёго даже сюда привёз, если не верите, на нём приехал. И пойдёмте, я вам покажу ёго, и не бойтесь ничего.

И вот этот чарь, конешно, с удивлением выслушал ёго и сóбрал всех своих бояр и пошли смотреть на то место,

где прикован был водяной чарь. Когда оне пришли, все люди боялись и дивились на нёго. Такого чуда еще не видали, слышали, што волóчет людей, но не видали. А он ходил совсем близко от нёго, гладил и говорил:

— Если ты кого-нибудь укусиш или закрычиш, то смотри, тебе што сказано!

Конешно, водяной чарь говорит:

— Нет я, Иван Медведёвиць, ницёго не сделаю, жду от тебя токо пощады.

— Ну вот, это всё вытерпиш и получиш пощаду.

И все люди ходили, интересовались, смотрели на нёго. И узнал этот богатырь, што он приехал на водяном чаре. Топерь он говорит ёго матери:

— Топерь ёго инáце никак не убьёш, когда он принесёт тебе воду, ты попьёш и скажи: „Нет, я на это не справилась, а топерь я тебя угощу водочкой". А когда будеш поить водкой, и скажи: „Тебе наверно нет смерти, раз тебя не убил водяной чарь". Он тебе скажет, где у него смерть.

Ну вот, топерь он походит к матери, и несёт эту воду.

— Ну вот, мама, я исполнил твою службу, принёс воду.

Она попилá и говорит:

— Ну вот, сынок, как ты исполнил мою службу, я тебя угощу водочкой.

Приносит челыми вёдрами, штобы напоить ёго пьяным. И вот она начинает ёго вином поить. Он пьёт-пьёт и ничего не пьянеет и думает:

— Надо немного притворитьце, будто пьяной.

Вот она и говорит:

— Слушай, сынок, вот ты пригнал такого водяного, которой людей волочúл, у тебя уж нет, наверно, души. Скажи, где у тебя душа хранитце или смерть твоя.

— А што тебе, мать, моя смерть нужна, на што тебе она?

— Да нет, просто так, сынок, я спросила, просто интересно знать.

— Да коли хочеш знать, вот тут голúк, которым пáшут избу, вот тут она, смерть моя.

Она и обрадела.

— Ну ладно, сынок, всё ровно, где бы она не была, а всё ровно смерть бывает.

Он ушол. Ушол, приходит к чарю, опеть проводит времё, пока у нёго есть пустое. Приходит богатырь:

— Ну, как, сказал?

— Сказал.

— А очень пьяной был?

— Нет, много он вина несёт.

— Ну, как такой богатырь, много ёго и поить надо. Ну, где ёго смерть, сказал?

— Сказать-то он сказал: пустое, смерть у нас близко, вот тут под порогом. Возьми, зажги голи́к, он и умрёт.

Вот оне обрадели, взяли этот голи́к, и броси́ли в пець. Ну што ж? Сгорел голи́к, а он и живой. Узнали, што он живой, ходит, знацит не подействовало, омманул.

Тогда придумал другую штуку, уж попадётце.

— Слушай, притворись опеть больной, он скоро придёт. Вот отсюда, конешно, далёко места будет, есть сад, и в этом саду есть живая и мёртвая вода. И живёт в этом саду лёв-зверь у безрогого цёрта, а сам безрогой цёрт прикован к стенки и так орёт, што люди падают со страху. И вот вели принести ёму оттуда ростения, а живой и мёртвой воды нам не надо. И вот когда он туда приедет, лёв-зверь уж, конешно, ёго там задавит. Ну, ладно. Ты притворись больная и скажи: „што вот мне из этого саду нужно ростения“. А уж если он достанет, то тогда опеть пой ёго пьяным, он скажет где ёго смерть, а ина́це ницёго́ не выйдет.

Вот прошло несколько поры, он опеть приходит к матери, мать лежит.

— Што с тобой, мама?

— Ой, сынок, сынок, занемогла, колько чем не лёчилась, не могу поправитьце, кабы ты, дитё, исполнил мой сон! Есть сад, отцюда, конешно, не близко, и вот в этом саду́ есть ростения, коли бы мне йих покушать, я бы поправилась.

— Ну, ладно, мать, для тебя я это сделаю.

И вот он вышел из избушки, приходит к чарю.

— Ну, што, Иван Медведёвиць, што знаеш новенького, што такой кручинной?

— Да так, ваше величество, ничего; хочу поехать, розгонить свою печаль.

— Ну, што-ж, поезжай, токо совсем от меня не уезжай, это чарьство твоё будет, как я и посулил тебе.

Ну вот, он, конешно, вышел из города, берет свою палицю, и закрычал:

— Ну, Сивко-Бурко!

Конь прибежал.

— Ну, што, Иван Медведёвиць, куда поедем?

— Да вот, поедем в такоё-то место.

— Эх, Иван Медведёвиць, плохо нам будет, ну ладно. В дороге будет нам еще трёхглавой змей, с этым ты лехко справиссе, садись на меня.

Вот он сел на нёго, конешно, поехали. Ехали, ехали, ехали, до того доехали: — доехали к трём дорогам. Там было написано: „Живому не быть, проезду нету".

— Ну, поедем сюда!

Поехали. И вот видит здалека стоит серебренн ой домицёк красивой до цего, блестит на весь свет. Конь и говорит:

— Вот здесь живёт змей.

Токо сказал, змей и вылетел.

— Топерь с ним росправляйсе!

И вдруг он как палицей махнёт, так у нёго две головы отлетело, махнёт другой и та отлетела. Вот убил ёго всего, заходит в домик. Смотрит сидит какая-то красавиця, прямо што ягода. Сидит и плачет. И вот когда он зашол в домик и говорит:

— Здраствуй, прекрасная чаревна, чего ж ты плачеш?

— Как же мне не плакать, я украдена этым змеем и уж три года здесь живу. Топерь вижу богатырь, што ты убил змея, скажи мне про себя, хто ты есть?

— Меня зовут Иван Медведёвич, а топерь слушай, я пойду к коню своему, даю пшоници, а потом поговорим.

Конь ёму и говорит:

— Слушай, Иван Медьведёвиць. Ты сецяс ей замуж не бери, а оставь здесь, когда будет времё, тогда и возьмёш.

А она пусть здесь живёт, здесь ей всего довольно, чего ей. Токо не забыть захватить живой воды и мёртвой, и оставь ей или передай мне. Топерь поди к ней.

Приходит он к ней, за это времё у ней всё было приготовлено, стол, всего нано́шено и водочки. Вот она и говорит:

Скажи, Иван Медведёвиць, вывезеш ты меня отсюда или нет?

Он сказал:

— Ладно, прекрасная чаревна, я тебя за себя замуж возьму и вывезу отсюда, но дело в том, токо не сецяс. А потом я или сам приеду за тобой, или конь. Садись на нёго, ни об чом не печалуйсе и там будеш. А сецяс живи здесь, тебя нихто не обидит.

Топерь прожил он у ней сутки и поехал, а она осталась плакать, што „придет за мной Иван Медведёвиць или нет?". Хотя ей было жить хорошо. Вот и едут к этому саду. Конь слышит зара́не тяжолой крык и говорит:

— Слушай, Иван Медведёвиць, вытащи волоси́ну у меня из хвоста и обвяжи вокруг головы́; не выдержит у тебя голова крыку, а потом заедем в сад.

Он вытащил волоси́ну и обвязал голову и подьежжают к саду. А на нёго лёв-зверь броси́лсе, он ёго па́лицей — раз, другой, лёв осмирел и говорит:

— Ну што тебе надо, Иван Медведёвиць, бери.

А тот на чепи рвётце, орёт, што силы было. Вот он, конешно, спустилсе с ло́шади и взял ростение и захватил живой и мёртвой воды. Сунул это в корман и подошол ко льву-зверю. А уж он успокоилсе, сидит, ничего ёму не говорит, лиш бы токо о́н ушол. Он и говорит:

— Слушай, лёв-зверь, если ты не стащиш в моё государьство, то я всех вас убью, все жительство ваше разорю. А уж если стащиш, то так и быть.

— Ладно, я тебя стащу, токо уходи отсюда.

— Ну, и уйду.

Он сецяс коню передаёт эту воду живую и мёртвую и сам на нёго сел. Лёв-зверь так помчалсе, што пе́нья-коре́нья только вслед бегут. А конь этот передал воду живую и мёрт-

вую девушки, а сам вслед. И вот он ехал, ехал, ехал, приезжает в чарьство на это место, где был водяной чарь. Берёт чепи, сковал их вместе и говорит:

— Ну, если вы будете рвать или орать, то убью.

Ну, што йим было делать. Делать нéцёго. Сидят. А он отпустил своёгó коня и сам пошол к чарю. Когда приходит к чарю:

— Ну вот, ваше велицество, я сьездил в этот сад, где был лёв-зверь, может слышали, я ёго сюда пригнал, посмотрите. И там есть другое чудо, надо еще и то принести.

И чарь очень удивилсе, сóзвал своих подданных и пошол смотреть.

— Ну, Иван Медведёвиць, бери моё чарьство, коли ты с такими зверьми справляессе, а оне нас пожрут, пожалуй.

— Не бойсе, ваше величество, не тронут.

Сецяс оне пришли, смотрят два чуда. Ну хоть оне молцят, ну оне боятце.

— Не бойтесь, смотрите, не тронут.

Ну што ж, так все ходили смотреть, интересовались.

После этого он опеть:

— Давай схожу к матери, снесу ей ростение, давай уж потешу.

Вот приходит он к матери, подаёт это ростение:

— Ну, нá, мать, поправляйсе, што же сделать, раз неможеш, я тебе привёз.

А оне опеть подумали ёго вином поить и спрóсить про смерть ёго. Вот мать и говорит:

— Ну, сынок, коли ты мне такую службу сослужил, я тебя угощу не больше как водочкой.

И наносили ёму столько вина, заготовили, штобы ёму опьянеть. И вот он сел, не отказалсе и давай пить. Пил, пил это вино, почти всё выпил. И хотя опьянел, но мало. И она нацинает ёго опеть спрашивать.

— Ну, сынок, скажи, где у тебя душа, коли тебя нихто на свети не может погубить, наверно, у тебя ёе нету.

— А зачем тебе, мать, моя душа, наверно ты хочеш меня погубить? Рази я тебе плохо делаю, службу твою исполняю, наверно, ты хочеш меня убить.

— Да нет, сын, зачем, я токо так спрашиваю, нарочно, какой мне интерес тебя убивать?

— Ну, а коли не интерес, а хочеш узнать, то душа у меня в хвосте у коня, а у меня души нет.

— Ну и ладно.

Он и вышел от ней. Приходит этот богатырь, она и сказала, што „вот он пьяной сказал, што в хвосте у коня".

— Ну ладно, я знаю, где этот конь,—у одной баушки волшебници. Я скрычу: он и выйдет.

Берёт он мець и, знаеш, выходит за́ город и скрыкнул богатырским голосом. Конь думает, што хозяин, летит к нёму. Вдруг видит, што не хозяин, махнул хвостом и побежал обратно. Ну, ёму удалось мецём махнуть, выпала волоси́нка. Он обрадел, взял эту волоси́нку и пошол домой. Принёс домой и давай ей в пецьку, сожга́ли. Она, конешно, сгорела, а смотрит, он живой ходит.

— Да што, опеть оммани́л! Ну надо опеть ёго послать!

Притворилась она опеть больной и посылает ёго опеть в сад, достать от самых высоких деревьев ягод, а уж этот цёрт, если сорвет чепь, то ёму живым не быть. И вот не черезь до́лго он опеть приходит к матери, а мать опеть лежит больная. Он спрашивает:

— Ну што же ты, мама, опеть больная?

— Да как не больная, вот не поправилась, вот кабы ты опеть сьездил, да повыше с древа достал ягод, я поем немного и поправлюсь.

— Ну што же делать, сьежжу.

И опеть идёт к чарю. Приходит к чарю, чярь ёму и говорит: Да што Иван Медведевич, тебе бы жонитьце, так неплохо будет. Я уже стар, а тебе бы принять престол.

— Да што, неужели уж я невесты не найду!

— Дак как не найти, ты токо скажи в каком чарстви хочеш, а уж невеста будет, потому што о тебе великая слава прошла по всему свету. Еще сами приедут к нам поинтересоватьце на такого жениха.

— Ваше величество, да я еще молод, успею жонитьце, надо еще сьездить, еще чудо привезти, а уж потом и жонюсь.

— Ну што же, Иван Медведёвич, поежжай, я тебе ничего не скажу, а потом и жéниссе.

И так берёт свою пáлицю и пришол к коню. Когда прибежал конь, он садитце на нёго и поехали. Приежжают к этой красавици-чаревны. Подьехал к серебреному домику, пришол, она очень обрадела, стала угощать и говорит:

— Ну што, Иван Медведёвиць, возьмёш топерь меня?

— Нет, прекрасная, сецяс взять не могу, надо еще поехать взять этого безрогого цёрта, а уж потом и за тобой.

— Што ты, Иван Медведёвич, он тебя одным крыком убьёт, а я так и останусь здесь на всю жизнь без тебя.

— Нет, не бойсе ничего, живи здесь, а я за тобой приеду.

Так пожили оне сутки и поехал к этому цёрту. Подьежжают к саду, конь и говорит:

— Вырви еще волосúну и обвяжи вокруг головы. Приедем в сад он на тебя крепко заорёт, пока ты не удариш ёго палицей.

И вот он связал волосúну, подьежжают к саду и этот безрогой цёрт орёт так крепко, штобы вырватьце ёму. Он полез на лесúну, сóрвал ягоду, штобы мать потешить и идёт к нёму. А этот чорт, рвалсе, рвалсе и вырвалсе и бежит к нёму. Вот он замахнулсе пáлицей, ударил раз, ударил другой, цёрт осмирел и замолилсе.

— Не бей меня, Иван Медведёвич, а што тебе надо — бери токо оставь меня в покое. Вот бери этот сад, и я буду охранять тебя в покое любую пору, токо оставь меня челого.

Вот он говорит ёму:

— Нет, я тебя здесь не оставлю, пока не выучу, пока не свезёш меня в моё государьство, там я вас всех выпущу.

Вот он уселсе на нёго и давай нахаживать пáлицей. Цёрт летит почём зря, а конь за ними. И вот он приехал в это же государьство и заковал ёго, третьего чудака тамотка. Отпустил коня и приходит к чарю. Вот пришол и сказал чарю:

— Вот хóчеш посмотреть ваше величество, я привёз тебе последнего чудака, вот оны топерь у меня все прикованы. Если хотите, подите, посмотрите, а потом я с ними рощытаюсь, я буду смотреть, што они будут дальше делать.

23*

— Слушай, Иван Медведёвич, ты таких трёх чудаков сюда привёз, да как оне сорвутьце, всё наше чарьство розорвут.

— Не печалуйсе, ваше величество, ничего не будет, рази меня в живых не будет.

И вот оне пошли все смотреть и дивуютце. А оне прикованы все друг к дружке и сидят спокойно.

— А топерь пойду я к матери своей, а после того буду жонитьце, я уж себе невесту приискал.

Чарь очень обрадел и пошол во дворець. Чарь в эту пору стал собирать разных королевен, чаревен посмотреть на этых зверей и пусть посмотрят на Ивана Медведе́вича, какой он есть.

А он пошол к матери своей. Приходит, конешно, и подаёт ей ягодки, она поела.

— Ну, спасибо, сынок, топерь я поздоровею.

А у них уж раньше, конешно, сделка была, договорённость, повторять не надо. Топерь она и говорит:

— Ну, сынок, уж я тебя угощу разик, и спрошу, может ты мне скажеш.

И пошло у них угощенье. И он до того до́пил, што уж стал совершенно пьяной, и забыл, што говорила ёму баушка.

Вот уж он напилсе, она подходит и говорит:

— Скажи мне, сынок, правду, где таитце твоя душа, уж я тебе ничего не сделаю, уж ты такое зверьё победил, привёз и заковал, наверно, в тебе и души нет.

А тебе, мать, охота меня очень уж убить, — он говорит.

— Да нет, зачем, я токо так спрашиваю.

Она ище наливает ёму бо́ле и бо́ле вина.

— Ну, так выпью еще этот бокал, а потом скажу. Ну, мать, вот у меня на груди есть пуговка, эту пуговку отрежеш, и я умру, — и заснул.

Вдруг приходит этот богатырь, отрезают у нёго пуговку, взял, розрубил ёго на мелкие цясти и выкинул ёго на волю. Ну, этого чарь, конешно, ничего не знал.

Топерь этот конь узнал, што нет ёго, погиб хозяин — прибежал к баушке и так заржал, бьёт копытами землю, што баушка скоцила, а было дело в ноцй. Когда она скоцила и выбежала на крыльцё, то спросила:

— Што ты, добрый конь, што с тобой слуцилось или што слуцилось с Иваном Медведёвицем?

— Да, баушка, давай скорее мешок порóжной и садись на меня.

— Да, сказала баушка, — так я ёму и сказала, што буть окуратней, наверно што-нибудь россказал.

Тогда баушка скорей оделась, взяла порóзной мешок, села на лошадь и поехала. Прибегает конь к этому месту, где были куски выкинуты, уж йих начинают ворона́ таскать. Она скорее собра́ла все кусоцьки, полóжила в мешок и привезли в избу, конь сказал.

— Ну, баушка, ты топерь выйди, а я побежу к прекрасной чаревны, там у нас есть живая вода и мёртвая.

И вот баушка села и сказала:

— Ну, конёк, поежжай, спасай, как мож, Ивана Медведёвиця.

И конь побежал туда. Прибегает он туда и ударил так крепко, заржал и бьёт в крыльцё копытом. Выбежала она на крыльцё, испугалась.

— Што такое, што случилось, я такого еще и не слыхала.

И конь стоял с мешком на спины. Она и стала спрашивать:

— Што ты, доброй кóньчик, так сильно крычиш, я от тебя еще такого крыку не слыхала, не случилось ли чего с Иваном Медведёвицем?

А он ей и говорит:

— Топерь не спрашивай, а оденьсе и выйди, увидиш твоего Ивана Медведёвича, а топерь неси живую и мёртвую воду.

Она так и ахнула. Побежала скорее, оделась и приносит два пузырька, которой ей принёс конь. И вот когда она вышла, он и говорит:

— Ну вот, снимай топерь мешок и треси, што там есть в мешкý, а потом увидиш, што получитце. Спрыскивай мёртвой водой, а потом после мёртвой — живой.

Вот она сецяс снимает этот мешок и нацинает трести куски тела человека мёртвого и спрашивает:

— А это хто тут?

— А это, когда спрыснеш, увидиш, а сецяс я не скажу, тебе этого нельзя знать.

Вот она сецяс выпрыснула — сделалось тело, спрыснула живой — выскоцил Иван Медведёвиць.

— Фу-фу, как я долго спал!

И увидал стоящу против себя прекрасную чаревну и коня своёго. Потом конь ёму заговорил:

— Да, Иван Медведёвиць, если бы не я, тебе живому не быть. Это благодаря матери твоей, ты ей сказал, оне тебя и убили, а если бы не я, ты и не жив. А уж больше тебя не найдёт, а будет еще пытатьце если ты ей оставиш.

Тогда чаревна берёт ёго за́ руки, приводит в избу и начинает угощать.

— Ну што, Иван Медведёвич, скажи мне правду, еще ли меня не возьмёш отсюда, долго ли мне здесь одной томитьце?

Он говорит:

— Нет, прекрасная чаревна, больше ты от меня не останиссе, больше я тебя не оставлю. Топерь у меня всё прошло, больше меня не уловят. Сядем и поедем с тобой.

Она ёму еще говорит:

— Вот што, Иван Медведёвич, а куда же мы домик кладём этот, всё-таки он серебряной, а у тебя такого домика в чарстви нету.

— А я уж не знаю, конь нашего до́му не увезёт токо тебя и меня, мы уж ёго тут оставим.

— Нет, Иван Медведёвич, мы ёго тут не оставим, возьмём ёго за собою.

Она приносит еицько пустое и говорит:

— Ну-ко, Иван Медведёвич, дунь в это еицько, увидиш, што будет.

Когда он дунул — до́ма не стало, сунул еицько в корман, сели и поехали. Вот она ёму дорогой говорит:

— Слушай, Иван Медведёвич, уж ты как бы не слушал, но в этом послушай.

— Ну што, говори, прекрасная чаревна?

— Я топерь не виделась с отцём, с матерью, ты знаеш, уж сколько? — восемь лет. И мне бы жалательно увидать

отця и матерь. Хорошо бы было проехать к отцю и матери, а уж потом в твоё чарьство, где ты живёш. Я ничего не буду говорить, што плохо у тебя, я ничего против не имею, но мне бы уж хотелось повидать родных, как я была единая доч у них.

Вот он и говорит:

— Слушай, прекрасная чаревна, я тебе скажу. Мы сецяс в ваше чарьство не поедем. А почему, я тебе скажу. Ведь если отець и матка приедут в наше чарьство смотреть этых зверей, диковинку, што привезёны у меня, ведь мы йих и увидим, и все радости будут вместе. А надо сецяс вернутьце в своё чарьство, потому што чарь не знает про меня, где я девалсе, может уж схватились, а не знают.

Вот оне токо приежжают на чарьской двор, а она и говорит:

— Ну-ко, вытащи это еицько и розбей ёго на широкой площади против дворця и увидаш, што будет.

И вот он вытащил еицько из кормана, розбил ёго на широкой площади против чарьского дворця, то образовалсе серебреной дворець. И он привязал своёго коня и пошол во дворець. Цярь как-то случайно зглянул в окно:

— Што такое, переменилось, серебреной дворець стоит, какого и в чарстви еще не бывало.

И он кряду же пошол смотреть этот дворець. Смотрит, сидит Иван Медведёвиць с жоной за столом, он так и ахнул:

— Да ты откуль взялсе Иван Медведёвиць с молодой жоной?

— Вот садись за стол со мной, я тебе буду говорить.

Он тогда ёго спросил:

— Ну дак как, ваше величество, все ли гости собрались у тебя на пир?

— Все, Иван Медведёвич, токо дожидают тебя, победителя, а так боятце подойти зверей смотреть.

— А оне еще здесь?

— Да здесь стоят прикованы.

— Ну пойдём, а я тебе росскажу потом где я эту пору был, што со мной слуцилось.

И вот оне токо заходят на пир, то во-перьвых мать и отець это увидели.

— На́-ко! Доць идёт с Иваном Медведёвицем, которой покорил одинадцеть богатырей и доць спас.

А чарь идёт наперёд, сажает йих в большой угол. Отець и мать не могли выдержать за столом, прибежали к дочери своей.

— Здраствуй, наша дочка родимая, где ты это времё пропадала, какой тебя похитил похититель и каким ты случаем попала за этого Ивана Медведёвиця?

И вот он заговорил тогда, Иван Медведёвиць:

— Слушай, папа и мама, вы сядьте, а я вам обскажу, а она подтвердит. Топерь нам есть времё для такого радостного торжества.

Оне сели и радовались, што она живая. И вот он говорит:

— Слушайте, топерь я прикажу жоны сказать про змея, а доскажу остальное.

И вот она начала́:

— Слушайте папа и мама, как я пошла гулять, вы, конешно, не знаете, што меня утащил змей и держал три года. Конешно, мне было жить хорошо, всего довольнё, и у меня был домик серебряной, которой сецяс у нас. И вот до ти́х пор я жила три года, пока не случилось ехать этому Ивану Медведёвичу и он убил этого змея. И он три года еще меня держал, пока не справилсе со всеми своими делами. И был он в таком нещастном положении, што конь ёго на спины принёс изрубленного, но это всё дело успокоилось.

Топерь она замолцяла, нацинает Иван Медведёвич говорить:

— Ты знаеш, ваше величество, што я так долго, и гости у нас задержаны. Я ведь был в таком нещастном положении, меня погубила мать, я был убитой и знаю из-за чего я был убитой. Меня убила действительно мать, а из-за кого убила, я тоже знаю. Когда я вытащил па́лицю эту с горы, то было десеть богатырей, а одинадцетой скрылсе. И вот он спозналсе с моей матерью и йим надо было меня убить. Оне два раза́ меня вином поили, да на третий уж я до того до́пил, што оне меня убили. Ну, у меня был конь верной и он спас меня

и была у нас доста́та живая вода и мёртвая. И вот на щастьё моё послужил мне конь, со́брал в мешок тело моё, вместе с баушкой, котора всегда совет давала и отвезли к прекрасной чаревны, она и сама подтвердит. И вот топерь токо я оттуда приехал.

Чарь охнул:

— Ну, Иван Медведёвич, много ты перенёс, бери сецяс мой престол, а я отказываюсь. А с матерью и богатырем делай што хочеш с нима́, хоть убей, как хош!

И гости все смотрели на Ивана Медведёвича и на ёго жону и дивились на ёго храбрость и силу. Топерь он сказал:

— Ладно, пускай оне живут, времё будет, я сощитаюсь с нима́.

И йихной пир продолжалсе шесть дней. Потом по окончании пира он и говорит:

— Ну вот што, гости, пойдёмте я покажу вам зверья, какие у меня есть.

И приказал кузнецям сковать деветь прутов жолезных и это было сделано. И вот все гости с радостью пошли смотреть. Когда пришли гости, то остранились. Он говорит:

— Вы ничего не бойтесь, вам ничего не будет.

Берёт он прут железной, подходит к водяному чарю и давай хлестать. Тот взмолилсе, просит:

— Уж ты што хочеш делай, токо не убивай меня, пори меня, бери што хочеш: хош золота, хош што, токо оставь меня в живых.

И так он обломал три прута и принимаетце за льва-зверя. И так же льва отлупил, оставил, и сказал:

— Ну помни, я пошлю к вам в сад людей, увидим, как вы с ними обратитесь.

Топерича он берётце за этого чорта безрогого и такую же ёму байну дал, как и тем. И всех отправил на свои места. Тогда все гости обернулись обратно на пир и стали благодарить Ивана Медведёвиця за угощеньё и стали розьежжатьце, токо остались мать да отець.

После этого всего он поступил на чарьство, то он мать и отця пригласил в свой дворець.

— Пойдёмте тоже ко мне покушать.

Вот он йих угощал трои сутки и сказал:

— Ну, папаша и мамаша, хотите живите, а нет — поежжайте.

Конешно, йим жалко было уехать, и сказал ёму тесть.

— Ну, зятюшка, приежжай топерь к нам.

— Ладно, време будет — приеду, а топерь у меня дело еще есть.

Потом, конешно, пожелал всего хорошего йим, а сам с жоной повалились спать. Переспал он ноць и говорит жоны:

— Ну топерь я отправлю салдат к озеру и в этот сад, как оне с ними будут обращатьце, а тогда я с нима еще попщытаюсь.

На второй же день отправил он отряд салдат, конешно. Когда оне приехали к озеру, нача́ли купатьце, водяной до чего испугалсе, штобы оне не утонули; какой отплывёт далеко́, так он отпихиват к берегу. Оне покупались и поехали в сад. Приежжают оне ко саду, то лёв-зверь стоял у дверей, кланялсе.

— Пожалоста заходите к нам.

А этот безрогой цёрт стоял у ду́ба, даже ни слова не сказал салдатам. Те походили, походили по саду, набили корманы разныма фруктами, поехали проць. Приежжают в чарьство, спрашивает у них Иван Медведёвич:

— Ну што, робята, как вас водяной чарь стретил?

— Очень хорошо. Водяной так испугалсе, што даже выпе́хивал на берег.

— Ну, а как лёв-зверь и цёрт?

— Цёрт нам ницёго не сказал, а лёв-зверь даже кланялсе, дал нам разных фруктов и ходили мы по саду долго.

— Ну, очень хорошо, дело хоро́шо.

Топерь он на-вечеру́, так уж было часов десеть ве́чера, он и говорит:

— Ну, жона, топерь я пойду к матери.

— Што ты, што ты, Иван Медведёвич, оне тебя напоя́т, да убьют тебя.

— Ну нет, топерь уж это не выйдет, оне тогда токо убьют меня, когда коня моёго́ убьют, да три года кости ёго высушат, а конь йим не дастце убить. А этого я йим ницёго́ не скажу.

Берёт па́лицю и отправилсе. Приходит, оне как раз сидят, ужинают.

— Вот я сам пришол Иван Медведёвич к вам, делайте што хотите.

Вот мать сразу повалилась, па́ла на колени, он берёт па́лицю, да как даст этому богатырю, от нёго токо мокро́ осталось.

— Ну, мать, я тебе пощады не дам.

Убил и ей. На второй день велел похоронить. Приходит к жоны и говорит:

— Ну, жона, я топерь с нима́ рощыталсе.

После этого стал жить да быть и править своим государством до глубокой старости.

На этом и кончим.

15. СОН ВЕЩИЙ

Вот жил был купець не́ в котором царстве, не́ в котором государстве. У купця было́ три сына. Этот купець построил новой дом. Вот когда он построил новой дом, и совсем он был готовой, он сказал старшему сыну:

— Но, ты иди, сын, один ноцёвать перьву ноць в етом доми.

Вот когды он походит, отець ему и говорит:

— Ты возьми петуха, и потом ище: што во-снях увидиш, мне росскажи.

Вот он отправилсе в вецёру́ на ноць спать. Поло́жил петуха, и сам тоже повалилсе. Переноцевал. Ну, што ёму снилось там, он будет отцю росссказывать, и пришол домой. Когда он пришол, отець его и стал спрашивать:

— Скажи, сын, што тебе снилось?

Он ёму:

— Слушай, папа, мне ницёго особенного не снилось. Только видел, што бутто наш меньшой брат Иван по поднебесью летал на двенатцети орлах.

Вот на втору ноць он посылат второго сына, среднего.

— Ну-ко, поди, сынок, што тебе будет снитьце, скажеш мне.

Вот тот на втору ноць также отправляетце с петухом, и повалилсе спать и про́спал тоже всю ноць. Пришол к отцю. Отець ёго и спрашиват:

— Но-ко скажи, сынок, што тебе снилось во сне?

Вот он нацинает ёму говорить:

— Вот што, папа, я ницёго такого особенного не видел, только видал то́, што у нас со двора пропала любимая овця.

Приходит третья ночь. Он призыват третьёго сына:

— Но, Ванюша, поди в новой дом спать и на у́тро мне скажеш, што ты во сне увидиш.

Конешно, этот Ванюша ничёго отцю не сказал, взял петуха и пошол спать. И ёму всю ночь снилось то́, што потом с им случилось, и как он будет доставать прекрасну царевну, и кому она снацяла принадлежала — это ёму всё снитце. И вот вдруг прилетат змея, хоцёт ёго клюнуть, и как раз в это времё запел петух, змея улетела. (А это хотела его уничьтожить—эта сама чаревна. Этого писать не надо, выясьницьце всё после). И он провёл всю ночь. Пришол на утро к отцю домой. Отец ёго и спрашивает:

— Ну, скажи, Ванюша, што тебе снилось?

Иван молцит, ницёго ёму не говорит.

— Ну, говори, чего ж ты молчиш?

— Я своего сна до ти́х пор не скажу никому, пока не сбудетце, а когда сбудетце, тогда и скажетце.

Так. Ну, отець ёму и говорит:

— Нет, ты должо́н сказать.

— Нет, не скажу, хоть убей меня, не скажу и не скажу.

Отець старалсе вся́ко пытать ёго и бить, но он ницёго не говорит. Потом отець решилсе роздеть ёго нагого и вывести на дорогу и привязать к столбу. И ище доро́гой и говорит:

— Но, сын, скажи.

— Не скажу.

Тогда привёл к столбу и ище раз спросил.

Он отвецяет:

— Не скажу, всё ровно, хоть ты меня и привязал к столбу.

Так отець и уехал, оставил сына у столба. Да, и вот не в-долгих проежжает чарьской сын мимо этого столба и увидал связанного человека, остоялсе. Потом стал спрашивать:

Хто тебя к столбу связал этта, скажись, хто ты есть такой?

— Я есть Иван-купецеськой сын, а связал меня отець.

— Што так отець на тебя обрушился, што связал к столбу, и как он жестоко тебя наказал?

Взял, отвязал ёго и повёл с собой. Привёз. Конечно, одел как следует. И вот он жил у него челой месець. Топерь, когда он прожил у него месець, чаревиць приходит к этому Ивану-купецескому сыну и спрашивает:

— Ну, дак за какую тебя вину отець наказал, Ванюша, скажи мне?

А што росказывать? Я скажу тебе, што как у батюшка была сроботана новая изба, и я спал в ей ноць, дак не росказал ему сна, а други братья россказали. Вот за это он меня и привязал к столбу.

— Ну, дак слушай, Ваня, росскажи тогда мне, почему ты ёму не рассказал.

А этот чаревич был молодой, ище не жонатой, и он хотел поинтересоватьце, што такоё он во сне видял.

— Слушай, Иван-чаревич, я коли своёму отцю не рассказал, и тебе ницёго не скажу. Делай што хош со мной. И тебе он будет не нужо́н.

(А сказал он ёму про то, што ёму сон не нужо́н, потому когда он ёго будет рассказывать, дак чаревича уж здесь не будет). Тода чаревич говорит:

— Если ты не росскажеш этого сна, я отведу тебя в за́мок и буду дёржать до те́х пор, покуда ты не росскажеш мне этого сну.

Он говорит:

— Воля твоя, чаревич, делай што хош, но я тебе этого сна не росскажу.

Тогда чаревич взял ёго, увёл в за́мок и посадил в темницю. Упёрсе Ваню́шка на своём, раз уж нельзя говорить! И вот он так сидит месець. А этот чаревиць уже прийскиват

себе в каком-ни государстве невесту. Просматриват все патреты из разных чарьств и заводит жонитьце. И вот он прискал в одном чарстве чаревну Елену (тоже Елена; дак вот поди ты с има́). Но он не знал, што она такая волшебниця. Приказал корабь грузить сьесны́ма припасамы в дорогу. А у нёго была сёстра, и он говорит ей:

— Ты пока правь престолом и смотри за всем чарьством.

И вот скоро чаревиць средилсе; корабь уж совсем гото́вой, и отправилсе в путь. И вот так он ушол. Проходит месець, два, — никакого ответу сёстры́ нет, и она не знает, где он есть. (Тогда, может быть, телеграф-то еще был не придуман да радиво). И так проходит уже полгода времени и сестра оцень опечалилась и стала носить по тю́рьмам подаяния потюрёмщикам. И как раз к ёму, к этому Ивану купецеському сыну подходит тоже. Вот когда он берёт подаяние в руки и говорит:

— А где же твой брат?

Как будто и не знает! Она отвецяет ёму:

— У мня брат уехал жонитьце.

— Да, тежело ёму будет без меня жонитьце. Да и не жонитьце совсем будет в том государстве, где он задумал, хотя он туда ище и не проехал.

Она это всё выслушала и говорит:

— Слушай, как тебя звать?

Он отвецяет:

— Иваном.

Да, потом она и говорит:

— Коли ты знаеш моёго брата Ивана-чаревиця и хочеш ёму помоч жонитьце, то помоги, а я тебя выпущу из тюрьмы. За это брат тебя наградит чем только жалаеш.

— Я поеду только с тем условием, што когда вёрнусь обратно, штобы перед приездом брата посадить меня обратно на это же самоё место.

Она и говорит ёму:

— Слушай, Иван купеческой сын, я же не имею права тебя посадить, когда ты выручиш из беды моёго брата, как же я тебя после этого могу посадить в тюрьму?

— Имееш ты право, потому што он сам меня посадил, сам и должо́н выпустить. С тем только я и поеду и буду согласен ёму помогать. А топерь, дай мне такоё право: пиши капитану в полк рапорт, штобы я мог там отобрать себе одинатцеть человек и потом приготовь нам всем ко́ней.

Вот она берёт ёго из темници, уводит к себе во дворець и садитце за стол писать капитану рапорт, штобы выгнал весь полк салдат на площадь. Она вручила ёму рапорт.

— Поди с этым рапортом к полковнику и выбирай себе салдат, а мы приготовим вам всё в дорогу.

Вот он сецяс к полковнику. Вруцил рапорт. Полковник выгнал цело́й полк и сказал:

— Но, выбирай, Иван купецеськой сын, каких тебе надо.

И вот он, конецьно, ходил по по́лку и выбрал одинатцеть Иванов, какие ёму были ну́жны и сказал им:

— Но, братья, топерь пойдём во дворець.

Когда пришли оне во дворець, то уж все ко́ни были им приготовлёны и одёжа для их рыцярьская. Но этому Ивану купецескому сыну приготовлена котора лучче (она стараетце ёму угодить лучче, а ёму не понравитце). Когда стали одеватьце, Иван купецеськой сын осмотрел. Видит одна одёжа лучче других и говорит цяревной:

— Нет, ты подбери нам всё, штобы была́ у нас одёжа одинаковая, а этой мне не надь.

В скором времени и ёму подобра́ли таку́ же одёжу, как и у других Иванов. Он одел и сказал:

— Ну, братци, садитесь на лошадей и поедём.

Все сели и поехали вперёд. Вот оне скакали, скакали, подьежжают к крутой горы́. Иван сказал бра́тьям:

— Топерь вы меня дожидайтесь, а я вы́стану на́ гору.

Вот братья, конешно, остались, а он эту гору стал доставать на лошади́. И о́чень было трудно выставать, ну всё-таки вы́стал. И пришол когда он на площадь, то видит три чорта дерутце. Он сошол с ло́шади и пришол к ним:

— Што вы братья, дерите́сь?

Оне к нему все подошли и говорят:

— Слушай, доброй человек, вот у нас от отця осталось три дико́вины, и вот мы сто лет дели́м, розделить не можем. Пожалоста, сделай нам такоё добро́, роздели по́ровну.

— Вот слушайте, братци, я вам розделю, только слушайте меня.

Он вынимает лук и начинил три стре́лы.

— Вот когда я стре́лю, то перьвой бежи за этой стрело́й, второй раз стре́лю, то второй бежи за этой стрело́й, третий раз стре́лю, то третий бежи за этой стрелой.

Вот. А у их было́ три дико́вины: шапка-невидимка, ковёр-самолёт, сапоги-скороходы. И вот он им сказал:

— Вот, ты перьвой принесёш мне стрелу, то получиш шапку-невидимку, второй принесёш мне стрелу, то получиш сапоги-скороходы, третий принесёш мне стрелу, то получиш ковёр-самолёт.

И так выстрелил он в разны стороны, и оне побежали за стрела́мы. И вот он за́брал эту шапку-невидимку, ковёр-самолёт и сапоги-скороходы. Приехал к братья́м и сказал:

— Отпуска́йте, братья, своих ко́ней, садитесь на ковёр-самолёт и полетим.

Вот он ростянул ковёр-самолёт, и полетели. И вот оне в скором времени прилетели в это государьство, только успел чаревиць как раз притти к при́стани. И так кряду же Иван сказал:

— Ну, пойдёмте, братья, на корабь.

Когда оне пришли на корабь, то чаревич кряду их спросил:

— Откуда вы, молодци, как вас звать?

— Нас есть двенадцеть братьев и всех зовут Иванами. Я слышал, што у тебя нет матросов, может ты нас не возьмёш ли к себе матросами?

Чаревич очень обрадел и сказал:

— Как мне не взять, я как раз во время шторма потерял двенадцеть матросов, и мне не хватает, и я вас возьму.

— Так оне поступили к ёму на корабь. Когда поступили на корабь, то чаревич простоял сутки здесь, а уж нужно ёму итти в город, узнать чаревну, какая она есть, не пойдёт ли она за ёго замуж. И так, чаревич оделсе, конешно, и отпра-

вилсе в деветь часов, в десятом, к чаревны. Когда он приходит к ней, поздоровалсе. Она спросила ёго:

— Ну, зачем, чаревич, ко мне пожаловал?

То он ей отвечает:

— Я бы жалал вас своей жоною. За этым токо я сюда и пришол.

А она ёму и отвечает:

— Да, я буду согласна с тем, што когда исполниш мою задачу. А если не исполниш, то твоя голова с плеч. Вот угадай мою перьвую загадку и тогда я выйду за тебя замуж. И вот на завтро приходи и приноси ей мне-ка.

И так, чаревиць пошол оцень пецяльной на корабь. И ходит он по кораблю, очень печалуетце. Ну, Иван купеческой сын видит и знает всё, потому што ему всё это наперёд было известно. И вот походит Иван-купецеской сын к чаревичу:

— Ну, чаревич, скажи мне-ка, што ты думаеш? Может я тебе помогу.

Он погледел на нёго.

— Уходи проць, я без тебя знаю.

А сам все ходит и думает. Потом Иван-купецеськой сын подошол второй раз.

— Иван-чаревич, поделись своим горём, пока не поздно, обскажи, может я тебе и помогу, а то худо будёт.

Тогда Иван-чаревич повёл ёго в полаты и стал ёму сказывать.

— Вот, слушай, Иван, вот какоё дело: чаревна, когда я посватался, сказала: угадай ейну загадку, а если не угадаеш, то она сказнит. А я не знаю, как ейна перьва загадка.

Тогда Иван-купецеськой сын сказал:

— Ладно, погоди.

Сецяс надевает шапку-невидимку нá голову, и сапоги-скороходы, и пошол во дворець. Пришол во дворець и прямо прошол к ней, где она сидела. Сел на стул, напротив ей и сидит. Вдруг она призывает ейну служанку. Призвáла она служанку и говорит ей:

— Вот слушай, служанка, поди закажи башмацёк мастеру и пусть он сошьёт скорее, и принеси мне сюда.

Служанка пошла, и Иван за ней вместе пошол. Она приходит к башмацьнику и даёт ему приказ:

— Вот сошей в один час башмачок, как она приказывала.

Башмачник взялсе кряду за роботу. И в один час сошил башмацёк и сказал:

— Подожди минут петь, пока он обсохнёт.

Поло́жил ёго на печку сушить. И вот токо он поло́жил, не прошло одной минуты, как башмачка не стало. Сколько он ни искал башмачка, не стало. Пропали ёго труды. Занялсе он снова за роботу. А Иван ёго взял себе и спрятал. Когда сготовил он башмачок, то, не теряя минуты, кряду же дал ей.

— На́, неси чаревны.

Иван пошол за ней вслед. Когда пришла она к чаревны, подала башмачок и спросила чаревна:

— Што ты так долго?

— Да когда он сошил один башмачок, куда-то он подевалсе.

— Иш, какой он ме́шкотной.

Взяла этот башмачок, села к столу. Иван сел рядом с ней. И вот она приносит золотых булавочек коробочку и жемцюг, и стала украшать башмацёк. Иван тоже делает, берёт из тых же коробочек булавочки и тот же жемцюг и усаживат, как чаревна. Когда она всё сготовила, поло́жила сушить и сказала:

— Ну, пускай топерь чаревиць угадат мою перьву загадку.

Сама повалилась спать. Иван пошол на корабь, сам думает:

— Ладно, на этом ты нас не поймаеш.

И вот Иван приходит на корабь, отдаёт чаревичу башмачок и сказал:

— Ну, вот, бери башмачок и в десеть часов поди́. А когда придёш, то видно будёт, што она тебе прикажет.

И Иван-чаревиць отправилсе к чаревны. Приходит к чаревны, а уж там сидят все бояры за столом, дожидаютце с чем чаревиць придёт. Только он пришол, то выходит

24*

чаревна с башмачком и с подносом и несёт лакей саблю. И он стал на ноги, подаёт башмачек, точ-в-точ такой, как и перьвой. И все встали бойры, забили в долоши и говорят:

— Ну, достоен чаревиць нашей чаревны, угадал перьву загадку. Она упала в омморок и пролежала полчаса, потом стала на ноги. Стала и говорит:

— Ну, чаревиць, угадай мою вторую загадку, тогда я пойду за тебя замуж.

Чаревиць кряду же пошол на корабь, хотя печаловалсе, но не очень, думал:

Может мне Иван пособит.

И вот приходит он на корабь, где уж стречает ёго Иван.

— Ну, чаревиць, как дело?

— Пойдём в каюту, поговорим.

Когда пришли в каюту, он и говорит:

— Вот дала мне втору задачу, если угадаю, так выйдет за меня замуж. Вот, как ты думаеш, можеш ты мне помоч в этом деле?

То он сказал:

— Ладно, топерь я пойду.

Одел сапоги-скороходы, шапку-невидимку и пошол. Приходит и чаревны во дворець, то она приказывает служанке, говорит:

— Принеси мне серую утоцьку. А Ивану-чаревичу нужно достать селезня.

И кряду же она принесла, а Иван в это време побежал за селезнем. Когда Иван сходил, принёс селезня, то она села за робочий стол и так же стала усаживать булавочками, кнопочками и жемчугом. Иван всё смотрел на ней и так же усаживал как она. Вот когда это всё она усадила, направила и сказала:

— Ну, пусть чаревиць угадает у меня вторую загадку.

А сама пошла спать. А Иван в это времё вышел на корабь. Приходит Иван на корабь, передаёт чаревицю селезня и сказал:

— Пока она не принесёт, то ты не передавай, когда она принесёт утоцьку, то ты выложь селезня.

Чаревиць отправилсе также к десети часам к чаревны, как и раньше. Приходит, уж там сидели все бояры. Вдруг выходит чаревна с подносом и выносит серую утоцьку и несёт шпагу в правой руки. Когда бояры увидали эту утоцьку и говорят:

— Ах, хороша утоцька, да без пары.

Сечас чаревиць вынимает селезня и подаёт:

— А, молодець, чаревиць, угадал. Можеш взять нашу чаревну замуж.

Тогда посмотрели этого селезня, такой же точно, как и уточка усажена теми же булавочками, што и у чаревны. Тогда она задумала, упала в омморок на чёлой час и думает:

— Как это всё может угадывать?

Скочила и говорит:

— Ну, ладно.

Вот и говорит она ёму:

— Ну, чаревиць, угадай мне последнюю загадку: принеси мне таких волос, как у меня будёт.

Чаревич пошол на корабь и думает:

— Ну, какие же у ней будут волоса́, не знаю, может ли знать Иван или нет?

Когда он пришол на корабь и задумалсе, то приходит Иван.

— Што, чаревиць, сёдни сильнё кручи́нной, скажи мне скорее.

— Вот слушай, Иван купецеской сын, вот какоё дело чаревна велела принести таких воло́с, как у ней будут. Можеш ли ты или нет?

Он сказал:

— Надо итти скоряе.

Сецяс же надел сапоги-скороходы, шапку-невидимку и пошол к ней. Вот он приходит, а уж она совсем средилась, готова ехать. Приготовили ей лошадь, она скочи́ла в корету, и он сел вместе с ней. Во время езды он ей крепко жал за руку, но она этого не видела, только думала:

— Што это творитце?

И приехали к морю. Села в лодку и поехала в лодке, и он вместе с ней. Приежжает на́ остров, села на́ берег и стала кли́кать своёго деда. Вдруг выставаёт из моря старик. Волоса́ были серебряные, а борода была золотая. Вот он к ней подошол и заговорил:

— Да, племенниця, давно ты меня не посещала, а у меня волоса́ все заплелись, так же и борода.

— Ну, садись, дедушко, ложись ко мне на колена, я буду искать.

Дедушко уселсе, приклонилсе к ней на колена, и она нацинает искать и, смотрит, по волосинки нацинает вытяга́ть серебряных волос из головы, а Иван всё смотрит. На́брала она у нёго уж десяток. Этот дедушко заснул на коленях, пока она искала, то Иван смотрел, смотрел да и хватил у него че́лой пучок из головы. Старик скочил:

— Што ты, дурная, рази так можно, што ты делаеш?

— Прости, дедушко, прости, больно оне уж заплелись у тебя. Дай, я рощешу у тебя бороду.

Повернулсе он бородой кверьху, начинает она роща́сывать и бороду. Сама рощасывает, сама золотые волоски у него вытяга́ёт по одной штучке. Иван это всё видит, а чаревна догадатьце не может. Иван потянулсе рукой, ка́к хватит, так полбороды у него и отсадил. Старик скоцил со сна и говорит:

— Што ты, дурная, рази можно так делать?

Поругалсе с ней и бросилсе в море, даже не простилсе. Она очень удивилась.

— Што такое, никогда я так с дедушком не прощалась. Што тут могло случитьце.

И вот сразу же она уселась в лодку и поехала. Иван с ней вместе. Вышли из лодки и на́ гору, села на лошадь и поехала во дворець. Иван заскочил тоже.

Вот приехала, она, конешно, во дворець, сама себе и говорит:

— Вот пусть топерь чаревиць угадат мою загадку, так што таких волос золотых и серебряных нигде и нет.

Ну, уж без неё нашли выход. Иван пошол на корабь. Приходит на корабь и говорит чаревичу:

— Ну, вот, нá, я тебе даю волóс. Такие же, какие у чаревны. У ней достáто волос малое количество, а у меня чéлым пучком. Сначала когда она подаст на подносе немного, ты тоже дай малоё количество, а потом скажи: „Ну, нá, вот, чаревна, я тебе чéлым пучком подарю“ и выкидывай ей пучок. Топерь когда ты к ней пойдёш, то она тебе прикажет сказать, кто у тебя есть, сам ли ты угадываш или у тебя кто есть. Ты скажи: „У меня есть Иван-купецеской сын“. Она скажет: „Ну, пошли ёго сюда“, а ты скажи: „Я не знаю, у меня их есть всех двенатцеть, которой из них угадыват, а может и я сам“. Тогда она прикажет послать нас всех двенатцеть, и мы пойдём.

Вот тогда чаревиць пошол к чаревны. Только приходит к ей, а уж там бояра сидят, дожидают чаревича, с чем он придёт, угадает ли последнюю загадку. Только чаревиць пришол, то сразу идёт чаревна с подносом и с саблёй и несёт несколько волос на подносе. И вот чаревиць ей подаёт тоже несколько волос серебряных. Она посмотрела. Он и сказал:

— Если тебе нужно, чаревна, то я подарю тебе чéлой пучок.

Выкидывает чéлой пучок. Тогда вси бояра в долóши заплёскали и говорят:

— Ну, достоин чаревич нашей чаревны. Должóн ей владáть.

Она в это времё пáла в омморок. Полежала чéлой час, стала и ушла. Приходит она в комнату, берёт волшебну книгу в руки и начинает смотреть.

— Кто это угадыват: сам ли чаревич или хто из слуг. Раньше этого не бывало, у меня уж женихов было много, никто не угадывал, оставляли свои головы все здесь.

Топерь она посмотрела эту книгу и увидала, што он не сам угадыват, а у нёго есть слуга Иван — купецеской сын, и кряду же узнала этого Ивана, когда она прилетела к нему змеёй.

— И почему он не за себя меня сватает, а за чаревича отдаёт?

Сечас приходит она к чаревичу и говорит:

— Вот пошли ты ко мне своего слугу Ивана, которой у тебя всё угадывает. И потом я тебе скажу, што ты не сам угадываещ, а этот Иван. Ина́че я не пойду за тебя замуж, потому што он проделывал мне очень много.

Вот чаревиць ей и говорит:

— Слушай, прекрасная чаревна, я не знаю, их у меня есть всех двенадцеть, и я не знаю, кто это делает, посылаю их всех. Ну, угадывай.

И сам пошол на корабь. И вот чаревич пришол на корабь и говорит Ивану:

— Вот што, Иван, топерь тебе надо итти к ней со всема́ своима́ бра́тьямы. Она зовёт.

— Ну, ладно, я и пойду. Токо надо отпустить всех моих братьёв, позвать их сюда.

Тогда все братья были призваны, он и говорит:

— Ну, братья, топерь пойдём все к царевны на пир, во-перьвых, а во-вторых, я вам скажу: когда мы придём к ней, к чаревны, то спросит: „Кто у вас есть из Иванов старшо́й“, и вы все в голос кричите: „Я старшо́й, я старшо́й“. Тогда она нальёт одинадцеть бокалов с вином простым, а двенадцетой бокал золотой с самым дорогим вином, из которого она сама всёгда пьёт. И вы все беритесь за этот бокал и кричите: „Я старшо́й, я старшо́й“.

Топерь они отправились к ней, к чаревны. Когда оне пришли к чаревны, то она кряду посадила их за стол и стала спрашивать:

— Ну, хто из вас есть ста́рший?

И все в голос кричат:

— Я ста́рший, я ста́рший, я ста́рший.

На этом ей не удалось. Топерь она приносит одинатцеть бокалов простых, а двенадцетый золотой, из которого сама пьёт. Налила эты одинатцеть простым вином, а двенатцетый дороги́м. Вот сама думает:

— Хто старшо́й — этот бокал во́зьмёт.

И вот только она принесла, то, значит, потянули́сь все двенатцеть за этим золотым бокалом и чуть не подрали́сь, и не пере́вернули стола.

И все кричали:

— Я старшо́й, а не оне.

И на этом ей тоже не удалось. Ну, топерь решилась поить их простым вином, пока оне не свалятце. Ну, Иван, хотя пил, но с окуратностью и видит, братья все стали валитьце с ног. Потом она увидала, што стали валитьце с но́г, Иван тоже повалилсе, што будто бы пьяной очень. Она сечас постелила место и повалила всех рядом. Повалила всех рядо́м, пошла принесла книгу волшебну и стала наводить на них.

Кто это всё-таки проделыват?

Наводила-наводила и книга всё-таки указала на Ивана-купецеського сына. Когда книгу оставила, вынимает ножници из кормана и подстригает ёму правой висок. Сама отрезала и ушла.

— Ладно, топерь ты попал, Иван купецеськой сын. И вместе с тобой Иван-чаревич. Никто у меня живой не уйдите́.

Когда Иван проснулсе, то ощупал себя, видит, правой висок подстрижен.

— Ставайте, братья, скорее, беда близко. Ложитесь правыма висками!

Братья повернулись, он у всех подстриг.

— Ну, топерь ложитесь, и лежите до ти́х пор, пока она не придёт сама.

И вот оны лежат, немного токо успели поуспокоитьце, приходит царевна с таким громом, што ужас. Подходит и закричала на перьвого, кто лежал с краю, а висок-то подбрит!

— Ты это делаеш? Ты позволил жонить царевича на мне? Ну, не удалось. Топерь я тебя убью вместе с царевичем!

И он опеть ей отвечает в партии:

— Слушайте, чаревна, ты сначала осмотри, што если ты подбрила висок то у нас у всех подбриты одинаково.

Она посмотрела.

— Што такое? Так эта́ моя волшебная книга неправильная?

Посмотрела, и броси́ла ей в море, не верит больше. И говорит Ивану:

— Ну, веди чаревича сюда. Будем играть свадьбу.

И вот Иван пошол с бра́тьямы — на корабь. Пришол на корабь и говорит:

— Ну, чаревич, собирайсе. Топерь будем играть свадьбу.

Чаревич очень обрадел, по́звал всю команду, пригласил с собой, и отправились во дворець. Токо оставили на корабле двух или трёх.

Когда оне зашли к царевны, то она посадила их всех за стол, нача́ла угощать и стали играть свадьбу. Князья и боя́ра в долоши заплёскали, што достоин чаревич нашей чаревны, ёму ей и владеть.

Дак вот, оне сыграли в скорое времё свадьбу. Иван-чаревич начинает собиратьце домой со своей чаревной на корабли. И вот когда он собралсе к отьезду, то подошол к нёму Иван-купецеськой сын, но он ёго не знает и говорит:

— Слушай, Иван-чаревич, топерь мы от тебя уходим, все двенадцеть братьев, а ты плови один.

— А почему же, Иван, ты не хочеш с нами плысть? Ведь я тебя награжу там, чем токо ты жалаеш?

— Нет, потому што мне нельзя, и мы уходим. Токо я тебе буду просить в чём и ты не откажи.

— Ну, в чём, говори, Иван, я тебе исполню.

— Вот когда ты приедёш домой, то, знаеш, сидит у тебя в за́мке Иван-купецеской сын, это мне брат. Ты ёго отпусти, Иванку, постарайсе. Токо ты запомни, которой не сказал тебе сна, сам ты ёго посадил, и сам должо́н отпустить.

И вот он сказал:

— Ну, ладно, Иван. Как токо я приеду в чарьство, так кряду же ёго и отпущу, а может мы увидимсе и с тобой.

— А уж это там видно будет, увидаемсе или нет. Токо ты ёго отпусти.

А он и говорит жоны:

— У нас не хватает, топерича, двенатцети матросов, у меня уходит Иван.

Она привела кряду двенатцеть матросов и отправились в ход. А Иван-купецеской сын сказал братьям, розложил ковёр при йих глазах и сказал:

— Ну, полетим.

И царевна кряду же поняла, што это был Иван-купецеской сын, но делать ей было нечего.

И вот оне прилетают к этой горы́ и он говорит братьям.

— Ну, топерь, братья, берите ко́ней, поедем.

И токо приехали, вдруг перьвой чертёнок бежит со стрелкой и он отдаёт ёму шапку-невидимку. Смотрит, и другой бежит, — и он тому отда́л сапоги-скороходы. И смотрит — третий бежит, и он отдаёт ёму ковёр-самолёт. Те, конешно, поблагодарили и говорят:

— Ну, токо спомяни, Иван, мы тебе поможем.

И дальше оне сели на лошадей и поехали в чарьство.

Приежжают оне в чарьство, стретила йих сразу чаревна спросила:

— Ну, как, Иван-купецеской сын, как твои дела? Жонилсе ли мой брат?

Он сказал:

— Прекрасная чаревна, это всё сделано, то, што я говорил, и твой брат приедет черезь шесть суток, а топерь отведи меня в темницю. А этых остальных пускай куда знаеш.

А она опеть ёму и говорит:

— Слушай, Иван-купецеской сын, я не смею тебя посадить. Если приедет мой брат Иван-чаревич, то он меня за это накажет. Почему? Потому што ты сослужил ёму большую службу.

Он и говорит:

— Дак слушай, прекрасная чаревна, ведь не вы посадили, и не вам я должо́н россказать и сон, значит он должо́н и выпустить, а у нас с тобой была уговорка. А когда он придёт, то он узнает, я ёму повестил про это. Может и ты скажеш.

И вот как раз прошло шесть дней, то Иван-чаревич приежжает со своей жоной, с Еленой Прекрасной. Чаревна очень обрадовалась и забыла про этого Ивана, которого посадила в темницу. И вот только как приехал чаревич, так кряду стали устраивать бал и играть свадьбу. И Иван-чаревич забыл про этого Ивана, которого он велел посадить в темницю и так же чаревна. И йихной бал протягаетце три дня. И стали

носить всем потюремщикам сва́дебные чары, даже присутствовала сама эта чарьская дочь, Ивана-чаревича сестра. Когда приходит к ёго за́мку, к темници, то ёго и увидала и сразу ёго вспомнила.

— Ну, Иван-купецеской сын, извини, што я забыла три дня. Сецяс скажу брату, а нет, так пойдём со мной.

— Нет, он меня посадил, он и должо́н выпустить.

Она побежала кряду к брату. Пришла и говорит:

— Слушай, братец, ты знаеш што, это тебе был посланной Иван, которой сидит в темници. Он выпросилсе и летал.

То он сразу вспомнил и сказал:

А хто же имел право посадить ёго, сестра?

— Слушай, братец, а не ты ли сам посадил ёго, когда он тебе не россказал сна? А когда он поехал, то с таким рощё том уговаривалсе, што я посажу ёго обратно в темницю, и ты сам ёго вы́пустиш.

Тут Иван-чаревич сразу пошол к темници, вместе с Еленой Прекрасной. Тут Елена Прекрасна сразу поняла, што он есть Иван-купецеской сын. Тогда он пришол и говорит:

— Ну, Иван-купецеской сын, выходи, коли так вышло дело, што я забыл, то выходи, а меня, конешно, прости, и я тебя ничего больше спрашивать не буду.

И завёл ёго во дворець, посадил за стол и говорит:

— Ну, а топерь говори, што хош, я тебе всё сделаю, што ты прикажеш, што ты мне помог достать Елену Прекрасную.

Он ёму и говорит:

— Слушай, Иван-чаревич, мне ничего с тебя не надо, токо дай мне три года безда́нно, беспо́шлинно, если я зайду в трахтир или в какой-нибудь до́м, или вобщем в како заведенье, што я наем, напью или спрокажу, конешно, без каких-нибудь жертв, штобы тебе за меня уплачивать. Больше мне ничего не надо.

И вот он говорит:

— Ну, слушай, Иван, купецеской сын, это я тебе розрешу, а ище чего жалаеш?

— Больше мне ничего пока не надо, а потом я скажу, когда пройдёт этот строк.

И вот эта чаревна стала думать боле об Иване-купеческом сыне, боле чем, нежéли о чаревице.

— Што он топерь будет пить, как бы не спи́лсе. И жить с Иваном-чаревичем всё-ровно боле не стану, потому што я должна была бы быть евонной жоной, как он меня доста́л, а не чаревиця.

И жа́лилась боле того, што нет у неё волшебной книги, потому што с ней бы скоро ёго решила.

И он это всё пил. Иван-чаревич всё уплачивал, што бы он там не на́пил, или розобьёт, токо бы жертв не наделал Конешно, это ёму па́ло не лёхко, но уж он не щыталсе на это.

Топерь эта прекрасная цяревна стала думать, как бы ей созвать Ивана-купеческого сына. Выбрала такой случа́й, созвала ёго к себе, когда не было, конешно, чаря дома. И вот, когда она зазвала ёго к себе, то посадила за стол и дала ёму немного красного вина, и говорит:

— Ну, слушай, Иван-купеческой сын, сослужи мне службу. И если ты это исполниш, то будешь щастливой. И дальше еще тебе скажу. Почему тебе было, Иван-купеческой сын, жонить чаревича на мне и ухи́трить меня и розлучить меня с моим дедом? Со́рвал ты с головы у нёго волоса́. А почему тебе было не взять меня за себя, потому што я прилетала к тебе змеем, когда ты спал? Ну, больно ты был хитёр, был у тебя петух и он розбудил тебя. Ну, если бы не розбудил, не был бы ты живо́й и не быть бы мне за чаревичем. И розлучил ты меня со своим государьством. Топерь ты мне скажи, што ты думаеш вперёд, так ли думаеш ты пьянствовать или ище што думаш вперёд? Откройсе правду, не тайсе.

— Топерь я тебе не знаю ничего сказать, прекрасная чаревна, во-перьвых, у меня не прошол строк, и не смею я надеятьце на тебя, што ты мне говоришь. А што я не взял тебя сначала, то я не окончил ночи́ и тогда не знал, а уж узнал, то было поздно. А што чаревич меня отвязал от столба, как

я был привязан отцём, то мне ёго стало жалко, и я пошол доставать тебя, што он погинет.

— Вот какой ты, Иван-купеческой сын, как ты его обжалéл, а он тебя не обжалел, посадил в темницю, што ты ёму не россказал сна, которой ёму и не нýжен был.

— Ну, я и не россказал.

— Молодéць, што не россказал, ёму и знать не нужно.

— Тогда мой сон скажетце, когда сбудетце всё это.

Тогда она говорит:

— Слушай, Иван-купеческой сын, ну, так вот што, достань мне эту волшебную книгу, которую я бросúла в морё, тогда я решу всё и проведу тебя на чарьство, а ёго не будет и ты будеш моим мужем.

Тогда он сказал ей:

— Слушай, прекрасная чаревна, у меня нет тех вещей, котóрыма я доставал, оне полýчены обратно тем людя́м, от которых я взял.

Она ёму и говорит:

— Ну, слушай, Иван-купеческой сын, не медли времени, пока я чуствую еще себя не беременной, а то будет поздно, как схватиссе за это, ты сам виноватой, жалуйсе на себя.

— Ну, ладно, Елена Прекрасная, уж так и быть, я для тебя сделаю.

— Это ты сделаеш и для меня и для себя.

Он сказал:

— Топерь я уйду дня нá три, а потом приду с тобой повидатьце, выбери времё.

— Ладно, времё будет.

И вот он сецяс приказал, штобы ёму подали коня с конюшни. Кряду же ёму подали коня и он поехал к этым чóртам, где оны жили эты три чертёнка. И вот когда он приехал и сразу же помянул йих, и вдруг оне все трое евились. Евились, поклонились ёму в пояс и говорят:

— Ну, што тебе надо, Иван-купеческой сын, от нас, мы рады тебе услужить!

— Да, вот што я вам хочу сказать: кто из вас знает, где Елены Прекрасной книга, она была брóшена в море. Я хочу

ей достать. Достаньте мне и принесите, больше мне с вас ничего не надо.

Спросил он перьвого чертёнка:

— Знаеш ли ты эту книгу?

Тот помотал головой.

— Нет, я не знаю.

Тогда он второго спросил:

— Нет, я не знаю. Слышал, а не знаю.

Тогда он последнего спросил. И этот, которой последний прибежал со стрелкой.

— Ну, а ты, может, друг, знаеш?

Этот чертёнок и говорит:

— Да, я знаю, она у меня. Я тогда получил от тебя сапоги-скороходы, побежал по своим участкам, случайно ей увидал: она несётце по воды́. Я схватил, и она топерь у меня.

— Ну, так, вот, друг, ты мне ей отдай.

Чертёнок пожал плечами и говорит:

— Нет, мне ей не охота отдать, тут есть много хорошего написано, чего я и не знаю. Когда я это всё изучу, тогда отдам.

А ёму было ждать долго, он обещалсе притти через триу дня или через четыре. И вот потом эты братья стали ёго просить:

— Слушай, брат, отдай, если тебе не нравитце, што ты последню вещь получил, то мы поменяемсе, любую бери, токо одну. А как мы обещались ёму помогать, то отдай.

Иван всё стоял, слушал йих розговоры. Наконець, он сказал старшему брату:

— Если ты возьмёш сапоги-скороходы, а отдаш мне шапку-невидимку, то я отдам ёму книгу.

— Ну, на́, поменяемсе, а уж мы должны помочь Ивану-купецескому сыну.

Тогда он получил эту книгу и поехал обратно. Вот прошло каких-нибудь четыре дня, и он приежжает в чарьство к Елены Прекрасной. И вот, как она ёго токо увидала, так кряду ёго и со́звала. Это времё опять же не было дома чаря. А Иван-чаревич про это, конешно, ничего не знат, што ведётце

у них с Иваном-купеческим сыном. Топерь он подаёт ей книгу. Она и говорит:

— Ну, молодéць, Иван-купеческой сын, буду твоей жоной, и править тебе всем чарьством. Токо побыть тебе сроку три дня, а уж там видно будет.

Взяла она ету книгу, усмотрела, как поступить с Иваном-чаревичем, то нашла йим выход. И усыпила ёго нáмертво, как бытто бы он умер. И тут пришла, конешно, скорая помощ, стали россматривать, видят, што, конешно, умер цёловек. Продержали ёго три дня, не воскрес, так не воскрес. Потом сделали пóхороны, похоронили чаревича. И так, после этого сецяс даёт приказ, берёт этого Ивана купеческого сына себе в мужья и производит ёго на чарьство. И сделали пир-не свадьбу, а просто пир, ну, вроде свадьбы. И вот на этот пир, конешно, все гости приглашóны и так же отець. Ну, он не знал, хто ёго зовёт. И братья ёго были на пир приглашоны с жонами, так же и проччие. Вот сидят, конешно угóщаютце, ведётце пир сутки, вторые и на третьи сутки. Он говорит:

— Слушайте, товарыщы, я обскажу небольшое дело про свой сон.

И вот он начинает говорить:

— Был, конешно, купець, и былó у нёго три сына. И построил купець новой дом. И как братья спали в новом домý и обсказывали сны, а мéньшой, Иван, не обсказал своёгó сна. И вот он как ёго не спрашивали, тот не сказал. Отець привязал ёго к столбу, роздел нагóго, и отвязал ёго от столба чаревиць. Привёз ёго домой, конешно, одел и тоже стал спрашивать. И он чаревичу не обсказал также. И чаревич посадил ёго в темницю. А чаревичу нужно было жонитьце. Когда уехал чаревич жоницьце, а это Иван-купеческой сын сидел в темници, а это ёму всё снилось снацяла про себя, а потом про царевиця. И выпросилсе он поехать жонить чаревича. Как ни ухитряла Елена-Прекрасная чаревичу загадки, Иван-купеческой сын всё отгадывал, потому што это ёму всё снилось. И жонил чаревича на прекрасной царевны. А по закону-то по настоящему, она принадлежала, прекрасная ча-

ревна, Ивану-купецескому сыну. Он не узнал, не доспал и не узнал, и он не решилсе, ну, а уж после-то делать было нечего. И вот, когда узнала Елена Прекрасная про это всё, то призвала этого Ивана-купецеского сына к себе. А за это времё чаревич скоропостижно умер. И призвала она этого Ивана-купецеского сына, взяла в мужья, поставила на чарьство и вот он сидит топерь перед вами. А ты мне отець, а я тебе сын. И это мне всё снилось про чаря и про себя. И топерь я вам россказал этот свой сон, когда это всё случилось и на том кончаю. И вот ты, отець, топерь будь спокоен.

Тогда отець вышел из-за стола, просил у сына прощенья, што он ёму нагрубил.

Ну, он, конешно, с ним ничего не сделал, потому што он был ёму отець. И стал жить со своей жоной Еленой Прекрасной до глубокой старости. На том и кончим.

16. ИВАН МЕНЬШО́Й—РАЗУМОМ БОЛЬШО́Й

Не́ в котором чарстви, не́ в котором государстви был жил старик со своей старухой. Ну, старик ничего другого не мог роботать, как уж он был очень ста́рой: ходил в лес дро́ва ру́бить. Раз он пошол на свою роботу и только зашол в лес смотрит лежит на кусту̀ деветь еиць. Он што думать: взял яйця в ва́рёжку, со́брал и думает:

— Если возьму в собой в лес, розобью там, а лучче я здесь их оставлю.

Вот прорубил он день и идёт вецером обратно, заходит к этому кусту̀. Когда пришол к этому кусту̀, смотрит, нет ни варежки, и ни еиць. Старик задумалсе:

— Эх, нехорошо сделал.

Домой пришол он к своей старухи и говорит:

— Вот, баушка, шол я сегодне и нашол утром на кусту̀ деветь еиць, со́брал их в варежку и оставил, а вецером пошол—нет ни варежки, ни еиць.

— Ох ты ста́рой пёс, знала бы это, не дала бы тебе и йись. Ты знаеш, деветь еиць по петь копеек штука, ведь сорок петь копеек—деньги.

— Ну, ладно, баушка, если другой раз придетце найти, дак уж не оставлю.

Вот на второй день старичок тоже походит в лес. Приходит к тому же кусту и смотрит, восемнатцеть еицъ лежит. И он взял эты яйця и собрал в обои дельници и роздумалсе:

— Ну, што мне делать? Домой итти или в собой в лес эты яйця взять? Если в собой возьму в лес, то я их роздавлю, а домой итти лучче уж вечером, когда дров нарублю.

Вот он взял и опеть оставил, а сам пошол рубить. Порубил он день, так не дополна и пошол домой. Приходит к этому кусту, смотрит, а нет ни дельницъ, ни еицъ. Крепко старик задумалсе:

— Ну, как я об этом старухи скажу. Ну, ладно, буду молчать.

И потом приходит он домой. Старуха накрыла стол, покормила и спрашивает:

— Чего ты, дедушко, сéдни невесёлой такой?

Да так!

— Ну, скажи ты, раньше всегда говорил, а сегодне молчиш.

— Да што, баушка, сказать, ведь ругатьце будеш. Сегодне я нашол восемнатцеть еицъ, положил в обеи дельници и оставил на кусту. Домой пошол — ни дельницёк, ни еицъ нет.

— Ну, старой пёс, знала бы тебя крюком навозила бы и ись не дала. Не даром ты и молчиш там.

Тогда он сказал:

— Но, ладно, баушка, уж если ище случитце найти, то я не оставлю, соберу и сразу домой принесу.

— Ну, то-то, смотри.

И так старик пошол в лес. Приходит к этому кусту и смотрит, тридцеть три ейця.

— Ну, ладно, думает, — топерь-то уж больше я так не сделаю.

Взял старик запоясал кушаком свой рокон и склал яйця в пазуху и затем пошол домой.

— Не пойду я в лес, а пойду домой,

Вот он шол недалекó и стал кушак у нёго слабнуть. И стали еицька выпáдывать на дорогу. Как еицё выпадет, так молодéць выскоцит. Повыпáдывали, повыскакивали, тридцеть три еиця выпало, тридцеть три молодця выскоцило

25*

и пошли за стариком вслед. Вот когда оне пришли домой, бабка смотрит, у йих топерь тридцеть три сына. Она накрыла стол и стала йих кормить. Вот когда оне поели, заговорил Иван Меньшо́й — Разум Большо́й:

— Ну, отець, умел нас найти, умей нам роботу дать.

— Да какую я вам роботу дам?

— Да поди в кузницю, закажи тридцеть три косы, а мы в это времё тридцеть три граблé́й сделаем.

Отець пошол в кузницю, заказал тридцеть три косы. Пока ходил он, да кова́ли, робята сделали тридцеть три грабле́й. Топерь и говорит отцю Иван Меньшо́й — Разум Большой:

— Ну, топерь куда пойдём роботать?

— Да я не знаю.

— Не знаеш, дак пойдём чарьской заповедной луг косить.

С утра и пошли. А этот Иван Меньшой — Разумом Большой не косит, — ходит там за ста́ршого. И вдруг с полу́дни приежжает царьской вельможа и спрашивает:

— Хто у вас тут есть за ста́ршого?

И выходит один из них.

— Я, — говорит, — есть Иван Меньшой — Разумом Большой за ста́ршого. Што будет угодно?

Он и сказал ёму:

— А хто тебе, Иван Меньшой — Разум Большой, приказал заповедны луга косить?

— Потому што их нихто не косит, а когда косит, никогда не могут сено сохранить.

Слушай, вельможа, лучче, если я укошу́, дак это будет лучче, чем столько сена гибнет. Я это вижу и потому и стал косить.

Эты слова вельможе понравились и он поехал к чарю с ответом. Когда приежжает, чарь и спрашивает:

— Ну, што, хто там ко́сит?

— Косит один Иван Меньшо́й — Разумом Большо́й, и обсказал мне, што трава сохнет. Чем ей портить, так он ей скосит.

— Ну, ладно, поежжай обратно и спроси Ивана Меньшо́го — Разумом Большо́го, какой для них обед нужно приготовить.

Вот приежжает вельможа и спрашивает:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разумом Большой, какой для вас обед приготовить?

— Для нас? Я тебе скажу: тридцеть три быка ижжарь и тридцеть три ведра вина приготовь.

Вельможа приехал к чарю и сказал:

— Вот сказал: тридцеть три быка ижжарь и тридцеть три ведра вина приготовь.

— Ну, хорошо.

Они стали делать, а те косили до вечера, со́брали всё сено. Когда со́брали, прихо́дят, конешно, к чарю. У чаря обед был гото́вой. Вот оне сели за стол, выпивают и едят. Вот, конешно, вино выпили, мясо поели. Вот приходит чарь и начинает йих рощитывать. Рощитывает он йих по сорок копеек, а Ивана Меньшо́го — Разумом Большо́го в петьдесят. Вот оне эти деньги все собирают вместе и передают отцю. Тогда заговорил этому старику чарь:

— Вот што, дедушко, как же ты будеш топерь кормить своих сыновей, у тебя тридцеть три сына, йих надо выкормить, одеть, в грамоту выучить. А лучче ты отдай мне сыновей в роботники, а я тебе за это со старухой даю на́веки хлеба.

Старик согласилсе.

— Ну, што же если сыновья пойдут, то я согла́сен.

Тогда он спросил Ивана Меньшо́го — Разумом Большого:

— Ну, што, Иван Меньшо́й — Разумом Большой, будете жить у меня?

— Будем.

Чарь даёт старику денег, штобы ёму хватило на́век, и старик пошол домой. С тех пор старик больше не стал хо́дить рубить дров и стал жить со своей старухой.

Вот это времё прожили оне значит до осени, эты все братья у чаря. И прошло это времё: стали ночи тёмные и стало сено терятьце у них, неизвестно, што косят, то меньше: куда-то деваетце. Тогда заговорил чарь Ивану Меньшо́му — Разумом Большому:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, умел сено косить, умей во́ра поймать.

И Иван говорит:

— Ну, братья, пойдёмте дежурить.

Вот братья по заколи́нам росселись, а он вы́стал кверьху на зоро́д и сидит, и стал спрашивать братьев:

— Спите́ ли?

Ответу нет ни от кого. Значит все заснули, а он всё сидит. И вдруг уж стало совсем тёмно, так времё около полу́ночи, и вдруг смотрит, бежит кобылиця-златогривиця, с тритцети двума жерёбятами. И жерёбятки все красивые, как сама. И подходят к этому сену и начинают ёго ись. Едят и топчут, так сено и убавляетце. И он смотрит, как бы на какого скочить, но ницёго не выходит, оне не бли́зко. И так побежали обратно и в море броси́лись. Топерь он стал.

— Братья, става́йте, спите́-ли?

— Нет.

— Става́йте, ви́дели ли кого?

— Нет, никого не вида́ли, а ты, брат?

— Я тоже никого.

— Ну, пойдёмте.

И пошли все. Пришли, спросил их царь:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большо́й, ви́дели кого?

— Нет, никого не видал эту ноч.

— Ну, ладно.

И вот на вторую пошли. Пришли, братья свалились по заколи́нам и заснули, а он сидит, ёго еще больше заинтересовало. Вот и сте́мнилось. Он стал братьев спрашивать:

— Братья, спите́-ли?

Молчат все.

— Ну, ладно.

А сам всё смотрит. И вот сте́мнилось совсем, и вдруг россве́тило, бежит кобылиця-златогривиця с тритцетью двумя жерёбятами. А сам совсем спряталсе, токо голова немного торчит. Вот смотрит, подходит к нему один жерёбяток, совсем уж близко стало. Он как прыгнет и схватилсе за гриву. Кобылиця увидала и броси́лась с остальными в морё. Жерёбяток носилсе-носилсе по́ лугу по этому, никак ёго не скинет. Наконець, заговорил:

— Слушай, Иван Меньшо́й — Разум Большой, коли умел меня поймать, так умей завтро матерь поймать, а ты топерь меня отпусти, я научу тебя, как матерь поймать.

— Ну, как, скажи?

Вот он говорит:

— Как ты сёгодне на́ ноч пойдёш, меня ты отпусти топерь, а я завтро приду к той же заколи́ны и буду у тебя ись. Мать увидит, што я стою, где пойман был, так броситце на меня, штобы укусить. Ты скочи на меня, а черезь меня на ей, как токо ты можеш ей пойма́ть, а я тебя придержу, штобы тебе лехче ей поима́ть.

Так он ёго отпустил и стал братьев спрашивать:

— Братья, спите́-ли?

— Нет.

— Дак ставайте. Видали кого?

— Нет не видали. А ты, брат?

— Я тоже никого.

— Ну, так пойдём домой.

И так пришли оне домой. Когда пришли домой, чарь спросил:

— Ну, как, Иван Меньшо́й — Разум Большой, видал кого?

— Да нет, и по вторую ночь никого не видал. Посмотрим, што дальше будет.

Так пере́жили оне день. На́ ночь похо́дят. Вот опеть, конешно, пришли оне на это место к заколи́нам. Братья розошлись по заколи́нам и заснули, а Иван сел на заколи́ну, закопалсе опеть, токо голова торчит, и сидит, караулит, што будет. И вот сецяс вдруг увидал: россве́тилось и бежит опеть кобылицЯ с тритцетью двумя жере́бятамы. Этот жере́беток прибежал к нёму, остоялсе и нача́л ись. Только она увидала издали и бежит к нёму. Прибежала, хочет кусить жере́бетка. Как он прыгнет, перекатилсе черезь него и ухватил ей. И вот она и понеслась по лу́гу по этому. Носилась, носилась и заговорила:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, умел поймать, умей и роботу дать.

— Найдём!

И скричал братьев. Братья скочили, думают зоро́ды горят. Зоро́ды стоят. Скочили оне на коней и поехали во дворець. Приежжают во дворець, чарь увидал и обрадел — тритцеть три лошади, да какие!

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, молодець, поймал воров. Топерь дай мне одного коня, я поеду покататьце, очень люблю кататьце на лошадях на таких.

— Нет, ваше величество, лошади не обузданы, не обьежжены, надо их выучить сначала, а потом я тебе даю. Я вот сьежжу сначала с братьями, обьежжу, а потом ты поедеш.

— Ну, ладно, поежжай с братьями, куды знаеш.

Так он говорит братьям:

— Ну, што, братья, куды думаете поехать?

— Да не знаем, Иван Меньшо́й — Разумом Большой.

— Давай, поедем жонитьце.

— Давай, жонитьце давай.

Итак оне поехали жонитьце. Вот оне приежжают к одной, баушке Еги́сне.

— Ну, што, баушка, сколько у тебя дочерей?

— Деветь.

— Мало это нам. Поедем дальше.

И так поехали дальше. Приежжают ко второй. Иван Меньшо́й — Разум Большой и спрашивает:

— Ну, сколько у тебя, баушка, дочерей есть?

— У меня восемнатцеть.

— Мало этого, поедем дальше.

— Ну, поежжайте к третьей сестры́.

И так поехали дальше. Приежжают оне к третьей сестры́. Иван Меньшо́й — Разумом Большой и спрашивает:

— Ну, сколько у тебя, баушка, дочерей есть?

— Да у меня дочерей тритцеть три.

— Ну, вот хорошо. Отдаш дочерей замуж?

— Отдам.

Вот роспрегают лошадей, приходят в дом. Зашли оне в дом, старуха сецяс стол накрыла, невёст привела, стала поить-кормить. Когда она напоила-накормила и сказала:

— Ну, у меня закон такой: идите сецяс гуляйте всяк со своей парой. Потом придёте, будете спать, и вот и же́нитесь.

Братья сецяс берут своих невёст и отправились гулять. И Иван пошол тоже. Токо вышел из комнаты и спомнил про свою кобылу.

— Пойду, посмотрю.

Старуха спросила:

— Ты што, Иван?

— Да пойду, посмотрю ко́ней.

— Што ты, Иван, ко́ни все накормлены, стоят в конюшны.

— Нет, пойду посмотрю.

И пошол. А невёста стоит, дожидает. Она была меньше́е всех и хитре́е всех. И вот когда он подошол к кобылы и смотрит, кобыла стоит совершенно переме́нна, ей ноги как будто по колен в крови. Он и спрашивает кобылу:

— Ну, скажи, моя кобылка, почему же ты стоиш по колен в крови, какую ты незгоду чуеш над собой или надо мной?

— Над тобой, Иван Меньшо́й — Разумом Большой.

Она ёму и говорит:

— Слушай, Иван Меньшо́й — Разумом Большой. Когда ты пойдёш гулять, то вот я даю тебе три дубичка́. И братья твои, увидиш, розбежатце хто куда. А ты не ложись с ней спать, ни што́, а вытягай этот дубичо́к, начинай ей бить. Вот этот дубичо́к ты вы́ломиш, она даёт тебе пло́точку. Потом второй вы́ломаш, она даёт тебе кремешо́к, ты опеть дальше начинай. Она тебя спросит: „Почему ты, Иван Меньшо́й — Разумом Большой меня бьёш?" — „А вот так надо". И опеть начинай бить. Третий дубичо́к вы́ломаш, она тебе даст волшебной платок. Ты платок бери в корман и иди проць, и все братья пойдут за тобой. А то вам всем братьям не выбратьце будет отсюда, она всех ме́ньше и всех хитрее.

Тогда он пошол к невёсте, берёт ей за руку и пошол в сад. Приходит в сад и вынимает пру́тушек, начинает ей бить. Бил, бил, пру́тушек сломал, она и говорит:

— Ну, што ты, Иванушко, меня бьёш. На, вот я тебе даю пло́точку.

Он пло́тоцьку забирает и снова нацинает бить. Вот бил, бил, опеть сломал, она даёт ему кремешо́к. Он сунул в корман, опеть нацинает бить. Вот до того он добил ей, она и говорит:

— Иванушко, не бей, я тебе даю волшебной платок.

Токо сунул в корман, видит, все братья идут за ним. Вот приходят они к дому. Старуха выбегает на крыльцё и заплескала в лодо́ни:

— Эх, этот раз не удалось, всё ровно поймаю.

Заводит их в третий этаж и са́дит всех пароцьками. Посадила рядом и нацинает вином поить их. Братья уже здорово накачались, а он и говорит:

— Надо сходить посмотреть ко́ней. Мы-то пьём, а што ко́ни у нас едят.

Баушка говорит:

— Куда ты, Иванушко, похо́диш? Чего тебе? Ко́ни стоят, отдыхают.

— Нет, надо посмотреть.

Вот приходит, конечно, в конюшну, приходит, смотрит, кобыла уже стоит чуть не по груди́м в крови. Он её и спрашивает:

— Што ты, моя милая, стоиш по груди́м в крови? Какую ты незгоду чуеш над собой или надо мной?

— Я, Иван Меньшо́й — Разумом Большой, чую над тобой. Смотри, пья́ной не напивайсе, не гляди на бра́тьёв. Придёш ты отсюда, напейсе только немного. Вот напьётесь вы пьяные и повалит она всех вас спать. На вас она поло́жит чорные шляпы, а на девушек положит белые. И потом в по́лноцьвремё покатитце волшебной мець с полки и отрубит у всех вас братьев головы. И вот ты не спи, а перед полно́цью ставай и перемени шляпы; на братьев поло́жь белые и сам надень, а на девушек надень чорные. А потом, когда этот мець отрубит у девушек головы, сдирай с них сарафа́ны, прыгайте в окно, садитесь на ко́ни и поежжайте. Тут вам не женитьба.

И так он пошол проць. Вот он, конешно, пришол, смотрит, уж братья — хто валяютце под столами, хто дремлет, хто еще говорит, а она бегает, угощает.

— Вот, Иван Меньшо́й — Разумом Большой, ты што-то отстал, пей, пей больше.

— Ничего, я скоро напьюсь.

Вот она стала стелить постели, а он притворилсе пьяным. Поло́жила она бра́тьёв и ёго тоже. И вот, конешно, приносит все чорные шляпы, полага́ет на них, а белые на девушек. Вышла, трема́ замка́ми замкнула и сама пошла спать и сказала:

— Ну, топерь ты попал ко мне, Иван Ме́ньшо́й — Разумом Большой.

Вот Иван скорё́хонько ставал, чорные шляпы на девок полагает, а белые на бра́тьёв, и сам притаилсе, лежит, а братья все спят. И вдруг слышит, сделалсе гром и прикатилсе волшебной мець, стал у чорных шляп головы рубить. Порубил и укатилсе обратно. Он ставает и нацинает бра́тьёв трести.

— Братья, ставайте, беда близко, смотрите, што здесь, и мы были бы пору́блены, если бы я не переодел вам шляпы на го́ловы. Давайте, сдирать сарафаны и давайте проць уедем, а то старуха станет, нам не жить.

И так сдирают сарафаны, берут с собой и стали спускатьце. Спустились, берут лошадей и поехали. Конецьно, они едут. Вот старуха утром как ско́цит со сна.

— Ах, ах, вот так ловко Иван Меньшо́й — Разумом Большой сделал. Всё ровно он от меня никуда не уйдёт. Увёз он у меня волшебной платок, потому и уехал.

Сецяс садитце в огненную колесницю и ка́тит за нима́ вслед. Вот подьежжает Иван Меньшо́й — Разумом Большой к морю, махнул волшебным платком, мост черезь море сделалсе, поехали по́ мосту. Она приежжает к морю, а он уж на полмо́ре едет. Она скочила на́ мост и поехала вслед. Вот она стала на полпути, а уж он переехал черезь. Махнул волшебным платком, мо́ста не стало, она и упала в море и закричала:

— Ну, щастьё твоё, што ты увёз у меня волшебной платок, а то бы я тебя догна́ла.

Вот тогда он сказал братьям:

— Ну, братья, вы ведь спали, пили, ели, — наслаждались три дня, а ведь я не спа́л, да и ел худе́нько. Я хочу спать.

Повалилсе спать под дубом, кобылу связал рядом и лёг. Лёг, вот братья промеж собой и стали говорить:

— А што, братья, у Ивана Меньшого — Разумом Большого жона то была некрасива, не понравилась, так он черезъ это и наших-то жон убил. Неужто старуха убила сама своих доцерей. Он убил. Убьём мы ёго.

И подходят и хотят ёго ударить цем-нибудь. Так кобыла как дáст копытом: которого искалецила, которого убила, которого зубом порвáла и не подпустила близко. А Иван спит, ничего не слышит. Когда Иван выспалсе и смотрит:

— Што такое?

Кобыла говорит:

— А вот што, тебя братья хотели убить, што у тебя жона была нехорóша, тебе не понравилась, и ты всех девицъ убил, а не мець волшебной.

А тут некоторы братья еще лежали рáнены. Он подошол к этым братьям остальным.

— Ну, што, братья, у вас тут слуцилось?

— Да вот, так и так. Я то, конешно, не виноват, подошол, а кобыла и ранила, а братья хотели тебя убить.

— Дураки-же, ну чем вам мучитьце, — взял и убил остальных.

Сел на кобылу и уехал. Вот подъехал немного, приехал на заповедной чарьской луг, кобыла и говорит:

— Слушай, Иван Меньшóй — Разумом Большой, отпусти всех моих жерéбятков, а я тебе одна буду служить и выслужу всё, што ты щáслив будеш.

Он отпустил всех жерéбятков. Они бросились в морё, а он заехал на чарьской двор. Когда он приехал на чарьской двор на кобылы, то чарь спросил:

— Где у тебя, Иван Меньшóй — Разум Большой остальные кóни?

— Остальные кóни? А братья не знай куда уехали, розбежались, уж топерь я не знаю, а я приехал к тебе.

— Ну, хорошо. Поступай на конюшню.

Иван Меньшóй — Разумом Большой поступил на конюшню. Дали ёму лошадей. Он их кормил, хóлил, и лошади у нёго

отличались даже от всех других. И чарь очень ченил Ивана Меньшо́го — Разумом Большого.

Вот эты конюха́, понимаеш, стали на него обижатьце. А почему обижатьце? Потому што ёго ченили очень. И вот стали они думать, как бы што найти, хоть ма́лость какую, штобы ёму не быть в нашем государстве. Думали они, думали, наконець придумали таку штуку, што оне узнали раньше и слыхали, што этот чарь до семидесети лет был не жонатой. Сватал он одну королевну, сватал, сватал, во́йска сколько загубил, но не вы́сватал, потому што она за нёго не шла. И оне придумали таку штуку, будто он хвалитце, што достанет эту невесту, прекрасную чаревну. Вдруг сецяс, коли царь услыха́л эту штуку, сецяс призывает Ивана.

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, коли ты хвалиссе, што достанеш эту невесту, котору я давно жалал в жоны, — доставай, не доста́неш — голова с плець. Доста́неш, то я тебе даю город с подгородком.

Иван и говорит:

— Слушай, ваше велицество, рази я это говорил. Я не знаю ницёго́. Да где мне знать, ваше велицество. Я и не вида́л. Што вы? Да где же мне доста́ть?

— Ну, не розговаривай, поежжай!

Он, конешно, заплакал, пошол проць. Да. Приходит к своей кобылы, плацет.

— Ну, милая моя кобылка, вот мне беда пришла.

А она ёму и говорит:

— Што ты, Иванушко, плачеш?

— Да как же мне, милая кобыла, не плакать? Чарь дал такой наказ, штоб доста́ть ему прекрасную чаревну, котору он три года силой доставал, достать не мог. Да я ей и не знаю, где-ж она, хто ей знает. Ой-ой-ой!

— Полно, Иван Меньшо́й — Разум Большой, не печалуйсе, это и не служба вовсе, а службиця; а служба вся впереди. Садись на меня и поедем. Конешно, дорога не так знакома, ну найдём.

Вот поехали. Ехали бли́зко-ли далёко, ни́зко-ли высо́ко, Иван, конешно, не знает, кобыла сама несёт. И вдруг приежжают

в это чарьство. Вот подьежжает к са́ду тому-ка, где любимой сад был этой чаревны, кобыла и говорит:

— Вот слушай, Иван, топерь я как заеду, стану такой красивой яблоней, она не утерпит, придёт эту яблоню смотреть, а ты повались под яблоней. Вот она придёт, ты учепись ей за́ косы и крепко держись. Она будет сильнё рватьце, а там мы уж уедем из этого государьства.

И вот когда она обернулась, сделалось всё, и он сел под древо. Сидит, вдруг приходит эта чаревна. Конешно, она краси́ва была.

Ох, до чего краси́ва яблоня, такой я еще и не видала.

Вдруг Иван Меньшо́й — Разум Бо́льшой как вско́чит и учепил ей за́ косы, она стала рватьце, он крепко держит.

— Ох, милая кобылушка, где ты?

И сецяс он уж очутилсе на лошади́, и мчатце. Вдруг примчались в то государьство. Когда он привёз ей к чарю и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, коли вы жалали ей в жоны, вот я и доста́л вам ей.

— Ну, молоде́ць. И вот я тебе даю город с подгородками.

Когда узнали конюха́, што он доста́л не токо прекрасную чаревну, а и город с подгородками, они еще больше заноситьце стали, но уж сделать ницёго́ не могли больше. Топерь вот, когда он привёз эту чаревну, то приходит чарь и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, я давно жалал тебя в жоны. Топерь уж я тебе предлагаю, штоб ты вышла за меня замуж.

— Да, правда, я не отрицаю. Раз пришла, то надо мне и вытти за тебя замуж. Но дело в том, щте у меня нет подвенечного платья. До ти́х пор я за тебя замуж нё пойду, пока ты не достанеш мне подвенечного платья.

— Ну, где-ж твое подвенечно платьё, хто ёго может достать?

Чаревна говорит:

— Доста́ть? Да хто доста́л меня, тот платьё долж́он достать.

— А где-ж твоё подвенечно платьё?

— А вот как я пропала, потерялась, то батько возмьёт мое подвенечно платьё, отнесёт в собор, отнесёт и зароет в землю неизвесно куда.

Чарь, ни слова ей не говоря, сецяс призывает Ивана Меньшо́го — Разумом Большого:

— Ну, Иван Меншо́й — Разум Большой, коль доста́л мне жону, достань ейно подвенечно платьё.

— Да што вы, ваше величество, где ейно подвенечно платьё? Я и не знаю и не видел, где мне доста́ть?

— Ну, молци, достань где знаеш, а то голову с плець долой.

Вот, конешно, Иван Меньшо́й — Разумом Большой, ницёго́ больше ёму не сказал и пошол к кобылы, плацет:

— Што ты плачеш, Иванушко?

— Да вот чарь велел доста́ть подвенечно платьё, а где ёго захоро́нят, ничего не знаю, не сказал.

— Брось плакать, садись на меня, надо скорее ехать, а то, пожалуй и впрямь захоро́нят.

И вот оне приежжают в скоро времё в это государьство, кобыла и говорит:

— Вот слушай, Иван Меньшо́й — Разум Большой: пойдёш ты по городу, увидиш нищих и купи у них корзину или попроси. Так лучче у нищих купи, чем просить. Потом купи у них кафтан, ну, если не будут продавать, то обменяй свой и иди проси под о́кнами куски, и напросиш кусков десятка полтора, иди к собору, а там уж священники и архиреи отпевают ейно платьё, оно на олтаре лежит. Становись за дверью, а я в это времё забе́гаю золотым конём вокруг черквы. И выйдеш из черквы, увидают когда меня монахи там, попы, дьячки, дьякона́ и все последние выйдут меня пойма́ть. Ты забирай это платьё, ложи́ его под куски. Достанеш, и выйдеш из собора и скажи: „Дайте, я ей на куски подманю“. Токо пусть близко к тебе никто не подходит. А я подбегу к тебе, вот и скажут, што „скоро поймаеш, отдай нам коня“. А потом я к тебе совсем близко подойду, скачи на меня, так и уедем, нихто и не узнает куда.

Так оне поговорили и розошлись. Он пошол по городу. Приходит к одним нищим и говорит:

— Робятушки, продайте мне корзинку.

— А на што тебе, молодець?

— Да нужно, продайте.

— А што, давай!

Вот он заплатил рубь им или там полтинник и говорит:

— Продайте мне кафтан с себя.

— А зачем тебе, у тебя и так хорош!

— Продайте, да продайте, — говорит.

— Зачем продавать? Давай менять.

—Давай.

Вот он подал кафтан, взял корзинку и пошол по городу. Напросил кусков петнатцеть или дватцеть и приходит к собору. Вдруг забегал золотой конь вокруг собору. Когда увидал народ в соборе и загляделись и давай бежать и бежать, все убежали, даже и архиреи, все убежали имать, никого не осталось. Он в это времё заходит в собор. Заходит он в собор, конешно, берёт стало это платьё и закладывает его кусочками. Закладывает кусочками и вышел из собора.

— Дайте, я ёго на куски приманю.

Вот заманивает ёго ближе и ближе, совсем близко подошол. Как скочит на нёго, и след простыл, нигде не стало. Приходят конешно священники и весь народ в собор, платьё взять-повзять, нигде не стало.

— Ну, хто украл чаревну, тот и платьё украл.

На том и положились.

А наш Иван катит в своё чарьство, хоть бы што! Приезжает к чарю и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я тебе и платьё достал.

— Ну, вот, Иван, молодець, я тебе даю еще один город, и пусть ты владееш этыма городами.

Топерь приходит чарь к чаревне и говорит:

— Ну, вот, прекрасная чаревна, топерь уж тебе делать нечего, придётце итти за меня замуж, я тебе достал подвенечно платьё.

— Достал-то ты доста́л, но дело в том, што я за тебя замуж не пойду до ти́х пор, пока ты не достанёш мне подвенечного перстня и кореты.

— А где-ж твоя перстень и корета? Я ведь не знаю. Скажи мне пожалоста, прекрасная чаревна.

— Мой перстень в ящику́, ящик в корете, корета в кораблé; корабь в море на дне.

— Ну, на дне, так кто-ж ёго достанет оттуда?

— Да хто доста́л платьё, достанет и корету оттуда.

Сецяс он опеть-же призывает Ивана Меньшо́го — Разумом Большого.

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, сослужи мне еще одну службу, а там я уж даю тебе еще один город и ты будеш прямо князем-этым княжеством владеть. Сослужи мне еще такую вот службу. Вот достань подвенечной перстень и корету. Перстень в ящику́, ящик в коре́ты, коре́та в корабле, корабь в море на дне.

— Да што ты, ваше величество, ведь я не кит-рыба, как же я могу в море достать?

— Ну, не розговаривай, а то голова с плець.

И Иван пошол к своей кобылы, заплакал. Даже све́ту белого не видит и пути-дороги перед собой не слышит. Пришол к кобылы, пал в ноги и плацет, даже слово вымолвить не может. Кобыла и говорит:

— Што ты, Иван Меньшо́й — Разумом Большой, так плачеш? Какую тебе чарь службу дал, росскажи мне?

—Ох ты, милая моя кобыла, где нам такую службу исполнить, коли он такую службу дал. Ведь мы не рыба, не кит, не можем же в море сходить и из моря притти. Велит достать подвенечной перстень и корету. Перстень в ящику́, ящик в коре́ты, коре́та в корабле, корабь в море на дне. Тут и задумаш, где-ж ёго из моря достать?

Ну, вот, Иван, я тебе сказала, — не служба, а службиця, служба вся впереди: вот и служба. Ну, поди теперь к чарю, я скажу тебе, што достать. Дорога нам не дальня, но печальня. Тебе-то не дальня, а мне-то дальня и печальня. Попроси у ёго вина, десертов ящик, гусли,

орехов и карты и это всё собери и приходи ко мне, потом и поедем.

И вот так он, конешно, всё это со́брал, и приходит к ней. Она ёму и говорит:

— Ну, вот, коли ты всё это со́брал, дак садись на меня, да давай поедем в те заповедны луга, где ты меня поймáл.

Вот она привезла ёго на эту заколи́ну, посадила и сама говорит:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, сиди здесь три дня, а я пойду в морё, запрягусь в эту корету и вернусь церезь три дня. Ну, только ты смотри, не спи. В карты поигрывай, по рюмоцьке выпивай, орешки пощёлкивай, в гуселки поигрывай, но смотри не спи. Если заснеш, то не бывать ни тебе, ни мне в живых. Если достигнут нас мои дети-кони, то розорвут тебя и меня. А если успееш заскоцить в корету и взять вожжи, то тогда будеш щастливой.

И так с темá словами она броси́лась в морё и ушла. А Иван осталсе сидеть на заколи́ны. И вот Иван сидит сутки, орешки пощёлкивает, по рюмоцьке выпивает, в гусельци поигрыват. На вторы сутки ёго стало клонить ко сну́. Ёго уж ништо не розвлекат: ни карты, ни винцё, ни гусли, ни орешки. И на третьи сутки совершенно заснул, и так крепко, што и сам себя не помнит. Спал, спал, глаза змахнул, а уж кобылиця с коретой перед заколи́ной остановилась, он только успел скоцить в корету, схватил вожжи, слышит, жеребя́та загрохотали.

— Ну, щастье, Иван Меньшо̀й — Разум Большой, што успел во́ времё схватить за вожжи и скоцить в корету; то бы не бывать тебе живому, розорвали бы на мелки цясти.

А Иван поехал и скрылсе в чарьском дворце. Когда он приехал и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я тебе достáл подвенецьной перстень и корету подвенецьную, ище ли тебе мало?

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, молоде́ць, я назнацяю тебя наследником над этымá городамы и ты будеш князем.

И сам подходит к чаревны и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, я тебя вся́ко тешил, и доста́л, как ты жалала, подвенецьной перстень и корету. Топерь осталось нам только с тобой повенчатьце.

— Повенчатьце то недо́лго, и я повеньчатьце всегда согла́сна, только вот како́ дело: вот у меня батько, никогда не бывает, ста́рой, а ты ста́рой. Когда батько мой бывает ста́рой, дак он молодитце, и делает это так: он наливает три котла, в один воду студёну, в другой кипицёну воду, в третий молоко кипецёно и купаетце. Снацяла в кипе́цём молоке, потом в кипе́цей воды, а уж потом в студёной воды, и выходит такой молодой и красивой, што делаетце в три раза́ лучче прежного.

Вот он, конешно, думает:

— Мне-ка выкупатьце ништо́, а сперьва я сделаю опыт на Иване.

Вот он призывает Ивана Меньшого́ — Разумом Большого. Когда призвал и говорит:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разум Большой, сослужи ты мне ище службу: выкупайсе в трёх котлах: в кипе́цём молоке, в кипе́цей воды, и потом в холодной воды, и будеш молодым.

— Я, ваше велицество, и так не ста́рой.

— Ну, будеш красивым.

— Дак вы што думаете, ваше велицество, я вам мало служил видно, што вы ище выдумали меня в молоке сожга́ть?

— Ну, не розговаривай, а то голова с плець!

Иван ницёго́ больше не сказал, пошол, заплакал. Пришол к своей кобылы, пал к ногам и плацёт. Ницёго́ сказать не может, только проговорил:

— Ну, прости моя кобылка дорогая, мне в живых не бывать, — и больше ницёго сказать не может.

Кобыла нацинает ёго спрашивать:

— Ну, што ты, Иванушко, заплакал, видно чарь тебе ище каку́ службу дал?

— Да как мне не плакать, как чарь топерь задумал меня в молоке живого сварить, в кипяцёной воды обожга́ть, топерь мне живому не быть и тебя больше не вида́ть.

Тогда и говорит ёму кобыла:

26*

— Нет, Иван, ище это не беда, лиш бы больше не была́. Топерь последняя тебе беда. Поди на двор, да и роздевайсе. Там соберутце все зрители смотреть: и чарь, и чаревна, и конюха́, и прочая публика. Когда ты разденессе, рубашку скинеш со себя, ище в подштанниках, скажи: „Ну, приведите мне кобылу в последний раз ей повидать, уж всё ровно мне больше ей не видать." Когда меня приведут, ты приготовьсе и как только я кругом котлов обойду и подойду и наклоню голову над котлом, где молоко кипит, ты сразу и ныряй в этот котёл, а в это времё я уж схожу к другому и третьему котлу, ты так из котла в котёл и скаци. И выйдеш из последнего котла таким красавцем, што все завидовать будут и даже сама чаревна будет завидовать твоей красоте. А тогда поневоле пойдёт чарь купатьце.

И как Иван приходит на двор и нацинает роздеватьце, тут собра́лись все смотреть: чарь и чаревна и вся чарьская свита, до последнего ко́нюха. Тогда он роздел рубашку и говорит:

— Но, ваше велицество, дайте мне посмотреть последний раз на мою кобылу. Как я на ней ездил, добывал тебе всё, так жалаю в последний раз взглянуть и уж потом купнусь.

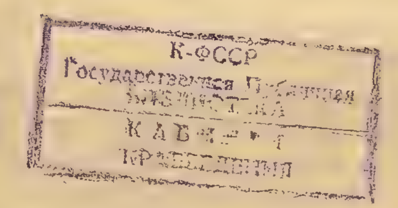
— Но, ладно, приведите, слуги, ёму кобылу.

Когда привели кобылу, то она сецас обошла́ кругом котлов и как только опустила голову в перьвой котёл, он сецас и нырнул в молоко. Кобыла тем временем подошла ко второму котлу. И Иван из молока прямо во второй котёл, где кипецёна вода, нырнул; а оттуда в третий котёл. И вышел таким красавцем, што хоть и раньше красивой был, а топерь в три раза́ вышел кра́ше. Все удивились, а королю стало завидно. Он нацинает роздеватьце (но как-то ты вынернеш из котла? У Ивана-то хрёсной хоро́шой, а у тебя-то той кобылы нет!). И скоцил в перьвой котёл. Прошло уж два цяса́ и знацит видит, што уж он на куски там роскипел. Чаревна подходит тогда к Ивану, берёт ёго за белы́ руки и ска́зала:

— Ну, Иван Меньшо́й — Разумом Большой. Коли ты меня доста́л, тебе мной и владеть. Идём к венцю и правь потом престолом.

И так оне пошли к венцю. Повенцялись, конешно, Иван Меньшой — Разумом Большой полуцил престол. Этых конюхов, которы на него доносили всё, он сказнил, иных росщытал и нанял себе других. С тех пор живёт, поживает и беды никакой не знает. И я там у него был, пиво-вино пил, по усам текло, конечно, в рот не попало. Дали мне там синь кафтан, я иду и хвалюсь: „Вот у меня синь кафтан, вот у меня и синь кафтан". А птицька на кусту сидит и говорит: „Синь кафтан", а я думаю „скинь кафтан". Скинул и так без кафтана и пришол. Тут и сказка вся, больше врать нельзя.

17. ТРИ ЛЕБЕДЯ

Не в котором чарстве, не́ в котором государстве был жил крестьянин. У нёго было́ три сына. Вот, конешно, старшой, скажем, Василий, средний — Фёдор, а млаччий всегда бывает Иван. Вот эты сыновья, конешно, выросли до полного возрасту и все стали как один. А старшему на се́йгодной го́д надо было ехать на при́зыв. Когда запоеждал старшой брат, средний и говорит:

— Ну, што, брат, и я с тобой пойду, хош посмотрю.

И млаччий говорит:

— Да, што, брат, и я не отстану, поеду вместе на жеребьёвку.

И так, поехали, скажем, в губернской городишко или в уездной. Так. Когда оне ёго жéребий вытянули, осмотрели ёго, он здоров, так што приняли ёго. А средний и говорит:

— А што, брата приняли, так и я пойду служить вместе.

Так. И ёго взяли. Млаччий посмотрел и говорит:

— А, брата приняли, да средний идёт, пойду и я, пишите всех вместе.

Так они поступили все трое в один военной город.

Вот оне служат, конешно. Служба им даётце хорошо. Сознакомились со всема́. Фельтфебеля́, прапорщики все их

любят. Любили, конешно, плясать, играть, петь. Вот когда оне год прослужили, то говорят меньшой и средний брат:

— А слушай, брат, мы, как все прослужили по году, это щытаетце за три году, не будем больше служить.

Старшой и говорит:

— Да как же мы не будем, куда мы уйдём?

— Да так просто и уйдём, не будем больше служить.

Вот оне собрали одёжу, еще кой-што, да и пошли гулять будто што. Дневальний их выпустил, все были знакомы. И вот они подойдут, да поедят, да опеть пойдут, так и попадают.

А там схватились в роты.

— Где, где робяты?

А где их найдёшь, раньше ведь жёлезных дорог-то не было, ни телеграм, ни телефонов,—где же найти! И вот оне всё идут, всё идут и идут, и сами не знают, куда идут. Наконець, подошли к избушке. У этой избушки ни окон, ни дверей,—ничего нет. Вот меньшой брат и говорит:

— Ну, што мы будем ходить? Давайте я выстану на крышу, посмотрю, нет ли там чего?

Вот меньшой выстал, посмотрел и закрычал:

— Идите, братья, здесь есть окна и лесниця книзу.

Братья выстали на крышу вслед. Когда выстали, меньшой и говорит:

— Давай я вперёд пойду, а вы за мной.

Тогда спустились, видят комната пустая, никого нет. Три кровати стоят, три стола да печь. И вот посидели немного, поговорили. Млаччий и говорит:

— А што, братья, ись охота, поди, старшой, Василий, посмотри в печь, нет ли чего?

Пошол Василий в печь. Достал супу горшок, принёс на стол. Пошол средний брат и еще принёс супу горшок. Млаччий и говорит:

А што, нет ли и для меня чего, два достали и я найду.

Пошол в печь. Вынел еще супу горшок. Достали по торелке, открыли шкапик, и еще по графинчику водки. Ну, вот

конешно, оне не всю выпили, и суп не весь выхлебали, горшочки поло́жили в печку, а водку в шкапик, и сами легли на кровати, накрылись. А сами не спят, лежат, слушают, што дальше будет. Вот лежали, лежали и слышат шум, как будто какие прилетели птици. Вот спустились на крышу, идут по лестнице, и смотрят — три девици. Вот вошли в избу, розделись, подошли к пе́чи. Старша вытащила горшок и говорит:

— Сестрици, у меня суп похлёбаной.

Средня тоже посмотрела:

— Сестрици, да и у меня похлёбаной.

У млаччей тоже похлёбаной. Сечас открыли шкапик, вытяга́ют графины с водкой и та похлёбана. Вот старша сестра и заговорила:

— Ну, кто в нашей избушки есть? Если ста́ры старицьки, то пусть на́шими дедушками, если ста́ры старушки — то пусть на́шима бабушкамы, если моло́ды девици — то будьте сестрицями на́шима, а если среднего возрасту — то на́шима тётушкамы. Ну, если, в крайнем случа́е моло́ды молотци́ — то на́шима мужьями будьте, только выдьте покажитесь.

Вот, конешно, оне, как были моло́ды, то их касаетце дело, оне и выходят.

— Ну, раз вы моло́ды молодци, то на́шима мужьямы будьте.

Вот сели за стол, поугощались и повалились спать. Вот оне ночь переспа́ли, оне и говорят:

— Если вы будете с нами жить, то живите с нами вове́ки, токо мы будем через трое сутки отлятывать, ина́че нам нельзя, потому што мы живём у одного волшебника и черезь трое сутки должны к нёму летать. Если жалаете так, то и живите.

Оне и согласились.

— Ну, ладно, пусть так.

Вот так и живут. Живут, живут, и вот оне челой год живут, и всё оне на трое сутки прилятывают и опеть обратно. Вот ме́ньшой брат и говорит:

— А што, братья, вы как думаете здесь век жить? А я не буду, пойду куда понесёт меня моя голова.

Оне и согласились, и ждут их. Вот если хотят с ними всё времё жить или пойдут с ними в города́, то пускай, а то оне жить не будут. И вот однажды оне и прилетают. Братья и говорят:

— Слушайте, жо́ны, будете ли вы всё времё жить с нами? А то на три дня прилетаете, а потом опеть улетите, то мы так с вами жить не согласны.

Оне и говорят:

— Слушайте, мужья, если вы уж так стано́вите дело, то дело ваше, а мы не можем, мы вам сказали. Чего вам здесь не жить? Всёго есть, хлеба-соли хватит, а пойдите́-поди́те, мы не дёржим, идите.

Ваню́шка заговорил:

— Вы как хотите, братья, а я так жить не буду. Хочеш, жона, пойдём со мной в город, а нет, так воля твоя.

И все так сказали. Тогда заговорила ста́рша:

— Ну, мы вас не дёржим, нет — так поди́те, а уж как вы жили с нами по году, то надо вам дать подарок.

Вот ста́рша сечас вынимает своему Василью шапку-невидимку.

— Вот, на́ от меня тебе на память.

А средня даёт своёму́ Фёдору ковёр-самолёт:

— Вот тебе от жоне на память, от меня.

Млачча достаёт из кормана гри́веничек:

— Ну, вот тебе, Ванюша, и я тебе даю, хоть малой подарочек, ну, прими.

Тогда он взял этот гривеничек и говорит:

— Иш ты, какая жона недобрая. Братьям дали ковёр-самолёт да шапку-невидимку, а я в город приду, возьму водки стаканчик, а гривеничка у меня и нет, а уж самому-то покушать и не́ на чего.

— Нет, Ванюша, мой гривеничек сильне́й ихных вещей.

— Как сильне́й?

— А вот так, перекинь ёго с руки́-на́-руку и посмотри, што будет.

Вот сечас взял ёго, перекинул с руки́-на́-руку, посыпалось золото и се́ребро.

— Ну, што, видиш топерь?

— Да, вижу.

— Ну, вот бери ёго, денгами швыряй, как хош, а только гривеничек своимá руками никому не давай. Как отдаш ёго, так больше и не видать.

Ну, ладно. Так оне с нимá, конешно, роспростились все. Оне полетели обратно, куда раньше летали, а те пошли путём-дорогою. Подошли немного, сели, на ковёр-самолёт, да все и улетели в город. И вот оне, конешно, когда прилетели в город, братья, конешно, куда? Старшой говорит:

— Я пойду надену шапку-невидимку, да и пойду по магáзинам шарить.

И пошол. Средний тоже пошол и взял ковёр-самолёт. А млаччий говорит:

— И я пойду што-нибудь смекать.

Да. Старшой всех скорее разбогател, потому што в шапке-невидимке денег награбил, купил дом, жонилсе на купецеськой доцери и стал торговать. Ну и средний тоже справилсе к той же поры́, хотя попожже, награбил товаров, роспродал, купил дом, завёл торговлю и жонилсе.

А млаччий говорит:

— Што мне жонитьба и торговля, как деньги есть.

Начáл ходить по трактирам да пьянствовать. Пьёт и пьёт. И до того дóпил, больше ёму надоело пить. Забралсе он в полк салдат, и давай поить весь полк. До того спились, што дальше итти нéкуда. Нéкому на караул итти. Начáли жаловатьце чарю. Пишет ёму полковник, чарю:

„Ваше величество у меня есть какой-то богач, до того пóит салдат, што все спились, нéкому итти на караул. Денег он до того валúт, што дальше нéкуда. Делайте што хотите, примайте какие меры“.

Ну, чарь, конешно, приказал:

— Послать ёго ко мне!

Приходит к нёму чарьской денщык и говорит:

— Вот што, молодой цёловек, вас звал чарь, пойдёмте со мной.

Вот, конешно, он говорит:

— Хорошо.

Сечас оделсе, идёт к чарю. Приходит.

— Здраствуйте, ваше величество, зачем вы меня звали, вот я есть сам.

— Как тебе звать, какого ты роду?

— Меня зовут, конешно, Иваном, а роду—я одного кресьянина сын.

— Какие же ты деньги большие можеш иметь, што споил моих салдат, за ето ты будеш нака́занной, или ты имееш какую вещ? Если ты имееш какую вещь, то продай мне.

— Ваше величество, конешно, у меня есть вещ такая, што ваше всё чарьство не сто́ит, и она не продажна, оветна.

— Што у тебя за вещ такая, покажи.

— Конешно, вещ моя небо́льшая, токо дорого вам будет стоить.

И вынимает он гривеничек из кормана. И начинает ей трясти. И посыпалось зо́лото и се́ребро, зо́лото и се́ребро посыпалось прямо куча на́ пол. Чарь и говорит:

— Да, вещ хорошая. Ну, подбирай свои деньги.

— А тебе надо, дак подбирай, а мне не надо, я тебе токо показал.

— А што твоя вещ стоит?

— Она не продажна, а оветна.

— Дак што твой овет?

— А вот с вашей дочкой ноч проспать.

Он ничего не говоря:

— А ну-ка, Мария, иди сюда.

Вдруг приходит ёго доч. Пришла доч, он и говорит:

— Вот што, дочка, бери этого молодого цёловека, пускай он с тобой ноч проспит.

И она ничего не говорит, берёт ёго за руку, уводит в свою комнату. Вот когда она привела и сказала:

— Ну, топерь ты роздевайсе, ложись к стенке, а потом я розденусь.

Он розделсе, повалилсе к стенке. Она роздеваетце, а сама

на кровать поглядыват. Да, и он думает, што она розделась, приклонилась к кровати, как схватилась за рычаг, кровать роздвинулась, и он полетел. Летел, летел, прилетел в тёмной погреб. Пощупал, што-то чует около себя мяхкое. И вот нащупал, смотрит тело, лежит цёловек мёртвой. Хотя не видит, но ощупал. Вот он ёго роздел: брюки, пинжак, смотрит кольцё. Вот он всё снял, оделсе.

— Ну, топерь пойду по сте́нам.

А спичек нет, осветить, тё́мно. Вот шарил, шарил по стенкам, ходил, ходил, попалась ему тяга в руки. Он дёрнул, не открываетце, пихнул от себя, открылась. Смотрит — дверь, свет.

— Ну, ладно, топерь я найду.

И пошол. И вот он вышел вон. Ну, што, куда?

— Надо перьво пойти в трактир попить, больше мне проживать не́чего. Конешно, продал часы, кольцё и пьёт сутки, другии, потом и третьи пьёт. И так напилсе пьяной и думает:

— Больше мне продавать нечего, пойду-ка я в другой город. В этом городу́ всё ровно жить не буду.

Вот он шол, шол, устал, повалилсе на́земь и заснул. Вот спит. Вдруг летят эты три лебеди, три сестры. Ста́рша и говорит:

— Вот смотри, сестриця, твой-то муженёк уж вещ-то твою про́жил, не то што про́жил, отдал прямо в руки. А топерь напилсе со стыда пьяной и спит.

— Ну, што же, говорит, мо́лодо дело, пускай гуляет!

Так он спал, спал, скочи́л со сна.

— Куда я топерь пойду?

И спомнил:

— А пойду-ко я к старшому брату, не даст ли мне шапки-невидимки, испытаю, всё ровно.

И пошол. Вот пришол, конешно, в город, спросил где он живёт, заходит к ёму в дом.

— О, брат, где ты ходиш?

— О, брат, где хожу, там уж меня нет. А я весь опилсе, брат.

— Дак што с тобой?

— Да гриveничек потерял, брат. Дай, брат, мне-ка шапки-невидимки, ище схожу, не справлюсь ли.

— Даште, брат, нá, не жалко, бери.

Одел шапку-невидимку и пошол. Пошол в перьвой магáзин, заворотил, зашол во второй, в третий и еще нáбрал вещей. Пошол на рынок, роспродал, денег нáбрал и пошол в трактир. Выпил, а потом опеть к салдатам. И стал их опеть поить. Узнал полковник, пошол к чарю и говорит, што опеть этот цёловек салдат пойт. Чарь ёго и призывает. И вот когда он пришол к чарю, чарь и спрашивает:

— Ну, што, молодéц, какие ты деньги имееш или какую вещ, што так пьёш.

— Да вот, ваше величество, имею, конешно, вещ, ну только она у меня не продажна, а оветна.

— А какая вещ?

— Да вот покажу сечас.

Надел шапку-невидимку и спрашивает:

— Ну, што, ваше величество, видите вы меня?

— Нет, не вижу.

Вот он дольше не стал спрашивать.

— Ну, так продай.

— Нет, не продам, это овет.

— А што твой овет?

— Да с вашей доцькой поспать.

Чарь позвáл, конешно, доцьку, та пришла. Пришла, он и говорит:

— Ну вот, доцька, бери этого молотця и иди с ним спать.

Она берёт ёго зá руку и ведёт в свою комнату. А он уж в этот раз спичек запáссе и даже кусочек свéчи взял. Вот пришла она, и говорит:

— Ну, роздевайсе.

Он розделсе, немножко лишней одёжи снял, ну не всё. Она прилегла, опеть рычаг дёрнула, он и полетел.

— Эх, опеть ничего не вышло.

Вот, когда он прилетел, достáл свецю и зажог. Смотрит, цёловек здесь лежит убитой. Он осмотрел, снял часы, кóльця, и одёжу хорошую, оделсе и пошол.

— Ну, куда уж топерь, делать не́чего, не воро́тиш, што о́тдано.

Зашол в трактир, по́пил сутки, двое и пошол опеть в лес. Зашол в лес, конешно, опеть спать. Заснул и спит. И летят опеть эты три лебеди-сестры. Средняя сестра и говорит:

— Ой, сестра, сестра, какой у тебя Иванушко, брат свою-то вещ пропил, да теперь и братневу пропил.

Она и говорит се́страм:

— Да штe, се́стры, мо́лодо дело, пускай погуляет.

Когда он проснулсе, што ему делать? Задумал опеть.

Пойду еще к среднему брату, может он даст мне ковра-самолёта, может и выйдет, а уж нет, не покажусь больше братьям.

Да. Ну, и што задумалсе, пошол. Приходит к нёму. Вот выходит и говорит:

— Ну, што, брат, где ты ходиш, што ко мне не заходиш?

— Да што, брат, всё пьянствовал, про́пил гривеничек, зашол к тебе, не даш ли мне ковра-самолёта. Розбогатею — отдам, если не пропаду, а пропаду, дак уж што!

— Да бери́, не жалко, што там.

Конешно, он ёму дал. И он сел на этот ковёр-самолёт и полетел в другой город. Награбил там товару хорошего, продал и опеть прилетел в этот город. И прямо в полк, нача́л солдат поить. Как узнал полковник, што опеть этот молодой цёловек пришол, прямо к чарю и не́ дал долго пить штобы не споил солдат. И вот, конешно, сечас чарь послал денщыка, штобы привести этого молотця. Денщык приходит и он с ним отправляетце. А уж он для этой чели и идёт. Вот, конешно, приходит он туды, царь и говорит:

— Ну, здраствуй, молоде́ць.

— Здраствуйте, ваше величество.

— Ну, што, какая у тебя еще вещ есть, говори всю правду?

— Есть у меня ковёр-самолет, могу по всему свету летать.

— А продажна или оветна?

— Ваше величество, вы сами знаете, што у меня продажных вещей нет, все оветны.

— А што твой овет?
— А как и раньше, ноць с вашей доцерью проспать.
— Ну, иди.
Вот, конешно, она выходит, берёт ёго за руку и приводит в свою комнату.
— Ну, роздевайсе, а я буду готова.
Вот, конешно, она тоже стала роздеватьце. Она разделась и стала в одном нижнем белье. Повалилась на кровать. Он только лёг и хоцет ей схватить, как она опеть возьмёт повернёт рыцяг, и он опеть в третий раз провалилсе в погреб. Вот когда он тамотка достал огонёк и стал шарить у всех по корманам, у всех лежащих убитых телов. Ну, только што он там нищёго не нашол. Сорвал два пальта да нашол одне часы, больше ничего не нашол, и вышел проць. Приходит на рынок, продал эты два пальта и цясы и зашол в трактир и напилсе так здорово, што пал. Проспалсе и думает:
— Но, к братьям я совсем не буду являтьце, потому што итти к им оцень совестно.
Вышел на лужок к леску и повалилсе спать. Вот опеть летят три лебеди, бывшие жоны. Средняя и заговорила:
— Но-ко смотри, сестрица, Иванушко-то твой и последнюю вещ прогулял.
Так же сестры улетели, а меньша спустилась и бегала, бегала по кустам и принесла ёму десеть штук ягодок. Когда она собрала эти ягодки, то написала ёму писемцё, записку, и всунула ёму в корман. И потом в записке было указано, как действовать с этыма ягодками. Сама улетела. Вот он встал, конешно, голова у ёго болит с похмелья. Смотрит, у ёго в головах ягоды.
— Дай, думает, скушаю.
И сьел, не розглядывая нищёго. Как одну ягодку сьел, так рог и вырос.
— Ладно, думает, я топерь похожу на зверя, мне уж в город являтьце нецёго. Ну, всё ровно, сьем и другу, однако уж што будет.
Сьел и другу — второй рог вырос. Тогда он посмотрел на эты ягодки и россмотрел, што их два сорта. Он и думает:

— Ну, сьем еще одну. Либо ещо ште выростет, либо отпадёт, што нибудь из двух будет.

Когда он сьел второго сорта ягодку, рог отпал; он сьел вторую, и второй отпал.

— Но, ладно, топерь я узнал, што тут творитце.

И вот он сецяс берёт эты ягодки и вернулсе обратно в город. Да, купил, конешно, корзинку, сóбрал столько денег, выложил их в корзинку, штобы не вымялись, и идёт прямо на царьской дворець гостинци несёт. И увидала служанка цярьской доцери, што молодéць идёт.

— Што молодéць, продаёш ягодки?

— Продаю.

— Што стоит?

— Двести рублей ягодка.

Она побежала к цяревны, та даёт ей деньги, и она пошла покупать. И вот она приходит.

— Ну, молодéць, продай мне одну ягодку, только денег у меня всего петьдесят рублей.

Он поглядел на ней, а она карявая была.

— Ну, уж ладно, даю тебе ягодку, только еш при мне.

Вот она скушала эту ягодку и сделалась до цего красива: у ей эта вся воспа с лиця сошла. Она ёго поблагодарила и купила еще две ягодки. Он ей подвернул те две ягодки, от которых рога ростут. И сам со двора ушол. Да, вот приходит эта служанка к чаревны. Та даже ей плохо узнаёт.

— Кака́ ты стала хорóша.

— Слушай, прекрасная царевна, я купила у одного молодця одну ягодку, сьела ей и вся воспа у меня с лица сошла, и вот тебе же купила две ягодки.

— Вот, вот, хорошо, я тоже их сьем и сделаюсь ище лучче, хоть и так хороша́.

Но, вот, эта чаревна сьела одну ягодку, у ей вырос кряду рог.

Кухарка и говорит:

— Еш втору, может быть сецяс и отпадёт.

Она сьела вторую, и кряду вырос второй рог. Она и заорала:

— Где этот продавець, бежите има́йте ёго.

А ёго и след простыл. Сецяс тут позвали врацёв, конешно, со всего города. И што они с ей ни делали: и пилили и парили и ломали, ницёго не помогало (вот отомстил, дак отомстил!). А он в это времё ушол, купил себе кустюм серенькой, вроде дохтурского и купил себе оцьки. Потом заснял в гостинице номер и прибил вывеску: што здесь такой-то заграницьной дохтур. Эты доктура сколько меры не принимали, ницёго не вышло. Ище узнали, што есть в такой-то гостинице заграницьной дохтур, а у ёго оцьки на глазах, как у порядоцьного. Когда он пришол к чаревны, то молоточком поколотил ей рога и сказал:

— Ваше величество, я ина́це лецить ей не буду, как парить в ба́йны, и штобы ба́йна была не менее, как три версты от города.

Ответил чарь ёму:

— Как же быть, господин дохтур, чарьскую дочерь отвозить за три версты от города в байну?

— Я руцяюсь своей головой, што я ей вылецю, но ина́це как в байны я лецить не буду, и ей нихто, кроме меня не вылецит.

Тогда чарь приказал стопи́ть байну и нацял отправлять свою доцерь с однем лакеем. И вот сецяс же оне сели на лошадь втроём и поехали. Приехали. Он и говорит этому лакею:

— Ты сецяс отьежжай на три цетвеpьти ця́са, а мы пока останемсе вдвоём.

Конешно, лакей отьехал. Он ей приказал:

— Роздевайсе, цяревна.

Ей роздетьце совестно.

— Ну, как хочеш я тогда лецить не буду и останессе ты с рогамы.

Конешно, не́хотя, она розделась, зашла на поло́к. Он отстегнул свой ремень и давай ей стегать.

— Вот за што тебе попали рога, вперёд уцись омманывать и людей с кровати в подземельё бросать. Вот если отдаш мне мой гривеницёк, шапку-невидимку и ковёр-самолёт, то церезь несколько минут отпадут рога, а не отдаш, дак запорю до́ смерти.

Покрычала она, покрычала, но детьце ей было не́куда. Потом она и говорит:

— Слушай, Иванушко, уж сделай милось, отпарь мне рога, а я тебе отдам эти вещи.

А он ей и отвецяет:

— Не-ет, ты снацяла скажи лакею, штобы он вещи мои представил сюда, а я потом тебе в пять минут эты рога уницьтожу, даже и парить не буду.

Вот сецяс, когда лакей приезжает церезь три цетверти ця́са, она бёрет у ёго карандаш и бумаги и говорит:

— Вот, лакей, я напишу служанке письмо, отвези ей и привези то, што она тебе даёт. Иди скоряе, больше ницёго́.

Лакей письмо полуцил и сьездил. Не более как церезь полцяса передаёт ей узелок, и сам отьехал проць на полцяса времени. Вот она розвязывает эты вещи и подаёт ему. Он сперьва взял гривеницёк, и нацинает им поигрывать. Зо́лото ёму посыпалось на́ руки. Потом он одел шапку невидимку и говорит:

— Досвиданья!

И скрылсе, хоть он и не ушол, а от ней-то скрылсе. Вот она завопе́ла:

— Слуша́й, друг дорогой Иванушко, не оставляй меня каликой, вылеци меня. И хош замуж бери или што хош со мной делай, только смилуйсе, я ведь всё отдала, ты все полуцил свои вещи.

Тогда он и говорит:

— Дак будеш ли еще такие вещи веко́м с кем-нибудь делать?

— Што ты, Иванушко, дорогой, больше я ни за што не буду так делать. Если жалаеш, бери меня за себя замуж.

Он тогда скинул шапку-невидимку и даёт ей две ягодки:

— На, еш при мне. (У нёго ище одна осталась для всякого слуця́ю). Да, когда она сьела эты две ягодки, у ей эты рога отпали, и церезь несколько минут не видно было и тех мест, на которых они были. Как быстро выросли, так быстро и спали. Так. Вот и она сделалась до того краси́ва, што еще в два ра́з лучче того, что была. Она ёму и говорит:

— Ну, вот, Иванушко, спасибо тебе, што сделал ты меня целовеком, а не оставил зверем. Будет жалаеш, возьми меня за себя замуж, а не жалаеш — твоя воля. Тогда пойдём к батюшке и он наградит тебя. И ты не бойсе, я ницёго ёму не скажу, хто ты такой, и што между нами здесь было, про это ницёго́ не скажу.

Он тогда обьевил:

— Я топерь согласен пойти с тобой под венець, если отдаст твой батюшко.

Она отвецяет:

— Я вполне уверена, што батюшко слова против не скажет.

После этого оне сели в корету и поехали во дворець. Только приехали на двор и перьвого встрецяют отця. Он оцень стал хвалить этого дохтура и стал спрашивать:

— Чем тебя за это, доброй молоде́ць, наградить?

Как доць только вышла с лошади, так и говорит:

— Ну, батюшко, этот дохтур никакой награды не возьмёт, потому што я сама выйду за ёго замуж, а про остальнё я потом тебе скажу.

Кряду дохтура произвёл енеральским цином и наця́ли играть свадьбу. На эту свадьбу были приглашо́ны егонны братья. После свадьбы он приносит старшему шапку-невидимку, среднему — ковёр-самолёт и говорит:

— Ну, братья, топерь у меня эты вещи возьмите, мне оне больше не нужны.

И вот распростились братья, полуцили эты вещи и розьехались по домам. А Иван-кресьянский сын стал жить до глубокой старости. Впоследствии получил престол.

Тут и конець.

27*

18. ЧОРТОВ ЗАВОД

Вот был жил купець, ну, он был конешно богатой и ёму всё было охота на одной реке построить завод. А детей у нёго не было никого. И штобы этот завод роботал водой, а не ка́к нибудь. И вот однажды он говорит жоны:

— Ну, жона, ты оставайсе дома, смотри за торговлей, а я хоть год прохожу, а найду ма́стера для этого заводу.

И вот так он, конешно, роспростилсе и ушол. Прошло месяць, и два, и три, а она осталась в положении, он, конешно, не знал. И вдруг встрецяетце ёму настрету в хорошем обряде цёловек, высокого росту:

— Здраствуй, товарыщ купець.

— Здраствуй, здраствуй, доброй мо́лодець. Куда отправилсе?

— А куда! Не нужно было, не пошол бы, да вот уж четвёртой месець иду, да ника́к не могу найти што нужно. Вот нужно работать завод на одной реки, а ма́стера не могу отыскать.

Это заговорил цёловек высокого росту:

— Найми меня, купець, ма́стером, я те сроботаю, токо не раньше, чем черезь три го́да, это не шутка завод на реки, и я с тебя не до́рого и возьму.

— Ну, дак скажи, ско́ко ты с меня возьмёш за завод за роботу?

— А скоко с тебя взять? Да я вот с тебя немного возьму: вот дай мне незна́емо дома, вот только и возьму. А я тебе сроботаю завод, токо строком на три го́да.

Купець подумал, подумал:

— Што у меня незна́емо дома, жона у меня осталась, детей сро́ду не бывало, скот я знаю, торговлю знаю, а токо пятый месець дома не бывал, што там такое я не знаю? Ничево нет, а если он без денег сроботает, так это, пожалуй, дёшево.

Подумал, подумал и говорит:

— Ну, давай, роботай завод строком на три го́да.

И вот стали оне писать до́говор. Вот оне сделали до́говор, купець подписалсе, мастер подписалсе и говорит:

— Ну, иди топерь домой, а я к тебе черезь месець приду.

И купець ушол. Вот приходит он домой, жона выходит встречать и несёт на руках мальчика и девушку. Он сразу и подумал:

— Эх, я какой, думал дёшево, а топерь жалко. Ну, ничего уж не сделаеш.

И ничево, он, конешно, не сказал. Не прошло много времени, как приходит мастер. Этот мастер был сам чорт. И вот он роботает челой год. Уж робяты стали большие, бегают. И так ростут быстро, што не по дням, а по часам. На втором году уж парень забегал на улицю и стал играть с робятами. И его звали Ванюшей. И он сделал такой самострельчик шутовой и всё ходил стреля́ть. И раз запустил баушки в окно стре́лочку, и розбил окно старушки. Эта старушка выбежала и закричала:

— Эх ты, вы́кормок отцёв, посулёнок ты ма́стеров. Отець тебя мастеру посули́л, которой завод роботает, скоро тя мастер увезёт отсюда с сестрой, не будеш ты у меня о́кна бить.

А эта старушка знала колдовать. Ну, вот он приходит домой, конешно, заплакал и говорит отцю, матери:

— Ну, как ты меня, отець посули́л мастеру, и он нас, отсюда увезёт со сестрой.

— Брось ты, Ванюша, говорить, што там тебе старуха наговорила, потому што ты розбил окно у ей.

А мать ничего не знает, а сестра была совсем маленькая, дак што! Звали ей Марья. Как убедил парнишка, парень опеть по-старому стал играть. Вот парень забыл про всё это и как-то раз опеть стре́лил старухи в окно. Вот старуха ёму и говорит:

— Такой ты сякой, отцёвськой посулёнок, отець посулил тебя мастеру, скоро уйдёш ты отсюда, не будеш у меня окна бить.

Он опеть пошол со слеза́ми к отцю.

— Слушай, отець, скажи мне, ты посули́л меня мастеру, уж скажи мне, баушка не зря говорит.

— Да брось ты, Ванюша, опеть тебе баушка наговорила!

— Ну, коли так, так дай мне денег, надо пойти баушке заплатить.

А сам думает:

— Не говорит он мне, а надо пойти к баушки узнать, уж не да́ром это всё.

Вот отець дал ёму денег, он и пошол к баушке, а мать слыхала всё это, плачет, а уж што ей делать! И вот он пошол к старухи, а это уж было на третьем году, месяц уж выходить стали, скоро завод готовой.

— Вот, баушка, прости меня, што я о́кна розбил, уж по гл пости, а я вспомнил, што тебе надо деньги заплатить и принёс. А ты мне скажи, как отець меня мастеру посули́л, хочу узнать, а отець стоит, не сказыват.

— Так, дитятко, посули́л вас отець мастеру обоих со сестрой. Хорошо, што пришол ко мне, так я уж научу, как убежать вам отсюда. Пока еще есть месець времени, а тогда уж не убежать будет.

Вот она и говорит:

— Вот, Иванушко, я тебе даю пло́точку, кремешо́к и жолеточку и росскажу, как има́ дествовать. Вот иди к отцю, к матери, да вели пекчи́ подоро́жничков. Вот как напекут подорожничков, он станет вас нагонять, ты брось пло́точку и скажи: „Станьте ле́сы тёмные от земли и до не́бу, от востока

и до западу, чтобы этому злодею ни пройти, ни проехать". Станет лес дремучий. Вот как опеть станет нагонять вас, брось кремешо́к и скажи: што „станьте го́ры тё́мные, от земли до не́бу, от востоку до западу": Вы ста́нете за горами и он опеть будет вас достигать, а в эту пору вы придёте к речке. И скинь эту жолеточку со себя, махни́ по́ ветру и образуетце лодочка и вы приедете в речку, а там стоит домичо́к и там живёт старичок. Вот у этого старичка вы и бу́дете жить. А черезь эту речку он не попадёт, не токо не попадёт, а не смеет он перейти.

Вот это баушка всё россказала, и он пошол к отцю. Приходит к отцю и к матери и говорит:

— Ну, отец, коли ты отдал нас мастеру, то пеки́те подорожнички, надо нам отсюда уходить.

Вот мать плачет, говорит:

— Куда вы пойдите́ как вы еще ма́леньки?

— Што делать, такая судьба!

И отець плачет, говорит:

— Да я не знал, да то, да сё, чорт с ним и с заводом, да и с ма́стером.

Ну, делать-то нечего. Вот к у́тру оне спекли им подорожничков. Робятки встали, поели, по́пили, взяли по котомочке и отправились. Мастер доробатывает завод, конешно, и не знат этого дела. Они идут, идут всё путем да дорогой, всё вперёд попадают. Еще ма́лые, где посидят, да поотдохнут, а всё вперёд попадают. А уж мастер узнал это дело, што ушли робята.

— Ну, ладно, всё ровно мои будут.

И вот он спешит, доробатыват. Доробатыват и говорит купцю:

— Ну, готов завод, где робята?

— Да робята ушли, штобы тебе нагото́во, а нам на них и не смотреть.

— Ну, ладно!

И пустилсе их догонять. Бежит, бежит, вот уж и увидал их, и закричал:

— Дожида́йте, дети, вместе пойдём.

Вот Ванюша услыхал и броси́л пло́точку.

— Станьте лёсы тёмные от земли и до нёба, от востока до запада, штобы этому злодею ни пройти, ни проехать.

Вот он прибежал к этым лесáм. Ну, што делать? Лёсы стали. Стал грызть, ломать и прогрызсе, а в эту пору робята далёко ушли. И вот опеть догонúл и закрычал:

— Эх ты, Ванюшка, какой, научилсе колдовать. Погоди у меня. А ты, Маша, погоди. Коли остановиссе, я тебя возьму, а ёго убью.

Ванюша ничего не говорит, бросúл кремешóк и сказал:

— Станьте гóры тёмные от земли до небу, от востоку до западу, штобы этому злодею ни пройти, ни проехать.

Вот што ёму делать? Побежал опеть в эты лёсы, стал бить, да ломать дубьё, чтобы горы прогрызть. Вот пока бегал туда да обратно, робята далеко ушли. И приходят робята, видят такой бурлúвой поток, дак тóко гром стоит. Вот Ванюша скидовает жолеточку со себя, махнул, и поток сразу стих, образовалась лодочка. Вот оне переехали через, он опеть махнул и порог опеть зашумел. И видят, што за порогом там стоит, но голосу никакого не слышно. Вот оне пошли вперёд. Шли шли, шли и видят, што стоит дом. И зашли оне в этот дом. И в доме никого нет, пустой. А на столе еды много, есть што поись. И йись не смеют, хотя йись хотят. Потом уж Ванюшка заговорил:

— Ну, сестриця, возьмём немнóго, как уж йись очень хочетце, а потом захорóнимсе где-нибудь. Однако, мне баушка сказала, што живёт дедушко один, уж он с нами ничего не сделает.

Вот оне немножко поели, да взяли за печь и схоронúлись. Спят, не спят, а сидят и думают:

— Што нам топерь будет?

Вдруг слышат идут. Впереди бегут кобелú, а сзади старик. Пришол, пихаетце в дверь и садитце на лавку. И эты кобелú взглянули в избу, туда на пéч и узнали, што есть люди, начáли лаеть. А старик заговорил:

— Цыць, кобелú, если там кто, так выйдут.

Да, вот старик и заговорил:

— Слушайте, кто есть, выходите, если стáры старики — то пусть моим братом, если стáры старушки, то пусть мне

сёстрамы, если моло́ды молодци, пусть сыновьями будут, а если моло́ды девушки, то дочерьми будут, выходите, а то плохо дело, как кобели́ достанут.
Ну, што делать? Оне и вышли.
— Эх, вы какие малые деточки. Ну, откуда вы?
Оне, конешно, всё ёму обсказали.
— Ну, вот и хорошо: живите у меня с богом, никто вас не найдёт здесь. А сецяс садитесь йись.
Оне, конешно, с радостью сели за стол и нача́ли йись. Вот дедушко и говорит:
— Вот, Иванушко, живи у меня здесь ве́ки. Тебе отсюда не попасть, отсюда никуда, и ты, дочка, живи, как сестра ему. Готовь нам обед или што там по хозяйству, а мы уж с ним будем своё дело делать. И вот живите здесь, пока я жив. Я, Иванушко, тритцеть лет хожу, себе могилу копаю, всё выкопать не могу, со своима́ кобел´ми. И вот слушайте, кобели́, когда я если умру скоро, то во всём слушайтесь Ивана. Служите и помогайте ёму, как и мне служили.
Сецяс вскоцил один кобе́ль к дедушку на шею, а другой Ивану и говорят:
— Будем во всём помогать и слушатьце Ивана купецеського сына.
И вот топерь он говорит еще:
— Вот, Иванушко, я завтро опеть пойду в лес, а ты поди погуляй хош с ружьём, хош как, токо не уходи далёко от дому, а то сестры́ будет скучно. И вот если сонце на запад придёт, то кобели́ прибежат, уж не будет больше меня, я буду мёртвой.
И вот так переспали оне ноч. Дедушко пошол в восемь цясов, а Иванушко пошол прохаживатьце, так цясов в десять. Сестра оста́лась, конешно, по до́му, так коё-чего прибирать. Да. И вот он так немного проходи́л и приходит обратно домой. Вот оне стали дожидать дедушка, уж чаёк по́пили, дедушка всё нет и нет. Уж сонце на западе и кобеле́й нет. Оне соскуцились. И вдруг смотрит Иванушко, бежат кобели́ одне, а дедушка нет. Он и подумал:
— Вот и по́мер, нет у меня больше дедушка.

Вот прибежали кобели́ и бросились к Ивану на шею.

Ну, ладно, робята, што же делать, будем жить без дедушка, только помогайте мне во всём.

Вот так и нача́ли оне жить одне, только кобели́ с нима́. Куда Иван, туда и кобели́ с ним, ни шагу не оставались. Вот он, конешно, похо́дит в лес, берёт ружье, и кобели́ все идут за ним, а сестра всё оставаетце одна. И так он всё кажной день ходил охотилсе. Пищы им хвата́ло. Он всё дич носил, и так оне жили.

И раз опеть ушол в лес. Сестры́ што зду́малось?

— Схожу я пойду на речку, стоит ли этот чертёнок там?

Вот она собра́лась и пошла. Приходит к речке и смотрит, там чертёнок за речкой кричит.

— Эх, Маша, перевези меня, мы с тобой будем жить, а брата погубим. Тебе с братом не жить всё ровно, а мы с тобой будем жить.

— Дак как же я тебя перевезу, такая бурливая река, мне тебя не перевезти будет.

— Перевезёш, возьми у брата там жолеточку, есть в спальной, махни жолеточкой, образуетце лодочка и ты меня и перевёзеш.

И она подумала:

— А што мне-ка, с братом жить не будеш. Надо мне кого достать.

Пошла в спальню, достала эту жолеточку и пошла к речке. Приходит к речке, махнёт этой жолеточкой. Речка стихла, и образовалась лодочка. Вот перевезла она этого чертёнка, жолеточку поло́жила на старо место. А он ей говорит:

— Ну, Маша, мы с тобой будем жить вместе, а брата убьём. Придёт он, мы и убьём.

Да, и вот, конешно, на́ вечер дело пошло́. Идёт Ванюша с кобеля́ми. Чертёнок взглянул в окно:

— Ох, говорит, дедовы кобели́ идут, розорву́т меня на месте. Я думал дед умер, так и кобели́ вместе, а так оне меня розорву́т. Оберни меня булавочкой, да сунь в ко́су, ина́че не спастись мне.

Ну, вот, сецяс он обернулсе булавкой, сунула она его в ко́су и притворилась больнёй. А эти кобели́ как прибежали,

так бросились в избу, поднялсе лай такой, шум, што дух нецистой, готовы эту сестру прямо розорва́ть. Вот она, конешно, притворилась, заплакала, говорит:

— Братець, уйми кобеле́й, я незамогла́, не могу унять кобеле́й!

— Цыць, кобели!

Вот он ничего про это не знает, сел за стол, поел, потом повалилсе спать. Вот, а эта сестра ушла в спальню спать. А чорт ей и говорит:

— Слушай, ты притворись больнёй. А здесь ходит такой медведь волшебной, он никого не пропускает, всех людей ест. Ты скажи-ко: „братец, принеси мне от этого медведя шерсти". Он пойдёт, тот ёго и розорве́т. Так мы от нёго избавимсе, и от кобеле́й ёго и от самого.

И вот она утром встаёт, пришла к брату и говорит:

— Слушай, братець, сходи в лес, а я во сне видела, там есть медведь, достань ты от нёго шерсти, я попарю шерсть в молоке, так и поправлюсь.

— Ну, ладно, сестра.

Берёт кобеле́й и пошол в лес. Идёт, конешно, в лес, приходит в чащу. Кобёли залаяли, берёт ружьё и хочет ёго стре́лить. А он говорит:

— На што ты хочеш, Иван-купецеськой сын меня стре́лить?

— Да вот сестру надо вылецить, попарить шерсти в молоке, она и поправитце.

— А чем, говорит, меня стрелять, так я и сам пойду.

— Ну, идём вместе.

Медведь побежал. Вот оне идут на вечеру́, уж топерь их четверо стало. Вот как чертёнок смотрит в окно:

— Вот беда, медведь еще волшебной идёт. Топерь мне не спасе́ньё. Пихай меня, скорее в жара́ток иглой, да не давай им пахать пепел. Скажи: „Братец, я не могу, ради бога уйми".

Вот только оне в избу прибежали, поднялсе у них шум, оне в жара́тку, ворочают пепел, она закричала:

— Братець, ради бога уйми, печ всю разворо́чают, я не могу обирать, всю разломило.

— Цыць, кобели. Садись, Миша.

Тот сел. И вот поужинали, конешно, повалились спать. Мишка повалилсе в ноги, а кобели́ по бокам. А она ушла в свою комнату. Вот он и говорит:

— Слушай, сёдни такоё дело надо сделать: вот в лесу есть соловей, засвистит, так ли́стья сыпятце, клюв на аршин жолезной, а уж как клюнет, так и смерть. Вот если достать от нёго пера.

И вот он утром встават, она и подходит к нёму:

— Слушай, братець, я ничего не могла поправитьце, а как во сне видела, што есть в лесу соловей. Вот достать от нёго пера.

— Ну, ладно, сестра, я пойду.

Вот собирает свою дружину, опеть пошол. И вот вышел в лес и видит сидит соловей, а собаки во всю лают. Он вы́нел ко́роб и хочет стре́лить, а соловей и заговорил:

— На што ты, Иван, купецеськой сын, хочеш меня стре́лить?

— Да вот надо поправить сестру, достать ей пера́.

— Ну, коли ей надо поправитьце, я и сам полечу.

И полетел вслед за ними. И вот летит. Он как заглянет в окно:

— Ну-ко, еще и соловей летит. Топерь спасай меня, как знаеш, сунь-ко меня булавкой в ко́су, ина́че ника́к не спасти. Он как дознает, так беда, он еще хуже их всех.

И вот оне в избу залетают, шум подняли еще пуще старого, а она там орёт:

— Братець, помоги, твои кобели́ и меня разорвут, да и зверьё всё.

— Цыць, кобели́, лежи, Мишка.

Дал им поись и сам поел, и повалились спать. А она уж лежит там, не шеве́литце. Дал ей пера́.

— На, сестриця, попарьсе и поправляйсе.

И вот пошол он когда спать, чорт и говорит:

— Ну, вот што, нам уж с ним ничего не сделать, а токо одно еще. Пусть он сходит в тот завод, которой у отця сроботан и принесёт оттуда опи́лку. А у меня такой сроботан завод, што кто зайдёт туда, не выйдет. Вот оне все туда зайдут, а не выйдут больше.

И вот она утром встаёт и говорит:

— Вот што, брат, сослужи мне-ка еще службу, а уж если и это не выйдет, тогда всё ровно помирать. Вот сходи-ко в этот завод, которой у батюшка роботал мастер, принеси мне-ка оттуда опи́лку.

— Ну, ладно.

Поел, и пошол. Немного отошол, ёму и говорит соловей, да медведь:

— Слушай-ко, Ванюша, тебе надо остатьце здесь, мы то уж пойдём, да и схо́дим. Пусть люди роботают, — очистить надо этот завод. Мы то пойдём, да и сходим. Конешно, тебе уж хорошего не будет. Он тебе скажет: „Топерь ты попа́л, я тебя сьем", ты ёму скажи: „Уж дай-ко мне в ба́йны вымытьце-давно в байны не бывал, а там и еште, уж всё ровно помирать". Они тебе дадут, а ты топи такими мозглыми дровами, промедляй времё, штоб мы поспели тебе на выручку. Мы уж обратно придём к тебе не землёй, а подземе́льём, прямо к тебе в ба́йну, а уж когда мы придём кто-нибудь к тебе, ты уж скажи: „На́, поди, еш!"

Вот оне ушли, конешно, и он пришол обратно, а он сидит с сестрой:

— Ну, вот, Ванюша, уж долго я тебя искал, топерь ты попалсе, я тебя сьем.

Он и стал молитьце:

— Слушайте, дайте мне-ка ба́йну истопить, уж я ходил, ходил, долго в ба́йны не бывал, дай попарю косьё, а уж там еште.

Сестра и говорит:

— Ну, дай ёму пусть истопит ба́йну.

И вот он, конешно, вышел эту байну топить, нарубил худых дрови́шек, топит, а дрова никак не горят. Тот прибегает:

— Ну, што, готово?

— Да што ты, дро́ва никак не горят, не могу даже и байны истопить.

— Ну, скоряе, скоряе!

Ушол. Вот маленько вытопил, тамотки, опеть приходит:

— Ну, скоро ли?

— Да вот погоди, токо мытьце начинаю, чад, да и вода холодная.

— Ну, скоряе, скоряе, третий раз приду, так будет готово.

— Вот, думат, если не поспеют топеря, беда мне будет.

Вот смотрит, уже челитце соловей из под полкá прямо, и Мишка челитце и кобелú там.

— Был ли?

— Был, был, скоро опеть придёт!

А он на полкý там моетце. Вдруг прибегает в третий раз.

— Ну, еще скоро ли?

— Да уж готово, всё ровно топерь.

Вот как он голову токо вы́тенул, соловей как дáст ёму клювом, Мишка как смя́л ёго, а кобели всего на куски розорвали. Вот вышли оны из бáйны и сожгли всю байну в пепел. Вот она услыхала, идёт плачет, ничего не говорит, только плачет. Начáла рытьце в пéплу. Рылась, рылась, нашла зуб от чорта и завязала в узелок. Сама ничего не говорит, токо плачет. И он ей ничего не говорит. Уж знает, почему сестра такая, плачет. И вот, конешно, он начáл говорить:

— Ну, што ты, сестра, такая туманная? Тебе здесь жить скучно, пойдём в какоё нибудь чарьство, там жить будем, там веселее тебе будет.

Она согласилась.

— Пойдём, — сказала.

И вот они пошли попадáть. Соловей, медведь, а также кобелú пошли вслед за имá. И вот идут, идут и идут, не знат и сами, куда идут. Нигде не стречают ни села какого, ни города, ничего не видать. И вот увидали стоит домичóк небольшой.

— Давай, зайдём.

Приходят, конешно, к этому дому. Вот когда пришли к этому дому и смотрят, всё человечьё косьё кругом нарыто, ничего челого нет, руки, да голова, да ноги, и еще коё-чего нары́то.

— Ну, ладно, робята, пойдём в избу, всё ровно.

Медведь идёт вперёд, за ним соловей летит, и кобелú бегут. Вот заходят в избу и видят сидит девушка, плачет. Он подошол к ней и говорит:

— Што ты, красавиця, плачеш, чья ты есть и какого государьства, и чего ты сюда приехала.

— Как же мне-ка, доброй мо́лодець не плакать. Меня отправили змею на сьеденье. У меня был какой-то спаситель, да скрылсе.

— Не плач, прекрасная царевна, мы убьём этого змея и не́чего тебе плакать.

Она, конешно, обрадела, и не стала плакать, а он говорит сестры:

— Вот сиди с ней, утешай, штобы не плакала, а мы пойдём к озеру.

Берёт свою дружину всю и пошол. Вот, конешно, стал он к озёрку, сел и смотрит, стала вода выстава́ть. Вы́стала шесть раз, а на седьмой раз вылез шестиглавый змей.

— У-у, какой царь, дал царевну, да еще какого-то зверья да молодець. Ну, хорошо топерь пообедаю.

Заговорил ёму Иван, купецеськой сын:

— Да, пообедает кто-нибудь, токо не ты.

Змей озли́лсе:

— Ну-ка, Миша, да соловей справьтесь с ним.

Соловей броси́лсе, клюнул ёго, одна голова долой. Мишка пошол, да и кобели́ не отстава́ют. Розорвали ёго на куски, которы сьели, которы в чорту пустили, розвеяли, и прикончили совсем. Он к нему и не прикасалсе. Цяревна увидала, дело хоро́шо, спасена́. Вот он пришол к ней.

— Вот, прекрасная цяревна, ты топерь освобожо́на.

— Вижу, што освобожо́на. Ты скажись, кто ты есть?

— Я есть Иван-купецеськой сын.

— Ну, вот, будь ты топерь моим мужем, — и даёт ёму именное кольцё своё. — Вот приходи ко мне на пир, а уж там я тебя узнаю по этому зверью и по кольцю своёму́.

— Ладно. А я еще останусь здесь на сутки, обожду, а там посмотрю, што будет.

А этот, которой поехал спасать, подьехал к ней и говорит:

— Ну, если ты топерь не скажеш, што я змея убил, тебе худо будет.

— Ладно, уж как мы с тобой поехали, так скажу, а ёго я не знаю.

И так оне поехали в чарьство. И так он обождал сутки. На вторы сутки приходит в чарьство, к баушке к одной и попопросилсе на квартеру. Когда оне пришли, им и поись нéчего. Он и говорит:

— А што, робята, как бы кто сбегал, у нас там осталась скатерётка-хлебосолка, ей бы принести, а то и поись нéчего.

Вот говорит соловей:

— Я бы полетел, скоро слетáл, да нести мне неудобно, негде держать.

Мишка и говорит:

— Я пойду, пока вы тут, и принесу.

И попёр. Прибежал, да не токо скатер[illegible]ебосолку принёс, и весь стол припёр.

— Жалко, говорит, там оставлять, чего там!

И вот оне росселись кругом этого стола, стали йись. Иван и говорит:

— Баушка, садись с нами, пообедай, у тебя еще такой пищи не было.

Баушка тоже села с имá. Вот пообедали все.

— Вот сегодне, грит, переспи́м, а завтро надо итти к царю на бал.

Да, вот переспали ночь, он и говорит:

— Ну, робята, топерь я пойду.

Мишка и говорит:

— Слушай, возьми меня с собой.

— Ничего, я один пойду, а случáем чего, так и все прибежите.

— Ну, смотри, как бы не было хýда!

— Ничего.

И пошол. А там у этого была поставлена стража. Вот он идёт себе, токо к страже подходит, ёго кряду же узнали, захватили, убили и за гóрод бросúли. Соловей догадалсе.

— Знаете што, у нас хозяина живого нет.

Сецяс они побежали в город, бегали, бегали, народ перепугалсе, ну, найти не могут. Вот выбежали за гóрод, а он и лежит. Соловей и говорит:

— Вот соберите куски, а я сецяс слетаю за живой водой и за мёртвой.

Пока оне тут собирали, заложи́ли в кучу, а уж соловей обратно прилетел. Собрали оне куски, спрыснули. Иван стал.

— Да, долго я спал!

— Ну, Иван-купецеськой сын, вот учись топерь, как один ходить.

— Да, топерь один я больше не пойду.

И говорит:

— Ну, Миша, топерь мы пойдём с тобой двое, а вы подите домой. Какой случа́й, дак ты, соловей, узнаеш.

— Ну, ладно, двое, так не беда.

Они пошли. А те прилетели домой, сели ись и тут сестра и баушка с нима́. Оне не знают, а оне ничего не говорят им. И вот когда оне и́дут, то смотрят, стоит медведь и цёловек. Вот пошол медведь лапами розмахивать, и так пришли на пир. Медведь залез под стол, да и сидит себе. А этот спаситель-то сидит себе с невёстой. Невёста ча́рами обносит и думает:

— Што это как долго не находитце Иван-купецеськой сын.

И вот Иван сел за стол, она обносит. Обносит, пришла очередь и до нёго. Он выпивает эту чарочку, спускает ей на подносе кольцё. Она берёт это кольцё в руки и говорит:

— Ну, батюшко, дозволь мне топерь слово сказать.

— Ну, дочка, говори, што?

— А вот, грит, батюшко, што я тебе скажу. Не тот мой муж, которой напротив сидит, а тот, которой кольцё по́дал. Он змея убил, и я ёму дала кольцё. У него есть сестра и дружиня-зверьё.

— А может ёго и нет здесь, какой он спаситель тебе?

Это заговорил тот, который сидел с ней рядом. Вдруг он встаёт на ноги:

— Ошибаессе, я здесь, хотя́ меня и убил, но я о́жил и пришол сюда.

Вылезает медведь.

— А вот и медведь здесь, а остальние наверно у нёго дома, — это цяревна.

— Ну, Миша, бежи, зови всех.

Вот он сецяс сбегал и все пришли на пир. А гости смотрят на них, как на чудо. Потом сказал чарь:

— Ну, Иван-купецеськой сын, коли ты спа́с мою дочь, садись на ёго место, а с ним што хош делай, воля твоя.

И он сказал:

— Ну-ко, Миша, бери его.

Миша схватил, соловей полетел, как дунет ёго носом, так и конець. Мишка схватил ёго лапой, только мокро́. И сами выстали обратно на пир. Вот пришли, конешно, на пир, пир продолжалсе три дня. Вот Иван-купецеськой сын жонилсе на чарьской дочери и получил полчарьства.

Вот он живёт с ней год. И это зверье́ с ним, как прежде, и сестра с ним вместе живёт. И вот в одно прекрасноё времё, повалилсе он спать с жоной, и заснули оне крепко, а комната была по́лая. И вот эта сестра, што ей в ум взбрело́сь? Она берёт этот чортов зуб и спускает ёму сонно́му в рот, и он умер. Умер, тогда чарь што делать? Продержали сутки ёго, двое, с мёртвым делать нечего. Он спросил:

— Как по вашому обряду хоронят покойников?

Она ответила:

— А вот у нас как хоронят. Делают сперьва гроб, а потом полагают в гроб и набивают кругом ёго жолезные обручи. А потом отвезут, да в морё бросят.

Ну, конешно, это так и сделали. Отвезли, да в морё и бросили. Ну, зверье́ и беспокоитце:

— Где же у нас хозяин? Нет ёго.

И вот соловей и говорит:

— Вы бегайте по земли, а я полечу по́ морю.

И вот все отправились по разным сторона́м. И вот те бегали, бегали, нигде найти не могут. А соловей прилетел и говорит:

— Я нашол гроб на одном острову́ прибило, и вот пойдёмте скоряе.

И вот оне, конешно, вплавь по морю, и в скороё времё приплыли к этому острову́. И сецяс же этот гроб взяли,

оборвали всё, вскрыли ёго, смотрят, он лежит. Вот соловей смотрел, смотрел, да и Мишка, да и кобелй.

— Ну, робята, знаете што? Нам придётце кому-нибудь одному помереть из артели. Тут это сделала всё сестра по насердке. Она спустила ёму зуб чортов, и кому ёго достать, тот и умрёт. А кому умереть, давайте кинем жеребий из четверых.

И выпало очередь Мишке тянуть из рота зуб.

— Вот беда-то, как я топерь руку в рот пропихаю?

Мишка давай по острову бегать. Бегал, бегал, поймал зайця и принёс ёго ко гробу и говорит:

— Ну-ко, заинька, у тебя лапка узенька, кривая, достань у нёго этот зуб из роту, тогда я тебя и отпущу.

Вот заець што делать? Надо уж делать. Дёрнул, достал зуб, а Мишка отпустил ёго, он и убежал. Хозяин и стал.

— Фу-фу, как долго спал.

— Да, долго, это уж сестра твоя. Спустила тебе зуб, ты и помер. Спустили тебя в гроб, да в морё, мы и нашли тебя.

— Ну, спасибо, робята. Другожды сестра этого уж не сделает.

Ну ладно. Тогда он и говорит:

— Ну, робята, топерь попадайте, а ты, соловей, меня неси. Сел на соловья и полетел, как на ероплане. Вот он полетел. Жона поплакала, делать было нечего. И смотрит, сидит с отцём раз, в окно.

— Папа, смотри, дак ведь это мой муж летит на соловье, больше некому.

— Да как же он может, ведь мы ёго збавили.

— Да так уж, у нёго дружина такая, доставила ёго, да и всё.

Не знай, дочка, у тя в глазах мерещитце, што-то плохо веритце. А ведь верно, верно, он летит.

Прилетает он на двор, а в избу не заходит. Вот приходит, выходит чарь, выходит чаревна.

— Ну, почему ты, Иван-купецеськой сын, не идёш в избу?

— А вот до тих пор не пойду, покиньте мне сестру сюда на розговор на один, я у ней коё-што спрошу, а потом зайду.

28*

Вот ясно, што уж раз требуют сестру, сестра выходит.

— Ну, што тебе, братець, надо?

— А, сестра, отомстила ты мне за чорта, спустила зуб, ну, я тебе больше не прощу. Ну-ко, соловей, росправьсе с ней.

Соловей как дёрнул носом, она и померла. Вот приказал он сделать гроб и похоронили ей в землю, как пологаетце, а не то, што она сказала. Вдруг прибегает всё ёго войско. Он приходит в дом, завёл всё своё зьверьё, напоил, накормил.

Чарь собра́л пир, он, конешно, всё обсказал, как он вышел из дому, как путешествовал и как сестра ёго загубила второй раз. Тогды он сказал соловью и Мишке:

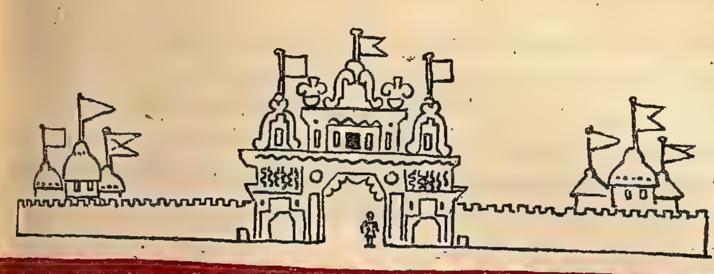
— Ну, робята, если жалаете жить со мной, то живи́те, а если не хотите, то иди́те, а в случа́е чего если понадобитесь, то я вас повещу.

— Хорошо, тогда мы пойдём.

— А вы, кобели́, оставайтесь, так уж благословеньё дедушки, живите до моей смерти, а там уж видно будет.

Потом он стал жить да поживать со своей чаревной. Впоследствии получил престол и стал престолом пра́вить до глубокой старости.

19. ОСТРОВ ЗОЛОТА

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил был прожиточной крестьянин и долго у нёго не было детей. Потом оне уж стали не мóлоды и родилсе у них сын. Когда родилсе сын, то сначала мать сына своего очень любила, и жалела, и ласкала ёго, и воспитывала как можно лучче. А отець и тем бóльше. Вот когда он начáл рости, выучилсе в грамоту, уж былó ёму лет тринатцеть, тогда она ёго не залюби́ла. И до чего не зáлюби́ла, стала ненавидеть и говорит своёму мужу:

— Девáй сына куды хочеш, а я ёго на глазах терпеть не могу. А то я сама на себя обрушусь и кончу свою жизнь.

И стала своёму мужу надоедать. Он не мог вытерпеть наконець, и сказал сыну своему:

— Ну, сынок, давай поедём с тобой хоть охотицьце.

Он ответил:

— Давай, папаша, поедем.

Зáбрали сьестных припасов и поехали на лóдки на один остров. И остров этот был очень чýдной и он не знал этого, какой остров есть. Когда оне приежжают на лодки на этот остров, то сказал сыну своёму:

— Вот мы пойдём по берегу, токо я пойду по одну сторону, а ты поди в другую.

Вышли на гору, конешно, сын берёт ружьё, а отець другоё, и пошли один в одну сторону, а другой в другую. Ну, сын не знал никакой злоумышленности в отци своём и што у них с матерью происходило. Ему не дано было знать, это всё происходило дело тайно.

Так. Топерь он немного подошёл и видит, отець прибегает к лодки, берёт лодку и поехал. Оставил одного ёго на острову. Когда он прибегает на то место, где стояла лодка, то смотрит торбочка висит на ёлки, а уж лодки и след простыл. Так он, конешно, заплакал и сказал:

— Ну, наверно, меня бросили на гибель родные, наверно я один на острову. Ну, есть у меня небольшой запас, ну, всё ровно мне-ка с этым запасом не жить.

А дело надвигалось уже к вечеру, и он никуда не смел дальше итти от берегу, хотя и было у него ружьё. Вот нацинает смеркатьце и зделалсе узашной рёв на этом острову, што страшно было стоять. Он и забоялсе.

— Ну, топерь, наверно, я погину.

И отыскал толстоё дерёво и начал лезти в это дерево. Вылез он в это дерево, и стон, и крык, и шум на этом острову продолжалсе до самого утра. Ну, на утро стало немного поспокойнее. Но к нему никто не пришёл. Когда уж совершенно россветилось, тогда он начал спускатьце с дерева.

— Уж всё ровно надо сойти с дерева.

Вот спустилсе с дерева и думает:

— Што топерь мне-ка делать?

Немного подумал:

— Давай, думат, немножко закушу, а потом пойду посмотрю по этому острову, што за такой стон и рёв, всё ровно я привезён на этот остров для гибели.

А пока было смирно. И так решил и пошол ставать в высокую гору. Когда он вылез в эту высокую гору и идёт по большой ровнины. И видит дерутьце два чорта без стону, а ночью обеи стонут, то-есть чёрт и леший дерутьце. Оне были двоюродные братья, делили отцёвско имущество: заповедноё

зерькало, и дрались оне с ним сто лет и поделить ёго поровну не могли, потому што оно было одно. Ванюша уж думат:

— Надо подойти ближе!

И подошол очень уж близко. Но он их не знал, што они такі за люди. Когда увидал этот леший и закрычал:

— Ванюша, спаси меня от своего двоюродника, я тебе дам гору золота.

А на ответ этого слова крыцит цёрт:

— Ванюша, спаси меня, я с тобой весь капитал поделю отцёвськой и своим поделюсь, токо спаси меня.

Топерь он и думат, не знаэт, которого стрелить, а уж которого нибудь надо. И решил этого лешёго стрелить, которой посулил гору золота. Как Ванюша начелил ружьё своё как молодецькая пуля легла лешому в грудь, так лешой упал на смерть, то сицяс подходит к нему цёрт:

— Ну, Ваня, молодець, угадал которого стрелить. Теперь ты будёш щастлив. А топерь иди на старо место, где тебе отець привёз. У тебя есть запасы, обживи сутки, а потом тебе всёго будёт, што токо пожалаеш.

Этот чертёнок скрылсе, а Ванюша пошол на то место, где ёго привёз отець, открыл свою сумоцьку, начал обедать. Так. Вот он пообедал, лёг спать и проспал тот день весь до вецера, ничёго больше не слыхал. Вот пришол вецёр, конешно, спокойно было на острову. Ванюша роскрыл огонь, костёр и сказал:

— Ну, я топерь ницёго боятьце не буду, у меня есть товарыщ на острову, которой мне всё это обещал уплатить.

Вот он розвел костёр, обклал хвоём вокруг себя, штобы ёго не провевало ветром и лёг спать спокойно, ни об чём больше не думая. Вот уже россвело, и он думает:

— Нет моего товарыща; никакого ответа, долго ли я здесь буду жить, ни знаю.

Потом немножко полежал, как оглянулсе назад, то смотрит назаду уже стоит большой дворець, а кругом сад, и он пошол к этому дворцю. Приходит во дворець, стоит на столы пища, всево довольнё, на што только зглянеш, садись и еш. Сел Иван за стол, с радости поел и лёг отдыхать на диван.

Вот он немножко полёжал, открылись двери и приходит этот самой товарыщ, которого он спас. Это был сам чорт. Ну, и сказал ёму:

— Здраствуй, Ваня.

— Здраствуй, здраствуй, не знаю, как тебя звать.

— Зови меня чертёнком, я есть сам чорт, острову́ хозяин. Бы́ло нас двое, ну этого уж топерь не стало.

Он спросил ёго:

— Ну, как, Ваня, как тебе топерь жить? Есть ли у тебя пищы или како ли жилищё или весельё, как думаеш про себя, можно ли здесь жить или нельзя?

Да. Вот он отвечает:

— Жить, товарыщ-друг можно, но дело в том, што скучно жить на таком необитаемом острову́ одному. Сам знаэш, очень скучно, потому што нет никого, даже животной, какой-нибудь собаки или кошки.

— Ну, так што же, друг, в чём же дело, тогда тебе надо товарыща и то можно сделать. Дак ко́го ты жалаеш, скажи мне-ка? Может ты жалаеш жонитьце? Как ты себя щытаеш, мо́лод или нет, можеш и жонитьце. Если ты пожалаеш жонитьце где бы ты ни задумал я тебя везде женю и помогу, што бы ты хочеш только. Жалаеш, на какой нибудь чаревны жоню и на королевны жоню и где ты токо хочеш, и будет тебе жить весело́.

— Дак вот, друг, мне токо от роду еще исполнилось семнатцать лет, пора ли мне еще жонитьце?

— Ну, можеш жонитьце, так и быть. Ну, жоню тебя на одной чаревны и сделаю тебе золотую лодочку, на которой будете кататьце по этому озеру. Токо от меня никуда не уежжай, и будеш щастлив.

Тогда чертёнок ушол, а Иван положи́лсе спать до утра́. Когда Иван проснулсе, то видит по комнатам такая ходит красавиця, што прямо и в глаза посмотреть не мо́жно. Потом Иван увидал, што ходит красавиця, подбегает к ней, конешно, берёт ей за́ руки, почеловал, ведёт в свою комнату. Красавиця ему смо́трит в глаза и говорит:

— Да, была я в чарстве чарская дочь и в эту ноч образовалась на каком то острову́ за молодым человеком. А уж топерь делать нечего, надо жить.

Вот оне потом пришли в буфет и сели за богатой стол и стали кушать. И вдруг приходит ёго друг. Пришол и говорит:

— Ну, Ваня, топерь я вижу, ты уже стал жонатой, я тебя всем обеспецил, ну и живи, как знаеш хорошенько, токо жоны́ своей всей правды не сказывай.

Вот оны живут с этой чаревной че́лой год, но он не знает, из какого она государьства, потому што это было́ всё неве́домо. Вот в одно прекрасное времё берет он ружьё и похо́дит по о́строву прохаживатьце, в общем не найдёт ли какой-нибудь дичи. Вот он снацяла шол густым большим лесом, а потом стал вылезать на го́рку и вылез он на го́рку. Вот идёт по этой горы́ и по присло́нам и это место ему всё кажет нехоро́шим, всё го́ры и большие прерывы. Всё идёт и идёт дальше. И потом увидал на одном скло́ни дверь, вроде пещёры. Пещёра и вроде дверь. Так. И он подошол к этой двери, открыл и смотрит, сидит одна старушка в этой комнаты. Вот он нацял ей спрашивать:

— Скажи, баушка, давно ли ты живёш на этом острову́, я тебя не видал, хотя я еще не долго живу и может я здесь еще не бывал.

— Да, молодець, я живу очень давно. Я укра́дена была у одного купця дочь. И вот скончалсе у меня муж и я осталась одна. Этот муж, тот был, которого ты застре́лил. Топерь слушай, Ваня, я тебе скажу: цёрт тебе еще того не дал, што обещал. Ты у него выпроси, а без этого тебе на острову́ жить нельзя. Он тебе всё обещал, што́ токо ты жалаеш и он тебе должо́н дать.

— Я не знаю, баушка, што. Мне жить хорошо покамест. Он меня жонил, я живу с молодой жоной и всё у меня есть. Што мне у нёго еще просить, не знаю, баушка.

— А вот што, Ваня, я тебя науцю, без этого тебе на острову́ всё ровно плохо будет. Проси у него заповедно зерькало, ну, за которо они драли́сь, мой муж с цёртом. И с этим

зеркалом тебе всё будёт, што захочеш. Посмóтрисьсе в нёго, оно тебе скажет. И он должóн дать, потому что обещал.

Тогда Ваня сказал:

— А если даст он, то я попрошу.

— Ну, конецьно, даст, потому што он обещал.

Вот Иван с баушкой роспростилсе, пошол домой. Приходит он домой к своей жоны, конешно. Поужинали, повалились спать. На у́тро встали, чай по́пили, поехали кататьце на золотой лодочки. Приехали домой, конешно, пообедали, он и говорит:

— Как же мне друг долго в гости не идёт.

Вдруг ниоткуль возьмись он и приходит:

— Ну, што же, Ваня, как поживаеш?

— Да ничего, так, живу хорошо, но дело в том, слушай, друг, я тебе всё обьесню и буду просить, ты, наверно, мне не откажеш.

— Ну, конечно, не откажу.

— Так вот я тебе скажу. Слушай, друг, ты мне обещал любимое, за што вы драли́сь со своим двоюро́дником, это волшебно зеркало. Отдай мне ёго, а мне оно может будет нужно.

Так. То он сказал ёму:

— Ладно, Ваня, я тебе отдаю, но токо ты ёго не умееш держать.

— А почему?

— А просто так, и ты еще не знаеш про него, тебе, наверно, кто-нибудь сказал на острову́, потому што ты стал у меня ёго просить. И тебе им, этым зеркалом, на острову́ делать нечего. Почему? Потому што у тебя всё есть. Если тебе што надо и всё будет. Если надо родных, скажи мне и я тебе их представлю.

— Нет, мне пока их не надо.

Потому што он озлилсе на свою матерь и на отця, как его броси́ли на этом острову́.

— Дак так, друг, ты не хоти́ш мне отдать это зеркало, а обещал; сказал всё тебе отдам, што токо пожалаеш. Вот я жалаю, а ты не хоти́ш, отговариваеш меня в моей просьбы.

— Ну, ладно, Ваня.

Сицяс отстёгáет корман, вынимает из кормана зéркало.

— На, Ваня, умей токо держать, а после на меня не обижайсе, што случитце. Ты знаеш Ваня, однако, кажетце, видел, при твоих глазах мы с двоюрóдником дралúсь сто лет, штó-то оно стоит. Ну, и пóмни, и храни ёго при себе. Не оставляй ёго ни одну минуту без себя.

Вот Иван сказал:

— Ладно.

Тогда ушол от него цёрт. Вот Иван полуцил ёго и хранит ёго при себе всегдашную пору: днём и ноцью. Ложитце спать, убирает ёго, не сказыват жоны прó это зеркало. И она не знала.

Да. Вот в одно прекрасно времё он уходит в лес, а она, жить ей, конешно, было хорошо, и она уходит в лес, поинтересоватьце, што это за óстров. Вот она идёт также по крутым горам, как и он шол. И увидáла эту сáму келью, как и он заходил. Вот когда она зашла в эту келью, сидит, видит, баушка.

— Эх ты, красавиця моя, два года уж скоро как живёш, а ко мне не разу не зайдеш. Опоздала, голубушка.

— Баушка, я и не знала, где ты жила, ну случайно набрела на твою келью и узнала, што ты есть, вот и пришла.

— А я-то живу видь уж знаеш сколько времени на этом островý? Уж не мене того, как петьдесят лет. И вот случилось твоему мужу приехать на этот остров и он убил моёго мужа и я осталась одна. И не знаю, как мне попасть на остров, где я жила. И хоть нет уж, наверно, у меня родных, не осталось, но всё-таки попасть бы мне в родной город. Я хош тебя не застала, как ты родилась, красавиця, но я знаю из какого ты города, и я там же жилá. И знаю, какого ты царства, потому што мне это всё известно. Ну, и скажи мне, прекрасная, што из двух выбираеш, жалаеш ли ты здесь жить со своим мужём или жалаеш увидать своих родных и попасть в своё государьство и такжи вывести меня отсюда?

Она ответила ей:

— Жить-то былó бы здесь и ничего, но скучно без родных, жалательно было бы их посмотреть.

— Ну, а как думаеш, жалаеш своего мужа или нет, или думаеш, может здесь ёго оставить?

— Я не знаю, баушка, как тебе сказать. Он еще мо́лод и нигде не бывал и ничего не знает. Я же привыкла к своим города́м и чарьству, а он ничего не знает. И я бы жалала его здесь оставить, лиш бы попасть в своё государство. Вот тебе и на, пожили!

— Дак вот слушай, Настасья чаревна, я тебя, конешно, по отцю твоему знаю. Вот у твоёго мужа есть такая вещ: есть заповедно зерькало. И вот карауль ёго, как он ёго оставит, бери ёго и принеси ёго сюда ко мне. И што̀ только хочеш над своим мужём и сделаеш. Мы его здесь оставим и полетим в своё государство. Только с тем, штобы принести ёго мне.

Вот она роспростилась с баушкой, пошла домой. Муж уже был дома, ожидал ей, где она пропала. Вот он спрашиват:

— Ну, где ты, моя прекрасная Анастаси́я, была́?

— Я была, прохаживалась по о́строву, да и заблуди́лась, но и, наконець, и пришла.

— Ну, ладно, ничёго, давайте хоть будем што-нибудь йись.

Накрыла она стол, и сели кушать. Поели, конешно, проходит этот день, ложатце спать.

И так, стала она следить за этым зеркалом, куда это муж ёго прячёт. Вот она всё следит и смотрит. А он ложитце спать когда, то она видит, што он вынимает это зерькало́ и полагает ёго на полку. Когда оне легли спать, то утром стают со сна, и он утром пошол по обы́чаю в лес и забыл ёго совсем на полки. И вот она сицяс берёт это зерькало и в ту же минуту отправилась к этой баушки. Когда принесла это зерькало, баушка в то же времё взяла ёго в руки, посмотрела в нёго и задумала:

— Што бы в ту жи минуту перетащыть чаревну и меня в то же чарство, в котором и жили.

И вот она потом у неё спросила:

— А што ты жалаеш еще сделать над своим мужем?

— А я не знаю.

— А я вот то́ думаю. Хотя твой муж пусть и не причи́нной, но я отомщу им обоим, потому што убили они вместе

моёго мужа. Я думаю так. Затопить этот остров водою, и пусть они с чортом погинут.

Так старуха посмотрела в зеркало, и задумала, и так было́ сделано.

И вдруг ни откуль возьмись, полилась вода, пошол стук и крык, треското́к, и остров нача́л тонуть по́д воду. Иван увидал, што бежит вода и нацял подниматьце в гору. Вот Иван всё бежит, а вода и за ним вслед. И он на таку́ высоку гору вылез, што уж вы́ше нет. Только на горы́ еще стоял один камень, повы́ши горы́. И вдруг вода уж полилась к камню. Иван полез на самой камень, а кругом острова уж была вода.

И думает:

— Наверно, погиб я!

Когда вылез Иван на этот камень, то кругом этого камня облилась вода, стала в пол-ка́мени. Он тогды и заплакал:

— Ну, я-то пропал, а где-то у меня и друг пропадает.

Вдруг видит, пловёт ему к каме́ни кошка. Приплыла кошка, вылезла на камень и говорит:

— Ну, Иван, я долго не давал зеркала, говорил, што тебе не удёржать будёт. Вот и пришла нам топерь обоим гибель. Ну, да ладно! Я знаю топерь, кто это сделал. Это моя старшая невёска двоюро́дниця сделала. А далёко нам топерь будет искать. Она сказала тебе, а топерь и твоей жоны. Теперь знаеш што, Иван, сицяс пловет корабь. И вот просись на этот корабь, тебя возьмут, токо меня брать не будут. А ты скажи: „Уж коли́ возьмите́ меня, то возьми́те и мою кошку, а уж коли и кошку не возьмите́, то не берите и меня". И они возьмут, а уж мы там не погибнём, коли́ нас возьмут.

Вот немножко подождали и вдруг идёт корабь. Ваня нача́л махать платком, корабь стал подвигатьце ближе. Подходит корабь и даёт ёму трапку.

— Заходите!

И он подходит и за ним кошка. Капитан говорит:

— Нет, нет, кошку не возьмём, такое чудовище.

— Так слушайте, товарыщи, если возьмите́ меня, то и кошку, а если не возьмите́ кошку, то не берите и меня.

Капитан немного подумал:

— Ну, ладно, чорт с ней.

Вот оне взошли на корабь. Вот когда взошли на корабь, то капитан подошол к нему.

— Ну, друг, скажи, кто ты такой есть и как вы очутились на камне?

Он отвечает:

— Зовут, конешно, меня Иван, а очутилсе на камне случаём. Был остров и пáло наводнение, покрыл остров водою, вот таким путём я очутилсе на камне́.

— Ну, дак топерь скажи, как твоя специальность, што ты можеш стать робóтать или какого жалаеш ремесла́?

И вдруг шепчёт ёму кошка:

— Берись поваром, у них нет повара, а уж я тебе всё сварю, што надо.

Вот он и говорит:

— Правда, ремесла сецяс не знаю другого, я в прежну пóру был поваром и сецяс бы стал бы, это моя специальность.

Вот капитан:

— Вот и хорошо, как умееш поваром. А у нас случайно нет повара уже третий день, потому што случайно кок погиб, вот и можеш стать поваром.

Капитан еще спросил:

— Ну, каку́ ты жалаеш чéну?

Чорт шепчёт ёму:

— Не ряди́сь, и так нам хватит денег. Скажи: „што даитé, то и ладно".

— Ну, так вот, вот твоя кухня, тут тебе котлы, тарелки, чайники, вилки, ложки и всё на свете есть. Вот кладóвка, тут продукты. Топерь дальше. Вот твой обед, чай и зáвтрок, три раза в сутки, а остальноё, кто, как жалает.

Он, конецьно, взялсе и думает:

— Как стану варить? Чорт е знает, потому што я и котла редко видал в глаза́.

А цёрт ему и шепчет:

— Чего-ж ты думаеш? Тут и варить тебе не надо будет, всё готово. Когда спросят чай, то ударь по чайнику ложку,

или спросят завтрок, всё ровно. А когда обед закажут, приходи, ударь чумичкой и будёт готово, только знай розливай.

Топерь вот оны идут месец, два и три, и так пловут уж пол-года. И Иван продолжает свою роботу. Вот все матросы, капитан и штурманá, очень хвалили Ивана, благодарили за его роботу, што он очень хорошо приготовляет.

И вот приплывают в тот же город, в котором городу царевна есть и старушка. Вот приплыли, встали к стенке. И вдруг еще идёт дьвенатцеть кораблей, тоже стали к стенке. Вот эты все капитаны, когда приплы́ли, собрали́сь все вместе советовать друг с другом. Потом дошло у них до поваро́в, што кто у кого какой повар и чего сто́ит. Дошло до того капитана, на котором судне и этот Иван. Стал капитан говорить:

— Есть у меня повар, таких поваро́в редко у кого есть, потому што он из ницёго а уж сделает, так заеденьё.

И вот эти капитаны и сделались так:

— Так вот што, товарыщи, пусть эти поварá делают обед, кто из сколькúх блюд может сделать, а потом мы узнаем ихну практúку.

Вот эти капитаны как сговорились, так приказали поварáм делать кто што может. Перьвой сделал из трёх, другой с шести, а уж третий с девети. И больше двенатцети блюд никакой повар не мог делать. Ну, и дошла очередь до Ивана. Вот пришол капитан к нему:

— Вот слушай, Ваня, со сколькá блюд ты можеш обед сделать?

— А я не знаю.

И шопчет ёму кошка:

— Скажи, мы сделаем со шестнатцети.

— Вот и молодець, как сделаеш, отличиссе о́т всех поваро́в. А топерь скажи мне, сколько тебе нужно денег и чего закупить?

Топерь говорит ему кошка:

— Вот слушай, Ваня, денег ты у него бери три рубля и пойдёш закупать, бери корзинку, токо меня не оставляй. Вот мы зайдём с тобой в магазин, я скоцю на полку и сло-

маю графин. Меня нацьнут бить, гонять, а ты скажи: „Нет, не бейте моей кошки, а сколько он стоит, я заплацю“. Оне скажут: „Рубель стоит“. Ты отдай денег рубь и скажи: „Дайте, я соберу стёкла в корзинку“. И собирай, выходи из магазина. Вот зайдём в другой магазин, я таким же путём заберусь на полку и стро́ну другой графин. Такжи меня будут бить, гонять. Таким же путем скажи: „Нет, вы ей не бейте, я заплачу“. И соберёш стёкла и выходи из магазина. А потом зайдем еще в третий магазин и таким жи путём я заберусь на самую верхнюю полку и сброшу оттуда хрустальноё блюдо. Начнут меня бить, гонять. Ты скажи: „Нет, не бейте“. Плати, сам оббирай стёкла и выходи из магазина. А потом придём на корабь и будеш готовить.

Топерь он и говорит хозяину:

— Вот мне-ка нужно три рубля.

— Ну што ты купиш на три рубля?

— Больши мне не надо.

Капитан даёт ему деньги и он пошол в город с кошкой вместе. Вот так и зашли в перьвой магазин. Заскоцила кошка на полку, бытто за мышкой и сронила оттуда стеклянно́й кувшин. Потом прикащики увидали такую пакость, стали гонять, бить и ругатьце. А он увидал и сказал: „Нет, товарыщы, вы не бейте моей кошки, я, сколько надо, уплачу, и даже соберу стёкла“.

Прикащыки сказали:

— Рубь сто́ит.

Он отдал, нацял собирать стёкла, собрал и вышол из магазина. Идёт ко второму. Приходит во второй, таким жи путём кошка сронила стеклянную бутылку. Прикащыки нача́ли ругатьце, гонять ей и говорят:

— Какая пакость, наделала нам тут!

Он говорит:

— Вы не бейте моей кошки, а сколько надь, я уплачу.

Отвечают прикащыки:

— Отдай деньги.

Он отдал, собрал стёкла и вышол из магазина. И приходит уж он топерь в третий магазин. Кошка забрала́сь на са́му

верхню полку и сбросила блюдо. Вот эти прикащыки россерчали, стали ей гонять:

— Вы, товарыщы, не бейте моей кошки, я уплачу. Сколько стоит?

Оне ответили:

— Рубь.

Он заплатил, начал собирать стёкла и вышел из магазина. И вот оне идут, кошка ёму и говорит:

— Ну, топерь мы всё закупили, што нам нужно для обеда, у нас всё на корабли. Ты думаеш, Иванушко, на три рубля мало можно накупить? Мы можем хоть все двенатцеть кораблей, пусть придут к нам, мы можем накормить и еще останетце, а только придут двенатцеть капитанов.

Вот пришол на корабь и его спрашивает капитан:

— Ну, как, Ваня, закупил?

— Да, закупил. Пойдите, посмотрите, што я накупил.

Капитан пришол, посмотрел в ёго кладовой, а тут и глазом не обведёш.

— Ну, да, порядошно ты закупил, и как это ты всё мог закупить?

Кошка и шепчет ему:

— Ты сецяс ему ничего не говори, а ответь токо несколько слов.

Вот он и говорит:

— Господин капитан, я тебе про это потом скажу, а сецяс мне-ка некогда, роботать много надо, приготовлять обед.

Он и говорит кошке:

— А теперь, друг, как мы станём делать, ты мне-ка скажи, ведь я ничего не знаю про это дело.

И говорит ёму кошка:

— Иван, ты про это не печалуйсе, только подходи к кострули, ударь чумичкой и розливай на перьвое блюдо. А потом так и ходи, а уж у меня всё будет приготовлёно на разные блюда, только знай розливай, да розноси, а уж об остальном о всём не печалуйсе.

И вот потом начали все капитаны собиратьце по уговорке, как уж он всем капитанам обносил. Потом сказал капитан:

— Ну, Ваня, начинай подавать обеды.

И вот он приходит к кострюли, ударяет чумичкой, и так подавает перьвое блюдо. И начáл продолжать дальше. Вот он носил все до двенатцети, а потом спросили Ивана:

— Еще сколько можеш подать?

Он ответил:

— Я могу подать до шеснатцети, но больше пока не подаю, мне не приказано.

Вот Иван всё подавал до шеснатцети. Окончил он обеды. Да. Потом капитаны приказали зайти Вани в каюту. Вот он приходит в каюту и стали капитаны благóдарить ёго и дарить ёму подарки. А ёму зарáне кошка сказала:

— Ты подарков не бери, а бери только похвальной лист.

Вот он когда пришол, капитаны стали ёго дарить разными подарками. Он и говорит:

— Нет, товарыщы, мне ваших подарков не надо, а вы напишите мне похвальной лист, штобы я во всяку пору мог поступить куда угодно поваром. Это для меня будет лучче.

Вот капитаны на это согласились, написали ему похвальной лист.

— Вот, Ваня, кoлú жалал.

Он получил, пошол обратно к кошке. Когда эты гости все розошлись, пришол капитан к Ване и говорит:

— Сколько тебе, Иван, надо денег и я тебя отпущу в город, гуляй хош три дня.

А ёму уж зарáне сказала кошка:

— Бери токо шестьдесят рублей, нам больше не надо.

Вот капитан подаёт ему шестьдесят рублей. Ваня берёт деньги и вышол с корабля вместе с кошкой. Вот и идут по городу. Кошка ёму и говорит:

— Вот, Ваня, мы топерь зайдём в магáзин и купим гармошку, котора стоит петьдесят пять рублей.

Вот и оне пришли, уж в то времё повернулсе чёрт вместо Ивана, а Иван сделалсе кошкой. Да. И вот зашли в магáзин. Вот он и говорит прикащыку:

— Покажите мне-ка гармошки.

Тот нацял выкидывать, какѝ у него были и сказывать чéну. И вот чéны он ёму сказал, от петидесети рублей и до тышеци рублей.

— Нет, говорит, мне таких гармошек не надо, мне надо токо за шестьдесят рублей.

Вышол из того магазина, вошол во второй, опеть спросил прикащыка:

— Покажите мне-ка, прикащык, гармошки и скажите чéну.

Опять же прикащык выкинул гармошки и сказал чéны:

— У нас чéны такѝ-то, от ста петидесети рублей[7] и до двухсот петидесети.

То чорт сказал:

— Нет, мне таких гармошек не надо.

Зашол в третий магазин. И приказал опеть же выкинуть гармошку. И он выбрал гармошку за шестьдесят пять рублей, а у него денег шестьдесят, а стоила шестьдесят пять. Вот и говорит прикащыку:

— Вот, отдай мне за шестьдесят рублей эту гармошку, то я куплю.

— Нет, у нас таких чен нет, штобы тебе отдать за шестьдесят, она стоит шестьдесят пять.

— Ну, тогда дай, хоть я сыграю на ней, а потом подумаю, может куплю.

А уж чорт знает. Прикащык ёму розрешил. Чорт берёт гармошку, начинает играть. Как заиграл, то все прикащыки заплясали и посуда и все прикащыки и все гармошки, какѝ были в магазине заиграли. Поиграл чорт немного и кончил. И сказал прикащыку:

— Ну, отдай за шестьдесят.

— Ну, ладно, колѝ ты так играл, ну, получай.

Чорт взял гармошку и пошол из магазина, а кошка ёму вслед. Вот идут оне по городу, чорт и говорит Ивану.

— Вот я сецяс сыграю.

А публики в городý былó столько, што пройти бы́ло очень трудно. И вот как цёрт только заиграл, то весь народ заплясал, и лошади, автомобили остоя́лись, всё стояло, никто никуда не шол, только тонцёвали. Потом узнали, такого

хорошего игрока, и запретили ёго, штобы народ не стоял по панелям и не плясал; штобы он больше не играл, а иначе будёт наказан. Чорт замолчал играть.

— Ну, пойдём дальше. А потом нас бросят в такую большую пропасть, штобы нам не выйти оттуда; всё ровно мы выйдем. Когда нас бросят в пропасть, а уж нам всё ровно надо итти, а там мы розыщем, зачем мы пошли.

И вот идут немного и опеть чорт заиграл. Когда он заиграл, публика остоялась, лошади и автомобили. Тогда пришло войско салдат, взяли и повели ёго к этой ямы вместе с кошкой. Когда привели и то́лнули ёго в эту пропасть, чорт и говорит:

— Ну, Иван, топерь мы здесь, вот чудо-то и надо найти, тогда дело будет хорошёё.

Вот уж когда чорт обернул опеть же Ивана, а сам кошкой и нача́л бегать по ямы. Долго он бегал по ямы, ницёго не нашол, а потом каким-то путём нашол крысу, котора ему нужна́ бы́ла, и принёс к Ивану. Принёс и говорит:

— Ну, крыса, сослужи мне-ка службу, у тебя есть, крыса, мышей много, а потом я тебя отпущу.

Крыса немного подумала.

— Только ты меня отпусти, а уж я тебе сослужу, што ты жалаеш.

— Нет, ты вызо́ви своих мышей и крыс и когда только вы исполните это всё, тогда только я вас отпущу. Ты не бойсе, я тебе ничего плохого не сделаю.

Сицяс же крыса велела выбежать мыша́м, а также крысам. Мышей и крыс набрало́сь видимо-невидимо, а она была ста́ршей у них. И оне закричали все в голоса́:

— Отпусти нашего хозяина, мы тебе сделаем и сослужим што только хоти́ш.

Вот и говорит Иван мыша́м:

— Вот, робята (а уж чорт ему заранее сказал), вы прогрызите три стенки, а там есть небольшая комната, а там старушка, а у ней небольшое зерькальце. И она хранит ёго под подушкой. И она никогда не спит, штобы оно не потерялось. Вот принесите мне ёго, а у вас зубы вострые, вы прорытьце и прогрызь можете.

Мыши и крысы все ответили:
— Ну, ладно, коли та́к, то мы сделаем.
И все побежали на это дело. Иван осталсе со своей кошкой и с крысой. Вот оне и нача́ли прорыватьце в перьвые стены и в подземельё и знали где-ка эта старушка живёт. И пробра́лись до этой избушки, где лежала старушка, хотя не́ спала. Крысы кряду же броси́лись к этой старухе на шею и загрызли ей, а это зеркало понесли. Когда принесли это зеркало, дали Ивану, то он отпустил эту крысу последнюю, поблагодарил. Тогда Иван говорит:
— Ну, што мы топерь будем делать?
— А мы топерь пока выйдем из темници, а потом заво́ротим на корабь, а потом узнаем, што нам еще надо делать.
Вот цёрт сицяс задумал, штобы эта пропасть роспалась, штобы они моментально очутились в городу́. И вот эта пропасть роспалась и оне спокойно пошли на корабь. Вот заходят оне на корабь, капитан и спрашивает:
— Ну, Ваня, как в городу́ погулял?
— Да, погулял хорошо, што нужно, то я и сделал.
Тогда цёрт сказал ему:
— Ты скажи капитану так: „Ты мне дай рощёт, а я с тобой жить не буду, поступлю лучче в город поваром".
Ну, и што же, Ваня не живёш, так насилу уж не держат. Отщытал ёму деньги, подал.
— Ну, Ваня, хорошо, кабы ты еще по́жил, у нас каманда топерь тебя часто будет споминать.
— Вот я вам после этого сварю еще один обед, покушаете все вместе, и потом уйду.
Капитан был очень рад.
— И еще роскажу што я купил в городу́ и даже покажу.
Он подошол к кострюли, как щолкону́л токо чумичкой, обеды уже были готовы. Нача́л просить капитана и этот капитан пригласил ёго, самого Ивана вместе с кошкой на этот последний обед. И он пришол. Когда он пришол, и говорит:
— Вот што, капитан, я купил гармошку.
— И хорошо, Ваня. Умееш играть?
— Да, немного умею.

— Так вот, я просил бы, штобы ты сыграл в эту гармошку.

То он подает чорту гармошку, чорт в ту же минуту обратилсе человеком и сел играть. Как услыхала каманда также и капитан, нача́ли тончевать и тончуют че́лых два часа и корабь качает с боку на бок и не знай, што творицце на корабле. Когда он нача́л играть, то на всех кораблях матросы заплясали и нача́ли сьежжатьце к капитану, даже сьежжались, то в лодках гребли и плясали. Когда зашли на палубы, то не спрашивая ничего нача́ли тонцёвать. И зашли капитаны вместе с матросами на палубы, а чорт прекратил игру и вышел. И чорт прекратил игру, все остоялись. Когда остоялись, капитан и говорит:

— Ну, молодець, Ваня, ты хорошим можеш быть музыкантом, жалко токо што уходиш.

Вот Ваня попрощалсе с капитаном, а капитан протянул руку в корман, еще даёт ёму от себя петьсот рублей возгражденья, и он вышел из каюты.

Опеть того же капитана и спросили:

— Што у тебя за музыкант, откуль ты ёго достал, мы еще о́троду такой игры не слыхали и, наверно, не услышим.

— Это бывший мой повар, которой приготовлял, сами знаете, обед шестнатцеть блюд. Он топерича уходит от меня.

— Да, мы не знали.

— А вот после этого всего я дал ёму розрешенье на трои сутки. Он сходил в город, купил гармошку и показал мне на прощаньё, што он хорошой игрок.

И он нача́л прощатьце с этими капитанами. И капитаны ёго дарили на прощаньё, хто чем могли.

И он скрылсе из глаз вместе с кошкой. Вышли оне на пристань, чорт и задумал:

— Ну, сицяс же, штобы мы возвратились на том же остро́ву и все у нас было́ по-старому.

Прошло несколько часов, как уж Иван был на этом остро́ву с чортом, уж сидел со своей жоной за столом. Вот он стал спрашивать у своей жоны:

— Ну, каково́ погостила, любимая моя Настасья дома, хорошо было́, скажи мне?

Она стала извинятьце и говорит ёму:

— Слушай, Ваня, я тебе всё скажу по души, што случилось здесь со мной на острову́.

Вот она обсказала всё своё положение, как ей омманула эта старуха и она поэтому улетела обратно в своё чарство.

— Ну, ладно, милая моя, я тебя за это не виню, знаем мы про ту ведьму, ну уж её топерь живой нет. Ну, всё мы достали от ней, што надо, поэтому ты и вернулась обратно сюда вместе со мной. Но мы были в опасном положении, наверно, ты про это сама знаеш, как оставили вы нас на острову́.

И она стояла, просила у него прощенья.

— Это не я оставила, это всё старуха, и она всё придумала.

Он сказал:

— Ну, ладно, это всё будет прощено́.

И вдруг приходит ёго друг. Да и вот у них пошли опеть розговоры:

— Слушай, милой мой друг, топерь дай мне это своё зеркальцё.

Даже не стесняетце своей жоны.

— Нет, слушай, Иван, я тебе ёго не даю. Если ты второй раз его потеряеш, то уж мы погибнем и назад ёго не достанем.

— Слушай, друг, мне оно очень ну́жно, мне нужно слетать повидать отця своего, посетить и может ёго сюда привезти. А ина́че я с острова попасть не могу.

Ну, он сказал:

— Ну, уж ладно, ну дам только на то времё, пока ты слетаеш, штобы ты мне ёго потом отдал, штобы нам ёго второй раз не упустить.

Вот он подал ёму зеркало и сказал:

— Ну, смотри, не ошибись, Ваня, береги ёго как можь, а топерь можеш лететь к своему отцю.

Ваня берёт это зеркало, задумал, што надо лететь ёму к отцю и кряду очутилсе в своём селе. Заходит в отцёвской

дом. Зашел в дом, видит сидящего отця на стуле. Был он печален, а уж матки ёго не было. И роботать уж он ничёго не мог и все думал про сына своего:

— Где он, бе́дной, наверно, уж в живых нет.

А при нём жила тетушка Ивана, а ёго была сёстра. Вот он пришел кряду, поздоровалсе.

— Здраствуй, дедушко!

— Здраствуй, здраствуй, до́брой человек. Садитесь, откуда вы идёте?

А он ёго, конешно, не узнал. Вот он сел с ним ря́дом и нача́л с ним россуждать.

— Скажи мне, дедушко, сколько тебе лет и было́ ли у тебя кого из семьи детей?

Вот он и говорит ёму:

— Из семьи? Да у меня от роду был только сын, да жона, которой уж пять лет, нет как живой. А самому мне уж семьдесят лет.

Ну, а куда, скажи мне-ка, у тебя этот сын делсе, умер он или как?

Дедушко посмотрел ёму в глаза и сразу на глазах у него образовались слёзы. Обтёр глаза и говорит ёму:

— Скажи мне, доброй человек, как вас звать?

— Меня зовут Иваном.

— Ну, вот, я обьесню вам про сына своего. Вот таким путём, когда мы жили еще со старухой вместе, у нас сын был тринатцети лет от роду. Сначала любила мать хорошо своего сына, а потом што-то прогневалась и совсем навидеть не стала в глаза. Потом наконець мне сказала: „Убирай своего сына куда хош, или убей или топи́, а я с ним жить не стану, или сама себе сделаю смерть“. И не давала мне спокою. Потом, што мне нужно было делать? Пришол к сыну и сказал: „Ну, Ваня, пойдём мы с тобой поле́совать“. Сели в лодку и поехали, хотя мне и было́ жалко ёго отдать на этот остров, куда мы поехали. Этот остров был страшнейший и очень чу́дной, хотя мне этот остров мало приходилось видеть, но я слыхал немного.

Тётушка ёго сидела уплаканая и слушала.

— Ну, дальше говори́, дедушко.

— Когда привёз на этот остров, то я пошол в одну сторону, а он в другую. Когда обошол остров, то сел на лодку и уехал, а он осталсе. И не знаю с тех пор, где он бедняжка погиб.

Он поглядел ёму в глаза:

— Так вот, дедушко, можеш ли ты признать топерича, если бы пришел к тебе сын.

Он поглядел на Ивана и сказал:

— Да где ж узнать, уж тому лет дватцеть, наверно, прошло, уж он стал не моло́дой, ему больше тритцети.

— Дак вот, дедушко, ты мне будёш отець, а я твой сын и приехал за тобой.

Дедушко стал на ноги обра́дованной, броси́лсе ему на шею и стал обнимать. Говорит:

— Тебя ли я вижу, мой Ваня?

— Ну, топерь ты, отець, не плачь, если жалаеш, то пойдём ко мне на́ остров. У меня на острову́ хорошо, жить можно и всё мне пошло на щастье, а я тебе там всё росскажу своё путешествиё. И вы, тётушка, если желаете, и вас заберу с собой.

То он сказал:

— Ну, Ваня, воля твоя, пойду.

И тётушка сказала:

— Ладно, всё ровно, где умирать нам с братом, уж мы и по́жили.

То он вы́нял в ту же минуту зеркало из кормана и задумал, штобы в ту же минуту очутитьце на острову́. В ту же минуту был перекинут на остров вместе с отцём и тётушкой. И вдруг приходит ёго друг:

— Што, Ваня, вот и привёз отця и тётушку забра́л старую. Вот и хорошо. Живите топерь и невёстки вашей будет хорошо, потому што ты будёш уходить куда, ей будет не скучно.

Топерь и он говорит ёму:

— Ну, это всё бу́дет хорошо, но слушай, друг. Хорошо было бы, штобы ты населил людей сюда и у нас бы обра-

зовалсе порядошной город, и прописал ёго: „Остров золота“. Вот тогда я был бы спокоён.

Ну, он тогда сказал:

— Я для тебя и это сделаю, только отдай мне обратно зеркальцё и больше у меня ёго не проси, а для тебя всего будет.

Иван подаёт ёму зеркало, а он сказал:

— Хорошо, через день узнаеш, што будёт.

Вот прошли сутки. Тогда на другой день оне стали, то на другой день уже совсем было ина́че. То уж сделалсе такой город, што и гла́зом не обведёш. Везде магази́ны, торговля и стоял порт и в этом по́рте корабли иностранные разны и затейки заграничные в этом городу́. Иван посмотрел, походил по городу и увидал надпись: „Остров золота“. Стоял один дворець и написано было на дворце. Ну, пришол Иван домой, подошол к жоны своей:

— Ну, жона, топерь уж не скучай по го́роду или по какому чарьству. Топерь тебе всё есть. Можеш ходить, гулять по городу, а когда домой придёш, знаеш, воля тебе будет до́ма.

Потом нача́ли они жить, пошли у них дети и проводить жизнь до глубокой старости.

20. ЛАНИ

Вот не́ в котором чарстве, не́ в котором государстве, в одной деревне жи́ло два брата. Один побогаце, другой победнее. У одного было два сына, а у другого сын да доць. У которого было два сына, тот был ме́ньшой брат. Ну, этот ме́ньшой брат никак не мог наладитце так, штобы у нёго недостатков не было. И вот он думает:

— Вот брат живёт, ни в цём нужды не видит, а когда же я-то буду богатой?

Пришол к жоны и говорит:

— Ну, жона, пойду я искать щастья своёго́, будё найду, дак вороцю́сь назад, не найду, дак и не приеду, живи́те как хоти́те.

И вот он, конешно, собралсе в один день и пошол, и пошол по дороге. Идёт и идёт и вдруг встрецяетце ёму старицёк настре́ту:

— Здраствуй, дедушко!

— Здраствуй, крестьянин, куда идёш?

— А иду, дедушко, как я сколько ни роботал, всё справитьце не могу и вот пошол искать своё щастьё.

— Дак вот што, слушай, крестьянин, што я тебе скажу — твоё щастьё тоже есть — иди по этой дороге, откуль я шол

и вот пройдёш по этой дороге и увидиш озе́рко. У озе́рка стоит дуб. Ты полезай в этот дуб и увидиш там дуплё. Ты протени туда руку и вытащиш утоцьку из этого дупла́. Потом неси домой. Когда принесёш домой, дак скорми своим сыновьям и в кажну ноць, как оне проспят, у их будет по два́ цервóнця золотых в голова́х. Потом ты будеш тоже щастливой, только брату не сказывай про это (тот и не стерпит!).

И вот так старицёк пошол вперёд, а он пошол по ёгонным следам в другую сторону. И так он идёт. Дорожка протя́галась вперёд и вперёд. Он идёт и идёт, и увидал озе́рко. Смотрит, у озе́рка стоит высокой дуб: как дедушко говорил, так и есь. И вот он подошол к этому озе́рку и залезает в этот дуб. Залез, увидал дуплё и вытяга́т оттуда утоцьку. Когда вытенул, смотрит, красивая эта утоцька.

— Ну, ладно, топерь пойду домой!

И вот приходит он домой и говорит:

— Но, ладно, жона, мы топерь будем щастливы. Ты свари эту утоцьку и скорми детям, они тогда будут кажну ноць по два цервóнця иметь в голова́х.

Вдруг приходит брат к нёму.

— Где ты, братець, ходил, как тебя дома нету давно? Я пришол тебя посетить. (Богатой, дак ёго так и тянет ище нажить!).

Старшой брат принёс вина и сели оне выпивать — (это он за выпивкой ёго спрашивать-то стал!).

— А што, брат, как ты знаеш бедной я дак везде сунессе. Тебе дак не надо никуда ходить, а у мня всё везде недохватки. Вот я и пошол искать себе тоже щастья (уж подвыпил и забыл, што дедушко ему говорил — „смотри, ста́ршему брату не сказывай“) и нашол, конечно.

— А, братець, россказ͡ки, што за щастьё нашол. Однако ведь я ёго у тебя не отнимаю.

Ме́ньшой брат всё обсказ͡ал, как он пошол по дороге и стретилсе со старицьком и как͡ доста́л утоцьку. Тогда ста́ршой брат и заговорил:

— Продай, брат, мне эту утоцьку, я тебе што хош заплацю.

Он ёму и говорит на ответ:

— Если даш все свои деньги, то отда́м тебе утоцьку, ина́це я тебе не отдам. Будет, я бедным по́жил!

— Я, брат, согласен.

— Ладно, приходи завтро, я тебе эту утоцьку продам.

А у матери уже эта утоцька была́ сва́рена. И вот когда ушол брат она и го́ворит своёму́ мужу:

— Слушай, ты утоцьку-то про́дал, а она уж у меня сва́рена, и я скормлю ей своим робятам. Ты как хош, я сего́дне ей скормлю.

И вот она отдала эту утоцьку детям своим и скормила. Утром дети ставают, а уж в головах у их по два цервонця. Ну, а отець вецёром сходил к этому озеру и стре́лил там тоцьно такую же утоцьку, только она пустая была. Да, и вот на другой день брат приходит с мешком и приносит ёму деньги. Пришол за утоцькой, ме́ньшой брат ёму и говорит:

— На́ тебе утоцьку, но денег много я у тебя сразу не возьму (ёму вроде как со́вестно стало). Как ты розбогатееш, тогда ты мне ище даёш, а пока дай мне хоть две ты́шечи, я с э́тыма поживу.

И вот он дал ему две ты́шечи, взял утоцьку и пошол домой, сразу же приказал приготовить ей, скормить де́тям. Это всё сразу и бы́ло сделано. Дети ёго скушали это мясо, ноць переноцевали, но цервонцев не было. И так по дру́гу и по третью ноць. А у ме́ньшого брата, у сынове́й, кажну ноць по два це́рвонца в головах было. Звали этых сыновей одного Васей, а другого Миха́илом. Так и вот церезь денька три приходит к ёму брат и говорит:

— Ты брат, наверно меня омманул, наверно скормил эту утоцьку своим сыновьям, а мне дал пустую. И я вот буду следить топерь за твоима́ сыновьями, как ста́нут оне со сна, будут у их цервонци или нет.

И вот он так и осталсе у их на́ ноць спать до у́тра. Но, брату делать было не́цёго, совестно было брата. И вот он как ноць переспа́л, утром пришол в ихну спальню. Мать стала у робят места́ обира́ть и он видит, как из зголовьев у робят посыпались золотые червонци. И вот пришол к брату и сказал:

— Ну, как хош, брат, а давай мне топерь, эты все червонци должны принадлежать мне, потому што ты с меня взял деньги и меня омманул. А то я у тебя всё ровно этых сыновей убью, пусть тебе это не достанетце.

— Ну, ладно, подожди денька три, уж я тебе их как-нибудь достáну.

И вот он сецяс стал советоватьце со своей жоной.

— Но, што, жона, нам топерь делать, по мóему выход один: пеки хоть сегодне же им подорожники и пусть оне уйдут куда глаза глядят. Когда оне уже мужиками будут, тогда брат это всё забудет, либо умрёт, тогда пущай ворóтятце, а сецяс им жизни здесь не будет.

Мать конечно заплакала, ей жалко было своих сыновей, но делать было нéцёго. Ноцью она всё приготовила им в дорогу, штобы брат ницёго не узнал и оне могли уйти.

И вот так утром стали оне со сна. Она подóбрала у их последний раз червонци, и отець сказал:

— Ну, дети, идите, покуда вы живы, идите куда глаза глядят. А когда выростите и буде нас не забудете, приходите, но так, штобы дядя про это не знал.

Оне поели, роспростились с отцём, с матерью, заплакали и отправились, сами не знают куда.

Но оне хотя были так лет по двенатцеть, по тринатцеть, но оне ростом были не мáлые, грамотные, толкóвые робята были. Вот прошло три дня, и пришол брат к нёму и говорит:

— Ну, што, брат, топерицю решиш, всё ровно твоим сыновьям житья не будет, как ты меня омманул.

— Да што, брат, у меня слуцилось нещастьё. Пошли сыновья в выходной день в лес за ягодками и вот заблудились видно. Я их искал, искал два дня и нигде найти не могу. Заблудились ли оне, ли упали в воду, ну пропали куда-то оба.

— Ну, дак што-же, потерялись дак ницёго не поделаеш, пусть ни тебе, ни мне. Ты мне отдай назад деньги, которы полуцил с меня за утоцьку.

Брат, конечно, деньги óтдал,—оне ище не дёржаны были. И так брат ушол.

Ну, а топерь, пока оне остались, возьмёмсе за этых робят.
Да, вот оне за это времё шли, шли, шли, до тёх пор шли, што у их уж не стало хлеба совсем. Вот Вася Мише и говорит:

— Куда мы, Миша, идём? Никуды в жилóё место попасть не можем, хоть бы нам где-нибудь поись.

Вот вдруг стречаетце им настрету старичёк.

— Здраствуйте, робятки.

— Здраствуй, дедушко, скажи нам, скоро ли мы попадём куда-нибудь в жилищё, хоть бы нам поись, совсем хлеба не стало.

А старик шол с ружьём.

— Дак вот што, робятки, как вас звать-то?

Старшой ёму ответил:

— Меня зовут Васильем, а млаччего брата Михáйлом.

— Жалаете у меня жить, то я вас возьму, только не менее, как на три года. Выучу, а потом как знаете, сы́ты у меня будете.

Ну конечно, им детьце было нéкуды. Пошли со стариком, и вот так шли, шли, зашли оне в дом. Он напоил, накормил их и говорит:

— Но вот, топерь вы отдыхайте три дня, а потом я вам даю роботу.

Вот оне провели три дня, и старик приходит.

— Ну, я буду вас обуцять стрелкáми. Бывало у вас когда ружьё в руках?

— Да нет, дедушко, не приходилось стрелять.

— Ну, пойдёмте, я вас буду обучать.

И вот старик вывел их в полё и поставил мишень или, по нашему сказать, доску.

— Вот стреляйте в эту доску. Ну, не бойтесь, если не попадёш снацяла.

Вот оне стреляли, стреляли там. Целой день-то, дак и́ной раз и попадёт которой. И так оне ходили учитьце чéлой год. И научились так хорошо стрелять, што не хуже этого старика. Потом на второй год уж он стал с имá ходить изредка охотитьце. И так провели они ище год. И стали на-летý стре-

ля́ть, как старик. Вот и говорит раз им старик — в конце третьёго года:

— Ну, робята, топерь я вас могу отпустить, буде можете стре́лить, кого я укажу; если промахните́, будете ище учитьце. На дорогу когда я вас отпущу, дам вам по ружью и собаке, по такому ружью, што попадите́ из нёго кажной раз, буде промаху не будет.

Ну, вот так оне пошли с ним и взяли этых собак, конецьно.

Вот шли, шли, шли, вдруг летит стадо гусей. Вот и говорит старик старшему:

— Ну-ко, Вася, стреляй переднего.

Тот стре́лил. Гусь пал. И топерь говорит Мишке:

— Ну-ко, Миша, ты за́ннего.

Миша ударил и за́ннего убил. Старик говорит:

— Ну молодци, робята.

Старик берёт этих гусей, а остальни пролетели. Топерь и говорит:

— Ну вот, молодци, топерь вы можете получить по цярьству, после этого, как убили, а то бы вам ище учитьце надо было.

Так. И вот он стал им говорить:

— Ну вот, робятки, получи́те от меня по ружью. Когда пойдёте, то вам будут попадатьце звери разные: заець, лисиця, волк, лёв. Вы будете в их стреля́ть, но оне не прикажут вам стреля́ть, а пойдут с вами вместе. Это будет ваша охрана. И вот, знацит, вы, когда это зверьё наберите́ по́лностью, вам придёт две дороги, и вы розойдитёсь: один пойдёт в то чарьство, другой в друго. А там уж вы увидите. И топерь я вам даю саблю́ для того, што вы будете знать друг про друга. И когда вы розойдите́сь, то Вася пойдет по правой дороге, а, Мишка, тебе по левой дороге итти будет трудней и вот, ты отдай саблю́ Васе. Когда эта сабля́ потемнеет, то ты, Вася, розыскивай брата и выруцяй ёго. И зверьё вам будет са́ма лучча охрана.

И вот он сказал:

— Ну, топерь досвиданья и идите да слушайте эту охрану.

Оне роспростились с дедушком, поблагодарили, конецьно, ёго. И отправились.

И вот оне шли, шли, шли и пришли к ро́sстане: розделяётце дорога на два пути́: один — вправо, а другой — влево. Ну, он сказал старшему брату, Мишка — Васе:

— Как дедушко говорил, тебе надо, Вася, итти по правой дороги, а я пойду по левой. На тебе саблю́ и когда увидиш, што она сте́мнеет, приходи, выруцяй меня.

И так оне росспростились, один пошол вправо, а другой в леву дорогу. И вот когда оне росстались, токо Вася вышел на дорогу, смотрит бежит заюшко. Собака погна́лась за им. Он только причелилсе, заець и заговорил:

— Не стреляй меня, Вася, а возьми меня к себе, я буду служить тебе правдой, пригожусь, может много раз.

Он ёму ответил:

— Ну, иди за мной.

И вот он дальше идёт, смотрит бежит лисиця. Собака погна́лась за ней, и он хоцет стре́лить. Лисиця и заговорила:

— Слушай, Вася, не стреляй меня, я тебе могу со своей цясти тоже пригодитьце, цем могу.

— Ну, ладно, коль хочеш, я не буду стрелять.

И так и лиса побежала вслед. Немного подошол, слышит собака залаяла. Смотрит, и видит сидящего во́лка и хочет ёго стрелить. Волк и заговорил:

— Вася не стреляй, а возьми меня, я тебе много пользы принесу.

— Ну, иди.

Пошли дальше. (Ище медведя да льва он возьмёт и потом пойдёт в чарьство). И вот дальше идет, собака слышит, залаяла на медведя. Он хочет стрелять, а он ёму и говорит:

— Слушай, Вася, возьми меня к себе, я буду тебе во всём помогать.

И так медведь этот побежал за им вслед. Идёт он дальше. Идёт и видит на льва собака лает. Он подошол и че́литце. Лёв заговорил:

— Не стреляй меня Вася, а возьми с собой, я тебе буду верным слугой.

Так. Он ёго взял, и пошли. Идёт он так вперёд и вперёд и пришол к озёрку. У озёрка, видит, сидит девушка. Эта девушка была из чарьства — чарьская дочь. Она была привезёна на сьеденьё трёхглавому змею и сильнё плакала. С ей был отправлен тоже спаситель, хто-то из богатырей, но ёго тут не было. И он скрывалсе в лесу. И вот она плакала, што сецяс ей розорвёт трёхглавой змей.

— Што ты, красавиця, плачеш?

— Да как мне не плакать? Вот выскоцит из озера трёхглавой змей и пожрёт меня, вот из-за цёго я плачу.

— Ну, об этом ты не плаць, я тебя спасу. Вот у меня есть тут охрана, котора мне поможет.

Она оценъ этому обрадела. И вдруг не церезь до́лго вода три раз здынулась, на цетвёртой раз выходит змей и засмеялсе:

— Вот какой чарь ми́лосливой, просил одного цёловека, а он даёт двух, да ищо в придачу зверья сколько разного. Вот топерь пообедаю.

Вася выстрелил в ёго из ружья раз — подал им сигнал, своей охраны. И те броси́лись. Лёв захватил с той стороны, медведь с другой, лисиця и волк мигом разорва́ли ёго по кускам, а заинько хоть ницё не мог помогать, а всё-таки тоже тут крутилсе.

Вот чаревна тогда очень обрадела и говорит:

— Вот, Вася, я тебе даю перстень.

Конечно, сказала ёму, какого она роду, а он ей тоже сказал, што он Василий крестьянской сын.

— И вот по этому перстню ты приходи ко мне на пи́р, а там уж я тебя узнаю. А топерь кажному из твоих помощников я привяжу по приметочки, потому што это будет нужно.

И вот она сецяс нашла такие лоскутки и всё разные кажному привязала. Как кобелю́, так и волку, и медведю, и льву, и лисице, и зайцю, однем словом, всем привязала по лоскутку.

— А топерь я, как пойду, там будет стречать посланной сюда со мной богатырь, но он сюда не евилсе, а топерь меня

будет стречать и будет угрожать. Батюшко, наверно, будет меня за нёго замуж отдавать, и вот ты приходи, только вместе со своей охраной.

— Ну, а топерь поди, чаревна, поди домой, а я ище останусь здесь на́ день ли на два, может быть, чорт ёго знает, не выдет ли ище како чудовище, дак я заодно ёго убью здесь.

Вот он осталсе тамотки, а она пошла домой. Этот богатырь вышел ей настрету и говорит:

— Скажи, што я убил змéя и выходи за меня замуж, как твой отеч обещал тебя отдать за меня.

Ну, она ёму, конечно, обещалась ницёго не говорить и выйти замуж за ёго.

Когда Василий, крестьянской сын, осталсе один, он и говорит своей охраны:

— Ну, давайте, робятки, топерь поочерёдно пова́лимсе отдыхать, как все бились да трудились, дак отдохнуть надо. Но только без каравулу оставлять нельзя.

И вот так стал лёв наперёд каравулить, а Вася повалилсе спать. Лёв покараулил, покараулил и говорит медведю:

— А слушай, Миша, постой-ко ты я што-то спать хочу.

Медведь стал, а лёв повалилсе спать. Только лёв заснул, медведь задремал и говорит:

— Слушай, волчо́нко, покаравуль, братишко, а я повалюсь.

Волк стал и тоже сразу задремал и говорит собаке:

— Слушай, собака, покаравуль немножко за меня, а я повалюсь отдохну.

И волк повалилсе. Вот токо собака стала и говорит лисы:

— Слушай, лиса, покаравуль за меня, мне уж очень тяжело.

Вот лиса стала караулить, а собака повалилась. Немного лиса покараулила, говорит заиньку:

— Заинько, покарауль топерь ты немного, я не могу больше, а когда ты покараулиш, розбуди лёва, лёв покараулит.

И так лиса повалилась. Заець караулил, караулил, да и повалилсе, все оне и заснули. А этот богатырь всё ждал, как

оне будут каравулить. Увидал, все заснули, пришол и убил этого Васю, отрубил ёму голову, думает:

— Ну, уж топерь он не придёт в это чарьство.

Лёв спал, спал, да как скочит:

— Хозяин убитой, — и закричал.

Все как скóчат и закричали, стали искать виноватого. Медвéдь говорит на волка, волк на собаку, собака на лису, а лиса на заиньку. На зайця всю вину и свалили. Вот заинька говорит, плачет:

— Вы лучче не ругайте меня, а я сбегаю в дватцеть четыре часа за живой водой и за мёртвой, а вы соберите в куцю хозяина, мы ёго оживим.

Сецяс сбегал, принёс живой и мёртвой воды. Ну, кому топерь голову прикладывать, штобы срóстить правильно? Все заспорили. Лёв говорит:

— Я,

Волк говорит:

— Я,

Нет я — говорит медведь.

Ну, ладно. Вот медведь взял голову, приложил к туловищу и смазал мёртвой водой. Голова образовалась сзади. Смазали живой, но што: глаза на заду́, што делать?

Медведь осерчал, óторвал голову. Снова надо бежать за живой водой и за мёртвой. Заинько говорит:

— Ну, што делать, моя вина, я сбегаю дрýгожды.

Опеть побежал и принёс в дватцет четыре цясá. Вот заець сбегал опять в дватцеть четыре цясá, принёс он живую и мёртвую воду. Ну, кому топерь дать? Дали лисице. Лисиця, конешно, применúлась, несколько раз примéрила, приложúла, потом спрыснула мёртвой и живой водой, правильнё получилось, он стал. Стал живой и стал спрашивать.

И вот оне всё это россказали, как ёго убили, как оне оживили.

— Ну, ладно, робята, топерь пойдёмте в чарьство.

Пришли в арьство, а уж там во-всё ведётце бал. И вот он говорит:

— Ну, робята, топерь я пойду на бал.

Лёв и говорит:

— Возьми нас кого-нибудь, а один не ходи, а то тебя опеть убьют, а уж с нами-то пройдёш.

— Ну тогда ладно, давай, мишка, да волчо́нко, да заюшко, пойдём, а остальны́ не надо. А уж если надо, то пришлю зайка к вам, если пона́добитесь.

И вот идут. Мишка идёт наперёд, хозяин сзади, там волчонко, а зайко бежит совсем сзади. Вот приходят к дворцю, их уж не стали пропускать. Мишка стал на передни ноги, розмахнул людей и пошол вперёд, все розбежались, так оне и зашли на бал, где сидели гости. И этот мишка да волчо́нко забились под столы́, да там и лежат, а заинька у нёго под ногами вертитце. Вот невёста стала обносить гостей вином. А этот богатырь сидел за столом, которой, значит, назвалсе спасителем царевны. И вот обносила, обносила, дошла очередь до нёго. Он эту чару выпил, и нача́л ей дарить. Там хто чару выпьет, спускает ей деньги, подарки. И вот когда она увидала этот перстень и говорит:

— Вот, батюшко, не тот мой муж, которой рядом сидит, а тот мой муж, которой сецяс перстень по́дал. Он спас меня от змея и у нёго есть и такая стража, зверьё.

Этот самой, которой сидел за столом говорит:

— Этой стражи может навести хто угодно, это не факт. Это вы врёте.

— Тогда погодите. У ёго есть, — говорит, — лёв, медведь, волк, лисиця, собака и заец, и у меня кла́дены им пометки, можите посмотреть.

— Ну, где же приметки?

— А вот, — говорит, — у меня часть с собой.

И вылезли медведь, волчо́нко и заець.

— Вот эти приметки, которы я накла́дывала.

— Этого мало, што оне трое, должны все, пусть он всех доставит.

—Ну, ладно!

Сецяс берёт бумажки, пишет письмо и говорит за́иньке:

— Ну, заинька, бежи.

Сецяс зайко побежал меж дверей, людей ростолкал, прибежал и говорит:

— Ну, робята топерь идём все.

Сецяс лёв, собака, лисиця взялись и побежали. Прибежали во дворець и все начáли смотрет эти приметки.

И вот оне обсмотрели это всё, эти приметки у неё были от одного платья и все одинáковы, как слицили, все, как есть. Чарь и говорит:

— Ну, Василий, садись за зятя, а этого куда хош девай.

— А я сецяс с ним росправлюсь. Ну-ка, лёв и мишка, хватите его.

Вот оне бросились и церезь каких-нибудь пять минут от него токо клоцьки остались. И все стали продолжать пир.

Когда эту свадебку сыграли, Василий стал жить да быть и был в этом чарстве наследником.

А топерь возьмемсе за Мишу. Вот также Миша шел дорогою и такóво же зверья насбирал, как у Васи было. И вот шол он до одного чарьства. Приходит он в чарьство, становитце у одной старушки на квартеру и спрашивает у баушки:

— Што же, баушка, у вас чарьство такó печальное, под чорным трауром?

— Да што, дитятко, вот какое дело-то; у нас в чарстве не было долго, чтобы чарьскую дочь спасать, хочет ей змей пожрать. Ну, топерь ладитце один богатырь ей спасти, ну не знаю. А сегодне ей увезут к озеру. А за это чарь даёт пол-чарьства. А впоследствии полно чарьство, ну токо хто бы ей спас.

— Ну, што же делать, пускай спасает, чем чаревны погибать.

А сам думает:

— Я пойду со своей стражей, посмотрю, как этот богатырь будет ей спасать.

И вот он таким путём справилсе и пошол к озеру со своей стражей. Приходит к озеру, а уж чаревна сидит одна, а уж этого богатыря нет. Сидит чаревна и плачет. Он пришол к ней и говорит:

— Што ты, прекрасна чаревна, плачеш?

— Как же мне не плакать, как я привезёна к змею на сьеденье. Был у меня какой-то спаситель, да и тот испугалсе, убежал.

— Ну, не плаць, прекрасная чаревна, может я тебя и спасу со своей стражей.

Посмотрела она на ёго войско, сильно зверьё, перестала плакать. И вот немножко посидели, вдруг заставáла вода, вылез змей. Вылез и говорит:

— Эка, сегодне мне хорошо, чарь дал чарьску дочерь, зверья и еще какого-то молодця, хорошо поем, а то не видáл три году ни разу мяса.

Вот Миша потом скрычал:

— Ну-ка, миша, лёва, беритесь с им.

И сецяс все бросились, рóзорвали на мелкие цясти, которо ростоптали, которо сьели. Заинька, конешно, мало помогал, только вертелсе между имá. А этот спаситель стоял издалекá, видел, што какой-то молодець спасает. Вот она очень обрадела этому.

— Ну, скажи, молодéць, как тебя звать?

— Меня зовут Михаил, кресьянской сын.

Она и говорит:

— Ну, быть тебе моим мужем.

Даёт ёму перстень и говорит:

— Вот тебе перстень, приходи ко мне в чарьство на пир, по этому перстню я тебя узнаю, инáце не узнаю. Вот ты собери своих зверьков поближе, а я им привяжу по приметоцьки от одного платья, штобы я могла их узнать по приметкам.

Вот она от одного платья всем им по приметочки привязала кажному. Он и говорит:

— Ну, чаревна, ты топерь иди домой, а я буду здесь ждать сутки, не выстанет ли еще хто.

И вот говорит опеть им Миша:

— Ну, робята, вы топерь станьте на караул, а я повалюсь спать.

Вот стал лёв на караул, постоял немного, разбудил медведя. Медведь стал на караул, тоже постоял немного, разбу-

дил волка и повалилсе спать. И так оне дежурили сутки поочерёдно. Когда хозяин стал:

— Ну, што, робята, никого не видали?

— Нет, не видали, токо заинька у нас осталсе не спавши.

— Ну, пусть поспит, а мы покараулим.

Тот поспал немного, часа́ три, а потом оне все отправились в это чарьство. Вот приходят оне в город к этой же баушке, он и говорит:

— Ну, баушка, топерь убитой змей, я так слышал, топерь пойду на пир, а стражу у тебя оставлю, если будет какой случай, дак ты их выпусти если будут оне проситьце.

А этот, которой спасать поехал чаревну, то оставил строгую стражу, што если случа́ем придёт такой-то цёловек, то вы ёго убейте и бросьте за го́род, штобы ёго нихто не нашол. Вот, конешно, он никого не́ взял с собой,—просилсе лёва,— но он не́ взял и сам пошол. Вот не дошол он еще до пира́, заметила ёго стража. Заметила ёго стража, схватили и убили, розрубили ёго на мелкие цясти и броси́ли. Вот узнала эта своя ёго стража, што нет хозяина живого и стали просить старушку. Старушка не слышала куда-то ушла и оне бросились, опрокинули эту избушку и давай бегать по городу, искать ёго. Все люди перепугались, што бегает ка́кое-то зверьё́. Они бегали, бегали по го́роду, найти ёго не могли. И вот выбежали за город и увидали лежащи кусоцьки мяса. И вот лиса, кобе́ль и медведь стали собирать эти кусоцьки, а заинька побежал за живой водой и за мёртвой. И вот в дватцеть четыре часа́ прибежал, принёс, а оне уж сло́жили всё это в куцю. Сецяс берут оне воду и спрыснули мёртвой водой ёго, образовалось тело, спрыснули живой он скоцил.

— Фу-фу, как я долго спал!

— За то долго спал, што не взял нас.

— Ну, ладно, топерь я так не сделаю, пойдемте все вместе.

И вот оне отправились опеть в город. И вот подходят уже к чарьскому дворцю. Люди не то што их задёрживать, а так боятце, што дают им дорогу. И вот оне залезли все на бал, он сел на своё место, а зверьё розместилось под сто-

ламы. Заинька у нёго промеж ног, а остальные там собирали коё-што, кости.

Так. И вот она, чаревна, до этого уже обносила два раза и вот обносит она в третий раз, подносит она Михаилу, кресьянскому сыну. Ну, она, конешно, не знает ёго сецяс. Вот, конешно, ёму токо поднесла, выпивает он чару и опускает ей на поднос перстень. Она этот перстень взяла и заговорила:

— Вот, батюшко, позволь мне-ка топерича слово сказать, я нашла своёго спасителя, которой спас меня от змея, узнала ёго по перстню.

— Ну, говори, дочка, в чём-же дело?

Она начинает говорить:

— Вот не тот спаситель, какой рядом сидит, а вот тот, которой мне перстень дал сецяс. Он меня спас от змея, я ему дала перстень и у нёго есть разно зверьё, у меня им всем кладены приметки от того платья, которо я взяла с собой к озеру.

И вот он тогда протестует, этот богатырь.

— Я спас её, пусть он докажет, чем он ей спасал?

Он приказал сечас выйти зверью. Они вышли и все люди дивились на таку страсть. И она вышла, начала щупать у их приметки. А всякому охота за чужой спиной провести дело, а она правда-то, как уж не говори, она выйдет!

Чарь очень удивилсе, што она подошла ко льву, к медведю и так дальше, што она не боитце. А она отвецяет:

— Батюшко, уж как я им привязывала, дак привыкла, они меня не тронут, я привязала им приметки после битвы, когда оне убили змея.

Тогда сказал чарь:

— Ну, што же, раз он тебя спас, то становись на ёго место, а с этым што хочеш, то и делай.

Сечас он приказал льву и медведю сделатьце с ним. Они ёго вытащили и розорвали на куски и вернулись обратно.

Вот наш Михаил получил полчарьства и жонилсе на чарьской дочери. И вот он пожил с ней месець и говорит ей:

— Ну, прекрасная моя чаревна, я пойду искать дичи, так што я страшнейшой охотник, не могу, штобы не быть в лесу,

на это уж я училсе. И тебя накормлю дйцей, своей собственной рукой убью.

Она, конешно:

— Правда, Миша, хорошо бы и мяса, но я боюсь тебя отправить потому, што у нас есть такие заповедные леса́, што хто заедет, тот и не вернётце и за это я тебя не пошлю и не даю тебе совету ехать одному.

— А што, я сумею со своей охраной куда угодно ехать.

— Нет, всё-таки, Миша, я тебя одного не отпущу, я тебе даю телохранителя, дружину, оне знают, куда ехать.

— Ну, хорошо.

И все после этого двенатцеть цёловек сели на лошадей и поехали верьхом с ру́жьямы и собаками. И вот выехали эти охотники наперёд, а он сзади́. И вот колько оне не ездили, никого не убили.

— Ну, што же, робята, поедем в эты заповедны леса.

— Нет, туда нельзя ехать.

— Ну, как хотите, а я поеду.

Они не смели ёму перецить и поехали с ним сзади́. И он вот броси́лсе к этым лесам. Охотники ехали, ехали, увидали, што бежит лань. Охотники испугались, вернулись обратно домой, а он броси́лсе за этой ланью и за ним ёго стража. Ну, до́гнать никак не могут, она всё вглубь и вглубь убегает.

Когды охотники вернулись обратно домой и обсказали ей, што случилось, она горько, горько заплакала и сказала:

— Ну, не видать мне больше своёго́ мужа, так што эти заповедны леса скрыли ёго, оттуда назад нихто не воротитце.

Так. И вот Миша до ти́х пор догонялсе за этой ланью, но лань всё убегала и убегала, стало тёмно. Он говорит:

— Ну, ладно, достанем ого́ничек, станем ночевать.

Они достали ого́ничек, он стал ночевать, а стража ёго вся вокруг. И слышит на леси́ны стонет кто-то.

— Охо, хо, хо, как холодно́!

Он это слышит. Он отвецяет:

— Ну, што же, холодно́, так поди к огню, погрейсе.

— Да не смею я итти, у тебя стража меня до тебя не допустит.

— Почему не допустит, допустит!

— Да нет, не допустит. А очень холодно, надь бы погретьце. Уж если ты скажеш страже, што вы ей не троньте, да даш ви́чкой ударить слехка кажному, постращать, тогда я спущусь и погреюсь с тобой.

Тогда он очень сожа́лелся над ней, што она так холоду́ет и говорит:

— Ну, што же, иди, я скажу страже, штобы оне не трогали. Вы, робята, ей не троньте, дайте ей вичкой ударить кажного.

И вот она спускаетце с леси́ны под видом какой-то старухи, ведьмы, и начинает кажного ударять вичкой по́ разу. И как ударила ёго, он окаменел сразу и оне все сделались камнями.

И вот когда пере́дана была брату эта сабля, то схватилсе брат в чарстве, он уж тогда был чарём, у нёго эта сабля вся потемнела, и говорит:

— Ну, топерь я еду, жона, своёго́ брата спасать, он где-то погиб, а это был у нас уговóрок, этому мы училась у одного дедушка.

— Ну, што же, говорит, поежжай!

И вот он берёт ло́шадь и уехал. И вот как раз угадал, приехал в это чарьство. Жона и увидала.

— Вот мой муж едет.

Они были личностью, как тот, так и другой, токо што имена разные.

Ну, этот тёмный лес, заповедной, также стоял по-старому. И вот как она увидала своего мужа, што он приехал, броси́лась ёму на шею и говорит:

— Ну, как ты, Миша, вернулсе из такого тёмного ле́су?

Он ей ницёго не сказал, зашол в дом и попросил ись. И она села с им рядом и нача́ла выспрашивать и говорит ёму:

— Росскажи мне, как ты путешествовал, охотилсе?

Он сказал ей:

— Слушай, прекрасная чаревна, отойди от меня, пока чéла. Я тебе не муж, я ёго брат и еду ёго спасать. Он погиб. А потом ты увидиш своёго́ мужа, если можеш ёго увидеть и скажи, куда он уехал.

Вот она, конешно, обдумалась и сказала ёму:

— Вот он поехал в ты́е заповедные леса и оттуда никогда не воротитце. И ты поедёш — тоже не вернёссе.

— Ну, это там видно будет, вернусь, так приеду. И вот когда мы приедем, ты узнай своёго мужа, а не узнаеш, дак я увезу ёго с собой.

И она сильно заплакала, как дальше будет. Вот он пережил у ней сутки и сказал:

— Ну, топерь я поеду.

Накормил своёго́ зверья и сам отдохнул, поел и поехал. И как токо подьехал к лесу, увидал эту лань и погналсе за ней вслед. Тогда, когда погналсе вслед, лань до ти́х пор ёго загоняла, пока не стало тёмно. И он таким путём розвёл огонь и стал ноцевать. И как раз попал на то место, где был ёго брат, ну он ёго не знал, видит, што стоит токо камень. И вот так же на леси́ны задрожал цёловек и говорит, што мне холодно.

— Ну, коли холодно, так спускайсе, погрейсе, у меня огонь горит.

— Да не смею, у тебя стража меня не допустит. Если даш свою стражу пру́тышком похлопать, то я спущусь.

— Иш ты, коль ло́вка, и меня тоже хочеш сделать, как моёго́ брата, нет, погоди!

И собака нача́ла лаеть. И он ухватилсе за ружьё и кряду же ей стре́лил в леси́ну. И она кряду же упала и медведь и волк броси́лись к ней и хотели ей ро́зорвать. Он говорит:

— Нет, робята, подождите, надо у ней росспросить.

Притащили ей к огню и видят, што она ведьма. Вот он подошол к ней:

— Ну, ты топерь сказывай, куда моёго́ брата де́ла, а то мы тебя розорвем на клочки и ты больше не будеш в этых лесах людей путать. И сказывай, што у тебя эты за леса?

— Погоди немного, я тебе скажу, во-перьвых, где твой брат, токо ты меня не убивай.

— Ну, где?

— Вот, твой брат — вот тут со своей стражой окаменелой.

— Ну, оживи ёго, тогда я тебя отпущу.

Она и говорит:

— Ну, уж ладно, оживлю, токо меня не убивайте.

И вот она берёт прутышки в руки у начинает по этым камням ходить, а лёвка и медведь ходят за ней, штобы она не убежала, и вот как ударит прутышком, так обращаетце зверь. Ударила последний камешок, выскоцил брат.

— Фу-фу, — говорит, — брат, ты здесь, росскажи как ты здесь и как меня нашол?

А лёвка и медведь захватили ей, держат, штобы не ушла.

— Да вот, брат, как, заехал я охотничать в эти леса, да лань меня завела, стемнилось, я завёл огонь. А она стонала на лесины, што холодно, и говорит: «дай я твою стражу прутышком постращаю, да тогда спущусь, а то оне меня не допустят». Вот она так нас всех постращала, што усыпила. И топерь скажи, был ли ты в моём чарстве, видел ли мою жону?

— Как не был, был, прожил у вас сутки, и она почтила меня за своёго мужа, припадала ко мне и всё. А я ей сказал, отойди от меня дальше. Тогда ты увидиш своёго мужа, когда я ёго привезу, он сецяс погиб.

И не поверил брат всему этому и отрубил голову у своёго брата.

А эта ведьма стояла и смотрела, держала ей стража и все ничего не говорили. И потом роздумалсе:

— Што я сделал, дурак, брата убил. Вот каку поимел ревность, нет, нехорошо сделал.

И он сказал заиньке:

— Ну, заинька, исполни мне еще задачу, принеси живой воды, да мёртвой.

И заинька побежал и черезь дватцеть четыре цяса́ принёс живой воды и мёртвой. Принёс воду, он, конешно, сло́жил ёму голову, спрыснул водой, и он стал. И говорит:

— Ну, братец, прости меня, я поимел такую дерзость,— или, вернее, ревность и так сделал.

— Ну, хорошо, я тебя прощаю, токо дай высказатьце: у тебя в чарстве, пусть она тебя найдёт, што ты муж ейной, ина́це я тебя в чарстве не оставлю, возьму с собой, как ты мне так сделал.

— Ну, хорошо.

На том они и решили.

— Ну, топерь ты скажи, где эта ведьма?

Вот сецяс лёв да медведь принесли ей.

— Ну вот, сецяс надо стать у ней спрашивать, што эты за леса и кем оне поставлены стоять, што за леса?

Миша и спрашивает ей:

— Ну, ведьма поганая, скажи, што у тебя за леса, а то ина́це ты будешь сожгана́, убита, ростерзана.

Она потом им и говорит:

— Ну, слушайте, братья, я вам скажу и можете вернуть эты леса в люди, ну токо оставьте меня в живых. И даю вам пру́тышек, которым всё это можете делать. И вот на́те вам этот пру́тышек. Когда выйдете из лесов, то махните пру́тышком три раза́ по лесам, а весь лес обратитце в людей и пойдут за вами вслед и не будет больше этих лесов.

И Вася взял этот прутик. Говорит Миша:

— Нет, ведьму мы ни за што здесь не оставим, а то она опеть будет пу́тать людей.

Вот приказали своей страже, те ро́зорвали ей, покидали в огонь, сожга́ли и пепел россеяли по́ ветру. А сами поехали проць из лесов. Поехали из лесов. Вася берёт этот прутик в руки, махнул три раза́ по лесам, лесу не стало. И пошол, пошол, пошол народ. Было столько во́йска, што не было даже столько в городу́ людей. И оне отправились в чарьство обратно. Приходят оне в чарьство. Когда приехали на двор, то видит жона, што приехал не токо муж, но даже двое, и всяк со своим войском и со стражей, то и подумала:

— Ну, которой муж, я и не знаю.

И чарь позвал их во дворець, усадил за стол и начал спрашивать:

— Скажитесь топерича, которой из вас будет мой зять?

И также жона спрашивала и смотрела им обоим в глаза, но заметить не могла, всё было одинаково: и войско одинаково, и стража одинакова, и собаки одинаковы, и медведи, и ружья и всё. Заметить она не могла. Всё шло от одного старика. Так. Этот и говорит, один из братьев:

— Ну вот, ваше велицество, ваша дочка тут будет одному жона, и пусть она найдёт, где муж, тогда будет с ней жить, а инаце здесь не останетце, потому што он сделал перед братом преступленье.

Топерича она кряду смекнула:

— Погодите!

Сечас она принесла образци приметок и стала зверьё смотреть, и сказала:

— Ну, выходите топерича по одинацьке, я узнаю, и за кажным хозяином подёт своё зверьё.

И вот пошол, во-перьвых, брат ёго, и пошло зверьё за им, которо было не отобрано. И она сказала:

— Ну, я узнала, вот осталсе муж мой, а пошол брат ёго.

И тот вернулсе обратно.

— Ну, ладно, коли так, угадала, спомнила зверьё по приметкам, то тебе и жить со своим мужем. А топерь, ваше велицество, посмотрите по сторонам, в заповедны леса, есть ли там леса или нет?

Когда чарь с дочерью своей посмотрели, там стоял токо луг, а лесов не было, а в городу людей набито, што чорного ворона. Тогда чарь и спросил:

— А это што могло получитце, што людей увеличилось в два раза больше?

— А это вот што, ваше величество. Там жила одна ведьма, волшебниця, и кто бы не заежжал в лес, она их обращщала в леса. И вот брата она ухитрила, а я ей убил. И вот топерь надо всех этых людей прибрать, снабдить и пусть живут.

Вот чарь очень обрадел и сказал:

— Ну, зять, получай престол и быть тебе на чарстве, а я уже стал ста́рой.

Ну, тогда этот самой Михаил принял чарьство, стал на престол и брат пожил немного и сказал:

— Ну, Миша, я топерь поеду, а ты чарьствуй здесь.

И так оне роспростились, брат поехал. И стали они править чарьством до глубокой старости.

И всё.

21. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Вот в не́котором чарьстве, конечно, жил был купець. Ну, не слишком он был богатой, но всё-таки имел небольшую торговлю, а семьи никого не имел. Да. Когда уж он стал годов около сорока́, родилсе у него сын, на́звали ёго Ваня.

И вот он по́жил еще годов пять и сам умёр, осталась эта вдо́вка со своим сыном Иваном. И нача́ла она учить ёго, конешно, грамоты, и учила она ёго до двенатцети лет. Когда она выучила его грамоты, тогда жалко бы́ло ей отдать его на тяжолую роботу, а надь бы поступить ёму куда в лёхкую науку.

Так. Тогда она, эта матушка, прийскивала лёхкую роботу, но нигде она не находит, а уж деньги у ней стали исходить. Тогда она решила, што? Пошла она в город отдать в лёхкую науку сына, бы́ло ей неохота отдавать в тяжолу роботу. Вот она ведёт в город. Город был, конешно, недалёко. Ведёт, ведёт, ведёт, села на камешо́к, устала и говорит:

— Ох, как тяжело!

Когда она сказала „ох, как тяжело", тогда перед нима́, откуда ни возьмись образовалсе мущына:

— Што, баушка, меня спомина́еш? Я и есть сам Ох, куда повёла сынка?

— Повёла, доброхо́тушко, я своего сынка в город, в какую-нибудь лёхкую роботу, в тяжолую он еще мо́лод.

— Дак вот што, баушка, отдай мне своего сынка на год учитьце, ну, только с таким условием: я ёго выучу в разную лёхку науку, но если ты на будущый год придёш и не узнаеш сынка своёго, то он будет мой, а если узнаеш, то не надо мне никакой платы. Лехче этого он не найдёт науки.

Старуха немного подумала и решила:

— Ну, ладно, доброхо́т, неужо́ли я не узнаю своёго сына, пускай поучитце годик, а я потом приду.

— А ты, когда придёш на это место, спомни меня.

Вот когда она роспростилась со своим сынко́м, учитель берёт ёго за руку и повёл ёго в подземельё. Когда он привёл ёго в подземельё, там было́ одинатцеть Иванов, опри́чь него: от одинатцети матерей бы́ли взя́ты сыновья и эты матеря́ не узнали сыновей своих. Так. Потом он этого Ванюшу поставил на свою науку.

А мать проводит времени чёлой год, и как-то ей кажетце долго это. Вот проходит этот год, старушка приходит на этот камень, где садилась отдыхать и споминает:

— Ох, как тяжело!

Да. Вот выходит этот учитель и говорит:

— Ну, што, баушка, за сынком пришла? Погоди, сечас я тебе покажу сына твоего.

Засвистал. Прилетело двенатцеть лебеде́й.

— Ну, и вот выбирай, баушка, из двенатцети, тут твой сын есть.

Баушка посмотрела на лебедей и заплакала.

— Да што ты, доброхо́тушко, ведь я тебе дала́ сына, а как же я могу узнать сына в лебеди, да ище их двенатцеть; как я выбёру, ведь ты сам знаеш.

— Ну, што же, баушка, не плачь тогда. Уж если ты на другой год придёш, не узнаеш, тогда будет мой.

Баушка заплакала и ушла домой.

И проводит време чёлой год, и опеть похо́дит за сынком своим. Приходит на то же место, садитце и споминает Оха своего. Он выходит и говорит:

— Ну, што же, баушка, за сынком пришла?
— Надо бы, доброхо́тушко, надо бы сынка.
— Погоди, сечас покажу.
Засвистал, прилетело двенатцеть гусей.
— Ну, вот, баушка, выбирай своёго сынка из двенатцети, теперь уж узнаеш.
Баушка посмотрела на гусей и заплакала.
— Ладно, — думат, — не видать мне сынка своего, — облилась слезьми́.
Тогда учитель сказал:
— Приежжай на третий год, если уж не узнаеш на третий год, остава́етце он мой, не вида́ть тебе боле́ сынка своёго.
С тема́ словамы баушка ушла домой.
Проводит старушка третий год. Когда концяетце год, приходит, садитце на ка́мень и думает, ничего не говоря.
Откуль возьмись, небольшая птичка, вроде воробушка, и обёрнулась молоды́м человеком.
— Ну, мама, теперь ты меня узнаеш; помешкай немного, я тебе росскажу, как меня достать у моёго учителя, только не охай пока, не споминай ёго. Вот, мама, я уже выучилсе топерь самую хорошую науку лёхкую, и я знаю хитрости учителя своёго, што он думает наперёд.
Вот начинает матке россказывать.
— Сечас придёт учитель, а я скроюсь, и он поведёт тебя в подземельё. Так. Когда ты придёш в подземельё, то он тебя накормит, потом поведёт в конюшню, а оттуда из конюшни выведёт двенатцеть чорных жеребцё́й. Вот когда выведёт двенатцеть чорных жеребцё́й, все будут одинаковы; одна сбруя, один рост; и тебе прикажет меня найти. В партии в той буду и я стоять, вот смотри и не ошибайсе, я буду стоять с правой руки пятым, замечай, запомни, хотя свою правую руку.
И с тема́ слова́мы он скрылсе. Да, когда он скрылсе, она спомяну́ла Оха, он пришол.
— Ну, што, баушка, за сынко́м пришла?
— Да, доброхо́тушко.
— Ну, пойдём со мной.

И повёл ей в подземельё. Вот приходит она в подземельё, заводит он в столовую, накормил и потом сказал:

— Ну, баушка, пойдём выбирать твоёго сынка.

Вышел он, она пошла за им. Приходят в конюшни, выводит двенатцеть жеребцéй, всех одинаковых, и становит в ряд. Когда поставил он их и сказал:

— Ну, баушка, выбирай, тут твой сынóк, ну, скоряе выбирай, время не терпит.

Вот баушка посмотрела на лошадей и спомнила, што ей сын сказал. Отщытала пятого и сказала:

— Вот, доброхóт, пускай этот мой сын будет. С правой руки, конешно, отщытала пятого. Когда она угадала в пятом сына своёго стоящым, он сказал:

— Ну, молодець, баушка, ты угадала перьвая из двенатцети матерей. Нá, бери сына за óгловьё и уходи топерь домой.

Старушка берёт óголовьё в руки и выходит из подземелья с сынком своим. Вывёла она ёго на бóльшу дорогу, он повернулсе сам вокруг себя, ударилсе об зёмлю и стал молодцём, и продолжают они дорогу. Он стал передавать матери, как учил ёго учитель. Долго оне шли по дороге, всё он россказывал, потом сказал:

— Ну, мама, сечас мы придём в город, я обернусь жеребцём, там ты меня продай, только с тем условием: óгловьё не отдавай, держи в руках, а меня там в городý купят. Когда ты меня продаш, то пойдёш с óгловьём из города, то меня споменеш, уж я буду у тебя.

Вот эта старушка подходит к одному городу, а в это времё сын обернулсе жеребцём, а старушка спокойно повела ёго в город. Заводит в город, стречаетце ей купець.

— Куда, баушка, повёла жеребця, продаёш?

— Продам, доброхóтушко, уж стала старая, а он всё играет, сдярживать ёго не могу.

— Дак сколько, баушка, просиш за жеребця?

— Да не пожалей тышечю, хорошой жеребець, только с таким условием, што без óгловья, потому што óгловьё у меня староё, осталось еще от мужа.

Вот купець ни на што не посмотрел.

— Ну, да ладно, о́гловьё уж у меня будет, получай, баушка, тышечю рублей, иди себе с богом домой.

Баушка сняла о́гловьё проч, и уходит из города домой. По дороге споминает сына.

— Где-то мой сынок?

— О, мама, я уж здесь!

И дальше пошли, во второй город. Вот он ей дорогой и говорит:

— Ну, мама, сечас стретитце два купця, ты проси полторы тышечи, оне набьют до двух с половиной. Ты соглашайсе, но только таким же путём, отдавай без о́гловья. Оне согласятце.

Вот оне подходят к городу. Таким же путём он обратилсе в жеребця. Ведёт она жеребця за собой в город. Так. Вот она когда приходит в город с жеребцём, стречаютце ей два купця.

— Баушка, куда? Продаёш жеребця?

— Продам, доброхо́тушки, сама стала старая, а он моло́дой, беси́тце, играет, сил нет, продам как же.

Тогда купець спросил:

— Сколько твой сто́ит жеребець?

— Стоит полторы тышечи, только продам ёго без о́гловья, о́гловьё я не продам, пускай висит на гвозде́ до́ма, штобы знала, будто был у меня когда-то конь.

Тогда купець посмотрел и говорит:

— Ну, што же, баушка, был бы конь, а о́гловьё мы купим, а ты иди со своим старым домой.

Заговорил второй купець.

— Нет, баушка, я тебе две с половиной дам, продай мне.

Перьвому стало жалко.

— Нет, баушка, я тебе две тышечи дам, только отдай мне коня.

— Ну, хто дороже, тому и продам, только без о́гловья.

Тогда перьвой купець купил лошадь и отдал бабушки две с половиной тышечи. Баушка сняла о́гловьё и пошла из города. Топерь, когда она вышла, спомяну́ла:

— Где-то мой сынок?

— Мама, я уже давно за тобой!

Тогда пошли в третий город.

— Мама, ище раз меня продаш, а потом домой поедем.

Тогда оны, когда шли в третий город, прознал ёго учитель и тоже обёрнулсе покупателем.

Вот оне идут, сын и говорит:

— А топерь за меня дают пять тышеч, только продай без о́гловья, их соберётце три покупателя.

Вот подходят к городу, он обернулсы опеть конём. Вот заходит на площадь. Встречаетце ей три купця навстречу. Из них перьвой купец спросил:

— Баушка, продаёш жеребця, сколько сто́ит?

— А хто даст из вас дороже, тому и продам.

Вот кажному купцю нужно было́ жеребця, ну баушка обсказала своё положеньё, што она продаёт без о́гловья, потому што о́гловьё староё, отьцёвское, нужно ей при себе. Вот тогда купець спросил:

— Я тебе, баушка, дам три тышечи, довольнё будет?

А другой не соглашаетце, говорит:

— Я дам тебе четыре.

А третий стоит пока еще молчит, это самый учитель. Тогда этот купець третий, учитель, говорит:

— Я тебе дам пять тышеч, отдаш?

А конь узнал ёго, задрожал, што мать ёго отдаст, не справитьце ей.

А эты купци уж отступились. Да.

— Вот, баушка, на́, получай деньги.

— Я продаю только без о́гловья.

— Ну, на́, получай, баушка, получай!

Она получила деньги и, когда хотела снять о́гловьё, он вырвал у ей коня, сел и уехал. Она села и заплакала.

Вот он ездил на нём че́лые трои сутки без-кормя́. Вот приежжает на постоялой двор, привязывает ёго к кольцю, а сам уходит в комнату.

Вот он стоял двои су́ток свя́занной у столба и захотелось ёму очень пить. И случилось одной девушки вести лошадей на водопой по этому двору. Так. Эта лошадь заговорила человечьим язы́ком:

— Вот, девушка, напой-ко и меня!

Девушка отвязала о́гловьё и повела ёго к речки вместе с лошадьми. Когда она приводит к речки, то эта лошадь стала у ней брести по-колен в воду, потом по-живот и по-грудя́м. Когда забрела, вытаскивает повод и обёрнулась щукой и брысь по реки. Да. Эта лошадь стала убегать от своёго учителя. Девушка испугалась, пошла к купцю и сказала, што вот мол, твоя лошадь просилась пить; забрела в речку, оборвала у меня повод и утонула в реки. Тогда купець сказал:

— Ну, девушка, не утонёт моя лошадь.

Сечас же пошол к реки, обернулсе гольцём, пу́рнул и давай вслед нагонять ёго.

Когда Ваню́шка услыхал, што за ним гонитце учитель, за ним близко, он выскочил на го́ру, обёрнулсе оленём, и давай по го́ры удирать от нёго. А тогда учитель опеть же справилсе из воды на го́ру, обёрнулсе волком и опеть же за ним вслед. Когда Ваню́шка почуствовал опеть за собой погоню, тогда ёму дéтьце бы́ло некуда. А было́ на горы́ небольшое о́зеро, на этом о́зери была́ цярьской дочери купальня. Тогда он подбегает к этому о́зеру, обёрнулсе окунём, стал к камню наперёд хвостом. Учитель обёрнулсе щукой, стал этого окуня гонять. В это времё случилось чарьской дочери подойти к купальни, и увида́ла у камешка́, интересуетце, как две рыбы, одна большая гоняет ма́лую. И учитель говорит окуню:

— Окунь, окунець, доброй молодець,
Повернись головой, побесёдуем с тобой!

Виш, што говорит: с головы-то окуня лехко сьись.

Тогда окунь в ответ говорит:

— Щука хвостиста, щука харчи́ста,
Еш хоть ерша, ешь окуня с хвоста.

А эта чаревна всё смотрит, интересуетце.

Тогда этот окунь уже вы́ждал то времё, когда бы ёму обратно выпрыгнуть на го́ру. Когда вы́ждал, то он кряду выпрыгнул на берёг и покатилсе кольцём золотым к цярьской дочери к ногам.

Когда она увидала золото́ колечко ка́титце к ногам, она берёт колечко, надела на́ руку и пошла домой, не стала купатьце. Осталсе наш учитель тут.

Пришла она домой, спокойно провела день и легла на́ ночь спать. Да, вот спа́ла она до по́лночи, ничего не узнавши. Вот в полно́чи это кольцё сошло у ней с руки, обернулсе мужиком, Ванюшей то-есть, и стал её будить.

— Встань, прекрасная чаревна, спаси меня от учителя и ничего не бойся.

Когда она стала со сна, ужасно испугалась. Он сказал:

— Слушай, вы не пугайтесь, я есть из кольця. И вот есть единсвенной случа́й тебе меня спасти. Я обскажу.

Вот он нача́л ей россказывать:

— Вот, слушай, прекрасная чаревна, завтро в десеть часов придёт мой учитель и будет просить у твоего батюшка, будто шол он мимо купальни и обронил он это кольцё. И отець тебе прика́жот ёго отдать. Так. И вы скажите: „нет, я не отдам, потому што я не́ брала кольцё, а нашла; кольцё моё, и я его не отдам". А учитель будет у вашего батюшка просить не с терпением, штобы ты отдала это кольцё, што у нёго заповедноё это отцёвское кольцё. Тогда, когда отець тебе прикажот ёго отдать, ты ёго не отдавай, а сними с руки́, и брось о́б пол, и кольцё россыпетце на мелкий жемчуг, а ты смотри за ним. Одна тебе жемчужинка прика́титце к ногам и ты ей заступи́. И будеш стоять, жемчужинка у тебя будет под ногой. Тогда он обернётце петухом и будет этот жемчуг клевать и всё до одной склюёт. Тогда скочит на окно и скажот: „Ку-ку-ре-ку, што хотел, то и съел!" Так.

Когда этот петух закричал „ку-ку-ре-ку", то она эту жемчужинку отпустила из-под ноги, и вылетел ястреб и оторвал у петуха голову.

Тогда он обёрнулсе молодцём и сказал чарю:

— Ну, ваше величество, спасибо вашей дочки, она есть моя спасительниця, спасла меня от моёго учителя, а я ёго перехи́трил в своей науки.

Попросил чарь ёго к себе за стол и нача́л ёго росспрашивать, каким путём он попал к дочери на́ руку перьстнём, или кольцём.

Всё он обсказал: как он училсе у этого учителя и как ёго мать ошиблась, ёго продала и как сколько времени он ёго гонял и всё-таки он ёго перехи́трил. Тогда чарь сказал:

— Молодець, Ванюша, коль сумел такого учителя перехитрить в своей науки, и как топерь себя чуствуеш богатым или бедным?

— Да, — он сказал, — топерь я не бедной, ваше величество, мне от своего учителя осталось наследство. У меня есть двенатцеть братьёв, и нам осталось двенатцеть возов золота и двенатцеть серебра, и мы всё поделим. Топерь я поеду их выручать.

— Ваше величество, еще я осмелюсь попросить вашей дочери руку, может она не откажет выйти за меня замуж и может вы отдаите ей за меня, потому што она меня спасла.

— Ладно, когда ты это богачество привезёш в наш город, тогда ты получиш у меня дочь замуж за себя.

Тогда он попрощалсе с чарём и ёго дочерью и сказал:

— Ожидайте меня, я приеду, наверно, черезь неделю, не позднее.

И сам полетел в имение своего учителя. Когда он прилетает в именье своего учителя, то стал розыскивать своих братьёв. Братья были закрыты в темницю, то-есть в конюшню, што он насилу розыскал и то только по своей учёности. Братья были привязаны к столбу лошадями и так была высоко привязана голова, што оны на десяты сутки уже бы скончались, но он успел приехать на девяты сутки.

И он спокойно обернул их молодцями. И пошли в погреба смотреть золото и серебро. Тогда братья сказали:

— А как же мы будем делить золото и серебро, а как наш учитель придёт.

— Вы не печалуйтесь, ёго в живых уже нет. Я ёго перехитрил.

И братья очень обрадели этому и стали ёго благодарить, што он навеки их освободил топерь по-домам. А потом приступили к делёжу золота и серебра. Когда оны розделили это золото поровну, выехали на двадцети четырёх подводах из подземелья, он в это времё сумел открыть пороховой погреб и подожгал ёго, штобы всё жжеч в этом месте, штобы не было здесь никакого жительства. Да, вот выехали на большую дорогу, роспрощались и все поехали по домам. А Ванюша — тот по назначению поехал к государьству, куды ему нужно было ехать.

Когда он прибыл в государьство, узнал чарь, што приехал ёго зять наречённой, то сказал:

— Ну, дочка, выходи, ты сумела себе жониха найти где-то.

Потом взели́сь, конешно, весельи́м пирком за свадебку, нача́ли играть свадьбу.

Когда он сыграл свадьбу, он и говорит своей жоны́:

— Ну, жона, топерь я еду розыскивать свою матерь и привезу ей сюда.

Тогда наш Иван скоро собралсе и поехал розыскивать свою матерь. Конешно, он знал, — скоро розыскал. Когда он приехал, она совсем не узнала сына своего, она и спросила:

— Хто ты есть такой, молодо́й человек, скажись пожалоста.

Он и отвечает:

— Баушка, наверно, ты меня не узнала, я есть твой сын.

Баушка заплакала, обня́ла сына своего, а он и говорит:

— Ну, мама, не плач, топерь мы поедем в государьство, я там уже жонилсе, и будем там жить.

Дом отдали по нищим и мелкое какое хозяйство, отдали всё нищим, и собра́лись поехать в государьство. Вот ехал он в государьство, и приехал. Когда она увидала свою невёстку, поздоровалась и также невёстка с ней.

После этого всего еще он со́брал бал. По́звал на этот бал тестя своего, чаря, и обсказал, што он привёз мать.

— Вот моя мать!

Тогда чарь ёму сказал:

— Так, ну, Ванюша, когда ты так хорошо сумел собрать весь капитал, ну и живи, а по окончании моей смерти, я тебя положу наследником, и будеш править престолом.

И вот когда этот чарь про́жил до глубокой старости, поставил Ваню́шку потом на престол и правил Ваня до глубокой старости. Тем и кончилось.

22. МАТЮША ПЕПЕЛЬНО́Й-НАЛИТУ́РОВЫЙ КОЛПАК

Не́ в котором чарстве, не́ в котором государстве был жил чарь. Этот чарь был хо́лост, не жонат, всё искал себе невесту. Ну, не было таких, как ёму нужно было, красавиць. Потом уж он нашол патрет у отця старой, и высмотрел, што уж она очень была красавиця, токо жила очень далёко, в тридесятом государстве. И вот он сецяс приказал средить корабь со всем запасом на́ год, и капитанов взять, матросов.

Вот средили этот корабь, похо́дит он жонитьце. Вот похо́дит, конешно, жонитьце, пошол и вдруг выскакивает Матюша Пепельно́й-Налиту́ровый Колпак из-под мо́сту и спрашивает:

— Куда, Иван чаревиць, пошол?

— Жонитьце, Матюша Пепельно́й-Налиту́ровый Колпак, пошол.

— Не ходи, Иван чаревиць, не твоя слега́, не тебе владеть.

Подумал, подумал, Иван чаревиць, не пошол.

Вернулсе чарь проч, прожил колько времени, нет, никакая ёму больше не нравитце.

— Нет, не послушаю Матюшу Пепельно́го, поеду.

Опеть пошол. Он опеть из-под мо́сту и выскакиват:

— Куда, Иван чаревич, пошол?

— Да жонитьце.

— Не ходи, Иван царевич, не твоя слега́, не тебе и владеть, воротись проць.

Ну, он и послушал. Пожил день-два дома, этот царевич.

— Што я ёго слушаю, эдак мне никогда и не жонитьце будет. Пойду.

И пошол, а он опеть из-под мосту выскакивает:

— Иван царевиць, жонитьце пошол?

— Да, жонитьце.

— Не ходи, не твоя слега́, не тебе владеть.

— Нет, не буду тебя слушать, прикажу посадить в темницю.

И посадил ёго в темницю, да не удержать. Царь пошол на корабь, а Матюша Пепельно́й, как будто посаженой в темницю, а сам пошол на корабь за ним вслед.

Вот плывут оне месець, два тамотки. Погода тихая, ясная. Вышел царевич на палубу и говорит:

— Эх дать божья благодать, ка́бы конь — мне гулять, ка́бы лук — мне стрелять, ка́бы мець — мне-ка сець, ка́бы красна де́виця — мне с ней спать.

Вдруг выходит Матюша Пепельно́й и говорит царевичу на ответ, ну́ он-то, конешно, ёго не знает, поса́женой, дак!

— Да, Иван царевиць бу́дет лук, да не будет рук, будет мець, да не тебе йим сець, бу́дет доброй конь, да не тебе на ём ездить, будет и красная де́виця, да не тебе с ней спать.

Конешно, царевич ничёго ёму не сказал, но не понравилось ёму это. Опеть и пловут вперёд. Пловут месець и два, тамотки, опеть стихла погода, такая же тишина. Он опеть выходит на палубу и говорит:

— Эх дать — божья благодать, ка́бы конь — мне гулять, ка́бы мець — мне-ка сець, ка́бы лук — мне стрелять, ка́бы красная де́виця — мне с ней спать.

Опеть Матюша Пепельно́й ёму говорит:

— Будет, — грит, — лук — да не будет рук, будет и меч, ну тебе им не сеч, будет и конь, не тебе на нём ездить, будет и красная де́виця — не тебе с ней спать.

— Ну, смотри, молодець, если ты ещё мне будеш пере́чить, то я тебя в воду брошу; ну на этот раз оставлю.

Вот оне уж и дальше пловут. Приплывают близко к этому государьству. Опеть стихла погода, чаревич и вышел на палубу:

— Эх дать — божья благодать, ка́бы конь — мне гулять, ка́бы мець — мне-ка сечь, ка́бы лук — мне стрелять, ка́бы красная де́виця — мне с ней спать.

Опеть Матюша приходит и говорит:

— Да, чаревич, будет и лук, да не будет рук, будет и меч, да не тебе йим сечь, будет и конь, да не тебе на ём ездить, будет и красная де́вицяя, да не тебе с ней спать.

Конешно, он приказал ёго в воду бро́сить, выкинуть. А он попросил людей, штобы ёго не кидали, а посадили в угольную яму пока.

И вот оне приплывают в это чарьство. На другой же день чаревич похо́дит к чарю сватать доцерь. Приходит, конешно, и говорит:

— Ну, здраствуйте, ваше велицество.

— Здраствуй, чаревич, здраствуй, зачем к нам пожаловал?

Посадил ёго за стол, стал спрашивать.

— Ну, зачем пожалали ко мне приехать?

— Я приехал, ваше велицество, посвататьце на вашей дочери, может отдаите́?

— Отдаю.

Ну, этот чарь был волшебной, и дочеря́ все волшебные, очень сильные.

— Я отдаю любую из трёх, какую хочеш, токо сначала выполни мою задачу.

— Ну, што же, ка́ка твоя задача, ваше величество?

— Да кака́ моя задача: вот сколько в моём городе есть вина — выпьеш — твоя дочь, а не выпьеш, не выполниш — голова твоя с плеч.

Чаревич пришол невесёлой на корабь, пришол, голову повесил, и ходит по кораблю, не знает, што делать, это выполнить надо на завтрошной день.

И вдруг выходит Матюша Пепельно́й:

— Хо, дак ты как попал сюда на корабь, когда в воду был брошен?

— Да как попал, не все такие лихи́е, как ты: мне доброй целовек топор бро́сил, я влепил ёго в зад корабля, да и вышел. Ну, што, чаревич, каку чарь дал задачу, скажи мне-ка?

— Да вот, сколько в ёго городе вина есть — всё выпить, а не выпью, дак голова с плеч.

— Ну, так и пей, приехал, дак пей!

— Да как мне выпить-то?

— Ну, вот, вперёд не хвастай. Ну, пойдём со мной, я помогу, мне все ровно надо в город итти.

И вот оне сецяс пошли в город, Матюша наперёд, а он сза́ди. Матюша вытягает двенатцетигорлой кувшин, роспечатывает, сецяс выскакивают двенатцеть молодцев.

— Ну, вот што, робяты, хто может это вино выпить и в како времё, этот погреб?

Там отвечают:

— Я вот в полгода, там в месець, — говорит, — три дня.

Один нашолсе и говорит:

— Я за три цяса́ выпью.

— Ну, становись, коли можеш.

И вот зача́ли сороковки катать, тот как накри́вит — сороковка порозная, и даже не успевали катать. За три цяса́ всё выпил и крицит:

— Хочу еще.

Топерь говорит он:

— Нету вина у нас больше, оставить надо к свадьбы.

И говорит чаревичу:

— Ты иди на корабь, а я пойду в сад и посмотрю три дочери чарские, тогда скажу тебе на какой жонитьце.

И вот он ушол на корабь, а Матюша побежал к ста́ршей сестры́ в сад и нача́л там ворочать.

Как она увидала, и несёт палицю триста пудов, хочет Матюшу ударить, такая была сильная. Он выхватывает у ней палицю из рук, берёт за́ косу, трепал, трепал, ушол ко второй сестры́, средней. Значит, нача́л в саду ворочатьце опеть, та увидала, выбегает и несёт палицю в двести пудов, хочет ударить ёго. Он выхватывает у ней палицю из рук, берёт за́ косы, потрепал, потрепал, оставил, и переходит к ме́ньшой

на сколько та си́льна, узнать. Приходит в сад к третьей, и начинает там ворочать. Вот она бежит, несёт палицю в сто пудов, хочет его ударить. Он выхватывает эту палицю, потрепал ей за́ косы и пошол проць.

Приходит на корабь. Приходит на корабь и говорит:

— Ну, Иван чаревич, на любой жонись, я топерь их посмотрел. У одной есть палиця триста пудов, у второй двести, а у ме́ньшой сто пудов. Вот бери ме́ньшую, а не хочеш, так пойдём проць.

Он и спрашивает:

— Кто ты есть такой, што мне помогаеш?

— Я есть Матюша Пепельно́й-Налиту́ровый Колпак.

— Пойдём, Матюша, проць, не хочу я жонитьце.

— Нет, уж коли приехал, дак надо жонитьце. Поди топерь к царю, он даёт тебе там роботу опеть. А потом приди и скажи.

Вот он приходит и говорит:

— Ну, ваше велицество, я эту задацю исполнил, какую мне велели.

— Ну, Иван чаревич, дак я тебе отдам любую.

— Вот я бы хотел млаччую, ваше величество.

— Ну, ладно, отдам млаччую, если исполниш вторую мою задацю. Вот я тебе дам лук, если можеш из моёго́ лука выстрелить, то бери, не можеш, то я велю тебя сказнить. Вот завтро приходи.

Вот он пошол на корабь. Приходит и говорит:

— Вот, Матюша Пепельно́й, велел завтро из лука стрелять.

— Ну, вот будет лук, да не будет рук, помниш, как ты хвалилсе. Ведь знаеш, какой это лук. Принесут завтро двенатцеть богатырей, лук жолезной, вот и стреляй.

— Што ты, Матюша Пепельно́й, где мне стрелять, пойдём проць, не хоцю я жонитьце.

— Ну нет, приехал, так жонись. Ладно, пойдём завтро к чарю, ты скажи: „Не хочу я стрелять, пусть мой холоп выстрелит“.

Вот оне переспа́ли ноць, пошли утром, а лук уж принесё́ной. Он посмотрел, посмотрел и говорит чарю:

— А што, не хочу я из нёго стрелять, пусть мой холоп стреляет.

Вот Матюша Пепельной натянул лук и выстрелил, потом другой раз, и третий. Вот натягает четвёртой раз, тетива́ и лопнула.

— А што, какой лук даите́, ~~говна́-то~~, паршивой мой холоп и то розломал, а то мне даите́ из нёго стрелять.

Чарь, конешно, ницёго не сказал. Матюша пошол на корабь, а он опеть к чарю. Приходит к чарю:

— Ну вот, ваше величество, топерь из лука перепробовали, отдай за меня доць.

— Слушай, чаревич, вот завтро приходи и я тебе дам мець. А тут будет стоять дуб в три охвата, вот если можеш этым мецём дуб пересець пополам, то отдам доць, а уж не можеш, то голова с плець.

Пришол на корабь, конешно, и говорит Матюше:

— Вот пойдём завтро, дают мне меч и велит дуб пополам росколоть.

— Ну, я говорил тебе, што будет меч, да не тебе йим сеч. Ты знаеш, какой меч? Вот принесут ёго восемь богатырей, тебе ёго и не поднять, не то, што сеч.

— Пойдём проць, Матюша Пепельно́й, не хочу я и жонитьце.

— Нет уж, приехал, дак жонись. Вот пойдём завтро, ты скажи: не хочу я сечь, а вот мой холоп пусть.

Вот переспа́ли; утром походят опеть. Приходят туды, там уж стоял принесёной мець и стоял этот дуб. Он и говорит:

— Я не буду этым мечом сеч, для меня он лёгок, а вот пусть мой холоп.

Берёт Матюша Пепельно́й этот меч, как ударит дуб, он на куски розвалилсе, и гото́вой. Матюша Пепельно́й опеть пошол домой, а он приворачивает к чарю работу сдавать.

— Ну, ваше величество, лук твой перепро́бован, дуб перерублен.

— Молоде́ць, зять нареченно́й. Уж как ты топерь с дороги приехал, надо тебе выспатьце, обязательно в байну схо́дить. Вот приходи завтро, вымойсе, а потом уж видно будет.

Вот он с радостью приходит на корабь.

— Ну, Матюша Пепельно́й-Налиту́ровый Колпак, пойдём завтро в байну, для нас истопят.

— Да, я знаю байну, пожалуй, тебе не мытьце будет. Байна три версты она будет от города, а ближе двухсот сажен и не подойдёш, байна жолезная, нато́плена она будет, што и не подойдёш.

— А ну её к цёрту и байну, пойдём проць, Матюша.

— Нет, приехал, так иди. Пойдём с тобой в байну, вымоемсе.

Вот на утро оне приходят к этой байны, жгёт, нельзя подойти.

— Как токо мы будем мытьце в этой байны?

— Ницёго, вымоемсе.

Вот вытягает кувшин, роспечатывает.

— Ну, што, робяты, кто гора́зд жару́ стреча́ть.

Один выскоцил.

— Я могу.

Приходит в байну, дунул, плюнул, байна остыла.

Пришли оне, на каменки даже озябли. Вот приходит чаревич к чарю и говорит:

— Што вы, ваше велицество: смеите́сь, в холодну байну послали, мы озябли. Ну, дак как, ваше велицество, отдаш дочерь замуж?

— Отдам. Топерь вот што ты мне-ка сделай, а пото́м уж отдам. Вот завтро приходи, у меня есть лошадь, можеш обучить, то отдам, а уж не можеш, — то лошадь тебя убьёт.

Он приходит на корабь и говорит:

— Ну, вот, Матюша Пепельно́й, завтро надо на лошади́ покататьце, даёт лошадь.

— Вот тебе и лошадь, знаеш што это за лошадь? Это́ чарь сам обернётце лошадью и тебя убьёт.

— Што ты убьёт? Поедем проць, не хоцю я и жонитьце.

— Приехал жонитьце, так надо жонитьце. Пойдём вместе, я тебя науцю.

Вот на утри ставают и походят.

Он и говорит:

— Ты смотри, на ней не поежжай, скажи, што пусть мой холоп едет, а я не хоцю.

Он захватил с собой два прýта жолезных и прут медной. Приходит он, конешно, к лóшади, Матюша идёт наперёд, он сзáди. Матюша наседает по колéн в землю, а он идёт по ёго следам, как будто такой сúльной. Вот приходят к лóшади, чаревич посмотрел на лошадь и говорит:

— Ну, я на ней не поеду, рази это лошадь. Пусть мой холоп едет.

Вот Матюша садитце на ней и давай этим прýтом жолезным лупить ей. Она уж летает и не знай куда. Этот прут избил, берёт второй, и давай лупить. Уж она пáла на землю, пошла окуратней. Он и этот избил, и взял медной. Так ей вы́ходил, што она больше итти не может. И ведёт уж после этого ей на поводý. А тут уж чаревич стоит.

— Што вы, ваше велицество, смеитéсь, таку лошадь дали, што холоп мой ей привёл, такá дрянь.

— Хорошо, приходи завтро, уж я тебе отдам невесту замуж.

Вот он ушол, конешно, на корабь, переспали оне ночь и говорит:

— Ну, сегодне он даёт мне невесту.

Вот пошли оне к чарю. Матюша и говорит ёму:

— Ну вот, когда дают невесту, посадят и дают гусли играть. Принесут гусли, на стол положат, эти гусли падýт нá земь, ты суй, старайсе ноги под женины ноги, она эти гусли сдержит, а тебе не сдержать будет. А потом скажи: „дайте моему холопу, я не хочу в эти гусли играть".

Вот оне собрáлись на бал итти, берут еще из своих кого и идут. А уж там у чаря всё приготовлено. Садятце за стол, приводят невесту и пошла у них тут свадьба. Вот оне сидят, выпивают, веселятце, чарь и говорит:

— Ну, не хочеш ли, зятюшка, повеселитьце, сыграть в гусли?

Вот приносят гусли, оне пáли нá земь, он токо успел ноги под жонины ноги убрать, она их удержала. Он посмотрел на них и говорит:

— Ваше велицество, дайте моему холопу поиграть, я не хочу в такие гусли играть.

Вот, конешно, передали эты гусли Матюше, он заиграл на них, всё прирвал, чаревиць и говорит:

— Што вы, ваше величество, все над нами смеетéсь, даже холоп мой прирвал все гусли, даитé такую дрянь.

— Ну, — думает, — сильной же у меня зять.

И вот, конешно, свадьбу сыграли, прошло два-три дня, потом повалились оне спать. Она накинет ёму руку, так ёму тяжело и заснул так крепко, што не знает как и ноць прошла. Вот на втору ноць закинет она ногу, он так крепко заснёт, што даже не знает, как и ноць пройдёт. И стал печаловатьце:

— Вот беда-то!

А уж Матюша Пепельнóй знает это всё. Вот он увидал Ивана чаревича и спрашивает:

— Ну, Иван чаревиць, как спал с молодой жоной?

— Ой, беда, брат, не знаю, што и делать.

— А што, помниш, хвалилсе: кабы мне спать с дéвицей.

— Ой, што ты, брат, не быть мне живому с этой жонитьбой. Как руку накинет, так чуть слышу, как ногу накинет, так не помню, как и ноць прошла.

— Дак вот, слушай-ко: повалиссе с ней спать, она токо хочет накинуть руку, ты скажи-ка: „Я хочу оправитьце, спусти меня“. И иди. А в это време я приду, усмирю ей. Токо про меня ей ницёго не говори.

И вот ложитце на третью ноць спать. Она хоцет руку накинуть, он говорит:

— Погоди, прекрасная чаревна, я хочу оправитьце.

— Ну, поди.

Вот выходит, а тут уж Матюша стоял наготóве. Заходит к ней, ложитце. Вот она накидыват руку. Как он руку схватит, бросит в стéну, так гром пошол по всем зáлам. Она и ногу. Он также и ногу как даёт в стéну, только гром пошол. Она и сама поверьх, а он ей в охапку, да как даст опеть в стéну, она упала и заснула, он вышел.

— Ну, топерь иди и спи, токо не сказывай. Если спросит, то скажи: „А русски люди с ветру берут“, больше ничего не сказывай.

Вот он, конешно, пришол, повалилсе, проспал ноць. И живёт с ней месець, другой, весёло́й, пошло у них настроенье хоро́шо. Потом она ёго стала спрашивать однажды:

— А у тебя, муженёк, силы не было прежде, а потом как-то образовалась?

— А русски люди с ветру берут, я ходил оправлятьце, силы и прибавилось.

Прошло месець времени, она опеть и нацинает. Руку накинула, он и не шевелитце.

— Ну, што, где же сила девалась?

— Да так, нет и всё.

— Нет, тут што-то не то, скажи.

Он и нацял вертетьце, так и так.

— Нет, скажи, да скажи.

— А у меня прошлой раз Матюша был.

Сецяс она соскакиват, берёт мець, а Матюша спал в это времё. Она берёт мець, сецяс ёму ноги по колено отрубила и руки по локоть. Матюша проснулсе, а уж рук-ног — нет.

— Ну, ладно, сказал видно!

Сецяс он берёт руки, ноги под пазуху, садитьце на ж . . . и покатилсе на дорогу. И смотрит, идёт старик слепой. Он и заговорил:

— Старицёк, возьми меня, неси а я с глазами.

— А я, — грит, — попадаю к колодцю с живой водой и мёртвой.

— Ну, я ёго знаю, буду тебе указывать, токо ты меня неси.

Вот этот старик ёго взял, понёс, а он ёму указыват.

После этой но́ци чаревна берёт Ивана чаревича и говорит:

— Вот, ты будеш моим водовозом, а не мужем, коли так вы всё омманно сделали.

Вот он стал водовозом, исполнят все должности ейны, што она токо приказыват.

Ну, ладно, пока он тут исполнял, а мы дальше за Матюшей.

Вот приходят оне, наконець, к колодцю, где была мёртвая вода, и говорит старику.

— Ну, ты топерь спускай наперёд мои ноги и руки, у меня будут невладимые, токо сростутце, и неси меня вперёд. Помоеш себе глаза и твои глаза ище в нормальности не увидят.

Вот он так и сделал, ноги сро́стил, помазал у себя глаза и понёс его. Вот оне шли, шли, шли, он указывает:

— Ну вот, топерь остановись, тут колодець.

И вот приходят к этому колодцю, он и говорит:

— Поправь снацяла меня, а потом уж я тебе и глаза помажу.

Вот спустил он его в колодець, руки, ноги стали дествовать, а потом помазал у старика глаза, и старик увидел.

— Ну, спасибо тебе, Матюша Пепельно́й-Налитуровый Колпак, што сделал меня с глазам.

— И тебе, дедушко, спасибо.

Роспростились, и Матюша Пепельно́й пошол опеть в тое чарьство, где жил Иван чаревич, сам думает, што надо чаревича ослободить. И приходит в чарьство, глядит Иван чаревич везёт воду на лошади́,-худя́ща лошадёнка. Вот увидал он его:

— Ну, здраствуй, Иван чаревич.

— Да какой я Иван чаревич, когда́-то был.

— Ты рази меня не узнал?

— Да ты хто есть такой?

— Дак я же — Матюша Пепельно́й.

— Да как же ты опеть идёш на ногах, как у тя были отрублены руки и ноги?

— Меня нёс старик слепой, а я ёму указывал путь. Вот мы и дошли до тех колодцев, в которых есть жива вода и мёртва. И вот вылецили мне руки и ноги, а ёму глаза. А топерь я пришол навестить тебя, Иван чаревич, как ты живёш. Уж надо тебя вывести из этого чарьства.

Вот он и говорит ёму, Иван чаревич:

— Да как же ты выведеш меня, Матюша Пепельно́й, как она поставила меня воду возить и я у ней рабом и я не смею слова перед ней сказать.

— Ну, дак како́ тут не смею, бросай коня к цёрту, да и всё тут.

— Как я брошу?

— Как брошу?

Матюша взял, пнул телегу и перевернулась лошадь и боцька.

— Топерь иди к ней, и как она тебя спросит: „где телега, где лошадь?“ — ты ответь ей: „Иди ты к едрёной баушки“. И она побежит к тебе, а в это времё я буду стоять за углом.

И вот оне пошли оба. Иван царевич идёт на двор, а Матюша Пепельно́й стал за угол. Как царевна увидала, што идёт ёйной водовоз без ло́шади и воды не везёт, и выбегает.

— Ты што это, идёш сюда без ло́шади и воды не везёш, как ты смееш?

— А поди-ко ты, сударыня...

Так ответил ей уже покруглее.

— Ах ты, сукин сын, как смееш это говорить, как ты раб мой и должо́н роботать, я тебя отучу так, што больше никогда не будеш так говорить.

И бежит на нёго. Только хочет ёго захватить, как в это времё Матюша Пепельно́й-Налитуровый Колпак выскакивает из-за угла, схатил ее за́ косы и давай трепать. И так он ей намуту́зил, што она стала молитьце.

— Слушай, Матюша Пепельно́й, отпусти меня, я буду слушатьце топерь мужа и тебя, как ты был верной слуга, никогда не буду пытать.

— Ище ли ты будеш мои ноги рубить, да руки у сонно́го, хош не у сонно́го?

— Нет, не буду я больше, Матюша Пепельно́й, как ты отуцил меня сецяс, как ты исполнял все задаци и даже мой батюшко знат твой выход, топерь я буду поцитать своёго мужа и буду всё делать как прикажете.

— Ну, топерь сецяс же собирайсе, и собирай своё всё придано и поедем в наше государьство.

Она ответила:

— Ну, я согласна.

Тогда она пришла и говорит:

— Но, батюшко, отчитывай ты моё приданоё свое ме́ньшей доцери, и я поеду к мужу и буду с им жить, уж раз не могли перехи́трить ника́к. Ты знаеш, хто такой есть Матюша Пепельно́й? Был у меня раз такой слуцяй, што я отрубила у ёго в сонно́м виде руки и ноги, он и то вышел из этого положения, а топерь уж делать не́цёго, придётце ехать.

И так средили корабли. Отщитал отець ейно приданое, простилсе отець с доцерью, и вместе с Матюшей Пепельным поплыли обратно.

Ну, конечно, оне скороё времё приплыли в своё государство, которых сестра уже и не ожидала в живых, не знала, где оне и будут. Вот когда оне приплыли в своё государьство, сестра очень обрадела тому, сделала пир и нацяли играть свадьбу. После этой свадьбы раскаялась прекрасная чаревна про своё волшебство, што „раньше я знала хорошо, но последний раз, когда меня Матюша отуцил, я всё забыла и буду жить хорошо, пока моя жизь тянетце“.

Тогда заговорил чаревич:

— Вот слушай, Матюша Пепельно́й, я очень теперь верю тебе, когда ты меня унимал не жонитьце, второй и третий раз, а я велел тебя посадить. Ты не поиме́л зла, поехал со мной. Ну, я не знал того, што ты едеш. И помню как на корабли мы шли, выходил я на палубу, ты мне перечил, все помню, и я решил тебя бро́сить с корабля, но ты настолько хитрой, што понял.

— Ну, слушай, Иван чаревич, я тебе скажу. Я твоёму отцю прослужил петьдесят лет, он мне не перечил и всё было сохранно. И тебе буду служить: вот уж жонил тебя, топерь и еще буду служить, пока живой и ты меня слушай.

— Ну, Матюша Пепельно́й, я буду тебя слушать до ти́х пор, пока твоя жизнь тянетце и ты живи у меня, а я не буду перечить.

— Ну, и живи́те с богом, а я буду там жить, где и до си́х пор жил, а коли нужда какая будет, спомяни́ меня и я у тебя буду.

Потом после этого всего, пира́ и свадьбы, стали оне жить до глубокой старости.

И я может там был, пиво, мёд пил, по усам текло, токо в рот не попало.

На том она и концилась.

23. КАК КУПЕЦЕСЬКОЙ СЫН ПРОЖИЛ ОТЦЁВСКОЙ КАПИТАЛ (ЧОРТОВЫ КАРТЫ)

Был жил купець. У купця было́ три сына, один был умной, млаччий, а два были пьяници безу́мны. И этот купець имел большое богатьство и притом двенатцеть мага́зинов и двенатцеть кораблей, на которых уходил заграницю за товарамы. Которые эты были два сына безу́мны, ста́рши, то он уж им ницёго́ не доверял, снацяла оне торговали, а потом ницёго́ не доверял и гнал всё их из до́му.

Вот в одно времё и говорит млаччему сыну:

— Ну, Ванюша, тогда тебе придётце стать в мага́зин торговать и следить за прикащиками.

Вот этот Ванюша наця́л торговать и торговля у нёго пошла оцень хорошо́. Отець ченил ёго хорошим работником и говорил:

— Ну, Ваня, умной же ты есть изо всех сыновей.

Когда он проторговал год, то он говорит отцю:

— Батюшко, мне завтро есть день ангела, што прикажете делать, торговать итти или праздновать?

Тогда отець говорит:

— А што, Ванюша, раз бывает и свиньи́ праздник, должо́н ты празновать. Вот я тебе даю сто рублей денег и хош ты

водки не пьёш и не гуляеш, эти деньги твои, клади куда хош и ходи чёлой день.

Получил деньги и говорит:

— Ну, папаша, я пойду.

— Иди с богом.

Вот пошол и чёлой день ходил по городу, купить ёму нéцёго, водки не пьёт, в трахтир не идёт и никакие забавы ёму не идут на ум. Вернулсе он обратно опеть же на старое место домой, стал в магази́н торговать, стал опеть времё проводить, как и преже. Поторгует день, деньги полуцить, снесёт всё отцю до копейки. Отець ёго всё хвалил, благодарил, росходов никаких не имеет.

Вот он проторговал второй год. Приходит ёму опять же день ангела. Вот отець ёму опеть же даёт сто рублей:

— Ну, поди, сынок, погуляй, опеть тебе деньги ни во што́.

По́дал отець деньги, вышел он в город и встретилсе с одним товарищем. Идут по дороге, и нацинает ёму товарыщ говорить:

— Дак што, друг, зайдём в трахтир, посидим.

— Нет, спасибо, я водки не пью и пива от роду не пивал и пить не хоцю.

Потом идут мимо клуба, товарыщ и говорит:

— Зайдёмте в клуб, посмотрим.

— А там што?

— А там играют в карты.

— Да я играть не умею.

— Ну, ницёго, я сыграю на твои деньги, а ты посмотриш.

— Давайте, зайдём.

Вот оны заходят в клуб, товарыщ садитце на стул, подаёт ёму стул и садитце играть. Играть-поиграть — двести рублей проиграл, которы были прошлые и сецяс.

Ну, игра ёму понравилась. Он сецяс пишет заведущему клуба:

— Дайте мне триста рублей под росписку.

Заведующий сечас ёму триста рублей под росписку, — знает такого купецького сына. Да. Получил он деньги, еще сел играть, ёму понравилась игра. Играл-поиграл и еще триста рублей проиграл, ёму понравилась эта игра.

Концил игру, вышел домой, переспáл ноць, опеть на старое место ушол в магазйн. На второй же день кряду приносит из клуба отцю росписку.

— Пожалоста, вот ваш сын в карты играл, кости катал, двести рублей проиграл, еще триста под росписку взял. Пожалоста, уплатить деньги!

Так. Отець процитал эту росписку, выдал ёму деньги, приходит к жоны и говорит:

— Уже наш именинник нацинает гулять!

Ну, сыну своёмý ницёго не сказал, простил.

Так, сын продолжает опеть челой год работу. Да. Когда опеть прошол год, уже по выходу своего ангела, берёт из лавки триста рублей и приходит к отцю.

— Завтро, батюшко, я иду провожать свой день ангела.

— Пожалоста, идйте!

Но денег отець уже нé дал и он не просил. И с деньгами пошол в город. Когда он вошел в город, то сразу же ёму понравилась эта игра, он зашол в клуб и кряду же сел играть. Играл-поиграл — триста рублей проиграл. Ёму мало показалось, он пятьсот рублей взял под росписку опеть. Проиграл и эти пятьсот рублей, вышел домой и думает:

— Ну, што мне топерь батька скажет?

Ну, ладно. Утром со сна сразу же ушол в магазйн. На утро того же дня приходит слуга, подаёт ёму росписку:

— Вот пожалóста, ваш сын в карты играл, кости катал, проиграл триста рублей, петьсот рублей взял под росписку, пожалоста платите.

Отець думает:

— Ну, ладно, хорошо сын нáцял. Если еще так сделает, то я ёго держать не буду.

Заплатил деньги, и он отцю ничего не говорит и отець ёму не сказал ни слова.

Так он проводил опеть же чéлой год торговлю.

И за челой год он запас себе две тышечи рублей денег, то што выйти поиграть. Да, потом пошол отцю сказал:

— Батюшко, я завтро не выйду на роботу, так што мне день ангела.

— Ну, ладно, иди гуляй.

И ушол в город. Пришол в город, зашол опеть в гостиницю в ту, в которой играли раньше, в клуб, и садитце опеть играть. Играл-поиграл, две тышечи проиграл и пять тышець под росписку взял и дальше стал играть. И проиграл последние пять тышеч. Вышел из клуба, пришол домой и утром вышел по-старому на роботу. Когда приходит заведующий клуба, приносит ёму такую росписку, што ваш сын в карты играл, кости катал, две тышечи проиграл, пять тышеч под росписку взял, пожалоста, платите.

Купець деньги отдаёт и пришол к своей хозяйке. Пришол к своей хозяйке и говорит:

— Ну, жона, наш сын нацинает рострацивать отцёвской капитал, прогоню, не буду дёржáть ни одной минуты.

Та, конешно, заплакала, и он с темá словáмы пошол в магáзин. Пришол в магáзин, вызывает сына своёгó и говорит:

— Ну, сынок, не умел честью жить, сецяс же уходи из магáзина и приходи ко мне.

И купець тоже пошол домой. Когда пришол к отцю своему, просит извинения, ну отець не прощает.

— Нет, сын, нет тебе прощенья, сечас же прогоню из своёгó государьства, уходи на все четыре стороны и не дам тебе денег ни одной копейки.

Мать сильно заплакала и говорит:

— Што ты, отець ты или нет? Прости сына или всё-таки дай ёму на дорогу денег или награди его.

А он упёрсе на одном слове.

— Што не дам ни одного грошá, и снимай хорошую одёжу с себя. Почему? Потому што ты ёе пропьёш.

Сыну приказал роздеватьце. А матери приказал принести поплóше одёжу и велел сыну уходить. Мать пошла, конешно, за одёжой со слезами. Мать подобрáла одёжу и вшила ёму в одёжу несколько сот рублей, так, штобы он сразу не ýзнал. Принесла одёжу и шепнула сыну:

— Вот ищи, сын, там-то есть.

Да, он оделсе и сразу же вышел из покоев. Выходит он в город на большую дорогу. Стрецяет он несколько товарыщей, оны и говорят:

— А што, друг, опохмелитьце нет, зайдём в трахтир?

Он подумал:

— А што моя жизнь? Хотя я и не пивал вина, ну всё ровно пойду!

Вот они попили, погуляли и он почувствовал:

— Да и это хорошо!

По́жил несколько дней, попи́л, погулял, уже денежки все про́пил. Когда он прожил эты все деньги, што ёму? Он продал хорошой пиджачок и брюки, купил поплоше и эты прогулял, чуть не осталсе в нижнем белье. Когда ж это всё прогулял, што ёму делать? Денег у нёго нет, ись охота, што ёму делать? Пришол на одну площадь и подумал:

— Ну, когда бы меня цёрт взял в казаки́, я бы и к тому пошол.

Вдруг ниотку́ль возьмись стрецяетце ёму цёловек:

— Ну, я и есть сам цёрт, жалаеш ко мне в казаки́?

Он ответил:

— Давай, пойдём!

— Ну, то слушай, я только с тем тебя возьму в казаки́, што сними крест и пояс и три го́да не стриги волос и ногтей и не мойсе, тогда я тебя возьму и возьму на три го́да.

Так он решил. Снял кряду же крест и пояс и решил три года не стричь воло́с, не мытьце и не обрезать ногтей.

Прожил у цёрта че́лой год: оброс, стали волосы дли́нны, ногти длинны, и сам грязной стал. Вот и говорит ёму чорт:

— Ты знаеш, как отцёвской капитал проживал? Давай-ко мы пойдём в этот клуб, в котором проигрывал. Ты играй, а я буду тебя учить.

Вместе сели с чортом на лошадь, приехали к этому клу́бу, где он и раньше играл, зашли в клуб. Вот чорт и говорит ёму:

— Начинай играть, а я буду тебя учить.

Берёт карты в руки и сыграл на петь тышеч. Чорт играл не по ма́лу! Когда он сыграл первой раз на петь тышеч и проиграл, чорт и говорит ёму:

— Нет, бери-ко мои карты и играй, тогда будеш выигрывать.

Вот он взял карты, новую колоду и говорит товарышам:

— Вот што, друзья, давайте-ко новыми картами играть, у меня только што роспечатаны из под бандеро́ли, а ваши уже ста́рые, я не хоцю ими играть.

И все согласились. Когда собралсе кон уже на десеть тышеч рублей, Иван боитце ударить, а цёрт ёму шопчет:

— Бей, деньги наши!

Тогда он согласилсе. Вот выиграл он эты деньги, а уж цёрт с мешком стоял у стола, конешно, ёго нихто не видал. Со́брал деньги в мешок. Собираетце игра вторая. Собра́лась игра на дватцеть петь тышеч. Он опеть боитце ударить. А цёрт ему шопчет:

— Бей, деньги будут наши!

Как ударил, так и выиграл.

Опеть продолжать нацинают, третий собираетце кон слишком большой, на петьдесят тышеч. Он сумлеваетце играть, а цёрт шопчет:

— Бей, деньги будут наши!

Ударил, выиграл петьдесять тышеч.

Чорт денежки со́брал со стола. Стали купчики поговаривать:

— Да, хорошо этот играет!

То стали уже некоторые домой поежжать, а другие продолжают играть. Стали залагать одёжду, ко́ни, тройки и шубы дорогие. Собра́лась игра такая крупная, што уже на сто тышеч. Он опеть сумлеваетце ударить, а цёрт говорит:

— Бей, деньги будут наши!

Вот как нужно отыгрывать, повора́чивать отцёвской капитал!

Ударил на эти сто тышеч, выиграл, а уж цёрт со́брал деньги. Тогда все купци розьехались, осталсе только один заведущий клу́ба, хозяин. Он же заведущий, он же хозяин. Заведущий походил немного по клубу, ёму жалко стало отпускать ёго с выиграшем. Он говорит:

— А вот што, друг, давай, сыграем на сто петьдесят тышеч.

Чорт и шопчет:

— Играй, обыграем и этого!

Опеть же ударил и выиграл.

Заведущий клу́ба немного походил по комнаты, подошел к нёму и говорит:

— Давайте сыграем на петьсот тышеч.

Он боитце, што всё проиграет. А чорт и говорит:

— Играй, деньги наши!

Он сыгра́л и выиграл, а чорт в это времё собирал деньги в мешок.

Этот заведущий немного пообдумалсе, бо́ле ходит по комнаты, ему еще жалче стало, когда он проиграл петьсот тышеч, но отпустить с выиграшем ёму ёго не охота. Тогда подошол опеть заведущий и говорит:

— Ну, вот што, друг, сыграем еще на каменной дом. У меня есть три дома, я дом поставлю один, а ты все деньги.

Ну, он испугалсе, не знает, што и говорить, а чорт ёму говорит:

— Играй, дом пригодитце, дом будет наш!

Когда он сыграл, — выиграл дом, тогда сецяс же приказал перевести ёму дом на нёго.

Вот сецяс он приносит книгу, перевёл ёму дом, но всё-таки с выиграшем купцю, заведущему жалко отпустить. Он опеть нача́л думать:

— Как бы с ним сыграть, каким путём?

Вот подходит опеть он к нёму:

— Ну, што, друг, сыграем еще. Вот я закладаю еще один каменной дом и клуб этот, есть еще у меня три доцери, а ты все деньги, товары, и всё. Если выиграеш, то всё твоё, проиграеш — за мной всё останетце.

Он немного подумал, а цёрт ему шопчет:

— Играй, годятце до́мы и дочеря́, играй.

Тогда нача́ли оны опеть играть. Когда оны сыграли, то выиграл он последнее. То он сечас приказал ёму принести книгу, штобы всё перевел сечас на нёго, все до́мы и дочеря́, и штобы показал своих дочере́й, што у нёго за дочеря́.

А чорт ёму шопчет:

— Ты жонись на одной из трёх, а две будет моих.

Так, вот это всё оны сделали и повёл купець в особой дом и приказал притти:

— Ну-ко ты, Мария, иди, — старшей дочери.

Подходит Мария, он и говорит:

— Ну вот, жалаеш за нёго замуж итти?

Она губы смóрщила, как он такой дóлгой, некрасивой, ногти длинные, и убежала.

Он приказал второй притти, Татьяны.

— Ну-ко, Таня, иди посмотри жениха своёгó! — и та прибежала.

Когда приходит эта Татьяна, тоже посмотрела на нёго, показалсе он ей чудны́м таким, ну как же, — волосá длúнны, ногти длúнны, повернулась и пошла проць, ницёгó не сказала.

То он приказал третьей доцери, Олександры. То она приходит:

— Што угодно, папенька?

— Да вот, может, жалаеш замуж пойти, то вот тебе жених.

Да. Приходит Олександра, посмотрела на нёго, села ёму на колена и говорит:

— Ну, папенька, я за нёго пойду.

— Отець был очень обрадован, што пойдет за этого Ивана замуж.

Вот он сказал ей:

— Хорошо, пойдёш, я тебя возьму.

Вот он сказал купцю этому заведущему:

— Вот церезь два года приеду, буду жонитьце, а топерь это всё у тебя останетце, оприч денег, конешно.

Деньги уже взяли. И уехал с цёртом.

Когда они приехали домой, то ёму и говорит цёрт:

— Ну вот, как, друг, игрáют-то, не тó, што ты проиграл часть отцёвского капитала. Храни эты карты, мои, и вперёд будеш так играть. Поживи у меня еще два года.

Вот óтжил он срок — все три года у цёрта, цёрт и говорит:

— Ну, давай, друг, топерь пойдём, женись на купецькой доцери и живи с ней, поедём.

Вот прибыли оне в город, приворотúл он, конешно, в парикмахерску, побрилсе, ногти остриг, помылсе и сделалсе таким бравым, фартóвым детиной, што ёго совсем не узнают. Топерь приходит он, конешно, к тестю, садятце, купець ёго не узнал, но узнал, наконець. Так.

Когда он узнал ёго:

— Ну, вот што, папаша, я пришол за старым делом, как у нас был договор, жонитьце, из трёх выбрать любую, то пожалоста мне посмотреть ваших дочерей.

Тогда он приказал Марии одетьце. Мария пришла, посмотрела, кряду села на колени и стала ёго ласкать, но он сказал:

— Нет, мне тебя не надо.

Да, та с такого стыда и позору, побежала на чердак и удавилась, што отказал её жоних.

Ну, тогда приказал вытти Тане. Вышла Таня, таким же манером — садитце к нёму на колены, нацинает што-то с ним говорить разное. Но Иван купецеской сын говорит:

— Нет, мне тебя не надо, у меня есть третья.

Та с такого стыда́ побежала на чердак, броси́лась с окна и убилась на смерьть. (Эты две к цёрту и попали. Сказал, што мои будут. Рощитыват, старик, знает!)

Вот, то приказал он притти третьей дочери Олександры. Та срядилась, конешно, села к нёму на колены:

— Ну, вот, Санечка, я тебя во́зьму, буду жонитьце.

Отець очень обрадован был, конешно, отдать дочерь. Он тогда сказал:

— Ну, папаша, два до́ма и клуб мне не надо, а один дом я возьму, и буду в нём жить, а эти можеш при себе держать и также по-старому вести свою роботу.

Вот топерь, когда он пришол домой и нача́ли играть свадьбу. Свадьба продолжалась у них три дня. Так же чорт у них был на этой сватьбы, вина было, всего довольно.

Да. Вот оне попрощались с чортом, чорт ёму и говорит:

— Вот тебе карты, играй когда жалаеш, а с тобой мы в рощёте.

Ушол чорт, осталсе Иван дома.

Вот жона ёму и говорит:

— Вот што, Ванюша, поедемте кататьце на лодке.

Он был согласен, и поехали. Катались на лодке, она всё спрашивала:

— Как ты, Ванюша, столько капиталу выиграл, каким путём ты мог столько и никогда и не проигрывал.

Он отвецяет:

— Да, Шура, как я выиграл, тебе знать нельзя.

— Нет, Ваня, должо́н ты жоны своей сказать, как же таитьце. Вот он ей и говорит:

— Ну, ладно, скажу тебе, дорогая,—ну только никому не говори про это, это дело такое, што нельзя никому говорить.

Вот он и говорит:

— Слушай, Шура, я выиграл,—у меня были чо́ртовы карты, он мне помогал играть, вот почему я и выиграл.

Тогда она ёму и говорит:

— Слушай, Ваня, если ты эти чортовы карты не бро́сиш, или не передаш ёму, то я заявлю на тебя и тебе будет за это худо.

Он сказал:

— Вот што, Шура, я не знаю, как ёму можно передать.

— Я тебя научу, как передать эти карты. Вечером в одинатцеть часов, в двенатцетом, выходи в зо́рю, брось карты черезь лево плечо, и скажи: „На, цёрт, свои карты, мне их не надо".

Тогда он так и сделал. Вышел вечером в одинадцатом, в двенадцетом, бросил карты церезь лево плецё и сказал:

— На́ цёрт, карты.

Цёрт прибежал, засмеялсе, полуцил карты и сказал:

— Ну, рано ты схватилсе, а то бы ты был мой. А топерь мне ницёго с тебя не надо, я и то получил две девушки.

Тогда он пришол домой, обьеснил это всё своей жоны.

— Ну, ладно, будем топерь жить.

Тогда он поступил в мага́зин, нацял с отцём торговать и нацяли проводить жизнь до самой смерти.

На том и концилось.

24. КУЗНЕЦЬ

Не в каком чарстве, не́ в каком государстве жил-был крестьянин, этот крестьянин был кузнець. Был он, конешно, жонат. У их был один сын, ёго звали Иваном. Потом у ёго слуцилось нещастьё, у ёго умёрла́ жона. Ёму пришлось жонитьце на вдо́вки и взять тоже со сыном. Того сына звали Васильём. Вот эти робята росли, конецьно, вместе. Когда подросли, то отцёвской сын стал в ку́зници с отцём роботать, помогать ёму. Вот когда он выучилсе с отцём ковать хорошо, он себе сделал ружьё и ходил охотилсе.

Вот в одно прекрасное времё он зовёт Василья:

— Брат Василий, пойдём охотитьце куда-нибудь к о́зёру, уток или кого-нибудь покаравулить.

И тот согласилсе. Вот оне когда вышли и́з дому, пошли к одному озёрку. А около озёрка были кругом пески. Вот Иван и говорит:

— Давай, будем здесь ждать, не прилетит ли хто из птиць. Только, Вася, надо призарытьце в песок, штобы птици нас не заме́тили, как прилетят.

Вот оне призарылись немножко и Ваня смотрит, летит три ле́беди.

— Смотри, Вася, летят.

Эты три ле́бедя прилетели, ударились в пески и сделались прекрасные три девици. Топерь, сецяс скинули платьё своё

и роздевшись начáли купатьсе. Ваню́ша смотрит. Вот сецяс Ваню́ша смотрит и начинает крастьце, и у их платьё похити́л. Оне и не заметили. Когда оне вы́купались, вы́скочили нá гору, а платья нету. И мéньшая из них заговорила:

— Хто взял наши платья? — Если старой старицёк — пусть наш дедушко, если пожилая женщина — пусть наша тётушка, если молодая деви́ця — пусть наша сестриця, а уж в крайном случáе — моло́дой молодець, — пусть будет богосужоной.

Потом Ваню́ша выскакивает и говорит:

— Я, прекрасная деви́ця, похити́л ваше платьё.

А Вася глядел на них и ни слова не мог сказать. Вот она и говорит:

— Ну, Иван, крестьянской сын, покажи наше платьицё, и я потом обьесьнюсь.

(Оне волшебници были, дак. А ведь вот волшебници-волшебници, а не ущитали, вот как-то подойдёт, так што хочеш). Потом Ваня соскакивает и принёс ихно платьё и отошли сáмы. Оне оделись, все три красны деви́ци и приходят к Ваню́шии говорит млаччая сáма.

— Ну, Иван, крестьянский сын, коли ты открыл меня, тебе мной владеть. Вот топерь знаеш, Иван, крестьянской сын, я полечу со сёстрами к матери, а через два дня прилечу сюда и возьму тебя с собой. Ты приходи на это место.

Вот эты все прекрасны девици роспрощались с Иваном и с Васильём и полетели. А брáтья пошли домой. Когда он пришол домой, ничего дома не говорит, а этот брат Василий всё россказал своей матери, как всё бы́ло. Мать была очень волшебниця и сказала:

— Но, Иван, будет щáстливой, ну погоди, не скоро еще Ваня женитце.

Проходит двá дни, Иван кресьянской сын собираетце итти и говорит брату:

— Вася, пойдём со мной, посмотрим, как прилетят красные деви́ци.

Когда оне запоходи́ли, мать даёт своёму сыну сонну́ю булавочку и говорит:

— Вот, сын, как прилетят эты лéбеди, ты воткни ёму в платьё эту булавочку, не дай им сойтись вместе, поговорить.

Так оне и отправились. Приходят к этому óзеру и немножко призакрылись и сидят. Вот увидали оба, што летят белые лебеди, млаччий протянул руку и незаметно засунул ёму в платьё булавку. Тот заснул. Вот оне прилетели, ударились в пески и стали красные деви́ци, и стали спрашивать:

— Но, где ты есть, Ваня, выходи!

Ваня как сонно́й, дак молчал, а Вася ни слова не мог сказать. Оне и второй раз:

— Где ты есть, Иван крестьянской сын? Выходи!

Вот Вася не стерпел и говорит:

— Да мы оба здесь.

Тогда оне пришли и увидали Ивана сонно́го, то сказали:

— Нам до тебя дела нет, когда спит Иван. Ты ёму скажи, што мы улетаем и прилетим церезь два дня за им.

Оне обратились лебедя́ми и улетели.

Он выдёрнул булавочку, и Иван проснулся.

— Эх, не знаю, долго ли я спал?

И потом говорит ёму Вася:

— Да ведь, Ваня, лебеди-ты были.

— Эх! А хоть што они сказали?

— Да сказали прилетят через два дня.

— Ну, ладно, пойдём.

Оне пришли домой. Василий всё россказал матери, как прилетали лебеди и сказали, што прилетим опять через два дня, она сказала:

— Нэт, не будь я́, што так даю жонитьце Вани на этой красной деви́ци. Поди опеть с ним и воткни́ сонну́ булавочку.

— Ну, а он-то, конечно, не знает, што она ёго усыпляет.

Вот проходит два дни, а он и говорит:

— Но, пойдём, Вася, посмотрим, не прилетят ли красные деви́ци?

А мать ёму даёт сонну́ю булавоцьку и говорит:

— Воткни ёму в платьё незаметно, и не мож ли попасть, женихом сам к этым красным дéвицям?

Вот оне и прихо́дят опеть к тому же о́зеру. Немножко притаились и сидят. Вот опеть увидал Вася, што летят красные деви́ци, он кряду засунул ему булавочку, и Иван заснул. Ле́беди прилетели, ударились в пески и стали красными де́вицями и сами говорят:

— Ну, где ты есть Иванушко, крестьянский сын? Выходи́!

Вот Василий с перьвого разу не мог выдёржать и заговорил:

— Мы здесь, идите сюда!

Оне приходят и видят, што Иван спит и спросили ёго:

— Почему это так уж второй раз Иван спит? Ну, а коли Иван спит, нам с тобой дела нет, скажи: мы прилетим еще через два дня.

Когда оне улетели, он вы́дёрнул эту сонну́ю булавочку.

— Эй, Иван, ставай, смотри, уж лебеди-ты полетели!

Иван встал и спросил у брата:

— Што оне сказали?

— А оне сказали: «Прилетим еще через два дня».

Вот оне встали и пошли домой. Пришли домой, и Василий матери опеть россказал, всё, што бы́ло. Она и говорит:

— Ну, я всё-таки на своём наста́влю и не даю Ивану крестьянскому сыну жонитьце и получить такое богатство. Уж коли тебе не придетце, пусть и ёму ницёго; опеть же тебе дам сонну́ю булавочку.

Проходит еще два дни. Иван и говорит брату:

— Пойдём, брат, стречать красных деви́ць, может быть удассе поговорить.

Приходят оне опеть к этому озёру, притаились и сели ожидать, и видят обы, што летят эты три лебеди. Василий протянул руку и сунул ёму булавочку. Иван заснул. А оне прилетели, ударились в пески и обратились кра́сныма девицями. Вот обратились и стали спрашивать:

— Ну, где, Иван, крестьянской сын?

Василий не вытерпел и с перьвого разу отвечает:

— Мы здесь, идите сюда!

Оне посмотрели на спящего Ивана и стали говорить:

— Почему же это так, што третий раз нам не удаетце поговорить с Иваном?

Он и заговорил:

— Я буду наместо Ивана, а он у нас такой спящий, што токо спит — куды седёт, тут и спит.

— Нет, мы с тобой дела не имеем: когда не удалось с Ваней, топерь он нас долго больше не увидит, а тебя нам не надо.

Пришла ме́ньшая сестра и побудила, побудила, не могла розбудить и сказала:

— Но, полетим, се́стры.

Вот оне ударились в пески, оввёрнулись белыма лебеди́мы и полетели. А Василий выдернул булавку.

— Брат, смотри, уж лебеди-то были, да и улетели!

Иван посмотрел — лебеди летят и чуть удержалсе от слёз и сказал брату:

— Ну, што, Вася, хотя оне сказали?

— А оне сказали то́: млачча тебя побудила и сказала сёстрам: «Полетим, долго топерь, Ваня, нас не увидаеш», и с тем улетели.

Тогда он сказал брату:

— Но, пойдём, Вася; не удалось, верно, поговорить с красныма де́вицямы.

Вот пришол он домой и Вася обсказал всё матери. А Иван стал ходить с отцём в кузьницю и всё такой печальной сделалсе, заду́мчивой и всё думал про красных де́вичь.

В одно прекрасно времё надумал:

— А уж пойду, куда голова несёт, путешествовать, может дойду до ихного места.

И вот со́брал сумоцьку, простилсе с отцём, с матерью и пошол путешествовать один себе, не знат сам, куда. Вот он идёт и идёт и идёт путешествовать по белому свету. И он увидал трёх братьёв: сонцо, месець и ветер. Подошол к им близко и поклонилсе:

— Здраствуйте, бра́тья.

— Путь вам до́бра.

И сам пошол дальше. Вот отошол немного, сонцо, месець и ветер, эти братья стали спорить. Сонцо говорит:

— Мне он поклонилсе.

Месець:
— Нет, мне.
А ветер говорит:
— Не вам, а мне до́брой мо́лодець поклонилсе.
Стали спорить, потом ветер и говорит:
— Зачем нам спорить, пойдём к ёму, и он нам скажет.
Оне оввёрнулись вокруг ёго. Он опеть против этых братьёв стал. Вот оне и стали спрашивать:
— Скажи-ко ты, доброй молоде́ць, кому ты из нас братьёв, перьвому поклонилсе, обьесьни:
А он им отвечает:
— Я всем вам, добрым мо́лодцам, поклонилсе вместе.
То́ им бы́ло очень понятно.
— Ну, дак вот, доброй молоде́ць, ты скажи-ко куда ты идёш топеричу, а мы тебе все идём на помо́гу и сослужим ту́ службу, котору ты жалаеш.
— Слушайте, бра́тья, до́брыи мо́ло́дци, я иду, попадаю, мне удалось стретитьце с трема́ деви́цями и одна оббещалась замуж за меня, дак вот я иду, к им попадаю.
— Ну вот, оне ёму и сказали:
— Но дак, Иван крестьянской сын, иди, а мы все будем тебе помогать доро́гой во всём, токо спомени́ нас.
И вот он идёт днём, и ноцью. Ветер ле́гонькой прохлаждает — сонцо днем, и также ночью месець дорогу освещает и показывает, куда надо итти. И он всё идёт, идёт, идёт. Наконець, увида́л избушку. Заходит в эту избушку, смотрит, сидит старушка за у́бранным столом. Вот когда он зашол и заговорил:
— Здраствуй, баушка.
Она ёму и ответила:
— Здраствуй, до́брый мо́лодець.
Это бы́ла споко́йна старушка. Вот поздоровалась и берёт ёго, конецьно, посадила за стол поить и кормить. После уложи́ла ёго и сама села ря́дом. Села ря́дом и нацинает спрашивать:
— Скажи-ко ты, до́брой молоде́ць, чьёго ты роду, чьей пле́мени, зачем идёш и куда путь держиш, — говори только всю правду, а если врать будеш, я узнаю.

— Вот слушай, баушка, всю правду росскажу, нисколько врать не хочу.

И начинает говорить:

— Я есть Иван, крестьянской сын, и вот случилось у меня такоё дело: — Раз сидел у одного озёрка и прилетело три лебеди. И я когда увидал их, я у их похитил платьё.

И всё обсказал, как это было.

Одна из их стала просить, што: «если старой старицёк, будь дедушкой, — старая старушка, — будь тетушкой, молóдая девиця — сестриця, если молóдой молодéць — быть богосужоным». Тогда, конецьно, я вышел, отдал платьё им. Я им понравилсе, и мéньшая обещала за меня выйти замуж. И вот оне обещали через два дни прилететь, и я ходил, но мне не пришлось их увидáть. Не знай, по какому случáю, оне видели меня три рáза, но я всё време был соннóй. Только в последний раз их увидáл, но уж оне были далёко.

Тогда она сказала:

— Да, Ванюша, крестьянской сын, тебя нещастье постúгло, но всё-таки ты своё получиш; эты все красные девици мне будут родные племянници, а ихна мать мне приходитце роднáя сестра. Ты будеш мой нареченной зять. Оне живут далёко, далёко за дальнима морями, так што скоро ты их не увидáш. Я, хотя тебе не могу ницёго помоць, но тебе скажу кóё-што. Вот топерь ты от меня пойдёш и иди до синего моря — там увидáёш розбúтоё корыто на берегу. Это корыто из давных прежних времён, когда ездили отьци и деды и правдеды наши. Когда ты придёш к этому синёму морю, то бери это корыто, оно обратитце тебе в лодочку и будет весёлко одно. Ты садись и поеждай пó морю. И приедеш в это государьство, хотя тебе и трудно будет.

Вот он, конешно, отправилсе к синёму морю. Вот как он отправилсе к морю и приходит, наконець. В пути ёму месець и сонцё освещали дорогу, а ветерóк помогал тоже. Вот пришол он к синёму морю и увидал в песках это розбитоё корыто и стащил ёго в воду. Из корыта образовалась лодочка и два вёсла. Сел в лодочку и поехал. Ветер спéрьва тúхонькой, а потом пал и сильнеи и указывал ёму путь. Но греб

он всё против ветра. Потом он спомнил про сонцо, месець и ветер.

— Братець, а долго ли ты меня мучить будеш, как уж я выбилсе из сил.

Тогда ёму говорит ветер:

— Нет, Иван, крестьянской сын, я тебя не мучу, а указываю путь — поежжай всё против ветра.

Тогда сказал ёму ветер:

— Ну, коли ты измуцилсе, Иван кресьянской сын, сядь на корабь, смотри он идёт. И будеш в этом государьстве, где три красные деви́ци.

Вот он посмотрел, уже ровняетце корабь с им. Он зашол на корабь, пришол в каюту, сел, а ветер стал дуть на парусá и корабь полетел в это государьство. Вот не черезь долго уж он к трём девицям красным в это чарьство попал. Подходит он к дворцу и кряду же ставает на верхний этаж. Когда он только вы́стал, то выходит пожилая женщина, берёт ёго зá руку и ведёт в своё помещеньё. Привела ёго в своё помещеньё. Накрыла богатый стол с рáзныма закускамы, и ёго накормила с дороги. И потом начáла спрашивать:

— Чей ты есть, доброй молодець, обьесьнись-ко мне и зачем ты пришол, тогда я буду знать (хотя она его и знает). Вот он начинает говорить:

— Да, тетушка,—потому што ты есть в пожилы́х летáх, я тебя зову тётушкой—я росскажу тебе, што со мной случилось и што заставило сюда итти. Вот когда я с отцём роботал в ку́зници, то я любил ходить охотитьце.

И также он будёт ей россказывать:

— «Когда я пошол охотитьце, я пришол к одному óзёру; туда прилетели три лебеди, и это были три красные девици. Оне розделись и начáли купатьце. И мне очень понравились, а я осмелилсе у их платьё обрать. Оне вышли и увидáли, што платья нет, бросили́сь обратно в воду. Вот одна из них и говорит: „Хто у нас убрал платьё? Если старой старицёк, — будь дедушка, если старая стару́шка — будь тётушка, если молóдая деви́ця — будь сестриця, а уж если молодéць — будь богосужоным“. Вот, конечно, я встал, отдал платьё. Тогда

оне переоделись, пришли ко мне. Когда оне на меня посмотрели, млаччая сказала: „но будь ты богосужоным. Жди, я прилечу черезь два дня“. И так лётала три дня. А меня всё не удалось по нещастью видеть, я всё был спящий, и вот оне улетели и сказали моему брату, што мне их долго не видать, и улетели. Потом я пошол путешествовать и розыскивать этых трёх красных девиць.

Вот она тогда ёму и отвечает:

— Да вот, Иван, крестьянской сын, эты все три красные девици мои дочеря́, а я ихна мать, а ты уж будеш мой нареченной зять. Но их сицяс дома нету. И вот боюсь, Иван, крестьянской сын, што оне бывают прилетают очень голодныи, сердитыи, боюсь тебя оставить не закрытым, штобы тебя не розо́рвали на куски.

И вот она берёт ёго за руку и ведёт в друго помещеньё и закрывает его в ящик.

Быть до те́х пор, пока я тебе не привёду.

Не церезь долго прилетают эты дочеря́, красные девици. Очень оне были голодные и сказали:

— Ну, мама, давай скорей йись.

Вот она их напоила, когда, накормила и села ря́дом, стала спрашивать своих дочерей:

— Вот што, дочеря́ мои любимые. Вы по́ Руси летали и людей вида́ли и весь белой свет облётали. Наверно, вы мне скажете, в чем я буду спрашивать у вас?

Вот она и говорит:

— Вы скажите мне правду: не́ было ли у вас какого за́говора с однем моло́дым человеком Иваном, крестьянским сыном? Не было ли обещанья выйти замуж?

Тогда призналась ме́ньшая дочь.

— Да, мама, был такой случа́й, быва́ло у одного озёрка мы купались, и я дала клятву Ивану, крестьянскому сыну, выйти за ёго замуж. И три раза лётала к ёму, но он был все спящий, и с тех пор больше не видала ёго, а я ёго очень полюбила.

— Да, вот, моя дочь, Мария прекрасная, он у меня здесь.

Доч сказала:
— Но, мама, благослови и покажи, я пойду за нёго замуж.
Мать сецяс пошла, отомкнула ящик:
— Иди же, зять, я тебе покажу дочерей своих, оне прилетели.
Он пришол к ней. Она бросилась к ёму на шею и стала ёго целовать, тогда говорит мать:
— Ну, доць, прекрасная Мария, я тебе не могу наделить своё чарьство, потому што у меня ище две дочери остаютцё, а я тебе дам прежноё дедушкино чарьство — иди к тетушке и там получиш себе чарьство и будеш со своим Иваном править на нём.
Потом они роспростились, конецьно, с матерью и в скором времени были в том государстве, в которо мать их отправила.
Вот оне прибыли в это государьство и прожили оне с Иваном почти цёлой год, у матери все не бывала. Вот она и задумала:
— Дорогой муж, Иван крестьянской сын, я топерь полечу к матери, а тебя оставлю в этом чарьстве. А тебе оставлю двенатьцеть клюцей, ходи во все одинатцеть, но в двенатьцетую не ходи, пока я ежжу. Тебе там делать нецёго.
Вот она ёму подаёт ключи и еще сказала:
— Ну, Ваня, смотри, двенатьцетого не открывай.
Вот когда улетела, он, спустя день, берёт эты ключи и стал ходить по заповедным зáмкам или погрёбáм, как хош. Пришол он в перьвые двери, открыл погрёб и смотрит, лесниця вниз пошла. Когда спустилсе под лесницю, то смотрит кругом везде пóлки, а на пóлках вúна разные дорогие, каких на свете только нет. Когда он это все осмотрел, то закрыл и стал открывать другие погреба. И в пети погрёбах были разные разности и съесные припасы всевозможных сортов. Потом он пришол в десятый погрёб. Когда открыл он погрёб, то видит стоят там кони в этом погрёбý, и сбруя, и прочие принадлежности. Вот он сецяс выбрал хорошую лошадь, вывёл её и поехал кататьце на этой лошадú. Покаталсе, колько ёму было охота, завёл её в погрёб и сам пошол обратно домой. И вдруг она прилетает. Когда прилетела и спрашивает:

— Ну, как, Ваня, посмотрел ли мои интересы, можно ли нам этта жить, как думаеш?

— Да, прекрасная моя Мария, можно здесь жить.

— Ну, дак и живи здесь у меня.

И вот она по́жила опеть с ним месець вре́мени и говорит:

— Я полечу опеть к матери, а ты оставайсе и только не ходи в двенатцетой погрёб, и я, пожалуй, тебе ключей не оставлю.

А топерь ёму ёще говорит:

— Слушай, Иван, крестьянской сын, ходи ты по всёму моему пространству, только не выстава́й на высокую гору, тебе ходить туда не́зацем. А почему я тебе не велю заходить на эту высокую гору? Потому што ты много увидаеш беспокойной жизни и будеш сам волноватьце.

Вот она, конецьцо, и полетела, ище сказала:

— Но, Ваня, оставайсе и помни.

Когда она улетела, он на второй же день пошол по всему ейному пространству и што ёму здумалось:

— Дай полезу на э́ту го́ру, узнаю, што там за редкости.

Когда подходит к этой горы́, и начинает на ней ставать. Так што он, почти, и вы́стал на высокоё место.

Когда он вы́стал на эту гору, то видит весь свет и всех людей. И увида́л своё родноё село: и отця, и мачеху, и брата своёго. Вот и видит, как отець в поле работает, жнёт, а с нёго пот так градом и катитце с лиця. Ему очень жалко стало отця, и он ницего больше не мог делать и пошол с этой горы. И стал грусте́ть и думать, как бы ёму удалось видеть отця своёго.

Вдруг прилетает жона опеть. Когда сели они ись, стала ёго спрашивать:

— Скажи, мой дорогой Иван, крестьянской сын, наверно, ты ходил на эту гору, ты што-то стал с лиця переменной, (уж она знает) и об чем ты грустиш?

Вот он и говорит:

— Прекрасная моя жо́на Мария, да, был я на этой горы́, видел всё кругом и видел своего отця. Очень мне ёго жалко, што он так трудитце на старости лет, и хотелось бы повидатьце с ним.

Она ёму и сказала:

— Я запрещала тебе, што для жизни тебе будет беспокойно, но топерь делать нецёго. Топерь переспи́ ноць, а я тебе утром скажу про это про всё.

Вот оне переспа́ли, конецьно, ноць, на второй день стали, умылись, поели. Вот она и говорит:

— Ступай, Иван, крестьянской сын, со мной, я покажу тебе одинатцетой за́мок, даю тебе лошадь, на этой лошади́ ты поедеш к отцю своему и повидаессе?

И потом она ёго повёла. Вот приводит к одинатцетому за́мку и открывает дверь.

— Вот, смотри, стоит лошадь.

Он посмотрел, а она берёт эту ло́шадь, выводит и говорит ему:

— Ну, пойдем топерь, сецяс поедеш.

Когда вышли оне из за́мка, она и говорит ёму:

— Вот, Иван, садись ты на эту лошадь, не на обузданну и не ежжену, и, как она подымёт голову, ты только покажи ёму, и сразу будёш у своего отця. Когда ты приедеш к отцю своёму, то помни, што́ будеш сам ись, то́ и лошади давай. И спать повалиссе тоже рядом. Штобы эта лошадь у тебя была всёгда в глазах. Ты не доверяй никому, — и потом ище говорит: — А потом как ты повалиссе спать, увидиш, што́ с тобой будет творицьце, крепко, конечно, не спи.

И вот она ёму даёт небольшой мешочек зо́лота и сказала:

— Это отдай отцю.

Вот Иван сецяс же сел на ло́шадь и указал только рукой, как уже оказалсе у отця своёго у до́му. И видит отця своёго и мачеху и брата. Так вот выходит отець. Отець его, конечно, и не узнал. Он говорит:

— Здраствуй, отець.

Поздоровкалсе с мацёхой, а она смотрит и думает:

— Как же Иван, крестьянской сын, на таком на у́браном богатом коне приехал. Но ладно, погоди.

Потом, конешно, он отдал отцю деньги, и отець очень обрадел и нача́л сбирать, как по-нашему сказать, небольшую

пирушку, угостить сына своёго. Вот когда он со́брал эту пирушку, Иван, крестьянской сын, и говорит:

— Вот чем я буду угощатьце, то́ и моей лошади давайте, тем и кормите, што я буду ись.

Так это всё было́ и сделано.

Когда отходит стол этот, она и говорит Ивану:

— Я тебя, Ванюша, повалю сёгодне в особую комнату.

И хочет вести.

А он отвецяет ей:

— Нет, маменька, я не повалюсь ни в каку́ особу комнату, как я и раньше не спа́л там, а я повалюсь туда, где мой конь. (Спомнил жонкину заповедь).

Топерь думает мацеха.

— Ложись, я всё ровно устрою.

Иван сходил, принёс соломки и лёг в конюшню, коню под ноги под передни; сам, конешно, не спит. Значит, лежит, а она удумала што?

Накалила прут жолезной и думат:

— Я пойду ёго заколю, всё ровно живого я ёго не отпущу.

Времё уж полноць, она это всё приготовила и идёт с этым жолезным пруто́м. А конь в это времё отпетилсе к стенки и стоит. Иван тоже не спит, слышит это всё, но не знает, што творитце, а лошадь знает. Когда она открыла дверь, то и ударила коня в бок, штобы он отвёрнул за́дницу, штобы ей пройти и заколоть Ивана. Конь кряду же розвернулсе и как пнёт ей копытом в грудь, она так перелетела к другой стены и па́ла без чуств. И конь сказал:

— Но, топерь надо спать, Иван, ты всё увида́л.

И Иван заснул. И до у́тра Иван про́спал, взял своёго коня, вывёл из конюшни. И мачеха тоже проснулась и говорит:

— Эх, неудацьно дело вышло, ище бы придумала какой другой способ, но уж, наверно, он топерь уедет.

Вот когда вывёл своёго коня, вышол и отець. Иван простилсе с им, сел на коня и только указал рукой и сразу оцютилсе в своём государстве. А мацёха так рукамы и хлопнула.

— Ну, ща́стлив был, што так скоро скрылсе.

Когда Иван приехал в своё чарство, прекрасная Мария стретила ёго и говорит:

— Но, што, Иван, крестьянской сын, побывал у своего отця и всё топерь узнал, не будёш больше домой жалать.

— Да, жона, топерь я все вида́л: про отця своего и про мачеху и совсем успокоилсе, больше я про них думать не буду, — и ище добавляет: — Если бы не конь, то, наверно, мне здесь не бывать.

— Вот што, друг мой, если бы не конь, дак я бы тебя и не отпустила, потому што я всё наперёд знала. Я вот еще раз слетаю к матери, а потом больше от тебя никуда не полечу ни на шаг. У нас всего тут есть: всей приправы хватить жить до глубокой старости. Я, Иван, сёгодне же полечу, а ты оставайсе, ну помни: не ходи в двенатцетой за́мок.

Вот она знацит улетела. Иван осталсе. Вот он так куда сходит, но больше не стал ходить никуда далёко и на высо́ку гору уже нейдет, времё больше проводит окол-дому. И што ёму задумалось:

— А што, дай схожу, посмотрю, однако, ништо будет.

И взял, подходит к дверям двенатцетого за́мка. Подумал немного и скрыл замо́к, отворил двери и видит: стоит богатырь заколдованной в цепях, в котли́, а под котлом огонь (он-то, конешно, не знал, што богатырь заколдованной, а он ёму скажет сам, после запишеш). Вот ёму он заговорил:

— Слушай, Иван, крестьянской сын, коли ты пришол, дак дай мне воды напитьце немножко, я тебе всё обскажу, хто я есть такой.

Иван, конешно, немного подумал, прино́сит воды ёму и подает напитьце. Когда он подал ему́ напитьце, то под котлом погас огонь и роспались все цепи и богатырь выходит с ним вместе из темници и из этого за́мка. Сецяс берёт ёго за ши́ворот, подымает одной рукой* и говорит:

— Ох, ты какой юноша, лёхкой для меня, как ты сумел сюда попасть к этой прекрасной деви́ци?

Опустил ёго и сказал:

* Сказочник показывает как богатырь берет Ивана.

— Ну, топерь я обскажу об себе, хто я есть такой. Ну, Иван, крестьянской сын, я тебя уж не буду обижать, ты живи здесь, а я есть богатырь заколдованной ей и ейной матерью, и ихным родом, и сидел здесь тридцеть лет, и я им всем отомщу за это. А тебе больше прекрасной деви́ци не вида́ть, я ю тоже закую в цепи и посажу в за́мок, как я у ей сидел.

Тогда приходит к одинатцетой двери, открывает ей, берёт этого коня и садитце на него. Ище ёму подтвердил:

— Ты ко мне не приежжай: ежли приедеш, я тебя раза два прощу, а уж на третий убью, так и знай.

Вот только сел на коня и указал рукой, как сам скрылсе и улетел в свое государьство. А дорогой схватил эту прекрасную деви́цю, она не успела и вернутьце в своё государьство.

Иван, крестьянской сын, стал жить один, и ёму стало скучно — штобы ёму делать. Вот он немного подумал и говорит:

— Дай я пойду ище путешествовать, искать свою прекрасную деви́цю.

Вот со́брал сьестных припасов и отправилсе путешествовать. Идёт путём-дорогою. Идёт и спомнил про этых друзьёв своих: про ветер, про месець и сонцо, и вдруг к нёму ветер приблизилсе и говорит:

— Здраствуй, Иван крестьянской сын, куда ты идёш опеть путешествовать, был ты щасли́вой, а топерь куды путь держиш?

Топерь уж надь не на корыти пробиратьце.

Он обсказал всё своё положение: што с им случилось. В это време собрали́сь все три брата: месець, сонцё, ветер и стали совет дёржать, што как ёму туды пробратьце, где этот богатырь живёт.

— Дак вот, Иван, крестьянской сын, тебе до нёго не дойти, может быть сто лет. Он живёт за дальнима морями и за дальнима окиянами. А топерь ты иди к окиян-морю. Да, вот топерь, когда придёш к окиян-морю придёт тебе роща и ты в этой рощи остойсе.

Это говорит ему сонцо — помошники хороши, а то бы без их пропал давно.

— И ты увидаеш там кобыли́цю, которая должна жере́битьце на этых днях. Когда увидаш ей, и будет она жере́

битьце, то поимай этого жеребятка и проси у ней. Да, этот жеребеток такую силу имеет, што сядь на него, когда, ежли она тебе даст, подыми руку, и сразу будеш там: приедёш в это чарьство. Когда ты приедёш в это чарьство, он тебе больше не понадобитце, ты отпусти ёго. И когда поедёш не огруби ёго словом и не ударь кнутом.

Вот тогда с тема́ словами пошол наш Иван к окиян-морю. Ветер указывал ёму путь, хотя он ёго и не видел, а сонцо и месяць освещали ёму путь: днём сонцо, а ночью месець. Вот он идёт и идёт, и идёт и подходит к окиян-морю, увидал окиян-море и зашол в эту рощу, как сказало сонцо, и тут остановилсе. И остановилсе он в рощи и вдруг черезь сутки вокурат на то же самое место, где он остановилсе, прибегает кобылйця и начинает у него перед глазами рожать этого жеребетка. Когда она выронила ёго только, он ёго взял в руки и говорит:

— Но, прекрасная моя кобылка, дай мне ёго использовать, штобы он сослужил мне службу.

— Ну, крестьянской сын, коли ты угадал в это времё ёго захватил, я тебе ёго дам и росскажу, што в нём есть, только пробудь трои сутки.

Вот Иван провёл трои сутки, она ёму и говорит:

— На́ тебе моёго жеребятка, моего сынка, он знает куды тебе ехать надо. И вот садись на него не на оседланного и не на объежженного и подыми токо руку, куда ехать надо, и будеш там. И вот как приедеш, и если он тебе не будет нужон, ты ёго отпустиш. Ты будеш у тех каменных стен, где сидит прекрасная девйця.

Вот он, конешно, попрощался с этой кобылкой и садитце на жеребятка, на не се́дланного, на не ежженного и только поднял руку, это жеребятко поднялось и большие окияны перескакивал, а маленьки моря промеж ног пускал, очутилсе у тех самых стен, где жил этот заколдованной богатырь.

Вот когда он сошол с этого жеребятка и сказал:

— Ну, спасибо, ко́ницёк дорогой.

И сам пошол к этим каменным стенам. Вот тут-то с им и слуцитце нещасьё: он позабыл попросить ёго подождать

или может быть ёму эты братья не сказали, но уж видно тому надо было быть так. Вот приходит он к каменной стены и начинает он ей розбирать. Розобрал он эту стенку и зашол в тот замок, где Мария прекрасная стояла в котле закованная в цепях. Ну тогда, когда она увидала ёго, сказала:

— Но, Иван, крестьянской сын, принеси мне скорей воды напитьце, тогда пойдём мы на волю.

Вот он отыскал скоро воду и дал ей чашку напитьце. Цепи сразу роспались, огонь под котлом погас, и вышли оне из каменной стены и пошли. Только пошли оне дорогой, как конь у этого заколдованного богатыря стоял закованной в цепи, так забился и заржал, што заколдованной богатырь вышел. Когда вышел, то говорит ёму конь:

— Садись скорей на меня, ведь ушла твоя красная девиця вместе с крестьянским сыном, он её освободил.

Топерь он спрашивает коня:

— А скоро мы ёго догоним?

— Догоним? А только сядь на меня, и она будет наша.

Вот богатырь скоцил на коня и сразу же схватил прекрасную девицю.

Но, Иван, крестьянской сын, я в перьвой вины тебя прощаю, ты иди на все четыре стороны.

А красную девицю увёз и опеть же заковал в этот замок. Вот он немного подумал:

— Нет, я ище раз пойду, вывёду ище раз, а уж потом видно будёт.

Приходит он к этому к заколдованному замку и начинает розбирать стену, а уж сам захватил воды заране. Так. Когда он розобрал эту стену, входит в этот замок и видит свою прекрасную девицю, закованную в чепи, в котле и кряду же подает ей воды. Вот она попила воды и оне вышли из этого замка — в этот раз он ёго убьёт. — Когда оне пошли только, этот опеть волшебной конь затоптал ногамы и вызывает своего заколдованного богатыря. Когда он тут выскоцил, и крычит:

— Ты опеть начинаеш меня тревожить?

И ударил ёго по щоки, коня. Отвечает ёму конь:

— Ты не бей меня, а садись, ведь твою прекрасную девицю опеть увёз крестьянской сын, догоним, пока не поздно.

И вот он сел:

— Ну, скоро догоним?

— Сецяс же догоним.

И вот кряду их схватили. Иван только хотел спомнить своих трёх брата́н, но не поспел, а то бы улётучилсе. А оне только успели дойти до одного колодца и вот как богатырь поймал их, он схватил Ивана крестьянского сына, и бро́сил в этот колодець, а сам вернулсе в этот за́мок, опеть заковал Марию прекрасную и около замка поставил стражу — одного богатыря.

Вот проходит год. Там эти три брата, сонцо, месяць и ветер стали крушиницьце:

— Почему же Иван, крестьянский сын, нас не споминат и если он живой-ли нет-ли, — говорят оны друг с дружкой, и стали уговариватьце все троё, — как бы розыскать этого — жив ли он мёртв-ли, но обязательнё найти. Вот и говорит сонцо ветру:

— Ты лётай по океанам и смотри, не увидиш ли ёго где, а я хожу кругом всего свету и везде вижу, буду искать, а ты, месець, посматривай больше по ночам, ты тогда хорошо видиш.

И так все розошлись. Ну, ладно, оне искали,-поискали, только ихны труды напрасно пропали, нигде ёго найти не могли: ни на суше, ни на море и сильнё оне задумались. Вот тогда говорит ветер:

— Погоди, бра́тья, я сецяс подыму все моря, окияны, все сыпучу́ пески, не подымет ли его, а ты, сонцо, смотри, и месець смотри ночью. Тогда если он тут не обнаружитце, подыму все озёра, реки и колодци, все ровно где-нибудь окажетце.

Вот кряду же ветер занялсе мутить окианы-моря́, а сонцо в это време озира́ло, а месець ночамы смотрел. Эго им не удалось: нигде найти не могли, опеть собрали́сь вместе. Потом опеть ветер говорит:

— Топерь займусь, осушу все реки-озера и колодци.

Вот ветер поднялсе́, а сонцо смотрит и приходит к одному

колодцю. Когда приходит сонцо и увидало кусоцек небольшой тела и дал знать братья́м, так как узнал в этим не больше не меньше, как Ивана крестьянского сына. Вот и собрали́сь все бра́тья вместе. Тогда говорит ветер сонцю:

— Ты топеричу лети за мёртвой водой, а я полечу за живой, а ты, месець, бери это тело с воды и подыми ёго на землю.

Вот месець осталсе, а сонцо, ветер побегают, и не прошло там несколько часов, как оне вернулись обратно. Сецяс же ветер спрыснул мёртвой водой по окресности, где лежал Иван крестьянской сын, и смотрит, сецяс же образовалось тело, но не в живом виде, только было це́лое. Тогда сонцо спрыснуло с другого пузырька живой водой, и Иван, крестьянской сын, встал:

— Ну, спасибо вам, добрым мо́лодцам, што я топерь стал живо́й, здоро́вой.

Так. Топерь и говорит ёму ветер:

— Слушай, Иван, крестьянской сын, иди опять-же к окияну к тому, где эта кобыли́ця и попроси, штобы она опеть тебе дала жере́бятка. Если ты ёго не ударил и словами не обидел, то она тебе его даст. И он тебе сослужит эту службу, достанёш ты опеть же себе прекрасную деви́цю.

Тогда сонцо подаёт ёму живой воды ма́ленькой пузырёк.

— Выпей, это тебе понадобитце, когда ты приедеш к этому к заколдованному за́мку снять богатыря, которой стоит на страже.

А топерь говорит ветер:

— Садись на меня, я тебя привезу к этому окияну.

И сел на нёго и полетел. Вот за несколько может минут он прилетает в эту же рощу, где эта кобыла ходила: и в ту же минуту он увидал эту кобылу. Он подошол к ней и поклонилсе:

— Вот, прекрасная кобылка, дай мне жере́бятка сьездить спасти прекрасную деви́цю, я в тот раз доехал, но со мной произошло нещастье, и только меня спасли бра́тья: — сонцо, ветер и месець. Пусть скажет этот жере́бяток, я ёго ни в чем не обидел: ни словом, ни кну́том; я как приехал ёго кряду отпустил.

— Ну коли так, Иван, крестьянской сын, я тебе ёго даю. Но только тебе скажу, почему ты ёго опустил и не велел подождать, ты бы сразу уехал от этого заколдованного богатыря.

Тогда вдруг приходит этот жерéбяток, она ёму сказала:

— Садись на ёго не на сéдланного, на неўзданного и укажи рукой и сразу будёш там, где жалаеш: у того заколдованного богатыря.

. Тогда Иван сел. Конёк пóднял голову, а Иван показал рукой, и оказалсе у тех стен заколдованного богатыря. Когда соскоцил с нёго и сказал:

— Ну, подожди, конёк мой, я скоро справлюсь.

Подошол к этому богатырю, поднял ёго одной рукой и ударил о кáменную стену, так что осталось от него одно мокрó. Начал розбирать стену, и подходит к зáмку, где закована ёго красная девѝця. А у ней уже были последнии дни до смерти, так она утомилась, што не узнала Ивана крестьянского сына. Она уже сидела тут два года. Он поспешил ей подать воды скорéи. Когда она выпила и ослободила себя, они пошли к этому жеребцю. Вот приходят к этому жеребцю, а у ней и нет столько силы, штобы сесть на жеребця. Он поднял ей, сел сам, пóднял руку и оне скрылись под облака. Тогда, где стоял этого заколдованного богатыря конь, он так зарычал и сильнё забил копытамы в стену, што сделалось страшно, и дело было ночью. Вот богатырь скоцил со сна, прибежал и так ударил сильно по щёки, што конь поворотил голову.

— Как ты смееш будить меня, заколдованного богатыря, в ночную пору и што ты бéсиссе?

Он сказал:

— Но, заколдованной богатырь, садись на меня не медля ни минуты одной, и знай, што увёз прекрасную девѝцю Иван, крестьянской сын. Если ты опоздаешь хоть одну минуту, мы их никогда не догоним.

И кряду же повесил голову.

— Если не вериш, то руби сецяс же мою голову.

Может богатырь и решилсе бы отрубить у нёго голову, но он прибежал совсем гóлой. Когда он прибежал, конь протянул голову и говорит:

— Топерь уж нам не застать.

Но он сел на нёго и указал рукой:

— Может быть еще и застанем.

Конь по́днял голову кверьху, и полетели. Когда он прилетает в это чарьство, а уж там Ивана кресьянского сына не было. Тогда упал у него конь на коленки, протянул голову:

— Ну, делай со мной што хотиш.

А Иван крестьянской сын был в незнаемом чарстви, так што богатырю было не узнать.

Тогда он соскочил со своего коня, отсек ёму голову и полез на эту крутую гору, хотел узнать, где оне находятце. Вот топерь говорит жере́бяток Ивану, крестьянскому сыну:

— Будё хош отомстить ёму садись на меня и мы ёго догоним на крутой горы́, пока он не успел оттуда уйти.

Вот. И только сел, и только рукой указал, как очутилсе у крутой горы́, и видит сидящего богатыря на крутой горы́. Сецяс, как только сровнялись, конь ударил так сильнё заколдованного богатыря копытом, што от нёго осталось только одно пятно́. Сам говорит:

— Вот, Иван, крестьянской сын, это пятно́ ты всегда будеш здесь видеть, а больше от него ницёго нету.

Тогда конь поднял голову, а он руку, и кряду оказались в незнаемом государстве.

Вот когда он приехал, и берёт свою Марию-прекрасную деви́цю и заежжает в то же чарьство, где оне были, и сказал:

— Ну, дорогой мой жере́бяток, сослужил ты мне большую службу, а топерь иди на все четыре сто́роны. И скажи матери своей, што очень тебя Иван, крестьянской сын, благодарит за все твои благодеяния.

И жере́бятко кряду скрылсе.

А Иван, крестьянский сын, стал жить со своей Марией-прекрасной деви́цей без горя и печали до глубокой старости.

Конець.

25. ИВАН НЕЩАСНОЙ

Был-жил кресьянин бе́дной, у нёго из семьи был только один сын, имел то́ко одну лошадку для выезда за дровами в лес. Да. Вот когда сын подрос, лет двенатцети, уж научилсе в грамоту, тогда попросилсе с отцём ехать в лес.

— Давай, папа, я тебе помогу.

Вот оне собрали́сь, в лес и приехали. Нача́ли рубить дро́ва, отець и сын. Дро́вець нарубили, конешно, возов семь зготовили и куда-то у нёго сын де́лсе. Вот он:—тут ёго взять, и́нде поиска́л, найти до вечера нигде не мог. Потом решилсе поехать домой без сы́на.

Может, думает, ушол домой.

Когда приехал он домой, то спросил у жоны, жона говорит:

— Он не быва́л.

Тогда нача́ли ёго розыскивать всем селом и найти ёго не могли.

Ну, пошол наш Ваню́ша, повёла ёго одна дорожка, и шол всё в лес. Вдруг попадает ёму старичок встрету.

— Здраствуй, Ваню́ша.

Он говорит:

— Так вот, дедушко, скоро ли я попаду в жи́ло?

Он отвечает:

— В жи́ле тебе не бывать. Вот эта тропинка тебя поведёт в подземе́льё и ты туда зайдёш. И потом зайдёш в подземельё, там небольшая комната для тебя есть, и столик стоит, то лежит евангелиё. Да, вот ты и займи́сь, загорятце ночники, вот ты и начни ёго читать. Как бы тебя кто ни сбивал, ну, ты не решайсе ни на што гледеть, не думай. Да и тебя будет смущать нецистая сила и ты будеш цитать три ноци. Да, и вот когда ты перьвую ноць процитаеш, на у́тре услыхаеш, што тебе будёт.

Вот наш Иван сел перьвую ноць цитать; сте́мнилось, загорелись ноцники, он нацинает цитать. Почитал до полуночи, тогда пришли, из деревни бу́дто из ёго, десяцький, соцький, говорят:

— Иш ты какой, мы тебя ищем всем селом.

Это нециста сила ёго гонит.

Он подумал:

— Нет, я не буду боятьце, мне дедушко не велел, дальше стал читать.

Немного почитал, опеть же приходят деревенски ребети́шки.

— Ваню́ша, пойдём на улици шалить.

Он поглядел на этых робят, подумал:

— Нет, это мне дедушко не велел.

Тогда уж не́много погодя стало россвета́ть. Вот погаснул ночничок, и роздалсе в другой комнате голос человечий. Он стал с табуретки, стал с каменной стены, смотрит, на другой две́ри стоит женщина по-груди́ в каме́нной стены́. Да, и заговорила ёму:

— Ну, Ванюша, открой шкап, поеш, да поспи, и начинай читать, будёт спасёно наше щастьё.

Он поел и говорит:

— Нет, я спать не буду, буду читать дальше, што будёт.

Так. Вот потом он, значит, продолжает начинать опеть читать. Почитал день, опеть загорелись ночники, и стал читать при огни́. Вдруг приходит урядник, пристав.

— Иш ты, мальчишка, иди себе добром, а то мы тебя потащым поневоле!

Поглядел он на них и вспомнил опеть-же де́душка, наця́л продолжать дальше. Ушли. И вот опеть нацинает цитать и вдруг прихо́дят деревенски девушки.

— Ванюша, пойдем тонцевать, довольнё тебе, занялсе тут этими делами пло́хими.

Опеть все замолкло. Стало россветать, ушли эты девушки. Опе́ть роздалсе в комнаты человечий розговор:

— Ваню́ша, ставай, пообедай, да отдохни́.

Да. Вот он стал, дверь открыл, смотрит, эта девушка (оказалась вначале женщина, топерь девушка) стоит это по пояс из стены́ вы́стала.

— Прочитай еще, Ванюша, третью ночь, отдохнёш когда; потом будеш ты щя́стлив. В эту ноч ты кончиш все евангелие и, хотя тебе эту ноч уж будёт больнё страшно, ну, как-нибудь терпи, не сдавайсе ни на што.

Вот он ча́сика три отдо́хну́л, опеть сел, стал свою роботу продолжать. Потух свет, загорелись ночнички́ и вдруг приходит уже тогда не урядник и пристав, а сам полко́вник со своим начальством и говорит:

— Собирайсе, сецяс, и берите ёго робята, за ши́ворот, и пота́щым.

Ну, он поглядел на них, спомнил про дедушка, опеть начинает продолжать дальше. Вот немножко почитал, еще страшней ёму стало. Когда выбралсе весь пол, осталсе он на одной полови́чине с одной табуреткой и евангельём, тогда́ ёму очень страшно стало. Когда он зглянет книзу, там разныи гады́, тогда на него нашол страх.

— Што вот, мол, паду́, и смерть мне.

И сам опеть опомнилсе.

— Да што же, мне дедушко ничего не велел боятьце.

Немного погодя, этот пол был совершенно по-старому, и пошол страшный стон на улицю, свистото́к погоня́лок и тпру́канья и ужасной стон. Вот поехала тогда уже нециста сила из города проць. Когда россвело, то уж в которой комнаты читал, тут образовалсе дворець государственной. Да. Открылась дверь и приходит эта девушка из ка́менной стены.

— Ну, Иван, ты топерь щастлив, ты топерь в этом городе будеш начальством стоять. Только я сицяс поеду домой, повида́ю родных; семь лет, как я дома не бы́ла, закля́та в ка́менной стены́. А церезь год приеду за тобой. Ты дожидай меня. А тебя признают, так как ты есть спаситель города всего, тебя кажной день будут в гости звать на угощенье, ты проводи времё и дожидай меня.

Вот нача́ли ёго кажной день в гости звать, и нача́л наш Иван ходить в кажной день. Вот ёго, значит, кормили и поили, хвалили ёго за то, што он спас город всёго мирного населения.

И вот ёму пришлось в самой последний день, когда уже корабли до́лжны притти, ёму пришлось итти к одной вдовке, тоже позва́ла ёго гостить. Вот она ёго поила и кормила, потом и говорит:

— Слушай, Ванюша, возьми мою дочку Таню взамуж, всё ровно тебя царевна омманет, не придё́т.

Ну он не соглашалсе.

— Нет, не возьму, не омманет меня царевна. Обещалась, што при́дёт.

Да. То слышит в селе, што зарозговаривали: «вот корабли к пристани идут», то он стал собиратьце к пристани. Вот когда он вышел и́з дому и пошол на пристань, тогда этой вдовки было очень обидно, што он отказалсе. И у ней был сын, Мишей звали, она и говорит:

— Ну, Миша, бежи́ скорей на пристань, не допусти, штоб ёму с царевной сойтися, сунь ёму сонну́ю булавочку куда-нибудь в одёжу.

Вот он идёт на пристань, увидал ей личность и сам обрадел.

— Ну, думает, скоро сойдусь.

То этот Миша, как он ни рвалсе, все-таки прорвалсе в толпе, не допустил ей саже́нях в петидесети, сунул ёму булавочку, ну, он упал, заснул. Подходит она к ёму, нацинает ёго трести.

— Ставай, Ванюша, времё ставать, я за тобой на трёх короблях пришла. Што ты заснул? Мало того, што на трех,

подожди, тогда уж так, коли ты не стаёш, тогда дожидай, на будущый год я приду на шести за тобой.

Поворачивает корабли, отходит от берёга, тогда Мишка вытянул булавочку. Он стал, смотрит, корабли уже отошли.

— Ну, вот, эх, какоё дело, не удалось с чаревной поговорить! Што она сказала мне-ка, наверно, чего-нибудь говорила?

Из публики ёму и говорят:

— Да, Ванюша, действительно она говорила, што ты заснул, знать ты обиделсе, што она пришла на трёх кораблях, на будущый год придёт на шести.

— Ну, ладно, буду ждать, всё ровно не отступлюсь.

Нацинает он проводить год. Вот также проводил год, как и перьвый раз: ходил всё по гостям, всё ёго угощали. Да. Вот когда он провёл почти што год, наконець пришол к этой вдовушки самой.

— Ну, Ванюша, посмотри, ведь топерь же тебя чаревна омманула. Возьми мою Таню замуж, всё ровно она тебя омманет.

— Да ну тебя, уж всё ровно меня чаревна не омманет, и ни возьму, мне твоей Тани не надо!

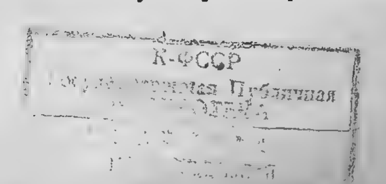
И вот послышыл опеть, што идут, идут корабли. Он собираетце на пристань. Да, когда он пошол, эта вдовка опеть и говорит:

— Ну, все-таки, Миша, не допускай ёго до чаревны. Сунь ёму булавочку, как мож скорее.

Вот он идёт на пристань, радуетце и видит ей уже в дватцати шагах, а этот Миша пробираетце, как бы возможно было ёму сунуть сонную булавочку. И не допустил ближе десети шагов, когда опеть сунул ёму сонную булавочку, он опеть же упал перед ейными ногами. Она подошла к нёму.

— Ну, што ты, Ваня, опеть, или кто тебя добрыи люди путают? Ну, еще останьсе на третий год, я приду на девети кораблях, ожидай.

Вот она зашла на корабь, повернула корабли. А Миша вытянул у нёго булавочку, он стал. Ну, корабли уже отошли.

Вот какое нещастье, опеть не удалось с цяревной поговорить. Што она сказала?

Публика отвечает:

— Сказала: „ну, уж не удалось опеть поговорить, приеду на третий год на девети кораблях“.

Вот он пошол с пристани, опеть же взялсе по-старому ходить че́лый год по гостям, ожидать. Вот он опеть проводит че́лый год и по окончанию года опеть ёму пришлось к этой вдо́вке пойти. Вот она ёго угощает и говорит:

— Ну, Ванюша, опеть тебя чаревна омманет. Придетце тебе мою Таню́шу взять замуж.

Он сказал:

— Нет, не возьму, не омманет.

Вот слышит, што публика говорит:

— Корабли, корабли идут!

— Вот ты сказала, што омманет. А вот корабли идут. Пойду на пристань.

Вот он идёт и радуетце.

— Неужели я в этот раз не встрецюсь с чаревной, или кто меня путает.

А эта вдо́вушка своё дело продолжает, отправляет своего мальчишку Мишу.

— Ну, только не дай ёму сойтись рука с рукой. Если он сойдетце рука с рукой, не повлияет моя сонна́я булавочка.

Вот этот Миша пробираетце очень быстро. И он приходит с ней уже в пети шагах, и оба улыбаютце. Тогда уж этот Миша еще быстрее, и он сунул ёму булавочку, не дал ёму сойтись рука с рукой, он упал к ней прямо в ноги. Тогда она сказала, заплакала и говорит:

— Ну, Ваню́ша, верно, разлучили лихие люди меня с тобой, сонно́й, как мертвой.

Вытаскивает она кошелёк-самотряс и сунула ёму в корман, потом сходила на корабь, принесла ёму еицько, штобы больше о нем никогда ни думать и не споминать и поло́жила ёму в корман, и сказала:

— Ну, быть ты Иван Нещастной!

Сама повернула, и пошла на корабь. Тогда он проснулсе, видит, корабли пошли. Сел и заплакал, и сказал:

— Ну, што-то мне топерь чаревна сказала, то уж, верно, мне больше ей не видать.

Публика очень жалела Ивана, и он спросил:

— Што она мне сказала?

— Она сказала, што быть ты Иван Нещастной, и што-то полóжила в корман.

Вот он стал, посмотрел корман: у него кошелек-самотряс и еицько, и подумал:

— Ну, наверно чаревна меня больше не спомя́нет, и пошол в город.

Да, и ушла она домой, и закрыла огненноё море, штобы ёму туда не попасть, и про него никто не споминал. Вот он когда зашол в город, пóжил месеца два и всё думат:

— Ну, што бы ни было, а все ровно я пойду ей искать.

Да. Вот приказал напекчи́ суха́риков, и штобы ёму отправитьце по белому свету, куда он жалает итти. И пошол из города проч. Как раз шол мимо этой вдовки, вдовка кричала ёго в дом, но он сказал:

— Ну тебя, чертовка, розлучи́ла ты меня с чаревной, и сам пошол дальше.

Вот идёт наш Иван топерь; идёт день-два, и может месец идёт и сам не знает, куда он сицяс глухой тайгóй идёт. И вдруг попадает ёму старичок навстрету и говорит:

— Здраствуй, Иван Нещастной.

Он отвечает:

— Здраствуй, дедушко. Как же ты меня, дедушко, знаеш, што я Иван Нещастной?

Он и говорит:

— Я всéх людей на свéте знаю.

— Ну, так скоро ли я, дедушко, попаду в жи́ло?

— А я, говорит, иду петьдесят лет, в жи́ле не бывал, и тебе век не быва́ть.

— Так штó, дедушко, ты несеш за собой?

— Ружьё.

— А што твоё из себя составляет ружье?

— У мня ружьё хорошоё: моё ружьё, если бы ты увида́л, хоть за тышечю метров в глаза, то заводи́ и стреляй, не надь боле к нёму ничего.

Тогда старичок спросил у нёго:

— А ты што несёш, Иван Несщастной?

— Я несу кощелёк-самотря́с.

Тогда и говорит старик:

— Давай менятьце.

Иван подумал:

— Правда, хлеба у меня не хватит, а я с ружья буду кормитьце. Давай.

Вот оне взяли, сминялись, и один пошол в одну сторону, другой в другую. Продукты ёго стали уничтожатьце. Тогда он стал питатьце птицей. Стре́лит, свари́т, поджари́т и так всё идёт вперёд. Так. Немножко погодя, встречаетце ёму другой старик встрету и говорит:

— Здраствуй, Иван Нещастной.

— Здраствуй, а как же ты меня знаеш? Што за беда, што второй старик называет меня Нещастным.

Перьвой старик был мой брат.

— Ну, дак скоро ли я попаду, дедушко, в жи́ло?

— А я иду уже сто лет и в жи́ле не быва́л, и тебе скоро не бывать.

— Ну, дак што дедушко, несёш за собой?

— А я несу сумку-самосолку. А ты што?

— А я несу ружьё, где бы што ни увида́л, наводи и будёт твоё.

Тогда Иван говорит:

— Дак што, дедушко, давай менять?

Старик почёса́л в заты́лке.

— Ну, да уж давай, для тебя сменяю.

Да. Вот они, знаеш, и сменялись.

— Ну, слушай, Иван, эта сумка будет тебя кормить и пои́ть. Хоть сколько бы у тебя не было́ войска, хоть несколько а́рмий, все ровно она тебя будет поить-кормить и с ней никогда не убудет.

И потом роспрощались и пошли в разные стороны. Подошел месец-два, попадает ёму третий старик настрету и говорит:
— Здраствуй, Иван Нещастной.
— Што мне за беда: — третий старик, и всё мне говорит — Иван Нещастной.
— Эти все были мои бра́тья.
Да. Тогда он стал ёго спрашивать:
— Ну, што, дедушко, несёш за собой?
— А у меня, говорит, есть тре́ска. А ты што несёш за собой?
— А у меня сумка-самосолка.
Он тогда спросил ёго.
— А што твоя тре́ска, што ты в ней имееш?
— В этой тре́ски есть во́йско, и што тебе надо, всё это во́йско сделает. А што в твоей сумки?
— А у меня хлеба сколько хочеш; сколько, надо, всёгда сы́т будеш. Давай менять.
Долго старик не соглашалсе менять, но говорит:
— Да уж ладно, братья́ тебя наделили вещью, так сменяем: на́ тебе, а у тебя возьму́ твою.
Тогда спросил Иван Нещастной старика:
— А как этой па́лкой делать?
— А вот сту́кни один раз и другой. А уж третий раз стукнеш, то выйдет из тре́ски атаман, прикажи ёму, то он тебе всё сделает.
Вот они роспрощались, пошли в разные сто́роны. Иван несёт клю́шку, ёму стало хотетьце ись. Тогда он подумал и сделал: взял он ударил концём в землю раз — пошло во́йско — несколько ты́шеч. Ударил другой, еще бо́ле прибавилось. Когда он ударил третий раз и сказал:
— Но, вылезай и сам атаман оттуда.
Когда он это, знаеш, всё это войско вышло и вышол атаман, был он об одной руки и ноги, и спросил ёго:
— Што тебе надо, Иван Нещастной?
Да. Он ёму и сказал:
— Так сколько нужно, атаман, войска, штобы догнать этых стариков, отнять у них сумку-самосо́лку, кошелёк-самотря́с и ружьё?

Тогда сказал ёму кривóй:

— Нужно полторы четверти из клюшки. А остальные куда думаеш деть?

Я знаю, што ты думаеш, отвечает ему кривой. Ты думаеш тó, штобы эту тайгý росчистить, сделать хорошой площадкой. Когда вернёш все вещы, штобы нас угостить всех из этой сумки-самосóлки.

Вот отправили часть войска за стариками, а отальние стали розделывать площадку для угощения. Да. Покамест это войско бéгало за стариками, — конешно, стариков оне не вернули, а отнели у них все вещши — а остальные всё сроботали и всё былó приготовлено. Когда он получил сумку-самосóлку, то ростегáет и говорит:

— Ну, робята, собирайтесь, сецяс станем кушать.

Когда они пóпили-поéли, угостил он их и сказал:

— Ну, вы все забирайтесь в трёску, а ты кривой, оставайсе один.

Так. Когда оне все забралúсь, он сказал:

— Ну, кáк, кривой, кáк ты думаеш, куда мы идём?

— Я знаю, што ты думаеш. Сецяс мы идём в такой наволóк, што уж дальше будёт морё, итти нам будет нéкуда.

Тогда он ёму сказал:

— Ну, ты тоже заходú в клюшку, а там уж будёт вúдно.

Вот он захóдит в этот наволóк, уже совершенно лесу не было, осталось одно только море, морской берег. Потом клюшкой ó землю стукнул:

— Ну-ко, кривой, вылезай! Сколько тебе войска надо, штобы сделать корабь?

Так. Он и говорит:

— Да надо бы хоть с четверть, штобы скорее было роботáть.

— Ну, вылезай хоть две, надо, как можно скорее, роботáть.

Тогда войско вылезло и быстро начáли робóтать корабь: кто рубит, кто крáсит, кто снастúт, а кто и парусúт. Кругом робóта пошла. Через шесть часов уже был готов корабь к отплытию, так быстро сроботали. Роботники хорошие были. Тогда Иван спросил кривого:

— А сколько нам нужно каманды или матросов для отплытия, и куды мы пойдём.

Кривой отвечает ёму:

— Слушай, Иван Нещастной, нам никого не надо, я буду править, а ты можеш спать. Я знаю, куда ты идёш.

И вот Иван сказал:

— Ну, забирайтесь вы в трёску, а мы с тобой, кривой, поедем.

Вот в скором времени приходят они к острову, а уж дальше итти не́куда; огненное море впереди.

Тогда он спросил кривого:

— А топерь дальше што мы будем делать?

— Дальше мы останемся на этом острову́, а один подрядчик робо́тает сте́ну для приста́чи судов. И взял он этот подряд за двести петьдесят тышеч на́ петь лет, с таким условием: если он не доробо́тает, то евонная голова с плеч долой, — этого подрядчика. Робота уже продолжаетце последний месецъ в пети́ лета́х. Вот ты топе́рича иди с этым подрядчиком поговори, как бы он нас перевёз за о́гненноё море. А ты ёму скажи, „я тебе эту пристань, то-есть сте́ну помогу доробо́тать“.

Он приходит к этому подрядчику и спросил ёго:

— Сколько ты эту роботу робо́таеш?

Он ответил:

— Вот я за двести петьдесят тышеч роботаю пять лет и вот последний уже месец, но вся моя робота пропадает. Сколько я ни роботаю днём, за ноч вся моя робота пропадает, оседает. Топерь приходят последние дни. Если я не окончу, то мою голову сказня́т.

Вот он ёму и говорит:

— Если ты меня перетащыш через о́гненное море какимнибудь спо́собом, то я эту при́стань помогу тебе доробо́тать.

Вот этот подрядчик очень обрадел и говорит:

— Если ты мне поможеш, то сёгодне полетит туда зме́й, носит он нам продукты. И полетит обратно с поро́жней сумкой, я тебя забаку́ю в эту сумку и он перенесёт тебя через огненное море.

Вот тогда он и спросил своего кривого атамана, хозяина:

— Скоко тебе надо войска, штобы эту пристань доро́ботать?

— Хм, нисколько не надо. Пристань вся доробо́тана, только её надо поднять, то-есть каменную сте́ну. Да, знаеш што, Иван Нещастной. Сте́нка очень тяжолая, надо будет полтре́ски войска.

Тогда Иван Нещастной сказал подрядчику, што будет у тебя стенка к у́тру сробо́тана. Подрядчик успокоилсе. На у́тро посмотрели, стенка была́ поднята, уже доработана окончательно. Вот, тогда, когда подрядчик увида́л, пришол к нёму:

— Ну, спасибо, друг, сёгодне же я тебя забакую в сумку.

— Ну, ладно.

Тогда Иван ему еще даёт:

— Вот на́ тебе ружьё на паметь за то, што ты меня перевезёш за огненное море, это дая подарка.

Так. Вот и сразу же взялсе за роботу, за паковку Ивана Нещастного со всем ёго матерья́лом. Немного у нёго, конешно, бы́ло: сумка-самосолка только, кошелек да тре́ска. Когда прилетел змей, оставил продукты, причепи́л сумку и полетел за о́гненное море. Вот немного он подлетел, но ёму показалась слишком тяжо́лой эта сумка, вернулсе обратно, на́брал воды запа́сной. И снова опеть полетел. Долго он летел, ёму очень казалось тежело. Наконець, все-таки не мог принести в город, бросил на берегу моря, перенёс черезь огненное море.

— Ну, ладно, подумал Иван, хотя оброни́л меня, да не в море, топерь я вылезу и пойду в город.

Вылез из этой кожаной сумки, взял сумку-самосо́лку на плеча́, взял тре́ску в руки, пошол шагать в город. Приходит он на край города, попросилсе к одной баушке на квартеру. Долго баушка не пускала ёго, наконець, пустила. Баушка говорит:

— Ты приискивай себе квартеру, а я в виду маленькой квартеры долго тебя держать не могу, поживёш сутки трои. В виду этого, што я булошниця, утром пеку булки, надо уходить и тебя не смею здесь одного оставить.

— Баушка, напрасно ты боиссе. Я ведь тоже торго́вой человек. Умею торговать, и буду помогать тебе в торговли, только ты меня не бойсе.

Вот баушка спёкла́ утром булочки и пошла торговать. И говорит:

— Ну, Ваню́шка, оставлю я тебя дома, но смотри, если што случитце, ты уходи, а то я заевлю в город.

Когда она приходит обратно, продала булки, то он спросил у ней:

— Так ли ты всёгда торгуеш плохо, как этот раз?

— Да, так, дитё, всёгда плохо покупают булки.

— Вот што я тебе, баушка, советую: спусти-ко ты меня завтро торговать, я тебе в три раза́ больше наторгу́ю, как ты торгуёш,—поверь меня.

Баушка скоря́й спёкла булки, на у́тро отправила ёго торговать. Берёт Иван булочки, пошол в рынок. Пришол, где было больше таких людей робочих и говорит:

— Робята, нападайте, воля; всем будет.

И где больше бы́ло рабочих и нищых и роздал все булки, и ничего не получил от них. Вытаскивает сумку-самосолку и насыпал ей полное ве́но золотом. И пришол обратно к старушке, подает ей деньги. Старуха посмотрела на нёго и засмеялась:

— Вот так сынок, а завтро ты пойдеш еще торговать?

Он сказал ей:

— Ладно.

Старуха опеть заготовила булки к будущему дню и рано-рано утром встала, самовар согрела.

— Ставай, Ванюша, попей чай, а потом пойдеш.

— Ну, ладно, баушка, этот раз еще схожу, а уж больше торгуй сама, больше я не пойду.

Вот пришол на рынок, где-ка сидело исключительно калики и слепци и ро́здал эты булки по нищым. Сам же опеть насы́пал лукошку денёг и понёс старухе. Принёс. Старуха и говорит:

— Как же ты, Иван, можош так хорошо торговать?

— Да как же не торговать, когда я прошу пятачок, а мне дают три рубля за булку.

35*

Тогда сказал он ей:

— Брось-ка ты, баушка, всю эту торговлю, а я даю тебе денег сколько тебе надоть и было ли у тебя когда от ро́ду сын?

Отвечает старушка:

— Да, правда, был сын. Но как же я буду кормитьце без торговли?

— Не печалуйсе, я тебе денег дам.

Да, и вот он сказал ей:

— Назови-ко ты меня своим сыном, как будто у тебя вернулсе из-за граници черезь дватцеть лет сын, думала, што он мёртвой.

Старушка говорит:

— Хорошо бы такого сына иметь, ну хто ты есть, скажи мне, Иванушко?

— Я, баушка, коли ты хочеш знать, я есть Иван Нещастной, только нико́му про это не говори, а держи меня за сы́на.

Ну, дело идёт это всё черезь этого атамана. Атаман придумывает, што надо делать. Черезь кривого этого. Так. Топерь вот баушка согласилась.

— Ну, баушка, сколько тебе еще денег нать?

Приносит она корзинку, насы́пал ей полную.

— Топерь, говорит, знаеш што, баушка, продаётце дом черезь акчио́н, поди, купи, а я сосщытаю деньги, сколько тебе платить. Это нам с тобой жить, а мне итти нельзя. Если будут плати́ть петнатцеть тышеч, ты давай дватцеть пять; если дватцеть, — ты покрывай десятком, давай тритцеть. Если тритцеть, опеть накрывай десятком, давай сорок. Хотя догонят и со́рок, петьдесят, шесьдесят, все ровно, был бы дом за тобой, не отступайсе.

Ну, баушка, недолго говоря́, справилась, конешно, и пошла на торги́. Приходит. Между купцями и засмеялись:

— Вот так булошниця, дом пришла покупать! Хорошо, баушка, торгуеш!

— А в чем же дело, говорит, у меня сынок из-за граници пришол, и слава богу, денёг принес, может он купи́ть.

— Так вот, баушка, дом стоит тритцеть тышеч.

— Ну, я дам сорок.

Все посмотрели старухи в глаза купци.

— Так вот, баушка, сорок мáло; надо петьдесят.

— Давайте, шестьдесят я дам.

И догонили дом до çемидесети тышеч. Осталсе дом старушки. Дом, дествительно, был двухетажной, ýбраной хорошо. Ну, и сказали купци:

— Ну, што, баушка, ведь деньги надо, иди-ко, сходи за дéньгами.

— Сицяс, подождите, сбегаю.

Да, вот она когда приходит домой, то уже атаман и Иван Нещастной считают деньги и знают, што дом семьдесят тышеч стóит.

Старушка говорит:

— Ну, сынок, я купила дом. Только стóит дóрого, семьдесят тышеч.

Отщытали ей деньги, она понесла. Когда она принóсит деньги, стали щытать, перещытывать, то оказалось на десеть тышеч больше денег, воротили ей обратно:

— Здóрово же, баушка, на булках накопила денег; верно сын у тебя богатой?

Получила баушка условные бумаги, пришла к сыну.

— Вот, мол, сын, дом кýпленой, десеть тышеч возвратили обратно.

— Так вот, баушка, што: знаеш, нужно тебе итти к чарю топерь, созвать ёго на новосельё и некоторых знакомых купцéй тебе. Будем справлять новосельё. Попроси ёго, конешно, усерднее, как жону ёго, так и дочку. Скажи, што вот у меня сынок пришол из-за граничи, вот приходите посидеть, поговорить.

Вот когда приходит к чарю и долóжили:

— Зачем, вы, баушка, булочниця, пришли?

— Я пришла до вашей милости, ваше величество, на новосельё, звать, так што у меня сын вернулсе из-за граничи черезь дватцеть лет. Купил дом, просил к себе на новосельё притти вместе с жоной и дочерью. Не оставите моей просьбы, пожалуста, прошу: у нас будут купчи приглашоны, как и прочие.

То сказал ей чарь, засмеялсе:

— Ну, ладно, баушка, приду. Богат же у тебя сын. Ладно, ладно, приду, так и быть, приведу своих, дочерь и жону.

Вот эта доч, когда при́была домой, она занималась уже волшебством. Когда баушка пошла домой, то она взяла волшебну книгу: не это ли ворвалсе Иван Нещастной, встретит ли он баушку на балконе, или нет, узнаю.

А уж в это времё передал ёму кривой:

— Ты не ходи на балкон, не стречай баушку, а пусть она придёт в избу, — за тобой следят.

Да. Вот она приходит домой и говорит:

— Ну, сыно́к, посулилсе чярь притти.

— Когда?

— Сегодне же придет.

Потом все гости позва́ные стали собиратьце на новосельё. Вот когда гости собрали́сь на новосельё, и приходит чарь, он отозвал баушку в другую комнату и говорит ей:

— Вот, баушка, ты содействуй этым делам, угощай гостей, а я тебя научу, как нужно вести дело.

А у нёго уж атаман там дихтует.

— Вот когда соберутсе все гости и придет чарь, наливай всем по рюмки. „Вот, за здоровье сынка моего, ваше величество". А я не покажу́сь, пока не будет нужно. Вот когда нальёш рюмки, и чарь, и чарича, и дочка, вы поспешите пораньше выпить и подтвердить, что за здоровьё Ивана Нещастного. Не бойсе, тебе ничего не будет, тут будет только мне с чаревной, а я к тому успею.

Когда эта баушка все налила и говорит:

— Ну, давайте, ваше величество, выпьем.

Когда все хотели пить, сказала:

— Ну, за здоровье Ивана Нещастного!

Все гости подтвердили это слово. Так чаревны стало обидно, што она выскочила из-за стола, и берёт саблю в руки:

— Где Иван Нещастной, сецяс убью, и тебя с ним вместе.

Тогда выскакивают атаман и Иван Нещастной. Сразу же она в омморок па́ла и ударилась в по́л. Вина́ было не столько

для своих гостей, вся была клюшка освобождена, — все у ёго тут участвовали на пиру́. Тогда он спросил:

— А почему же она свалилась, нужно ю освежить скорей.

Тогда призвали докторо́в, признали болезнь, почему она упала в омморок. Тут дохторов нашло около дватцети и стали болезнь роспознавать, в чем тут дело. Потом один дохтор узнал, што где-то есть в подорожной сумки от-любя́ еицько, нужно ей принести и тогда она поправитце. Сецяс же розыскали, поднесли ёго к губам, она скоцила:

— Давайте мне сецяс Ивана Нещастного, а то всем голова с плець долой!

Тогда ей подвели, она схватила ёго за руки, обняла, и пошли все за стол ись. Потом очень она обрадела и стала ёго спрашивать, как он сюда пробралсе, каким путём, он был за огненным морем. Тогда он говорит ей:

— Конешно, трудно было́, прекрасная моя, я тебе потом подробно росскажу, ну, сецяс говорить не буду.

Она говорит:

— Ну, слава богу, все-таки пробралсе, топерь будем вместе жить.

Оконцили это оне новосельё, тогда она сказала отцю:

— Ну, отець, я остаюсь здесь, а вы идите, я без нёго жить не могу.

— Ну, и слава богу, дочка, коли он тебя спас и сумел приехать сюда, ну, и живи́те.

Потом взяли́сь, конешно, делать пир, нача́ли играть свадьбу. По окончанию свадьбы, чарь зятя провёл наследником. После этого всёго, когда он остаре́л, чарь провёл его на чарьство.

После этого, стали проводить всю жизнь, как следует.

26. СОБАКА И КОШКА

Не в котором царстве, не в котором государстве жил был купець. У купця был сын. Ну хотя он не оцень богат был, ну торговал. Но сын был еще маленькой. Вот этот сын стал подростать, отець заболел и умер, осталась тóко вдóвка со своим сыном. Вот оне жили без отця годов пять, деньги у них стали на исходе, почти ницёго не остаётце. Вот он говорит матери:

— Мама, дай мне-ка сто рублей, я пойду куплю што мне понравитце, всё-таки у нас еще немного есть.

Так. Вот мать, ницёго не говоря, даёт ёму сто рублей, он похóдит в город. Вот идёт он, рынок прошол, ничего он не видит хорошего; дальше всё идёт, ничего ёму по уму нету. Потом идёт старицёк, бежит за старицьком кошка, вот он сровнялсе с нею. Вот сецяс сровнялсе с ним старицёк и заговорил:

— Купи у меня, молодéць, кошку, она тебе вéку живучись пригодитце.

Так. Он подумал:

— А скоко она стоит?

— А сто рублей.

Он немного подумал, подаёт ёму сто рублей деньги, берёт кошку и идёт домой к матери, и говорит:

— Ничего хорошего я, мама, по уму себе не мог купить, ну, всё-таки я купил себе кошку, пусть она у нас живёт.

Так. Топерь она говорит:

— Напрасно, сынок, деньги дéржиш, деньги ведь пригодились бы вперёд.

— Ладно, мама, пускай, уж кýплена.

Так оны стали ей кормить. Дальше пóжил он опеть с неделю и говорит мамы:

— Мама, дай мне еще рублей с двести денег, я пойду в город, может што интересно и куплю. Больше я кошки покупать не буду.

Мать опеть даёт ёму двести рублей и он пошол в город. Все рынки обошол и город. Ништо ёму не нравитце, нет такой вещи, которая бы ёму была нужнá и интересна. Вышол он уж на край города и видит идёт цёловек, бежит напереди собака. Так. Сровнялсе с ним и заговорил:

— Вот што, молодéць, купи у меня собаку, она вéку живучись, смотри, погодитце тебе.

А он немного подумал:

— А уж купил кошку, ну нужно и собаку. Сколько стоит, дедушко?

— Да стоит двести рублей токо, сынок.

— Ну, ладно.

Заплатил деньги и пошол домой. Пришол домой, говорит матери:

— Ну, мама, я купил собаку. Сперьва купил кошку тебе, а топерь собаку, пускай они у нас живут. Не ругайсе, мама, хоть я истратил триста рублей, а где-нибудь наживу.

Вот он пóжил месець времени дома, мать ёму и говорит:

— Ну, сынок, у нас ведь денег совсем не стало. Надь куда-нибудь тебе пойти роботать.

А у нёго, у отця,—ёго отець был очень сúлен,—и осталась от отця палиця такая, знаеш бывает. И вот говорит матери:

— Мама, дай мне эту палицю, а я пойду себе искать роботу. Наверно, в скором времени я вернусь домой.

Вот берёт он эту палицю, роспростилсе с матерью и пошол по большой дороге. Так. Идёт он по дороге, блúзко ли далёко,

ни́зко ли высо́ко, стоит на дороге дом, заходит он в дом, а в этом доме жила волшебниця. Да, заходит он в дом, вот эта волшебниця и говорит ёму:

— Ну, Ванюша, зашол ко мне, должо́н будеш топерь у меня казну охранять. Воруют у меня деньги из этой казны, этого погреба. В этот погреб летал один закля́той змей и он таскал все эты деньги, золото и се́ребро. Вот если ты сохраниш мои зо́лото и се́ребро и жемчужной песок, прокараулиш у меня челой год, то я тебе столько денег дам, ско́лько можеш нести и еще сколько пожалаеш.

Вот. И он на это согласилсе, она закрыла ёго в погреб.

— Ну, и карауль.

И снабдила ёго сьестными припасами.

Вдруг в этот погреб залетает волшебной змей. Иван увидал этого змё́я и ударил палицей, змей упал.

— Ну, Иван, я уступлю тебе, карауль год, не буду таскать золота чё́лой год, а наоборот, буду носить и даю тебе караулить чё́лой год смирно. Когда ты откараулиш, то не бери у неё ни злата, ни се́ребра, только бери один мешок жемчужного песку и больше ничего ты у ней не бери. Только не убивай меня и отпусти.

Вот Иван нача́л караулить этот погреб, а эта волшебниця в месець раз ходила смотреть. Когда она ходила смотреть, то видит у нёго, наоборот, заводитце, вместо того, штобы убавлятце, золото, се́ребро топерь прибавляетце. Вот она ёму и говорит:

— Ну, Иван, молоде́ць, таких караульщиков у меня еще не бывало. Вот проживёш год и выбирай чего твоя душа жалает, я тебе всё даю.

Вот, конешно, Иван благополуцьно год у неё отработал честь честью, и у ней кажной год всё прибавлялось и она очень обрадела. Вот она ёму и говорит:

— Ну, топерь, Иван, выходи, бери зо́лота, бери се́ребра или жемчужного песку мешок, чего токо жалаеш, или сколько мож токо унести. Чего жалаеш?

Иван и говорит ей:

— Мне не надь твоё́го зо́лота и не надь твоё́го се́ребра. Дай-ко мне песку жемчужного мешок, сколько я могу унести.

Пото́м она повела ёго к погребу, открыла погреб и сказала:

— Ну, бери, сколько мож нести.

Он нагрёб мешок полной, закинул на́ спину и пошол дорогою.

Долго он шол всё дорогою, увидал на одном открытом месте, кругом всё горит, пожар. Только один куст стоит, не горит, а дру́го всё горит. И он торопитце к этому кусту́, штобы приютитьце от пожару. Вот поспешно добралсе до этого куста́ и смотрит из этого куста́ вылезает этот змей, которой летал туда к нёму. Этот змей заколдованой был. Так. Вот он, этот змей и заговорил:

— Ну, Иван, я тебе уладил, не ходил к этой колдунье, не носил у ней зо́лота и се́ребра, топерь ты выручай меня, а то мы все сгорим со всем хозяйством. А я схожу потом к отцю и скажу, хто это, што ты будеш помогать. А он придёт потом и за всё заплатит за твоё добро.

— Ну дак што же, друг, я тебе помогу, — отвецят Иван.

— А вот, Иван, сыпь из этого мешка весь жемчужной песок, и пожар унииштозытце и все будем спасены́, не пожалей.

Иван кряду же высыпал мешок по этому пожару и по этому жительству, из которого был змей. Тогда он говорит:

— Ну, ты здесь подожди, а я сбегаю к отцю, скажу и придём обои вместе.

Вот он ушол, а Иван стал ждать. Вдруг приходит старик и говорит:

— Иш ты, молоде́ць, спас нас, а я тебя сьем.

Отвечает Иван:

— За добро ты мне-ка хочеш мстить ли́хом, это не годитце.

И вдруг приходит сын. Когда пришол сын и заговорил:

— Батюшко, не надь за добро так цёловека стращать. А вот дари ёму, што у тебя есть главного, потому што спас нас и всех людей от пожару.

Так. Тогда говорит старик:

— Ну, ла́дно, Иван, коли так, тогда я тебе даю кольцё.

Снимат с руки кольцё и говорит:

— Иван, нá тебе кольцё нá руку, и тебе всё, што нужно будет, перемени-ко с руки-нá-руку, то всё тебе исполнитце, кто бы што не заказал.

Иван берёт, одел нá руку кольцё и говорит:

— Ну, топерь досвиданья.

И пошол домой. Приходит домой, мать нацинает ёму говорить:

— Ну, што, сыноцек, што ты нáжил, ведь у нас ницёгó не заводитце, даже ись нету ницёгó.

А он отвечает матери:

— Мама, об еды́ не надо печаловатьце. Мы што захоти́м, то у нас и будет. И ложись спать до утрá, а утро будет мудренее вечера.

Так, старуха, коé-што собрáла, поели, повалилась спать. А Иван не спал до полночи, встал, перекинул кольцё с руки на руку, и вдруг выскочило три молотця. И спросили ёго:

— Што тебе надо, Иван, купецькой сын?

— Робята, обеспечте мою старуху всем сьестным, штобы она не заботилась и штобы было ей всё довольно.

И сам переодел на другую руку. Старуха стала утром, то смотрит у ней все кладовки набиты сьестным, штобы только она не подумала, у ней всё есть. Стала приготовлять завтрок. Приготовила завтрок и будит Ивана:

— Ставай, Иванушко, поедим, а потом делай, што хош.

Иван стал, умылсе, стал с матерью завтрокать и мать стала спрашивать:

— Ну, где ты это, сынок, всё достáл?

— Я достáл всё это у одной колдуньи, когды шол с песком черезь заколдованного змéя. Ну, а топерь, знаеш што, мать, вот иди-ко к чарю, да посватайсе на ёго доцери, што он тебе скажет, может какую даёт задачу.

Мать ёму и говорит:

— Слушай, сынок, а если прогневаетце чарь, тогды што будет?

— Ничего, он не прогневаетце, если только даёт задачу.

Ну, старуха послушалась, оделась и пошла к чарю сватать сыну своёму ёго доць. Когда приходит старушка к чарю, то и говорит:

— Здраствуйте, ваше величество, и не откажите мне зачем я к вам пришла.

Тогда чарь спросил ей:

— Ну, так што же, баушка, говори, зачем ты пришла?

Отвечает ёму старуха:

— Вот, ваше величество, мой сын хочет пожонитьце на вашей дочке и я пришла сватать ей. Што вы мне-ка скажите.

То заговорил чарь ей:

— Баушка, я отдам дочь за сына твоёго́, пусть только заслужит и исполнит мне-ка перьву задачу. А если не заслужит, то голова с плеч долой у нёго, и у тебя, у сватьи. Ёжели твой сын может такой же дворець сроботать, как у меня, в одну ноць, то отда́м я доць замуж за нёго. А если не сможет, то будет сказнён; он и ты.

Старуха пошла и всю дорогу идёт и чуть не плачет.

— На беду мой сын сунулсе, где ёму исполнить эдаку задачу.

Пришла домой, обсказала сыну своёму эту задачу и сказала:

— Ну, сын, не исполнить тебе этого будет.

— Ты, мама, не печалуйсе, поужинай и ложись спать, а на утро там видно будет, утро мудренее вечера.

Старуха поужинала, повалилась спать, а Иван не́ спал. Вышел на двор, переменил кольцё с руки-на́-руку и сказал:

— Ну, выйди три молодця.

Выскочили три молодця и спросили:

— Што тебе надо, Иван, купецькой сын?

— Вот што, робята, штобы за эту ноць выстроили такой дворець, как у чаря и даже лучче на два раза́.

— Ладно, Иванушко, будет готовой.

Иван пришол домой и лёг спать без печали. Утром стал он цясов в семь, и смотрит, возле чарьского дворця стоит дворець такой же и лучче еще на два раза́. Тогда нача́л будить матерь:

— Мама, ставай, приготовляй обед, да надо итти тебе будет опеть к чарю сватацьце.

Старуха стала со сна́, умылась, а уж смотрит около чарьского дворця стоит дворець гораздо лу́ччий, и с радости нача́ла приготовлять обед. Приготовила обед, сели с сыном пообедали и отправилась опеть к чарю во дворець. Когда пришла к чарю во дворець, то поздоровалась и сказала:

— Вот, ваше величество, дворець.

Он сказал:

— Это хорошо, ну топерь пусть сослужит другую службу, тогда только я отда́м свою дочерь. Пусть сделает себе дворець такой же и от дворця хрустальной мостик и позолотит ёго золотом.

Старушка повернулась, чуть не заплакала и пошла домой ничего ёму больше не сказала. Она приходит домой со слезами и говорит:

— Ну, сын, на беду́ ты нарвалсе, всё ровно, уж перьву задачу исполнил, ну этой тебе не исполнить быть.

А он сказал матери:

— Ты поужинай, да ложись спать, а утро мудренее вечера, утром видно будет.

Старушка поужинала, повалилась спать, а Иван не спал пока. Вышел на двор, перекинул с руки-на́-руку кольцё и сказал:

— Ну, робята!

Выскочило три молодця. И спросили ёго:

— Чего ты жалаеш Иван, купецькой сын?

И он отвецяет:

— Так вот, робята, сегоднешную ноч штобы сроботать такой же дворець и обнести ёго садом и штобы от моёго́ дворця до чарьского провести хрустальной мостик и позолотить ёго золотом, штобы это к утру все было сделано.

Робятки поклонились, обещали сделать, и Иван пошол спать. Утром встаёт со сна́, то смотрит уже стоит дворець, хрустальной мостик обведён и покрытой золотом, и кроме стоит сад кругом дворця. Топерь он подошол к матери:

— Мама, ставай да покушаем, да пойдём в новой домик.

Она с радости скоцила, приготовила завтрок, поели и отправились в новой дом. А у этого дворця стояли слуги, кла-

нялись, а Иван пробиралсе в дом со своей матерью. Когда пришли они в дом, то Иван и говорит матери:

— Ну, пойди топерь к чарю, што тебе чарь скажет, посватайсе.

То баушка стала одеватьце и отправилась к чарю во дворець. Приходит к чарю во дворець и говорит:

— Ну, ваше величество, вот вам дворець и хрустальной мостик позоло́ченой, и кроме того сад сроботан вокруг дома.

Тогда чарь сказал:

— Ну, ладно, сваха, пусть еще твой сын исполнит мою третью задачу. Пусть сроботает две коре́ты серебреных, а одну золотую и шесть ко́ней, четыре серебреных и двои золотых, и копыта штобы были золотые и обиты ска́тным жемчугом. Ехать ёму с моей доцерью под венець в этых коретах, а то не отдам своей доцери.

Топерь старуха пошла домой и боле всех разо́в она запечало́валась:

— Ну, уж эту задачу сыну моёму́ не сделать. Где он возьмёт кореты и кони за тако́ ско́ро времё.

Тогда пришла к сыну своёму́ обсказала это всё, што чарь приказал, сама заплакала. А он говорит матери:

— Мама, ты не плач, поужинай, ложись спать, а утро будет мудренее вечера, утром виднее будет.

Вот старуха повалилась спать, а Иван не́ спал, вышел на балкон и сидит. И перенёс с руки-на́-руку кольцё, выскоцило три молодця и говорят:

— Ну, што тебе надо, Иван, купецькой сын?

А он отвецяет им:

— Так вот што, робятки, сослужите мне-ка еще эту службу, тогда я вас буду оцень благодарить.

А оне ответили так:

— Ну, говори, Иван, купецькой сын, мы всё для тебя сделаем.

И он нацял говорить:

— Ну, и вот робята, сослужите мне такую службу: сегоднешную ноць построить штобы кореты, две сере́бряны, а одну золотую, и шесть ко́ней, четыре сере́бряных, а двои золотых,

и копыта штобы были золотые и обиты скатным жемчугом. Это ехать штобы под венець.

Топерь робятки ёму сказали:

— Ну, ладно, Иван, купецькой сын, хотя тяжóла задача, ну всё-таки сделаем.

И он спокойно пошол, повалилсе спать. Иван проспáл, уже шесть цясов утра. Когда вставал, то уж кóни стояли такие, как Иван заказал, и также кореты и кучерá. Тогда сецяс подошол к матери и говорит:

— Ну, мама, ставай, сецяс приготовь завтрок и иди к чарю с ответом, што топерь он будет тебе говорить?

Старушка сецяс же посмотрела, увидала всю эту редкость, сецяс же приготовилась, снарядилась и пошла к чарю с ответом. Когда она пришла к чарю и говорит:

— Ну, ваше величество, у нас всё готово, готовы ли вы в своём слове, у нас всё сделано.

То чарь сечас же дочери приказал одеватьце, а баушке сказал:

— Ты поди, пригони кóни домой, пусть зять одеваетце и поедете к венцю.

То она с радостью прибежала и говорит:

— Ну, сын, можете одеватьце и ехать к чарю, к венцю, а я буду приготовлять к свáдьбы.

Иван оделсе в саму дорогую одёжу, как нужно было ехать к венцю, приехал к чарю. Чаревна готóва сходила с крыльця с парадного, а также чарь; вместе сели и поехали в черковь. Когда приехали они к собору, то кряду же повенцялись и поехали в свой дворець вместе с чарём, с чарицей и со всемá. А у Ивана у дворця стояла стража, кланялась, боя́ра и дворя́на, и оне заходили во дворець. Однако же публики было не мало, все пировали, веселились и свадьба продолжалась челых три дня. Когда после трёх дней розьехались все гости, Иван, купецькой сын, стал жить со своей чаревной в своём дворце.

И прожил он с ней год. И не думал он в ней никакой хитрости. Всё думал, што она будет жить с ним так, как всегда жила. А она была уж раньше сговóрена, сговорилась

с однем прынцем. Ну он был конешно не того королества, дальнего королества и она всё жалала за нёго вытти, а уж попала не за нёго. Вот однажды повалились спать, она и нацинает у нёго спрашивать:

— Скажи, друг мой Иван, мне всю правду, што я у тебя буду спрашивать, наверно не затайш.

— Ну, а в чом же дело, прекрасная чаревна?

— А вот в чом, што я у тебя буду спрашивать. Чем же ты это всё мог содéствовать в этако коротко времё. Какой бы тебе батюшко нé дал заказ, ты кажной заказ справлял в одну ноць.

— Нет, жона, я сказать не смею, может быть мне изменишь.

Она больше ёго стала ласкать:

— Што ты, муженёк, уж я с тобой прожила год, живу другой, ужéли я тебя изменю, скажи, милой мой.

— Ну, ладно, уж так и быть, скажу я тебе, только смотри, не измени меня. Вот, жона, у меня есть такое кольцё, што я задумаю, што бы на свете и то мне сделаетце.

Так. И вот переспали оне ноць, на другой день она и говорит:

— Ну, муж, уж сёдни год кончилсе, как мы живём, а мы еще с тобой вдвоём не угощались никакими наливками. Давайте выпьем, муженёк, сёдни немного.

И он не отказалсе, не знал никакой в ней хитрости, и начáли они выпивать. Снацяла пóнемногу, а потом и побольше и так напоила мужа своёгó, што он до тúх пор дóпил, што заснул. Потом она полóжила ёго спать и стала тянуть кольцё с рукú. Ну, всё-таки удачно она ёго достáла, и одела себе нá руки это кольцё, передела ёго с руки-нá-руку, выскочило три молодця и сказали:

— Што угодно, прекрасная чаревна?

Она отвецяет им:

— Вот што, робятки, штобы меня сегоднешую ноць перетащили в такое-то государьство, к такому-то прынцю со всем мóстом и садом, и с домом своим, а он штобы со своей матерью осталсе в старом домý.

Робятки сказали:

— Исполним, прекрасная царевна.

Она легла спать, то наутри, когда стала, то уж была в том государстве, где жалала, и с ней уже спал прынць на перины, на кровати то есть.

Когда Иван проснулсе ото сна, это было уж часов в шесть утра, то смотрит, он уж был в своей халу́пы, а дворця этого уж не было, ни мо́ста, ни сада, ничего́. Тогда он посмотрел на́ руку, нет у нёго на руке кольця, и подумал:

— Ну, ведьма, изменила всё-таки мне, дурак тот цёловек, кто всю правду скажет жоны.

И крепко задумалсе:

— Што топерь скажет царь?

Царь увидал, што нету до́му, ни мо́ста, ни са́да, то послал кряду розыски, есть ли зять ёго или нет. И приказал позвать ёго к себе. И кряду же розыскали Ивана, приказали ёму итти следом к царю во дворець. Иван, конешно, снарядилсе, пошол к царю во дворець. Когда он приходит к нёму, царь стопта́л ногамы и говорит:

— Ну, куды ты дел у меня доць, и всё имущество, сказывай сечас, а то голову сказню.

То он отвецяет:

— Ваше величество, што хош со мной сделайте, ну я не виноват, виновата ваша токо дочка, она похити́ла у меня это кольцё, которым я всё сделал. Она напоила меня пьяным и всё унесла, и улетела, наверно, туда, куда обещалась.

Царь говорит:

— Врёш, сукин сын, ни за што не поверю!

Вдруг приходит жона его, Ивана теща и говорит царю:

— Слушайте, ваше велицество, хотя власть твоя, моё дело сторона, он мне зять, а она доць, может, Иван и не виноват, не надо так поступать.

Теща ёго пожалела. Так.

— Никаких пощадов не будет, ведите ёго в темницю, церезь деветь дней замо́рим ёго голодной смертью, а нет, так сказним.

С темá словами повели Ивана в темницю. Да, отвели Ивана в темницю, и он сидит уже сутки. А матка не знала, где топерича Иван. Наконець, забегали кругом двора кошка. И собака, побежали розыскивать, где у них хозяин. Вот искали, искали и, наконець, прибежали к темнице, к окну. И кошецька скоцйла на окно. Он открыл втулку и она залезла туда к нёму. Ну, собака не вошла. Когда прибежала кошецька, он ей начáл гладить:

— Милая моя кошецька, ты наверно прибежала меня смотреть.

Кошецька заговорила:

— Да, хозяин, тебя не токо надо смотреть, надо стáть выручáть.

— Как вы бéдненьки, можете меня выручáть?

— Мы с собакой сходим в то государьство, где царевна, достанем перстень и тебя освободим.

И собачка тоже смотрела в окно и виляла хвостом. Иван и говорит:

— А вы знаете, где она живёт?

— Конешно, знаем, она живёт за трёмá морямы, нам придётце перебиратьце черезь три мóря.

— Так слушай, кошечка, тебе за собакой не держатьце, она бойчéй, а ведь ты то не можеш.

— Ну уж то стало, собака частично будет меня на спины носить, а уж надь пробирáтьце.

Он сказал:

— Ну, так с богом, сходите.

То сразу же оны роспростились с хозяином, спустились в путь, а Иван осталсе сидеть в темнице.

Ну, жалко было тещы зятя своёгó напрасно, она ёму тайком с прислугой посылала еду и кормила ёго, то, штобы нихто не знал.

Вот эта кошецька, собака, бежат, бежат, пробежали и поплыли черезь морё. Вот переплыли они одно морё, была хорошая погода. Поплыли они на второе. Выплыли они на вторóе, пал сильной ветер и была качка, кошка уставáть стала. Вот и говорит кошка собаке.

— Ну-ко, собачка, понеси меня на спины, а то я отставать стала.

Собака взяла ей нá спину, переплыли морё, вышли на остров, побегали, отдохнули. Кошка наловила мышей, поели и поплыли черезь третьё морё. Вот и оне спокойно перебрались черезь третьё морё и бежат в это государьство, где чаревна жила с этим прынцем. Добрáлись до этого дворцá, кошка говорит собаке:

— Знаеш што, собачка, ты топерь бегай, ищи себе корму, да поджидай меня, я по стенке быстро, тебе не вы́стать будет.

Вот кошка начáла пробиратьце быстро до того окна к спальне, где чаревна спала с прынцем и села под навес. И дожидала той поры, пока чаревна успокоитце спать с прынцем. А собака бегала у окна во дворе, искала себе корму, кости и забирала с собой. Вот все успокоились, чаревна заснула и оставила окно пóло. Ну, эта чаревна так хранила это кольцё, днём носила на руке, а ночью дёржала во рту. Да, вот когда кошка пробрáлась в избу, то стала следить, где чаревна спит, начáла шнырять по углам, искать што-нибудь. И поймала она мышку и забрáлась под кровать и сидит. Вдруг чаревну ужасно одолела жажда, она попросила хоть напитьце, и ей принесли. Вот когда чаревна стала пить, полóжила кольцё на стол, а в это времё выскакивает кошка, полóжила ей в чашку мыш. И она закричала, начáла блевать, пошла у ей росполóха. Тогда прынць скоцил на ноги и сказал.

— Што с тобой, матушка?

И забыла чаревна это кольцё на столе, а в это времё кошка успела скочить, схватила это кольцё в зубы, и в окно. Спустилась по стенке, а уж собака ей ждала.

— Ну, давай бежать скорее.

Вот оне пробежали город, бросились к лесу и бежат к морю. Прибежали к морю и давай плысть. И пловут пó морю. Погода тихá, хорóша. Вот и говорит собака кошке.

— Знаеш што, кошецька, отдай мне кольцё, у меня зубы длинные и я больше могу терпеть воды, как ты, штобы нам ёго не потерять.

Да. И говорит кошка собаке:

— Нет, собачка, хош я бы тебе и дала, мне не жалко, мы ведь спасаем своёго́ хозяина, я бы и отда́ла, у тебя зубы хоть длинные, да редкие. Ты в волнах как-нибудь ошибёссе, да урониш, тогда нам будет хуже, мы не спасём своёго́ хозяина.

— Ну, ладно, коли так, пущай падёт погода, я тебя на спины́ не понесу, коли ты мне не даёш кольця.

Потом перебра́лись на остров. Вот когда они перебра́лись на остров, кошка побе́гала, пошла, мышо́нка нашла и говорит:

— Ну уж ладно, дам я тебе кольцё, только смотри, не потеряй.

Собака взяла, зачепила зубы крепко, поплыли церезь вторoё морё. Так, вот оне и плывут. И па́ла ужасная погода, так што кошке пришлось забратьце собаке на́ спину, не могла больше бежать. Вот пловут, уж так волна бьёт, што идёт кобелю церезь голову, но кобе́ль все силы напрягает и плывёт дальше. И потом так ударила ёго волна церезь голову, и попала ёму вода в рот, што он кашляну́л и вылетело у нёго из зубов кольцё в морё.

— Ну, кошечка, уронил я кольцё.

— Ну, вот тебе я сказала, уронил ты кольцё, што мы топерь принесём своёму́ хо́зяину? А он за нас деньги платил, да кормил, а мы ёму пользы никакой не сделаем.

Вот стихла погода и приплыли оне на последний остров, осталось только одно морё плысть. А на этом острову́ жил один рыболов со своей старушкой, рыбачил рыбу. А они прибежали к избушке. Вот оне прибежали к избушке, а в избушке не было никого. Вдруг приезжает старик со своей старушкой. А приехали старик со старушкой, привезли рыбы много, и одну поймали таку большую щуку, што она была очень громадная.

Вот старик нацинает поро́ть рыбу, а старушка пошла к избы и говорит:

— Дедушко, смотри к нам откуль-то прибежали кошка и собака.

— Вот и хорошо, у нас много рыбы, кости остаютце, пущай живут.

И начáли порóть рыбу. И вдруг кошечка прибегает к берегу к ихнему кáрбасу и начинает вертетьце, ластитьце и начинает смотреть, как старик пóрет рыбу. Старик посмотрел на кошечку и говорит:

— Погоди, бедная, вот напорю рыбу, дам тебе потрохов, вот и поеш.

Вдруг прибегает и кобéль. Старик выпорол несколько и дал им потрохов. Кобель с жадности поел немного, а кошецька всё смотрит дальше, как старик порет рыбу, а сама ест. Вот выпорол старик всю рыбу, осталась токо одна щука и нацинает эту пороть. Вот когда роспорол и увидал, у ней проглóчено было кольцё. Кошечка видит:

— Да ведь это то кольцё.

Старик и говорит:

— Смотри, старуха, у щуки было проглóчено кольцё.

— Ну ладно, нам и то хорошо.

Старуха берёт это кольцё, несёт в избу и полагает на полочку. Вот старуха сварила варево, поели и повалились спать. Кошка с собакой тоже поели, дали им костей. Когда старик со своей старухой заснули, не спавшие люди, то кошка кряду же скочила на пóлицю, достала кольцё и говорит:

— Ну, давай бежать, это кольцё и есть.

Схватила в зубы и побежали пó острову. Добежали до моря, и давай плысть. Больше собака это кольцё просить не стала. Вот оне и пловут пó морю и переплыли последнее морё, и выбрались на землю. И давай бежать скорей к этой темнице, где сидел ихной хозяин. Прибежали они, ровно бегали восемь суток, прибежали они на девятые сутки, когда уж он был ря́жен. Назначено ёму было сидеть деветь суток. Вот так токо прибежали, кошка скоци́ла в окно и подала кольцё, хозяин очень обрадел.

— Ну вот, хозяин, мы тебе принесли.

— Ну, топерь идите домой, и я скоро вернусь к вам.

Вот когда только уже Иван получил это кольцё, уже пришол вечер, он и задумал. Вдруг выскакивают три молодця.

— Што тебе надо, Иван, купецеской сын?

— Вот што, молодци, топерь сделайте то, штобы в эту же ноч чаревна вернулась сюда со своим прынцем и как оне спят, и штобы всё было мое имущество, как она унесла.

Не прошло несколько часов, как эта темниця розвалилась, Иван вышел на волю и смотрит уже этот дворець стоит.

И сады и хрустальной мостик, и дом стоит на старом месте, как и стоял. Тогда уж было времё часов семь. Он кряду же пошол к чарю. Пришол к нёму и сечас приказал ёго розбудить. То чарь стал и смотрит, што-то в чарстве перемена.

— Ваше величество, я топерь пришол к вам доказать, как ваша доч спит с прынцем. Сецяс же одевайтесь и пойдём.

Тут услыхала мать и все трои пошли вместе. Вот идут оне ко дворцю, чарь дивитце:

— Што это всё по-старому: как мостик, как сад,—всё по старому.

Дальше, заходят оне в дом. Заходят оне в дом, он и говорит:

— Ну, пойдёмте к спальны, где прынць спит с вашей дочкой, я вам на факте докажу.

Вот идут оне к этой спальны. Подошли, скрыли дверь. Чарь видит, прынць спит с чарьской дочерью. Чарь и заговорил:

— Ну, Иван, купеческой сын, делай с ней што знаеш, как уж она тебе сделала, воля твоя.

И потом они пробудились. Когда чаревна увидала отця, матерь свою и мужа своёго старого, и заплакала. А прынць стал просить прощенья Ивана, штобы он ёго извинил в этом деле, и чаря. Тогда отець говорит:

— Нет, доч, от меня тебе прощенья не будет, как не простил я сначала зятя и гноил деветь суток в тюрьме, а уж ёго дело будет, простит он тебя или нет, а я ничего не знаю.

Тогда он сказал:

— Ну, ладно, коли ты, прынць, просиш прощенья, то я тебе прощаю, как было дело у вас, то всё пущай пройдёт. Она прилетела к тебе, не ты ей увёз, то я тебе прощаю. Иди в своё государьство, пока жив будеш.

То прынць скоцил, оделсе и уехал в своё государьство.

Вот эта царевна всё сидела, плакала, наконець стала на ноги, упала к ёго ногам, стала просить:

— Прости, милой друг Иван, меня, што я сделала.

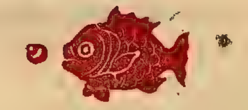
Он сказал:

— Ну, ладно, што же сделаш, баба бабой, волос дóлог, ум корóток, у ней на всё хватит решенья, уж живи, если будеш жить чéстью.

Тогда обрадел царь со своей царицей, устроили пир на весь мир и стали гулять. Иван был, конешно, на этом пирý, пили, гуляли.

Впоследствии царь оставил ёму престол и он стал править престол до глубокой старости.

Тем она и кончилась.

27. ВЕРНОЙ СЛУГА ИВАН

Не́ в котором чарстве, не́ в котором государьстве жил был чарь. У этого чаря был верной слуга Иван, и он ёму всегда служил верой и правдой. И он ёго слушал, што Иван скажет, он не нарушал, чарь всё слушалсе ёго. Когда этот чарь поста́рел, то призывает сына своёго́:

— Вот што, сынок, я уже стал стар и у тебя останетце верной слуга Иван. Смотри, не изменяй ёго, слушайсе во всём, што он тебе прикажет, то ты и делай.

Сын ответил:

— Ладно, папаша. Буду исполнять твои приказанья, как вы мне сказали.

После этого всего чарь заболел и умер. Когда этот чарь умер нужно было этому Ивану чарьскому сыну поступить в начальство. Ну, в начальство поступить нельзя, пока он будет не жонатой, нужно ёму приискивать невесту. Во́т тогда сказал ёму чаревич:

— Вот што, верной слуга Иван, покажи мне всё чарьское имущество, евонные за́мки, патре́ты, ты всё это знаеш.

Вот тогда верной слуга и говорит:

— Ну, так што, Иван чаревиць, пойдёмте.

И повёл ёго по за́мкам, патре́там и по всему имуществу.

Долго он ёго водил, всё он интересовалсе, обсмотрел. Наконець, спустились в подземелья, в погребá, начáл ёго водить там. Проходят дверь, проходят два, проходят три. Проходят еще, он проводит мимо.

— Почему же ты, Иван, в эту дверь не провёл?

— Нельзя тебе, тут заповедное есть.

Дальше провёл. Да. Когда осмотрели это всё, идут обратно. Проходят мимо.

— Слушай, верной слуга Иван, покажи мне, што здесь хранитце.

— Нельзя тебе.

Ну, приступил он к нему.

— Ну, ладно, открою.

Когда он вскрыл только дверь, то кряду забежал верной слуга Иван и стал в угол к нему личём:

— Ну, што же, ты, верной слуга Иван, тут стоиш?

Обсмотрел он когда всю комнату и пришол к нему:

— Што ты с того места не отходиш, што же ты стоиш?

— Я тебе всё показал, Иван чаревиць.

— Нет, ты стоиш, верно што-нибудь тайш, отступи, я посмотрю.

Тогда верной слуга отступил. Стоит патрет прекрасной заграничной девушки. Он посмотрел и говорит:

— Вот, верной слуга Иван, на этой невесты я буду жонитьце.

Да. Тогда верной слуга Иван вышел из погреба и пошол с ним во дворець. Когда оны пришли домой, он опять же стал говорить:

— Ну вот, верной слуга Иван, жени меня на этой красавици.

— Нет, Иван-чаревиць, на ком хош жонись, только этой замуж не бери, много бед получиш, жить не будеш.

Так. Вот он ёму тогда и говорит:

— Нет, я ни на ком не хочу, токо жонюсь на этой. Ты знаеш как на ней жонитьце?

— Нет, твой отец три года хотел жонитьце, доставал патрет, токо черезь меня и достáл. Тебе нельзя на ней жонитьце, она тебе будет не под пáру, хотя и молодая.

Тогда ответил Иван-цяревиць:

— Нет, верной слуга Иван, я ни на што не соглашусь, пока ты не жениш меня на этой чаревны.

Тогда верной слуга Иван ответил ему так:

— Погоди, дай мне подобрать товары три дня. Тогда я буду готов и мы поедем сватать её.

В скороё времё был корабь у при́стани, а верной слуга Иван подбирал разные децькие игрушки, какие ёму были только нужны́ в дорогу. Когда верной слуга Иван это всё подобра́л, то пришол к чаревичу и говорит:

Ну, чаревич, я готов, собирайсе, всё погру́жено.

И погрузили все сьестные товары. Тогда, когда чаревич услыхал от Ивана все эти розговоры, то черезь каких-нибудь несколько часов был на при́стани. Зашли они на корабь, роспустили паруса и пустились в глубину моря. Тогда пришол верной слуга Иван и говорит:

— Слушай чаревич, скажи капитану, штобы он меня слушал, я знаю куда итти, только пусть он с меня воли не снимат.

Вот они шли челые полгода, всё земли́ не видно. Капитаны все соскучились.

— Куда мы сецяс идём?

Но верной слуга Иван не говорил и назнача́л всё вперед. Дальше. Вот верной слуга и говорит капитану:

— Вот два часа́ еще подойдём и увида́ете землю.

Так и случилось. Не прошло двух часов, ко́ли уже показалась земля. Все капита́ны и матро́сы обрадели.

— Земля, земля близко!

Подходят оне уже близко к государьству, заходят в гавань и становятце к по́рту. Когда он стал к при́стани, тогда нача́л возить в город свой товар, верной слуга Иван, и продавать ёго за бесче́нок. Сперьва возил по рынкам, второй день по базару, а на третий день, когда познакомилсе с городом, тогда на чарьской дворець, конюха́м, повара́м, а также служанкам, горнишным. Когда верной слуга Иван привез последний воз, то выходит эта самая красавиця прекрасная и говорит:

— Много-ли у тебя еще таких товаров есть?

А он ей отвечает:

— Знаете, прекрасная чаревна, эты товары для вас непригодны, а у меня на корабле такие есть прекрасные товары, редкости для вас, вот если жалаете притти посмотреть, то прошу пожалоста.

Вот тогда она ёму и сказала.

— Так я завтро же приду со своимá нянюшками посмотреть.

— Пожалоста. Когда?

— Да хоть часов в десеть дожидай.

А сам уехал на корабь. Обсказал чаревичу своё положение.

— Будем ждать чаревну завтрошной день, она будет.

Тогдá на второй же день в десеть часов идёт чаревна со своимá ня́нюшками. Выходит верной слуга Иван на при́стань и говорит чаревны такую вещ:

— Прекрасная чаревна, я прошу вас, штобы вы зашли на корабь одна, без своих нянюшек. Почему? потому што у меня есть такие вещици, которых им нельзя смотреть, привезёны только для тебя и я их получил из Индии.

Тогда чаревна на это согласилась и не думала никакого замысла в верном слуге. Пошла на корабь одна, приказала нянюшкам дожидать несколько часов. Когда Иван завёл ей на корабь посадил в каюту и велел угощать, а сам вышел на палубу и велел капитанам:

— Сецяс же отдавайте парусá и пускайтесь в си́нее морё как можно быстрее.

И сам пришел в каюту.

И матросы кряду взялись за дело, начáли катать якоря̀, спускать парусá и вышли в открытое морё. Когда корабь вышел в открытое морё, начинает корабь покачивать. Когда начáло их покачивать, спросила чаревна Ивана:

— Слушай, верной слуга Иван, когда же ты начнёш показывать мне редкости? Уже прошло не два часа, а три.

И кряду выходит на палубу. Когда она вышла на палубу, то видит себя омманутой. Обратилась лебедем и хотела полететь, но верной слуга Иван захватил ей за крылья, отнёс

в каюту и обратил опеть девушкой. Потом ей делать было нецёго и спокойно поплыли по морю вперёд.

Вот оне пловут месець, два и три, потом прилетели три во́рона и сели на отлега́ (знаеш што такое отлега́, это в общем на судне). Да. Сели и сидят. И верной слуга Иван стоял у рубки и смотрел на этых во́ронов. Тогда один из этих во́ронов заговорил:

— Иван чаревич взял прекрасную чаревну, ну ёму ей не влада́ть.

Спрашивает второй во́рон у перьвого:

— А почему не влада́ть?

— А потому не влада́ть, што когда он придёт домой, ёму подадут коня и сядет он на коня вместе с женой, а конь ёго убьёт, а она улетит обратно в чарьство.

Потом заговорил второй во́рон третьему:

— Когда ёму подадут коня, то взять из поварни берёзовое полено обожжонное и ударить коня меж ушей, и конь, конешно, подохнет. А ёму подведут другого коня и будет чаревич жить.

И это всё слушает верной слуга Иван. Тогда заговорил второй ворон:

— Если уж чаревиць жонилсе на чаревны, то ёму всё ровно не влада́ть ей. Когда он приедет домой и ёму подают рубашку подвенечную и когда он наденет рубашку, то умрёт, а чаревна улетит домой.

Тогда уже третий ворон отвечает на вопрос второго:

— Да нет, не тут смерть. Когда эту рубашку чаревич не оденет, а взять эту рубашку сжеч в печке и сходит чаревич к венцю.

Тогда заговорил третий во́рон вопрос свой:

— Вот всё-таки не жить чаревичу с чаревной. Вот когда оне сходят к венцю, будут оне тонцовать и вот она несколько раз повернётце с ним и сама умрёт.

На вопрос третьего отвецяет перьвой:

Да нет, не умрёт, тогда взять чаревну, отнести в другую комнату, высосать у ей из груди три капли крови, тогда не умрёт и будет жить с чаревичем навсегда.

Тогда заговорил опеть-же перьвой во́рон.

— Если кто перьву задачу скажет чаревичу, хто сделает, то сам окаменеет по коле́н.

Если он скажет вторую, то до груде́й окаменеет, — это второй ворон говорит.

— Если скажет третью, то зальётце навеки ка́мнем.

Потом заговорил опеть третий ворон:

— А вот это всё, если это всё пройдет, родитце у нёго два сына и если не пожалеет чаревич убить два сына и бро́сить на этот камень три капли крови, то оживёт этот цёловек.

И с этыма́ словами розлетелись в разные стороны.

Вот в скором времени оне приплывают к государьству. Когда оне приплыли к государьству, зашли на при́стань, то по́дали ёму, чаревичу, вороного коня. Когда подали, то выскакиват верной слуга Иван, берёт из пова́рни берёзовое обожжонное полено, ударит коня между ушей и конь подох, скончалсе то-есть. Тогда подали второго, чаревич спокойно поехал во дворець и за ним верной слуга Иван. Когда оне приехали домой, то нача́ли играть свадьбу. Да. Вот это на свадьбу подали чаре́вичу рубашецьку подвенечную, итти нужно было к венцю. Подходит верной слуга Иван:

— Дай-ко сюда рубашецьку.

Берёт рубашецьку, понёс в печку и жжог. Подносит ему другую.

— Надевай, чаревиць, рубашецьку, иди под венець.

Так он и сделал. Когда он приходит от венця, садятце за стол, после этого пошли тонцовать. Вот когда оне вышли тонцовать, то немногоё времё потонцовали, и она упала и умерла. Подходит верной слуга Иван, берёт ей на руки, уносит в другую комнату, высасывает у ней три капли крови и приводит её в чувство, обратно в человечьё.

Вот этот чаревич прожил с чаревной год. Родилсе у них сын. Когда родилсе у них сын, то призывает чаревич верного слугу Ивана и говорит:

— Росскажи ты верной слуга Иван, почему ты убил у меня лошадь на при́стани и не́ дал мне поехать?

— Слушай, Иван чаревич, мне нельзя этого сказать, если я это скажу, то по колен окаменею.

— Почему нельзя, верной слуга Иван? Ничего не будет, скажи.

Наконець, вывел сказать верного слугу Ивана.

— Если бы я у тебя не убил лошадь перьвую, то тебя живого не́ было.

С этима́ слова́ми верной слуга окменел по коле́н, сделались ноги каменные.

— Слушай, верной слуга Иван, скажи мне и вторую задачу.

— Иван-чаревич, если я скажу и вторую задачу, то я окаменею по груди́м.

Всё-таки не мог он выдержать, привелось ёму сказать и вторую задачу.

— Если бы я дал тебе одеть рубашецьку, тебе живому не быть. И с тема́ словами зали́лсе по грудям камнем.

Тогда чаревич опеть же говорит:

— Слушай верной слуга Иван, скажи и последнюю задачу.

— Слушай, Иван-чаревич, если я скажу и последнюю задачу, то быть мне на веки камнем. Одначе ты пожалееш меня.

— Да нет, скажи.

— Ну, скажу я тебе и последнюю задачу. Если бы я, когда ты пришол от венця, если бы я не отсосал у ей из груди три капли крови, то была бы она не твоя, умерла бы.

С этима́ слова́ми верной слуга Иван залилсе камнем.

Жалко оцень было царевицю, долго он ёго жалел и плакал о нём. Наконец, велел сделать хрустальной паметник, поло́жил ёго в паметник, не согласилсе ёго похоронить. (Долго он будет на него смотреть, до смерти до своей!) Долго споминала верного слугу прекрасная чаревна, всё споминала и оплакивала.

Наконец, прожили оне с ней пять лет, родилсе у них сын. Этот сын подрос уже год. Спо́лнило́сь шесть лет, когда всё стоял верной слуга Иван в паметнике окаменелой. Тогда у них

как раз подходит пáсха. Ушла чаревна к заутрени, а чаревиць осталсе дóма. Подошол чаревиць в пáску к паметнику и говорит:

— Эх, верной мой слуга Иван, сегодне люди веселятце, радуютце, а ты вéки у меня стоиш камнем.

Тогда заговорило тело в паметнике, говорит верной слуга Иван:

— Слушай, цяревиць, есть единственная минута меня спасти: не пожалей своих двух сыновей, убей и брось на меня три капли крови, и я оживу. А это всё в дальнейшем будет тебе для радости.

Тогда чаревич, когда услыхал эты разговоры верного слуги Ивана, то пошол ни мéдля ни минуты, зарезал своих сыновей, бросúл три капли крови в хрустальной паметник и этот слуга Иван осталсе жив.

Да, сецяс же верной слуга Иван берёт этых мальчишков и уносит в другую комнату и вдруг от службы приходит ёго жона. Когда пришла жона от службы, то чаревич говорит жоны:

— Ну, прекрасная, у меня верной слуга Иван óжил.

— Ну, неправда! Шесть лет, как он камнем.

— Ну, óжил. А я зарезал своих сыновей и бросúл три капли крови, когда он óжил.

Тогда она залилась слезамы:

— Што ты сделал, чаревич, не пожалел своих двух сыновей, а оживúл своего слугу Ивана.

А он говорит.

— Слушай, прекрасная чаревна. Если бы не он, то меня давно в живых не было. А мы с тобой молодые, может у нас еще дети пойдут.

Вдруг óткрылась дверь, верной слуга Иван выходит, выводит двух сыновей. Чаревна до чего обрадовалась, не знает, што делать, бросúлась обнимать своих сыновей. И пошла у них великая радость. Тогда чаревна спросила Ивана:

— Как ты всё это сделал? Мог быть камнем шесть лет лет и всё это совершил, поясни мне если можно.

Тогда верный слуга Иван сказал:

— Это было мне всё известно, предсказали три во́рона, когда были посланы от вашего батюшка. Это были три колдуна. Это всё мне было известно, што со мной будет, как я услышал, как оны говорили.

Тогда сказала чаревна:

— Хитрой же ты есть, верной слуга Иван, не даром тебя чаревич жалеет, когда решилсе о́тдать своих сыно́вей и мог перехи́трить меня.

Тогда чаревич устроил пир, угостил всё чарьство, пир продолжался три дня и нако́нець они стали продолжать своё чарьство до глубокой старости.

На этом всё кончаетце.

28. СЕМЬ СИМЕОНОВ

Не в котором чарстве, не в котором государстве жил старик со старушкой. У их не было никого — старик роботал в поле, а старушка, конечно, жила дома, роботала по своему там хозяйству. Старик и говорит:

— Слушай, старушка, как мы остарели, а у нас нет никакого детища, дак надо нам бога просить, штобы дал нам когонибудь, сына или доцерь, штобы под старость нас кормить, а по смерти хоть бы на помúн души.

Вот бог услышал ихну молитву и дал им семь сыновей и всех назвали Симеонами. И вот эты робята так быстро выросли, што уж стали отцю помогать. И отець так обрадел.

— Ну ладно, жонка, хоть нам при стáрости на утеху, а прú смерти на помин души есть у нас, слава богу дети-то.

И вот этот старик, старушка немного пожили и умерли. И остались эти семь Симеонов сиротками. Хоть оне были ище и мáлые, но в поле роботали после отця своёгó, не уступали большим. И слуцилось на это времё ехать царю Адóру мимо этых семи Симеонов. Он посмотрел на их, приворотил и спросил:

— Здравствуйте, робята, цьи вы есть сыновья, как вы роботаете одне в поле и как вас зовут?

Поздоровались и ответили:

— Мы есть Симеоны-сиротки, остались от отця и от матери ма́лые, придетце роботать на себя.

И чарь Адо́р очень удивилсе этым мальцикам-сироткам и сказал им.

— Слушайте, Симеоны, жалаете итти ко мне? Я бы вас выуцил в грамоту и какую жалаете науку, цем вам роботать тут в поле, как вы одне остались сиротки.

Робята не отказались и следом пошли за цярём Адо́ром. Когда Адо́р привёл этых Симеонов, то собра́л всех министров и стал с има́ обсуждать куда, в какую науку отдать этых сироток братьев. И кряду были созваны эты Симеоны. Тогда министры посоветовали:

— Цярь Адо́р, а не лучче ли их самих спросить, што в каку́ науку они сами пожалают, в ту мы их отдаём.

Тогда спросил ста́ршого Симеона чарь Адо́р:

Отвецяет ста́ршой Симеон:

— Ваше величество, я хотя ницёго не знаю и ницёму не жалаю уцитьце, но если вы мне позволите, я на дворе построю кузницю и поставлю столб велициной цють не до не́ба, есле вам будет угодно.

Тогда сказал цярь Адо́р:

— Ты будеш хорошим кузнецём и тебе не надо больши учитьце. Где бы ты не училсе, тебе такому ремеслу не научитьце, можете остатьце при своём ремесле.

Тогда он спросил второго Симеона:

— Дак слушай, Симеон, ты к чему жалаеш уцитьце?

Тогда сказал второй Симеон:

— Ваше величество, я тоже ницёго не знаю и ницёму не жалаю уцитьце, а если угодно, ваше величество, я могу, когда мой брат этот столб выстроит, выстать на этот столб и россказывать всем, што деетце во всех чарьствах.

Тогда чарь очень удивился такому мудрецю.

Ну ты можеш, Симеон, остатьце при своей роботы, где бы ты не училсе, нигде не выучиссе такому ремеслу.

Тогда цярь спросил третьего Симеона:

— Дак вот, Симеон, скажи ты, к цему жалаеш уцитьце?

Он сказал:

— Ваше величество, я хоть ницёго не знаю, но если мой брат старшой скуёт топор, то я этым топором сроботаю корабь за два часа́.

Тогда чарь удивилсе:

— Ты хорошой мастер, нигде тебе не научитьце лучче, останьсе при своём ремесле, коли такой ты мастер.

Тогда чарь спрашивает четвёртого Симеона:

— А ты чему жалаеш учитьце, твои братья останутце при своем ремесле, скажи мне?

— Ваше величество, я хотя ницёго не знаю, но и ницему не жалаю учитьце. Если мой ста́ршой брат скуёт ружьё, то я могу лютую птицю стре́лить на лету.

— О, дак ты хоро́шой малой, хоро́шой стрелок, можеш остатьце при своём ремесле.

И министры все слушали и дивились таким ремёслам мальциковым. Тогда спрашивает он пятого Симеона:

— А ты к цему, Симеон, жалаеш, скажи мне, друг.

— Ваше величество, я хотя ницего не имею и ницему не жалаю уцитьце. Когда брат стре́лит птицю, то я умею ей хватать и не допущу никогда до воды.

Цярь удивилсе этому мудрецю.

— Можеш тоже оставатьце при своём ремесле.

Тогда он спрашивает шестого Симеона:

— Ну дак скажи, Симеон, чему ты жалаеш учитьце, твои братья никуда не о́тданы и остаютце при своих ремеслах.

Тогда сказал Симеон:

— Ваше величество, я ницёму не жалаю учитьце, а если угодно будет вашему величеству, то я мог бы, если мой брат построит корабь и поведёт, ухватить этот корабь за нос и утопить со всема́ своима́ бра́тьямы и вести ёго под водой.

Цярь очень удивилсе такой хитрости и сказал:

— Нигде тебе не научитьце такой мудрости, оставайсе при своём ремесле.

Тогда цярь спросил седьмого Симеона:

— Ну, а ты к чему жалаеш учитьце? Все твои братья остаютце при своей науке.

Ваше величество, я, конечно, ницёго не знаю, но если угодно вашему величеству, если котору вы жалаете давно себе в жоны, то я ей могу достать, только штобы со мной были все мои братья.

Тогда цярь Адо́р сказал:

— Ну коли ты всё это можеш сделать, то я отдаю тебе всех твоих братьев, но уж пусто́й ко мне не приежжай.

И кряду же все вышли на двор. Там была уже сроботана у перьвого брата кузниця и поставлен столб вышиной почти до неба, а второй брат ставал в этот столб и россказывал, што деетце во всех государьствах.

Так, дальше. Вот седьмой Симеон приходит к своим братьям и говорит:

— Ну, братья, давайте справлятьце топерь в дорогу.

И один брат заказал кузнецю, перво́му Симеону, топор сковать, а другой ружьё. И кряду же отковал ёму топор и третий Симеон пошол к морю и церезь два часа сделали корабь, которой был совсем готовой и приказали грузить сьестны́ма припасами. Да. Когда нагрузили корабь сьестны́ма припасами, то все братья уже были на корабле и отправлялись в морё. Седьмой Симеон, которой хотел достать цярьскую доцерь, тот нашол на корабле кошку и научил ей петь, плясать и играть. Эта кошка на корабле щиталась зверьком.

И вот оне поплыли в то чарьство тридеся́то, где была чаревна. Вот, конешно, оне плыли, плыли, и хоть не скоро там, но всё-таки приплыли. Приплывают в это чарьство, поставил седьмой Симеон корабь к при́стани и сказал своим братьям:

— Ну вы топерь меня ждите, а я пойду с этым зверьком в город.

И вот он проходит против чарских о́кон и заставляет эту кошку петь, плясать и играть. Она это всё притворялась тут. А чаревна всё времё смотрела зверька, но на этот день никак не успела поговорить с этым цёловеком, так как не знала ёго. И он ушол на корабь. На второй день опеть братьям и говорит:

— Но, вы оставайтесь, а я пойду в город.

И вот так он пошол на второй день. Опеть сел против чарских окон и начинает с кошкой играть. И увидала это чаревна и посылает своёго слугу. Приходит слуга и говорит ёму:

— Ну-ко, молодой цёловек, тебя звала прекрасная чаревна, пойдём к ней во дворець.

— Ну, хорошо.

Берёт свою кошку и отправляетце с этим слугой. Приходит он к чарьскому дворцю, стречает ёго прекрасная чаревна и так же чарь, и ведут ёго во дворець. Привели во дворець, посадили за стол и стала ёго чаревна спрашивать:

— Вот што, скажи, откуда ты есть? И где ты взял этого зверька, как он играет, пляшет и все выделывает штуки?

— Меня зовут Симеоном, — отвецяет он.

— Ну, где ты нашол этого зверька?

И он отвецяет ей:

— Слушай, прекрасная чаревна, я нашол этого зверька не в ве́домом чарстве, которое нихто еще и не знал, и я сам обуцил ёго плясать и проделывать все штуки.

Потом она стала спрашивать:

— Ну, как Симеон, этого зверька зовут?

— Этого зверька зовут кошкой.

— Дак вот што, Симеон, ты мне этого зверька продай или оставь мне, я очень бы жалала ёго иметь во дворце.

— Я тебе, конечно, оставлю, продать не продам, а оставлю, но только ёго надо учить, потому што эта кошка к тебе не привыкла. Дак я, пожалуй, сам буду к тебе ходить ее уцить.

И она оцень была в этом согласна, што Симеон обещалсе ходить учить эту кошку. И вот так Симеон проходил два дня учить эту кошку. Чаревна интересовалась этой игрой с кошкой.

Вот приходит он на третий день и говорит:

— Слушай, прекрасная царевна, у кошки нет топерь той пищи, которой я ей кормил на корабле и тех редкостей, которы давал там в пищу и поэтому она так хорошо не может играть. Вот ежели жалаете, то приходите на корабь с кошкой, я ей там накормлю той пищей и заодно вам покажу все редкости, которы вывез я из неведомого чарьства. Только осмелюсь сказать, што эты все редкости могу вам показать наедине.

Так. И вот эта цяревна сказала:

— Ну, ладно, Симеон, бери свою кошку, ты ведь потом мне ей отдаш?

— Конецьно, я ей вам отдаю и так же отдаю те редкости, котóрыма ей кормил.

Тогда чаревна сказала:

— Дак вот, Симеон. Иди сечас на корабь, а я утром приду к тебе посмотреть каки у тебя есть редкости и принесу кошку.

И вот он пришол к братьям и им всё обсказал.

— Ну, братья, будьте топерь на дéле. Когда прекрасная чаревна завтро придёт и мы будем с ней в каюты, вы спускайте корабь на хóд.

И вот так оне провели времё до десети цясов утра. Смотрят уж идёт чаревна на корабь. А уж братья не спали. И когда чаревна зашла на корабь, ей было очень интересно узнать, чем он будет кормить эту кошку. Седьмой Симеон взял у чаревны кошку и пошол в каюту, и чаревна за им вслед. Вот он там кормил кошку, а потом заставил ей играть и проделывать разные штуки, которых чаревна ище не видала. Чаревна совсем не подозревала, што с ней может случитьце. А в это времё братья рубили канаты и отправляли корабь на полной ход. И вот этот корабь нёссе на полной ход. Чаревна и говорит:

— Слушай, Симеон, когда ты мне будеш показывать ище редкости, которы ты мне обещал?

И сама думает:

— Што такое на корабле случилось, што-то корабь стал качатце.

И вдруг она выходит на палубу, то она видит себя омманутой и того часу обернулась лебедью и полетела. А в это времё уж четвёртой Симеон не спал, схватил ружьё и выстрелил, а пятой Симеон не допустил ей до воды, схватил на летý и принёс на корабь.

Тогда узнал чарь, што омманута доцерь и послал скороходноё судно догнать их и привести дочерь. Ну скорей всего это был пароход или друго какó судно. И вот так было судно

наря́жено и стало это судно их достигать и стало уж очень близко. Тогда братья все ростерялись.

— Ну топерь пропало дело.

Тогда шестой Симеон зашол на́ нос, ухватил корабь за́ нос и скрылся в воду со всем судном. И так оне шли под водой. Потом уже второй Симеон тоже не спал, взял вы́стал на этот столб и стал смотреть, где находитце этот пароход. У их все инструменты с собой были. Обсмотрел кругом и видит, што нигде никакого судна нет. Он обсказал это всё братьям. Тогда шестой Симеон сошол с носу и корабь стал подыматьце и вышел опеть на во́ду. Потом кряду же они пришли в своё чарьство. Когда оне пришли в своё чарьство, то чарь встретил их на при́стани. И сказал ёму Симеон:

— Слушай, ваше велицество, я тебе привёз, котору ты жалал в жоны прекрасную чаревну, можеш получить её.

Чарь взял за́ руку чаревну и пошол во дворець. Братья пошли за им вслед. Только пошол чарь во дворець, собрал великолепной пир и стал угощать своих князей так же вместе с Симеонами и потом спрашивает чаревну:

— Ну, прекрасная чаревна, нам топерь придётце оввенцятьце.

— Слушайте, ваше величество, я со всем жаланьем иду с вами под венець, но дело в том, што не могу итти венчатьце, пока ты мне не достанеш моёго́ подвенечного платья и свадебной моей кореты и моих ко́ней, на которых выехать под венець. Когда ты это всё сделаеш, тогда уж я иду с тобой под венець.

Тогда чарь сказал:

— Ну, ладно.

сразу же обратилсе к седьмому Симеону и сказал ёму.

— Ну, Симеон, коли ты́ сумел мне достать прекрасную чаревну, то достань мне ейно подвенецьно платьё, ко́ней и корету, тогда ты будеш щедро от меня награждён вместе со своима́ бра́тьями.

Тогда ответил ёму Симеон:

— Слушайте, ваше величество, сечас на корабли к ним ехать нельзя. Нужно ехать на лошади́ и дать мне денег,

штобы я мог там купить себе разны вещи и итти к конюха́м, где ейны ло́шади хранятце.

Тогда чарь сказал:

— Ну ладно, Симеон, коли ты это обещаеш, тебе всё это будет.

И кряду же дал ёму денег, сколько надо и приказал дать саму луччу лошадь. И так отправилсе у нас седьмой Симеон. Ну, царевна этого не знала, што куда седьмой Симеон уехал.

И вот наш Симеон приежжает в этот город, из которого он вывез прекрасную чаревну. И вот он нача́л скуплять разные игрушки, там, брошки, серёжки разные и стал ходить к этым конюха́м, торговать этыма̀ товарами и отдавал им за бесченок и дарил королю. И вот он дня три ходил к ним и с ними кряду познакомилсе со старшими там конюхами. И потом уж стал ходить к ним с водочкой. Когда уж очень он стал с ими знакомой, оне стали ёго приглашать и нача́ли с им выпивать (тут-то вот денежки-ты и идут!) И вот он один раз приходит и оне начинают выпивать. И вот оне начинают випивать, а уж это седьмой Симеон старалсе их побольше напоить, тех конюхо́в, у которых хранились клюци. И так эты конюха́ нагуляли, што не токо старшие, но и млаччие свалились с ног, ну Симеон себя чуствовал в хорошем настроении. Он старалсе не пить много, или вылить куда. И все эты конюха́ перепились и заснули. Симеон в это времё не дремал, ну уж времё было позднее, так што все люди успокоились, никого по городу и по двору не видать было. Тогда Симеон у старшего ко́нюха ощупал ключи, отвязал и пошол к конюшны, где хранились прекрасной чаревны ко́ни и коре́та и ейно подвенецьно платьё. И вот Симеон вывел из конюшны ко́ней, запряг эту корету и собралсе, мигом выехал из чарьства, нихто ёго не заметил. И вот он в скороё времё прискакал в это чарьство на этых, на ейных ко́нях. Когда приехал в чарьство, то ёго чарь стретил с такой радостью, што уж не знал, што и делать. И сказал:

— Ну, Симеон, коли ты сослужил мне такую службу, будеш ты у меня на перьвом месте из братьев.

Тогда пришол он к чаревне и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, твоя служба исполнена, привезёно твоя подвенецьная корета и ко́ни и платьё твоё. Топерь у тебя прошу я жаланья, штобы ступить со мной под венець.

Тогда она ёму сказала:

— Ну, ваше величество, уж я топерь согласна, коли сумел меньшой Симеон достать мою подвенецьну корету и ко́ни и платьё, то уж я согласна. Оцень мудрой он цёловек.

И в это времё сецяс оне поехали под венець, а был уже устроеной пир. Когда приехали оне от венця, тогда сказал чарь своим вельможам и князьям и своим сенато́рам:

— Ну вот што, друзья мои, этых всех Симеонов провести министрами, а последнего Симеона провести перьвым министром в наших делах государственных, так што очень он у меня че́нной.

Ну все были согласны, не отказались от таких робят, очень оне были мастера́, на все шутки способны.

После этого всего, знаеш, когда жонилсе чарь, то стал он править своим чарьством до глубокой старости. А эты Симеоны были при нём на своих местах.

На этом сказка кончаетце.

29. ТРИ СЫНА

Вот был жил крестьянин на белом свете, у нёго было три сына. Два было умные, старшие, а млаччий был дýрень, звали ёго Иваном. Никогда он ничего не роботал и ничего он не умел роботать, только лежал на печке.

И вот эты два старших брата жонились. И в одно прекрасное времё чарь надумал сделать пир и того себе в зя́ти взять, хто прилетит на этот пир на золотом корабле и тому он даст полчарьства и выдаст дочерь взамуж. Когда братья узнали, што такого нужно зятя, чарю, то оне сказали:

— Ну, братья, пойдём на этот бал и хоть узнаем, хто прилетит к чарю на золотом корабле.

Тогда сказал отеч:

— Ну, што же, сынки́, идите, хоть узнаете, хто прилетит на золотом корабле.

И стал проситьце Иван:

— Возьмите, братья, меня, я хоть тоже посмотрю, хто прилетит.

Оне сказали:

— Куда мы тебя возьмём дурня, ты гря́зной, да лохма́той весь, и волоса́ не пострижены, куда мы тебя возьмём, не видали тебя там!

— Ну, ладно не берите и не надо.

Пришол на второй день и проситце:

— Благословите мне тоже итти.

А этых братьев уж отправили. Мать надавала им на дорогу всего, пищи хорошей и всего там. Отець и говорит:

— Куда ты, дурень, похо́диш, издивиш ты всех, тебе хорошо и здесь на печке лежать.

Всё-таки он стал проситьце:

— Пусти ты, батюшко, поло́жь на дорогу хоть хлеба кусоцек.

Наконець, он и говорит жоны:

— Ну, ладно, пусть он идёт, коли хоцет.

Ну, конечно, мать ёму собра́ла, вместо молока там воды ёму поло́жила, вместо стрепни разной — хлеба, накла́ла всего торбу. И вот он и пошол. Вот и идёт себе. Шол, шол, шол — попадает ёму старицок настрету. И говорит:

— Здраствуй, дурень.

— Здраствуй, дедушко, здраствуй.

— Ну, дак што, дурень, несёш, есть ли што у тебя поись?

— Да не знаю, чего там мать поло́жила, — отвечает дурень.

— Ну, дак станем йись.

И вот этот старик уж оммани́л, взял из бра́тниных сумок молоко, а им на место Иванову воду подсунул. И вот когда оны сели ись, то дедушко нацинает ёго спрашивать:

— Ну, скажи мне, дурень, куда ты идёш топеричу?

Он отвецят:

— Иду, дедушко, посмотреть, хто прилетит на золотом корабле к чарю на бал. Братья мои ушли и мне захотелось.

Топерь поел дедушко и говорит:

— Ну, на́ вот, я тебе даю топор, отойдёш от меня и увидаш толсто́е дерево, три охвата толще. Подойдёш к этому дереву и ударь ёго, а сам повались и два цяса́ лежи. А потом уж когда спуститце золотой корабь, тебя наготово розбудят, да посадят на ёго, и вот ты и прилетиш на золотом корабле к чарю. Ну, когда полетиш, то будут тебе попадать

настрецю старики, ты их бери в собой на этот корабь. Там будет тебе стречатьце: Опива́ло, Обьеда́ло, Стреля́ло, Слыха́ло, Оббега́ло, и этот дядя уж шестой, он пойдёт после всех с дровами. Ты их всех забирай и вали к чарю на пир прямо.

И вот он так, знацит, роспростилсе со старицьком и пошол с топором. Увидал он толсто́е дерево и подумал:

— Но это, наверно.

Вот он ударил по дереву топором, и сам повалилсе и лежал до́ тех, пока ёго не скрычали:

— Ставай дурень.

Как он скоци́л, глаза ски́нул, а уж перед ним золотой корабь. Зашол он на корабь и только што недалеко́ пролетели, глядит идёт старик перьвой — Опива́ло. Сьперва дуралей заговорил:

— Здраствуй, дедушко!

— Здраствуй, дурень. Куды полетел?

— К чарю на пир.

— Возьми-ко меня в собой.

— Ладно, давай, полетим.

Вот он взял этого Опива́ла и полетели. Летели, летели, вдруг идёт старик опеть, он опустил корабь. Опустил корабь и говорит:

— Здорово, дедушко!

— Здорово, дурень.

— Хто ты есть такой?

— Я — Обьеда́ло. Куда летйш дурень?

— К чарю на бал.

— Давай, возьми меня.

Вот и посадил ёго. Когда посадил, опеть снова полетели. И смотрить опеть старик, припал к земле и слушает чего-то. Он опустил корабь и спрашивает:

— Здорово, дедушко.

— Здорово.

— Чего ты слушаеш?

— А я слушаю, собрались ли гости к чарю на бал? А ты куда полетел?

— А я к чарю на бал полетел на золотом корабле.
— Возьми меня.
— Давай, садись.
Вот посадил ёго и полетели. Смотрят идёт старик на одной ноге, а друга́ за́ ухом. Он опустил корабь и говорит:
— Здорово, дедушко!
— Здорово, дурень,
— Почему ты об одной ноге, а друга́ за́ ухом у тебя, дедушко?
— А вот почему: если я отпущу другу ногу, то мне будет не задеть чарского бала, мимо пролечу, — отвечает старик.
— А ты куда летиш на золотом корабле?
— К чарю на бал.
— Возьми меня.
Вот он посадил, и полетели дальши. Опеть и летят, летят и летят. Вдруг попадает старик. Несёт этот старик дро́ва за плечми, челую пачку. И он опустил корабь и спрашивает:
— Здорово, дедушко, зачем ты в лес дро́ва несеш, а люди йз лесу носят?
— Здорово, дурень. А почему я дро́ва в лес несу? Потому што мне нужно. А ты куда полетел, дурень?
— Я к чарю на бал.
— Ну, возьми меня в собой.
— Садись.
Вот он по́днял корабь полетели. Вот, летели, летели, видит сидит старик на дороге, причелилсе и кого-то стреляет, но не видят кого стреляет. И он опустил корабь и спросил:
— Кого ты, дедушко, стреляеш?
— А вы рази не видите за триста миль сидит фазан птиця, а я ей и стреляю. А ты куда полетел, дурень?
— К чарю на бал на золотом корабле.
— Возьми меня.
— Ну, садись.
И вот оне полетели в чарьство. Когда оне прилетели в чарьство, там уж все гости были и ждали только, хто прилетит на золотом корабле, и вдруг гости смотрят корабь прилетел. Корабь золотой, мачты серébряны, паруса́ были шел-

ко́вые. И стали гости спускатьце с корабля, все шестеро были старики, а седьмой был дурень — лохматой, некрасивой. Чарь, конешно, гостей при́нял и думает:

— Ну, как же это, што оне все ста́рые, а один дурень. Уж я за их дочери своей не отда́м, хотя оне и прилетели на золотом корабле.

И чарь со́брал своих советников и стал с има́ думать, каку́ бы им задацю дать. И што если этот дурень не исполнит задаци, то у ёго голова с плець. А в это времё, когда оне там сидели, то Слыха́ло припал ухом и слыха́л, што оне там советовали с чарём. И вот оне, наконеч, придумали:

— А што, пускай он привезёт к нам птичу фазан, где бы она ни была, тогда он не будет сказнён. Если не исполнит, тогда голова с плець.

Этот Слыха́ло всё слы́шал. Пришол министр и говорит этому дуреню:

— Вот, дурен, исполни чарьскую задачу: — достань птичу фазан, где бы она ни была́. Если не достане́ш, то тебе голова с плеч, а как достанеш, то будеш ёго зятем.

И так обьевляет. Приходит дурень, запечалилсе, ёму и говорит Слыха́ло:

— Конайсе вот этому Стреля́лу. Он знает и сецяс ей подстре́лит.

И вот Иван подошол к этому Стреля́лу и говорит:

— Но, дядя, стре́ль эту птицю, ты знаеш, где она.

— Но, ладно, сецяс стре́лю.

И навёл ружьё, и вы́стрелил. Топерь говорит Слыха́ло:

— Скажи дяде Оббега́ло, и он сбегает, принесёт ей.

Вот он подошол:

— Сбегай, дядя, за птицей.

Тот сецяс стягивает ногу из-за у́ха, и помцялсе. Не прошло, как ровно два цяса́, как он пришол и принёс птицю. Когда прошло два цяса́, приходят от чаря и спрашивают:

— Ну, как, готово?

Говорит:

— Готово.

И подаёт министру птичу фазана. Когда принёс чарю, то чарю это очень понравилось. И оне стали придумывать ему новую службу. А уж Слыхало сидел и слушал, што оне там придумывали и говорили, чарь со своима́ министрами. Да, и опеть один министр придумал:

— Пусть сбегает за живой водой и за мёртвой и эту птичу фазана мы оживи́м и не бо́ле как черезь два часа́. Пусть принесёт, а если не исполнит, то ёму голова с плець.

И кряду же опеть пришол министр и обьевляет ёму службу такую.

— Принеси церезь два цяса живой воды и мёртвой. Если не исполнено будет, то голова с плець.

— Дурен немного задумалсе. Слыхало ёму и говорит:

— Конайсе Оббега́ло, он сбегает.

Вот он подошол к Оббега́ло и говорит:

— Дядя, сбегай за живой водой и за мёртвой и принеси церезь два цяса́, пока еще гости сидят на пиру́.

Да, и Оббега́ло кряду отстегнул ногу свою и побежал, Зацерпнул во́ду и видит, времени прошло мало, час один, а уж скоро и чарьство.

— Давай, — думает, — отдохну.

И как повалилсе, так и заснул. Слыха́ло видит, времени осталось уж мало: всего четверть часа́. Припал к земле, послушал и сказал:

— Спит он там.

Дурен задумалсе.

— Ну, как не придёт во́-времё, дак чарь сказнит меня.

Топерь опеть Слыха́ло и говорит:

— Конайсе Стреля́ло и он стрельнёт и ёго розбудит.

И вот сецяс подошол к Стреля́лу и говорит:

— Розбуди Оббега́ло, Слыха́ло говорит, што он там на пути где-то спит.

Вот Стреля́ло даёт выстрел и розбудил ёго. Тот скоцил и давай бежать. Прибежал ровно. Идёт уж министр и спрашивает:

— Ну, как, дурен, доста́л ли воду живую и мёртвую?

А Оббега́ло только успел ему передать. Тот ёму и подаёт. Когда принёс министр живу́ и мёртву воду к чарю, тот стал думать:

— Как же мне отдать за такого дурена дочь. Надо задать ёму ище службу.

И придумали кряду же:

— Пусть достанет несколько полков салдат и сделаетце хорошим, не таким ду́реном, как сецяс, штобы годилсе чарским зятем. А если не сделаетце, тогда голова долой.

Слыхало всё это слышал. Когда пришол чарьской министр и обьевил ёму:

— Достань несколько полков салдат и сделайсе таким хорошим, штобы быть чарским зятем, а е́жели не сделаеш, то голова с плеч.

Да. И вот когда обьевил ёму, дурень задумалсе:

— Как же я топерь это сделаю?

Слыхало и говорит ёму:

— Конайсе тому дяде, которой с дрова́ми шол, он всё сделает.

Он подошол к нёму:

— Ну, дядя, помоги мне доста́ть войско и сделай меня таким красавцем, штобы я́ годилсе стать цярским зятем.

Тогда сказал ёму дядя:

— Но, пойдём мы с тобой двое.

И оне пошли в лес. Выходят оне на большое полё, старик нацинает поленья выкидывать из своих дров и ни отку́ль возьмись, когда он выкидал эты все поленья, несколько полков салдат образовалось. Когда эты салдаты выстроились полка́мы, то он Ивана произвёл таким красавцем, што и не обскажеш, посадил его на белую лошадь и сказал:

— Но, быть ты топерь главнокомандующими над эты́ма́ салдатами и поворачивай войско в город, а нас уж там чарь стретит. И будеш ты чарским зятем — добавил ище ёму старик. Ну и скомандовал Иван своим войскам:

— Робята, за мною!

И кряду же отправились в чарьство. Только успел Иван показатце со своима войска́мы, то чарь очень удивилсе и пошол со своима̀ слу́гами стречать их и произвёл этого главнокомандующего себе зятем. Посадил ёго за стол, привёл невесту и все сидели там. Ёго старики все, конечно, тож̀е сидели с има́ за этым столом. Старшие братья видели, как приехал дурень на золотом корабле и как всё тут творилось.

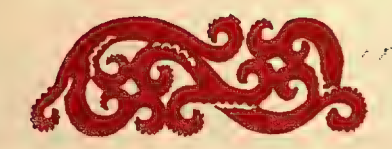
Когда эта свадьба отошла́, то чарь ёго наградил полчарьством и Иванушко осталсе в чарьстве, а эты старики неизвестно куды розехались.

Когда братья пришли домой и россказали, как дурень прилетел на золотом корабле и как всё было, и как он получил полчарьства, то старики очень иэдивились.

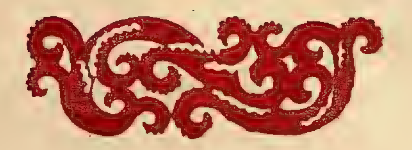
В скором времени Иван получил у чаря наследство — чарьство, и стал жить до глубокой старости.

Сказка вся, больше врать нельзя.

ОПИСАНИЕ СЮЖЕТОВ
И
ПРИМЕЧАНИЯ

ОПИСАНИЕ СЮЖЕТОВ

1. ПРО ЧАПАЯ

Старшие братья Чапаева взяты на империалистическую войну. Младший, Василий Иванович, получает от тетки кольцо-талисман, который сохраняет жизнь на суше, но не действует на воде. Чапаев славится на войне своим геройством и храбростью. По возвращении домой он женится и занимается хозяйством. Во-время гражданской войны идет в Красную Армию, В двух боях разбивает армию Колчака. Фрунзе дает ему задание дать бой Колчаку у реки Белой. Чапаеву необходимо выяснить расположение войск Колчака, он едет в разведку с небольшой группой красноармейцев. В дороге встречает шпионку Колчака, которая называет себя женой красноармейца. Располагается в деревне у реки Белой на ночлег. Шпионка дает знать Колчаку, что Чапаев не имеет сейчас с собой всего полка. Колчак окружает деревню с трех сторон. Чапаев дает приказ своим красноармейцам переплыть реку, чтобы соединиться с основными силами. Раненый, во-время переправы через реку, он тонет. Красные окружают Колчака и разбивают белых окончательно. Семья Чапаева обеспечена государством.

2. АНДРЕЙ СТРЕЛЕЦ

Царский охотник подстрелил в лесу соколицу, раненая птица просит, чтобы он взял ее к себе. Соколица превращается в девушку Елену Прекрасную. Царь хочет отнять ее у Андрея и дает ему невыполнимые задания: принести из тридевятого царства овечку-золотую головку, свинку-золотую щетинку. При помощи Елены Андрей исполняет поручения царя. Царь посылает Андрея „туда, не знаю куда“, принести „то, не знаю что“. Елена Прекрасная направляет Андрея к своей матери. Та с помощью лягушки-скокушки переправляет его через огненную реку и учит, как достать „то, не знаю что“. Андрей угощает Свата-Наума — „то, не знаю что“ — вином и берет его к себе на службу. Сват-Наум строит корабль, они переплывают через море и поселяются на острове. У заезжих капитанов Андрей выменивает на Свата-Наума волшебный топор, который создает в одну минуту корабль, саблю, делающую хрустальный мост и дворец, и трубочку, из ко-

торой можно вызывать войско. Сват-Наум возвращается к Андрею. Они с помощью этих предметов добираются до своего государства. Андрей с помощью трубочки вызывает войско, побеждает царя, делает его пастухом. Сам становится царем и справляет свадьбу с Еленой Прекрасной.

3. ШКИП

Царь, умирая, завещает сыну кольцо, по которому он должен выбрать жену. Кольцо годится только для руки сестры царевича. Она не хочет выходить замуж за брата, бежит из дому. Открывает торговлю, выходит замуж за приказчика. Ее шестимесячный сын Шкип просит заезжего старика взять его к себе. Вскоре Шкип становится известен своим умом и встречается с дядей-царем. Шкип строит корабль, который может плыть под водой и отправляется добывать царю невесту. Ставит царю условие — провести первую брачную ночь с царевной. В тридесятом царстве он привлекает царевну на корабль редкими товарами и игрой на гуслях и увозит к дяде. Царевна обращается лебедью, он ее ловит и превращает обратно в девушку. Отец царевны посылает за ними погоню, но Шкип проводит корабль под водой. Царь-дядя нарушает условие, не хочет отдать Шкипу царевну. Царевна ночью, обратившись лебедью, улетает в свое царство. Шкип опять отправляется с войском за ней. Царевна велит его казнить, но войско Шкипа спасает его. Шкип забирает царевну и везет опять к дяде. При попытке царевны в первую ночь победить Шкипа, он убивает царевну, очищает ее от всякого волшебства и передает воскрешенную красавицу-царевну дяде, который и женится на ней. Шкип навещает родителей, мирит мать и дядю. Отказывается от невесты-царевны, женится на крестьянской дочери. Дядя отдает ему престол и Шкип становится царем.

4. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЖАР ПТИЦА

Мальчик в первый раз отправляется с отцом в лес на охоту. Ему в силок попадает жар-птица. Отец продает ее царю. Царь награждает старика. Жар-птицу запирает в комнату, ключи передает царице. Жар-птица просит царевича освободить ее. Царевич достает ключи и выпускает жар-птицу на волю. Царь в наказание выгоняет царевича из дома и дает ему одного лакея. В дороге царевича мучит жажда, он спускается в колодец. Слуга отказывается вытянуть его обратно, если он не поменяется с ним платьем и званием. Царь соглашается. Приходят в царство, где слуга принимается с царскими почестями, а Ивана-царевича посылают на год пасти зайцев. В лесу все зайцы разбегаются. Иван вызывает жар-птицу. Жар-птица уносит его к себе в царство. Хочет женить на своей старшей сестре, но он отказывается. Царевич получает в подарок от сестры жар-птицы скатертку-

хлебосолку. Жар-птица дает Ивану-царевичу гармошку, с помощью которой он собирает всех зайцев и благополучно пригоняет их домой. По приказанию лакея, мнимого Ивана-царевича его морят голодом, но он угощает у себя избушке царскую дочь с помощью скатеретки-хлебосолки и играет ей на гармошке. На другой год царевич опять пасет зайцев. Они разбегаются, жар-птица уносит Ивана к себе. Средняя сестра дает ему платочек, чтобы собрать зайцев. Он благополучно возвращается домой, открывает царской дочери свое звание, но просит хранить все в тайне. Она дарит ему перстень. В третий год жар-птица опять помогает благополучно пасти зайцев, дает царевичу две бутылочки, в которых заключена богатырская сила. Указывает, где найти коня, мечь-кладенец и латы богатырские, а младшая сестра дарит Ивану царскую одежду. Он возвращается с зайцами домой. Царевна тайно соглашается выйти за него замуж. Появляется шестиглавый змей и требует царевну себе на съедение. Царь обещает за спасение царевны ее руку и полцарства. Лакей вызывается драться со змеем, отправляется к морю, но трусит и прячется в лесу. Иван-царевич убивает змея, отрубает у него языки. Отдает языки самозванному царевичу, за это отрубает у него по пальцу с руки и с ноги. Затем убивает девятиглавого и двенадцатиглавого змея, языки опять отдает своему лакею, но вырезывает у него по пальцу и ремни из спины. Сам ранен змеем. Царевна перевязывает его рану. Лакей угрожает царевне смертью, заставляет его признать ее спасителем. Должен жениться на царевне, но на свадебном пиру все выясняется. Иван-царевич женится на царевне, угощает всех гостей с помощью скатерти-хлебосолки, а лакея убивает.

5. КАК ЦАРСКОГО СЫНА УНЕС КОМНАТНЫЙ ЕРОПЛАН

Золотых дел мастер ссорится с монтером. Царь, чтобы рассудить их ссору, велит им принести каждому по своему произведению; чья вещь будет лучше, тот и победит в споре.

Золотых дел мастер делает из золота голубя, а монтер маленький аэроплан, на котором могут летать только два человека. Царевич, играя, улетает на аэроплане в другое государство. Аэроплан прячет, сам поступает к царю конюхом, скрыв свое имя и звание. Царевич летает на аэроплане по ночам к царской дочери. Царевна—беременна. Царь узнает об этом, велит посадить Сергея-царевича в темницу. Сергей подкупает прохожего, достает аэроплан и улетает с царевной в другой город. У них родился сын. Аэроплан не может нести больше двух человек, поэтому сына оставляют у старушки и забывают про него. Сын Сергея-царевича, Незнайко поступает приказчиком к купцу. Проникает через подземный ход к дочери купца. Затем сватает ее, но купец отказывает ему, как безродному. Родители Незнайки вспоминают про сына. Сергей-царевич под видом купца знакомится с Незнайкой, узнает о его любви к купеческой дочери. Предлагает купцу 2 миллиона с условием, что он выдержит одну ночь и не будет ничему удивляться,

что бы ни увидел. Ведет переодетого купца в подземелье к дочери. Купец, узнав таким образом о любви своей дочери к Незнайке, дает согласие на брак. Сергей-царевич открывает Незнайке его имя. Увозит сына на аэроплане в свое царство. Затем Незнайко прилетает за женой. У нее родится сын которого они оставляют у бабушки, сами улетают к родителям. Незнайко перевозит к своим родителям сына, затем тещу и тестя. Купец награждает зятя капиталом. Впоследствии Незнайко становится царем.

6. КАК ЕЛЕНА КОРОЛЕВНА ВЫВЕЛА ЦАРСКОГО СЫНА ОТ ВОЛШЕБНОГО КОРОЛЯ

Воробушек и мышка ссорятся в поле из-за оставленного зерна. Между зверями и птицами разгорается война. Живым остается только орел. Царевич находит раненого орла и берет к себе. Выздоровевший орел приглашает его к себе в царство за наградой. Сестры орла дарят царевичу разноцветный ящичек, кошелек-самотряс и волшебный ключик. Орел наводит в этот ящик силу и отправляет царевича домой, приказав не открывать ящик до прихода домой. Ключ имеет такую силу, что царевич всегда сыт и весел. Царевич не выдерживает и открывает ящик дорогой. Сила уходит мгновенно, ключ теряет свои качества. Волшебный король возвращает ящику его прежнюю силу, но требует, чтобы царевич отдал ему то „чего дома не знает". У царевича родится сын, которого он должен отдать волшебному королю. Мальчик узнает об этом от волшебницы. Она учит его, как найти Елену-королевну и наделяет его красотой и силой. Царевич отправляется к волшебному королю. У озера выслеживает двенадцать голубиц, которые оборачиваются девушками. Крадет платье Елены-королевны, она обещает выйти за него замуж. Король дает ему задания: построить в одну ночь дворец, сделать из головешки корабль, выкорчевать в одну ночь лес, выжечь, вспахать поле, посеять хлеб, сжать, обмолотить и напечь блинов. Иван царевич с помощью Елены-королевны выполняет эти задания: тогда король заставляет его выбрать Елену-королевну в жены из двенадцати одинаковых кобылиц, из двенадцати одинаковых свиней и из двенадцати девиц. Елена-королевна помогает ему и в этом. Король велит готовиться к свадьбе, молодых посылают в баню. Елена-королевна оставляет три свои слюнки, чтобы они отвечали за нее, а сама с Иваном-царевичем бежит от отца. Король посылает погоню, но Елена-королевна обращает себя и Ивана-царевича сначала часовней и стариком, затем голубем и голубицей. Король сам бросается за ними в погоню. Елена-королевна обращает себя в ерша, а Ивана царевича в кольцо. Король обращается в щуку, гонится за ершом. Выпивает все озеро, задевает за скалу и лопается. Беглецы приезжают в свое царство. Елена-королевна обращается в горючий камешок, наказывает царевичу, чтобы он при встрече с родными не забыл поздороваться со старшей сестрой. Царевич не исполняет этого и забывает Елену-королевну. Женится на дру-

гой. Елена-королевна на свадебном пиру выпускает из пирога голубя с голубкой, которые напоминают царевичу о ней. Царевич бросает жену и женится на Елене-королевне.

7. ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Три царевича идут свататься туда, куда поведут их стрелы. Стрела старшего падает на королевский двор, среднего — на княжеский, а младшего в болото. Иван царевич должен жениться на старухе. Царь дает невесткам задачи: приготовить рубашку, испечь хлеб, вышить ковер. Старуха лучше всех исполняет поручения. На пир старуха является Еленой Прекрасной. Во-время танцев из костей делает реку Неву, по реке плавают утки, селезни и гаги. Иван царевич сжигает одежду старухи. Кащей Бессмертный похищает Елену Прекрасную. Иван-царевич отправляется искать жену. Встречает старуху, она посылает его к отцу Елены. Отец дает Ивану-царевичу коня, шлем и меч и посылает к Кащею, Иван-царевич хочет наняться в работники к Кащею, тот испытывает его силу и обращает в орех. Орел освобождает Ивана-царевича, берет его к себе в работники; за службу орел награждает его силой. Иван-царевич убивает Кащея, освобождает Елену Прекрасную и приводит ее, ослабевшую от плена, к орлу. Она служит работницей у орла, тот за это ее вылечивает и тоже награждает силой. Затем отправляет их к родителям Елены-Прекрасной, потом к отцу Ивана-царевича, где Иван-царевич получает престол.

8. КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Царских дочерей уносят ворон, голубь и орел. Брат отправляется их навестить. Сестры дают ему по кольцу, ворон дарит волшебное яичко, из которого при желании появляется дворец со всеми яствами. Орел дает царевичу свое перо, благодаря которому зятья должны узнать о его смерти, и переносит его в царство Елены Прекрасной. Иван царевич сватается за Елену, но она велит бросить его в темницу. Иван царевич перебрасывает кольцо старшей сестры с руки на руку. Появляются танцовщицы и играет музыка. Царевна требует себе кольцо. Иван царевич отдает ей его с условием, что она поднимет платье до колен. Тоже самое происходит со вторым кольцом и с третьим. Царевич женится на Елене Прекрасной. Она улетает к своей тетушке, дает ему двенадцать ключей и запрещает ходить в двенадцатую комнату. Иван-царевич открывает двенадцатую дверь, выпускает Кащея Бессмертного. Тот похищает Елену Прекрасную. Иван-царевич едет к Кащею за Еленой. Кащей прощает Ивану царевичу три побега с Еленой Прекрасной, но на четвертый раз убивает его и тело сжигает. Зятья узнают о смерти Ивана-царевича, воскрешают его и дают совет, как отнять Елену Прекрасную у Кащея. Иван-царевич отправляется к волшебнице, тетке Ка-

щея. Служит у нее пастухом, чтобы достать себе коня. По дороге спасает волка и щуку. Они помогают ему пасти стадо волшебницы. Иван-царевич получает от нее коня. Едет к Кащею Бессмертному. Достает Елену Прекрасную и бежит с ней на своем коне. Кащей долго за ними гонится. Не поймав, измученный погибает. Иван-царевич с Еленой Прекрасной навещает своих сестер, затем становится царем в царстве Елены Прекрасной.

9. СЕВЕР (САПОГИ-СКОРОХОДЫ)

Бедняк идет розыскивать свое счастье. Достает уточку, но по неграмотности не может прочесть, что у нее написано во рту: „Кто съест голову — будет царем, кто потрохи — получает кошелек-самотряс и будет знать все на свете". Продает уточку купцу. Купец дает уточку на хранение своей жене, сам уезжает. Она хочет накормить ею своего любовника, но уточку съедают сыновья. Она велит сыновей убить, но они с помощью кухарки бегут из дома. Попадают к людоеду, бегут от него. Людоед бросается за ними в погоню. В дороге ложится отдыхать, мальчики стаскивают с него сапоги-скороходы и кольцо. Доходят до росстани и расходятся в разные стороны. Федор дает брату кольцо людоеда, по которому тот должен узнать о его смерти. Василий приходит в одно государство, где царевна выбирает себе жениха: „у кого при входе в собор загорится незаженная свеча, тот будет мужем царевны". Василий женится на царевне. Второй брат, Федор встречает волшебницу, она обращает его котом и показывает ему прекрасную царевну. Федор отправляется свататься к царевне. Она дает ему задачу: прокормить три года жителей ее города. Он исполняет ее поручение. Убивает в поле ее возлюбленного и мочит его кровью платок. На свадебном пиру царевна заставляет Федора выпить зелье. Его тошнит и тем самым Федор передает царевне дар, полученный от съеденной уточки. В ответ бросает ей намоченный в крови ее возлюбленного платок. Царевна велит орлу отнести Федора в болото. Василий узнает о несчастии брата, посылает орла вынести его из болота. Федор находит три птичьих яичка, одно съедает сам, а два отдает Северному ветру. Ветер за это отправляет его к своей матери, дает ему волшебный платок, бочку и палку. Из платка появляются три молодца и переносят Федора к царевне, а из бочки выходит войско. Царевна летает над войском орлицей. Волшебные молодцы обращают ее кобылицей, на которой Федор ездит три дня. Кобылицу от усталости тошнит и Федор опять получает кошелек-самотряс и способность знать все на свете. Федор едет на кобылице-царевне к брату. Брат с женой просят Федора простить царевну. Он обращает ее опять прекрасной девушкой и женится на ней. Затем братья достают при помощи волшебного платка своих родителей. Отец за время отсутствия сыновей разорился. Северный ветер потопил его корабли. Сыновья берут родителей к себе и разъезжаются по своим царствам.

10. ТРИ БРАТА

Царь просит сыновей достать ему живой и мертвой воды, манежных ягод и молодильных яблок. Сначала едет старший царевич. Доезжает до росстани, где на столбе видит надпись: „вправо ехать — убитому быть, прямо ехать — женатому быть, влево ехать — богатому быть". Царевич едет туда, где женатому быть. Приезжает к шатру, его встречают две девицы. Одна укладывает его спать, нажимает рычаг в кровати, царевич проваливается в подземелье. То же самое происходит и со средним братом. Младший брат разгадывает хитрость девицы, бросает ее в подземелье. Освобождает братьев, шатер сжигает. Затем Иван-царевич едет в ту дорогу, где богатому быть. Не находит никакого богатства, возвращается. Отправляется в третью дорогу, а братьям велит его ждать. Заезжает по очереди к трем старухам, рассказывает им о цели своего путешествия. Каждая оставляет у себя коня, на котором он к ней приехал, ему дают других коней. Третья старуха посылает его к своему брату, который отправляет Ивана-царевича на петухе к Елене Прекрасной и дает ему скатертку-хлебосолку. Царевич застает царевну спящей, достает живую и мертвую воду, молодильные яблоки, манежные ягоды. На обратном пути царевич задевает каблуком за стенку ограды в царстве Елены Прекрасной. Она просыпается от звона колоколов и бросается за ним в погоню. Он все время меняет у старика и старух загнанных коней и уезжает от Елены Прекрасной. Находит своих братьев. Они бросают его в пропасть, сами забирают все его вещи. В подземном царстве Иван-царевич спасает царевну от змея. Царь дает ему волшебную трубочку и петуха, который выносит его на Русь. Иван-царевич попадает неузнанным к отцу на пир, где и рассказывает под видом сказки о своих приключениях и измене братьев. Отец узнает его, назначает своим наследником, но он отказывается. Иван-царевич женит среднего брата на царевне из подземного царства. В это время приезжает со своими сыновьями прекрасная царевна, у которой Иван-царевич достал молодильные яблоки и требует „виноватого". Царь посылает по очереди старших сыновей. Она их наказывает, требует Ивана-царевича, которого и увозит в свое царство. С помощью волшебной трубочки Иван-царевич переносит все царство Елены Прекрасной к своему отцу, где и остается жить.

11. ИВАН СОСНОВИЧ

Старик делает из сосны мальчика. Сделанный из сосны ребенок оживает и проявляет свою силу в поле, в лесу — рубит дрова; в кузнице подбрасывает палицу в триста пудов; убивает одним ударом волка-медного лба. Отправляется путешествовать.

По дороге встречает богатырей: Дубыню, Горыню, Усыню. Останавливаются в лесу в избушке. Дубыня остается варить обед, а братья уходят

на охоту. К Дубыне является хозяин избушки, — старик с ноготок, борода с локоток, — и жестоко избивает его. На другой и на третий день происходит то же с Горыней и Усыней.

На четвертый день в избушке остается Иван Соснович и побеждает старика, но тот убегает в подземное царство. Иван Соснович спускается вслед за ним, а братьям велит дождаться его. Встречает трех девушек, пленниц старика. По указанию последней находит живую воду, убивает старика и освобождает девушек. Братья поднимают трех красавиц из подземного царства, но так как боятся, что одному не достанется жены, оставляют там Ивана Сосновича.

Кащей бессмертный отнимает у Дубыни, Горыни и Усыни девушек, уводит их к себе, двух братьев убивает, одного ранит. Царство, откуда были царевны родом, каменеет. Иван Соснович в подземном царстве кормит детей орлицы и за это она выносит его на свет. Убивает раненого Дубыню, подбирает себе товарищей и идет разыскивать Кащееву смерть. Разрушает высокую гору и убивает Кащееву смерть. Забирает девушек и с помощью гуслей-самогудов пробуждает окаменелое царство. Женится на царевне и получает престол.

12. ЗОРЬКА-МОЛОДЕЦ

Три брата: Зорька-молодец, Вечер-молодец и Полночь-молодец отправляются путешествовать. Зорька закидывает якорь с цепью на гору, братья взбираются туда. Каждый убивает по змею и женится на царевне. Зорька-молодец отправляется исследовать гору. Встречает пленницу Черномора, которая учит его, как расправиться со своим похитителем. Зорька с братьями зажимает бороду Черномора в дуб. Братья с царевнами собираются домой. Жена Зорьки закрывает свое царство в яичко и отдает Зорьке яичко и кольцо. Братья спускают трех царевен с горы, рубят цепи якоря и оставляют Зорьку на горе. Сами возвращаются к родителям, а жена Зорьки уходит в свое царство. Пленница Черномора выводит Зорьку на волю через подземный ход. На пиру у царевны Зорька спускает ей в чару кольцо. Она узнает его, они строят из яичка дворец. Впоследствии Зорька становится царем.

13. СУКИН СЫН

По совету старика царица съедает щуку, остатки отдает жене лакея и собаке. У них родится по сыну. Сукин сын, самый сильный, получает от колдуньи коня, латы богатырские, седло, уздечку и палицу. Братья отправляются путешествовать. Кидают жребий, кому караулить ночью у моста. Братья каждый уступают свою очередь Сукину сыну. Сами спят в шатре. Он убивает трехглавого и шестиглавого змея, с помощью своего коня убивает и девятиглавого змея. Братья едут дальше. Сукин сын подслушивает

разговор родителей и жен убитых змеев, которые, чтобы погубить братьев-обращаются кроватью, яблоней и колодцем и напускает на братьев сонливость, голод и жажду. Братья избегают колдовства, и возвращаются домой, а Сукин сын едет дальше. Спасается от матери змеев в кузнице, обращает ее конем. Старуха-конь завозит его к отцу змея. Старик посылает его достать ему царевну в жены. В дороге Сукин сын встречает Объедало, Опивало, старика, который обучает диких лошадей, старика, который никак не может согреться, волшебного садовника и волшебного звездочета. В тридевятом царстве с помощью этих стариков исполняет все задачи царя: съедает весь хлеб, выпивает реку, замораживает раскаленную до красна баню, выучивает необъезженного коня, в которого обращается сам царь. Получает царевну, которая в дороге улетает от него звездой на небо, но звездочет ее достает, затем она обращается яблоней, садовник ее находит. Сукин сын объясняет ей, что везет ее в жены отцу змея. Она учит его, как погубить старика. Хитростью заманивает старика в приготовленную им для Сукина сына яму, где тот сгорает. Убивает коня-старуху, забирает все ценности из их дома, уезжает в свое царство и женится на царевне.

15. ИВАН МЕДВЕДЁВИЧ

Сын медведя и попадьи отличается большой силой. Убивает ударом о дерево медведя и отправляется с матерью в город. Царь берет его к себе, учит грамоте. Иван Медведёвич достает палицу, прикованную к горе, убивает десять богатырей, а одиннадцатый богатырь скрывается и становится любовником его матери. Мать по совету любовника хочет погубить сына. Притворяется больной и посылает Ивана Медведёвича на озеро за водой, где его должен утащить водяной царь. Иван Медведёвич достает у волшебницы коня. Волшебница рассказывает ему об измене матери и учит, как избавиться от опасности. Иван едет к озеру за водой, мучит водяного царя, достает у него золото и пригоняет в свое царство. Мать поит Ивана Медведёвича вином и хочет выпытать, где находится его смерть. Иван Медведёвич обманывает ее: говорит, что смерть в голике. Мать сжигает голик, но Иван Медведёвич остается жив. Тогда мать опять посылает его в сад к безрогому черту и льву-зверю за целебными растениями. В дороге Иван Медведёвич убивает змея, освобождает царевну. Конь учит Ивана Медведёвича, как осилить льва-зверя. Иван Медведёвич забирает в саду растения, живую и мертвую воду, завозит ее царевне, а льва-зверя пригоняет в свое царство. Мать хочет узнать, где находится его смерть, но Иван Медведёвич опять ее обманывает. Мать посылает его в тот же сад за ягодами. Иван Медведёвич достает ягоды, побеждает безрогого черта и гонит его к царю. Мать поит Ивана Медведёвича вином, он говорит, что его смерть находится в пуговице. Мать убивает сына, тело разрубает на куски и выбрасывает в поле. Конь вместе с волшебницей собирают тело и везут царевне,

у которой хранилась живая и мертвая вода. Царевна воскрешает Ивана Медведёвича, запирает свой дворец в яйцо и едет к царю. В царстве из яичка делают дворец, устраивают пир, на котором царевна встречается с родителями. Иван Медведёвич наказывает водяного, льва-зверя, безрогого черта и отпускает их домой, взяв обещание, что они не будут больше губить людей. Убивает богатыря и свою мать, женится на царевне и становится царем.

15. СОН ВЕЩИЙ

Сын отказывается рассказать отцу свой сон, который ему приснился в новом доме. Отец отвозит его на дорогу и привязывает к столбу. Его спасает царевич, который также требует рассказать ему сон. Иван отказывается. Царевич, бросает его в темницу, сам уезжает жениться. Сестра царевича освобождает Ивана и посылает его помогать царевичу. Иван набирает из солдат себе 12 товарищей. Встречает трех чертей, которые не могут поделить между собой шапку-невидимку, ковер самолет и сапоги-скороходы. Иван стреляет из лука и посылает их за стрелами, сам забирает вещи. Сажает своих спутников на ковер-самолет и улетает за царевичем. Поступают матросами к царевичу на корабль. Царевна соглашается выйти за царевича но требует, чтобы он разгадал ее загадки. Иван с помощью шапки-невидимки узнает загадки царевны, приносит ей пару к туфельке, селезня к уточке. У водяного царя достает тех же серебряных и золотых волос, что достает и царевна. Царевна по волшебной книге узнает, что все загадки угадывал не царевич, а Иван, требует его к себе, не может различить Ивана среди 12 его товарищей. Напоив их всех пьяными, по волшебной книге узнает Ивана, выстригает у него волосы. Иван подстригает волосы у всех 12 матросов. Царевна в злобе на свои неудачи, бросает волшебную книгу в море, выходит замуж за царевича. Иван отпускает своих товарищей, отдает волшебные предметы трем чертенятам, сам возвращается в темницу. Царевич, возвратившись домой, освобождает Ивана и разрешает ему безданно, беспошлинно три года пить и есть. Царевна хочет погубить мужа и выйти за Ивана. Иван достает со дна моря с помощью чертенят волшебную книгу. Царевна убивает царевича, выходит замуж за Ивана. Иван вызывает на пир отца и рассказывает ему свои приключения, о которых он знал заранее из вещего сна.

16. ИВАН МЕНЬШОЙ, РАЗУМ БОЛЬШОЙ

Дровосек находит в лесу 33 яйца, из которых выходит 33 молодца. Они отправляются косить царский заповедный луг, царь берет их к себе на службу. Осенью у царя пропадает сено, он посылает братьев отыскивать

вора. Иван меньшой, разум Большой ловит кобылицу-златогривицу с 32 жеребятами, которые выходят из моря. Братья решают ехать жениться. Попадают свататься к бабе-яге, которая хочет их погубить. Кобылица учит Ивана, как избавиться от смерти. Иван отнимает у невесты волшебный дубичек (прутик), кремешек и волшебный платок. Затем ночью, во время сна снимает с дочерей бабы-яги белые шляпы и надевает на братьев, а шляпы братьев надевает на девушек. Волшебный меч бабы-яги убивает девушек, а братья убегают. Баба-яга бросается в погоню, подъезжает к морю. Иван машет волшебным платком — появляется мост. Он успевает переехать по мосту, машет опять платком, мост исчезает, баба-яга тонет в море. Во время сна братья хотят убить Ивана, кобылица перебивает их всех сама. Иван отпускает жеребят в море, а сам с кобылицей возвращается к царю и становится главным конюхом. По навету других конюхов, царь посылает Ивана доставать прекрасную царевну. В тридесятом царстве кобылица обращается яблоней. Царевна заглядывается на красивую яблоню, Иван ее хватает и скачет к царю. Царь награждает его городом с подгородком. Царевна просит достать ей подвенечное платье, которое ее отец приказал отпевать в церкви. Царь посылает Ивана. Иван с помощью кобылицы крадет из церкви подвенечное платье. Царевна требует, чтобы Иван достал со дна моря подвенечный перстень и карету. Кобылица выполняет и это поручение. Но царевна требует, чтобы царь помолодился и выкупался в кипящем молоке и воде. Царь боится и посылает сначала Ивана. Кобылица помогает Ивану искупаться, после чего он становится еще красивее. Царь идет купаться и погибает. Иван женится на царевне и становится царем.

17. ТРИ ЛЕБЕДЯ

Три брата — солдата уходят с военной службы и поселяются в лесу у трех лебедей-девиц. Прожив год, они отправляются в город. Лебеди дарят им: старшему — брату шапку-невидимку, среднему — ковер-самолет, младшему — гривенничек, из которого сыплется золото и серебро. Братья пользуются своими подарками и богатеют, а младший на свой гривенничек спаивает царское войско. Царь просит Ивана продать гривенничек. Иван отвечает, что гривенничек не продажный, а заветный. Царевна хитростью бросает его в подземелье. Иван спасается и просит у братьев шапку-невидимку, ковер-самолет. Хитрая царевна таким же способом отнимает и эти предметы. Иван в горе отправляется в лес. Лебедь приготовляет для него два сорта ягод: от одних ягод растут рога, другие помогают избавиться от рогов. Иван продает царевне ягоды, от которых растут рога. Затем наряжается доктором и предлагает ее вылечить. Увозит царевну за город, побоями требует свои вещи обратно. Помогает царевне избавиться от рогов, женится на ней и возвращает братьям их вещи.

18. ЧОРТОВ ЗАВОД

Купец отправляется на поиски мастера, который бы смог ему построить завод. Чорт под видом мастера согласен построить завод, за это требует отдать ему через три года „незнаемо дома". У купца родятся сын и дочь. Мальчик разбивает окно у старой колдуньи, просит прощения за разбитое окно. Колдунья рассказывает ему о чорте, дает волшебные плеточку, кремешок и жилеточку. Брат и сестра бегут от чорта, бросают по дороге плеточку — встает лес дремучий; бросают кремешок, встают горы; доходят до бурливого потока, машут жилеточкой — появляется лодка, они переплывают поток. Чорт не может переплыть. Дети поселяются у старика. Сестра занимается хозяйством, а Иван ходит на охоту Старик умирает. Сестра перевозит на волшебной лодке чорта, который становится ее любовником. Решают извести брата. Сестра притворяется больной, просит брата принести ей шерсти от волшебного медведя. Медведь дает Ивану шерсть и сам идет за ним. Сестра просит достать перо от соловья, соловей присоединяется к звериной дружине Ивана. Сестра посылает брата в отцовский завод за опилками. Звери отправляются вместо Ивана на завод, а он сам попадает к чорту, который хочет его съесть. Иван просит разрешения вымыться в бане. В это время возвращаются звери и разрывают чорта на куски. Сестра прячет зуб чорта. Брат с сестрой отправляются в соседнее царство. По дороге Иван спасает с помощью зверей от змея царевну. Она дает ему кольцо. Богатырь, посланный спасать царевну и от страха спрятавшийся в лесу, требует чтобы она назвала его спасителем. Убивает Ивана, звери его воскрешают. Иван отправляется к царевне, она узнает его по кольцу, и выходит за него замуж. Сестра опускает брату в рот чортов зуб, он умирает. По ее совету его кладут в гроб и бросают в море. Звери находят гроб на острове, ловят зайца и заставляют достать чортов зуб. Иван воскресает, убивает сестру, а зверей распускает.

19. ОСТРОВ ЗОЛОТА

Жена велит мужу отправить нелюбимого сына на волшебный остров. Мальчик помогает чорту в борьбе с лешим из-за волшебного зеркала. Чорт строит Ивану дворец, женит его на царевне и дает ему волшебное зеркало. Царевна по наущению жены лешего крадет у Ивана зеркало, вызывает на острове наводнение, а сама со старухой улетает в свое царство. Чорт под видом кошки и Иван попадают на проходящий мимо корабль. Иван работает поваром, чорт помогает ему заслужить похвальный лист и деньги. В царстве, куда улетела жена Ивана, чорт играет на гармошке. От его игры приостанавливается уличное движение и Ивана с кошкой — чортом бросают в яму. Кошка ловит крысу, которая собирает всех мышей и крыс. Они прогрызают ход к старухе, у которой хранится волшебное зеркало.

Убивают старуху, зеркало передают черту. Иван с чертом возвращаются на свой остров, достают царевну, затем отца и тетку Ивана. Черт заселяет остров и строит город.

20. ЛАНИ

Бедняк отправляется искать свое счастье. Встречный старик рассказывает ему о волшебной уточке. Бедняк достает уточку, которая тому, кто ее съест, будет приносить по два червонца в ночь. Крестьянин рассказывает об этой уточке богатому брату. Тот хочет ее купить и дает задаток. Жена крестьянина отказывается продавать уточку и кормит ею своих сыновей. Богатый брат узнает об этом и хочет погубить мальчиков. Они бегут из дому, поселяются у старика в лесу. Он делает из них хороших стрелков. Дает им по ружью и саблю, которая сразу потемнеет при смерти одного из братьев. Отпускает их путешествовать. Братья расходятся в разные стороны, саблю берет Василий. Он хочет убить, но потом щадит зайца, волка, медведя и льва. Они все отправляются за ним. Василий убивает с помощью своих зверей у озера змея, спасает царевну. Царевна привязывает всем зверям приметки и уезжает домой, он остается караулить озеро. Богатырь, посланный царем спасти царевну и испугавшийся змея, убивает Василия во время его сна. Сам хочет жениться на царевне. Заяц достает живой и мертвой воды, и звери воскрешают своего хозяина. Василий приходит к царевне, она узнает его зверей и выходит за него замуж. Второй брат также набирает себе друзей — зверей. С их помощью убивает змея отправляется к царю свататься на царевне. Мнимый спаситель царевны убивает его. Звери воскрешают Михаила, он женится на царевне. Отправляется на охоту, гонится за ланью, она заводит его в заколдованные леса. На ночлеге ведьма просит позволения погреться у костра, обращает Михаила и всех зверей в камни. Брат его Василий по потемневшей сабле узнает о несчастьи Михаила. Едет его спасать. Жена Михаила принимает его за мужа, он ее отталкивает. Попадает в те же заповедные леса, завлеченный ланью. Ведьма хочет также обратить его в камень, но он разгадывает ее хитрость, побоями заставляет расколдовать брата. Рассказывает брату о жене. Михаил из ревности убивает брата, затем раскаивается, посылает зайца за живой и за мертвой водой и воскрешает его. Братья требуют у ведьмы, чтобы она расколдовала леса. Все деревья превращаются в людей. Убивают ведьму, едут к жене Михаила. Царевна узнает своего мужа, и он становится царем, а Василий уезжает домой.

21. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Мать отдает сына учиться „Оху". Может получить его обратно, если узнает среди других учеников. Первый раз не может узнать среди 12 лебедей, второй раз среди 12 гусей. В третий раз сын прилетает к матери

воробушком и рассказывает, как освободить его от учителя. Мать узнает его среди 12 коней и берет сына к себе. В дороге сын обращается конем, мать два раза продает его купцам, оставляя себе оголовье, и сын каждый раз к ней возвращается. Третий раз сам учитель обращается купцом, покупает у старухи сына под видом коня, вырывает у нее оголовье. Конь не может обратиться опять молодцом. Учитель ездит на нем три дня, но коню удается убежать от него. Ученик обращается щукой, учитель догоняет его гольцом. Иван обращается оленем; Ох — соколом; Иван — окунем; Ох — щукой. Иван обращается кольцом и попадает к царевне. Учит царевну, как его спасти. Учитель под видом купца требует у царя, чтобы он приказал дочери отдать ему кольцо. Она бросает кольцо на пол, оно рассыпается мелким жемчугом. Царевна наступает на одну жемчужину ногой. Ох превращается в петуха и клюет весь жемчуг. Царевна поднимает ногу. Иван ястребом бросается на петуха и убивает его. Царь соглашается выдать дочь за Ивана, спрашивает, есть ли у него капитал. Иван едет в подземелье к Оху, освобождает одиннадцать своих товарищей, забирает оттуда золото и серебро, получает свою часть и женится на царевне. Едет за матерью и перевозит ее к себе.

22. МАТЮША ПЕПЕЛЬНОЙ НАЛИТУРОВЫЙ КОЛПАК

Царевич, увидев портрет царевны, отправляется к ней свататься. Слуга-волшебник отговаривает царевича жениться. Царевич отправляет его в темницу. Матюша Пепельной освобождается из тюрьмы и едет с царевичем на корабле. Опять отговаривает жениться. Царевич велит бросить его в море. Матюша спасается. Отец трех царевен дает жениху задачу: выпить все вино в городе. Царевич с помощью Матюши выполняет задачу. Слуга испытывает силу трех царевен и советует жениться на младшей. Царевич, испугавшись, хочет уехать домой, но Матюша теперь настаивает на женитьбе. Матюша исполняет для царевича вторую и третью задачи: стреляет из железного лука, разрубает богатырским мечем дуб. Царь заставляет царевича мыться в раскаленной бане, объездить дикого коня, играть на богатырских гуслях. С помощью Матюши царевич справляется и с этими задачами. Царевич женится. Матюша укрощает его жену. Царевна отрубает ему руки и ноги. Матюша встречает слепого, который несет его к колодцу с живой и мертвой водой. Они оба исцеляются. Царевна выгоняет мужа и делает его водовозом. Матюша наказывает царевну, забирает ее и ее приданое и увозит с царевичем в свое царство.

23. КАК КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ПРОЖИЛ ОТЦОВСКИЙ КАПИТАЛ

Младший сын купца потихоньку от отца проигрывает деньги в карты. Отец выгоняет его из дому. Сын поступает к чорту в казаки (работники). За это должен три года не мыться и не стричся. Иван при помощи чорта

выигрывает большие деньги и одну из трех дочерей купца в жены. По окончании службы у чорта, Иван женится на купеческой дочери, и чорт дает ему в подарок карты, которые всегда выигрывают. Жена требует, чтобы Иван вернул карты обратно чорту и тем спасает его душу от гибели.

24. КУЗНЕЦ

Иван — крестьянский сын со своим сводным братом на озере встречают трех лебедей, которые оборачиваются девушками. Он крадет платье одной из них. Она обещает выйти за него замуж через два дня. Мачеха велит своему сыну воткнуть в его одежду сонную булавочку и он три раза просыпает свидание с лебедями. Иван отправляется на поиски своей невесты, встречает солнце, месяц и ветер, которые обещают ему во всем помогать. Затем встречает тетушку девиц-лебедей. Она показывает ему дорогу в их царство. Иван женится на младшей девушке. Жена улетает в гости к матери. Иван остается дома. Он не должен ходить в одну комнату и не подниматься на высокую гору. Иван не исполняет приказания жены, поднимается на гору и видит оттуда жизнь всех людей. Жена дает Ивану волшебного коня, он едет к своему отцу с подарками. Мачеха хочет его убить, но конь увозит его обратно. Иван открывает заповедную комнату и освобождает заколдованного богатыря. Богатырь отнимает у него коня, похищает его жену. Иван отправляется разыскивать жену. Солнце, месяц и ветер помогают ему достать коня, который довозит его до жилища богатыря. Иван освобождает коня, освобождает закованную в цепи жену. Богатырь их ловит, отнимает Марию, а Ивана бросает в колодец. Солнце, месяц и ветер разыскивают Ивана и воскрешают его. Иван достает опять коня, похищает у богатыря свою жену и возвращается домой.

25. ИВАН НЕСЧАСТНЫЙ

Дровосек теряет сына в лесу. Иван встречает старика, который отправляет его в подземелье. Иван три ночи читает евангелие и освобождает девушку, замурованную в каменную стену. Получает в свое владение город, и через год должен жениться на царевне, которая приедет за ним на трех кораблях. Вдова, желая выдать замуж за Ивана свою дочь, втыкает в его одежду сонную булавочку и Иван трижды просыпает свидание с царевной. В последний раз царевна кладет спящему Ивану кошелек самотряс и волшебное яичко, чтобы о нем больше не думать, а сама уезжает за тридевять земель и закрывает за собой дорогу огненным морем. Иван отправляется разыскивать царевну, в дороге меняет кошелек-самотряс на волшебное ружье, ружье на сумку-самосолку, сумку-самосолку на трёску (трость), из которой выскакивает атаман с войском и исполняет все приказания. С помощью последнего предмета Иван возвращает себе кошелек-самотряс, ружье и сумку-

самосолку, строит корабль, доплывает до огненного моря. Затем помогает на острове строить заколдованную пристань, за это его переправляют на змее через огненное море. В тридесятом царстве останавливается у старухи, покупает дом и приглашает на новоселье царя, царицу и царевну. Царевна падает в обморок, Иван дает ей волшебное яичко, в котором спрятана ее любовь. Она вспоминает своего жениха. Иван женится на царевне и получает престол.

26. СОБАКА И КОШКА

Купеческий сын покупает у прохожего на последние деньги кошку и собаку. Отправляется искать работу. Поступает к волшебнице стеречь клад в подземелье. Побеждает змея, который похищал из подземелья золото. Отпускает змея, за это змей приносит много золота обратно. За работу волшебница дает Ивану мешок жемчужного песку. Иван засыпает этим песком горящее змеиное жилище. Змей дает ему волшебное кольцо, при помощи которого исполняются все желания. Иван возвращается домой, сватается на царской дочери. Царь дает Ивану три задачи, Иван все выполняет: строит за одну ночь дворец царю, затем себе и соединяет их хрустальным мостиком, делает две серебряные кареты и одну золотую с полной упряжкой. Женится на царевне. Рассказывает о кольце жене. Она его спаивает, отнимает кольцо и улетает к своему любовнику — принцу. Царь велит бросить Ивана в темницу и казнить через 9 дней. Царица-мать тайно посылает Ивану пищу. Собака и кошка отправляются добывать Ивану кольцо обратно. Переплывают через три моря. Кошка бросает в чашку царевны мышь, хватает кольцо и вместе с собакой бегут обратно. Собака роняет кольцо в море. Кольцо попадает в рыбу, которую вылавливает рыбак. Кошка ластится к рыбаку, крадет кольцо и приносит его к Ивану. В последний день перед казнью Иван вызывает обратно царевну с принцем и показывает их царю. Царь отказывается от дочери, но Иван ее прощает, а принца отпускает домой. Впоследствии Иван становится царем.

27. ВЕРНЫЙ СЛУГА ИВАН

Царевич влюбляется в портрет царевны-волшебницы. Вместе с верным слугой едет на корабле за царевной. Слуга под видом купца заманивает царевну на корабль. Царевна, раскрыв обман, оборачивается лебедью, но слуга успевает схватить ее. В дороге слуга подслушивает разговор трех воронов об угрожающих царевичу опасностях. Слуга убивает волшебного коня, сжигает волшебную рубашку, оживляет царевну и тем спасает царевича. Рассказав об этом царевичу, слуга превращается в камень. Царевич убивает своих детей и бросает на камень три капли крови. Слуга оживает и воскрешает детей царевича.

28. СЕМЬ СИМЕОНОВ

Семь братьев Симеонов пашут в поле. Их встречает царь и берет к себе. Царь посылает их учиться, но они отказываются. Один строит кузницу, другой с высокого столба осматривает весь мир и рассказывает, где что делается, третий строит в два часа корабль, четвертый — ловкий стрелок, пятый ловит подстреленную птицу на лету, шестой может провести корабль под водой, седьмой обещает царю украсть царевну в жены. Царь посылает всех братьев доставать царевну. Братья на корабле отправляются в тридесятое царство. Седьмой Симеон берет корабль, построенный братом, и учит кошку петь, плясать и играть. В тридесятом царстве седьмой Симеон заставляет кошку петь и плясать под окнами царевны. Царевна просит передать ей кошку. Симеон не продает, а дарит ее. Но кошка без хозяина не играет. Симеон приглашает царевну на корабль и обещает показать кроме кошки редкие товары. Царевна приходит, братья рубят канаты и выводят корабль в море. Царевна, заметив обман, обращается лебедью. Четвертый Симеон стреляет в нее, пятый ловит ее на лету. Отец царевны посылает „быстроходное судно" в погоню, но шестой Симеон проводит судно под водой, а второй Симеон со столба следит за погоней. Царевна соглашается выйти замуж за царя, но требует, чтобы достали ее подвенечное платье, свадебную карету и коней. Царь посылает за этими вещами седьмого Симеона. Симеон подкупает конюхов царевны подарками, спаивает их и крадет ключи от конюшни. Достает все вещи царевны. Царевна выходит замуж за царя. Старшие Симеоны назначаются министрами, а седьмой Симеон — первым министром.

29. ТРИ СЫНА

Царь объявляет, что отдаст дочь замуж за того, кто прилетит к нему на золотом корабле. Старшие братья отправляются к царю, а младшего — дурака — не берут. Иван-дурак идет один, встречает старика, кормит его, за это старик указывает ему, где достать золотой корабль. Иван достает корабль, встречает 6 стариков: Опивало, Объедало, Слыхало, Оббегало, Стреляло и старика с дровами, и забирает их всех на золотой корабль. Царь не хочет выдавать дочь за дурня, дает ему три задачи. Иван с помощью стариков все исполняет. В первый раз Стреляло стреляет в фазана, Оббегало приносит птицу. Второй раз Оббегало бежит за живой водой и за мертвой, чтобы оживить фазана. В дороге хочет отдохнуть, засыпает. Слыхало слушает, Стреляло стреляет, будит его и Оббегало во-время приносит живую воду и мертвую. Царь велит дурню достать несколько полков солдат и сделаться красавцем. Шестой старик делает из дров войско, Ивана превращает в красавца. Иван женится на царевне и получает полцарства.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Ан. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Издание Государственного Русского Географического Общества. Л. 1929 г.

Азадовский — М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Вып. I. Иркутск, 1925 г.

Азадовский „Русская сказка" — М. К. Азадовский. Русская Сказка. Akademia, 1932 г.

Афанасьев — А. Н. Афанасьев. „Народные русские сказки", изд. 2-е, М. 1873 г.

Афанасьев — А. Н. Афанасьев. „Народные русские сказки", Akademia, т. I, 1936 г., т. II, 1938 г. Гослитиздат.

Bolte-Polivka — „Anmer Kunqen zu den Kinder- и Hausmärchen der Brüder Grimm, neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka", I—III. Leipzig. 1913—1918.

Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, I—II. М. 1872.

Гильфердинг — А. Ф. Гильфердинг. „Онежские былины", I—III. СПб., 1894.

Ефименко — П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. II, стр. 225—237. М. 1878 г.

Живая Старина — „Живая Старина", XXI, 1912, II—IV.

Зеленин. Вятские сказки. — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Записки Русского Географического Общества по отделению Этнографии, т. XL II, П. 1915.

Зеленин Пермские сказки — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Записки Русского Географического Общества по отделению Этнографии, т. XL I, П. 1914.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края. Сборник И. В. Карнауховой, Academia, 1934.

Ончуков — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. Записки Русского Географического Общества по отделению Этнографии, т. XXXIII. СПб., 1908 г.

Рыбников — Песни, записанные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, М. 1910.

Садовников — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. Записки Русского Географического Общества по отделению Этнографии, т. XII, СПб., 1884 г.
Сказки Куприянихи — Сказки Куприянихи. Сборник А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого под общей редакцией проф. И. П. Плотникова. Воронежское областное книгоиздательство. 1937 г.
Сибирские Сказки — Сказки из разных мест Сибири. Под редакцией М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.
Смирнов — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического Общества. Записки Русского Географического Общества по отделению Этнографии, вып. I—II, П. 1917.
Соколовы — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, изд. Академии Наук. М. 1915.
Соколов — Барин и мужик. Сборник Ю. М. Соколова. Academia, 1932 г.
Худяков — И. А. Худяков. Великорусские сказки. I—III. М. 1860—1862.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПРО ЧАПАЯ

Сказка „Про Чапая“ представляет собой исключительно интересный опыт создания совершенно новой сказки на современном материале. Замечательно, что для новой сказки Коргуев не пользуется старой схемой, а строит новый сюжет, используя два мотива из традиционного материала. Коргуев оказывается настолько чутким художником, что из богатейшего арсенала мотивов, которыми владеет в совершенстве, он, учитывая материал гражданской войны, выбирает волшебно-героические сказки. В эпизодах битвы с Колчаком Коргуев использует традиционные мотивы змееборчества и вводит целые эпизоды из других своих сказок: „Незнайко“, „Виноград-Виноградович“, „Шут“. Близость текстов здесь настолько очевидная, что встречаются почти дословные совпадения в целых фразах. Но здесь стоит особенно отметить, что Коргуев так чувствует специфику материала, что повторяющиеся описания битвы из „Незнайки“ переносит в новую сказку не механически, а вводит новые слова и даже новый род оружия: „И мечем рубил, и копьем колол, приходилось и из нагана бить“. Традиционный эпизод битвы Коргуев осмысляет политически, как борьбу именно красных и белых. „И бил он йих челы сутки. И его войска́, конешно, тоже помогали. Все поле засеяли телами, но своих войсков потери было мало“.

Строя образ своего героя, который давно уже приобрел легендарные черты, Коргуев старается замотивировать в совершенно сказочном стиле его непобедимость и вводит мотив с кольцом-талисманом. Этот мотив как-то реминисцируется с героическим образом Зигфрида, купающегося в крови и приобретающего неуязвимость и с образом Ахиллеса. (В сказочном репертуаре см. Ан. 851.) Эти два мотива — змееборчество и талисман — вот и все, что Коргуев берет из сказочной схемы, и все же сказка „Про Чапая“ носит все черты именно сказочной традиции. Этого Коргуев достигает и построением сюжета, и композицией, и всем стилем рассказа: трехчленность (три сына, три битвы); сказочные формулы: „Не в котором царстве, не в котором государстве, а именно в том, в котором мы с тобой живем, жил был крестьянин“; „Роспростилсе он с матерью, оседлал своего ворона коня“; „И начал он бить, как траву косить, колчаковичей и деникинцей“; „И мечем рубил, и копьем колол и носилсе как вихорь“; „И теперь о нем все славитце,

ну назад Василий не воротитце“. Вместе с тем сказка звучит очень современно. Замечательно введен эпизод со шпионкой, полячкой, отражающей патриотические настроения Коргуева. Чапаева-героя нельзя победить в открытой битве, поэтому Колчак посылает шпионку. Характерно, что шпионка не русская, а иностранка. В этом отношении особый интерес представляет концовка. „Прославился Василий свет Иванович, по прозванию Чапаев. И почитают его по всей нашей земле. А семье его и матери дали пособие; не оставили в обидушку“. Здесь и восторженное отношение к герою, погибшему за советскую власть, и уверенность в том, что ни одна заслуга перед родиной не остается не отмеченной и что трагедии сиротства в нашей стране быть не может.

Очень интересно, как героическая эпопея о Чапаеве претворилась в сознании помора. Описывая жизнь семьи Чапая, Коргуев говорит: „жили они бедно очень, так што своих ловушек не имелось и так же не было своих посудин, на которых нужно было выежжать на лов“. Чапаев в представлении Коргуева превращается в рыбака-бедняка помора.

Сказка имеет несомненно литературные источники. Сам Коргуев рассказывает, что два года назад ему довелось слушать, как читали „про все это происшествие“. Повидимому, последний эпизод гибели Чапаева, окружение белыми с трех сторон небольшого отряда, навеян Фурмановым. И вместе с тем в изложении Коргуева сказка ни в коей мере не является механическим пересказом слышанного. Перерабатывая заново традиционную схему, строя новую композицию и вводя большой современный материал, сказочник корректирует многие старые понятия и тем самым органически связывает сказку с нашей современностью. Все это придает сказке „про Чапая“ большую свежесть и жизнеспособность.

2. АНДРЕЙ СТРЕЛЕЦ

Ан. 465 А. Добавочно Карнаухова №№ 7, 53. См. „Народные русские сказки“ А ф а н а с ь е в а, Гослитиздат, 1938, II, стр. 609—612.

Очень распространенный сюжет. Коргуевский текст ближе всего к сказке Афанасьева № 122а. В сравнении с другими вариантами наша сказка представляет собой наиболее полный свод мотивов, объединяющихся вокруг сюжета „Красавица жена“.

Не привнося новых самостоятельных эпизодов, Коргуев окрашивает традиционные мотивы в типичные для него реалистические, бытовые и психологические краски. Естественно, этот „перевод“ из волшебного плана в план реально-объяснимый, не снижая занимательности сюжета, придает ему большую социальную заостренность. Например, стрелец подстреливает соколицу в седьмой день недели, когда он может охотиться для себя, так как шесть дней работает на царя. Другой пример — царь у Коргуева поступает как тиран, злоупотребляя своей неограниченной властью, требуя Елену Прекрас-

зную или выполнения заведомо невыполнимых задач. Обычно в других вариантах царь дает герою задачи по совету своих приближенных. Исключительный интерес приобретает конец сказки, когда Андрей осаждает город, вынуждает побежденного царя отказаться от царства и ставит его пастухом. В других вариантах встречается сходный мотив, когда герой в битве убивает царя, но чаще всего царь раскаивается, велит казнить генералов, которые давали ему дурные советы и награждает стрелка. Коргуевский вариант значительно острее.

Переосмысляя традиционные положения, Коргуев добивается того, что в пределах много раз до него использованной схемы, герои его приобретают наибольшую человечность, вернее психологическую оправданность своих действий. Так например традиционный путь за разматывающимся клубком у Коргуева превращается в психологически напряженное „хождение по мукам".

Все это окрашивает тексты Коргуева в необычайные для сказочной традиции интимные, лирические тона: напр., героиня Елена Прекрасная обычно называется Леноцькой, Елицькой; или Андрей отправляется исполнять третью задачу. „Вот запоходил он, ему было оцень жалко, заплакал. Она его стала утешать, вынимает платок из кармана. Утерла его и вместе вышли на улицю у крыльця".

Исключительный интерес представляет перенос центра внимания с героя на героиню. Эта черта, акцентирование роли женщины, как положительного, инициативного героя, очень характерна для всего коргуевского творчества. Елена Прекрасная не только мудрая женщина, с сильной волей и хитрая волшебница, но и хорошая хозяйка, заботливая жена, кормилица семьи. Это ее качества проявляются на всем протяжении сказки, и в борьбе с царем она играет главную роль. Очень интересно введение бытовых домашних подробностей. Елечка достала для Андрея свинку-золотую щетинку, „забаковала ей в ящык и повалилась спать. Поспала немного, встала в шесть часов, согрела самоварчик и стала будить Андрея: — Ставай, Ондреюшко, ставай, друг дорогой, надо попить, поесть, да в путь-дорогу отправлятьце".

Незначительные изменения в отдельных мотивах сказки придают ей большую динамичность по сравнению с другими вариантами. Характерно, что Коргуев для этого иногда опускает красочные и выгодные для художника побочные линии (напр.: ср. в варианте Афанасьев № 122а — описание команды, с которой уходит герой выполнять задачу царя).

Местный северный колорит сказки принимает иногда очень скрытые формы. Напр., сабля, ударом вдоль воды создающая мост и ударом поперек воды — его разрушающая, очень характерна для Поморья, где понятия поперек и вдоль воды связаны с явлением приливов и отливов. Еще более интересный пример видим при сравнении со сказкой, помещенной у Карнауховой, № 53. Там герой поит команду каждый день. В нашем же варианте Андрей поит только во время штиля, который дает матросам возможность отдохнуть, а Андрею — незаметно повернуть руль корабля.

В коргуевском репертуаре встречаются еще несколько вариантов к отдельным мотивам Андрея-стрельца. Особый интерес в этом отношении представляет Волк-людоед, см. приложения II, сюжет „Красавица жена“, и „Иван несчастный“ № 25 [обмен чудесными предметами (ср. Ан. 569)].

3. ШКИП

Ан. 515 I.

В русской традиции исключительно редкий сюжет, имеется только один вариант. По сравнению со сказкой, помещенной у Худякова, наш вариант отличается большей каноничностью сказочной поэтики (неизменная троичность действия) и большей логичностью в переходе от одного эпизода к другому. Напр., второй раз Шкип отправляется за невестой дяди не на корабле, а сушей и с войском. Логичность и психологическая оправданность этого разнообразия совершенно неоспорима: необходимо отвести подозрения и совершить нападение в таком месте, где не ждут.

Интересен эпизод, введенный Коргуевым и отсутствующий у Худякова: Шкип добывает невесту царю при условии первой брачной ночи. Мотив этот достаточно распространен в западном фольклоре, в русском встречается редко. В русском репертуаре см. „Дядька Котома“ (Ан. 519); „Нерассказанный сон“ (Ан. 725), см. Азадовский, № 3; „Бой на калиновом мосту“ (Ан. 300 В), см. Афанасьев, № 76, подстрочный вариант. У Коргуева этот эпизод появляется не один раз. Ср. „Матюша пепельной, Налитуровый колпак“ № 22. Встречаются варианты и к другим мотивам: Шкип, идя по виселицу, вызывает свое войско свистом. Аналогичный эпизод встречается в сказках типа „Сын царя и сын кузнеца“ (Ан. 920). Мотив разрубания жены имеется в сказках на сюжет „Купленная жена“ (Ан. 887 I). Коргуев свободно пользуется материалом из других сказок, легко переплетая отдельные мотивы из разных сюжетов и создавая законченные стройные композиции. Эта черта вообще характерна для всего коргуевского творчества.

Не менее характерным для нашего варианта является морской колорит, которым насыщена вся сказка, например, эпизоды с описанием разработки плана и тщательной постройкой корабля, обладающего свойствами подводной лодки. Обычно во всех сказках, где встречается постройка корабля, процесс проектирования отсутствует (ср. Азадовский, № 10). Помимо этого, рассыпанная в сказке терминология: „носовой корк“, „якоря катать“ „не будет корабль зажимать“, „спустили сразу на полный ход“, — придают всем сценам, связанным с действием на море, необычайную живость, наглядность и местный поморский колорит.

Необходимо отметить еще один интересный момент: это новое переосмысление сказки в социальном плане. С одной стороны привнесенный Коргуевым купеческий фон, на котором развертывается все действие сказки: царевна открывает торговлю и выходит замуж за приказчика — у Худякова

за сына приютившего ее старика — лесного сторожа; Шкип заманивает невесту дяди, принимая образ купца и ловким купеческим приемом (этот мотив перекликается со сказками „Семь Симеонов", Ан. 653, у Коргуева № 28 и „Верный слуга" (Ан. 516), у Коргуева „Верный слуга Иван" № 27, см. также Афанасьев, № 104 и Ончуков № 126); базарное развлечение — снимание со столба денег или предметов производится с помощью гирьки, переброшенной в кольцо, у Худякова — веревка с узелком. С другой стороны особый интерес приобретает заключительная часть сказки, когда Шкип говорит, что он женится не на царевне, а на крестьянской дочери, мотивируя это тем, что и мать его вышла замуж, не считаясь со своим сословием. Этот принципиальный отказ героя жениться на княжеской или царской дочери исключительно нов и оригинален и совершенно ломает обычную сказочную схему. Коргуев корректирует здесь старые понятия и тем самым приближает сказку к нашей современности.

4. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И ЖАР-ПТИЦА

Ан. 502 Bolte-Polivka III, 136. Дополнительно Карнаухова, № 91, см. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia 1936, I, стр. 591—595.

Основной сюжет нашей сказки не имеет существенных отличий от известных нам русских вариантов. Более или менее оригинальным является начало сказки. Обычно завязка этого типа сказок имеет два вида: 1) в царском саду (на поле крестьянина) пропадают яблоки (пшеница). Царь (старик) посылает поймать вора и заковывает его в темницу, столб и т. д. 2) Крестьянин (царь, царевич) на охоте ловит чудесного пленника и привозит в свое государство.

Коргуевский вариант примыкает ко второму типу. Исключительный интерес здесь представляет разработка обычного мотива сказочником-северянином. Весь эпизод с поимкой чудесного пленника чрезвычайно насыщен чертами северного, карельского и даже поморского трудового быта. Сказочные чудесные мотивы, напр., поимка жар-птицы, даются на фоне карельской природы и привычных обыденных условий труда крестьянина-охотника: трудовой день в лесу, ловля птиц в силья и т. д. Совершенно новый мотив это — продажа жар-птицы царю. В других вариантах подобного эпизода не встречается.

Дальнейшее развитие сказки обычно для других русских вариантов Небольшие различия не играют существенной роли в построении сюжета и являются скорее характерными „общими местами" для Коргуевского сказа. Так напр., служба Ивана-царевича пастухом, напоминает такой же мотив в сказке „Кащей Бессмертный", № 8. Особенно много в Коргуевском творчестве вариантов к мотиву змееборчества: „Как отпустил Иван-царевич хищника из котла" (см. Приложения, II.), „Виноград Виноградович" № 34,

„Сукин сын", № 13, „Зорька молодец", № 12, „Три брата" № 10, „Иван Волович" (см. Приложения, II.), „Лани" № 20, „Чортов завод", № 18.

Мотивом тайных подвигов наш вариант близко примыкает к сказкам типа по Указателю № 532, У Коргуева — „Незнайко" № 33, „Шут" № 32, „Как отпустил Иван-царевич хищника из котла" (см. Приложения II) и „Виноград Виноградович", № 34. Три вылета жар-птицы из клетки и путешествия Ивана-царевича к сестрам жар-птицы реминисцируются с тремя полетами раненого орла и встречей сестер орла с царевичем (Ан. 313 B и C). У Коргуева „Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля", № 6.

Отметим, что эпизод с выпуском пленника тоже довольно обычен для Коргуева („Как отпустил Иван царевич хищника из котла" (см. Приложения, II), „Кащей Бессмертный", № 8. „Кузнец, № 24 и „Шут", № 32).

Следует обратить внимание, как Коргуев акцентирует роль волшебного коня, который помогает в битвах. Например, заснувшего царевича будит не царевна слезами, как обычно во всех сказках, а конь ударом копыта. Это очень характерно для коргуевского творчества, у которого обычно развитие действия в сказке строится по ведущему мотиву или герою.

5. КАК ЦАРСКОГО СЫНА УНЕС КОМНАТНЫЙ АЭРОПЛАН

Ан. 575. Bolte-Polivka II, 77a. Добавочно: Азадовский „Русская сказка" т. II, № 21. Сюжет „Деревянного орла" имеется и в былевой поэзии. См. „Песни, собранные М. Н. Рыбниковым", изд. 2-е, т. I, № 36, „Царство подсолнечное". Былина записана от сказителя Чукова в Заонежском районе.

Сюжет довольно распространенный. У Коргуева сказка разработана необычно: в сюжет волшебной сказки вставлен очень большой эпизод-новелла о позабытом родителями сыне. В сущности история „Незнайки" копирует историю его родителей, является как бы вариантами первой части сказки, дополненной лишь некоторыми добавочными эпизодами, напр., свидание героев при помощи тунелля (Ср. Ан. 860 и 873), купеческий торг из-за приказчиков, нравы подземного убежища дочерей миллионера; все это, вклиниваясь в традиционный ход сюжета, превращает его в сложное соединение, могущее быть объясненным только лишь тяготением Коргуева к более монументальным формам своих сказок, чем это позволяет сделать сюжет о „Деревянном орле".

Не привнося новых мотивов в сюжет собственно о „деревянном орле", Коргуев все же сумел своеобразно повернуть сказку. По сравнению с другими вариантами, Коргуев очень осовременивает, а иногда и „советизирует" отдельные мотивы: орла превращает в комнатный аэроплан, имеющий рычаг вправо и влево. Делает его, конечно, уж не столяр, а монтер; ссора мастеров происходит не из-за желания доказать, что царь его больше ценит, а из некоторой враждебности представителей „чистой" и „грязной" про-

фессий, стремящихся поддержать свою „профессиональную честь“. Незнайко учится в начале в сельской школе, потом переходит „в третью ступень“, ремарка сказочника о том, что „тогда, конецьно, купця звали не товарищем, а называли господином“ и т. д. и т. д.

Это явное стремление осовременить традиционную схему приводит к тому, что и фразеология изобилует несколько необычными для сказки формами. Незнайка говорит: „вот, вот, это хорошо для нашего хозяина, это будет иметь большое значение“ или Сергей-царевич, обращаясь к гостям, предлагает: „слушайте, товарищи, я вам немного поясню об себе“. Интересен лексический состав сказки, ее словарь. Такие слова, как заведующий, туннель, чемодан, прелестная дамочка, гримироватьце, обморок, булгахтер, ероплан, рычаги и т. д. встречаются очень часто.

6. КАК ЕЛЕНА КОРОЛЕВНА ВЫВЕЛА ЦАРСКОГО СЫНА ОТ ВОЛШЕБНОГО КОРОЛЯ

Ан. 222 B + 313 BC; Bolte-Polivka II, 102 (для типа 222 B); I 51, 56; II 70a, 113; III 185 (для типа 313 BC). Добавочно „Сказки Куприянихи“ № 17, М. Азадовский „Русская сказка“ №№ 17, 19, 36; Карнаухова, №№ 1, 102. См. „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат. 1938. II, стр. 612—614.

Сказка не вносит особо новых эпизодов в развитие сюжета об „Обещанном сыне“, но является наиболее полным собранием использованных ранее другими сказочниками мотивов, притом твердо выдержанных в принципах сказочной поэтики (трехчленность, повторяемость эпизодов, внутренние формулы и т. д.).

Интересно отметить новое по сравнению с другими вариантами начало сказки, объясняющее, почему произошла драка между воробьем и мышкой: рабочие плохо убирали поле купца-помещика и оставили несколько зерен. Отметим также мотив волшебного питья, превращающего мальчика во взрослого молодца, чем и объясняется любовь к нему Елены Прекрасной. Отступлением от традиции является также появление образа волшебного короля, вместо обычного морского царя.

Но главное, что очень отличает наш вариант от всех других, это — совершенно новая, исключительно положительная трактовка женских персонажей. Только у Коргуева все три сестры орла по хорошему встречают и одаривают Ивана-царевича, проявляя этим исключительную любовь к своему брату-орлу. Только в нашей сказке Елена Прекрасная наказывает Ивану-царевичу, чтобы он не позабыл поздороваться со старшей сестрой (в других вариантах она наоборот запрещает): только у Коргуева жена дана как образ настоящего, внимательного, и мужественного друга, которая утешает мужа в том, что ему пришлось обещать своего „незнаемого сына“. Особенно показателен в этом отношении конец сказки, где Елена Прекрас-

ная, напомнив Ивану-царевичу с помощью голубей о своем существовании, держит себя не как покорная, безответная жена, а проявляет исключительное достоинство и гордость, добиваясь того, чтобы муж показал глубину и искренность своего раскаяния.

К числу мотивов, получивших иную трактовку, можно отнести эпизод несвоевременно использованного подарка. В шкатулке, полученной от орла, находится не дворец, не скот, не солдаты, а просто „сила“, с уходом которой волшебный ключик теряет все свои свойства и Иван-царевич голодает, холодает, тоскует и, наконец, заходит в непроходимое болото. Поэтому совершенно по иному звучит мотив запродажи сына, так как она вынуждена не жадностью как в других вариантах, а крайностью положения. Этим вполне оправдывается и сочувствие жены.

Любопытно, как проявляются в сказке „карелизмы“. Прежде всего пейзаж: море, лес, озеро, болото. Во-вторых, задание посеять хлеб по выжженной вырубке. Наконец, одна особенно интересная деталь — совместное мытье в бане Ивана-царевича и Елены Прекрасной до свадьбы.

Отметим также „общие места“ Коргуевского сказа, которыми он часто пользуется в совершенно различных сказках. Напр. мотив летучего корабля (Ан. 513 В, у Коргуева „Три сына“, № 29). Интересно также проследить, как перекликается данная сказка (выбор невесты из одинаковых кобылиц и свиней, и бегство от короля) с сюжетом „Хитрая наука“ (Ан. 325, Коргуев „Учитель и ученик“, № 21).

7. ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Ан. 402 (+ 400 A + 302). Bolte-Polivka II, 63, 106; III 121 (для типа 402); II 88, стр. 269—271; 92; III 193 (для типа, 400 A); III 197, с. 431—443 (для типа 302). Дополнительно: „Сибирская Живая Старина“, вып. V; Карнаухова № 65; „Сказки Куприянихи“ № 25. См. „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 633—635.

Первая половина сказки — сюжет „Царевны-лягушки“ — не имеет существенных отличий от других русских вариантов. Главная героиня — старуха, а не лягушка, встречается и в других сказках (Карнаухова, № 65, „Сибирская Живая Старина“, вып. V, запись Азадовского; Зеленин, „Пермские сказки“ № 9). Совпадают также и другие мотивы: три задачи царя, появление старухи в образе Елены Прекрасной и т. д.

Зато совершенно необычайно разработана вся вторая половина сказки — исчезновение Елены Прекрасной и поиски ее Иваном-царевичем. Прежде всего Коргуев по новому мотивирует исчезновение героини: отец ее, чтобы спрятать ее от Кащея Бессмертного, достал ей старушечий „кустюм“ и как только герой сжигает этот костюм, Кащей ее находит и уносит к себе. В других вариантах или совсем не замотивировано исчезновение героини, или объясняется тем, что лягушка рассердилась, когда сожгли потихоньку

ее костюм. Дальнейшие приключения Ивана-царевича в поисках жены разработаны Коргуевым совершенно оригинально. В параллель к службе царевича у орла незначительные совпадающие мотивы находим только у Карнауховой, № 65, где старик, чтобы придать герою силы, три раза укладывает его спать на несколько месяцев, после чего царевич пробуя силу, бросает в небо палицу, убивает волшебника и его богатырей. У Коргуева дедушка-орел дает пить царевичу вино и три раза бросает в воздух меч. Все же остальные эпизоды — желание поступить к Кащею в работники, превращение в орех, бой с Кащеем, его смерть, освобождение замученной Кащеем Елены Прекрасной и особенно ее жизнь у орла и награждение богатырской силой — нигде в русском репертуаре не встречаются. Очень интересно разработан образ Кащея, который огнем жжет и водой заливает. По новому Коргуев дает и эпизод с теткой-волшебницей и отцом героини. Они введены, очевидно, только по традиции, потому что совершенно не помогают герою (как это бывает обычно в сказках) и поэтому герой попадает сразу к Кащею, который его превращает в орех, откуда его спасает дедушка-орел. Герой служит у орла работником и только за это получает возможность освободить свою жену. Также службой зарабатывает себе здоровье и богатырскую силу и Елена Прекрасная. Необычно разработана и смерть Кащея: Иван-царевич бьет его волшебным мечем, затем меч изо всех сил бросает в землю, он проваливается туда и за ним проваливаются в землю куски тела Кащея. Особенно интересно отметить богатырские мотивы, звучащие в сказке: не только Иван-царевич становится богатырем, но и Елена Прекрасная и даже их дети должны получить богатырскую силу. Образ героини-женщины богатыря, повидимому, навеян былинной традицией, образом удалых поляниц. „Вот оне как вошли в царство с Еленой Прекрасной, то все комнаты качались и полы тряслись, и все люди смотрели на их и дивились: таки два богатыря не лёхки были". Былину напоминает и еще один момент: когда дедушка-орел кидает меч в воздух, он говорит: „Есь еще у старика сила по старому".

Вся сказка выдержана в правилах сказочной поэтики — строгая троичность (три брата, три задачи, три года службы царевича, три года службы Елены Прекрасной), традиционный зачин („не в котором цярстви, не в котором государстви жил был цярь"), сказочные формулы („Што, Иван цяревич, ты не весел, буйну голову повесил"?; „Как россмеетце, то золото повьетце, а росплачетце — жемчуг покатитце"; „Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами: мне не век вековать, одну ноць ноцевать") и т. д.

Вместе с тем, на ряду с традиционностью сказа у Коргуева встречаются замечательные реалистические описания: героиня-старуха, у которой руки трясутся от старости при работе, или эпизод с освобождением Елены от Кащея. Она так измучена от плена и голода, что когда царвеич хочет вырубить полы, в которые заключена, она говорит: „Нет, Иван-царевич, от трясенья мне не вынести будет, я умру", или „когда вышла Елена Прекрасная, то до чего она была худая, што на ногах стоять не могла".

Интересно, как Коргуев вводит в сказки некоторые современные моменты: когда сыновья просят отца указать, на ком им жениться, он говорит: „выбирайте невесту вы себе сами: вам надо жить с ней, а не мне, мой совет такой"; или царь смотрит рукоделья старших невесток и говорит: „Точно из одной фабрики все рукоделье шло"; или сказочник описывает появление Елены Прекрасной: „такая красавиця дамочка, што даже глазом оввести невозможно". Или, наконец, герой берет часы в руки для того, чтобы следить, сколько времени пролетает меч.

8. КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Ан. 552 (+400 А + 554); Bolte-Polivka II 82a, III 197 (для типа 552); II 88, с. 269—271; II 92; III 193 (для типа 400 А); II 62 (для типа 554). Дополнительно: Карнаухова, № 169;

Азадовский „Русская сказка", II, № 14. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936 г., I, стр. 628—629.

Одна из самых больших сказок нашего сборника, но несмотря на ее исключительную величину, в ней не использованы все мотивы, обычно контаминирующиеся в этом сюжете. Так совершенно отсутствует мотив поисков Кащеевой смерти. Кащей гибнет не потому, что герой нашел его смерть, а в непосильной для него погоне за Иваном-царевичем. Это очень характерно для творчества Коргуева, где очень часто традиционные чудесные моменты заменяются вполне реально объяснимыми.

С другой стороны Коргуев вносит в обычную схему несколько новых деталей и иные психологические и реалистические мотивировки. Так, очень своеобразно разработан эпизод встречи Ивана-царевича с Еленой Прекрасной, веселая жизнь в тюрьме, с тактично поданной эротикой. В других вариантах такого описания не встречается (ср. О. Ончуков, № 78; Зеленин „Пермские сказки", № 6; Худяков, I, № 20). Также очень редко встречается мотив выжимания силы из 300 лошадей для того, чтобы передать всю силу худому жеребенку. Этот мотив имеется только в одной сказке (см. Смирнов, № 184). Этим и объясняется победа Ивана царевича над Кащеем Бессмертным, в то время, как в других вариантах играют роль или родство между лошадьми царевича и Кащея (Худяков, II, № 62 и др.) или же дано ненужное бегство героя, уже имеющего в руках Кащееву смерть (Азадовский „Русская сказка", № 14).

Интересны мотивировки, введенные Коргуевым в сказку. Напр., две старшие сестры унесены вороном и голубем против воли Ивана-царевича, поэтому им плохо живется замужем и старшие зятья помогают герою очень неохотно. Младшая сестра вышла замуж с согласия брата, поэтому очень хорошо живет и орел в сущности все время спасает Ивана-царевича. Орел втыкает Ивану-царевичу свое перо под кожу и, когда Кащей сжигает царевича, старшие зятья спешат его спасать, думая, что спасают своего

брата орла. В других вариантах зятья дают тускнеющие при смерти серебряные ложки, вилки, табакерки, меняются кольцами или дают перо, волосинку и т. д., которые при смерти героя должна сжечь баба яга.

Отдельные мотивы „Кащея Бессмертного“ встречаются и в других сказках Коргуева. Так, например, освобождение Иваном-царевичем Кащея напоминает сказку „Крестьянский сын и жар-птица“, № 4, „Как отпустил Иван-царевич хищника из котла“ (Приложения, II), „Кузнец“, № 25. Службу у волшебницы пастухом интересно сравнить с аналогичным эпизодом в сказках „Крестьянский сын и жар-птица“, № 4, „Как отпустил Иван-царевич хищника из котла“ (Приложения, II).

Коргуев все действие сказки переносит в подлинную обстановку своего края: дремучие леса, огромные вязкие болота, в которых герой чуть не гибнет; встречаются часто в описаниях ель, сосна, озера и т. д. Все это придает сказке северный местный колорит.

9. СЕВЕР (САПОГИ-СКОРОХОДЫ)

Ан. 567 (+ 735 + 327 В). Bolte-Polivka. I, 60; с. 542—544; III 122 (для типа 567); I 15, с. 124—126 (для типа 327 В). Добавочно: Карнаухова, № 139; Азадовский „Русская сказка“, № 11. См. „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 601—602.

Сказка является контаминацией трех сюжетов: начало „О двух долях“ в середину вставлен эпизод с людоедом из „Мальчика с пальчика“, откуда идет и подзаголовок сказки („Сапоги-скороходы“). Вся же основная схема сказки укладывается в сюжет о „Чудесной птице“.

В сравнении с другими вариантами этого сюжета Коргуев привносит немного нового, но исключительно детально разрабатывает традиционные мотивы (см. поиски своего счастья, знакомство офицера с купчихой и вся история их любовных отношений, встреча со стариками-родителями и т. д.). Отметим несколько эпизодов, не встретившихся нам в других вариантах. Так, Коргуев вводит в традиционную схему эпизод с сапогами-скороходами и тускнеющим кольцом, похищенными у людоеда, который заменяет обычных чертей и леших с ковром-самолетом. Новым является и эпизод с тремя сестрами-волшебницами, младшая из которых, наиболее грозная, становится женой одного из братьев. Любопытно здесь превращение героя в кота, чтобы посмотреть грозную царевну, к которой он хочет посвататься; необычайно также введение мотива дружбы героя с северным ветром, который становится его помощником.

На ряду с введением некоторых новых моментов, Коргуев пользуется часто встречающимся в его творчестве „общими местами“. Так например, завязка — поиски счастья и чудесная уточка использованы им в сказке

„Лани“, № 20, которая в дальнейшем контаминируется с совершенно другими мотивами. Эпизод с кормлением героем в течение трех лет всего государства своей невесты, встречается в „Иване несчастном“, № 25.

Мастер психологического переосмысления традиционных положений, Коргуев в этой сказке оживил многие эпизоды и, больше того, создал яркие характеристики обычно случайных побочных героев. Достаточно просмотреть все эпизоды, в которых говорится о „кухарочке“, очень обдуманно показан момент избрания в цари одного из братьев — мальчика „молокососишки“ где чувствуются колебания народа. Его можно сравнить только с Афанасьевым, № 115.

Интересно, что Коргуев смягчает в своей сказке излишние жестокие или грубо вульгарные моменты: плевание золотом замене о кошельком-самотрясом; для того, чтобы вернуть себе похищенное женой-изменницей чудесное свойство, полученное от съеденной уточки, герой действует чудесной рюмочкой, как волшебным зондом, не применяя обычных для других вариантов мер, как напр., избиение до рвоты и т. д. Своеобразен с этой точки зрения эпизод превращения жены в кобылицу. Герой не избивает ее тремя прутьями, не морит голодом, а только оказывает как бы моральное давление на давно уже раскаявшуюся, заливающуюся все время слезами жену. И вообще вся сцена прощения сделана в несколько сентиментальных тонах. Братья не убивают преступницы-матери (ср. Садовников, № 22, Соколовы, № 54, Зеленин, „Вятские сказки“, №№ 85 и 91), не покидают ее одну (ср. Афанасьев, № 114а), но берут ее к себе. Такое гуманное отношение к матери встретилось только в одном варианте (Азадовский, № 9 „нет правов мать казнить“).

Вся сказка носит несколько морализирующий характер. Например бедность — от большого семейства. Богатый человек достигает богатства, потому что не сам работает, а на него работают другие; неграмотность приводит к невыгодным сделкам, а в знании — большая сила. Интересно противопоставление, которое дает Коргуев, награждая братьев равными дарами: с одной стороны власть, с другой — знание, подкрепленное материальным достатком. Такое противопоставление встретилось нам только один раз (Соколовы, № 94).

Эпизод с северным ветром, приключения героя в топком болоте, при выходе из которого он должен — „упереться головою в гору“, путешествие в лесу, рассказ о гибели кораблей в море, все это придает сказке яркий местный колорит. В этом отношении особенно характерным является эпизод, когда мать ветра кормит ослабевшего от голода героя, дает ему стакан молока, маленький кусочек хлеба и рюмку вина. Этот эпизод взят Коргуевым из своей жизненной практики. Диэтическое питание голодного человека хорошо известно поморам, жизнь которых тесно связана со случайностями погоды.

10. ТРИ БРАТА

Ан. 551; Bolte-Polivka II, 97. См „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938 г., II, стр. 584—589.

В коргуевском репертуаре — одна из самых каноничных сказок и по сравнению с другими вариантами наиболее полно разработанная. Сохранены все традиционные мотивы и сказочная поэтика. Особенно много привычных сказочных формул. „Ешь не наедайсе, пей не напивайсе, со мной, с молодицей, спать собирайсе и до суха ложки не вытирай"; „помрут не скачут, едят не потчуют"; „близко-ли далеко, низко-ли высоко"; „скажи, молодец, какого ты роду, какой племени"; „туда есть много хотцей, да мало выходцей"; „ворон не пролятывал, волк не проскакивал и молодець не проезживал"; „напрасно, друг, рано хвалиссе; не загачивай, а успей выволачивать"; „хорош пирог едучи, да смотри подависсе".

В разработке сюжета сказка отличается присущей Коргуеву психологической мотивировкой действия. Младший царевич выбирает дорогу, где женатому быть, потому что расчитывает, зная своих братьев, что они могли поехать только в эту сторону. Или старуха-волшебница помогает Ивану-царевичу, потому что он назвался выдуманным именем — сыном их умершего брата (обычно в других вариантах помощь волшебниц не объясняется). По сравнению с другими сказками Коргуев вводит два новых мотива. Первый — царевич испытывает три дороги. После первого приключения с девицами в шатре, Иван-царевич стирает надпись: „прямо ехать — женатому быть", так как это оказывается ложью, и едет по второй дороге, „где богатому быть"; не находит никакого богатства, опять стирает надпись и только после этого отправляется в ту дорогу, где убитому быть, „за молодильными яблоками". Этот эпизод напоминает былину „Три поездки Ильи Муромца" („Песни, собранные П. Н. Рыбниковым", изд. 2, М, 1910, II, № 110).

Особенно интересен второй, введен Коргуевым момент: на пиру у отца неузнанный Иван царевич под видом сказки рассказывает все свои приключения, причем ставит условие: если кто его перебьет — платит деньги, с каждым разом увеличивая сумму. Оба брата, испуганные разоблачениями, его перебивают, платят деньги, напряжение все растет, и, доведя рассказ до конца, Иван-царевич открывается отцу. В русских вариантах данного сюжета, этот эпизод ни разу не встречается.

Характерно, что даже в один из самых традиционных сюжетов Коргуев вводит современные моменты: например, Иван-царевич, уничтожая жилище обманувшей братьев девицы, взрывает пороховой погреб. Особенно это заметно в словаре сказки: часто встречаются такие слова: револьвер, километр, „у царевны сейчас мертвый час", „под черным трауром", „старушка сейчас смылась", „тогда, господа, конешно, были" и т. д.

Отдельными своими мотивами наш вариант напоминает ряд других сказок: основную схему — младший брат выполняет поручения отца, интересно сравнить со сказками „об Иване-царевиче и сером волке" (Ан. 550). Эпизод

с девицей, обольщающей братьев напоминает былину „Три поездки Ильи Муромца" („Песни, собранные Рыбниковым", изд. 2, 1910, М. II, стр. 38—48, № 110). У Коргуева подобный эпизод встречается в сказке „Три лебедя", № 17. Подвиги Ивана-царевича в подземном царстве близки к сюжету „Золотое, серебряное, медное царство" (Ан. 301), у Коргуева „Иван Соснович" № 11. Особенно много у Коргуева вариантов к мотиву змееборчества („Крестьянский сын и жар-птица" № 4, „Как отпустил Иван-царевич хищника из котла" (Приложения, II), „Виноград Виноградович" № 34, „Сукин сын", № 13, „Зорька молодец" № 12, Иван Волович (Приложения, II), „Лани" № 20, „Чортов завод" № 18).

11. ИВАН СОСНОВИЧ

Ан. 301 B; Bolte-Polivka II 91; III, 166. Дополнительно: М. Азадовский, „Русская сказка", II, № 22, Карнаухова, №№ 14, 41, 89, 124. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева. Academia, 1936 г., I, стр. 602—607.

Основной сюжет — (три царства — медное, серебряное, золотое), является одним из наиболее популярных и излюбленных в русской сказке, но в нашем варианте встречаются довольно редкие мотивы (по основному сюжету сказка близко соприкасается с другой сказкой Коргуева „Зорька молодец" № 12). Своеобразно вступление: чудесное рождение ребенка из обрубка сосны (см. Афанасьев, №№ 62 в, d, 81 в). Не говоря уже о том, что это вообще редкий мотив для данного сюжета, здесь особенно интересно отметить характерную для севера породу дерева — сосны. Довольно оригинально проявление силы героем на пашне (ср. Ан. 327 B), при рубке леса в борьбе с волком-медным лбом, испытание палицы (Ан. 650 A).

В дальнейшем Коргуев видимо вводит в сказку материал из другого цикла. Так, необычно вплетен мотив похищения царевен Кащеем Бессмертным, добывание Иваном Сосновичем Кащеевой смерти (ср. Ан. 302). Единственно близкий вариант можно найти у Афанасьева, № 93а, где этот эпизод служит завязкой всей сказки. Отметим также встретившийся нам только один раз эпизод, когда в подземном царстве девушки шьют — „сгоняют силу" — на Ивана Сосновича (см. Афанасьев, № 96). Не менее интересным является совершенно эпизодический момент — окаменение и пробуждение царства (см. Ан. 410 I).

Вся сказка отличается от известных нам русских вариантов стройностью композиции, четкой мотивировкой действия, крепкой сюжетной слаженностью, но зато снижен по сравнению с другими вариантами фантастический элемент. В основном действие развивается, опираясь на силу и ловкость героя, а не с помощью чудесных предметов. Так например, совершенно отсутствуют три яичка, в которые царевны свертывают свои дворцы и другие чудесные предметы. Это создает большую остроту сюжетных положений и придает сказке исключительно реалистический характер.

12. ЗОРЬКА МОЛОДЕЦ

Ан. 301 В; Bolte-Polivka II 91; III 166. Дополнительно М. Азадовский „Русская сказка" II, № 22, Карнаухова №№ 14, 41, 89, 124. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936 г., I, стр. 614—616.

Одна из самых распространенных сказок в русском репертуаре. Основной сюжет — три царства: золотое, серебряное и медное (ср. с другой коргуевской сказкой „Иван Соснович" № 11). Наш вариант по сравнению с другими сказками несколько упрощает традиционный сюжет. Так Коргуев опускает обычную завязку: похищение змеем царевен или заманивание чудовищем в подземное царство. У него три брата просто отправляются путешествовать и поднимаются при помощи якоря на гору. Мотив поднимания на гору встречается довольно часто (см. Афанасьев, №№ 71 в, 93 а. Соколов №№ 79, 153; Худяков №№ 43, 81, 82).

Существенным отличием от других сказок этого типа является вставленный Коргуевым эпизод с четвертой девушкой, борьба с Черномором, забивание бороды Черномора в дерево (весь этот эпизод немного напоминает „Руслана и Людмилу" Пушкина). Наконец, очень своеобразный эпизод — это выход Зорьки-богатыря с помощью пленницы Черномора через подземный ход. В русском репертуаре выход с горы через подземный ход встречается только один раз (см. Афанасьев № 81а). Встреча Зорьки с женой-царевной дана тоже несколько упрощенно — он приходит к ней на пир, подает ей чашу вина и опускает туда перстень, по которому она его и узнает. Этот эпизод напоминает обычный былинный мотив — „пей до дна, узнаешь добра". После этого из яичка строит дворец и достает ее подвенечное платье. Характерна для Коргуева реалистическая мотивировка последнего эпизода. Царевна не узнает на пиру Зорьку только потому, что он очень похудел и измучился во время своих странствий по подземному ходу. В других сказках это обычно не объясняется.

13. СУКИН СЫН

Ан. 300 *В (+303+513 А); Bolte-Polivka I, 60; II 85 (только для типа 303); II, 71; 134, 224 (для типа 513 А). Дополнительно Карнаухова, №№ 43, 163, Азадовский „Русская сказка" I, стр. 224. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, I, 1936 г., стр. 609—613.

Сказка представляет собой очень традиционную контаминацию из трех сюжетов: „Бой на калиновом мосту" (Ан. *300 В), „Два брата" (Ан. 303 и „Чудесные товарищи" (Ан. 513 А). Наш вариант ближе всего к тексту Карнауховой № 163. Однако Коргуев выпускает некоторые мотивы, встречающиеся в других сказках на этот сюжет. Так, напр., братья не выбирают между собой старшего, Сукин сын сам берет первенство. Выпущен также

мотив с обращением за помощью к братьям. В этом сказалось характерное для Коргуева стремление к реализму. Обычно герой оставляет братьям рукавицы или кувшин, которые в случае, если ему придется плохо, должны наполниться кровью. Коргуев опускает этот чудесный мотив и заменяет его вполне реалистическим криком о помощи: „я скрыцю, пустите моего коня на помогу, а сами бежите“. Опять-таки опуская чудесные мотивы и более реалистично, чем в других вариантах, Коргуев дает и эпизод с подслушиванием в жилище змея. Обычно герой обращается котом, мушкой и т. д. У Коргуева Сукин сын сохраняет образ человека и просто подслушивает под окном. Отдельные эпизоды этого сюжета очень близко напоминают другие Коргуевские сказки, напр., выбор коня можно сравнить с аналогичным эпизодом в „Еруслане Лазаревиче“ № 36, змееборчество — со сказками „Крестьянский сын и жар птица“ № 4, „Чортов завод“ № 18, „Три брата“ № 10, Зорька молодец“ № 12, „Виноград Виноградович“ № 34. Подслушивание разговора родителей и жен убитых змеев напоминает соответствующий эпизод сказок типа „Верный слуга“ (Ан. 516) у Коргуева „Верный слуга Иван“ № 27. Наконец, в Коргуевском репертуаре имеется особый вариант ко всей этой сказке (см. „Иван Воловиць“, Приложения, II).

14. ИВАН МЕДВЕДЕВИЧ

Ан. 650 А + 315 А (+ 300 А + 301 А + 302); Bolte-Polivka II, 90 (для типа 650 А); I 60, с. 551 — 554; III 121, с. 1-2 и сноска (для типа 315 А). I 60, с. 547—551 (для типа 300 А); II 91; III 166 (для типа 301 А); III 197, с. 431—443 (для типа 302).

Сказка является редкой контаминацией в основном двух сюжетов: Иван Медвежье ушко (Ан. 650 А) и Звериное молоко (Ан. 315 А). Весь первый эпизод: рождение героя от человека и медведя и убийство медведя-отца, встречается только в четырех вариантах (Афанасьев №№ 81 А, 89, Садовников № 34, Зеленин „Пермские сказки“, № 43); герой снимает со зверя шкуру целиком, — встречаем только у Афанасьева, № 37. Дальше идет сюжет „Звериное молоко“, в который очень интересно вставлен мотив змееборчества (Ан. 300 А), один мотив из сюжета о трех царствах (Ан. 301 А), — яичко, из которого царевна делает золотой дворец и, наконец, совершенно своеобразно разработан сюжет о Кащеевой смерти в яйце (Ан. 302). Здесь ищут не смерть Кащея, а злодейка-мать ищет смерть героя и для этого спаивает его вином. Интересно, что сын два раза обманывает мать, направляет ее по ложному следу, и только в третий раз указывает, где его смерть. Очень отдаленно напоминает этот эпизод сказка Худякова III, № 84, где мать спрашивает героя: „в чем твоя сила?“ и он говорит, что „в трех женских волосках“, и сказка Соколовых № 152, где мать, чтобы лишить героя силы, вырывает волосинку (ср. во-

лос из хвоста коня в „Иване Медведевиче"). Мотив смерти в голике встречаем в сказке Афанасьева, № 93с, принадлежащий совсем к другому циклу. Совершенно своеобразно разработаны и задачи, которые дает мать, чтобы погубить сына. Первые задачи — достать воды от водяного из озера — имеет некоторую отдаленную параллель в сказках Ончукова № 66, Садовникова № 34, Худякова I, № 27 и Соколовых, № 152. Другие задачи — достать целебные растения и ягоды в саду льва-зверя и безрогого черта, хотя и встречаются в других вариантах, но в деталях разработаны совершенно оригинально. Напр. герой должен завязать волосинкой голову, чтобы она не разорвалась от крика; избиение льва-зверя и черта и, наконец, приезд на всех этих чудовищах к царю. Последний эпизод встречается, правда, в несколько ином виде только в сказке Карнауховой № 47. Совершенно новым для нашего сюжета является введенный Коргуевым эпизод с усыновлением Ивана Медведевича царем, обучение грамоте и его борьба за палицу с богатырями, которые хотят итти войной на его царство. Интересен и эпизод с волшебницей, дающей герою коня, который и помогает совершать все подвиги, и помощь волшебницы при смерти Ивану Медведевичу. Этот эпизод является „общим местом" в коргуевском творчестве. (Ср. „Сукин сын" № 13, „Чортов завод" № 18, „Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля" № 6). Основной сюжет — звериное молоко, — напоминает две других сказки Коргуева — „Чортов завод" № 18 и „Иван Скороход" (Приложения, II).

15. СОН ВЕЩИЙ

Ан. 725 (+ 518 + 507 А + *946); Bolte-Polivka I, 33, с. 324 (для типа 725); II 99, с. 331—335 (для типа 518); III 133, с. 83—84; III 217 (для типа 507 А). Дополнительно: „Песни, собранные Рыбниковым", изд. 2е т. I, № 35, стр. 233—247 (этот же сюжет излагается в форме былины). См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 621.

В русском репертуаре сказка сравнительно мало распространенная. Коргуевский текст очень каноничен, близок к сказке Афанасьева, № 133. Все основные мотивы из других циклов, вплетенные в сюжет, встречаются и в других вариантах. Новым является только заключительный эпизод — убийство Еленой Прекрасной мужа-царевича и свадьба с Иваном крестьянским сыном. Здесь, очевидно, сказалось стремление Коргуева к характерному для него положению — награждение положительного героя — крестьянского сына царством и наказание слабого и злого царевича, который по пустякам посадил героя в темницу. Очень отдаленно напоминает этот мотив конец сказки Зеленина, „Вятские сказки" № 4.

Отметим некоторые местные элементы в сказке: царевич не идет свататься к царевне, а едет на корабле, Иван со своим товарищем приходят

к нему не помощниками, а поступают матросами на корабль. Интересны и некоторые современные элементы, проникшие в сказку: царевна падает в обморок; при смерти царевича вызывают скорую помощь. Характерная черта для коргуевского творчества — повторяющиеся „общие места“ — мотив волшебного зеркала встречается в сказках: „Три царь девицы“ № 30 (Ан. 329), „Андрей стрелец“ № 2 (Ан. 465 А). Разгадка задач царевны с помощью слуги встречается в сказке „Матюша пепельной налитуровой колпак“, № 22, дележ волшебных предметов для дерущихся чертей имеется в сказке „Остров золота“ № 19.

16. ИВАН МЕНЬШОЙ, РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Ан. 531 (+ 327 В); Bolte-Poivka № 126 (для типа 531); I 15, с. 124-126 (для типа 327 В). Дополнительно „Сказки Куприянихи“ № 1: Карнаухова, № 46. См. „Народные русские сказки„ Афанасьева. Гослитиздат, 1938 г., II стр. 583—584.

Сказка является контаминацией двух сюжетов: Конька-горбунка (Ан. 531) и Мальчика с пальчика (Ан. 327 В), вставленного в середину первого сюжета. Наш вариант отличается от других сказок своеобразной разработкой отдельных деталей.

Старик находит в лесу яйца и не высиживает их, как обычно, а роняет их на землю из-за неплотной опояски и из каждого яйца выскакивает по молодцу. Все заработанные деньги братья отдают отцу. Интересен эпизод поимки чудесной лошади. В отличие от других вариантов не один брат, а все вместе отправляются ловить вора, но засыпают. А Иван Меньшой сначала ловит жеребенка и затем с его помощью — кобылицу-златогривицу. Необычен для русского репертуара и мотив с переодеванием черных и белых шляп. Особенно следует отметить эпизод с похищением из церкви во время отпевания подвенечного платья. Указание на подобный вариант встречается только в примечании Зеленина (в „Сказках Пермского края“, в сказке № 10), где указывается полулубочное издание „Сказки о Петре королевиче и Ивашке медвежьем ушке“ (сборник „Собрание старинных русских сказок“, М. 1829). Во всех других, просмотренных нами сказках подобный вариант не встречается. Своеобразными являются и мотивировки действия, отличающиеся от обычных в других вариантах: братья косят траву в заповедных царских лугах, где никто не косит, и трава там пропадает, для того, чтобы царь оценил их, как заботливых работников; своеобразно также объясняется и попытка братьев убить Ивана, как месть за убитых по его вине невест-дочерей бабы-яги. Любопытная подробность: Иван сам добивает братьев, уже искалеченных его конем, не желая, чтобы они долго мучились (ср. „Иван Соснович“ № II).

В коргуевском репертуаре имеется особый вариант Ивана Меньшого Разумом Большого“ (см. Приложения, II „Гриша Кошевар“). Бегство от

бабы-яги напоминает аналогичный эпизод в сказке „Виноград Виноградович“ № 34. Отметим также местные элементы в сказке, где особенно ярко отразилась северная природа (лес и море) и характерный для Карелии труд дровосека.

17. ТРИ ЛЕБЕДЯ

Ан. 566; Bolte-Polivka I, 54, с. 470—485; III 122. Дополнительно: Карнаухова, № 3. См. также „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат, 1938 г., II, стр. 600—601.

В основе сказки лежит довольно распространенный сюжет „Рога“ (Ан. 566), но в изложении Коргуева сказка приобретает много своеобразных черт. Прежде всего довольно оригинально начало. Герой солдат для такого сюжета обычен, но бытовые и психологические детали другие. Вместе со старшим братом на военную службу отправляются и два младших, засчитывают себе один год за три, так как их трое, бегут с военной службы и поселяются в лесу у трех девушек-лебедей (ср. Зеленин „Пермские сказки“ № 99). Очень ярко описывается жилище лебедей и жизнь братьев в лесу. При расставании девицы-лебеди дарят своим мужьям на память чудесные предметы (в других вариантах обычно герой обыгрывает чорта и обманом получает от лешего или, наконец, просто находит чудесные предметы).

Своеобразно дается и эпизод с похищением царевной чудесных предметов. В большинстве других сказок царевна играет с солдатом в карты и отнимает у пьяного чудесные предметы. В нашем варианте царевна заводит его в спальню, нажимает рычаг кровати и Иван проваливается в подземелье, где находит много мертвых тел. Все это повторяется три раза, с каждым чудесным предметом, которые Иван занимает у своих братьев. Этот эпизод напоминает сказки из другого цикла о „молодильных яблоках“ (Ан. 551), у Коргуева „Три брата“ № 10, а также былину „Три поездки Ильи Муромца“ („Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“, изд. 2-е, М. 1910 г., II, стр. 38—48, № 110).

Интересны чудесные подарки братьям — традиционные ковер-самолет, шапка-невидимка и необычный волшебный гривенничек, заменяющий кошелек-самотряс и, особенно, использование братьями этих подарков. Старшие отправляются „по магазинам шарить“, награбят денег и становятся купцами, а младший спаивает солдат. Конец сказки с чудесными ягодами, от которых рога растут, очень традиционный, но характерно, что Коргуев старается реалистически замотивировать этот эпизод. Герой не случайно находит чудесные ягоды, а собирает их бывшая его жена-лебедь и „пишет записку, как с ними действовать“. Здесь интересна замена яблок, которых нет в Карелии — обычными для нее лесными ягодами.

В сказке встречаются и городские мотивы. Так, Иван, нарядившись доктором, снимает номер в гостинице, царевна приезжает к бане с лакеем, за ягодами посылает горничную и т. д.

К этой сказке у Коргуева имеется вариант (см. „Крестьянский сын", Приложения, II).

18. ЧОРТОВ ЗАВОД

Ан. 315 А (+313 А+*313 I+554+300 А); Bolte-Polivka I, 60, с. 551—554; III 121, с. 1—2 и сноска (для типа 315 А); I 51—56; II 70 A, 113; III 186 (для типа 313 А); II 79 (для типа *313 I); II 62 (для типа 554), I, 60, с. 545—551 (для типа 300 А). См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1937, II, стр. 604—606.

Сказка представляет собой соединение нескольких самостоятельных сюжетов, причем соединение это довольно устойчиво во многих вариантах: „Чудесное бегство" (Ан. 313 А). „Звериное молоко" (Ан. 315 А), бегство от бабы яги с помощью чудесных предметов (Ан. *313 I), Звери-помощники, (Ан. 554) и Победитель змея (Ан. 300 А). У Коргуева сказка очень традиционна, ближе всего к сказке Азадовского № 6. Из более редких мотивов отметим два: эпизод с волшебницей (встретился только у Афанасьева № 119в) и эпизод, когда черт обращается булавкой, а звери, чувствуя его присутствие, рычат и бросаются к сестре (ср. Афанасьев, №№ 118с и 119а). Очень устойчиво передавая сюжет сказки, Коргуев смягчает только один эпизод, правда, психологически это оправдывая — Иван, понимая состояние сестры после смерти любовника, не наказывает ее, как это обычно для других вариантов; наоборот „он ей ничего не говорит, уж знает, почему сестра такая, плачет. — „Ну, што ты сестра, такая туманная? Тебе здесь жить скучно, пойдем в какое-нибудь царство, тебе там веселее будет". Такое исключительно гуманное отношение к горю сестры-врага в других сказках не встречается.

Вся сказка очень насыщена местными северными чертами. В рассказе все время встречаются лес, море, лесная избушка, герой-охотник, питание дичью, завод на реке, бурливый поток, который очень красочно описан: „Видят, што чорт за порогом там стоит, а голосу никакого не слышно".

Сказка имеет несколько параллелей в коргуевском творчестве. Мотив — отдать незнаемое дома встречается в сказках „Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля" № 6 и „Шут" № 32. Эпизод с бабушкой-волшебницей имеется в „Иване Медведевиче" № 14, в „Сукином сыне" № 13, „Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля" № 6; бегство с помощью чудесных предметов напоминает соответствующий эпизод в сказке „Шут" № 32; змееборчество с помощью зверей — „Лани" № 20. Наконец, имеется особый вариант ко всей сказке (см. „Иван Скороход". Примечания, II).

19. ОСТРОВ ЗОЛОТА

Соответственного сюжета в „Указателе" Андреева не имеется. Однако в сказке встречается несколько отдельных мотивов из различных сюжетов.

Начало сказки отдаленно напоминает схему „Падчерица в лесу" (Ан. 480 *Д), но совершенно оригинально обработанную. В нашем варианте не мачеха, а родная мать, невзлюбив сына, отсылает его на необитаемый остров. Первая ночь на острове, когда герой ночует на дереве, напоминает „Робинзона". В дальнейшее развитие сказки вплетается мотив из „Обманутых леших" (Ан. 518), но опять таки данный очень своеобразно. Герой помогает черту убить лешего и за это черт ему все время помогает и отдает волшебное зеркало. Последний эпизод напоминает немного мотив из цикла „Благодарный мертвец" (Ан. 505). Наиболее традиционной частью сказки в смысле общей сюжетной схемы, является следующая часть, взятая из цикла „Волшебное кольцо" (Ан. 560), Жена крадет чудесный предмет, улетает в свое государство, герой с помощником-чертом, обратившимся в кошку, отправляется добывать этот предмет. Но у Коргуева нет традиционного любовника, к которому улетает жена. Царевна просто возвращается к своему отцу (Ср. Соколовы № 146 и Смирнов № 30).

В эпизоде с добыванием волшебного зеркала вставляются еще два мотива: один из сюжета „Чудесная скрипка" (Ан. 592), во время игры на которой все пляшут, и второй, очень отдаленно соприкасающийся с сюжетом „Война птиц и зверей" (Ан. 222 *В). Правда, в нашей сказке никакой войны птиц и зверей нет, но имеется мышиное войско под предводительством крысы, которая помогает герою (ср. Афанасьев, № 112 В).

Вся сказка, очевидно, является опытом построения новой схемы в основу которой положены отдельные мотивы из различных сюжетов. От мотива к мотиву перекинуты мостики — совершенно самостоятельные описания, очень насыщенные северными чертами, своеобразным бытом и специальными морскими эпизодами. Очень характерно описание первой ночи на необитаемом острове. Герой спит на дереве, так как боится диких зверей, а на следующий день раскладывает костер, обложив себя хвоей („чтобы ветер не провевал"). Затем каждый день ходит на охоту, питается дичью. К чисто поморским мотивам следует отнести рассказ о службе героя коком на пароходе, описание пароходной кухни, распорядка дня и особенно эпизод с состязанием в искусстве поваров и прощальный обед на корабле. Интересны и современные моменты, проникшие в сказку. Напр., Иван с женой приходят в буфет, садятся за богатый стол, или эпизод с игрой на гармошке, когда останавливается все „уличное движение, встают все лошади и автомобили".

В сравнении с другими сказками Коргуева „Остров золота" отличается некоторой сюжетной неслаженностью, иногда искусственными натянутыми мотивировками. Так, очень слабо замотивирована волшебная игра на гармошке, слабо связано с действием сюжета состязание поваров.

20. ЛАНИ.

Ан. 735 + 567 + 303 (+ 04 + 554 + 401); Bolte-Polivka I 60, с. 542—544 III 122 (для типа 567); I 60; II 85 (для типа 303); II III (для типа 304); II 62 (для типа 554); II 92, с. 330—331; 93; III 137 (для типа 401). Дополнительно: „Сказки Куприянихи“ № 11. Карнаухова, № 139, Азадовский, „Русская сказка“ I, № 11. См. „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат„ 1938 г., II, стр. 601—602.

Сказка представляет собой контаминацию из нескольких сюжетов: 1) „Две доли“ (Ан. 735), 2) „Чудесная птица“ (Ан. 567). Этот сюжет получил несколько иную разработку, чем в других русских вариантах, Птица обладает только одним чудесным свойством: тот, кто ее съест, каждую ночь находит два червонца в изголовье. Кроме того, традиционный любовник заменен богатым братом, который хочет передать чудесные свойства птицы своим детям. Дети бедняка бегут не от злой матери, а, наоборот, родители советуют детям бежать, чтобы избавиться от притеснений богатого дяди.

3) „Чудесное ружье“ (Ан. 304) и „Благодарные животные“ (Ан. 554). В разработке этих сюжетов интересна полнейшая параллель между приключениями двух братьев: оба щадят одних и тех же животных, набирают одинаковую „охрану“, одним и тем же способом спасают царевен, оба убиты мнимыми „спасителями“ царевен, и оба воскрешены своими зверями. Мотив неправильного сращивания тела при оживлении живой и мертвой водой в русском репертуаре не встречается. 4) „Заколдованная царевна“ (Ан. 401) и „Два брата“ (Ан. 303). В отличие от обычной трактовки этого сюжета, у Коргуева не церевна при помощи колдовства превращена в лань, а злая волшебница обращается ланью для того, чтобы заманить героев в заколдованные леса. Вся эта часть нашей сказки очень близка к сказке Куприянихи № 11. Оригинальным здесь является то, что волшебница околдовывает не только героя, но и все деревья в лесу оказываются заколдованными людьми. Убийство брата братом встречается только у Куприянихи, № 11.

„Лани́“ очень близка к двум другим коргуевским сказкам: „Север“ № 9 сюжет „Чудесной птицы“ (Ан. 567) и Виноград Виноградович № 34 („Два брата“, Ан. 303).

21. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Ан. 325; Bolte-Polivka II, 68. Дополнительно: Карнаухова, №№ 44, 165. См. также „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 625—627.

Одна из самых распространенных и устойчивых в своей сюжетной основе сказок. По сравнению с другими сказками наш вариант отличается бо́льшей традиционностью и каноничностью сказа: неизменная троичность эпизодов,

сказочные формулы, эпические повторы и т. д. Но даже среди традиционных мотивов, повторяющихся буквально во всех сказках, отметим один: во время бегства от учителя, герой обращается не соколом, не зайцем, не волком, а оленем. Это обращение очень характорно для оленевода-Коргуева. Кроме того, в сказку внесен один нигде не встречающийся эпизод. Царь, прежде, чем выдать дочь замуж за героя, спрашивает, имеется ли у него капитал. Тогда Иван возвращается в подземелье Оха, освобождает своих товарищей, делит поровну все богатства, взрывает пороховой погреб и уничтожает жилище учителя. Этот мотив в русских сказках не встречается. Эпизод с уничтожением подземелий Оха напоминает момент уничтожения жилища девицы из сказки „Три брата" № 10.

В нашем варианте следует отметить еще один интересный момент — это очень реалистические и психологические характеристики героев. В этом отношении особенно замечателен образ любящей матери, который очень устойчиво проходит через всю сказку. Бедная вдова не хочет отдавать сына на тяжелую работу, потому и идет на многие жертвы. Ее характер особенно ярко выражается в эпизоде последней продажи сына в виде лошади. Для того, чтобы еще ярче подчеркнуть ее любовь к сыну, Коргуев изменяет обычные описания торга. Ох под видом купца не задаривает ее, не спаивает, как в других вариантах, а силой вырывает у нее огловье из рук. Продажа коня с уздечкой в других сказках обычно объясняется или жадностью или пьянством.

22. МАТЮША ПЕПЕЛЬНО́Й, НАЛИТУРОВОЙ КОЛПАК

Ан. 519. Дополнительно: Карнаухова № 16. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 602—604.

Немногочисленные русские варианты этого сюжета очень разнообразны. Основная сюжетная схема неустойчива, в каждой сказке введено много совершенно различных мотивов. Наш вариант опускает много побочных эпизодов, встречающихся в других сказках. Действие сюжета развивается целеустремленно по одной линии: женитьба царевича с помощью Матюши-Пепельного на царевне-волшебнице.

Коргуев в своей сказке строго придерживается традиционных правил сказочной поэтики и по сравнению с другими вариантами „Матюша Пепельно́й" выглядит очень канонично. Это стремление к каноничности доходит до того, что Коргуев вводит вместо одной царевны традиционных три.

Отметим исключительно художественные формулы, гораздо более разработанные, чем в других вариантах. Например, „Эх, дать — божья благодать, кабы конь — мне гулять, кабы лук — мне стрелять, кабы меч — мне-ка сечь, кабы красная девица — мне с ней спать". „Будет лук да не будет рук, будет меч, да не тебе им сечь, будет доброй конь, да не тебе на нем

ездить, будет красная девица, да не тебе с ней спать". Или „Не твоя слега́, не тебе ей владеть" и т. д.

Строя свою сказку гораздо более традиционно, чем у других сказочников, Коргуев вместе с тем переводит ее в совершенно иной, сатирический план, резко выделяющий ее из других вариантов своей социальной заостренностью. Сказочник достигает этого исключительной по своей реалистичности разработкой характеров. Герои его уже не сказочные „маски" — носители определенной идеи, а яркие, сатирические зарисовки социальных образов. Основной тон сказки держится на столкновении двух характеров — царевича и слуги, наделенного волшебной силой.

У Коргуева царевич не просто более физически слабый по сравнению со своей женой богатырь, как это обычно в других сказках. Он показан, как образ слабого, самовлюбленного и глупого, но трусливого, быстро теряющего всю надутую самоуверенность, человека. Он не слушает никаких разумных доводов, сажает в темницу и бросает в море своего верного слугу, предупреждающего его о трудности задуманной женитьбы, но при малейшей опасности трусит, хнычет, просится домой и женится против всякого желания, не смея больше противоречить, узнав о его силе, своему слуге. Матюша исполняет за него все задачи, шаг за шагом направляет его поведение, а царевич каждый раз упирается и думает только о бегстве. Такой характеристики не только по своей яркости, но главное и по направленности образа, нигде не встречается.

Не менее интересно дан и образ слуги. В противоположность жалкой фигуре царевича, Матюша показан положительным героем — сильным, смелым, со здравым умом, не боящимся никаких препятствий. Характерно, что в отличие от других вариантов, Коргуев наделяет своего положительного героя — слугу, кроме обычных человеческих положительных качеств, еще и волшебным знанием. Обычно в сказках дядька физической силой заставляет служить себе бабу-ягу, колдунов и т. д. У Коргуева он сам владеет волшебными знаниями и предметами и умеет подчинять себе враждебные силы. Он сам вылечивает свои искалеченные руки и ноги, а не с помощью бабы-яги. Еще отличительная черта — Матюша не обычный слуга, не дядька царевича, как в других сказках. Он живет в своем волшебном жилище и является к царевичу только в трудные минуты.

Сказка в основном своем сюжете напоминает историю Зигфрида, Гунтера и Брунгильды. Мотив усмирения жены в брачную ночь у Коргуева использован и в других его сказках (ср. „Шкип" № 3).

23. КАК КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ПРОЖИЛ ОТЦОВСКИЙ КАПИТАЛ

Ан. 361. Bolte-Polivka II, 101. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 638—639.

В русской традиции сюжет очень редкий. Коргуевский вариант интересен тем, что традиционная схема Неумейки вставлена в обрамляющую новеллу о купчике-игроке и кутиле. Этого мотива в известных нам русских вариантах нигде нет. У Коргуева см. „Семен и Марья“ № 55.

Примечательно, что вся сказка переведена в другой социальный план: герой не солдат, а купеческий сын. В соответствии с этим вся сказка оказалась перестроенной. Естественно, что перевод из одной социальной среды в другую произошел не механически; все традиционные положения получили новый смысл и новую социальную окраску. Очень интересный пример: в сборнике Афанасьева солдат за проданную душу получает от черта неисчислимое богатство и не знает, что с ним сделать: раздает бедным, дает царю в долг. У Коргуева Иван, поступив к черту в работники, не тратит денег, а наоборот старается разбогатеть и выигрывает все время с помощью волшебных карт деньги, дома, магазины, корабли, игорный клуб и даже одежду и трех дочерей купца. Он не тратит, а наоборот копит и крепко держится своих богатств. В Афанасьевской сказке солдат женится на царевне и дает царю деньги в долг. У Коргуева герой выигрывает жену в карты и женится на купчихе.

Коргуеву свойственно введение купеческой среды в сказку, причем купеческой среды именно поморской. Купец обязательно имеет двенадцать кораблей и торгует заграницей. В этом, очевидно, сказывается влияние поморской купеческой среды. Бедняк-рыбак, каким был до революции Коргуев, зависел от них, так как не имея собственных орудий лова, батрачил от местных богачей. Не менее характерным в этой сказке является и реалистическая трактовка отдельных мотивов, трактовка, идущая за счет снижения волшебных элементов. Герой поступает к черту в казаки, а не продает душу, как в сказке Афанасьева. После окончания службы Иван моется, идет в парикмахерскую, бреется и принимает просто нормальный человеческий вид, а в Афанасьевской сказке чорт разрубает солдата на куски и делает красавцем. Отметим выражение: „побрился и сделался таким бравым, фартовым детиной“.

В своем стремлении к реализму Коргуев идет гораздо дальше и вводит много психологических моментов. У него герой не случайно попадает к чорту в работники, а Коргуев рисует картину постепенного падения человека, увлеченного страстью к картам. В начале это просто развлечение, затем появляются мелкие обманы, затем растраты, затем пьянство и как завершение падения — связь с чортом. И чорт не просто берет Ивана на службу, а старается его погубить, играя на слабой струне — игре в карты. Даже после окончания службы чорт старается опутать Ивана, оставляет ему карты, которые всегда выигрывают, и только жена спасает героя, заставляя отказаться от своей страсти и бросить чортовы карты. Всех этих мотивов нет у Афанасьева.

24. КУЗНЕЦ

Ан. 400 A + 400 *В(+ 552). Bolte Polivka, II, 88, стр. 269—271; 92; III 193 (для типов 400 A и 400 *В); II 82а; III 197 (для типа 552). Дополнительно: Карнаухова, № 169а. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936 г. I, стр. 628—629. II, стр. 612—613.

Контаминация сюжетов 400 A и 400 *В („Муж ищет похищенную жену" и „Царь девица") и 552 („Животные зятья") довольно устойчива. Наш вариант взяв за основу обычную контаминацию сюжетов, своеобразно соединяет отдельные мотивы и вводит новые из других циклов. Так например сюжет 552 использован лишь частично. В нашем варианте нет ни трех сестер, ни трех зятьев-животных. Поэтому, появление солнца, ветра и месяца, исполняющих роль животных-зятей — замотивировано очень слабо. Также очень сокращенно даются поиски невесты и женитьба героя, причем, помогает при этом только одна тетка волшебница, а не три, как обычно в сказках. Значительно более этот сюжет используется во второй половине сказки, когда солнце, ветер и месяц оживляют убитого героя и помогают достать жену от заколдованного богатыря. В этой половине сказки — довольно редкий эпизод с добыванием волшебного коня. Аналогичный эпизод встретился у Худякова II, № 62.

Интересно введение легендарного мотива из сюжета Ан. 800. Коргуев снимает все религиозные аттрибуты и мотив этот теряет у него свой религиозно-легендарный характер. Наоборот, легендарный мотив Коргуев старается реалистически замотивировать. Герой поднимается на такую высокую гору, что видит жизнь всех людей на земле, тяжелую жизнь своего отца и отправляется к нему с подарками. Интересная черта — героиня сказки не дева-воительница (см. Афанасьев №№ 94, 95), а обычная для творчества Коргуева полноправная хозяйка царства, которая даже при выходе замуж сохраняет за собой первенство в управлении хозяйством; Ср. со сказкой № 8 „Кащей Бессмертный".

Сюжет 400 *В встречается и в сказке № 25 „Иван несчастный".

25. ИВАН НЕСЧАСТНЫЙ

Ан. 400 *В (+ *410 I + 569); Bolte Polivka II, 92, 93 (для типа 400 *В); II 92, стр. 330—331 (для типа *410 I) и I 54 (для типа 569). Дополнительно: Карнаухова № 131. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938 г. II, стр. 616—617.

Сюжет основной нашей сказки (Ан. 400 *В) „Царь девица" в сказочной традиции довольно неустойчив и русские варианты этого сюжета очень разнообразны. Наша сказка сохраняет только самую основную схему сюжета, которая заполняется отличным от других вариантов содержанием. Прежде всего Коргуев вводит в свою сказку материал из другого цикла.

напр., эпизод с обменом чудесными предметами (Ан. 569). Этого мотива в других вариантах не имеется. Заново введен эпизод с подрядчиком и постройкой пристани. Отличными от других вариантов моментами являются и жизнь у бабушки, покупка дома и главное — стремление героя обзавестись родом, получить оседлость (напр., уговоры бабушки назвать его своим сыном). Отметим интересный момент с волшебным яичком, в котором запрятана любовь царевны. В других вариантах герой, чтобы вернуть себе любовь жены, добывает это яичко, подобно тому, как обычно в сказках добывается Кащеева смерть. У Коргуева все чудесные моменты опускаются. Яичко все время находится у героя и он не должен где-то разыскивать с приключениями любовь жены, а просто по совету докторов отдает это яичко царевне и все кончается благополучно. Введение докторов здесь очень примечательно и это еще лишний раз подчеркивает свойственное Коргуеву стремление всячески снижать фантастические моменты и переводить сказку в более реалистический план.

Отдельные моменты, имеющиеся и в других русских сказках этого сюжета, у Коргуева разработаны совершенно по иному. Так, Коргуев переводит сказку в иной, более близкий ему социальный план: герой у него не солдат, а крестьянский сын. Соответственно с этим он наделяется и иной характеристикой и главное — иными социальными и бытовыми признаками — крестьянина-помора. Отец его — дровосек — живет тем, что рубит лес и сына с детства приучает к своей работе. Вообще местные северные черты очень ярки в нашем варианте. Описание жизни в лесу, пейзажи моря в сказке встречаются часто. Особенно интересно отметить один чисто поморский момент. Змей летит через огненное море и возвращается с дороги обратно, чтобы набрать большой запас воды. Эта черта — прямо из жизни поморов: брать в запас воду перед выходом в море. В связи с переводом сказки в иной социальный план, соответственно изменяется и сказочная обстановка. Так, нечистая сила совершенно закономерно проявляется не в солдатских образах фельдфебеля, ротного и батальонного, а в чисто крестьянских образах десятского, сотского, урядника.

Отдельные моменты нашего варианта имеют параллели и в других сказках Коргуева, напр., отчитывание царевны напоминает соответствующий эпизод в сказке „Червонный валет“ № 31, перелет через огненное море на змее похож на полет на птице в подземное царство в „Иване Сосновиче“ № 11 и „Три брата“ № 10. Основной же сюжет „Царь девицы“ разрабатывается в сказке „Кузнец“ № 24.

26. СОБАКА И КОШКА

Ан. 560; Bolte Polivka II 104a. Дополнительно: Карнаухова 146. См также „Народные русские сказки“ Афанасьева, Гослитиздат, 1938 г., II, стр. 606—609.

Один из популярных сюжетов русской сказки. Варианты этого сюжета довольно разнообразны. Наша сказаа своеобразно разрабатывает эпизод с получением волшебного кольца. Обычно герой снимает кольцо с руки мертвой царевны или получает от заколдованной девушки, от матери, от бабы-яги, наконец, просто находит его. У Коргуева герой служит у волшебницы, охраняет клад, ловит змея, который крал золото, и отпускает его. Благодарная волшебница дает ему мешок жемчужного песку, с помощью которого он тушит змеиное пожарище и получает кольцо от змеи. В этом отношении вариант напоминает сказку Афанасьева № 112в, где встречаются близкие мотивы: служба у попа, мешок с песком и пожар, но несколько иначе разработанные. Отличимым от других вариантов является и эпизод с заключением в темницу. Во всех других сказках героя кормят в темнице благодарные животные, у Коргуева, всегда стремящегося объяснить фантастические моменты вполне реальными, животные соответственно заменяются человеком: героя кормит из жалости его теща-царица.

Особенно характерным для нашего варианта являются местные черты, которыми насыщена сказка. Иван спасает змея и тушит лесной пожар; животные переплывают три моря, останавливаются на острове. Очень живо описана жизнь и труд рыбака, у которого кошка достает кольцо из выпотрошенной щуки. Особенно следует отметить яркий момент потери кольца собакой: собака и кошка плывут по морю, в дороге их застигает шторм. Собака измучена от борьбы с огромными волнами, задыхается и захлебывается; ей попадает в рот морская вода, она кашляет и роняет кольцо. Обстановка исключительно знакомая и близкая для помора.

Мотив коварной жены у Коргуева встречается неоднократно. В этом отношении нашу сказку очень интересно сравнить с другой сказкой Коргуева „Остров золота“ № 19. Мотив украденного женой чудесного предмета встречается еще в „Сапогах-скороходах“ № 9, „Три лебедя“ № 17 и „Не-мал человек“ № 44.

27. ВЕРНЫЙ СЛУГА ИВАН

Ан. 516. Bolte Polivka I, 6. См. также „Народные русские сказки“ Афанасьева, Academia, 1936 г., I, стр. 628.

Сказка несколько отличается от других вариантов. Коргуев, очевидно, слышал несколько редакций этого сюжета, потому что соединяет начало и конец из разных сказок. Первая половина — похищение царевны — очень близка к сказке, помещенной у Зеленина „Великорусские сказки Вятской губернии“ № 29. Вторая половина — спасение верным слугой царевича от смерти — ближе всего к сказке, напечатанной у Ончукова № 297. Это соединение начала и конца из разных вариантов у Коргуева совершается очень органически, объединяясь вокруг центрального образа — верного слуги. Все действие строится в основном так, чтобы этот образ получил

наибольшее раскрытие. Коргуевым выбираются именно те эпизоды и мотивировки, которые помогают лучше показать характер центрального персонажа. Поэтому сказка так четко и композиционно построена. Слуга помогает достать царевичу невесту и он же спасает его от смерти. Коргуев вполне закономерно откинул все эпизоды, уводящие в сторону и встречающиеся в других сказках. В отличие от других вариантов, он дает и другую мотивировку всей сказки: царевна-волшебница, царевич увозит ее против воли, отсюда и происходят все несчастья.

Строя несколько необычайно схему своей сказки Коргуев пользуется многими мотивами, часто встречающимися в его репертуаре и взятыми из других сюжетов. Царевич влюбляется в невесту по портрету (см. „Брат и сестра" № 41) и („Францель Венциан" № 37); едет со слугой за царевной на корабле (см. „Матюша Пепельной, „Налитуровой Колпак" № 22); похищение царевны (см. Семь Симеонов" № 28 и „Шкип" № 3). Интересен эпизод с отсасыванием крови у царевны (ср. с попавшей на царевну каплей крови при борьбе слуги со змеем, Афанасьев, 93 с, стр. 471, см. подстрочник); похороны верного слуги в хрустальном гробу имеют, очевидно, какую-то связь с мотивом хрустального гроба в „Мертвой царевне" (Ан. 709). Даже описание воскрешения Ивана в то время, когда царевна уходит к заутрене, как-то перекликается с соответствующим эпизодом в сказке Худякова № 116.

Сказка вся строится на северном карельском пейзаже и словарь ее сильно насыщен местными и специально морскими словам: корабельная пристань, распустили паруса, заходят в гавань, становятся к порту, отдавайте паруса, каюта, палуба, отлега́, рубка, качка и т. д.

28. СЕМЬ СЕМЕОНОВ

Ан. 653; Bolte-Polivka III, 129. Дополнительно: Карнаухова, № 66. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936. I, стр. 618—621.

В русском сказочном репертуаре встречается довольно редко. Интересно, что наш вариант сюжетно ближе всего не к сказочной традиции, а имеет параллели в книжной литературе. Абсолютно самостоятельный стилистически, коргуевский вариант многими мельчайшими мотивами совпадает со сказкой „О семи Симеонах, родных братьях", напечатанной в сборнике „Лекарство от задумчивости и бессонницы или настоящие русские сказки", М. 1819 г. Связь между данными сказками настолько очевидная, что даже сохранено имя царя Адора, чего совершенно нет в других известных нам сказках. Развитие сюжета в обоих случаях одинаково: рождение Симеонов, сиротство, встреча с царем, совет с боярами чему учить братьев, ответы Симеонов наконец, искусство Симеонов, эпизоды с кошкой в тридесятом царстве и похищение царевны — совершенно тожде-

ственны. Последний эпизод перекликается со сказками типа „Верный слуга" (Ан. 516). У Коргуева „Верный слуга Иван" № 27. Интересно сравнить также со сказками „Шкип" № 3 и „Не-мал человек" № 44.

Существенное отличие текста Коргуева от всех известных нам русских вариантов это введение эпизода с выполнением свадебных поручений царевны (Ан. 531). Эпизод этот разработан довольно подробно: ни в одной русской варианте, и даже в сказке, напечатанной в сборнике „Лекарство от задумчивости" этот мотив не встречается.

В коргуевском творчестве этот мотив появляется не один раз. Ср. „Иван Меньшой Разумом Большой" № 16 и „Гриша Кошевар" (Приложения, II).

Характерно, что Коргуев, не отступая от традиции, излагает фабулу, но своеобрбзно обрабатывает сказку, реалистически претворяет ее в сознании помора. Напр., когда, похитив царевну, один из Симеонов скрывает корабль под водой, другой встает на столб и следит за погоней. „У них все инструменты с собой были" — добавляет сказочник, т. е. подзорная труба и морские измерители.

Интересно также, что по сравнению с другими вариантами Коргуев смягчает характеристику героя, вносит некий моральный элемент. У него Симеон не вор, а ловкий, умный, „мудрый", как говорит сказочник, человек. Поэтому естественно, что в конце сказки он награждается.

29. ТРИ СЫНА

Ан. 513 В и 513 А; Bolte-Polivka III 165 (для типа 513 В); II 71; III 134, 224 (для типа 513 А). Дополнительно: Карнаухова № 163. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936 г., I, стр. 617—618.

Наша сказка близко напоминает сказку Афанасьева, № 83. Различий в сюжете почти не встречается, за исключением одного очень характерного для Коргуева момента. У Афанасьева мать собирает дурню в дорогу хлеб и воду, а встретившийся ему по дороге старик чудесно превращает их в молоко и булку. У Коргуева этот эпизод теряет свой чудесный характер, старик не превращает воду в молоко, а просто подменивает торбу Ивана торбой его братьев. Таким образом чудесный момент заменен вполне реально объяснимым. Вся же сказка по сравнению со сказкой Афанасьева, отличается некоторой композиционной неслаженностью. Так например, введенные в сказку персонажи Объедало и Опивало в развитии действия никакого участия не принимают и Иван дурак исполняет все задачи царя при помощи остальных четырех стариков. Очевидно, сказочник недостаточно хорошо помнил сказку. Этим и объясняется некоторая неслаженность в сюжете.

СЛОВАРНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

А́нкер, анкеро́к — боченок, мера жидкости, около трех ведер.
Акчио́н — аукцион.
Ба́к — правая сторона, правый борт судна.
Ба̀йна — баня.
Ба́йну дать, — побить, задать трепку.
Ба́йник — живущий в бане домовой.
Безу́мный — непутевый, нерассудительный.
Бесче́нок — за бесценок.
Бладени́ — младенцы.
Бога́чество — богатство.
Богосу́жоной — жених.
Большéнськой — огромный, большущий.
Бо́язко — боязно, страшно.
Бра́ные скатерти — узорчатые, вышитые.
Бра́телко — ласкательное от слова брат.
Бу́ена — молодецкая удалая.
Бу́рщик — бурильщик, рабочий, работающий буром.
В го́ловы — в изголовье, под голову.
В горя́чке — сгоряча, в возбуждении.
В губа́х крови нет — так перепугался, что губы побелели.
Вдо́вка — вдова в значении бобылка.
Вдоль воды́ — в направлении прилива и отлива.
Вдо́сталь — 1) вовсе, окончательно; 2) достаточно, довольно.
Веко́м — когда-нибудь, на своем веку.
Ве́но — 1) откуп, выкуп — платился помещику или общине; 2) приданое, что дают невесте в дар к венцу.
Ве́сить, — вешать.
Ве́сть — известие, молва, слух.
Вечеря́ться стало — вечереть.
Вещи́нка — вещица.
В за́дних — последним, в последнюю очередь.
Ви́рать — ворочать с треском, возиться, бросать без толку.

Ви́ця — 1) прут; 2) привязь из перевитого прута.
Ви́чка — см. Виця.
Вича́жник — кустарник.
Влада́ть — владеть, управлять.
Влепи́л (топор) — вонзил.
Вместя́х — вместе.
Вни́ч — навзничь.
Води́ться — нянчиться.
Вожжа́ться без дела — бездельничать, терять время.
Возня́ — поединок. [Бросились с ним в возню] — стали биться.
Вокура́т — в смысле: в это самое время.
Воро́чать — разрушать, силу показывать.
Воспи́таница — воспитательница.
Во́точка — водочка.
Во-сня́х — во сне.
Восьми́нная гирька — гиря в $1/8$ фунта.
В поры́ — 1) не стар, 2) здоров.
Всёгда́шную пору — постоянно.
В середи́ восток — прямо на восток.
Вски́нуться — броситься.
Встать к сте́ьке — причалить к берегу.
Вы́едем — съедемся на поединок.
Вы́здынуть — поднять, вытащить.
Вы́нудило — (капитанов) — не могли больше удержаться.
Выстава́ть, вы́стать — 1) подниматься, всходить, влезать; 2) Выстанеш в своем слове́ — сдержишь свое слово.
Вы́ть — доля пищи, порция, съедаемая за один раз.
Вытяга́ть — вытягивать, вытаскивать.
Вы́хитрить — перехитрить.
Вы́ход — сверхестественная сила, магическая способность.
Выходцы — возвратившиеся.
Вя́снуть — висеть.
Га́га — птица, водящаяся на прибрежных скалах островов и лудах Белого моря и Северного Ледовитого океана. Славится ценным пухом.
Голи́к — веник с обитыми листьями; голые прутья, связанные в пук.
Горя́чий — злой, взбешенный.
Гря́дка — две жерди около русской печи для сушки дров, лучинок.
Гуля́ть — вступать в любовную связь.
Даите́ — дадите.
Двоюро́дник [ца] — двоюродный брат, (сестра).
Двоя́ко — вдвойне.
Дек — 1) палуба; 2) пространство между двумя палубами.
Дельни́ци — вязаные шерстяные рукавицы, обшитые холстом.

Дёржа́ть [деньги] — расходовать, тратить.
Ди́цей — дичью.
Доброхо́т, Доброхо́тушко — ласкательное обращение к встречному человеку.
Догони́ть — догнать.
Доку́ль — до каких пор, долго ли.
Долага́ть — докладывать.
Доло́нь, долоши [множ.] — ладонь.
Достава́ют — добывают.
Дро́ля — милая, любимая, возлюбленная.
Дру́гожды — в другой раз.
Ду́нуть — ударить.
Дуплё — дупло.
Дубичо́к — прутик.
Е — его.
Еги́шня — яга.
Его́нна — его.
Ейцько — яичко.
Ей, ейно — её.
Ей — см. **Ейно.**
Есне́е — яснее.
Жара́тка, жара́ток — место в устье печи, куда загребают жар.
Жга́ть, жгёт — жечь, жжет.
Жеребьёвка — разборка жеребьев по рекрутству у казенных крестьян в царское время.
Жере́бяток — жеребенок.
Жи́ло — жилище.
Забакова́ть — запаковать, упаковать.
Заблуди́ться — заплутаться, сбиться с дороги.
Заверну́л [одну бухано́цьку] — съел.
Заводиться — находиться.
Завопе́ть — завопить, закричать.
Заворотить — завернуть, зайти.
Зага́чивать — загадывать.
Загону́ть — загадать.
Заеде́ньё — объеденье, очень лакомое блюдо.
Зажга́ть — зажечь.
Зажима́ть [корабль] — погружать в воду.
Заката́ться — начать вертеться, кататься.
Заколи́на — 1) круглый стожок сена, складываемый вокруг кола; 2) пространство между двумя жердями, заполненное сеном.
Залива́ть — врать.
Зало́жить — закрыть на засов, на замок.
Замоло́ть — начать говорить вздор.

Заноси́ться — обижаться.
Заплёска́ть [в долони] — всплеснуть, захлопать в ладоши.
Запи́нываться — запинаться.
Запоходи́ть — пойти.
Застава́ть — подниматься.
Заста́вить — поставить.
Затяну́ло долго — задержало очень.
Зафурча́ть — сильно зашуметь.
Захорони́ть — спрятать.
Заше́л в руль — стал к рулю, стал управлять.
Зба́вить — бросить в море, похоронить.
Згляну́ть — взглянуть.
Зголо́вье — изголовье.
Зното́вить — изготовить, приготовить, выполнить.
Здыма́ть [ся] — поднимать [ся].
Змахну́ть — открыть, поднять.
Зоро́д [зарод] — стог, скирд сена, хлеба.
Зыбка — люлька.
Изве́риться — нарушить обещание, оказаться неверным.
Издиви́ть — удивить.
Изъя́н — убыток, ущерб.
Има́ть — ловить, хватать, поймать.
И́нде — в другом месте.
Испыта́ть [гору] — обследовать, осмотреть.
Ись — есть.
Итти [шел] на корабле — плыть.
И́хной — их.
Йись — см. ись.
Ка — указательная частица.
Ка́жет — кажется.
Каза́к — батрак, работник.
Калидо́р — коридор.
Кали́ка — 1) калека; 2) странник, паломник.
Ка́рбас — уменьш. карбасо́к — гребное, парусное судно для речного, прибрежного и морского плавания.
Ката́ть [якоря] — поднимать якоря.
Кипе́цё — кипящее.
Кладёшь — прячешь.
Клюшка — посох.
Кок — повар на корабле.
Коли́ — если.
Ко́лнуться — чокнуться.
Колону́ть — стукнуть, ударить.
Колоти́ться — стучаться.

Ко́лько — сколько.
Кон — 1) ряд, порядок, очередь, раз; 2) в игре — ставка.
Кона́ться — 1) просить, кланяться, добиваться чего-нибудь; 2) метать жребий.
Копору́ля — ральник на крюку, лопатка, которою счищают землю с сошников.
Копру́льники — землекопы, грабари.
Корг — самый нос судна, наклонный стояк, к которому приделан водорез.
Ко́роб — пищаль [старинное огнестрельное оружие]. (?)
Косьё — кости.
Коше́ль — плетеный кузов, коробок из лык и бересты.
Красноцветной — разноцветный, яркий.
Кро́моцька — край, краешек.
Кропа́ть — зашивать, ставить заплатки.
Круглая [шкура] — целая, не разрезанная.
Кручи́нный — грустный, мрачный.
Кры́лья [подводные] — приспособление для погружения судна в воду.
Кря́ду — сразу, тотчас же, тут же.
Купну́ться — окунуться.
Ла́диться — собираться.
Ла́нно — ладно, хорошо.
Леси́на, лиси́на — дерево.
Леси́ньё — лес.
Ли — или.
Ли́сенка — лесенка, ступень.
Ли́чность — лицо.
Лог — ложбина.
Ложи́ть — класть.
Лопа́тник — землекоп.
Лу́чче — лучше.
Ля́шка — лужица.
Мане́жные (ягоды) — ягоды с чудодейственными лечебными свойствами.
Меньше́е — моложе.
Ме́шкать — медлить, задерживаться.
Ме́шкотной — медлительный.
Много вина несёт — долго не хмелеет, много может выпить.
Мо́зглый — мокрый, гнилой.
Моло́душка — молодая жена.
Мы́сель — желание, мечта.
На вечеру́ — вечером.
Навози́ть [крюком] — избить.
Наволне́ние — наводнение.

На́волок — низменный берег, полуостров.
На глаза схвати́ть — увидеть, заметить.
На го́ру — на сушу, на берег.
Нагото́во (женят) — сразу (окажусь женатым).
Нагото́во — в полной готовности.
Нагреба́ют [себе денег] — берут, хватают как можно больше.
Надлетать — летя приближаться.
На́дь, на́доть — надо.
На́званный — самозванный.
На́ зень — на землю.
Накача́ться — напиться пьяным.
Накриви́ть — запрокинуть.
Намуту́зить — наколотить, избить.
Напи́вки — напитки.
На пы́тки брать — выпытывать, расспрашивать.
Наси́лу — силой, насильно.
Насле́дство — потомство.
Настрету — навстречу.
Натру́ска — боязнь, страх.
Невдо́лгих — скоро, в скором времени.
Нев́ё с(т)ка — невестка.
Не в терпе́ньи — в нетерпеньи.
(Не) Заво́дится нисколько — не остается, подходят к концу.
Незамо́чь — занемочь, заболеть.
Незго́да — невзгода.
Немного ме́ста — недалеко.
Не перемени́л слова — не отверг предложения.
Не поиме́л зла — простил.
Не причи́нный — не причастный.
Не при че́м — бессильна, беспомощна.
Непросвети́мый — беспросветный.
Не сде́латься — не справиться, не одолеть.
Не стала нави́деть — возненавидела.
Не твоя слега́ — не по твоим силам.
Ни во што̀ — не пригодятся.
Ниотку́ль возьмись — откуда ни возьмись.
Ницѐ — ничего.
Ништо́ будет — ничего не будет.
Ново̀й — иной.
Обдури́ть — одурачить, обмануть.
Обега́ть — обходить.
Обжале́ть — пожалеть.
Обжи́ть, обжива́ть — 1) привыкать жить, свыкнуться с жизнью, 2) прожить некоторое время.

Обира́ть — убирать.
Обночева́ть — переночевать, заночевать.
Обраде́ть — обрадоваться.
Обра́нить — ранить.
Оброни́ть — уронить, потерять.
Обру́шусь (сама на себя) — наложу на себя руки.
Обря́д — наряд.
Обря́дной — нарядный, хорошо одетый.
Обрядиться — 1) нарядиться; 2) условиться, сговориться.
Обсказа́ть — рассказать.
Обсмея́ть — насмеяться.
Обсужда́ть — осуждать.
Обсужде́нье — суд.
Обузда́ть — взнуздать.
Овверну́ть — обернуть.
Ове́т, ове́тный — завет, заветный.
Овлада́ть — осилить, совладать.
О́головье — 1) изголовье, подушка, подстилка в головах; 2) недоуздок.
Оговóрка — уговор.
Одва́ — едва.
Оделя́ть — забывать одарить.
Однéжды — оди́ножды — однажды.
Оду́маться — подумать.
Омманить — обмануть.
Омме́н — обмен.
Онна́ко — однако.
Опа́мниваться — с трудом припомнить.
Опа́сная [тревога] — предупреждающая об опасности.
Опе́ть — опять.
Опохожа́ть — обходить, осматривать ловушки на зверя и птицу.
Опри́чь, опри́ш — кроме.
Ослободё́н [а] — освобожден[а].
Оста́тний [ая] — последний, остальной.
Остоя́ться — остановиться.
Отга́щивать — ответно угощать.
Отгону́ть — отгадать.
От-любя́ еицько — приворотное, чародейное яичко.
Откати́ть — отда́ть, выплатить.
Отку́ль — откуда.
Отля́тывать — улетать.
Отомсти́ть — в значении отблагодарить, отплатить добром.
Отро́дье — потомство.
Отстрани́лись — посторонились, отшатнулись.

Отстре́ливают — отражают противника стрельбой.
Отту̀ль — оттуда.
Отуци́л — отучил
Отхо́дит стол — кончается угощение.
Охо́ч — любитель, охотник.
Очели́ть — исцелить.
Очуме́ть — притти в себя, опомниться.
Па́дать — Пасть — наступить [пал штиль — наступило безветрие].
Па̀зуха — 1) пространство между телом и одежой выше пояса; 2) отверстия в потолке овина для выхода дыма.
Па́лище — место, где выжжен лес под пахоту.
Па́русить — 1) оснащать парусами; 2) быстро плыть под парусами].
Пасти́ — беречь, сохранять.
Патре́т — красавица; красота.
Паха́ть — мести, подметать.
Пер — пир.
Переме́жка — перерыв, пауза.
Переме́нна — изменившаяся.
Переме́нной [с лица] — неузнаваемо переменившийся.
Переполо́хаться — перепугаться, натерпеться страху.
Перща́тки — перчатки.
Пла́вина — плавающее на воде дерево.
Пло́точка — стальное огниво.
Побрата́ниться — побрататься, назваться братьями.
Побы́ть — побудь.
Повали́ться — лечь.
Пове́рить — проверить.
Пове́стка — объявление, извещение.
По́ветерь, повете́рка — попутный ветер.
Пого́да — буря, ненастье.
Подба́йники — живущие в бане домовые (по старым народным суевериям).
Подбега́ло — помощник на побегушках.
Поддя́рживается — держится, бодрится.
Подоро́жники, подоро́жнички — хлебы, пироги в дорогу.
Поджима́ет [коня] — подгоняет.
Подо́шва [корабля] — днище, основание.
Поды́нуть — поднять.
Поесни́ться — объясниться.
По́жня — 1) луг, покос; 2) нива, засеянная пашня.
Позакра́й — на окраине.
Позо́риться — 1) терпеть неприятность, мучиться; 2) срамиться, позориться.
Покругле́е [ответил] — отпустил крепкое словцо.

Полага́ть — класть.
Полвы́ти — см. Выть.
Поле́совать — ходить по лесу, охотиться.
По́лица — полка.
Полови́цина — доска в полу.
Поло́жил [ей] — надел на нее [ремень].
По́лой — открытый, отворенный.
Поло́н — плен.
По́любя — полюбовно.
Пона́сердке — по злобе, из мести.
По оговорке — по уговору, по условию.
Попада́ть — итти, ехать, пробираться.
Поперёк воды — перпендикулярно направлению прилива и отлив
Поперецить (поперечить) — противоречить.
По пе́рьвости — в первый раз.
Попроти́виться — побороться,
Попытно — попутно, кстати.
Поро́г — подводный камень, водопад с подводного камня.
Поро́зной — порожний.
Поро́ть (рыбу) — потрошить.
Постряпу́ха — кухарка.
Посе́л — посланец, посланный.
Посу́дина — рыбацкое судно.
Поте́чь — помчаться.
Потюре́мщики — сидящие вместе в тюрьме.
Похожа́ть — обходить, осматривать ловушки, сети.
Почелова́ться — поцеловаться.
По уму́ — по себе, по своим силам.
Пра́вдед — прадед.
Предста́вить — привести, доставить.
Прерывы — овраги.
Пересле́дуют — идут по пятам, сейчас будут здесь.
Придёт (тебе роща) — встретится тебе роща.
Прижга́ть — сжечь.
Призды́нуть — приподнять.
Признать (болезнь) — определить.
Приля́тывать — прилетать.
Примени́сь — примерь.
Принима́ть — решать, решаться.
Припра́ва — запасы.
Присло́н — склон горы.
Присло́ниться — наклониться, спрятаться.
Причи́нный — причастный, виновный.
Провожу́ — отвезу, доставлю (у Коргуева).

Проворо́ту нет — пройти нельзя.
Прожи́точной — зажиточный, богатый.
Произведу́ на большое дело — выведу в большие люди.
Прока́зник — нескромный в обращении с женщинами, обольститель.
Про́пасть — омут, яма.
Пропи́тывать — кормить под старость.
Протяга́ться — тянуться, продлиться.
Проходи́мецъ — прохожий
Пу́рнуть — нырнуть.
Разгра́бить — разгрести.
Ра́зи — разве.
Располо́хаться — растеряться, перепугаться.
Реши́ть (себя) — наложить на себя руки.
Роздёрнуть (гармошку) — заиграть.
Розобра́ть (гору) — разрушить, снести.
Ро́кон — верхняя одежда: кафтан, плащ от дождя.
Ро́п — морской канат.
Росколи́на — расщелина.
Роскры́л (огонь) — развел огонь, зажег костер.
Росполо́ха — переполох.
Ро́сстань — перекресток дорог.
Ро́ют — кидают.
Ря́да, мн. ч. Ря́ды — договор, соглашение.
Сбы́ток — сбыт.
Сви́нник — свинарник.
Своим мне́нием дошел — сам додумался.
Свора́цивай (дуб) — свали.
Сглону́ть — проглотить.
Сговори́ть (не давала) — выговорить, сказать.
Сгруба́ — грубо.
Сгуля́ть — погулять, попировать.
Сду́ть — загубить.
Сеця́с — сейчас.
Сёдни — сегодня.
Сёйгодный (год) — данный (год).
Сило́, си́лья, силки́, си́льё — петля удавкой для ловли птиц.
Скинуть (глаза) — открыть, поднять.
Ско́ко — сколько.
Скоку́шка — лягушка.
Скочи́ть — вскочить.
Слича́нье — свиданье, встреча.
Слома́ю — разобью.
Слу́жба — трудно выполнимая задача.
Смы́лась — быстро побежала, скрылась.

Снаря́дный — нарядный.
Соде́йствовать — магически осуществлять.
Созва́ть — позвать.
Сороко́вка — сорокаведерная бочка.
Спо́лниться — исполниться.
Спомени́ — вспомни.
Спомнить — вспомнить.
Спору́шить — употребить на свои нужды, уничтожить.
Спра́виться — собраться с силами, поправиться.
Спрока́зить — провиниться.
Спусти́ла — пустила, выпустила.
Среди́ться — собраться, нарядиться.
Срони́ть — уронить.
Ссечь — отрубить, срубить.
Ста́ть (со сна) — встать.
Сте́нка — место причала судов.
Стёг — один оборот иголки при шитье, стежок.
Стегнёт — сделает стежок при шитье.
Стре́ту — навстречу.
Стро́к — срок.
Стру́ны — проволка.
Сузёмок — глухой, непроходимый лес.
Сурово́й — резвый.
Су́тками (зготовили) — в течение суток.
Схвати́лсе — спохватился.
Схмели́ться — захмелеть, опьянеть.
Ся́сь — сесть.
Табаты́роцька — табакерочка.
Та́мотки — там.
Та́я — указ. местоимен. та.
Те — тебя (как те́ зовут?)
Тверёзой — трезвый.
Те́льний — упитанный, жирный.
То́ко — только.
Только пусть он с меня воли не сн[illegible]а́т — пусть понуется мне
То́рбочка — дорожный мешок, сума́.
Тра́пка — трап корабельный, ступенчатая сходня.
Трёска — трость.
Ума́нной — скучный, грустный.
Ты́е — те.
Тыща — (ты́шець, ты́шеч) — тысяча.
Тя — тебя.
Тя́га — дверная ручка-скоба.

Убеди́ться — поверить.
Убра́ть — спрятать.
Угруби́ть — нагрубить.
Уза́шной — ужасный.
Улету́чилсе — улетел, спасся.
Ульнёт — завязнет, защемится.
Унима́л — отговаривал, уговаривал.
Упива́ла — вбирала в себя.
Упла́канная — заплаканная.
Уро́слой — взрослый, на возрасте, большой,
Усло́вные бумаги — купчая.
Утириблёной — исщипанный.
Ухи́титься — спрятаться, избегнуть, укрыться куда-нибудь.
Ухорони́ться — спрятаться, укрыться.
Ущыта́ть — учесть.
Фарто́вый — ловкий, обходительный, щегольской.
Фи́рма — вывеска.
Халу́па — избенка.
Ходи ты по всему моему простра́нству — по всей моей области, владениям.
Хо́лка — мн. холки — ляжки.
Холости́т — не женится, продолжает жить холостяком.
Хорони́ться — прятаться.
Хоро́шесьво — великолепие, богатое убранство.
Хоти́шь — хочешь.
Хотци́ — ходоки.
Худя́ща — очень плохая.
Це́резь — через.
Це́рнеть — черная туча, мгла.
Цють — чуть.
Чебода́н — чемодан.
Че́нной — драгоценный, замечательный.
Шве́йка — шитье.
Шевелёной — кем-то потроган.
Шоркону́ть — зад[illegible] толкнуть.
Штурмова́ть — муштровать.
Шу́товой — шутевый, игрушечный.
[illegible]а — какая.
[illegible]только — сколько, так мало.
[illegible]о всё дело успоко́илось — уладилось, пришло к благополучному концу.
Этта — здесь.
Эты — эти.
Ю — ее.

РЕПЕРТУАР М. М. КОРГУЕВА, ВОШЕДШИЙ В КНИГУ.

(По указателю сказочных сюжетов Н. П. Андреева).

1.	Про Чапая	—
2.	Андрей Стрелец	465 A
3.	Шкип	*515 I
4.	Крестьянский сын и жар птица	502
5.	Как царского сына унес комнатный аэроплан	575
6.	Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля	222 *B + 313 BC
7.	Елена Прекрасная	402 (+ 400 A + 30
8.	Кащей Бессмертный	552 (+ 400 A + 55
9.	Север	567 (+ 735 + 327
10.	Три брата	551
11.	Иван Соснович	301 B
12.	Зорька молодец	301 B
13.	Сукин сын	300 *B (+ 303 + 51
14.	Иван Медведевич	650 A + 315 A (+ 30 + 301 A + 302)
15.	Сон вещий	725 (+ 518 + 507 A+
16.	Иван Меньшой Разумом Большой	531 (+ 327 B)
17.	Три лебедя	566
18.	Чортов завод	315 A (+ 313 A + * + 554 + 300 A)
19.	Остров золота	—
20.	Лани	735 + 567 (+ 303 + + 554 + 401)
21.	Учитель и ученик	325
22.	Матюша Пепельной Налитуровый Колпак	519
23.	Как купеческий сын прожил отцовский капитал	361
24.	Кузнец	400 A + 400 *B (+
25.	Иван Несчастный	400 *B (+ 410 I +
26.	Собака и кошка	560
27.	Верный слуга Иван	516
28.	Семь Симеонов	653
29.	Три сына	513 B + 513 A

ОГЛАВЛЕНИЕ

[1] Первая колонка цифр обозначает страницу сказки, вторая — описание сюжетов, третья — примечание.

